

**ПУТИ РАЗВИТИЯ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ**
ロシアの極東における東洋学の行方

Сборник статей и библиография
論文集・文献目録

Владивосток
Издательство Дальневосточного университета
2014

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
П90

Составитель и ответственный редактор *А. С. Дыбовский*
А. ディボフスキー編

Нижняя фотография на 4-й странице обложки заимствована на сайте:
<http://www.primorye24.ru/news/prensa/31678-kompleks-mer-po-bezopasnosti-pozvolit-otkryt-kampus-dvfu-dlya-vseh-zhelayuschih.html>

П90 **Пути развития востоковедения на Дальнем Востоке России** = ロシアの極東における東洋学の行方 : сборник статей и библиография / [сост. и отв. ред. А. С. Дыбовский]. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. – 348 с.
ISBN 978-5-906739-18-6

Сборник посвящен вопросам истории развития востоковедения на Дальнем Востоке России, а также в Харбине. Книга составлена из работ российских и японских исследователей, длительное время занимающихся изучением жизни и творчества российских востоковедов, и предназначена для лиц, интересующихся историей российского востоковедения и востоковедного образования.

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)

ISBN 978-5-906739-18-6

© Дыбовский А. С., составление, 2014
© Оформление. Издательство
Дальневосточного университета, 2014

Содержание

Предисловие.....	6
<i>Кожневников В. В.</i> Японоведение во Владивостоке: современное состояние и перспективы развития.....	8
<i>Моргун З. Ф.</i> Восстановление преподавания японского языка в Дальневосточном государственном университете (1962–1994).....	19
<i>Хаматова А. А.</i> Преподаватели и выпускники-китаеведы университета в 20–30-е годы прошлого века.....	47
<i>Икута Митико</i> <i>Перевод с японского Д. Виноградовой</i> Приват-доцент факультета востоковедения Дальневосточного университета Олег Плетнер: неизвестные страницы российского японоведения.....	67
<i>Хисамутдинов А. А.</i> Эмигрантское востоковедение: материалы к изучению.....	93
<i>Дыбовский А. С., Моргун З. Ф.</i> Профессор Е. Г. Спальвин и журнал «Восточная студия».....	107
<i>Приложение</i> Десять отдельных выпусков журнала «Восточная студия» №№ 1-22.....	126
<i>Фудзимото Вакио</i> <i>Перевод с японского М. Щепетунинной</i> Е. Г. Спальвин – секретарь советского посольства в Токио.....	128
<i>Еланцева О. П.</i> Дмитрий Матвеевич Позднеев – директор Восточного института.....	146
<i>Йокота-Мураками Такаюки</i> Б. Пилсудский и его вклад в российское японоведение: о женском вопросе.....	161

<i>Дыбовский А. С.</i>	
О трудах и направлениях научно-исследовательской деятельности Николая Петровича Мацокина (1886–1937).....	170
<i>Приложение</i>	
Список основных работ Н. П. Мацокина (составлен Татьяной Валерьевной Поликарповой).....	189
<i>Куланов А. Е.</i>	
Василий Крылов: спасти и уничтожить.....	194
<i>Дыбовский А. С.</i>	
К. А. Харнский как публицист и политический обозреватель.....	211
<i>Дыбовский А. С.</i>	
Публицистика К. А. Харнского и газетная дискуссия о новом быте.....	229
<i>Приложение</i>	
Список работ К. А. Харнского, опубликованных до конца 1925 г.	242
<i>Дыбовский А. С.</i>	
Карикатуры А. А. Лейферта в газете «Токио-Асахи» (1931).....	250
<i>Уэда Кодзи</i>	
<i>Перевод с японского М. Щепетунинной</i>	
«Собраніе образцовъ современнаго корейскаго официальнаго стиля» под редакцией Г. В. Подставина: библиография и цели сборника.....	260
<i>Дыбовский А. С.</i>	
О содержании учебника японского языка П. А. Гущо и Г. С. Горбштейна, а также о картине мира в нем.....	274
<i>Дыбовский А. С.</i>	
Образ Японии и японцев в приморской краевой газете «Красное знамя» в 1922–1939 гг.	286
<i>Громаковская (Харнская) Е. Р.</i>	
Дополнения к биографии Константина Андреевича Харнского (к биографии, написанной в 1960 году мной). Черновик. 15.III.1984 года.....	297

<i>Приложение</i>	
Дополнительные материалы из записей Е. Р. Громаковской (Харнской).....	315
Список работ К. А. Харнского.....	324
<i>Составители: Магалиф С. В., Поликарпова Т. В.</i>	
Список работ Н. П. Мацокина.....	337
<i>Составитель Поликарпова Т. В.</i>	
Информация об авторах статей, составителях библиографических указателей и переводчиках.....	345

Предисловие

Дальний Восток – уникальный регион мира, где встречаются и активно взаимодействуют мощные мировые культуры и цивилизации. Современной России для успешного развития сотрудничества с азиатскими странами и их народами необходимо востоковедение, призванное готовить специалистов, способных успешно работать с представителями этносов, говорящих на весьма далеких от индо-европейских языках, имеющих иную ментальность и культурные ценности, действующих в соответствии с далекими от привычных нам культурными стереотипами.

В эпоху глобализации, которую переживает человечество, мир стремительно изменяется: все более проницаемыми становятся государственные границы, растет число транснациональных акторов, возрастает интенсивность межкультурных контактов и культурного обмена. Актуальность развития на Дальнем Востоке практического востоковедения, способного объяснить логику поведения «культурного другого», с которым все чаще приходится иметь дело все большему числу российских граждан, еще более возрастает.

И самое интересное, что школа практического востоковедения, способная решать вышеуказанные практические задачи для продвижения российского предпринимательства в Азии, существовала во Владивостоке уже более 100 лет назад.

На рубеже XIX–XX вв. небольшой группой востоковедов, принадлежавших к петербургской школе востоковедения, при поддержке имперской бюрократии во Владивостоке был создан Восточный институт, который вскоре стал важнейшим в России центром преподавания живых восточных языков и изучения сопредельных с Россией стран Дальнего Востока. Вместе с Россией Восточный институт прошел сквозь годы революции, гражданской войны и иностранной интервенции; в 1920 г. он был преобразован в Государственный Дальневосточный университет (позднее – ДВГУ), просуществовавший до 1939 г. В 1962 г. с большими трудностями преподавание восточных языков во Владивостоке было восстановлено. Усилиями многих людей в 1970 г. в ДВГУ был возрожден восточный факультет, а в 1994 г. – Восточный институт.

Неоднократно предпринимавшиеся попытки реформирования высшего образования на Дальнем Востоке России оказывали на востоковедение крайне негативное влияние, поскольку влекли за собой потери преподавательских кадров, подготовка каждого из которых требует значительных средств, продолжительного времени и наличия востоковедной школы.

Представляемый вниманию читателей сборник статей посвящен истории дальневосточного востоковедения России и СССР, которая наполнена поистине драматическими событиями. Сборник составлен из работ российских и японских исследователей. Многие из публикуемых статей были прочитаны в виде докладов на научных конференциях, проводившихся в Японии (Осака) и в России (Владивосток) в 2012–2014 гг. Статьи были подготовлены к публикации на русском и японском языках. Последние представлены в сборнике в переводе на русский язык. Материалы сборника расположены в соответствии с их содержанием – от более общих вопросов к более специальным, а также в соответствии с исторической последовательностью описываемых событий.

Сборник начинается статьей В. В. Кожевникова о проблемах японоведения во Владивостоке в начале XXI века. Уникальные материалы по истории преподавания японского языка в ДВГУ представлены в статье З. Ф. Моргун. Статья А. А. Хаматовой посвящена преподавателям и лучшим выпускникам восточного факультета ГДУ 1920–1930-х гг.; в статье М. Икута речь идет о судьбе Олега Плетнера на фоне истории российского японоведения. А. А. Хисамутдинов представляет востоковедение российского дальневосточного зарубежья, в первую очередь харбинского, фокусируя свое внимание на характеристике источниковедческой базы исследований, а также на вкладе российских востоковедов в создание высших учебных заведений в Харбине.

В других работах рассматриваются более частные вопросы истории дальневосточного востоковедения России и СССР: анализируется деятельность второго директора Восточного института Д. М. Позднева (О. П. Еланцева) и вклад в развитие востоковедения польским исследователем и революционером Б. Пилсудским (Т. Йокота-Мураками), обстоятельства издания на восточном факультете ГДУ журнала «Восточная студия» (А. С. Дыбовский, З. Ф. Моргун) и деятельности в советском консульстве в Токио проф. ГДУ Е. Г. Спальвина (В. Фудзимото). Большое место в книге уделяется описанию подробностей жизни и творчества известных российских востоковедов – К. А. Харнского, Н. П. Мацокина, В. Н. Крылова, А. А. Лейферга (А. Е. Куланов, А. С. Дыбовский).

В статье японского корееведа К. Уэда дается детальное библиографическое описание учебника по корейскому языку профессора Восточного института Г. В. Подставина; в следующей статье анализируются обстоятельства выхода в свет учебника японского языка П. А. Гушо и Г. С. Горбштейна, а также общественная дискуссия, которую он вызвал. Сборник завершается публикацией воспоминаний о К. А. Харнском его жены Е. Р. Громаковской (Харнской), которые хранятся в архиве Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

В сборник включены два библиографических указателя трудов известных дальневосточных востоковедов – К. А. Харнского и Н. П. Мацокина; в статье М. Икута представлены также списки публикаций известных российских японистов – Олега и Ореста Плетнеров. Упомянутые библиографические указатели трудов К. А. Харнского и Н. П. Мацокина составлены главным библиографом Научной библиотеки Дальневосточного федерального университета Т. В. Поликарповой. Они представляют собой уточненные и дополненные списки трудов указанных авторов, опубликованные нами в 2009 г. в книге «Пути развития японоведения на Дальнем Востоке России» (Осака, 2009. С. 143–148; 182–191). Вышеназванные перечни научных трудов были существенно дополнены за счет привлечения новых архивных материалов, в том числе рукописи Софьи Васильевны Магалиф, осуществившей поиск публикаций К. А. Харнского по материалам библиотеки им. Ленина в Москве в 1960-е гг. Рукопись хранится в архиве Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

Выражаю благодарность всем, кто способствовал выходу в свет этой книги.

*20 июля 2014 г. Осака. Япония.
А. С. Дыбовский*

Японоведение во Владивостоке: современное состояние и перспективы развития

В. В. Кожевников

В статье рассматривается развитие японоведения во Владивостоке с 60-х гг. по настоящее время. Представлены две составляющие японоведения: университетское и академическое японоведение. Анализируются проблемы, с которыми оно сталкивается в последние годы.

Ключевые слова: преподавание, японский язык, филология, экономика, история, международные отношения, японоведение.

Japanese Studies in Vladivostok: Modern Situation and Prospects

V. V. Kozhevnikov

This paper describes the development of Japanese studies in Vladivostok from the 1960s up to the present time. Japanese studies in Vladivostok are mainly concentrated in two centers of oriental studies – in universities, especially in the Far Eastern Federal University (Far Eastern State University until April 2010), and in the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East (Russian Academy of Sciences, Far Eastern Branch). The author of this paper analyzes present situation of Japanese studies in Vladivostok, as well as problems and prospects of Far Eastern Japanology of Russia.

Keywords: teaching the Japanese language, Japanese philology, economics, history, international relations, Japanese studies

Японоведение во Владивостоке имеет достаточно долгую историю, которая берет начало с 1899 г. Фактически, Владивосток исторически является третьим в России традиционным центром японоведения после Москвы и Санкт-Петербурга. В 1938–1939 гг. По ряду известных причин японоведение во Владивостоке прекратило свое существование и было восстановлено только в 1962 г.

В 1962 г. на филологическом факультете ДВГУ была создана кафедра восточных языков, реорганизованная в 1970 г. в восточный факультет, в рамках которого и была образована кафедра японской филологии. Необходимость в востоковедческих кадрах – японистах, китаистах, а позже и корейстах – была вызвана международной обстановкой, необходимостью укреплять положение СССР на Дальнем Востоке, в том числе и военно-политическим противостоянием СССР с КНР, Японией, США. Эта необходимость и привела к решению правительства СССР о восстановлении востоковедения во Владивостоке в начале 60-х гг. Позже, 20 июня 1978 г., было принято постановление секретариата ЦК КПСС «О некоторых мерах по дальнейшему развитию китаеведения и востоковедения

на Дальнем Востоке», которое привело к укреплению востоковедного центра во Владивостоке, так как в соответствии с этим постановлением были приняты меры по закреплению востоковедческих кадров, развитию научных исследований и улучшению материальной базы восточного факультета ДВГУ¹. С 80-х гг. XX в. восточный факультет ДВГУ вновь завоевал признание как важный и единственный научно-учебный центр по подготовке востоковедов, в том числе и японистов, на Дальнем Востоке СССР.

В этот период была сформирована база дальневосточной школы востоковедения, которая уже в начале 80-х гг. XX в. стала приносить первые результаты в языковой и страноведческой подготовке японистов, китаистов и корейстов. В области японоведения необходимо упомянуть востоковедов-филологов Н. К. Терентьева (первого заведующего кафедрой японоведения), Ю. П. Гавриловского, Г. С. Ермолаева, Чан Су Бу, В. Ф. Такеда, Т. И. Бреславец², О. М. Высочина, С. Н. Ильина, А. А. Шнырко³, А. Ф. Прасола⁴, А. С. Дыбовского⁵, Ж. В. Кучерук, Л. В. Пряхиной⁶, З. Ф. Моргун и других, востоковедов-историков С. С. Паскова⁷, В. М. Серова, А. И. Гладченкова, Е. В. Верисоцкую⁸. Здесь же необходимо указать, что значительную роль в создании и развитии дальневосточной школы японоведения сыграли и представители академической науки в лице сотрудников Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН Б. М. Афонина⁹, В. В. Кожевникова¹⁰, читавших курсы лекций на восточном факультете. Выпускники восточного факультета были востребованы в партийных, государственных и научных структурах СССР.

¹ Хаматова А. А. Восточный институт ДВГУ – центр востоковедного образования на Дальнем Востоке России // Известия Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. 1999. № 5. С. 38.

² Литература модернизма в Японии (2007); Горный приют. Творчество Фудзивара Сюдзэй (2010) и др.

³ Этюды по грамматике японского языка. Вопросы грамматической семантики (2008); Вопросы грамматической семантики японского языка. Синтаксис отрицания (2007) и др.

⁴ Становление образования в Японии. (VIII–XIX вв.) (2001); Япония. Лики времени (2008); От Эдо до Токио и обратно. Культура, быт и нравы Японии эпохи Токугава (2012) и др.

⁵ Разговорный японский язык (1984); Первый профессиональный японовед России (2007, сост., отв. ред.); Пути развития востоковедения на Дальнем Востоке России (Осака, 2009, сост.) и др.

⁶ Грамматика японского языка для студентов 1 курса: прил. к учебнику / Л. В. Пряхина, З. Ф. Моргун (1998); Очерки практической грамматики японского языка: учеб. пособие / Л. В. Пряхина, А. А. Колесникова (2007) и др.

⁷ Современная японская буржуазная историография: проблемы политики Японии в Китае в конце XIX–первой четверти XX в. (1982); Япония в раннее средневековье. VII–XII века (1987) и др.

⁸ Идеология японского экспансионизма в Азии в конце XIX–начале XX вв.: Ч. 1 (1990); Идеология японского экспансионизма в Азии в конце XIX–начале XX вв.: Ч. 2 (1990); Вестернизация, национальная идея и реалии японской политики в эпоху Мэйдзи (2005) и др.

⁹ Россия – Япония: Итоги, которых могло бы и не быть (к 50-летию Совместной советско-японской декларации) (2006); Политическая система и государственный строй Японии: программа лекционного курса (1998).

¹⁰ Откуда пришли японцы? (2001); Очерки истории Японии VII–XI вв. (2000); Российско-японские отношения на современном этапе: Проблемы и поиски решений / под ред. В. Л. Ларина (1997); Средневековая Япония в лицах (2007) и др.

В 1994 г., после открытия Владивостока для иностранцев, Восточный факультет был преобразован в Восточный институт ДВГУ, в рамках которого был сформирован факультет японоведения, наряду с факультетами китаеведения и корееведения (Корейский колледж).

Традиционно японоведение во Владивостоке представлено двумя составляющими – университетская японистика и академическая японистика, представителем которой является Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Традиционным центром университетской японистики был факультет японоведения Восточного института ДВГУ.

В рамках этого факультета изучение Японии шло по нескольким направлениям. Это, прежде всего, подготовка кадров (общее число студентов, обучавшихся на факультете в конце первого десятилетия XXI в., составляло в среднем 220 – 250 чел.) и научная работа, которую вели 30 преподавателей, в том числе 2 доктора наук, 9 кандидатов наук. Подготовка специалистов велась по специальности «Востоковедение и африканистика» с тремя специализациями: филология, экономика, страноведение. При этом следует оговорить, что изучение японского языка как профессионального лингвистического направления существовала во Владивостоке только в ДВГУ.

Исследования в области японского языка и литературы Японии осуществлялись на кафедре японской филологии – самой большой кафедре по числу преподавателей (16 человек, из них – 3 кандидата наук, остальные преподаватели – опытные практики). С этой кафедры началось современное японоведение в ДВГУ, она является базовой в изучении японского языка, и студенты остальных кафедр проходили именно через нее. Здесь во второй половине первого десятилетия XXI в. обучалось в среднем около 80 студентов. На кафедре активную научную работу вели японисты-лингвисты (к.ф.н., профессор А. А. Шнырко, к.ф.н., доцент Л. В. Пряхина, С. Н. Ильин, занимавшиеся исследованиями в области грамматики, лексикологии, а также литературоведы к.ф.н., профессор Т. И. Бреславец, к.ф.н., доцент В. В. Курлапов и другие. В рамках изучения литературы Японии исследования велись по трем направлениям: теория японского традиционного стиха, проблемы современной японской литературы (XIX–XX вв.), сравнительно-типологическое изучение литератур Японии и стран Запада.

На кафедре имеется аспирантура по литературе и лингвистике (японский язык). В конце 90-х гг. XX в. было защищено две диссертации по литературе Японии «Эволюция творчества Ёсано Акико в контексте развития японской романтической поэзии» (А. М. Сулейменова¹¹) и «Запад и Восток в литературе японского неоромантизма» (К. Г. Санина¹²).

К сожалению, на Дальнем Востоке отсутствуют Специализированные советы по защите литературоведческих и лингвистических диссертаций, что создает

¹¹ Свидание звезд: Поэзия и жизнь Ёсано Акико (2003); Модернизация японской поэзии традиционных форм (2008).

¹² На перепутье двух миров. Кросскультурные связи в литературе японского неоромантизма (2006).

определенные трудности для подготовки кадров. Литературоведы смогли частично решить эту проблему, но лингвистам еще предстоит это.

Практическая сторона обучения японскому языку была поставлена неплохо. Об этом говорят результаты конкурсов японского языка как региональных, так и всесоюзных, а после распада СССР – СНГ, в которых регулярно принимали участие студенты-японисты Восточного Института ДВГУ. Они постоянно занимали и призовые места на этих конкурсах.

Самым популярным направлением на факультете японоведения традиционно являлась специализация «Экономика Японии» по кафедре «Экономики и финансов стран АТР». Здесь работало 8 преподавателей, из которых половина – выпускники факультета японоведения. В их состав входили 4 профессора, 1 доцент, 3 ассистента; традиционно число студентов в начале двухтысячных годов превышало сто человек. В аспирантуре на кафедре постоянно обучалось более 10 аспирантов, треть из которых – выпускники факультета японоведения. Основные направления исследований преподавателей и аспирантов этой кафедры представляли такие проблемы, как инновационное предпринимательство в среде малого бизнеса Японии¹³, природно-ресурсный фактор российско-японских экономических отношений: региональный аспект, модели внешней торговли и экономического роста Японии. Преподаватели кафедры активно публиковали результаты своих исследований.

История и культура Японии изучалась на кафедре страноведения (в среднем около семидесяти студентов, 6 преподавателей, в т.ч. 1 д.и.н., 5 кандидатов наук). При кафедре имеется аспирантура, где обучалось в среднем до 7 аспирантов, во второй половине десятых годов XXI в. было защищено 3 кандидатские диссертации.

Основные направления научной деятельности преподавателей – это исследования проблем вестернизации и модернизации Японии после реставрации Мэйдзи, история пребывания японцев во Владивостоке, история региональных российско-японских отношений на Дальнем Востоке, проблемы древней и средневековой истории Японии, история японского костюма и ряд других проблем.

Преподавателями кафедры регулярно публиковались монографии и учебные пособия по различным проблемам истории и культуры Японии.

Факультет японоведения поддерживал активные связи со многими японскими университетами: Сока дайгаку, Канадзава дайгаку, Тояма дайгаку, Осака дайгаку, Осакиским университетом экономики и права, Токай дайгаку, ВАСЭДА, Ниигатским университетом культуры и информации и другими. У факультета были установлены хорошие связи с Японским Фондом, который постоянно помогает с закупкой научной и учебной литературы в Японии, финансирует закупки оборудования; в учебном процессе участвовал преподаватель-носитель японского языка, командированный Фондом. Кроме того, Фонд финансирует научные исследования по Японии, благодаря чему преподаватели факультета ежегодно осуществляли командировки в российские научные центры (в Москве, Санкт-Петербурге, Сибири), а также в японские университеты для научной работы и сбора материала. Фонд

¹³ Система социального обеспечения Японии: учеб. пособие (2001); Предпринимательство в сфере малого бизнеса Японии (2006) и др.

также поддерживает издания научной и учебной литературы, благодаря чему был опубликован целый ряд монографий и учебных пособий, подготовленных преподавателями факультета.

Самым значимым видом сотрудничества с Японским Фондом является программа совместных исследований «Комплексное изучение развития гуманитарных и экономических связей в регионе бассейна Японского моря и роли языка и культуры». Эта программа, начатая в 1996 г., предусматривала ежегодно 2 научные командировки по России и 2 краткосрочные научные командировки в Японию, издание учебной и научной литературы. За выполнение этой программы Восточный институт ДВГУ в 2003 г. был удостоен премии японского правительства. Это первый в истории российско-японского научного обмена случай, когда премию получил российский университет.

Восточный институт ДВГУ, продолжая традиции дореволюционного Восточного института, с 1994 г. возобновил издание журнала «Известия Восточного института ДВГУ», в котором публиковались статьи преподавателей и аспирантов-японистов. Кроме того, при финансовой поддержке Японского Фонда ежегодно издавался специальный выпуск журнала, посвященный исключительно проблемам истории, культуры и экономики Японии. Вышло четыре номера специального выпуска по Японии.

Кафедра японоведения была и остается базой для проведения квалификационного экзамена по японскому языку, в котором принимают участие не только жители Владивостока, но и представители вузов и школ других городов Дальнего Востока и Восточной Сибири.

Продолжал и продолжает действовать благотворительный Фонд, учрежденный г-ном Муто Коити. Это первый в истории отношений двух стран случай, когда частное лицо, не занимающее никаких административных постов в административной иерархии Японии, не преследующее никаких коммерческих целей, инициировало создание благотворительного Фонда для материального стимулирования, пусть даже и в скромных размерах, лиц, избравших изучение японского языка и Японии своей профессией.

В 2012 г. зав. кафедрой японоведения проф. А. А. Шнырко и доц. З. Ф. Моргун были награждены Почетной грамотой Министра иностранных дел Японии. В пресс-релизе Генерального Консульства Японии в г. Владивостоке отмечалось, что таким образом «были высоко оценены усилия профессоров японского языка, проводящих исследования о Японии, г-на Шнырко и г-жи Моргун, в деле углубления взаимопонимания между Японией и Россией, и было принято решение об их награждении».

Необходимо упомянуть также о японологии на историческом факультете ДВГУ. Это направление возглавлял д.и.н. В. В. Совастеев. Под его руководством защищено несколько кандидатских диссертаций по истории и культуре Японии. Сам В. В. Совастеев регулярно публиковал работы по проблемам истории Японии¹⁴.

¹⁴ История Японии. Герои и антигерои (2002); Политическая культура Японии во второй половине XIX–XX в. (2004); Очерки истории Японии. От Токугава Иэясу до Хасимото Рютаро (2008) и др.

Университетская японология во Владивостоке не ограничивалась Восточным институтом ДВГУ. Японский язык, культура Японии с 1996 г. изучалась и в Восточном институте Дальневосточного государственного технического университета (ДВГТУ). В среднем здесь обучалось около 120 студентов, изучающих японский язык. Особенностью этого ВУЗа является подготовка технических специалистов-переводчиков (по рыбной промышленности, лесной промышленности, электронике и другим отраслям).

Здесь существовало две специализации: лингвистика и межкультурные коммуникации, а также перевод и переводоведение. Это позволяло избежать параллелизма в подготовке кадров-японистов.

Восточный институт ДВГТУ ежегодно издавал два сборника научных статей: «Актуальные проблемы языков: история, культура и образование стран АТР», где в основном публиковались работы молодых преподавателей, аспирантов и студентов, с 2000 г. здесь издавался научный журнал «Гуманитарные науки в контексте международного сотрудничества». Институт также регулярно проводил международные конференции, часть из которых проходила при содействии Японского Фонда. Там же был издан целый ряд сборников материалов, посвященных русско-японской войне.

Восточный институт ДВГТУ активно сотрудничал с японскими университетами, такими как Кокусинкан дайгаку (Токио) и Осака гайкоку дайгаку (Осака), ныне вошедший в состав Осака дайгаку.

С 1991 г. в Морском государственном университете также осуществлялось преподавание японского языка. В феврале 2002 г. на базе университета был создан Институт Восточной Азии, в рамках которого сформирован факультет восточных языков, на котором существовала кафедра японской филологии. Здесь работало 8 преподавателей, включая одного носителя японского языка, и обучалось более 90 студентов. Основная специализация – «Переводчик японского языка в сфере профессиональной коммуникации» (включая такие направления, как психология, экономика предприятия, информационные технологии и др). Институт также вел научную работу, ежегодно проводил научную конференцию «Дальний Восток России и интеграционные процессы в АТР», материалы которой публиковались.

Еще одним центром изучения японского языка и культуры Японии являлся Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (ВГУЭС), в котором с 1996 г. была открыта подготовка по специальности «Регионоведение», в рамках которой студентами изучалось по два восточных языка. Основное направление научной деятельности этого ВУЗа формулировалось так: «Культура Восточной Азии: прошлое и настоящее».

Таким образом, перспективы развития университетского японоведения во Владивостоке выглядели вполне оптимистично. В силу непрекращающегося интереса к Японии среди молодежи Дальнего Востока России будущее практической японологии (преподавание японского языка) не вызывало особого беспокойства. Наличие конкуренции среди ВУЗов давало возможность повышать качество преподавания. Но реформа университетского образования, которую планировало Министерство образования и науки РФ, вселяло определенные опасения у профессо-

ональных японистов. В первую очередь это касалось перехода на бакалавриат, то есть 4-летнее обучение, что могло привести к снижению качества освоения японского языка в связи с отменой специальности «Востоковедение» и уменьшением часов, выделенных на изучение японского языка. Дальнейшее развитие ситуации подтвердило худшие опасения специалистов. В результате перехода на бакалавриат аудиторная нагрузка при изучении японского языка значительно сократилась, почти на 500 часов, что чрезвычайно много при изучении языка. Положение с японоведением усугубилось и административным реформированием системы высшего образования во Владивостоке.

В 2011 г. путем объединения ДВГУ, ДВГТУ, ТГЭУ и УГПИ был создан Дальневосточный федеральный университет. В его структуре не нашлось места для Восточного института, с которого началось высшее образование на Дальнем Востоке России. Восточные Институты ДВГУ и ДВГТУ были ликвидированы. Фактически был ликвидирован «бренд» «Восточный Институт», получивший за время своего существования заслуженную известность как в нашей стране, так и за рубежом. Востоковедение не было включено в перечень приоритетных специальностей в ДВФУ. Единственное упоминание о нем присутствует в пятом приоритетном направлении «Взаимодействие России со странами АТР», где речь идет об экономическом, технологическом и культурном взаимодействии России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. В рамках этого направления наряду с развитием основных научных направлений и образовательных программ в ДВФУ планируется развитие программ подготовки высококвалифицированных экономистов, менеджеров, юристов, педагогов и формирование центра компетенций по обучению русскому языку, восточным языкам и межкультурным коммуникациям¹⁵. И то это упоминание сводится к восточным языкам, что не является востоковедением в полном смысле этого слова! А ведь для того, чтобы развивать взаимодействие с АТР, необходимо глубоко изучать соседей, что возможно только в рамках классического востоковедения, что хорошо понимали и в царской России, и в СССР.

Взамен Восточного института в составе Школы региональных и международных исследований ДВФУ была сформирована кафедра японоведения, созданная путем объединения кафедр японской филологии, экономики и финансов стран АТР и страноведения, к которым позже присоединили кафедру Восточного института ДВГТУ, из которой была взята специальность «Перевод и переводоведение», чтобы смогли доучиться набранные студенты. Таким же образом были сформированы кафедры китаеведения и корееведения. Фактически была ликвидирована комплексная система подготовки востоковедческих кадров в виде отдельной образовательно-научной структуры – Восточного института.

В настоящее время на кафедре японоведения насчитывается 28 преподавателей, из которых в 2013–2014 гг. в учебном процессе принимали участие 21 человек, и обучается около 160 студентов.

¹⁵ О Программе развития Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Дальневосточный федеральный университет» на 2010–2019 годы: Распоряжение Правительства РФ от 17.12.2010 № 2300-р. URL: <http://www.bestpravo.ru/rossijskoje/rx-dokumenty/i0b.htm> (дата обращения 5.02.2014 г).

Нынешние правила ДВФУ не позволяют усилить индивидуальность преподавания японского языка, так как это не позволяют установленные нормы преподавателей на количество студентов. Происходит объединение учебных групп, что весьма вредно для изучения японского языка. Окончательный перевод восточников на четырехлетнее образование ликвидировал специалитет, а, следовательно, и возможность студентам получать специальность «Переводчик японского языка», то есть два дополнительных диплома, что раньше привлекало абитуриентов в Восточный институт ДВГУ.

Одновременно стало происходить и снижение активности других центров изучения Японии. Это касается и ВГУЭС, и МГУ. В обоих ВУЗах произошли структурные изменения, в результате которых фактически были ликвидированы ранее существовавшие востоковедные центры, хотя набранные студенты и заканчивают обучение. Вместо этого в гораздо меньших объемах продолжается преподавание китайского (в большей степени во ВГУЭС) и японского языков скорее факультативно.

Академическая японистика во Владивостоке представлена Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. В 1972 г. здесь был создан сектор Японии, перед которым была поставлена задача изучать историю и культуру северной части Японии – острова Хоккайдо. Это объяснялось тем, что общепонскими проблемами занимались головные академические учреждения, такие как Институт востоковедения, Институт Дальнего Востока. В силу этого японисты Института истории занимались исследованием новой и новейшей истории Хоккайдо, японской историографией истории российского Дальнего Востока, историей российско-японских отношений на Дальнем Востоке и другими региональными вопросами.

В рамках этой программы сектор подготовил целый ряд публикаций в виде научных статей, сборников статей, сотрудники сектора повышали квалификацию, защищая кандидатские диссертации. Поставленная задача была решена в форме депонирования рукописи коллективного труда по истории острова Хоккайдо в ИНИОН. Следующей коллективной темой сектора Японии, начиная с 80-х годов, стала «Японская историография отношений России с сопредельными странами» и «Японская историография русско-японских и советско-японских отношений», которая была реализована в издании двух сборников научных статей, в которых в научный оборот был введен новый исторический материал. Вторая половина 80-х годов была посвящена подготовке научно-справочного издания «Хоккайдо. История и современность». В результате получилось оригинальное, практически не имеющее аналогов в российском японоведении, издание¹⁶.

Девяностые годы XX в. были трудными как для российской науки вообще, так и для японоведения в частности. Именно в этот период сектор Японии оказался в кризисе из-за ухода большей части его сотрудников. Почти не было притока молодых кадров, что связано с низкими зарплатами в системе Академии наук.

¹⁶ Хоккайдо. История и современность: справочник. Владивосток: ДВО РАН, 1992. 206 с.

Тем не менее, деятельность его продолжалась. Правда, японоведческие исследования в Институте истории ограничивались исследованием российско-японских отношений в рамках созданной в 1992 г. лаборатории международных отношений. Были подготовлены и опубликованы две монографии по истории российско-японских отношений, в том числе и по современным (В. В. Кожевников), целый ряд статей, делались доклады на международных конференциях, сотрудники приглашались для чтения лекций в японские университеты. Практически все сотрудники преподавали в университетах Владивостока, готовили учебные пособия. Большой заслугой Центра является подготовка и проведение традиционного российско-японского симпозиума ученых ДВО РАН и ученых района Кансай (Япония), который продолжается по сегодняшний день: в 2013 г. прошел уже 29-й симпозиум.

Потребность общества в более целеустремленном изучении истории и культуры Японии заставила восстановить в 1997 г. в рамках Института истории Центр японоведения. Перед ним была поставлена задача изучать японскую составляющую в комплексе культур материка и Японии с древнейших времен до наших дней, истории российско-японских отношений, проблем миграции из Японии и в Японию, вопросов политической ситуации в Японии. За несколько лет существования центра было подготовлено несколько крупных учебных пособий: «Очерки древней истории Японии», «Очерки истории Японии. VII–XI вв.», «Очерки истории Японии. XII–XVI вв.», а также более 30 научных статей по истории, культуре, внешней политике Японии. В этот период сотрудники Центра вели активную работу по подготовке японоведческих кадров в Восточном институте ДВГУ и ВГУЭС.

Начало нового тысячелетия ознаменовалось в Центре японоведения изданием двух работ, аналогов которым не было в отечественном японоведении. В начале 2002 г. вышла из печати монография В. В. Кожевникова «Откуда пришли японцы», в которой был представлен анализ различных концепций происхождения японской нации. Это было первое комплексное исследование подобного рода в России.

В 2003 г. сотрудниками Центра д.и.н. В. В. Совастеевым и к.и.н. В. В. Кожевниковым совместно с сотрудниками кафедры истории и общественных наук ПИППКРО было опубликовано учебное пособие для старших классов средней школы «История и культура Японии в документах и иллюстрациях»¹⁷. Пособие внедрялось в учебный процесс в школах Приморского края, оно распространяется Советом Европы в качестве образца подобных работ в других странах, поскольку пособие по культуре Японии для средней школы было выполнено впервые в мире.

В начале 2009 г. в Институте произошли структурные изменения, вызванные необходимостью более глубоко сосредоточиться на исследовании международной ситуации в АТР в связи с подготовкой к конференции АТЭС, намеченной во Владивостоке в 2012 г. В рамках организованного Отдела международных отношений и проблем безопасности был создан Центр внешней политики и международных отношений Японии. Перед ним были поставлены задачи исследования

проблем анализа внутренней политической ситуации в Японии и ее внешней политики, состояния и перспектив российско-японских отношений, роли Японии в системе региональной безопасности, а также участия в подготовке коллективной монографии, посвященной роли Тихоокеанской России в международных отношениях в АТР.

Сотрудники Центра также вели индивидуальные темы исследования, которые представляют отдельные аспекты коллективного исследования. Основные результаты индивидуальных исследований представлены в статьях, а также в сборнике статей, изданном к проведению саммита АТЭС во Владивостоке: «Тихоокеанская Россия в системе международных отношений и обеспечения безопасности в Восточной Азии: опыт последних лет и грядущие перспективы»¹⁸.

Кроме традиционного российско-японского симпозиума ученых ДВО РАН и ученых района Кансай (Япония), с 2010 г. Центр стал принимать участие в подготовке и проведении российско-японского научно-практического форума «Тихоокеанский вектор мирового развития» («Владивостокский форум»). Форум проводится совместно с Советом по проблемам национальной безопасности (АМПОКЭН) и Исследовательским институтом «Евразия-21» (Япония) поочередно во Владивостоке и Токио. В 2013 г. прошла четвертая сессия Форума в Токио.

В 2013 г. в Институте принято решение активизировать исследования в рамках классического японоведения, не оставляя без внимания и проблемы внешней политики Японии. В феврале 2013 г. Центр внешней политики и международных отношений Японии снова был реформирован в Центр японоведения. Идея этой реформы сводилась к тому, что деятельность Центра вполне может внести свою лепту в дело оздоровления, а в будущем и развития дальневосточного японоведения. Такие возможности вполне реальны в силу того, что сейчас для исследователей в России стали доступны электронные архивы Японии. Появилась возможность работать с первоисточниками, что раньше было очень затруднительно. Это касается документов и материалов Национального архива, Дипломатического архива Министерства иностранных дел и архива Научно-исследовательского института обороны Министерства национальной обороны Японии, электронные копии которых хранятся на сайте Японского центра документов по истории Азии. На первом этапе предполагается сосредоточиться на изучении русско-японских и советско-японских отношений в 1861–1945 гг.

При этом предполагается концентрация внимания на сложных проблемах российско-японских отношений с упором на актуальность исторического опыта в современных условиях и использования результатов исследований в практической плоскости. В планах работы Центра присутствует и такая задача, как ввод в научный оборот забытых и неизвестных научной общественности материалов российских и японских архивов и работ известных японистов прошлого. В качестве примера можно привести лекции по истории Японии Н. В. Кюнера, которые он читал в 1920 г. в Восточном Институте. Они никогда не включались в список

¹⁸ Тихоокеанская Россия в системе международных отношений и обеспечения безопасности в Восточной Азии: опыт последних лет и грядущие перспективы. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2012. 324 с.

¹⁷ История и культура Японии в документах и иллюстрациях. Владивосток: ПИППКРО, 2003. 88 с.

научных трудов Н. В. Кюнера и долгое время оставались вне поля зрения отечественных исследователей. В планах работы Центра стоят и другие «забытые» работы российских японоведов прошлого. Эти направления работы возглавил к.и.н. А. В. Полутов¹⁹.

Особо следует выделить направление исследований, связанных с изучением истории Рюкю. В Институте работают ведущие отечественные специалисты в этой области – к.и.н. Ж. М. Баженова²⁰ и к.и.н. Е. В. Пустовойт²¹, за которыми в программе Центра закреплена тема «Этнокультурные, исторические и антропологические особенности островов Рюкю». Специалистов по Рюкю в отечественном японоведении всегда было крайне мало, и сегодня институтские японоведы занимают одну из ведущих позиций по этой малоизученной проблематике.

Планы Центра японоведения были обширны, но будущее не только академического японоведения на российском Дальнем Востоке, но и вообще российской науки неожиданно оказалось под вопросом. Проведенная «блицкригом» в 2013 г. «реформа» Российской академии наук поставила ученых России в сложную ситуацию. Возможности развития фундаментальной российской науки вообще и японоведения в частности стали неопределенными. И сейчас дальневосточное японоведение снова оказалось перед неизвестностью, перед ним стоит больше вопросов, чем перспектив. Но рано или поздно российское государство снова поймет важность и необходимость восстановления востоковедения и, в частности, японоведения. Это – государственная задача, если государство надеется закрепиться на Дальнем Востоке. Эта надежда дает возможность всем японоведам продолжать работу, невзирая на временные трудности.

Список литературы

1. О Программе развития Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Дальневосточный федеральный университет» на 2010–2019 годы [Электронный ресурс] : Распоряжение Правительства РФ от 17.12.2010 № 2300-р. – Режим доступа: <http://www.bestpravo.ru/rossijskoje/rx-dokumenty/i0b.htm>.
2. История и культура Японии в документах и иллюстрациях. – Владивосток : ПИППКРО, 2003. – 88 с.
3. Тихоокеанская Россия в системе международных отношений и обеспечения безопасности в Восточной Азии : опыт последних лет и грядущие перспективы. – Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2012. – 324 с.
4. Хаматова, А. А. Восточный институт ДВГУ – центр востоковедного образования на дальнем Востоке России // Известия Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. – 1999. – № 5. – С. 35–50.
5. Хоккайдо. История и современность : справочник. – Владивосток : ДВО РАН, 1992. – 206 с.

¹⁹ Десантная операция японской армии и флота в феврале 1904 г. в Инчхоне (2009) и др.

²⁰ Этническая история рюкюсцев (2009).

²¹ История королевства Рюкю (с древнейших времен и до его ликвидации) (2008); Русские корабли на Рюкю в 1854 г. (2013).

Восстановление преподавания японского языка в Дальневосточном государственном университете (1962–1994)

З. Ф. Моргун

В статье рассмотрен процесс становления преподавания японского языка в ДВГУ с 1962 г. до 1994 г., т.е. до образования Восточного института. Приведены биографические сведения о первых преподавателях, показан путь совершенствования учебного процесса, рассказано о студенческой жизни первых поколений студентов. В приложении – фото преподавателей, основателей школы японоведения в университете.

Ключевые слова: японский язык, Дальневосточный государственный университет, преподаватели, студенты.

Reviving the Japanese Language Teaching at the Far Eastern State University in 1962–1994

Z. F. Morgun

The aim of this article is to track the development of teaching Japanese at FESU in 1962–1994, that is, before the FESU Institute of Oriental Studies was established. The article details biographical data of the pioneering professors, the history of teaching process improvement, and life stories of the first generations of the students. Several photos of FESU Japanology founders are also provided.

Keywords: Japanese language, Far Eastern State University, pioneering professors, students

Сэнсэи самых честных правил
Свои нам отдали сердца...

Валерий Курлапов

Выражаю сердечную благодарность Виолетте Мокренок (Кожевниковой), Людмиле Кубасовой (Тищенко), Геннадии Есликову, Наталье Богданец (Кузьменко), поделившихся своими воспоминаниями о студенческой жизни.

Они были первыми

В 2012 г. восточники ДВФУ и выпускники ДВГУ отметили 50-летие восстановления преподавания восточных языков (японского и китайского) во Владивостоке. За эти годы подготовлены специалисты в области истории, экономики, лингвистики, литературоведения Японии, Китая, Кореи, Индии, Вьетнама, Индонезии. Число японоведов составило почти 1400 человек.

Восстановление изучения восточных соседей началось с образования в 1962 г. на филологическом факультете Дальневосточного госуниверситета кафедры восточных языков. Факультет размещался по адресу: ул. Октябрьская, 25. Это событие

было обусловлено политической обстановкой в дальневосточном регионе, сложившейся после окончания Второй мировой войны. Как отмечали авторы статьи «Школа востоковедов в ДВГУ (1962–1994 гг.)», еще в мае 1946 г. в краевой газете «Красное знамя» была опубликована статья А. В. Рудакова, бывшего преподавателя Восточного института, затем восточного факультета ГДУ, – «Восстановить Восточный институт». Маститый востоковед аргументировано, с точки зрения новой политической обстановки на Дальнем Востоке, доказывал необходимость этого шага²². Во многом в возрождении востоковедения в вузе заслуга бывшего в 60-е годы Первым секретарем Приморского крайкома КПСС В. Е. Чернышова. Его мудрость, политическая дальновидность и энергия, а также авторитет, которым он пользовался в руководстве Советского Союза, сыграли решающую роль в развитии университетского образования во Владивостоке. Педагогический институт в 1958 г. был преобразован в Дальневосточный государственный университет. С 1959 г. обсуждался вопрос об открытии в ДВГУ кафедры восточных языков (японского и китайского). В 1962 г. в газете «Красное знамя» появилось объявление о создании кафедры восточных языков и наборе студентов.

Выпускник ДВГУ 1932 г. китаист-практик Г. А. Ткачев возглавил кафедру. Поиск преподавателей занимался также проректор по учебной работе П. С. Щетинников, бывший работник крайкома партии. Приходилось начинать учебный процесс в труднейших условиях – все ранее созданное по востоковедению во Владивостоке было разгромлено в 1939 г., когда закрыли университет. Полное отсутствие кадров, преподавателей, учебных материалов, в том числе словарей, литературы по истории, культуре, экономике, справочной литературы. Но несмотря на столь сложные условия, учебный процесс начался по типовому плану, утвержденному в Институте восточных языков при МГУ (ныне Институт стран Азии и Африки при МГУ) по специальности 2005 «Восточные языки и литература» (специализации: японский и китайский языки)²³. Учебный план предусматривал шестилетнее обучение, что включало десятимесячную стажировку в стране изучаемого языка. Однако условий для таких стажировок в университете не было. И все-таки студенты набора 1962, 1963, 1964 гг. обучались в течение шести лет. В дальнейшем пришлось отказаться от этой системы и перейти на 5-летнюю программу.

На первый курс японского отделения поступило 15 человек.

Наши первые преподаватели

ЭЛЬЗА ФЕДОРОВНА ФЕДОСЕЕВА родилась 3 июля 1932 г. в г. Архангельске в семье бедного крестьянина. Во Владивосток она приехала по распределению в штаб флота на работу в качестве референта-переводчика, окончив в 1955 г. Ленинградский государственный университет им. Жданова, восточный факультет. В 1959 г. к Эльзе Федоровне во Владивосток переехали родители. Это означало, что она решила навсегда связать свою судьбу с Владивостоком.

²² Хаматова А. А., Ильин С. Н. Школа востоковедов в ДВГУ (1962–1994 гг.) // Известия Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. 1994. № 1. С. 86.

²³ Там же.

В ДВГУ трудовая деятельность началась на кафедре иностранных языков с почасовой оплатой с октября 1958 г., а с января следующего года Э. Ф. Федосеева была зачислена в штат на 0,5 ставки. С января 1961 г. заведовала аспирантурой на 0,5 ставки, одновременно она являлась секретарем вечернего отделения. С апреля того же года Эльза Федоровна перешла на должность ассистента кафедры иностранных языков. С открытием кафедры восточных языков приступила к обучению студентов японскому языку. Как выпускница ленинградской школы, воспитанная на классических текстах «кодзики» и «нихонги», Э. Ф. Федосеева давала глубокие знания грамматики. Ни о каких учебниках тогда не могло быть и речи. Все тексты студенты писали от руки. Эльза Федоровна распечатывала фотографическим способом тексты на старом письменном японском языке. Например, студенты второго курса (1965/1966 гг.) читали произведения Куникида Doppo «Песнь тележки», «Весенняя птица», студенты четвертого курса – Акутагава Рюноске «Вагонетка». Это были мутные фотографии, наклеенные на картон и сшитые в брошюры небольшого формата, скорезенные от клея. Лучшего способа множить учебные тексты просто не было. Кустарный способ (фотография) дорого обходился университету и не всегда был возможен. Навыки разговорного языка ограничивались фразами типа «*Корэ ва нан дэс ка*. *Сорэ ва кабэ дэс*». Эльза Федоровна была очень строга на занятиях, суровости добавляли ее очки с толстыми стеклами. Она с 1964 г. вела занятия в «девичьей» группе.

НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ТЕРЕНТЬЕВ пришел на кафедру восточных языков 1 октября 1964 г., когда ему было 42 года. За плечами была военная служба и солидный жизненный опыт. Он родился 6 июля 1922 г. в крестьянской семье в деревне Можары Чувашской АССР. В 1936 г. вступил в комсомол. После окончания десятилетки в 1940 г. был призван в Красную армию и зачислен красноармейцем 304 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии 1-й отдельной Краснознаменной армии. В декабре 1940 г. Н. К. Терентьев получил назначение в учебную роту. В связи с ускоренной подготовкой офицерских кадров в августе 1941 г. роту перевели в пехотное училище г. Владивостока. После прохождения ускоренными темпами программы обучения (4,5 месяца) Николаю Константиновичу присвоили звание младшего лейтенанта. Он сразу же получил направление на военно-инженерные курсы по специальности истребитель танков, дальнейшая служба проходила на границе в Хасанском районе. 9 августа 1945 г. началась война с Японией. 25 армия участвовала в штурме Дуннинского укрепленного района японцев. В прорыве этого укрепленного района принимала участие ПТР 231 сторожевого полка под командованием старшего лейтенанта Н. К. Терентьева. За боевые заслуги Николай Константинович отмечен правительственными наградами: орденом Красной звезды, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За победу над Японией», Благодарностью Верховного Главнокомандующего от 25 августа 1945 г. В октябре 1948 г. Николай Константинович Указом Верховного Народного Собрания КНДР награжден медалью «За освобождение Кореи». В 1985 г. награжден орденом «Отечественной войны II степени».

В 1950–1955 гг. обучался в Военном институте иностранных языков в Москве на факультете Главного Политуправления отделения японского и английского язы-

ков. Продолжил службу политработником в Закавказском военном округе. В июле 1958 г. Николай Константинович был уволен в запас, вернулся на родину, стал учителем английского языка в средней школе.

В 1964 г., получив приглашение на работу в ДВГУ, переехал с семьей во Владивосток и сразу же возглавил секцию японского языка. С его именем связана вся история восстановления японоведения на Дальнем Востоке. Николай Константинович много сил отдал организации кафедры японской филологии на посту ее заведующего. За 35 лет педагогической деятельности преподавал практический японский язык на всех курсах – от первого до пятого. В годы становления кафедры Николай Константинович читал курсы лекций по истории японской литературы и истории японского языка, подготовил ряд учебных пособий, в том числе лабораторные задания к вводно-фонетическому курсу японского языка, наглядные пособия и индивидуальные задания по письменности, учебное пособие «Приглашение в иероглифику» (в соавторстве с З. Ф. Моргун), оформил кабинет письменности. Можно сказать, что любимыми аспектами в обучении студентов были устно-разговорный язык и каллиграфия. Он читал теоретический курс «Современное употребление иероглифов и языковая политика в Японии». Николай Константинович осуществлял научно-методическое руководство курсовыми и дипломными работами студентов.

Свой талант педагога Николай Константинович отдавал не только кафедре и студентам, большую помощь он оказывал средним школам, в которых преподавался японский язык, восточным классам колледжа университета. Кроме того, Николай Константинович являлся куратором, мог наладить контакт с учебной группой, и, согласно духу времени, руководил работой студенческого лектория «Пропаганда преимуществ и достижений социализма в СССР и вопросы политической борьбы». Николай Константинович занимался и общественной работой – член партбюро факультета, председатель первичной организации общества «Знание», член товарищеского суда ДВГУ, член Совета ветеранов войны и труда университета.

Трудно сосчитать, сколько поколений японистов прошли профессиональную выучку у этого патриарха японоведения. С его именем связана вся история восстановления изучения японского языка во Владивостоке. За заслуги в педагогической деятельности Николаю Константиновичу было присвоено звание «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

ГЕНРИХ СЕРГЕЕВИЧ ЕРМОЛАЕВ был принят на работу почасовиком для преподавания японского языка в 1965 г. Родился в Ленинграде 8 марта 1932 г. Японскому языку обучался в Училище военных переводчиков восточных языков в г. Канске, отделение японского языка в 1951–1954 гг. Японским языком владел свободно. В 1954–1956 гг. командовал взводом в составе различных войсковых частей Советской Армии в городах Чите и Владивостоке. Вернулся в Ленинград, но не нашел работу, связанную с японским языком. Работал четыре года электриком завода Министерства радиотехнической промышленности, затем три года – младшим научным сотрудником в НИИ полимеризированных пластмасс с экспериментальным заводом. (Вероятно, находился на этих должностях, но выполнял технические переводы, так как заканчивал курсы переводчиков английского языка при Ленинградском ГОРОНО).

В 1963 г. из-за отсутствия жилплощади в Ленинграде переехал во Владивосток на работу в Дальневосточное морское пароходство. В 1963–1964 гг. работал на судах ДВМП, бывал в Японии. В июне 1965 г. откомандирован в г. Находку для работы в ВАО «Интурист» переводчиком японского языка, где работал до декабря 1965 г.

Генрих Сергеевич получил приглашение на преподавательскую работу в ДВГУ и в порядке особого исключения, как не имеющему высшего образования ему, китаисту-практику Б. С. Яршову и Ким Ен Уку было разрешено работать на кафедре восточных языков ДВГУ преподавателями. В июне 1968 г. Генрих Сергеевич получил диплом ДВГУ и должность старшего преподавателя. С 28 октября того же года его назначили заведующим кафедрой, которую он возглавлял до января 1974 г. Оставив руководящий пост, занялся работой над диссертацией, но скоропостижная смерть 22 февраля 1976 г. оборвала жизнь.

ЧАН СУ БУ родился 13 декабря 1933 г. в провинции Кен Сан Намдо в Корее в семье рабочего. В апреле 1940 г. поступил в начальную японскую школу «Най-то» в г. Саппоро (Япония). В 1941 г., когда умер отец в Саппоро, семья переехала на о. Сахалин (в то время Южный Сахалин являлся территорией Японии). В 1946 г. окончил японскую 6-летнюю школу (среднюю) в г. Корсакове. И поступил в гимназию, но в 1948 г., когда учился на втором курсе, школа закрылась. Чан Су Бу едва исполнилось 16 лет, когда в 1949 г. умерла мать в Южно-Сахалинске. В 1949–1962 гг. работал в Южно-Сахалинске сначала грузчиком, затем в Госбанке, кассиром-счетоводом, заведующим складом, кассиром магазина. Одновременно учился в вечерней школе рабочей молодежи, поступив в седьмой класс в 1956 г., окончил в 1960 г. В 1954 г. принял гражданство РСФСР.

Чан Су Бу в 1962 г. поступил в ДВГУ на отделение японского языка, став студентом первого набора. Учебу в университете (1962–1968 гг.) совмещал с работой переводчиком японского языка в ТИПРО – у него уже была семья. В период учебы в университете вел практические занятия по японскому языку на первом и третьем курсах в порядке общественной нагрузки. Как вспоминает его сокурсница Кубасова Люся, «...некоторые преподаватели приходили и уходили по разным причинам, а постоянным нашим учителями были сокурсники Чан Володя и Жю Женя. Когда бы не обратился к ним, они всегда готовы были помочь, никогда не отмахивались, а знания у них были прочные (им не хватало только дипломов), так как они приехали с Сахалина, где учились в японских школах и в семьях с родителями говорили по-японски, поскольку корейский язык был под запретом» (Ю. Сахалин был японской территорией (1905–1945 гг.), Корея – японской колонией, корейцам поменяли фамилии на японские и запретили пользоваться родным языком – З. М.)

После окончания университета Чана приняли на работу в ДВГУ 1 сентября 1968 г. на должность ассистента кафедры японской филологии, а с 1 ноября 1970 г. он стал старшим преподавателем. Блестяще владея японским языком, вел практику устной речи на 4 и 5 курсах. Прирожденные способности к преподаванию воплотились в методике организации занятий по разговорному языку. Чан Су Бу подготовил несколько учебных пособий: «Методические указания по ведению занятий на японском языке» (1983), «Современная деловая переписка», «Учебное

пособие по устной японской речи для студентов 4 курса» (1982), «Учебное пособие по японскому языку для старших курсов» (в соавторстве с Ж. В. Кучерук) (1983), «Учебное пособие по разговорному японскому языку» (в соавторстве с А. Ф. Прасолом) (1984), «Методические указания по ведению практических занятий на японском языке (в соавторстве с А. Ф. Прасолом) (1983), «Правила написания иероглифов (1984).

Чан Су Бу, учась в заочной аспирантуре (15.11.1971–15.11.1975) в Новосибирском отделении АН СССР в Объединенном институте истории, филологии и философии под руководством академика А. П. Окладникова разрабатывал тему: «Топонимика Японии», подготовил и защитил в 1978 г. кандидатскую диссертацию по «Позднему дзёмону». С 1978 г. был переведен на должность доцента. В 1982 г. опубликовал монографию «Древние культуры северной Японии» (в соавт.).

Чан-сэнсэй был очень скромным и вежливым человеком. Даже будучи председателем профкома факультета, стеснялся получать похвальные грамоты. Очень скучал по своей родине в Саппоро.

Уволен с 1 января 1991 г. по собственному желанию, уехал в Японию.

ЮРИЙ ПЕТРОВИЧ ГАВРИЛОВСКИЙ родился 14 июня 1934 г. в с. Ивановка Михайловского района Приморского края. В 1952 г. по окончании средней школы поступил в Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) на японское отделение, закончил в 1958 г. Направлен на работу в Камчатскую государственную инспекцию по охране рыбных запасов и регулированию рыболовства, где проработал 6 лет в должности заместителя начальника управления и занимался вопросами контроля за соблюдением советско-японской рыболовной конвенции. В ноябре 1964 г. перешел на работу во всесоюзную экспортно-импортную контору «Дальинторг», проработал всего 2 месяца и по предложению крайкома КПСС был рекомендован инспектором Комитета по культурным связям с зарубежными странами. В качестве представителя комитета в Находке работал до февраля 1968 г. вплоть до упразднения комитета.

В феврале 1968 г. Юрий Петрович был принят на работу на кафедру японской филологии и истории ДВГУ, где проработал до октября 1970 г. в должности старшего преподавателя. Далее, работая в аппарате крайкома КПСС, продолжал преподавать японский язык в качестве почасовика. В декабре 1973 г. Юрий Петрович вернулся в университет на ту же должность. 28 февраля 1974 г. его избирают на должность декана восточного факультета. Этой деятельностью он занимался до марта 1977 г. До марта 1993 г. работал в должности старшего преподавателя. С 1992 г. открылись возможности преподавать русский язык в Японии. Тогда несколько лучших преподавателей уехали в Японию, русский язык стал популярен в этой стране. Юрий Петрович с марта 1993 г. по март 1995 г. обучал японских студентов русскому языку в высшей школе «Кэхи» в г. Цуруга. В марте 1995 г. уволился в связи с выходом на пенсию.

Юрий Петрович подготовил ряд учебных пособий: «Программа теоретического курса «Грамматика японского языка. Морфология» (1983), «Лексико-иероглифический минимум по японскому языку для 1 курса» (1983), учебное пособие «Книга для чтения по японскому языку для 1 курса» (1984). Тема научного

исследования – «Словообразование предикативных прилагательных в японском языке». Юрий Петрович руководил курсовыми и дипломными работами студентов. Я в том числе выполнила под его научным руководством дипломное сочинение на тему «Страдательный залог в японском языке. Формы на –*рэру*, –*рарэру* на примере художественных произведений». От общения с ним остались только благодарственные воспоминания, я узнала много интересного о грамматике японского языка. Глубокое знание грамматики снискало ему авторитет среди преподавателей и студентов. Юрий Петрович мог дать консультацию по любому аспекту морфологии, никогда не отказывал в помощи, в то же время был принципиальным, можно сказать, «въедливым» специалистом, добивался от студентов понимания изучаемого предмета.

Юрия Петровича как хорошего переводчика не раз приглашали для работы с советскими делегациями специалистов при посещении Японии. Так, в 1960, 1961, 1962 гг., каждый раз сроком на 1 месяц, работал с делегациями от Министерства рыбного хозяйства, в 1967 г. – 1 месяц по линии Комитета по культурным связям с зарубежными странами, в 1968 г. – в составе делегации Находкинского горисполкома, в 1970 г. – 7 месяцев на «Экспо-70» в Японии.

ЛИ БЕН ДЮ родился 16 декабря 1932 г. в г. Хамхын в Корее в семье крестьянина-бедняка. Весной 1938 г. с родителями приехал в г. Углегорск на Южном Сахалине и поступил в японскую начальную школу (шестилетнюю). В 1944 г. окончил ее и продолжил учебу в Углегорской средней школе, но в 1947 г. в связи с расформированием японских школ на Южном Сахалине ушел с третьего класса. В сентябре 1947 г. организовывались корейские национальные школы для изучения корейского языка, проучился в этой школе два года. В 1950–1952 гг. работал дежурным машинистом на ТЭЦ Углегорского целлюлозно-бумажного комбината. В 1954 г. поступил в Южно-Сахалинский учительский институт на исторический факультет заочного отделения. Преподавательскую деятельность начал с сентября 1952 г. учителем начальных классов в корейской средней школе Южного Сахалина. В 1958–1961 гг. – учитель истории и корейского языка в корейской школе. В 1961–1965 гг. заочно обучался в Южно-Сахалинском педагогическом институте. В мае 1965 г. с семьей переехал во Владивосток и поступил на работу в ТИПРО переводчиком японского языка. В Дальрыбе с июня 1968 по январь 1969 г. – переводчик.

Работу в ДВГУ Ли Бен Дю начал как почасовик в 1965–1966 учебном году. В 1969 г. перешел в Отдел истории Дальневосточного филиала СО АН СССР на должность м.н.с. и вскоре приступил к исследованию темы «Южный Сахалин и Курильские острова в годы японской оккупации (1905–1945)». Ли Бен Дю продолжил работу младшим научным сотрудником после образования Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока АН СССР и проработал до ноября 1974 г.

В 1974 г. был принят на кафедру японской филологии ассистентом. 20 февраля 1976 г. ему была присуждена ученая степень кандидата исторических наук. Защита состоялась в Институте востоковедения в Москве. Ли Бен Дю был переведен на должность старшего преподавателя. К сожалению, преждевременная смерть

30 марта 1978 г. прервала жизнь в 46 лет. Я помню Ли Бен Дю как скромного, трудолюбивого, отзывчивого человека.

СТАНИСЛАВ СОЛОМОНОВИЧ ПАСКОВ родился 26 апреля 1945 г. в Ленинграде и в этом же году переехал с родителями во Владивосток. В 1963 г. поступил на японское отделение филологического факультета ДВГУ, в 1969 г. с отличием окончил и был принят ассистентом на кафедру японской филологии. В сентябре 1973 г. поступил в очную аспирантуру, продолжив исследование, начатое в дипломном сочинении – «Современная японская буржуазная историография политики Японии в Китае в конце XIX – первой четверти XX вв.», досрочно окончил. С 1 декабря 1975 г. Станислав Соломонович пришел на кафедру всеобщей истории на должность ассистента. Читал курс историографии всеобщей истории. Защитил кандидатскую диссертацию в 1977 г., 22 марта 1978 г. ему присвоена ученая степень кандидата исторических наук, в мае 1978 г. был переведен на должность доцента.

С. С. Пасков в июне 1979 г. вернулся на родной факультет доцентом кафедры истории и литературы стран Дальнего Востока, с мая 1983 г. – доцент кафедры страноведения. С августа 1985 г. сроком на два года перешел на должность старшего научного сотрудника для завершения докторской диссертации «Историческая наука Японии в первой четверти XX века (основные направления исследований национальной истории)».

Станислав Соломонович читал курсы лекций на историко-правовом и восточном факультетах: «История стран Азии и Африки в новое время», на восточном – «История Японии», «Историография Японии», «Основы методологии истории» – на историческом и восточном факультетах, а также курсы лекции «История японского феодального общества и историографии Японии (древняя и средневековая историография Японии)», «История исторической науки за рубежом». Помимо лекционных курсов, Станислав Соломонович вел спецсеминар «Основы камбуна», практические занятия по японскому разговорному языку и переводу на третьем и четвертом курсах. С. С. Пасков в совершенстве владел японским языком, прекрасно освоил диалекты, что бывает весьма редко. Мог дать консультацию по самым трудным аспектам японского языка. Свободно читал литературу на старом языке. Помню, он говорил, что реферировал книги по историографии Японии по 18 страниц в день.

Как раз, когда он ушел в докторантуру, часы стали переводить на зимнее и летнее время. Его часы всегда шли в одном времени. Когда он работал, ничто и никто не должно было его отвлекать, он полностью погружался в работу за письменным столом, который служил ему со школы. Но в субботу он устраивал отдых: покупал на рынке мясо и всякую снедь, готовил экзотические блюда, переводя рецепты из японских кулинарных книг, любил удивить чем-нибудь из старых поваренных книг. У него было несколько общих тетрадей с такими рецептами.

К величайшему сожалению, преждевременная кончина Станислава Соломоновича сделала невозможным завершить практически подготовленную докторскую диссертацию по проблемам философии и методологии истории Японии. Осталось две монографии – «Современная японская буржуазная историография (1982) и

«Япония в раннее Средневековье. VII–XII вв. Исторические очерки», трижды переизданная в центральных издательствах.

ВИКТОРА ГЕОРГИЕВИЧА ЩЕБЕНЬКОВА приняли на полставки (8 часов в неделю). Основная его работа была в Дальневосточном филиале СО АН СССР. Он проработал один учебный год. Прекрасно зная японский язык, он не владел методикой преподавания.

ЕВГЕНИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ЦВИРОВА тоже оформили почасовиком (работал в «Дальрыбе»). Это был высококлассный переводчик, получивший образование в Маньчжурии, впоследствии преподавал в ИСАА при МГУ. Но ввиду того, что часто бывал в командировках, страдало качество обучения студентов. Перейти на постоянную работу в ДВГУ из-за низкой оплаты труда не решился. К примеру, студенты 1-3 курсов приглашались на работу в различные организации с оплатой от 100 до 250 рублей в месяц, а преподаватель получал 105 рублей. С кафедры в начале 1964–1965 гг. уволился высококвалифицированный преподаватель разговорного языка *К. К. СОКОЛОВ*, причина та же – низкая зарплата и отсутствие перспективы получить квартиру.

Для преподавания разговорного языка в 1965 г. был принят на работу еще один штатный преподаватель – *ВИКТОР ФЕДОРОВИЧ ТАКЕДА-ГУЛЯЕВ*, одновременно учившийся по индивидуальному плану на японском отделении ДВГУ. Виктору было тогда 25 лет, он приехал в СССР на постоянное место жительства по настоянию матери, русской, а отец был японец. Виктор – очень красивый метис: высокий, стройный, черные блестящие волосы, приглаженные кремом. Уроки проходили очень оживленно, он много рассказывал о Японии, и наша девичья группа с замиранием сердца слушала, любясь его артистичностью. Ехал к тете по материнской линии в Барнаул, но наши студенты, проходившие практику на т/х «Байкал», сговорили на Владивосток. Виктор Федорович сочинял тексты диалогов на японском языке по разным аспектам, отрабатывал их на занятиях по разговорному языку, готовил экскурсионные материалы для работы студентов в ВАО «Интурист». Проработал в университете около 25 лет. Впоследствии уволился.

В 1966/1967 учебном году по специальному разрешению приняли *КИМ ЕН УКА*, прекрасного знатока иероглифики, единственного в то время преподавателя в СССР, владевшего скорописью. Недостаточно свободно говоря по-русски, он наглядно объяснял иероглифы. Например, слово «коммунизм» – «когда шоколад и колбаса в каждом доме», а иероглиф «летать» – показывал, размахивая руками, как птица. Студенты нередко не понимали, о чем говорил сэнсэй и какой иероглиф нужно было написать. Как вспоминает студентка 70-х годов Наталья Богданец (Кузьменко), «до сих пор неизвестно, что такое «едовая трава» и многие другие специфические слова-загадки. Мы, конечно, смеялись за глаза над сэнсэем, но очень его любили. Наверное, и он нас любил». Для каждого студента он собственноручно делал прописи иероглифов, очень тщательно потом проверял и исправлял каракули. Ким-сэнсэй очень сердился, если студент не мог усвоить порядок написания черт, или вообще писал их неправильно. Он топал ногами и сердито говорил: «Право писи, лево писи». Сэнсэй с непоколебимым энтузиазмом учил студентов выписывать иероглифы школьными перьевыми ручками. А также кисточками, ко-

торые привозили студенты почтенному преподавателю, бывая в Японии во время практики на судах ДВ пароходства. Ким Ен УК был человеком доброжелательным, всегда улыбался и даже, когда он сердился на нерадивое отношение к его любимому предмету – иероглифике и каллиграфии, он не выглядел сердитым.

ИОСИФ КОНСТАНТИНОВИЧ ШАПИРО родился 1 декабря 1926 г. в Тель-Авиве, Палестина. С детства до 17 лет жил в Японии (Йокогама). Окончил английский колледж, был одним из лучших учеников. В семье родители заставляли говорить по-русски, а за стенами колледжа и на улице общался на японском языке. После окончания колледжа уехал к бабушке в Харбин и прожил там около двух лет. В 1945 г., когда ему было 19 лет, был принят на работу в НКВД переводчиком японского языка в лагерь для японских военнопленных, в Приморье. Затем переехал на Урал, десять лет работал мастером на «Уралвагонзаводе». Его не принимали ни в один вуз, так как его диплом об окончании колледжа за границей не приравнивался к аттестату зрелости. Поехал в Москву в Министерство высшего образования и добился признания аттестата. Экстерном окончил Свердловский пединститут (английский язык) за один год и работал в филиале этого института в Нижнем Тагиле. Потом японцы пригласили его работать на Дальний Восток (Совгавань, Ванино), где они покупали лес. Когда в ДВГУ открылось отделение японского языка, друзья позвали его на работу во Владивосток. Иосифу Константиновичу была предоставлена квартира (к тому времени он был семейным человеком).

На преподавательской работе И. К. Шапиро находился с 1966 по 1971 гг. За один год экстерном закончил восточное отделение по специальности востоковед-филолог, переводчик японского языка. Шапиро-сэнсэй был образованным, знающим человеком. Работа для него была всем, он постоянно занимался переводами, совершенствуя свой английский и японский язык. Он говорил, что даже думает по-японски или по-английски. Учил студентов работать над переводами, всегда обращая внимание на то, что прежде, чем браться за какой-либо перевод, необходимо самому разобраться в предмете и ясно представлять, о чем идет речь. Очень любил Японско-английский иероглифический словарь под редакцией А. Нелсона.

Преподавал спецкурсы по переводу технических и научных текстов (химия, биология), вел занятия по разговорному языку. Иосиф Константинович как классный переводчик английского и японского языков часто приезжал в Находку для работы с иностранными специалистами в Восточном и Находкинском торговых портах, в Дальрыбе и других организациях. Студентам, проходившим в то время практику, предоставлялись хорошие возможности спросить у него совета и продемонстрировать собственные достижения в освоении языка.

Несмотря на свою интеллигентность, запросто участвовал в разгрузке угля (А. П. Кавко тоже) вместе со студентами в университетской котельной на Октябрьской, 25. Очень любил дружескую компанию, пел на вечерах восточников романсы. Еще в юности Иосиф Константинович самоучкой освоил аккордеон, ведь его родители были музыкантами. Отец – виолончелист и философ, очень образованный человек. Он с малолетства закрывал своих пятерых сыновей в комнате и заставлял учить русские стихи, поэтому все сыновья были грамотны в русском. А младший – профессор русского языка в Гарвардском университете.

В 1971 г. Иосиф Константинович перешел работать на кафедру иностранных языков при Дальневосточном научном центре на должность доцента. Преподавал английский для аспирантов и молодых научных сотрудников. Занимался переводами. Потом с женой переехал в Подмоскowie и работал переводчиком высшей категории в издательстве «Прогресс». Через 10 лет вернулся во Владивосток и занимался переводами ДВО АН РФ, а также для администрации края и города.

Непродолжительное время преподавал *АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ КОНСТАНТИНОВ*, уехавший в 1969 г. по приглашению работать диктором Хабаровского радио, вещавшего на Японию. Почасовиками работали *КИМ БЕН КЮ* и *МУН ЕН ГИР*, впоследствии перешедший в штат кафедры на преподавание японского языка и иероглифики, а потом стал специализироваться на преподавании только корейского языка.

На кафедре японской филологии и истории работал *АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ КАВКО*. Помню его как стройного, спортивного, всегда энергичного. Он подготовил и опубликовал два учебных пособия: «Японские реалии» (1973) и «Очерки по географии Японии» (1975). В первом пособии Андрей Петрович знакомил студентов и всех интересующихся Японией с природой и такими ее символами, как: Фудзияма, Никко, цую, ханами, цукими и др. В книге с любовью описана жизнь японцев, их жилище, пища, одежда национальное искусство, праздники, религии и другие стороны японской духовной и материальной культуры. Пособие многие годы пользовалось спросом у широкого круга читателей. Оба пособия были изданы тиражом в 5 тыс. экземпляров и стали библиографической редкостью.

АНАТОЛИЙ ПАВЛОВИЧ ЖИГАЛОВ родился 30 апреля 1925 г. в деревне Бочелягино Кировской области в семье крестьянина. После окончания школы был призван в Красную Армию и направлен на Дальний Восток. С июля 1944 по 1947 гг. учился в Школе военных переводчиков восточных языков на отделении японского языка. По окончании ШВПВЯ с ноября 1947 г. по декабрь 1949 г. служил в качестве инструктора по работе с военнопленными японцами, затем переводчиком газеты на японском языке «Нихон симбун». В 1950–1951 гг. обучался на курсах офицеров спецпропаганды, был назначен на должность политработника в войсках ПВО, корреспондент-организатор газеты «На страже Родины». На историческом факультете Хабаровского государственного педагогического института (вечернее отделение) обучался в 1954–1960 гг. и с этого времени (1960–1964) являлся внештатным преподавателем вечернего института марксизма-ленинизма на курсе истории и теории международного коммунистического и рабочего движения.

С мая 1964 г. – преподаватель, а затем старший преподаватель военной кафедры ДВГУ. В 1969 г. окончил университет по специальности востоковед-филолог, референт-переводчик. В 1974 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Реформизм и парламентаризм КПЯ на современном этапе» в Институте востоковедения АН СССР. Уволившись в запас в августе 1976 г., был принят на должность ассистента кафедры японской филологии в январе 1977 г., в октябре 1978 г. уволился по собственному желанию, работал учителем истории средней школы № 24 в течение 16 лет. С февраля 1995 по август 1997 г. на военно-морской кафедре ДВГУ на почасовой работе и по контракту вел занятия со студентами 4 курса по курсу лингвострановедения.

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ВОВК родился 7 июля 1927 г. в с. Бобровка Алтайского края. Отец часто переезжал по партийно-советской работе. В 1931 г. с семьей оказался на Дальнем Востоке в пос. Тетюхэ (Рудная пристань). Японский язык осваивал в Школе военных переводчиков восточных языков (японский) в г. Канске Красноярского края (1945–1948). Затем учился в Военном институте иностранных языков на английском отделении, но ушел с 3 курса. В 1948–1955 гг. находился на военной службе как переводчик в Южно-Сахалинске, на Чукотке (б. Провидения). После увольнения в запас работал в системе МВД оперативным переводчиком в лагере японских военнопленных в Хабаровске. В связи с ликвидацией лагеря был уволен, и в марте 1957 – сентябре 1958 гг. работал учителем в школе в Краснореченской средней школе пос. Горбуша Тетюхинского района. Далее, начиная с 1959 г., работал в «Интуристе» г. Находка, переводчик в ДВМП (Владивосток), Минвнешторг (Находка), в Управлении активного морского рыболовства (Находка), на судах Дальневосточного морского пароходства бывал в Японии.

С октября 1966 по июнь 1969 г. – почасовик, ассистент кафедры японской филологии. По отзывам бывших студентов, прекрасно владел японским языком.

ВАДИМ МИХАЙЛОВИЧ СЕРОВ внес большой вклад в развитие востоковедного образования в ДВГУ, был одним из основателей этого направления. Родился 14 августа 1935 г. в г. Саратове в интеллигентной семье директора школы и преподавателя русской и советской литературы. С детства будущий востоковед привык жить среди книг. В 1954 г., окончив школу с серебряной медалью, поступил в ЛГУ на восточный факультет на корейское отделение. После окончания университета и годичной стажировки в Пхеньяне Вадим Михайлович поступил в аспирантуру. Работал над темой, которой занимался еще в студенческие годы – «Крестьянские восстания в Корее в XII веке». Научным руководителем был профессор Д. И. Гольдберг, известный японовед.

Успешно защитив кандидатскую диссертацию, он вместе с женой Аэлитой Викторовной приехал во Владивосток, чтобы работать на кафедре всеобщей истории ДВГУ. Читал лекционные курсы по истории стран Азии и Африки на историческом факультете и весь цикл страноведческих дисциплин (история, география, экономика, государственный и политический строй изучаемой страны) для студентов японоведов. Немного позже перешел работать на восточный факультет. За годы педагогической деятельности на восточном факультете Вадимом Михайловичем было разработано более 20 теоретических курсов по страноведению Японии и Кореи, истории стран Азии и Африки (средние века), истории древнего мира, истории Индии (древние и средние века), истории древнего мира, истории мировых религий, истории мировой культуры, истории философии (для студентов отделения страноведения). Он руководил десятками дипломных работ студентов-востоковедов самой широкой тематики: от историографических и источниковедческих до исторических, экономических и политологических. Пожалуй, нет такого вопроса в области страноведения Дальнего Востока, по которому он не мог бы что-либо рассказать, объяснить или посоветовать. Большинство дипломных работ, которыми он руководил, защищали на «отлично».

Он учил молодежь читать, мыслить, анализировать и логично излагать свои взгляды, был всегда требовательным, иногда даже бескомпромиссным, и добивался хороших результатов. Среди его учеников были талантливый, блестящий ученый С. С. Пасков, доктор исторических наук В. В. Совастеев, директор Института истории ДВО РАН, доктор исторических наук В. Л. Ларин, доктор исторических наук Е. В. Верисоцкая и многие другие.

Все годы В. М. Серов занимался научной деятельностью, работал над источниками по истории Кореи, исследовал историю создания и развития Восточного института во Владивостоке, являлся ответственным редактором научных сборников по проблемам историографии и источниковедения стран Дальнего Востока. Долгие годы он возглавлял кафедру страноведения на восточном факультете. Вадим Михайлович был награжден Почетной грамотой Министерства общего и профессионального образования РФ, а также нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации». Скончался в августе 2004 г. в Санкт-Петербурге.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ БИНЕВСКИЙ много лет читал лекции по философии для студентов-востоковедов. Заслуженный работник высшей школы РФ А. А. Бинеvский на протяжении двадцати лет руководил кафедрой философии, возглавлял философское отделение, был деканом факультета философии, теологии и религиоведения ДВГУ. Он обладал огромной эрудицией и энциклопедичностью знаний, непревзойденным ораторским мастерством. Александр Александрович всегда пользовался не только огромным уважением как руководитель и ученый, но и любовью своих коллег и учеников.

АЭЛИТА ВИКТОРОВНА СЕРОВА по образованию индолог. Пройдя высшую школу в Ленинградском университете, в 60-е годы читала курс лекций для студентов-востоковедов по курсу «Введение в общее языкознание».

На кафедре восточных языков не было специалистов по истории японской и китайской культуры. Недостаток штатных преподавателей для чтения лекционных курсов восполнялся привлечением ученых Дальневосточного филиала Сибирского отделения АН СССР – доктора исторических наук А. И. Крушанова, кандидата исторических наук Ю. А. Сема, кандидата филологических наук Н. В. Кочешкова.

Помощь в подготовке японоведов оказывали специалисты из Москвы и Ленинграда. Они читали теоретические курсы для студентов и преподавателей. К примеру, Н. А. Сыромятников, выпускник востфака ДВГУ 30-х гг. из АН, в 1966 г. прочитал курс лекций по теоретической грамматике японского языка. Дважды читал лекции С. В. Неверов, автор словарей и учебников японского языка, работ по общественно-языковой практике Японии.

От кафедры до факультета

Кадры

Первый выпуск состоялся в 1968 г. Десять японистов получили дипломы востоковедов-филологов, референтов-переводчиков. Л. В. Ермолаева, Н. С. Соколова, В. В. Скальник, В. Гринюк, Чан Су Бу были оставлены для работы в ДВГУ, что позволило создать кафедру японской филологии и истории, которую возгла-

вил Г. С. Ермолаев. На кафедре работали Ю. П. Гавриловский, Н. К. Терентьев, А. П. Кавко, И. К. Шапиро, Э. Ф. Федосеева, Н. А. Вовк, Л. В. Ермолаева, Ким Бен Кю, В. А. Гринюк, Ли Бен Дю. Лучших выпускников 1969–1970 гг. оставили для работы на кафедре – это Т. И. Бреславец, С. С. Пасков, Ж. В. Кучерук, Е. В. Карашук (Верисоцкая), Л. Шевчук. Таким образом кафедра была укомплектована молодыми специалистами.

Теперь стояла задача подготовки кадров высшей квалификации в аспирантуре центральных вузов и научно-исследовательских институтов. Чтобы поддержать встающее на ноги японоведение, выделялись места в целевую аспирантуру. Первыми в аспирантуру Института востоковедения АН СССР поступили В. А. Гринюк и В. В. Скальник. Е. В. Карашук училась в заочной аспирантуре ИВ АН. К сожалению, В. Гринюк и В. Скальник не вернулись в ДВГУ – им предложили престижную работу в Москве (соответственно при ЦК КПСС и в издательстве «Прогресс»).

В результате восьми лет напряженной работы по формированию кадров востоковедения в 1970 г. был основан восточный факультет ДВГУ. Его деканом избрали доцента А. А. Каневского – одновременно он, будучи специалистом по английскому языку, возглавлял и кафедру иностранных языков университета. В феврале 1971 г. на факультете была создана кафедра истории и литературы стран Дальнего Востока, руководила которой кандидат филологических наук, доцент Е. А. Цыбина, командированная в ДВГУ из Института стран Азии и Африки при МГУ для оказания методической научной помощи молодому факультету.

Срок обучения был сокращен с 6 до 5 лет, поэтому восточный факультет в 1971 г. произвел двойной выпуск студентов. Японистов-филологов было выпущено 46. На преподавательской работе остались лучшие выпускники: А. А. Шнырко, В. Н. Незамутдинов, В. В. Совастеев, И. В. Леванидов, Е. В. Кириленко, П. Н. Соловьев, В. В. Курлапов, Т. В. Благоволина, А. Е. Колотухин, Л. В. Новикова (Пряхина), Л. М. Колбина, З. Я Быкова. В этом же году с кафедры японской филологии уволился Ю. П. Гавриловский, его перевели на работу в аппарат крайкома КПСС, но он продолжал работать почасовиком; уволилась Л. Ермолаева. Умер А. П. Кавко.

Методическая комиссия организовала занятия с начинающими преподавателями по практической методике преподавания различных языков, практической грамматике, прямого и обратного перевода, по вопросам фонетики, разговорной практики, формам и методам работы над иероглификой, по унификации преподаваемого материала (особенно иероглифики).

Учебные материалы

Начальные курсы в 60-х гг. велись по разработкам, копировать которые приходилось по договоренности в Хабаровске: помог японовед Д. И. Ластенко, отпечатав 500 экз. «Уроков японского языка». В этой книге содержались тексты из японских учебников, адаптированные согласно грамматике учебника А. Фомина и Я. Катаяма «Учебник японского языка в 2-х т.» (М., 1947). Иероглифику постигали по школьным учебникам послевоенной Японии, которые приобрели в букинистических магазинах в Токио студенты Геннадий Есликов и Геннадий Лисицын. Тексты адаптировались с приложением грамматики, словаря, упражнений. Как вспо-

минал Н. К. Терентьев, ситуация улучшилась после посещения посольства СССР в Японии по приглашению посла В. М. Виноградова (посол с 1967 г.).

Поинтересовавшись нуждами молодого подразделения японоведов, он сразу же дал задание сотруднику аппарата организовать регулярную отправку посылок печатных материалов в адрес ДВГУ. Такие посылки с журналами на японском языке поступали ежемесячно. Помимо этого, преподаватель Э. Ф. Федосеева изготавляла фотокопии текстов на старом японском языке. Для овладения навыками перевода текстов с японского языка в 60-е гг. использовали журнал «Советский Союз сегодня» (*Коннити-но сорэнно*) и газету японских коммунистов «Акахата», которые время от времени можно было купить в киосках «Союзпечати». Самым доступным словарем считался краткий «Японско-русский иероглифический словарь» под редакцией Г. О. Монзелера и Г. Г. Туманова как второе дополненное японское издание словаря А. Роз-Иннес (М., 1944).

По-прежнему остро стоял вопрос нехватки помещений и учебной литературы. Учитывая полное отсутствие учебных и научных материалов по всем аспектам, выделенных фондов явно не хватало. Вообще не было учебников по японскому языку, истории Японии, преподаватели были вынуждены все материалы для учебного процесса подбирать и готовить на основе ничтожно малого количества литературы из своих личных библиотек, множить его на машине «Вега», чаще всего приходилось все размножить от руки. Но, несмотря на трудности, Ермолаев подготовил два пособия, Терентьев – учебник японского языка для 1 курса, Соколова – Хрестоматию литературных текстов по новой литературе Японии, Ермолаева – Хрестоматию литературных текстов по новейшей литературе Японии.

Восточный факультет развивается

20 октября 1972 г. восточный факультет переехал в собственное здание на улице Уборевича, 25. Как вспоминает А. А. Хаматова, «...все выпускники и преподаватели с большим теплом вспоминают это время, объясняя это тем, что, имея свой корпус, факультет жил единой востоковедной семьей, дружным коллективом»²⁴. В этом здании факультет размещался почти 20 лет.

В феврале 1974 г. деканом факультета был избран Ю. П. Гавриловский, японист-лингвист, выпускник МГИМО. Он возглавлял факультет до 1977 г. Как указывают в статье «Школа востоковедов в ДВГУ (1962–1994)» А. Хаматова и С. Ильин, «...это были годы обретения факультетом своего подлинного лица. Начали возвращаться из аспирантуры выпускники и преподаватели факультета, прошедшие школу в ИСАА при МГУ, в Институте востоковедения АН СССР, ЛГУ. Ведущие востоковеды страны с удовольствием брали к себе в аспирантуру выпускников восточного факультета ДВГУ, зная их целеустремленность, хорошую языковую подготовку и понимая необходимость восстановления научного востоковедного центра во Владивостоке»²⁵.

²⁴ Хаматова А. А., Ильин С. Н. Указ. соч. С. 89.

²⁵ Там же.

В 1974 г. появился и первый кандидат исторических наук – Е. В. Каращук (Верисоцкая), защитившая диссертацию на тему «Роль Японии в агрессивной политике США во Вьетнаме (1965–1973)». Японоведение на факультете продолжало укрепляться кадрами высшей квалификации. В 1976 г. ассистент кафедры Ли Бен Дю защитил в Институте востоковедения кандидатскую диссертацию, там же старший преподаватель Т. И. Бреславец защитила диссертацию по литературоведению на тему «Поэтика трехстиший Мацуо Басе (1644–1694)» (1978), Чан Су Бу защитился в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР (1977), С. С. Пасков стал кандидатом исторических наук в 1977 г. В 1979 г. А. А. Шнырко в МГУ защитил канд. диссертацию «Пассивные конструкции в современном японском языке». В целевой очной аспирантуре в ЛГУ учился ассистент В. В. Курлапов.

В структуре факультета произошли изменения – кафедра истории литературы стран Дальнего Востока была переименована в кафедру истории и литературы стран Дальнего Востока, а кафедра японской филологии и истории – в кафедру японской филологии. Заведующим кафедрой истории и литературы стран Дальнего Востока был избран член-корреспондент АН СССР А. И. Крушанов. В 1973 г. состоялся выпуск первых историков японистов – В. В. Кожевников и И. Н. Терентьева. К факультету прибавилась кафедра английского языка. Средний возраст преподавателей востока составлял 34 года. В 1977/1978 учебном году на работу приняли ассистентов С. И. Анисеева и В. Б. Дзизюра.

В середине 70-х гг. с циклом лекций перед студентами-японистами выступали известные японоведы из Москвы В. М. Алпатов и С. В. Неверов. Доктор фил. наук С. В. Неверов и канд. ист. наук Л. Д. Гришелева приглашались председателями ГЭКа.

Важную роль в укреплении востоковедного центра во Владивостоке на базе ДВГУ и ДВНЦ АН СССР сыграло постановление секретариата ЦК КПСС от 20 июня 1978 г. «О некоторых мерах по дальнейшему развитию китаеведения и востоковедения на Дальнем Востоке». Были приняты меры по укреплению востоковедческих кадров, развитию научных исследований и укреплению материальной базы восточного факультета и Отдела истории и культуры Китая и Японии Института истории, археологии и этнографии. Преподаватели и сотрудники получили надбавку за знание восточного языка. Стажировки и научные командировки в вузы Москвы и Ленинграда, научные центры стали доступны всем, кто этого хотел.

В июле 1980 г. была образована кафедра страноведения, которую возглавил В. М. Серов. Факультет пополнился кандидатами наук, в 1985 г. их работало уже 22. К 1981–1982 гг. кафедра японской филологии существенно окрепла, в ее составе появились три кандидата филологических наук, прошедшие подготовку в аспирантуре в Москве – А. А. Шнырко (1979), А. Ф. Прасол (1980), А. С. Дыбовский (1981). К активной работе на факультете приступили, защитив кандидатские диссертации в Москве Л. В. Пряхина (1983) и В. В. Курлапов – в Ленинграде (1986). На работу из Института истории, археологии и этнографии пришел А. И. Гладченков, в аспирантуру поступили Т. Д. Хузиятов, О. М. Высочин, С. Н. Ильин, Т. В. Котова.

Осенью 1986 г. А. А. Хаматова была назначена проректором ДВГУ по учебной работе, деканом факультета избран китаист-историк В. Л. Ларин. Произошли изменения в структуре факультета. Так, в 1988 г. кафедру истории литератур стран

Дальнего Востока расформировали, преподавателей-японистов перевели в штат кафедры японской филологии. С 1989 г. факультет приступил к подготовке востоковедов-экономистов на новой кафедре международных экономических и гуманитарных отношений. Ее возглавила А. А. Хаматова, которой в 1990 г., первой из числа выпускников-восточников, было присвоено ученое звание профессора.

Трудные годы

Но столь поступательное развитие японоведения в ДВГУ прервалось в связи с глобальными переменами в жизни нашей страны. Крушение Советского Союза, сопровождавшееся положительными переменами, но имевшее и многие негативные последствия, отразилось и на высшей школе. Факультету представилась возможность широкого доступа к установлению международных связей. Еще в годы горбачевской перестройки возрос интерес к изучению русского языка. Ряд университетов Японии увеличил или вновь ввел обучение русскому языку. Появилась потребность в преподавателях русского языка. В 1991 – начале 1992 гг. с факультета ушли для работы в Японии зав. кафедрой японской филологии А. Ф. Прасол (университет Нигата), доцент А. С. Дыбовский (школа Канто), старший преподаватель О. М. Высочин, доцент А. А. Шнырко (университет Хоккайдо Токай). Старший преподаватель В. В. Курлапов, доцент Чан Су Бу, старший преподаватель В. Ф. Такеда, А. В. Герасименко уволились и перешли на совместные предприятия или в представительства японских фирм. По-видимому, всем хотелось попробовать свои силы в новой деятельности, войти в ту среду, изучению языка которой были посвящены годы упорной работы. Определенную роль играл фактор материальный, возможность получить большее вознаграждение за свою квалификацию. В. В. Курлапов вскоре вернулся в ДВГУ и был направлен в открывающийся филиал ДВГУ в Хакодате. Таким образом, на кафедре японской филологии из 9 кандидатов наук осталось только 3.

В декабре 1990 г. произошло выделение факультета китаеведения из восточного факультета. А год спустя деканом Восточного факультета был избран кандидат филологических наук С. Н. Ильин (одновременно и. о. зав. кафедрой японской филологии). Но благодаря усилиям руководства в 1993–1994 гг. удалось пополнить численный состав кафедр «остепененными» выпускниками, перешедшими на работу в ДВГУ из Дальневосточного отделения Академии наук. Из Института истории, археологии и этнографии (1993) пришли на факультет доктор исторических наук Е. В. Верисоцкая, кандидат исторических наук З. Ф. Моргун. В 1994 г. по совместительству были приняты кандидаты исторических наук В. В. Кожевников и Б. М. Афонин (кафедра страноведения), в 1995 г. на кафедру международных экономических и гуманитарных отношений пришла канд. ист. наук И. Ю. Наумова. Была решена главная задача – восстановить кадровый состав и на этой основе обеспечить дальнейшее развитие факультета. Успехом увенчались усилия по подъему материального благосостояния преподавателей, появилась возможность приглашать лучших выпускников для работы с перспективой научного роста. Заработная плата преподавателей факультета превысила средний показатель по университету примерно на 70 %²⁶.

²⁶ Хаматова А. А., Ильин С. Н. Указ. соч. С. 95.

Меняющаяся международная обстановка в регионе, интересы России обязывали готовить не только специалистов-языковедов, но и всесторонне эрудированные кадры. Идя в ногу с требованиями времени, по инициативе ректора В. И. Курилова на основании решения Ученого совета в октябре 1994 г., в год 95-летия ДВГУ, был создан Восточный институт ДВГУ. Первым его директором стал ректор университета В. И. Курилов.

Какими были первые абитуриенты

На 1 курс в 1962 г. поступило 15 человек. В тот год одновременно было два выпуска 10-х и 11-х классов, поэтому абитуриентов было предостаточно, а прием был весьма ограничен. И еще тогда предоставлялись льготы поступающим, имевшим трехлетний стаж работы. Так поступали Виолетта Мокренко (Кожевникова), отработавшая разметчицей на «Дальзаводе» на «новом судостроении», где строили плавказармы для подводников, Людмила Кубасова, проработавшая три года фельдшером на судоремонтном заводе в г. Находка после медучилища, Валерий Переславцев отслужил в армии и на вступительных экзаменах всегда был в солдатской форме. Нина Соколова (Плотникова) уже была замужем, имела сына, и к тому времени у нее было три курса английского факультета Хабаровского пединститута. Чан Владимир (Чан Су Бу) и Жю Евгений (Жю Е Ги) приехали поступать с Сахалина, имели семьи. Жю преподавал в школе на Сахалине корейский язык и пение. Поступали школьники-медалисты Людмила Оленина, Владимир Гринюк, после школы пришли Лидия Мещерякова, Людмила Логвиненко, Александр Белоус, Г. Ржечицкая; Виктор Скальник пришел с третьего курса английского отделения. Еще были мичман и девушка-врач. По разным причинам отчислились Портнягин и Белоус. К получению диплома дошли 10 человек. Студенты были усердны и терпеливы, несмотря на отсутствие учебников и словарей. К экзаменам готовились вместе и вообще жили интересной студенческой жизнью.

Студенческая жизнь

А начиналась она с оказания шефской помощи колхозу в уборке урожая. Как вспоминает Виолетта Мокренко (Кожевникова), сразу же после зачисления их группу восточников (поехало 8 чел.) вместе с «англичанками» послали в с. Ольховка Кировского района. Группа была очень дружная и в работе, и на отдыхе. Александр Белоус (он из Спасска) на разлившейся р. Уссурка ловил отбившуюся от стаи утку. И это был пир на весь мир. Нельзя сказать, что плохо кормили в совхозной столовой, но ребята были молодыми и вечно голодными. Молоко и мед давали в избытке, а шмаковскую воду привозили в цистернах, ее давали пить даже лошадям. По субботам и воскресеньям не работали, и на попутках (автостопом) путешествовали в Спасск, Лесозаводск и Шмаковку. По пути водители останавливались у открытых источников (вернее, это была труба в земле), из которой била ключом холодная вкуснейшая газированная вода.

Я вспоминаю свой «колхоз» не с таким восторгом. Нас, абитуриентов 1964 г., сначала отправили перебирать гнилые овощи на Енисейскую овощебазу и солить в чанах огурцы. Но срочно потребовалась рабсила в Синиловский совхоз. Четве-

рых будущих японисток – Жанетту Кучерук, Мищенко Елену (Верисоцкую), Пихтовникову Олю и Годину Зою (Моргун), присоединили к группе 3-4-курсников историков и юристов. На открытой машине в кузове, сидя на лавках, чемоданах и рюкзаках, по ухабам грунтовой дороги к вечеру добрались до места. Поселили нас в клубе, спать пришлось на полу на каких-то грязных матрацах. Народу было много, места – мало. Заняли и сцену, но там разместились старшекурсники. Перемещаться по «территории» можно было только аккуратно ступая между телами. На четверых нам досталось два матраца и мы спали поперек, по команде переворачиваясь с боку на бок. «Спать» – это громко сказано! Как только уставшие от работы в поле, где собирали картошку и недогнившие помидоры, засыпали, включался свет и юрист по фамилии Педя (дали прозвище «маркиз де ля Педя») входил с грязной уличной собакой и, со словами «Ищи, ищи!», шагал по спящим в поисках якобы украденного у него ведра с помидорами. Это лишь один эпизод из нашей колхозной жизни, а юристы и историки были богаты на выдумки – они же были «стариками», а мы – «салажата». В том «колхозе» мы познакомимся с некоторыми будущими докторами наук (Еленой Первушиной, Константином Лыковым), кандидатом исторических наук Еленой Лыковой, будущим скульптором Эдуардом Барсеговым.

Приятным воспоминанием остались прогулки под лунной. Вечерами было довольно прохладно, но спасали телогрейки. Лене Мищенко (Верисоцкой) мама дала фляжку из-под виски, наполненную сгущенкой, и мы, выйдя на околицу села, по очереди капали себе на язык сладкое содержимое бутылочки. Кормили нас плохо, готовили сами студенты на кухне, сколоченной из неотесанных досок. На первое – суп с перловкой, т.е. крупа и картошка, на второе – каша перловая, чай или компот с хлебом. Настоящий праздник случился, когда в сельпо привезли пряники и карамель. Один пряник я несколько лет хранила как сувенир. Умывались на улице в общественном умывальнике, зубы чистили ледяной водой. Бани не было. Однажды удалось помыть голову в кухне, нагрев воду на печке. Но коварные парни-старшекурсники нас заперли, и старшему группы (Барсегову) пришлось вытаскивать нас через раздаточное окно.

Наконец-то ночью ударил морозец, замерзли неубранная картошка и помидоры, вода в умывальнике, и нас отправили домой числа 4–6 октября. Отмылись, приоделись и пришли счастливые на занятия. Когда мы стояли на остановке в ожидании автобуса, нам казалось, что все прохожие видят, что мы студенты, и от радости распирало грудь. Начались трудные будни учебы. Спать удавалось совсем немного, так как, помимо подготовки к языковым занятиям, приходилось конспектировать много трудов классиков марксизма-ленинизма.

Первая практика

В те годы Владивосток был закрытым городом. А студентам первого набора так хотелось встретиться и поговорить с настоящими японцами. После окончания первого курса студенты поехали на все лето в Находку на практику в «Интерклуб». В этот город заходили японские суда, и моряки после работы приходили в «Интерклуб» выпить в баре, поиграть в «го», отдохнуть. Первое время всех практикантов поселили в кабинете директора клуба, спали прямо на полу в антисанитарных усло-

виях. Потом местом жительства определили спортзал «Интерклуба», где были спортивные маты вместо матрасов и душ с ледяной водой. Но после кабинета это было уже гораздо лучше. А несколько позже жили в детском интернате в нормальных условиях. Двух девушек оформили в штат переводчицами (110 руб. на двоих) – В. Мокренко с Л. Олениной и Л. Кубасову с Л. Мещеряковой. Заработную плату делили на всех. Конечно, денег на питание не хватало. Валерий Переславцев был высоким, худым парнем и заказывал в рабочей столовой по три порции просто макарон. Но на столах всегда лежал нарезанный хлеб и стояла горчица. Это здорово выручало. На ужин брали песочные кольца и уплетали с водой. Японцы приходили в «Интерклуб» после 17 часов. А с утра группа из пяти человек – Мокренко, Мещерякова, Переславцев, Гринюк и Скальник – шли через перевал на «стопятый» – так называлась красивая бухта под Находкой, пробирались по камням в правую оконечность бухты и, ныряя с маской и трубочкой, доставали мидии, жарили их на костре.

К пяти вечера уже были на работе. В обязанности входило доставлять японцев из порта, разговаривать с ними, иногда проводить индивидуальные беседы, устраивать спортивные соревнования по волейболу, футболу, настольному теннису, вывозить на отдых. Но моряки не особенно хотели принимать участие. Их больше интересовал бейсбол, о котором наши ребята практически ничего не знали. Японцы обучали студентов, особенно студенток, «западным» танцам. Научили танцевать твист. Японские моряки с удовольствием общались со студентами: ребят угощали в баре пивом и сигаретами, девушкам писали признания в любви, которые тут же при всех и пытались перевести, так как уровень знания иероглифов, тем более написанных скорописью, не позволял это сделать самостоятельно. Первые смешные попытки запомнить японские имена сразу не удавались, поэтому переспрашивали по несколько раз как бы между прочим. Конечно же, язык моряков был далек от стандартного японского, и японцы были из разных провинций и говорили на диалектах.

Часов в 11–12 вечера японцев отвозили в Торговый порт к судну. Возвращались пешком через порт. Грузчики перевозили на тележках огромные желтые бананы, угощали и просили съесть до проходной. Можно было и не предупреждать – бананы уничтожались в считанные секунды. По дороге, поднимаясь по ул. Ленинской, проходили мимо хлебного магазина и опять получали угощение – булку теплого хлеба. У Соколовой была банка сгущенки. Вода из под крана, хлеб со сгущенкой – это было так вкусно! Такое было время, студенты жили впроголодь.

Люся Кубасова вспоминает, что они, будучи в Находке, создали Республику, которую возглавил Валерий Переславцев. Он ежедневно издавал постановления, в которых отразились все насущные проблемы каждодневного бытия. Причем в иерархической лестнице все имели свой портфель и даже был «министр без портфеля».

Встреча с Японией

После второго курса студенты проходили практику на круизных судах, которые ходили в Японию. Огромным событием были Летние Олимпийские игры в Токио в 1964 г. Девушки и парни месяц ходили на теплоходе «Владивосток» на Сахалин, Кунашир и в другие порты, чтобы потом получить возможность открыть загранвизу. Для работы на судне девушкам пошили форменную одежду – костюмы

серого цвета. Судно стояло 20 дней в Токио и являлось гостиницей для туристов из Чехословакии, Венгрии, Германии, Румынии и других стран. Например, номерная должна была убирать четыре каюты, коридор и музыкальный салон, нести вахту с пассажирским помощником возле входа на судно. Жили в каютах третьего класса по четыре человека вместе с настоящими номерными. Как вспоминает Вета Мокренко, ночью судно опускалось во время отлива на три метра, и запах от осклизлого причала был ужасный, иллюминатор открыть было невозможно. Но положительным моментом было то, что через три дня стоянки каюты туристов были завалены покупками, различными коробками и пр., так что работы по уборке значительно поубавилось.

И вот на судно приехали представители телекомпании Эн Эйч Кэй и двоих студентов, изучающих японский язык, провезли по новой скоростной дороге, показали построенные специально к Олимпиаде спортивные арены и сооружения. Удивили также белоснежные кружевные чехлы в машине и водитель в белых перчатках. Студенток привезли в японскую семью, которая проживала в крохотном домике, где на первом этаже был магазинчик радиотоваров, а на втором – жилое помещение. Впервые попробовали японскую кухню, пили чай с пирожными, очень пышными и красивыми, но совершенно несладкими, в подарок получили много коробочек с японскими сухариками (сэмбэй). Впервые сидели, как японцы, поджав под себя ноги, а потом с трудом встали, вызвав улыбку хозяев.

Культурная программа включала посещение концерта, где исполнялись современные эстрадные песни. Удивило то, что артисты держали только микрофон, а не таскали за собой провод, что на родине стало обычным через 20 лет. На следующий день повезли в театр Кабуки. Все было интересно: и костюмы, и маски, и сцена, которая опускалась и поднималась, поворачивалась.

Город Находка с 1958 по 1991 гг. был единственным морским портом в Приморье, куда заходили и откуда отправлялись в Японию пассажирские суда. На линии «Находка – Йокогама – Находка» иностранных пассажиров перевозили белоснежные лайнеры «Байкал» и «Урицкий». На судах ДВ пароходства ребята были матросами и с них спрашивали, как с палубных матросов. т.е. они чистили все медные детали, мыли палубу, несли вахту в администраторской и т.д. Девушки работали номерными – убрали и чистили ковры в каютах, уборщицы мыли туалеты и души, коридоры. Иногда студенты должны были выступать с лекциями перед плавсоставом, а вечером участвовать в художественной самодеятельности.

Вот как вспоминает свою первую встречу с Японией Людмила Кубасова: «Йокогама поразила нас красотой и ухоженностью парков, разнообразием красок, а ночной город – мерцанием огней и реклам. Как-то мэр Йокогамы пригласил членов экипажа посетить его виллу. Было это в вечернее время, и весь город блестел и сверкал чарующими огнями и был перед нами как на ладони. Зрелище было впечатляющее. Обе стороны давали концерт, японцы пытались петь с нами русские песни, а уж когда слышали свои песни на японском языке, восхищались беспредельно. Думается, потому, что тогда это было впервые».

Начиная с 1965 г. мои одногруппницы-отличницы Жанетта Кучерук и Елена Мищенко, а также девушки-китаистки – Анна Лабутина (Хаматова) и другие работали официантками в ресторане на теплоходе «Урицкий», осуществлявшем чартерные рейсы с японскими туристами на линии «Токио – Гонконг». В декабре море штормило, судно то кренилось, то падало в морскую яму. Однако надо было кормить туристов, да еще в две смены – сервировать столы, разнести тарелки с едой, убрать испачканные скатерти и т.д., а вечером в музыкальном салоне выступать вместе с членами экипажа с концертными номерами.

Приходилось работать и на «чистых» должностях: библиотекарем, администратором ресторана. Круиз с японскими туристами по странам Юго-Восточной Азии в марте-апреле 1969 г. на легендарном теплоходе «Ильич» в качестве администратора ресторана – самая счастливая страница в моей студенческой практике. На пассажирских судах ДВМП в штате судовых ресторанов в качестве администраторов работали Г. Лисицын, Л. Шевчук (впоследствии дипломат МИДа), студент второго выпуска Вадим Киряев.

В 60-е годы поток японских туристов в СССР значительно увеличился – путешественники ехали в туры по стране и транзитом в Европу. Наплыв японцев возрастал в летние месяцы, и московский «Интурист» нуждался в гидах-переводчиках с японским языком. В 1966 г. впервые студенты третьего курса и лучшие второго прошли подготовку на знание экскурсий по Москве и работали все лето. На следующий год, вплоть до 1970, студенты проходили практику в «Интуристе». Многие из нас узнали не только Москву, но и побывали в Ленинграде, Киеве, Средней Азии, Казахстане, Молдавии, в Крыму, на Кавказе. Это была интереснейшая, но и суровая школа жизни. Приходилось решать многие организационные вопросы, подчас весьма затруднительные – с транспортом, размещением в гостинице, питанием, экскурсионной программой, оплатой тура по ваучеру и многие другие. Шоковыми были посещения промышленных предприятий, колхозов, больниц (случалось, психиатрических), обсерваторий... Не хватало лексики и специальных знаний по теме. Выручала смекалка – с помощью жестов, карманных словариков, в которые записывались новые слова, удавалось объяснить многое, а то, что не получалось, компенсировалось доброжелательностью японцев и нашей молодостью и обаянием. Жили мы в гостинице «Метрополь», окна номеров выходили под стеклянный купол, и всегда было душно, а внизу в ресторане гремела музыка. Но было очень весело. Мы были одним спаянным коллективом, всегда приходили на выручку. Большим событием явилась свадьба Виктора Скальника и японки Юта в «Славянском базаре».

Часть студентов стажировалась в Находкинском агентстве «Интурист», начиная с 1966 г., в их числе были однокурсники Геннадий Есликов и Геннадий Лисицын. Есликов впоследствии вырос из гида-переводчика японского языка в главного специалиста и руководителя этого агентства. Лисицын работал в Токио представителем Министерства рыбного хозяйства. На пассажирских судах заграничного плавания стажировались такие, ставшие известными авторитетными японистами, как студент первого выпуска В. Гринюк и студент второго выпуска С. Пасков. Как вспоминает Г. Есликов, Володю Гринюка еще лет десять цитировали практикан-

ты из ДВГУ, потому что после двух-трех рейсов на теплоходе он назвал работу представителя «Интуриста» на линии «Находка – Йокогама» и романтической, и опасной... (опасность заключалась, однако, только в том, что почти вся зарплата практиканта уходила на вычеты из нее за бухгалтерские ошибки в оформлении подотчетных авиа- и железнодорожных билетов иностранным туристам за время перехода из Йокогама в Находку. Но уникальная возможность практики в разговорном японском была для этих студентов на первом месте. Кроме того, была возможность привозить в университет немного газет на японском языке, учебников для начальных классов японской школы. Языковая практика в Находкинском «Интуристе», также как и в Московском, Хабаровском, Иркутском давала полезный опыт ответственного сопровождения японских туристов и делегаций, возможность увидеть свою огромную Родину и рассказать о ней гражданам Японии. Студенты отправлялись на практику на Камчатку («Рыбводнадзор»), на Сахалин и в Хабаровск (Интерклуб).

Жизнь студентов вне учебного процесса

Студенческий театр миниатюр (СТМ) был организован в 1965–1966 гг. Руководил талантливый Валера Переславцев (у него мама была заслуженная актриса). Активно участвовали студенты О. Розенберг, Е. Кириленко, И. Феденко и другие. Сами писали сценарии сценок-миниатюр на темы студенческой жизни. Выступали на вечерах восточников и прочих мероприятиях. Зал всегда был полон.

Восточники ежегодно проводили вечера встреч. Китаисты и японисты подготавливали концертные выступления на китайском и японском языках, обязательно готовили блюда восточной кухни. Помогала мать В. Такеды, Гуляева, приезжавшая к сыну из Японии. Ели палочками. Было весело и интересно прикоснуться к культуре страны изучаемого языка.

В те годы студенты и преподаватели участвовали в смотрах художественной самодеятельности (рук. асс. Н. А. Зайцева и ст. преподаватель В. Ф. Такеда) по факультетам. Восточники всегда занимали призовые места, как и в выступлениях по художественной и спортивной гимнастике. Ансамбль востфака «Драгомань» (рук. Такеда) выступал на многих мероприятиях города, у рыбаков, в училищах, воинских частях. На факультете выходили три стенных газеты, в том числе на японском языке – «Огонек» («Томосиб») (рук. Ким Ен Ук). Интересным сделали стенд «Русские и советские востоковеды». Такие стенды, как «Спорт на востфаке», «Оазис» (отдел актуальных заметок и сообщений), стенд лучших научных работ студентов и стенд научного студенческого общества отражали насыщенную и кипучую студенческую жизнь.

Воспитательная работа велась по четырем основным направлениям: идеологическое, трудовое, военно-патриотическое и эстетическое. Студенты участвовали в научно-исследовательской работе – кружок по истории Японии вел аспирант С. С. Пасков. Действовала «Школа юного востоковеда», где студенты знакомили старшеклассников с историей, культурой и бытом Японии, а также профессией востоковеда. Центром эстетического воспитания, культурного досуга студентов на факультете был студенческий «Восточный клуб», который проводил литератур-

но-музыкальные вечера, диспуты, культпоходы, встречи с выпускниками. 8 октября 1973 г. состоялся «Первый день первокурсников», на котором в торжественной обстановке вручались студенческие билеты, студенты старших курсов познакомили новичков с лучшими традициями и историей факультета.

С середины 80-х гг. японисты, следуя примеру китаистов, стали проводить ежегодные фестивали японского языка; активными организаторами этих мероприятий были А. С. Дыбовский, О. М. Высочин, Л. М. Колбина, Т. В. Котова, С. Н. Ильин, А. Ф. Прасол. На факультете работал японский литературный театр (рук. – доцент Т. И. Бреславец).

80-е годы были отмечены и усилением идеологизации учебного процесса. Это прослеживается по отчетам факультета, направленности воспитательной работы среди студентов, по формам отчетности о работе преподавателей, тематике спецсеминаров. Так, например, в октябре 1988 г. совет факультета рассматривал вопрос «О формировании научного мировоззрения у студентов-восточников в свете решений Июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС»; в марте 1983 г. на партбюро факультета заслушивался вопрос о мировоззренческой направленности лекционных курсов, читаемых преподавателями. Рассмотрению этих вопросов предшествовала работа комиссий, состоявших из членов партбюро, совета факультета, руководителя методического семинара.

* * *

Подводя итог 32-летней истории возрожденного в ДВГУ японоведения, можно выделить основные этапы пути, пройденные за эти годы: 1962–1970 гг., 1970 г.–конец 80-х гг. – становление учебного процесса, активный рост квалификации преподавателей, начало 90-х – снижение числа опытных преподавателей; далее вновь постепенное восстановление, расширение учебной базы, количественный рост Восточного факультета (студентов, преподавателей), образование Восточного института в 1994 г.

На первом этапе ставилась цель привлечь преподавательские кадры. Как правило, это были опытные переводчики, бывшие военнослужащие или выходцы из русских семей, получившие образование в Маньчжурии. Полное отсутствие учебных материалов и словарей. На втором этапе происходило формирование преподавательского состава из числа лучших студентов, окончивших ДВГУ, обучение их в аспирантуре в Москве и Ленинграде, Новосибирске. Подготовка методических пособий, справочной литературы. На третьем этапе – преодоление трудностей в жизни факультета и образование Восточного института. Но все эти годы студенты-восточники жили интересной разносторонней жизнью, показали свою выносливость, смекалку, умение решать профессиональные проблемы. Им всегда завидовали студенты других специальностей.

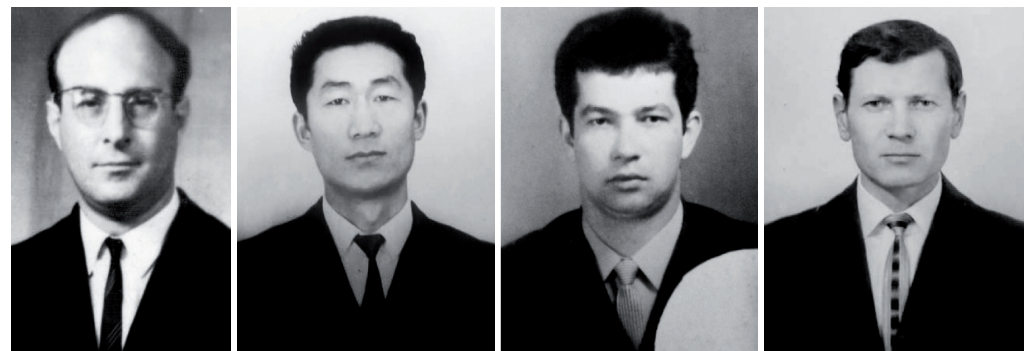
Список литературы

Хаматова, А. А. Школа востоковедов в ДВГУ (1962–1994 гг.) / А. А. Хаматова, С. Н. Ильин // Известия Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. – 1994. – № 1. – С. 86–96.

При подготовке статьи использованы материалы архива ДВФУ, планы и отчеты Восточного отделения, восточного факультета, Восточного института за 1962–1994 гг.

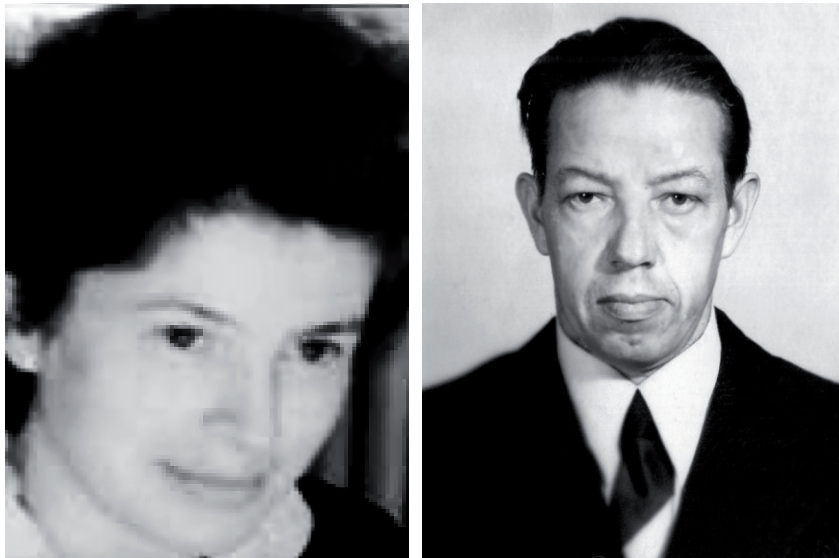
Ткачев Георгий Александрович, Терентьев Николай Константинович (06.07.1922–10.12.2012), Федосеева Эльза Федоровна (03.07.1932–?), Кавко Андрей Петрович

Шапиро Иосиф Константинович (1.12.1926–6.12.2002), Чан Су Бу (13.12.1933–?), Пасков Станислав Соломонович (26.04.1945–04.12.1986), Гавриловский Юрий Петрович (14.06.1934–)

Ли Бен Дю (16.12.1932–30.03.1978), Ермолаев Генрих Сергеевич (08.03.1932–22.02.1976), Жигалов Анатолий Петрович (30.04.1925–25.04.2005)

Серова Аэлита Викторовна (?–15.09.2005), Серов Вадим Михайлович (14.08.1935–авг. 2004)

Студенты первого выпуска Восточного отделения на демонстрации (слева направо): Мокренко В., Соколова Н., Гринюк В., Логвиненко Л.

Вовк Иван Александрович (07.07.1927–?)

Второй выпуск Восточного отделения. 1969 г.

Скальник В., Соколова Н., Такеда В.Ф., Есликов Г.
(на теплоходе во время практики). 1965 г.

На первомайской демонстрации (слева направо):
Такеда-Гуляев Виктор Федорович, Терентьев Николай Константинович,
Жигалов Анатолий Петрович, Ким Ен Ук, Пасков Станислав Соломонович

Преподаватели и выпускники-китаеведы университета в 20–30-е годы прошлого века

А. А. Хаматова

История востоковедения во Владивостоке необычайно сложна и интересна. Статья посвящена преподавателям 20–30-х годов, которые занимались подготовкой китаистов в ГДУ, а также судьбам некоторых лучших выпускников этого периода. И преподаватели, и выпускники, о которых идет речь в статье, – достойные не только Дальневосточного федерального университета, но и отечественного востоковедения, а в некоторых случаях – и мирового.

Ключевые слова: ГДУ, преподаватели, выпускники, китаеведы.

Professors and Sinology Alumni of the Far Eastern State University in the 1920s and 1930s

A. A. Khamatova

The history of oriental studies in Vladivostok is complicated and interesting as well. This article is devoted to the professors and lecturers of the 1920s and 1930s, who qualified students as sinologists at the Far Eastern State University, to the fortunes of some brilliant alumni of the period. Both professors and alumni mentioned in the article are the heritage not only of our university but of national and, in some cases, world oriental studies.

Keywords: Far Eastern State University, professors, alumni, sinologists

В этом году исполняется 115 лет первому высшему учебному заведению на Дальнем Востоке – Восточному институту, созданному во Владивостоке в 1899 г. За свою более чем столетнюю историю высшая востоковедная школа Владивостока прошла сложный путь, на котором были и триумфы, и трагедии, и возрождение из пепла. На всем этом пути всегда, во все времена были личности, значение которых для отечественного, да и мирового востоковедения трудно переоценить. История – это не только и не столько даты, но люди, люди со своими судьбами, мечтами и планами, победами и поражениями. В предлагаемой статье хочется отдать дань тем преподавателям-китаеведам, которые работали в университете в непростые 20–30-е годы, а также их некоторым питомцам, которые гордо несли факел востоковедных знаний в стенах нашего университета и по всей стране на протяжении XX века.

С образованием в 1920 г. Государственного Дальневосточного университета (ГДУ) специалистов по Китаю стали готовить на восточном факультете, одном из трех факультетов университета²⁷. Продолжая традиции Восточного института, руководство восточного факультета ГДУ ставило перед собой задачу готовить

²⁷ История Дальневосточного государственного университета в документах и материалах. 1989–1939 гг. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. С. 297.

специалистов с хорошим знанием восточного языка, разбирающихся в истории, этнографии, культуре, политическом устройстве страны изучаемого языка. Таковую подготовку обеспечивали четыре из четырнадцати кафедр, созданных в ГДУ. Это видно из схемы распределения предметов преподавания бывшего Восточного института по кафедрам восточного факультета:

1) Кафедра китайской словесности. Китайский язык. История китайской литературы.

2) Кафедра истории Восточной Азии. Исторический обзор развития китайской материальной и духовной культуры в связи с распространением ее на другие народы Восточной Центральной Азии. Новейшая история Китая в связи с развитием отношений с ним России и других европейских держав.

3) Кафедра этнографии и географии Восточной Азии. Вводный систематический курс по этнографии и этнографической литературе. Природа и быт в Восточной Азии, с преимущественным рассмотрением китайского быта. Общий курс религиозного быта Китая, Кореи и Японии. Географический обзор Восточной Азии.

4) Кафедра политики, законодательства и экономического строя Восточной Азии. Общий курс политического устройства Китая, Кореи и Японии. Обзор торгово-промышленной деятельности современного Китая, с очерком его политического устройства. Коммерческая география Восточной Азии и история торговли Дальнего Востока. Владивосток и его экономическое значение как посредника между Дальним Востоком и Сибирью²⁸.

Кафедру китайской словесности возглавлял Аполлинарий Васильевич Рудаков – выдающийся китаевед своего времени, с которого и следует (по нашему мнению) начать рассказ о преподавателях-китаистах нашего университета. А. В. Рудаков родился в 1871 г. в г. Ленкорань Бакинской губернии в семье мелкого чиновника транспортной конторы. После смерти отца в 1883 г. мать Аполлинария Капиталина Ивановна с двумя сыновьями переехала в Петербург. В 1891 г. Аполлинарий окончил Седьмую Санкт-Петербургскую классическую гимназию, проявив исключительные лингвистические способности, и поступил на китайско-монгольско-маньчжурское отделение факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета²⁹.

В студенческие годы он изучал китайский, монгольский, маньчжурский, а также некоторые европейские языки. Восточным языкам он обучался под руководством крупнейшего отечественного китаеведа академика Василия Павловича Васильева, доктора монгольской и калмыцкой словесности Алексея Матвеевича Позднеева, выдающегося знатока Тибета и Маньчжурии Алексея Осиповича Ивановского.

В «Очерках истории русского китаеведения» П. Е. Скачков, говоря о роли В. П. Васильева в развитии отечественного востоковедения, подчеркивал, что

²⁸ Из истории востоковедения на российском Дальнем Востоке. 1899–1937 гг.: Документы и материалы. Владивосток: Приморск. кр. организация Добровольного о-ва любителей кн. России, 2000. С. 71–73.

²⁹ Вряд ли С. Ю. Профессор китаеведения А. В. Рудаков // Известия Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. 1999. № 5. С. 68; Профессора Дальневосточного государственного университета. История и современность. 1899–2008 / С. М. Дударенко, Э. В. Ермакова, Е. А. Поправко, И. К. Капран [и др.]. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. С. 436.

«при рассмотрении деятельности каждого из профессоров необходимо принимать во внимание не только опубликованные труды, но и практические результаты их педагогической работы: сколько подготовлено учеников, кто из них остался при университете для подготовки к научной деятельности, кто посвятил себя практической работе... У В. П. Васильева учились такие известные ученые-востоковеды, как монголовед и маньчжурист А. М. Позднеев, японист Д. М. Позднеев. Позже во владивостокском Восточном институте преподавали его ученики П. П. Шмидт, А. В. Рудаков, Н. В. Кюнер, Гомбожаб Цыбиков»³⁰. Можно отметить, что ученики В. П. Васильева не просто преподавали восточные языки, но стали основателями и руководителями востоковедного образования во Владивостоке.

В 1896 г. А. В. Рудаков окончил Санкт-Петербургский университет с дипломом I степени и был направлен на стажировку на три года в Пекин. Целью стажировки являлось совершенствование знаний по китайскому языку и знакомство с культурой и бытом Китая. По возвращении со стажировки в 1899 г. Аполлинарий Васильевич был приглашен исполнять обязанности профессора в Восточном институте, открывшемся во Владивостоке. Вся оставшуюся жизнь Аполлинарий Васильевич прожил во Владивостоке. Это значит, что вся его педагогическая и научная деятельность была реализована во Владивостоке, но это не означает, что А. В. Рудаков был востоковедом местного, провинциального уровня. Его многосторонняя деятельность была оценена не только на отечественном, но и на мировом уровне.

Уже летом 1900 г. была опубликована его первая книга, созданная по материалам его стажировки в Китае: «Общество И-Хэтуань и его значение в событиях на Дальнем Востоке». В 1903 г. Санкт-Петербургский университет присвоил А. В. Рудакову звание магистра китайской словесности за перевод китайского энциклопедического труда, получившего название «Материалы по истории китайской культуры Гиринской провинции». В 1904 г. Аполлинарий Васильевич был утвержден в должности профессора Восточного института, а уже с октября 1906 г. стал директором Института и возглавлял его до апреля 1917 г. Удивительно, как много Аполлинарий Васильевич сделал для востоковедения! Ведь он был среди тех, кто прокладывал дорогу востоковедению на Дальнем Востоке. Необходимо было писать пособия для студентов, изучающих китайский язык, – он их писал, нужно было создавать научную библиотеку в Восточном институте – он ее создавал. Его вклад в комплектование библиотеки Восточного института поставил ее в ряд крупнейших европейских ориентальных хранилищ, а по маньчжурскому отделу она стала уникальной, превзойдя даже Британский музей³¹. В этнографическом зале современного музея ДВФУ многие экспонаты имеют табличку «Из личного архива Рудакова А. В.». Это экспонаты, которые были привезены А. В. Рудаковым из Китая (один из результатов неоднократных командировок в Китай), находились в кабинете китаеведения восточного факультета ГДУ. Этот кабинет являлся по существу богатым миниатюрным музеем университета и служил своеобразным учебным пособием, дополнявшим лекции по истории и культуре Китая³².

³⁰ Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, 1977. С. 236.

³¹ Профессора Дальневосточного государственного университета. С. 37.

³² Сладковский М. И. Знакомство с Китаем и китайцами. М.: Мысль, 1984. С. 42.

Вот как описывает этот кабинет один из лучших учеников А. В. Рудакова – М. И. Сладковский, поступивший на восточный факультет ГДУ в 1924 г.: «С большим душевным волнением переступил я порог кабинета китаеведения, где должна была состояться первая лекция выдающегося русского синологического поколения, профессора китайской словесности Аполлинария Васильевича Рудакова. Лекторий, в котором мы разместились за небольшими продолговатыми черными столами, вполне заслужено именовался кабинетом китаеведения. Огромные, во всю стену шкафы были заполнены разнообразными экспонатами материальной и духовной культуры Китая: доспехами маньчжурских воинов, коллекциями металлических монет различных династий, медными зеркалами и жертвенными треножниками, изображениями будд, мудрецов, древнейшими книгами, кисточками, статуэтками из слоновой кости. В золоченых рамках на стенах висели дощатые транспаранты с изображением крупными иероглифами изречения из книги Конфуция «Луньюй»...³³.

Далее М. И. Сладковский вспоминает о том, как А. В. Рудаков вошел в кабинет в сопровождении поддерживающих его под руки китайцев-ассистентов (у него частично были парализованы ноги). Описывая свои впечатления о самом А. В. Рудакове и его первой лекции, М. И. Сладковский вспоминает: «Крупная голова с высоким открытым лбом и седыми, зачесанными назад волосами, медленные, спокойные движения, ровный голос придавали Аполлинарию Васильевичу внушительный вид. Он имел типичную внешность русского профессора, какого обычно ожидают встретить студенты, впервые попав в стены университета.

Свою первую лекцию Аполлинарий Васильевич посвятил истории возникновения китайской иероглифической письменности... Аполлинарий Васильевич увлекательно рассказывал о каждом упоминавшемся им иероглифе. Для него это был не просто знак: он видел в каждом из них символ, графическое выражение богатейшего духовного и материального мира Китая, его многовековую историю и глубокие откровения мудрости китайского народа»³⁴.

Студенты-китаисты 20–30 гг., обучающиеся у А. В. Рудакова, считают, что именно его лекции дали им осознанное восприятие той обширной и богатой области человеческих знаний, которая именуется китаеведением³⁵.

Регулярные командировки в Китай, постоянная преподавательская, научная и научно-методическая работа способствовали тому, что А. В. Рудаков имел прекрасные знания по китайскому языку (как древнему – вэньянь, так и разговорному – байхуа), что позволило относить этого корифея китаеведения к одному из трех лучших знатоков китайского языка в СССР³⁶.

Аполлинарий Васильевич работал в ГДУ до его закрытия, а затем перешел на должность профессора китайского языка военного отделения Института восто-

коведения (которое позднее было преобразовано в курсы военных переводчиков ТОФ)³⁷.

Несколько лет назад в Восточном институте ДВГУ был открыт кабинет памяти А. В. Рудакова. Самое активное участие в оформлении кабинета приняла внучка А. В. Рудакова – Каракаш Екатерина Дмитриевна, которая в то время являлась студенткой нашего Института, решившая стать, как и дед, востоковедом, но язык выбрала другой – японский. В 2009 г. она с отличием окончила факультет японоведения Восточного института ДВГУ и преподает японский язык в одном из вузов Москвы.

Прежде чем перейти к изложению материала о других представителях профессорского состава восточного факультета ГДУ, хотелось бы обратить внимание на то, что существенная роль в овладении студентами китайского разговорного языка отводилась носителям языка – китайцам.

В документах и материалах, посвященных истории востоковедения на российском Дальнем Востоке, имеется документ номер 30 от 1921 г. за подписью декана восточного факультета Е. Спальвина «Из проекта правил для лекторов восточных языков-туземцев при восточном факультете Государственного Дальневосточного университета»³⁸.

Согласно этим правилам, на каждой кафедре восточных языков имелись должности лекторов-туземцев, которые принимались факультетом на имеющиеся свободные вакансии по рекомендации профессоров-специалистов из числа лиц, имеющих «надлежащую подготовку у себя на родине соответственно существующей в той или другой стране системе школьного и академического обучения и удовлетворяющих требованиям учебного преподавания на факультете»³⁹. В проекте правил указаны и обязанности лекторов-туземцев:

«а) заниматься со слушателями факультета практикой в разговоре на изучаемом языке, а также практикой в каллиграфии и скорописи согласно устанавливаемому для сего расписания занятий;

б) помимо специальных лекторских занятий, присутствовать, по заявляемому факультетом требованию профессоров-специалистов, также и на соответствующих профессорских лекциях;

в) содействовать профессорам-специалистам при разработке ими научных вопросов по своей специальности, равно как и при составлении и издании ими учебных пособий для слушателей, и выполнять их поручения как чисто научного и учебного характера, так и в отношении изготовления указанных пособий (переписка для литографированных изданий, ведение корректур и пр.). Для указанной цели предназначаются до 6 недельных часов из нормального количества 12 недельных часов учебных занятий, возлагаемых на каждого лектора;

г) приходить на помощь слушателям факультета при составлении ими отчетов по заграничным командировкам или самостоятельно ими переводных работ по изучению стран и народов Восточной Азии, для чего каждым лектором-туземцем

³³ Сладковский М. И. Знакомство с Китаем и китайцами. М.: Мысль, 1984. С. 42.

³⁴ Там же. С. 43.

³⁵ Там же. С. 45; Интервью с выпускником восточного факультета ГДУ 1939 г. Ф. В. Соловьевым // Известия Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. 1994. № 1. С. 80.

³⁶ Профессора Дальневосточного государственного университета. С. 438.

³⁷ Профессора Дальневосточного государственного университета. С. 438; Врядий С. Ю. Указ. соч. С. 73.

³⁸ Из истории востоковедения на российском Дальнем Востоке. С. 74.

³⁹ Там же.

назначаются особые совещательные часы, не менее 3 раз в неделю в помещении факультета или у себя на дому»⁴⁰.

Интересно, что многие из обязанностей, включенные в правила для лекторов-туземцев ГДУ, актуальны и для носителей восточных языков, которые работают на всех кафедрах, обеспечивающих преподавание восточных языков в нынешнем ДВФУ.

Китаистам 20-х гг. ГДУ посчастливилось учиться и у выдающегося востоковеда-энциклопедиста Николая Васильевича Кюнера. Н. В. Кюнер по праву считается одним из самых ярких представителей отечественного востоковедения XX века. Он проявил себя как ученый еще в дореволюционный период (при этом все это время он трудился в Восточном институте (ВИ) во Владивостоке), много и плодотворно трудился и в советское время (в ВИ и ГДУ во Владивостоке, а затем в Ленинградском университете до самой своей смерти в 1955 году. Ленинградский период его работы прерывался 3-х летней работой в Казахской ССР во время эвакуации).

Н. В. Кюнер родился в 1877 г. в Тифлисе, но уже в 1878 г. семья Кюнеров переехала в столицу, где в 1896 г. он с золотой медалью окончил Третью Санкт-Петербургскую гимназию и в этом же году был принят в Императорский Санкт-Петербургский университет на факультет восточных языков по китайско-маньчжуро-монгольскому разряду⁴¹. Так же, как и А. В. Рудаков, Н. В. Кюнер учился у выдающихся востоковедов того времени: китайскому языку он учился у В. П. Васильева, Д. А. Пещурова, А. И. Ивановского, монгольскому и калмыцкому языкам – у К. Ф. Голстунского и А. М. Позднеева, маньчжурскому – у А. О. Ивановского. Лекции по истории Востока он слушал у Н. И. Веселовского, по истории Китая – у Д. М. Позднеева⁴².

Еще будучи студентом, он стал специализироваться по истории Востока, получив золотую медаль за студенческое сочинение «Историко-географический очерк Японии», и принял участие в создании трехтомного «Описания Кореи». Эта работа была первым в России обобщающим трудом по истории, экономике и этнографии Кореи. Получив по окончании университета диплом первой степени, он был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию.

Нет ничего удивительного, что первый директор Восточного института А. М. Позднеев пригласил одного из своих лучших учеников для преподавания во Владивосток. В 1900–1902 гг. Н. В. Кюнер был по ходатайству Института на стажировках в странах Восточной Азии – Японии, Корее, Внутреннем Китае, Монголии, Маньчжурии. По возвращении он был назначен исполняющим должность профессора Восточного института.

Работа во Владивостоке (1902–1925 гг.) в Восточном институте, а затем в ГДУ, Н. В. Кюнер сформировался как ученый-востоковед широкого профиля. Он разрабатывал и читал оригинальные лекции по истории и географии стран Дальнего

Востока. Он читал в оригинале труды восточных и европейских ученых, так как владел 17 языками: 7 восточными и 10 европейскими. За свою фундаментальную работу «Описание Тибета» Н. В. Кюнер был удостоен Императорским Санкт-Петербургским университетом магистерской степени по истории.

Николай Васильевич с большим энтузиазмом занимался изучением Японии, Кореи, Монголии, но особенно плодотворно развивалась его деятельность как китаиста. Для пополнения знаний и сбора материалов Н. В. Кюнер неоднократно выезжал в Китай, Корею, Японию, а в 1905–1906 гг. был в Австрии. Его работы по Китаю – «Экономическая география Китая», «Коммерческая география Китая», «География Китая», «Исторический очерк развития китайской и духовной культуры» и многие другие сделали его имя известным далеко за пределами Дальнего Востока. «Высокой оценкой его вклада в развитие науки стало его избрание в октябре 1909 г. действительным членом Императорского Русского географического общества, а в декабре 1915 г. – действительным членом Императорского общества востоковедения»⁴³.

М. И. Сладковский так вспоминает о Н. В. Кюнере: «Н. В. Кюнер считался крупнейшим знатоком истории и географии стран Дальнего Востока. На его лекции приходили студенты не только восточного, но и других факультетов, а также преподаватели и вольнослушатели – военные, учителя и др. Он излагал оригинальную гипотезу о формировании народности ханьцев – китайцев»⁴⁴. Лекции Н. В. Кюнера, как и лекции А. В. Рудакова, оставляли неизгладимый след у студентов, изучающих китайский язык. Именно они формировали будущих специалистов. Н. В. Кюнер издал более 400 работ, награжден орденами и медалью СССР⁴⁵. Среди выдающихся учеников Н. В. Кюнера, которых он обучал во Владивостоке, А. М. Решетов называет П. В. Шкуркина, И. Г. Баранова, Н. П. Мацокина, Б. И. Понкратова, Б. К. Пашкова, К. А. Харнского⁴⁶.

Константин Андреевич Харнский (1894–1938), родившийся в Литве в семье полковника, прошел непростой путь до поступления в Восточный институт. В 1894 г. он был определен в Московский кадетский корпус, в 1900 г. поступил в Михайловское артиллерийское училище, по окончании которого служил в одном из полков, стоявших под Читой. В 1908 г. он поступил в Восточный институт во Владивостоке и по окончании японского отделения в 1912 г. был направлен на стажировку в Японию для совершенствования японского языка и изучения страны⁴⁷. К педагогической деятельности в ГДУ он приступил в 1923 г. В 1914 г. он как кадровый офицер был отозван из Японии на фронт, где был тяжело ранен, а после выздоровления назначается в Информационный отдел штаба Приамурского военного округа, в печатном органе которого начинает публиковать свои аналитические

⁴³ Решетов А. М. Указ. соч. С. 164.

⁴⁴ Сладковский М. И. Знакомство с Китаем и китайцами. С. 44.

⁴⁵ Милибанд С. Д. Востоковеды России: XX – начало XXI в.: библиографический словарь: в 2-х кн. Кн. 1: А-М. М.: Вост. лит., 2008. С. 771.

⁴⁶ Решетов А. М. Указ. соч. С. 165.

⁴⁷ Профессора Дальневосточного государственного университета. С. 52; Серов В. М. К. А. Харнский – историк стран Дальнего Востока // Известия Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. 1999. № 5. С. 51.

⁴⁰ Из истории востоковедения на российском Дальнем Востоке. С. 74.

⁴¹ Решетов А. М. Выдающийся востоковед-энциклопедист (к 125-летию со дня рождения Н. В. Кюнера) // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 6. С. 163; Профессора Дальневосточного государственного университета. С. 290.

⁴² Решетов А. М. Указ. соч. С. 163.

обзоры, из которых станет ясно, что он идет по стопам своего любимого учителя – Н. В. Кюнера. Где бы он потом ни работал – в Шанхае, в Пекине, в Чите – его публицистические заметки и очерки, научные статьи и книги свидетельствовали о том, что Харнский – это еще один энциклопедист, который последовательно и преданно изучает историю стран Дальнего Востока⁴⁸. Именно поэтому, когда после освобождения Приморья от иностранных интервентов К. А. Харнский вернулся во Владивосток, ему поручили заведовать кафедрой экономики и политики стран Тихоокеанского бассейна на восточном факультете ГДУ, которая обеспечивала курсы по истории стран Дальнего Востока всем восточникам независимо от того, какую страну они изучали⁴⁹. К. А. Харнский – автор более 300 работ⁵⁰. Чаще всего его характеризуют как япониста, но, как справедливо пишет В. М. Серов, характеризуя его публикацию «История Китая», К. А. Харнский попытался осмыслить события в Китае в связи с мировым историческим процессом, он стремился развеять сложившиеся в западной историографии представления о «неисторичности» Китая, его застойности, извечной отсталости⁵¹. «Одна, пожалуй, из самых значительных заслуг Харнского состоит в том, что он первым серьезно выступил против западной концепции евроцентризма»⁵². К. А. Харнский первым предпринял попытку рассмотреть историю стран Дальнего Востока в связи с мировой историей и пришел к выводу о наличии единого пути исторического развития Запада и Востока⁵³. Студенты-китаисты ГДУ 20–30-х гг. хорошо знали К. А. Харнского и его труды, о чем свидетельствует выпускник китайского отделения востфака ГДУ 1939 г. Ф. В. Соловьев⁵⁴.

Выпускники ГДУ, ученики К. А. Харнского вспоминают, что «его лекции не строились по строгим канонам методики. Он не всегда придерживался рамок заданной темы. Порой лекции продолжались и в перерыве, а иногда, для желающих, и после занятий. Бывало, начинался горячий диспут, в ходе которого преподаватель увлекался не меньше, чем студенты. Однако он никогда не давал чувствовать своего превосходства к чужим мнениям и взглядам»⁵⁵.

Жизнь К. А. Харнского оборвалась трагически в 1938 г. 6 августа 1937 г. он был арестован органами НКВД, 24 апреля 1938 г. признан виновным по ст. 58-1 «а», 58-8, 58-11 УК РСФСР, 25 апреля 1938 г. расстрелян. 2 апреля 1957 г. посмертно реабилитирован определением Военной коллегии Верховного суда СССР⁵⁶.

С большой теплотой выпускники 20–30-х гг. вспоминают доцента Т. Д. Червонецкого, который работал на востфаке с 1926 г., преподавал грамматику китайско-

⁴⁸ Милибанд С. Д. Востоковеды России: XX – начало XXI в.: библиографический словарь: в 2-х кн. Кн. 2: Н-Я. М.: Вост. лит., 2008. С. 573; Серов В. М. Указ. соч. С. 52.

⁴⁹ Серов В. М. Указ. соч.

⁵⁰ Милибанд С. Д. Востоковеды России. Кн. 2: Н-Я. С. 573.

⁵¹ Серов В. М. Указ. соч. С. 56.

⁵² Там же. С. 52.

⁵³ Там же. С. 60.

⁵⁴ Интервью с выпускником восточного факультета ГДУ 1939 г. Ф. В. Соловьевым. С. 80.

⁵⁵ Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899–1999 гг. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. С. 85.

⁵⁶ Профессора Дальневосточного государственного университета. С. 521.

го языка, являлся автором программ по курсу разговорного китайского языка для 1, 2 и 3 курсов. В этих программах было несколько разделов: введение в изучение китайского языка, грамматика, чтение и интерпретация текстов на китайском разговорном языке⁵⁷. Тихон Дмитриевич сам обеспечивал курсы, на которых вел преподавание, учебными пособиями. Согласно справке по итогам обследования работы кафедры китайского языка восточного факультета, проведенного научным работником ДВГУ К. П. Феклиным в декабре 1935 г., за период 1927–1933 гг. кафедра пользовалась исключительно учебниками Т. Д. Червонецкого по теории разговорного языка на 1, 2 и 3 курсах. Военная терминология также преподавалась по учебнику Т. Д. Червонецкого⁵⁸. Кроме того, Т. Д. Червонецкий оказывал помощь зав. кафедрой А. В. Рудакову в выполнении им некоторых обязанностей. Самому Аполлинарию Васильевичу из-за болезни было сложно посещать занятия других преподавателей, поэтому Т. Д. Червонецкий добровольно взял на себя эти обязанности и на каждом заседании кафедры докладывал о состоянии работы кафедры. Причем делалось это в присутствии представителей студенчества. Особенно часто он посещал занятия молодого преподавателя Чжана⁵⁹. Коллеги также высоко ценили Тихона Дмитриевича за высокий профессионализм⁶⁰. Это особенно проявилось в 1935 г., когда в марте по настоятельному предложению бюро Далькрайкома ВКП(б) Червонецкий был уволен из университета как реакционер (назвал политэкономия пустым набором слов). «Но поддержанный преподавателями востфака Т. Д. Червонецкий все-таки был восстановлен. 5 мая 1935 г. на заседании бюро Далькрайкома ВКП(б) было принято решение: во изменение постановления Крайкома от 20 марта 1935 г. допустить Т. Д. Червонецкого к преподаванию китайского языка в ДВГУ. Университет не мог лишиться первоклассного специалиста»⁶¹.

Вспоминая преподавателей ГДУ, которые учили его в 20-е годы, М. И. Сладковский пишет: «В моей студенческой зачетной книжке № 1099, выданной 27 января 1925 г., помимо вышеупомянутых, названы следующие преподаватели восточного факультета. По китайскому разряду – профессор Пашков Б. К., читавший курс «История и анализ текстов новейшей фразеологии и терминологии Китая», преподаватели китайского разговорного языка Ян Цзичжан и Дэн Наньян; преподаватель Репин Н. – по курсу «История китайской культуры»⁶². О двух носителях языка и Репине Н. автору статьи не удалось получить других сведений, а вот с Борисом Клементьевичем Пашковым удалось в 60-х годах не просто встретиться, но и прослушать его курс лекций по «Истории китайского языка». Б. К. Пашков окончил в 1917 г. маньчжурско-китайское и японско-китайское, а в 1918 г. монгольско-калмыцкое отделение Восточного института во Владивостоке. Он стал профессором в 1923 г. Его педагогическая и научная деятельность связаны со многими городами

⁵⁷ Дальневосточный государственный университет. С. 111.

⁵⁸ Из истории востоковедения на российском Дальнем Востоке. С. 109.

⁵⁹ Там же. С. 107.

⁶⁰ Ермакова Э. В., Георгиевская Е. А. Восточный факультет в 20–30 годы // Известия Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. 1994. № 1. С. 58.

⁶¹ Дальневосточный государственный университет. С. 117–118.

⁶² Сладковский М. И. Первый центр китаеведения на Дальнем Востоке и его выпускники в 20-е годы // Проблемы Дальнего Востока. 1979. № 4. С. 145.

(Иркутск, Саратов, Астрахань, Элиста, Москва), но с 1923 по 1926 гг. он работал на восточном факультете ГДУ. Являясь знатоком нескольких восточных языков, он активно вел научную работу в области маньчжурского, калмыцкого, китайского языка и его наречий. Его интересные и содержательные лекции не могли не запомниться студентам. Будучи доктором филологических наук, имея более 60 научных работ и несколько медалей за свой доблестный труд, он одним из первых выпускников Восточного института протянул руку помощи альма-матер, где в 1962 г. был восстановлен центр подготовки востоковедов. Его лекции по истории китайского языка и о состоянии изучения китайского языка в СССР для нас, студентов первых наборов китаистов, были очень необходимы и важны. Среди наших преподавателей в ДВГУ не было специалистов по теории китайского языка. Мы внимали каждому слову Бориса Клементьевича, который четко, ясно, иллюстрируя теоретические положения своих лекций большим количеством примеров, рассказывал нам о проблемах китайского языкознания. Никто тогда еще не знал, что это были его последние лекции для студентов. Свою педагогическую деятельность к тому времени он уже завершил, а в сентябре 1970 г. ушел из жизни.

Выпускник 30-х гг. Ф. В. Соловьев вспоминает еще двух преподавателей, которые читали лекции студентам востфака – Л. В. Симоновскую и Л. Д. Позднееву. Симоновская Лариса Васильевна, родившаяся в Харбине в 1902 г., окончила Харьковский государственный университет, недолго читала лекции в нашем университете перед его закрытием в 1939 г., но ее преподавательская работа базировалась на серьезной научно-исследовательской работе, в 1939 г. она стала кандидатом исторических наук, а в 1967 г. – доктором наук⁶³. Ее лекции по истории Китая и всеобщей истории были важными на пути студентов, готовящихся стать специалистами по Китаю. Тем более, к моменту ее работы во Владивостоке было три направления подготовки у китаистов – история, лингвистика, экономика.

Что касается Любови Дмитриевны Позднеевой, то это личность колоритная, незабываемая, значимая. Выдающийся специалист по древней китайской литературе. Любовь Дмитриевна – дочь выдающегося востоковеда, второго директора Восточного института во Владивостоке, – Позднеева Дмитрия Матвеевича. Она родилась после отъезда Дмитрия Матвеевича из Владивостока в 1908 г. (по одним сведениям в Японии, по другим – в Петербурге). В 1932 г. она окончила Ленинградский государственный университет и уехала во Владивосток, где преподавала историю китайской литературы⁶⁴. Как отмечает ее студент Ф. В. Соловьев, лекции ее были очень интересными. Всю свою жизнь Любовь Дмитриевна посвятила изучению и переводу китайской литературы и философских трактатов. 10 лет она возглавляла кафедру китайской филологии в МГУ. Профессор, интеллигент в лучшем смысле этого слова, автор более 100 научных работ, учебников и учебных пособий. В середине 60-х гг. она одна из первых приехала помочь зарождающемуся восточному факультету ДВГУ, понимая, что только они, специалисты ведущих московских и ленинградских востоковедных центров, смогут дать нам, первым

студентам-восточникам ДВГУ, серьезные теоретические знания по китаеведению. Автор этой статьи заворочено слушала, как и все остальные студенты и преподаватели, ее потрясающие лекции. Это была большая честь для нас – слушать лекции поистине легендарной женщины-китаеведа XX века.

Естественно, что замечательные преподаватели смогли воспитать достойных учеников и последователей. О некоторых из них, с кем автор встречался лично, будет рассказано ниже.

Очень значимой и интересной личностью среди выпускников ГДУ является Михаил Иосифович Сладковский. С раннего детства (с момента переселения его родителей из Красноярского края, где Михаил Иосифович родился в 1906 г., в Приамурье) вся его жизнь связана с Китаем и китайцами. В 1912 г. он впервые познакомился с различными социальными группами китайцев, проживающих в Приамурье. Китай и китайцы увлекли его настолько, что в 1924 г. вместе со своими друзьями (Ваня Шишкин, Шура Лысых и Валентин Сунфу) он поступил на китайское отделение востфака ГДУ⁶⁵. По мнению Михаила Иосифовича, поступление на востфак стало для него началом нового жизненного пути. Сбылась его детская и юношеская мечта – познать древнюю страну Китай, его народ и его судьбы. Ознакомление с историей, культурой, экономикой, национально-освободительным движением Китая помогло по-новому оценить ему свои представления о Китае и китайцах. Он стал понимать, что Китай – «сложная, многоликая страна, переживающая на протяжении веков и тысячелетий и взлеты, и падения, впитавшая в себя племена и народности, существенно различающиеся и по разговорному языку, и по образу жизни»⁶⁶. Во время пребывания в командировках в Шанхае и Харбине в 1926 и 1927 гг. М. И. Сладковский имел возможность наблюдать революционную жизнь пролетарского Шанхая, сложную ситуацию в Маньчжурии⁶⁷.

У Михаила Иосифовича богатая трудовая биография: преподаватель Шанхайского университета (1926), сотрудник Министерства внешней торговли СССР (1928–1961), заведующий восточным управлением (1943–1961), торгпред СССР в КНР (1961–1965)⁶⁸. В процессе трудовой деятельности он участвовал в разнообразных формах советско-китайских контактов – выезжал в Китай в качестве уполномоченного Всесоюзного объединения «Лектехсырье», принимал непосредственное участие в межправительственных советско-китайских переговорах и в осуществлении советско-китайских договоров и соглашений⁶⁹. Важную часть его жизни составляли педагогическая и научная деятельность.

Сам Михаил Иосифович считает началом своей научной деятельности 1935 г. Кандидатскую диссертацию по теме «Внешнеэкономические отношения Китая с основными странами мира» он защитил в 1952 г., а уже в 1958 г. стал доктором экономических наук. Преподавал он в Академии и Институте внешней торговли

⁶⁵ Сладковский М. И. Знакомство с Китаем и китайцами. С. 40.

⁶⁶ Там же. С. 57.

⁶⁷ Сладковский М. И. Важное звено в системе советской общественной науки. К 10-летию со дня образования Института Дальнего Востока АН СССР // Проблемы Дальнего Востока. 1976. № 4. С. 4.

⁶⁸ Милибанд С. Д. Востоковеды России. Кн. 2: Н-Я. С. 365.

⁶⁹ Сладковский М. И. Важное звено в системе советской общественной науки. С. 4.

⁶³ Милибанд С. Д. Востоковеды России. Кн. 2: Н-Я. С. 353.

⁶⁴ Там же. С. 168.

МВТ СССР (1951–1958), в МИВ/МГИМО МИД СССР (1951–1954). Был научным сотрудником Института китаеведения (1961–1965), в 1961 г. получил звание профессора⁷⁰.

М. И. Сладковский – автор более 100 научных работ. Причем, руководя большим Институтом, он не утратил своей научной активности, а продолжил разработку своей основной темы – внешнеэкономических связей Китая и, в особенности, его связей с Россией. В 70-х гг. вышли его два капитальных труда: «История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.)» и «История торгово-экономических отношений России и СССР с Китаем (1917–1974)». Кроме того, именно в 70-х гг. он существенно расширил рамки своей исследовательской работы, включив в них изучение истории, политических и экономических отношений Китая с Японией и Англией⁷¹.

В 1965 г. М. И. Сладковский был назначен заместителем заведующего отделом ЦК КПСС, а в конце 1966 г. был выдвинут на должность директора Института Дальнего Востока (ИДВ) АН СССР, которым руководил с 1967 г. по 1985 г., то есть до конца своей жизни. Именно на этой должности Михаил Иосифович в полной мере реализовал свои научные и научно-организационные способности. Из небольшой группы сотрудников под его руководством был создан полноценный научный центр по изучению современных проблем Дальнего Востока. Вначале в Институте было четыре научных направления, а уже через 10 лет в нем стало более двадцати научных востоковедных направлений, над которыми трудились десятки докторов и кандидатов наук. За время руководства Михаила Иосифовича в Институте было издано большое количество книг и справочных изданий. Особенно большой вклад был внесен в разработку проблем современного Китая. В институте подготовлен большой отряд молодых ученых, защитивших диссертации в Институте⁷². С 1972 г. ИДВ издает журнал «Проблемы Дальнего Востока», в котором освещаются основные проблемы Дальневосточного региона, публикуются исторические, экономические, искусствоведческие и другие исследования, даются аннотации важнейших работ зарубежных востоковедов⁷³. Этот журнал стал «настойчивой книгой» всех отечественных синологов и других специалистов по зарубежному Дальнему Востоку.

Начиная формировать кадровый состав своего Института, Михаил Иосифович приехал в 1967 г. в свою альма-матер – ДВГУ. Здесь он выступил с научным докладом перед студентами и преподавателями востоковедами, рассказал о созданном в Москве Институте и пригласил будущих выпускников в аспирантуру и на работу (первый выпуск востоковедов после закрытия ДВГУ в 1939 г. состоялся в 1968 г.). И выпускники ДВГУ с большим энтузиазмом поступали в аспирантуру Института Дальнего Востока, хотя не все из них затем вернулись во Владивосток. Именно в ИДВ прошла аспирантскую подготовку выпускница ДВГУ 1969 г. к.

⁷⁰ Милибанд С. Д. Востоковеды России. Кн. 2: Н-Я. С. 365.

⁷¹ К 75-летию М. И. Сладковского // Проблемы Дальнего Востока. 1981. № 4. С. 206.

⁷² 70-летие члена-корреспондента АН СССР М. И. Сладковского // Проблемы Дальнего Востока. 1976. № 4. С. 183.

⁷³ Сладковский М. И. Важное звено в системе советской общественной науки. С. 11.

филол. н. О. Н. Болотина, известный специалист по творчеству Лао Шэ, которая после окончания аспирантуры вернулась в ДВГУ, а затем основала востоковедное подразделение в ДВГТУ. Выпускник 1971 г. востфака ДВГУ Павлятенко Виктор Николаевич, автор более 150 научных работ, защитил свою кандидатскую работу в 1979 г. в ИДВ и возглавлял более 15 лет Центр исследований Японии Института Дальнего Востока. Трудится в этом Центре сегодня один из первых выпускников ДВГУ 1968 г. Гринюк Владимир Александрович.

Не забывал Михаил Иосифович поддерживать востоковедение в ДВГУ до последних дней своей жизни. Будучи член-корреспондентом АН СССР (с 1972 г.), он сделал все возможное, чтобы увидело свет постановление секретариата ЦК КПСС от 20 июня 1978 г. «О некоторых мерах по дальнейшему развитию китаеведения и востоковедения на Дальнем Востоке», инициированное ректором ДВГУ Горчаковым Виктором Васильевичем. В соответствии с этим постановлением были приняты меры по закреплению востоковедческих кадров, развитию научных исследований и укреплению материальной базы восточного факультета.

К этому времени я уже была деканом восточного факультета ДВГУ. Научный потенциал факультета позволил в 1980 г. создать научно-исследовательскую проблемную лабораторию, занимавшуюся современным положением Китая. Как научному руководителю лаборатории мне часто приходилось встречаться с М. И. Сладковским, тем более, научный результат нашей лаборатории в виде научных бюллетеней был востребован многими организациями нашей страны, в том числе и Институтым Дальнего Востока. М. И. Сладковский чутко относился ко всем проблемам нашего факультета, он помогал и пополнению нашей библиотеки, и направлял ведущих сотрудников своего Института для чтения лекций для наших студентов, внимательно следил за тем, чтобы преподаватели и научные сотрудники востфака ДВГУ были достойно представлены на всех конференциях в ИДВ. В одну из наших первых встреч в Институте он и познакомил меня со своим заместителем Геннадием Васильевичем Астафьевым – еще одним выпускником-китаистом ГДУ.

Нужно отметить, что М. И. Сладковский помогал не только ДВГУ. По свидетельству очевидцев, он «не только поддерживал инициативу наших востоковедов о создании в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока АН восточного направления, но и сам не однажды выходил по этому вопросу в ЦК КПСС и Правительство⁷⁴.

За успешную практическую деятельность в МВТ СССР и научно-организаторскую работу в системе Академии наук СССР М. И. Сладковский был награжден двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Трудового Красного Знамени. Правительство МНР наградило М. И. Сладковского двумя орденами «Полярная звезда»⁷⁵.

Весь жизненный путь Михаила Иосифовича Сладковского, выпускника ГДУ 1930 г., свидетельствует о том, что им могли бы гордиться не только его учителя А. В. Вяткин, Н. В. Кюннер, К. А. Харнский, Б. К. Пашков, но и нынешний ДВФУ.

⁷⁴ Интервью с выпускником восточного факультета ГДУ 1939 г. Ф. В. Соловьевым. С. 81.

⁷⁵ К 75-летию М. И. Сладковского. С. 206.

Характеризуя своих однокурсников и выпускников-китаистов, М. И. Сладковский утверждает, что «Геннадия Астафьеву, студенту набора 1925 года, посчастливилось больше других. Всю свою послеуниверситетскую жизнь он был связан с научной и исследовательской работой по Китаю»⁷⁶.

Прежде чем стать одним из ведущих специалистов-китаеведов нашей страны, Геннадий Васильевич Астафьев после окончания в 1930 г. востфака ГДУ в течение 10 лет работал в различных учреждениях Народного комиссариата внешней торговли СССР. Во время практической работы в системе НКВТ он начал углубленно изучать экономику и историю Синьцзяна, подготовил ряд работ по этой тематике, а в 1939 г. поступил в аспирантуру института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР. С 1942 по 1946 г. он служил в Красной Армии. Находясь на службе, он завершил и успешно защитил в 1944 г. кандидатскую работу по Синьцзяну⁷⁷. Демобилизовавшись в 1946 г. из армии, он полностью посвятил свою жизнь научным исследованиям социально-экономического развития Китая, истории и международных отношений КНР и политике США в Китае. По этой тематике им опубликовано более 100 работ, многие из которых переведены на иностранные языки. В 1960 г. Г. В. Астафьев защитил докторскую диссертацию. Свою научную работу он в течение всей своей жизни совмещал с плодотворной преподавательской деятельностью в МГУ, в МГИМО МИД СССР. В 1961 г. ему было присвоено ученое звание профессора. Активно участвовал Геннадий Васильевич в подготовке научных кадров в аспирантуре ИСАА при МГУ и в ИДВ АН СССР. Более 20 его аспирантов стали кандидатами наук. В 1970 г. он получил почетное звание Заслуженного деятеля науки РСФСР.

Геннадий Васильевич был хорошим организатором и руководителем. Вот только несколько должностей, которые он занимал, – заведующий сектором, зав. кафедрой, заместитель директора. С момента создания Института Дальнего Востока он бок о бок работал с М. И. Сладковским, будучи более 10 лет его заместителем и бессменным членом редколлегии журнала «Проблемы Дальнего Востока»⁷⁸. Он никогда не забывал свою альма-матер, давшую ему путевку в жизнь, и поддерживал тесные связи с востфаком ДВГУ. Наши личные встречи с ним были полезны мне, в первую очередь, как руководителю востфака и проблемной научной лаборатории, но он очень спокойно и настойчиво убеждал меня, лингвиста, чтобы я непременно защитила кандидатскую диссертацию, что я и сделала в 1978 г. Его рабочий и домашний кабинет поражали меня не столько количеством (это я видела и у других выпускников ГДУ), сколько качеством книг и их состоянием. Было очевидно, что эти книги использовались неоднократно, как он мне объяснял, не только им, но и его учениками.

Так же, как и в случае с М. И. Сладковским, самоотверженный труд Г. В. Астафьева был отмечен орденом и медалями СССР.

⁷⁶ Сладковский М. И. Первый центр китаеведения на Дальнем Востоке и его выпускники в 20-е годы. С. 151.

⁷⁷ Милибанд С. Д. Востоковеды России: XX – начало XXI в.: библиографический словарь: в 2-х кн. Кн. 1: А-М. С. 76; 70-летие Г. В. Астафьева // Проблемы Дальнего Востока. 1978. № 3. С. 204.

⁷⁸ 75-летие Г. В. Астафьева // Проблемы Дальнего Востока. 1984. № 1. С. 198; 70-летие Г. В. Астафьева. С. 204; Милибанд С. Д. Востоковеды России. Кн. 1: А-М. С. 76.

Со дня основания Института Дальнего Востока и до конца своих дней работал в нем вместе с М. И. Сладковским и Г. В. Астафьевым Сидихменов Василий Яковлевич. Он родился в 1912 г. в Хабаровске и окончил востфак во Владивостоке в 1935 г. По окончании университета он надолго связал свою жизнь со службой в Советской Армии (вплоть до 1956 г.), участвовал в Великой Отечественной войне, в 1946 г. был назначен главным редактором газеты, издаваемой командованием Советской Армии в Маньчжурии, а потом советником журнала «Народный Китай» в Пекине (1953–1956)⁷⁹. С 1956 г. по 1965 г. он работал ответственным сотрудником ЦК КПСС, а затем вплотную занялся научно-исследовательской работой, которую он начал вести еще во время службы в армии. В 1961 г. Василий Яковлевич Сидихменов защитил кандидатскую диссертацию по истории Китая⁸⁰. Коллеги отмечают, что Василий Яковлевич был человеком высокого профессионализма, ему было присуще чувство ответственности за порученное дело. В. Я. Сидихменов был блестящим знатоком китайского языка, реалий и традиций китайского быта. Свои педагогические способности он с успехом реализовал в Военном институте иностранных языков, где на протяжении нескольких лет возглавлял кафедру китайского языка. Имеет более 100 научных работ. Его книга «Китай: страницы прошлого» (1978), в которой рассказывается о различных сторонах жизни китайского народа в XVII – начале XX века, до сих пор является очень популярной у молодых начинающих китаистов как пособие по этнологии Китая.

Ратные и трудовые успехи Василия Яковлевича высоко оценены Родиной. Он награжден четырьмя орденами и многими медалями, среди которых два ордена Великой Отечественной войны.

Уникальным специалистом-китаеведом стал еще один выпускник китайского отделения ГДУ, который завершил свое обучение в нем в 1939 г. – Рудольф Всеволодович Вяткин. Сам Рудольф Всеволодович родился в Базеле (Швейцария), и каким образом он попал во Владивосток, автор статьи, к сожалению, не знает. Но достоверно известно, что отец его похоронен на старом кладбище на станции Гродково (пос. Пограничный), так как в 2003 г. я искала могилу Всеволода Вяткина вместе с его внучкой Руфиной Рудольфовной и ее мужем Меером Михаилом Серафимовичем (ректором ИСАА при МГУ в то время). Рудольф Всеволодович после окончания обучения во Владивостоке долгое время преподавал китайский язык в г. Канске, затем в Военном институте иностранных языков (г. Москва), в Московском институте востоковедения, в МГУ. Кандидатом исторических наук он стал в 1949 г. С 1958 г. до конца своих дней он работал в Институте востоковедения РАН. Уникальность его заключается не только в том, что он был предан на протяжении всей своей жизни изучению истории Китая, имеет более 120 изданных научных работ, награжден орденами и медалями СССР. Уникальность его заключается в том, что он перевел один из главных исторических трудов древних китайцев «Ши Цзи» («Исторические записки» или «Записки историка») Сыма Цяня, состоящий

⁷⁹ Милибанд С. Д. Востоковеды России. Кн. 2: Н-Я. С. 345; Интервью с выпускником восточного факультета ГДУ 1939 г. Ф. В. Соловьевым. С. 82.

⁸⁰ Милибанд С. Д. Востоковеды России. Кн. 2: Н-Я. С. 345; Василий Яковлевич Сидихменов (1913–1996 гг.): (некролог) // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 1. С. 159.

из 130 глав (около 526 тысяч иероглифов). Благодаря тематической широте, грандиозному объему информации по многим отраслям знаний памятник был признан энциклопедией Китая II в. до н.э.⁸¹.

В середине 1960-х годов Р. В. Вяткин приступил к полному научному переводу «Ши Цзи» на русский язык. Два первых тома опубликованы им в соавторстве с В. С. Таскиным. В дальнейшем Р. В. Вяткин работал самостоятельно, сумев завершить полностью 120 глав (92% текста)⁸². Ю. Л. Кроль пишет о Рудольфе Всеволодовиче: «Он оказался также ученым редкой сосредоточенности, целеустремленности и самодисциплины, поэтому ему и удалось перевести из Сыма Цяня так много, больше, чем кому-либо из европейцев. Особую роль сыграло то, что он по-особому относился к своей работе и по-настоящему бескорыстно любил ее»⁸³.

Р. В. Вяткин был не просто большим ученым, но и мужественным человеком. В середине 70-х гг. его здоровье было подорвано и постепенно ухудшалось. «Снова и снова он попадал в больницу, где спасали его жизнь, ставили на ноги, и он «с того света» возвращался к своему переводу, тяжело больной, казалось, он жил только ради того, чтобы закончить свой труд, как когда-то жил ради этого его герой Сыма Цянь... Жизнь его превратилась в научный подвиг, на который нельзя было смотреть без восхищения и глубокого уважения»⁸⁴.

Рудольф Всеволодович ушел из жизни в 1995 г., но задолго до этого он первый из выпускников ГДУ-востоковедов передал в дар ДВГУ свою замечательную библиотеку. И студенты востоковеды Владивостока, как и преподаватели, продолжают изучать историю Китая по книгам с личным экслибрисом Рудольфа Всеволодовича Вяткина.

К плеяде выдающихся ученых-выпускников востфака ГДУ относится Николай Николаевич Коротков. Родился он в 1908 г. в Нижнем Новгороде, но детство его прошло во Владивостоке, где он находился в контакте с пришлым населением русского Дальнего Востока (китайцами, корейцами, японцами). Знакомство с бытом, обычаями представителей соседнего Китая, как и в случае с М. И. Сладковским, сыграло важную роль в выборе им будущей профессии. Поступил он на китайское отделение ГДУ, а окончил в 1931 г. китайское отделение восточного факультета Института народного хозяйства (такие метаморфозы происходили с университетом и востфаком в 30-е годы). В большую науку он пришел после длительного периода работы в качестве переводчика. Еще обучаясь в вузе, Н. Н. Коротков был допущен к работе в Бюро Китаеведения Дальневосточного научно-исследовательского института. «Работая в китайской группе национальной секции этого института с июня по декабрь 1931 г., молодой исследователь по поручению окружного отдела Союза строительных рабочих в летнее время был уполномоченным по работе среди китайцев и других представителей пришлого населения Дальнего Востока, работавших на

⁸¹ Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 4: Историческая мысль. Политическая и правовая культура. М.: Восточная литература. 2009. С. 818.

⁸² Там же. С. 819.

⁸³ Кроль Ю. Л. Рудольф Всеволодович Вяткин и «Исторические записки» Сыма Цяня // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 4. С. 62.

⁸⁴ Там же. С. 63.

строительных объектах Приамурья и Приморья»⁸⁵. Николаю Николаевичу приходилось заниматься переводами многих документов, брошюр и книг, выпускаемых на китайском языке как в Советской России, так и в Китае. С переездом в Москву, где в 1932 г. Н. Н. Коротков был принят доцентом на кафедру китайского языка в Московский институт востоковедения, наступил новый этап в его жизни, который показал, что Николай Николаевич не только хороший переводчик, но и замечательный педагог. На протяжении трех десятилетий он преподавал в ведущих вузах Москвы, готовящих специалистов для дипломатической работы и работы в органах государственной безопасности. Все это время он занимался очень скрупулезной работой по созданию учебников китайского языка и большой организационной работой, являясь заведующим кафедрой сначала в высшей дипломатической школе МИД СССР, а потом в МГИМО МИД СССР⁸⁶.

Успешная педагогическая работа активно совмещалась с научно-исследовательской. В 1948 г. он защитил кандидатскую диссертацию. А вот доктором филологических наук он стал необычным путем. В 50–60-х гг. Николай Николаевич работал в Институте востоковедения и в Институте языкознания АН СССР. К концу 60-х гг. он был уже известный ученый с большим авторитетом как в нашей стране, так в Европе и в Китае. К этому времени уже более десяти его учеников завершили учебу в аспирантуре под его руководством и стали кандидатами наук. Сам же он скромно считал себя недостойным ученой степени доктора наук. В 1968 г. вышел его фундаментальный труд «Основные особенности морфологического строя китайского языка (грамматическая природа слова)». В январе в 1969 г. автору статьи посчастливилось присутствовать на обсуждении этой книги в отделе языков Института востоковедения. Его ученики: В. М. Солнцев, Н. В. Солнцева, Ю. В. Рождественский, Ю. Я. Плам, С. Б. Янкивер и многие другие в своих выступлениях, споря по многим позициям, изложенным в книге, настаивали на том, что автор работы достоин степени доктора наук, но Николай Николаевич сопротивлялся. Тогда его ученики взяли дело в свои руки (двое из них – Ю. В. Рождественский и В. М. Солнцев – к тому времени были уже докторами наук), и в мае 1971 г. Н. Н. Коротков заслужено получил степень доктора филологических наук по монографии⁸⁷.

Николай Николаевич воспитал многих специалистов по китайскому языкознанию, достаточно сказать, что его учеником был В. М. Солнцев – доктор филологических наук, член-корреспондент АН СССР, действительный член РАН, академик-секретарь отделения словесности, зам. директора Института востоковедения, директор Института языкознания. Подготовил Николай Николаевич и достойного ученика для своей альма-матер. В. И. Молодых под руководством Николая Николаевича успешно защитил кандидатскую диссертацию и в настоящее время является профессором ДВФУ.

⁸⁵ Хохлов А. Н. Китаевед-лингвист Н. Н. Коротков (1908–1993 гг.): тернистый путь к вершинам научного творчества // Китайское языкознание: IX Междунар. конф.: материалы, Москва, 23–24 июня 1998 г. М.: Институт языкознания РАН, 1998. С. 7.

⁸⁶ Милибанд С. Д. Востоковеды России. Кн. 1: А-М. С. 695.

⁸⁷ Там же.

Еще ближе, чем в 1969 г., мне удалось познакомиться с Николаем Николаевичем в 1978 г., когда он был назначен главным оппонентом моей кандидатской работы. Сказать, что я боялась мнения патриарха китайского языкознания в нашей стране, значит ничего не сказать. Хотя работа была выполнена тщательно под руководством опытной ученицы Николая Николаевича Н. В. Солнцевой, я прекрасно понимала и объективно оценивала свой уровень знаний. Николай Николаевич не предоставил мне письменного заключения о работе за 10 дней до защиты, а накануне защиты он пригласил меня к себе. Я шла к нему, как на эшафот: завтра защита, отзыва я еще не видела. Николай Николаевич начал разговор со мной с фразы: «Отзыв я еще не написал, но работа хорошая, такой она должна быть у преподавателя университета», а потом целый час разговаривал со мной о ГДУ и ДВГУ. Прощаясь со мной, задал лишь один вопрос: «Сознайтесь, глава по конверсионной омонимии включена в работу под влиянием Вадима Михайловича Солнцева?». Я ответила утвердительно, так как это было правдой. Не увидела я отзыва и перед самой защитой. Узнав об этом, председатель диссертационного совета В. М. Солнцев решил перенести защиту, но я упростила его не делать этого. «Буду защищаться» – заявила я, даже не представляя, что будет. Моя руководительница была в полуобморочном состоянии. После изложения сути работы и моих ответов на вопросы, слово дали Николаю Николаевичу. Говорил он полчаса. Это был не только и не столько отзыв о моей работе, это был доклад о проблемах современной лексикологии китайского языка. Упомянул он и о конверсионной омонимии, но не поставил мне в упрек включение этой главы в работу по лексической омонимии. После защиты он первым подошел ко мне и поздравил. Как я ему благодарна за урок! Вот такие они, выпускники 20–30-х годов!

Вся жизнь и деятельность Н. Н. Короткова – один из примеров самоотверженного служения своему отечеству и народу, высшим идеалам добра и справедливости. Он, как и многие другие выпускники ГДУ, награжден орденом и медалью.

Китайский язык открывает свои тайны не каждому исследователю, но Николаю Николаевичу Короткову многие из них стали известны благодаря его упорству и преданности делу.

Судьбы выпускников-китаистов 20–30-х гг. очень разные, не у всех они были столь блистательны, о чем справедливо отмечает и М. И. Сладковский, говоря о своих однокурсниках⁸⁸.

Прежде чем завершить статью, автору хотелось бы упомянуть еще двух выпускников ГДУ 30-х гг., на плечи которых легла очень важная и непростая задача – восстановить востоковедение в ДВГУ после второй мировой войны. В мае 1946 г. в Приморской краевой газете «Красное знамя» была опубликована статья А. В. Рудакова «Восстановить Восточный институт», ставшая научным завещанием выдающегося востоковеда. В этой статье он аргументировано, с точки зрения новой политической ситуации на Дальнем Востоке, доказывал необходимость это-

⁸⁸ Сладковский М. И. Первый центр китаеведения на Дальнем Востоке и его выпускники в 20-е годы. С. 148–151.

го шага. Его идея была воплощена в жизнь созданием в 1962 г. на филологическом факультете ДВГУ кафедры восточных языков⁸⁹.

В 1962 г. кафедру восточных языков возглавил выпускник университета 1932 г. Георгий Александрович Ткачев. Проработал он недолго, и в 1964 г. на восточное отделение приходит выпускник китайского отделения ДВГУ 1936 г. Михаил Степанович Беловицкий. Так написано об этих двух отважных людях в Истории ДВГУ⁹⁰. Нужно учитывать условия, в которых им пришлось восстанавливать востоковедение на окраине Дальнего Востока. Главной трудностью было отсутствие кадров и материальной базы. У обоих не было опыта преподавания китайского языка в вузе, но был богатый опыт службы в армии и работа переводчиками-референтами, экспертами, редакторами газет на китайском языке. Был у них опыт встреч и переводов переговоров видных политических и военных деятелей СССР и КНР⁹¹. Они смогли сделать все, чтобы «первый блин не был комом», а центр востоковедения в ДВГУ возродился. Руку помощи возрождающемуся центру протянули выпускники ГДУ 20–30-х гг., ставшие к этому времени выдающимися учеными, специалисты-востоковеды ЛГУ, МГУ, Института востоковедения и Института Дальнего Востока АН СССР. Все это происходило на глазах автора статьи, которая училась у этих замечательных людей и стала одной из специалистов-китаистов первого выпуска.

Тем, у кого я училась и с кем встречалась из выпускников-китаистов 20–30-х гг., присущи общие черты – они были патриотами своей страны и прививали это чувство своим ученикам, они любили китайский язык, Китай, его народ и старались воспитать это чувство у своих студентов, аспирантов, коллег. Они были трудолюбивы, дерзновенны и мужественны, самоотверженно выполняли свой долг, где бы ни работали, кем бы ни служили. Все они были очень скромны и никогда не унижали своих учеников за недостаточность их знаний. Никогда не забуду слова Г. А. Ткачева, который объяснял нам, «желторотым» первокурсникам, что китайский язык изучать трудно только первые пять лет, а потом привыкаешь. Всей своей жизнью они показывали нам, что только человек высокого профессионализма может назвать себя «ханьсюецзя» – китаевед. Ни один из них не писал в своей анкете, что он в совершенстве знает китайский язык, понимая, что путь познания Китая и китайского языка тернистый и бесконечный.

Список литературы

1. Василий Яковлевич Сидихменов (1913–1996) : (некролог) // Проблемы Дальнего Востока. – 1997. – № 1. – С. 159.
2. Врядий, С. Ю. Профессор китаеведения А. В. Рудаков // Известия Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. – 1999. – № 5. – С. 68–74.

⁸⁹ Хаматова А. А., Ильин С. Н. Школа востоковедов в ДВГУ (1962–1994 гг.) // Известия Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. 1994. № 1. С. 86.

⁹⁰ Дальневосточный государственный университет. С. 227.

⁹¹ Михаил Степанович Беловицкий // Известия Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. 2011. № 17 (1). С. 92.

3. Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899–1999. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. – 704 с.
4. Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. Т. 4 : Историческая мысль. Политическая и правовая культура. – М. : Вост. лит., 2009. – 935 с.
5. Ермакова, Э. В. Восточный факультет в 20–30 годы / Э. В. Ермакова, Е. А. Георгиевская // Известия Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. – 1994. – № 1. – С. 52–63.
6. Из истории востоковедения на российском Дальнем Востоке. 1899–1937 гг. Документы и материалы. – Владивосток : Примор. кр. организация Добровольного о-ва любителей кн. России, 2000. – 256 с.
7. Интервью с выпускником восточного факультета ГДУ 1939 г. Ф. В. Соловьевым // Известия Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. – 1994. – № 1. – С. 78–85.
8. История Дальневосточного государственного университета в документах и материалах. 1989–1939 гг. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. – 628 с.
9. К 75-летию М. И. Сладковского // Проблемы Дальнего Востока. – 1981. – № 4. – С. 205–206.
10. Кроль, Ю. Л. Рудольф Всеволодович Вяткин и «Исторические записки» Сыма Цяня // Проблемы Дальнего Востока. – 1996. – № 4. – С. 56–65.
11. Милибанд, С. Д. Востоковеды России : XX – начало XXI в. : библиографический словарь : в 2-х кн. Кн. 1 : А-М / С. Д. Милибанд ; Ин-т Востоковедения РАН, Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН. – М. : Вост. лит., 2008. – 968 с.
12. Милибанд, С. Д. Востоковеды России : XX – начало XXI в. : библиографический словарь : в 2-х кн. Кн. 2 : Н-Я / С. Д. Милибанд ; Ин-т Востоковедения РАН, Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН. – М. : Вост. лит., 2008. – 1005 с.
13. Михаил Степанович Беловицкий // Известия Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. – 2011. – № 17 (1). – С. 91–92.
14. Профессора Дальневосточного государственного университета. История и современность. 1899–2008 гг. / С. М. Дударенок, Э. В. Ермакова, Е. А. Поправко, И. К. Капран [и др.]. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. – 584 с.
15. Решетов, А. М. Выдающийся востоковед-энциклопедист : (к 125-летию со дня рождения Н. В. Кюнера) // Проблемы Дальнего Востока. – 2002. – № 6. – С. 163–169.
16. 70-летие Г. В. Астафьева // Проблемы Дальнего Востока. – 1978. – № 3. – С. 204.
17. 70-летие члена-корреспондента АН СССР М. И. Сладковского // Проблемы Дальнего Востока. – 1976. – № 4. – С. 182–183.
18. 75-летие Г. В. Астафьева // Проблемы Дальнего Востока. – 1984. – № 1. – С. 198.
19. Серов, В. М. К. А. Харнский – историк стран Дальнего Востока // Известия Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. – 1999. – № 5. – С. 51–62.
20. Скачков, П. Е. Очерки истории русского китаеведения / П. Е. Скачков. – М. : Наука, 1977. – 505 с.
21. Сладковский, М. И. Важное звено в системе советской общественной науки. К 10-летию со дня образования Института Дальнего Востока АН СССР // Проблемы Дальнего Востока. – 1976. – № 4. – С. 3–14.
22. Сладковский, М. И. Знакомство с Китаем и китайцами / М. И. Сладковский. – М. : Мысль, 1984. – 381 с.
23. Сладковский, М. И. Первый центр китаеведения на Дальнем Востоке и его выпускники в 20-е годы // Проблемы Дальнего Востока. – 1979. – № 4. – С. 143–152.
24. Хаматова, А. А. Школа востоковедов в ДВГУ (1962–1994 гг.) / А. А. Хаматова, С. Н. Ильин // Известия Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. – 1994. – № 1. – С. 86–96.
25. Хохлов, А. Н. Китаевед-лингвист Н. Н. Коротков (1908–1993 гг.) : тернистый путь к вершинам научного творчества // Китайское языкознание : IX Международный конф. : материалы, Москва, 23–24 июня 1998 г. – М. : Институт языкознания РАН, 1998. – С. 5–14.

**Приват-доцент факультета востоковедения
Дальневосточного университета Олег Плетнер:
неизвестные страницы российского японоведения**

Икута Митико

Перевод с японского Д. Виноградовой

Вместе с Н. И. Конрадом, М. Н. Раммингом, О. О. Розенбергом, Е. Д. Поливановым, С. Г. Елисеевым, Н. А. Невским и Орестом В. Плетнером Олег В. Плетнер известен как один из представителей так называемого «золотого века» японоведов старой петербургской школы. Он был также профессором Московского Института востоковедения. Здесь мы хотим представить рассказ о его карьере в качестве и.д. доцента Дальневосточного университета. Анализируя архивные материалы, мы хотим показать, что Дальневосточный университет стал независимым центром японских исследований и не был лишь ветвью старой петербургской школы. Олег Плетнер сменил специализацию с классической японской литературы на изучение современной Японии, чтобы соответствовать профилю деятельности Дальневосточного университета. Можно сказать, что он был последним представителем старой петербургской школы и одним из первых людей, которые создавали советскую японологию и преподавали на факультете.

Ключевые слова: российское японоведение, советское японоведение, петербургская школа востоковедения, Дальневосточная школа востоковедения, Плетнер Олег.

Associate Professor of the Far Eastern University, Oleg Pletner: Unknown Pages of Russian Japanology

Ikuta Mitiko

Together with N. I. Konrad, M. N. Ramming, O. O. Rozenberg, E. D. Polivanov, S. G. Eliseev, N. A. Nevsky and Orest V. Pletner, Oleg V. Pletner is famous as one of the so-called Golden-age Japanologists of the old St. Petersburg School. He was also a professor at Moscow Institute of Oriental Studies. Here we want to introduce a story about his career as the acting Associate Professor at the Far Eastern University. Analysing archive materials about him, we want to show that the Far Eastern University became an independent centre of Japanese studies, but was not a mere branch of the old St. Petersburg School. Moreover, Oleg Pletner changed his major from classical Japanese literature to the study of contemporary Japan. He did so in order to adjust himself to the profile of the Far Eastern University. It is possible to say that he was the last representative of the old St. Petersburg School and one of the first people who created Soviet Japanology.

Keywords: Russian Japanology, Soviet Japanology, Golden-age of Russian Japanology, St. Petersburg School, Far Eastern University, Pletner Oleg

Введение

После распада Советского Союза русское зарубежье стало объектом исследований, и во многих научных областях были сделаны новые открытия. Востоковедение и японоведение не стали исключением.

Российский японовед Л. Л. Громковская говорит об этом следующее: «Такие имена востоковедов-эмигрантов, как Елисеев, Плетнер, Григорьев, вернулись в материнское лоно нашей науки»⁹². Особо заметен прогресс в области истории дальневосточного востоковедения, полная картина которой, включая годы чисток, постепенно открывается нашему взору. В данной работе мы также коснемся этой темы, рассмотрев одну из глав забытой истории кафедры японоведения Восточного отделения Дальневосточного университета. Мы проследим взаимоотношения петербургской и дальневосточной ветвей японоведения, а также по-новому посмотрим на связи японоведения дореволюционного и советского периодов.

Особое внимание в данной работе мы уделим личности Олега Плетнера. Он и его брат Орест, который был старше Олега на 1 год, были японоведами, выпускниками Восточного факультета Петербургского университета. Имена братьев Плетнеров стоят в одном ряду с такими, как Н. А. Невский, Н. И. Конрад, Е. Д. Поливанов, С. Г. Елисеев, О. О. Розенберг, учеными «золотого века» петербургского японоведения, однако их жизненный путь известен лишь отчасти, и посвященных им исследований довольно мало. Младший брат Олег умер в 1929 г. в Москве в

⁹² Громковская Л. Росия ни окэру нихон кэнкю - дзидай то хитобито (Японоведение в России – времена и люди / пер. на яп. Тогава Цугио, Хара Тэруюки) // «Сурабу то Нихон» под ред. Хара Тэруюки, Тогава Цугио. Токио: Кобундо, 1997. 349 с.

возрасте 35 лет, а Орест – в 1970 г. в эмиграции в Японии, и их научные достижения малоизвестны по сравнению с другими учеными золотой эпохи японоведения. Оресту Плетнеру посвящена научная статья Л. М. Ермаковой⁹³, а об Олеге не имеется работ ни в России, ни в Японии. Кроме всего прочего, у братьев были одинаковые инициалы, похожие биографии, что часто порождало путаницу и мешало определить точное место Плетнеров в истории японоведения. Посвятив данную работу Олегу Плетнеру, мы попытаемся восполнить забытые страницы истории японоведения.

Начало изучения Японии

Начнем с того, как формировалось японоведение. Изучение Японии в России уходит корнями в петровскую эпоху. Японец Дэнбэй, находившийся на дрейфующем судне, которое было прибито к берегам Камчатки, получил аудиенцию у императора Петра, и это событие послужило началом зарождения японоведения в России. В 1705 г. Петр издал указ, в котором Дэнбэю повелевалось «учить японскому языку и грамоте робят человек четырех или пяти»⁹⁴. Несмотря на то, что это была не полноценная школа японского языка, а лишь курсы, именно это событие положило начало более чем 300-летней истории изучения Японии в России. Можно сказать, что Император Петр прорубил окно не только в Европу, но и на Восток.

В 1736 г. в Петербурге при Академии наук была открыта школа японского языка, а вслед за ней, в 1747 г., еще одна школа японского языка в Якутске. В 1754 г. петербургская и якутская школы были перенесены в главный город Сибири – Иркутск, где стали подразделением навигационного училища. Преподавателями в ней были японцы с дрейфующих судов. Одним из таких японцев по имени Гонза (Демиан Поморцев) при содействии заведующего библиотекой Академии наук Андрея Богданова были написаны «Введение в японский разговорный язык», «Русско-японский тематический глоссарий», «Краткая японская грамматика», «Новый лексикон славяно-японский», «Карманный разговорник «Orbis pictus (Мир в картинках)»⁹⁵, а Андрей Татаринов (сын японца Саносукэ) написал «Лексикон»⁹⁶.

Семь японских книг, привезенных Дайкокуя Кодаю, хранятся в Институте восточных рукописей Российской академии наук в качестве «Библиотеки Кодаю». Также Колотыгин (Синдзо) составил материалы по японскому языку⁹⁷, опубликовал эссе «О Японии и японской торговле или новейшее историко-географическое описание японских островов»⁹⁸. Адам Лаксман, возглавивший миссию в Японию,

⁹³ Ермакова Л. В. О. В. Плетнер и его корреспонденты // Знакомьтесь: Япония. 2002. № 34. С. 56–62.

⁹⁴ Бертельс Д. Е. Введение // Азиатский музей – ленинградское отделение института востоковедения АН СССР. М., 1972. С. 6.

⁹⁵ Горегляд В. Н. Японские моряки в России в эпоху изоляции Японии // К истории Петербургской школы японской филологии. СПб., 2005. С. 64–68.

⁹⁶ Татаринов А. «Лексикон» русско-японский. М.: Изд. вост. лит., 1962. 134 с.

⁹⁷ Хранится в Российской национальной библиотеке г. Санкт-Петербурга, Отделе рукописей.

⁹⁸ Колотыгин Н. О Японии и японской торговле или Новейшее историческо-географическое описание японских островов / рассмотренное природным японцем, титулярным советником Николаем Колотыгиным и изданное Иваном Миллером. СПб.: В типографии Н. Греча, 1817. 71 с.

оставил путевой дневник, Резанов – дневники и составленный им словарь⁹⁹. Однако попытки России установить торговые отношения с Японией не увенчались успехом, и впоследствии, в 1816 г., закрыли и школу японского языка в Иркутске, посчитав ее содержание бессмысленной тратой средств. Так обучение японскому языку, зародившееся в Петербурге, прервалось в 1816 г. в Сибири¹⁰⁰.

Японоведение в Петербурге

1818 г. стал очень важным для российского востоковедения. В конце марта в Главном педагогическом институте, впоследствии преобразованном в Санкт-Петербургский университет, началось преподавание арабского и персидского языков¹⁰¹, а в ноябре в Кунсткамере, основанной Императором Петром с целью сбора коллекции диких вещей со всего света, был создан и Восточный кабинет (впоследствии Азиатский музей). Так в Петербурге появилось два заведения, сыгравших огромную роль в развитии российского японоведения.

В 1854 г. на базе Санкт-Петербургского университета был создан Восточный факультет, целью которого было воспитание будущих исследователей рукописей, привозимых экспедициями, религиозными миссиями, российско-американской компаний. Таким образом, главной целью основания науки востоковедения в России стало изучение разнообразных рукописей и прочих письменных источников.

В 1870 г. восточный факультет обратился с просьбой о введении преподавания японского языка. К сказанному было добавлено, что «находящийся в С.-Петербурге японец, ...Яматов, ...соглашается, на первый раз, преподавать японский язык даже безвозмездно, если не отыщется никаких средств»¹⁰². В 1870 г. было получено разрешение, и японский язык был причислен к китайско-маньчжурско-монгольскому разряду¹⁰³. Петербург стал третьим в мире европейским городом после Парижа и Вены, где японский язык стал преподаваться в высшем учебном заведении¹⁰⁴.

Яматовым, согласившимся обучать японскому языку бесплатно, был работник Азиатского департамента Министерства иностранных дел Татибана Косай, который тайно приехал в Россию на корабле посольства Е. В. Путятина и остался жить в Петербурге. Можно предположить, что он хотел вернуть долг России, принявшей его. Кстати, Ёсида Сёин, попытавшийся пробраться на американский военный корабль и тайно уехать в Америку, получил от коммодора М. К. Перри отказ и вынужден был сдать, а впоследствии был наказан. Татибана в соавторстве с И. А. Гошкевичем в 1857 г. издал «Японско-русский словарь», что стало огромным вкладом в российское японоведение. Эта работа получила Демидовскую премию

⁹⁹ Резанов Н. Нихон тайдзайки 1804–1805 гг. / [пер. на яп. Осима Микио]. Токио: Иванами, 2000. [440 с.]. (Записки о пребывании в Японии).

¹⁰⁰ Горегляд В. Сакоку дзидай но Росиа ни окэру Нихон суйхэйтати // Кокусай Нихон бунка кэнкю сэнта. 2001. [51 с.]. (Японские моряки в России в период изоляции Японии).

¹⁰¹ Кононов А. Н. Восточный факультет Ленинградского университета // Учен. зап. ЛГУ. Сер.: востоковедческих наук. Вып. 13. 1960. № 296. С. 4.

¹⁰² Кононов А. Н. Указ. соч. С. 17.

¹⁰³ Там же. С. 17.

¹⁰⁴ Петрова О. П. Кафедра японской филологии // Учен. зап. ЛГУ. Сер.: востоковедческих наук. Вып. 13. 1960. № 296. С. 45.

Петербургской Академии наук. Службу в министерстве Татибана совмещал с преподаванием японского языка два раза в неделю, занимая должность учителя с октября 1870 г. вплоть до своего возвращения в Японию в мае 1874 года¹⁰⁵.

На Восточном факультете началось преподавание японского языка, и уже в следующем году стали подаваться многократные прошения о создании специальной кафедры японского языка¹⁰⁶. С самого начала японский язык рассматривали в качестве профильной дисциплины, позволяющей готовить специалистов, а не просто предметом по выбору. Однако до создания кафедры японского языка дело не доходило. После возвращения Татибана в Японию с 1874 по 1876 гг. в качестве учителя японского языка служил дипломат посольства в Санкт-Петербурге Ниси Токудзиро¹⁰⁷. Затем его на этой должности сменил сотрудник японской миссии Андо Кэнсуке, проработавший преподавателем с 1881 по 1884 гг. до своего перевода в Париж. В связи с нехваткой преподавателей обучение языку велось прерывисто, однако в 1888 г. Куроно Ёсибуми заступил на должность внештатного преподавателя¹⁰⁸, проработав на ней 28 лет до 1916 г.

Хотя создать кафедру японского языка пока не получалось, успешно собиралась библиотека для исследований Японии. Например, Принц Арисугава Тарухито во время своего визита в Петербург в 1882 г., узнав о том, что в университете ведется преподавание японского языка, преподнес в дар около 3500 томов книг. Таким образом, постепенно начинала формироваться среда преподавания японского языка и изучения Японии.

Разрешение создать на факультете восточных языков Петербургского университета кафедру японской словесности с предоставлением кредита на содержание одного профессора по этой кафедре было получено 25 февраля 1898 г., то есть только спустя 27 лет после подачи первого прошения¹⁰⁹. За два года до получения разрешения на заседании кафедры было внесено предложение назначить преподавателем университета студента-выпускника В. Я. Костылева. Сначала он был готов занять должность, но впоследствии отказался, выбрав службу в Министерстве иностранных дел. У факультета была острая необходимость в подготовке преподавателей японского, поэтому в 1898 г. в Японию на стажировку был отправлен выпускник китайско-маньчжурско-монгольского разряда Е. Спальвин. Планировалось, что стажировка продлится два года, однако Спальвин пробыл в Японии менее полутора лет и летом 1900 г. уехал во Владивосток в открывшийся там Восточный институт.

Японоведение во Владивостоке

Разрешение на создание Восточного института было получено во Владивостоке 24 мая 1899 г., то есть на год позднее, чем в Санкт-Петербурге. Тогда на Дальнем Востоке, к востоку от Томска, существовали только начальные и средние учебные заведения, и создание Восточного института было встречено с большим вооду-

¹⁰⁵ Бабинцев А. А. Из истории русского японоведения // Японская филология. М., 1968. С. 124–125.

¹⁰⁶ Петрова О. П. Указ. соч. С. 45.

¹⁰⁷ Бабинцев А. А. Указ. соч. С. 125.

¹⁰⁸ Петрова О. П. Указ. соч. С. 47.

¹⁰⁹ Там же.

шевлением. Применительно к Восточному институту часто используется понятие "Владивостокская ветвь старо-петербургской школы"¹¹⁰, что говорит о его преемственной связи с петербургским востоковедением. Этой теме посвящено много исследований, и мы взяли их за основу, но постарались избежать повторений и обратили больше внимания на различия двух школ японоведения и их место в истории.

Во-первых, в Санкт-Петербурге востоковедение возникло на базе Азиатского музея (сейчас Институт восточных рукописей Российской академии наук), а во Владивостоке поводом послужили требования со стороны торговцев (купцов и промышленников) о воспитании кадров, хорошо владеющих восточными языками. Активный рост российских капиталов, расширение связей с Китаем, Кореей, Японией, требования международной обстановки на Дальнем Востоке – все это стало причиной просьбы о подготовке кадров, владеющих китайским, корейским, монгольским, маньчжурским, а также японским языками. Знание восточных языков требовалось не столько для академических исследований, сколько для успешного использования его на международной арене. При таких обстоятельствах и был основан Восточный институт, и для достижения соглашения был создан специальный комитет представителей Министерства образования и Министерства финансов¹¹¹.

Во-вторых, в отличие от Петербургской школы востоковедения, которая изначально занималась изучением древних текстов, во Владивостоке формирующим фактором был акцент на изучении живого современного языка. В Петербурге на востоковедческом отделении изучали региональные версии таких наук, как история Востока, этнография, языкознание, литература, а во Владивостоке первоочередной задачей японоведения было изучение языка. 21 октября 1899 г. на церемонии открытия института ректор А. М. Позднеев отметил, что для Санкт-Петербурга востоковедение было «наукой для науки», а во Владивостоке сказал: «Ближайшая цель нашего Института – готовить лиц для административной и торгово-промышленной деятельности на Востоке»¹¹².

В-третьих, в Санкт-Петербурге японоведение появилось в рамках востоковедения позднее других дисциплин, а в Восточном институте кафедра японского языка была создана одновременно с основанием самого института. В Петербурге долгое время японоведение было предметом, необязательным для изучения, и даже, когда было получено разрешение на открытие кафедры японского языка, командированного для исследований в Японию Спальвина переманили во Владивосток, кафедра японской словесности не была создана. Во Владивостоке занятия велись с самого начала в качестве постоянного курса, и преподавателями были Спальвин и Маэда Киёцугу¹¹³. Таким образом, впервые в России японский язык как профильный предмет появился именно во Владивостоке.

¹¹⁰ Врядий С. Ю. Восточный институт – «владивостокская ветвь старопетербургской школы» // Материалы XXIII российско-японского симпозиума историков и экономистов ДВО РАН и района Кансай (Япония). Владивосток, 2008. С. 53–56.

¹¹¹ Серов В. М. Становление Восточного института (1899–1909 гг.) // Известия Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. 1994. № 1. С. 14–15.

¹¹² Известия Восточного Института. Т. I, вып. 1. Владивосток, 1900. С. 70–78.

¹¹³ Известия Восточного Института. Т. II, вып. 1. Владивосток, 1900. С. 17.

В-четвертых, Восточный институт открыл свои двери офицерам Амурского военного округа и российских войск, дислоцированных в Китае, и люди военные стали полноправными обитателями институтских стен наряду с простыми студентами. Как отмечает А. С. Дыбовский, наличие военных в институте делало дисциплину строже, свободомыслие подавлялось, и в целом атмосфера напоминала офицерскую школу¹¹⁴. В. М. Алексеев так говорил о высказываниях Мендрин по этому поводу: «Я [Алексеев] был там и слышал, как он [Мендрин] говорил, что дальше в таких практически узких шорах, как у них, жить и существовать нельзя: нельзя с живыми существами обращаться как с какими-то манекенами, начинать их чем попало. Поэтому он требовал, чтобы коррективом преподавания во Владивостокском институте было преподавание истории литературы и вообще литературы ради избавления от постоянной федулы выучки и тренировки. Вот его слова, которые я сам слышал»¹¹⁵.

Из первого набора студентов кафедры японоведения только П. Г. Васкевичу удалось выдержать такую муштру и успешно закончить факультет. Остальные студенты провалились на экзаменах, что говорит о строгости требований.

Пятым отличием была степень вовлеченности в Русско-японскую войну. Петербургский университет не мог послать на войну переводчиков¹¹⁶, а Владивосток отправил в места боевых действий своих студентов и преподавателей. В протоколе педагогического совета Восточного института упоминается: когда 22 февраля по требованию Маньчжурского командования японскими войсками был произведен артобстрел, в Ляоян в качестве военных переводчиков были отправлены 6 четверокурсников и 1 вольнослушатель. На фронт также отправились будущий преподаватель Петербургского университета Геннадий Доля и будущий преподаватель восточного института В. М. Мендрин¹¹⁷, выпускник П. Г. Васкевич¹¹⁸. Всего на полях сражений Русско-японской войны было занято 11 переводчиков с японского, 8 из которых имели отношение к Восточному институту, а 3 были вольнонаемными¹¹⁹. В феврале 1905 г. сам Восточный институт был эвакуирован в Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ) и вернулся во Владивосток в октябре 1905 г. В официальных источниках о вкладе Восточного института в Русско-японскую войну говорится следующее: «Нельзя не отметить ту пользу, какую принес армии Восточный институт (во Вла-

¹¹⁴ Дыбовский А. Кёкуто росиа ни окэру нихон кэнкю то нихонго кёйку но юкуэ (кандзэнбан) – Осака: Тоёгакин (1899–1920 гг.) но нихонгаку о тусин ни // Росиа но кёкутони окэру нихонгаку но юкуэ. Дорагон инсацу, 2009. [28 с.]. (Пути исследований Японии и преподавания японского языка на Дальнем Востоке России (полная версия). Японоведение в Восточном институте (1899–1920 гг.) // Пути развития японоведения на Дальнем Востоке России / под ред. А. Дыбовского).

¹¹⁵ Алексеев В. М. Наука о Востоке. М., 1982. С. 220.

¹¹⁶ Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899–1999 гг. Владивосток, 1999. С. 38.

¹¹⁷ Буяков А. М. Восточники на фронтах русско-японской войны 1904–1905 гг. // Известия Вост. ин-та. Дальневост. гос. ун-та. 1995. № 2. С. 21.

¹¹⁸ Подалко П. Хаккэй росиадзин то ниппон. Токио: Сэйбунся, 2010. С. 111. (Российские белоэмигранты и Япония).

¹¹⁹ Павлов Д. Б., Деревянко С. А. Нитиросэнсо-но химицу. Росиагава сирё дэ акаруми ни дэта тё-хосэн-но наймаку / [пер. на яп. Сакон Такэси]. Токио: Сэйбунся, 1994. 1. [С. 171]. (Тайны русско-японской войны: по российским материалам).

дивостоке). Строго говоря, слушатели последнего – офицеры и студенты – были единственные надежные и интеллигентные переводчики»¹²⁰.

Золотой век японоведения

В отличие от Владивостока для Петербурга, находящегося слишком далеко от поля боя, Русско-японская война не была настолько насущной проблемой. Однако одной из причин поражения в Русско-японской войне был недостаток переводчиков, и необходимость в изучении японского языка стала ощущаться особенно остро. Япония, одержавшая победу в Японо-китайской и Русско-японской войне, уверенно вступила на мировую арену и привлекла к себе внимание. Об этом Н. И. Конрад пишет следующее: «Следует напомнить, что никакой неприязни к Японии – стране, с которой мы воевали, в широких кругах тогда не чувствовалось. Официальная пропаганда, стремившаяся разжигать вражду, действовала на немногих, да и велась она не столь уж убедительно. Япония вызвала не враждебные чувства, а скорее какую-то симпатию. Русское общество знало, что в этой стране уже с 1889 г. существует парламент, т. е. конституция, а о конституции у нас тогда еще только мечтали. Революция 1905 г., слившаяся в нашем сознании с войной, усилила симпатии к Японии»¹²¹.

Правительство Российской империи вступило в войну с Японией, чтобы снизить градус недовольства внутренней политикой, и рассчитывало на легкую победу. Однако Русско-японская война с ее ожесточенными военными действиями не пользовалась популярностью у населения страны, и критика правительства обернулась антивоенными настроениями. Многолетние противоречия внутри страны вскипели и вылились в стремительное распространение идеи о взаимосвязи поражения в Русско-японской войне и успеха русской революции. При этом Япония привлекла к себе внимание, и японоведение стало многообещающей отраслью исследований.

Будущие японоведы Н. И. Конрад, М. Н. Рамминг, Н. А. Невский, Е. Д. Поливанов, Орест Плетнер, Олег Плетнер собрались в Санкт-Петербургском университете. Стремление к изучению Японии приобрело общемировой характер, однако, как отмечает В. М. Алпатов, то, что в одном учебном заведении собралось так много специалистов по Японии, было в те годы редким в мире явлением¹²².

Подстегнуло «японский бум» и то, что на Восточном отделении Санкт-Петербургского университета японский язык стал преподаваться в качестве официального курса. В 1908 г. Костылев был зачислен на должность доцента. До того момента это место было вакантным. Костылев стал первым в истории Петербургского университета русским преподавателем японского языка, однако пробыл в университете всего год.

Преемником Костылева стал выпускник Владивостокского Восточного института Доля, заместив его на должности доцента. Так как Доля был сотрудником

Министерства иностранных дел, он мог находиться в университете только в первую половину дня, и с 1 января 1909 г. он стал совмещать работу преподавателя и службу в Министерстве. В первый год у него было 8 пар в неделю, во второй – 14, а на третий стало 18. В 1911 г. Доля издал «Практическое введение в изучение японской письменности», а также подготовил к печати известное пособие американца Б. Х. Чемберлена «Модзи-но сирубэ». В январе 1912 г. он был переведен в российское консульство в Мукдене и должен был покинуть университет, но ввиду нехватки преподавателей на Восточном факультете Министерство иностранных дел отложило отъезд Доли «до пасхальных вакаций»¹²³.

Преемника у него не было, и в 1912 г. Восточный факультет принял решение не производить набор на китайско-японский разряд. Однако в сентябре было решено открыть запись студентов на 1 курс этого разряда, поручив чтение лекций приват-доценту (с 1913 г. – профессору) кафедры китайской словесности А. И. Иванову, посланного летом 1912 г. в командировку в Японию, и в течение 4 лет он преподавал на кафедре японской словесности¹²⁴.

Мы видим, насколько нестабильной была ситуация с преподавателями японского языка в Санкт-Петербурге, и единственным, кто все эти годы занимал преподавательскую должность, был Куруно Ёсибуми. Куруно был четвертым по счету японским преподавателем, заняв в 1888 г. эту должность по рекомендации тогдашнего полномочного посланника Ниси Токудзиро. Русский язык он изучал в школе русского языка при русской православной миссии в Токио в районе Канда (Суругадай), затем перевелся в Токийскую школу иностранных языков, а впоследствии стал там его преподавать. Начиная с 1888 г., он занимал должность преподавателя японского языка в Петербургском университете и проработал там 28 лет до 1916 г. Одним из его учеников был и Спальвин. Куруно оставил после себя такие труды, как «Японский алфавит с приложением складов и примеров» (1888), «Введение в изучение японского языка» (1888), «Японская хрестоматия» в 2-х томах (1891–1892), «Русско-японские разговоры с приложением японских пословиц, поговорок и т. п., переведенных на русский язык, и некоторых русских пословиц с переводом на японский язык» (1894)¹²⁵. О Куруно, Доле и Иванове остались воспоминания их ученика Невского. У Иванова он спросил: «Как читаются иероглифы 御座?» Ответ был такой: «А ты прочитай их по-китайски. Смысл-то такой же, как в китайском». И потом Невский все встречавшиеся ему иероглифы читал по-китайски. О Куруно Невский говорил, что тот приехал со знаниями человека эпохи Бакумацу, натурализовался в России, но не мог даже отличить сюртук от фрака. Доля, по его мнению, будучи сотрудником Министерства иностранных дел, хорошо владел японским, но по причине большой занятости занятия вел достаточно посредствен-

¹²³ Бабинцев А. А. О связях Петербургского университета и Восточного института в начале XX в. // Проблемы Дальнего Востока. 1979. № 3. С. 182.

¹²⁴ Бабинцев А. А. Из истории русского японоведения. С. 130.

¹²⁵ Савада Кадзухико. Куруно Ёсибуми дэн – Токиогайгорого кара пэтэрубургу дайгаку тоёгакубу-э // Росия бунка но мори-э – хикаку бунка но соготэки кэнкю / [под ред. Янаги Томико. 2 изд.] Нада сюпан сэнта, 2006. [С. 485–502]. (Биография Куруно Ёсибуми – От русского языка в Токийской школе иностранных языков к Восточному факультету Петербургского университета // В дэбри русской культуры – комплексные исследования по сравнительной культурологии).

¹²⁰ Павлов Д. Б., Деревянко С. А. Указ. соч. С. 173.

¹²¹ Конрад Н. И. Когда и как я стал востоковедом // Народы Азии и Африки. 1967. № 5. С. 238.

¹²² Алпатов В. М. Сергей Григорьевич Елисеев // С. Г. Елисеев и мировое японоведение (Россия, Япония, США, Франция, Швеция, Вьетнам): материалы междунар. науч. конф. М., 2000. С. 13.

но, читая написанное латиницей в учебнике Чемберлена на русский манер с очень сильным акцентом так, что через полчаса и ученики, и сам учитель впадали в сонное состояние»¹²⁶.

Елисеев, Розенберг и Поливанов заняли должности преподавателей Петроградского университета во второй половине 1910 г. Когда братья Плетнеры поступили в университет, во главе кафедры японского языка еще никого не было. Лекции востоковедческого направления вели будущие члены академии В. М. Алексеев (китаеведение), С. Ф. Ольденбург (индология), В. В. Бартольд (история Средней Азии, история востоковедения), Н. И. Веселовский (археология Средней Азии), И. Ю. Крачковский (арабистика), а также Бодуэн де Куртенэ (языкознание) и Л. В. Щерба (фонетика). У будущих японоведов не было своего руководителя, но они постигали азы методологии, способы сбора и анализа информации, учась у молодых и энергичных исследователей, которыми были окружены.

Также с 1904 по 1914 гг. этнограф Л. Я. Штернберг руководил приватными курсами для студентов при Кунсткамере, и у Невского и Конрада была возможность их посещать, что оказало на них большое влияние¹²⁷. Е. И. Кычанов говорил так: «Для «восточников» первых десятилетий нашего века [XX в.] существовали две «научные родины» – Восточный факультет Петербургского университета и Музей антропологии и этнографии [Кунсткамера]»¹²⁸.

Не стоит забывать, что в то время все студенты-японоведы Петербургского университета посещали и Восточную практическую академию¹²⁹. Преподавал в ней Д. М. Позднеев. Он приходился младшим братом первому ректору Владивостокского Восточного института, а в 1904 г. по императорскому указу стал вторым ректором института. В 1905 г. он поехал в отпуск в Японию, там заболел и вынужден был оставить пост ректора. В Японии он прожил 4 года и за этот период выпустил такие книги, как «Русско-японский иероглифический словарь» (1908), «Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материку Азии и России» (1909).

В 1910 г. он вернулся во Владивосток, однако переехал в Петербург, чтобы вступить в должность преподавателя Восточной практической академии, и преподавал японский на протяжении 7 лет. О способах научных исследований Позднеев говорил так: «Старая школа ученых почти никогда не считала нужным указывать цитаты подлинника, и последним из таких произведений у нас является история Японии Костылева»¹³⁰.

Конрад, Невский, Рамминг, Поливанов, Олег Плетнер – все они учились в Санкт-Петербургском университете и Восточной практической академии. Конрад

¹²⁶ Сирё га катару Нэфусуки / под ред. Икута Митико. Оосака гайкокуго дайгаку, 2003. [С. 124–125]. (Что говорят архивные материалы о Н. А. Невском).

¹²⁷ Громковская Л. Л., Кычанов Е. И. Николай Александрович Невский. М., 1978. С. 32–33.

¹²⁸ Там же. С. 30.

¹²⁹ Рыбин В. «Кэнкюното» Санкуто-Пэтэрубуругу (Росиа) ни окэру нихонго гакусю то нихон кэнкю но самбякунэн но аюми // Нихон кэнкю. 2006. № 32. Кокусай нихон бунка кэнкю сэнта. [С. 269]. («Научная тетрадь»: Трехсотлетний путь изучения японского языка и исследований Японии в Санкт-Петербурге (Россия)).

¹³⁰ История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., 1997. С. 341.

отправил Позднееву свою первую научную работу, написав следующее: «Покорнейше прошу не отказать принять этот экземпляр как знак уважения от Вашего бывшего ученика, обязанного некоторыми своими познаниями в области японоведения единственного Вашей школе. ...Вы являетесь для меня единственным лицом, к которому я смею обратиться и чьих суждений я могу спокойно послушаться»¹³¹.

У японоведов золотого века было еще одно место для обучения – сама Япония, а в частности – Токио. Из Петербурга туда ездили С. Г. Елисеев, Н. И. Конрад, М. Н. Рамминг, Е. Д. Поливанов, О. О. Розенберг, Орест Плетнер, Олег Плетнер. Из Владивостока – В. М. Мендрин, П. Г. Васкевич, Н. П. Мацокин, Н. П. Овидиев, Е. Г. Спальвин. Конрад писал, что стажировка в Японии сделала из него ученого: «Трехлетнее пребывание в Японии с периодическими поездками в Корею, и один раз – в Китай, и стало для меня периодом новой и на этот раз подлинной востоковедной учебы. ...Я вернулся в свой родной университет уже совсем другим человеком – на этот раз ученым; начинающим, конечно, совершенно неопытным, но все-таки ученым»¹³².

В Токио у японоведов петербургской и владивостокской школы была возможность общаться. Сохранилось письмо, отправленное Невским Васкевичу, работавшему тогда в посольстве в Токио. Из него мы можем понять, что Невский в те годы часто обращался к Васкевичу за советом. «Простите, ради Бога, что не зашел к Вам на Пасхе поздравить с светлым праздником. Виной всему занятые у Вашего благородия 40 иен, не возвратив которые, я не хотел показываться Вам на глаза, но в силу сложившихся обстоятельств вчера вечером ходил к Вам специально испросить Вашего совета, но, к сожалению, не застал Вас дома»¹³³.

Невский тогда получал стипендию от Петербургского университета, и когда она задерживалась, испытывал финансовые затруднения. Такое часто случалось среди русских студентов в Японии, например, Мендрин занял у епископа Николая 65 иен¹³⁴. То, что Невский обратился к Васкевичу по такому деликатному делу, говорит о высокой степени взаимного доверия между ними. Благодаря таким контактам между студентами, приехавшими в Японию, Олег Плетнер узнал от доцента Дальневосточного университета А. Н. Петрова о том, что владивостокский Восточный институт преобразован в Восточный факультет Дальневосточного университета.

И. д. доцента ДВГУ О. В. Плетнер

Жизненный путь Олега Плетнера пересекся с Дальневосточным университетом в 1920 г. В то время находившийся в Японии Плетнер услышал от Петрова о преобразовании Восточного института в Восточный факультет Дальневосточного университета и выразил свою заинтересованность. 11 апреля 1920 г. должности и квалификация преподавателей Дальневосточного университета даже были освещены на страницах газет.

¹³¹ Конрад Н. И. Неопубликованные работы. Письма. М., 1996. С. 244.

¹³² Конрад Н. И. Когда и как я стал востоковедом? С. 241.

¹³³ Хохлов А. Н. Петербургское японоведение с середины 50-х гг. в. до октября 1917 г. (по архивным материалам и письмам российских японистов) // С. Г. Елисеев и мировое японоведение (Россия, Япония, США, Франция, Швеция, Вьетнам): материалы междунар. науч. конф. М., 2000. С. 236.

¹³⁴ Там же. С. 238.

«1) должности ординарных профессоров могут быть замещаемы лицами, имеющими ученую степень доктора; 2) должности экстраординарных профессоров могут быть замещаемы лицами, имеющими ученую степень доктора или магистра или лицами, хотя и не имеющими ученых степеней, но известными своими учеными трудами или специальными познаниями и преподававшими в высших учебных заведениях России не менее пяти лет; 3) должности доцентов могут быть замещаемы лицами, хотя и не имеющими ученых степеней, но выдержавшими магистрантский экзамен или преподававшими в высших учебных заведениях России не менее трех лет»¹³⁵.

Ранее Конрад так объяснял, почему он выбрал местом для изучения дальневосточных языков именно Петербургский университет: «Было известно также, что во Владивостоке есть Восточный институт, где преподавались именно дальневосточные языки, но все же это был «институт», я же стремился получить широкое «университетское» образование, а не узкое «практическое»¹³⁶.

Однако сейчас объединенный университет появился и во Владивостоке. Для того, чтобы быть зачисленным в штат университета, требовалось обладать не только фактическими знаниями, но и иметь научную степень, а при ее отсутствии – соответствующие ей научные достижения, опыт работы установленной продолжительности в российском высшем учебном заведении либо нужно было сдать соответствующий экзамен.

Плетнер был выпускником Петербургского университета и имел богатый опыт стажировок в Японии, съездив туда 3 раза. Во времена основания Восточного института такого послужного списка было достаточно для трудоустройства, однако Плетнер не соответствовал требованиям Дальневосточного университета – у него не было ни опыта работы в высшем учебном заведении, ни диссертации (магистрантской или докторской), магистрантский экзамен он также не сдавал. Наступила совсем другая эпоха. По совету Петрова 15 сентября 1920 г. он написал письмо А. В. Гребенщикову с целью узнать подробности трудоустройства.

«В Петербурге я хотел держать магистрантские экзамены, теперь это, может быть, можно было бы делать во Владивостоке. Официальное письмо об этом я направил, через А. Н. [Петрова – И. М.], Декану факультета Восточных Языков; но так как я совершенно незнаком с обычаями Владивостокского университета, то я и хотел попросить Вас сообщить мне, что и как нужно сделать, чтобы наладить работу в контакте с ним.

В беседе с А. Н. я возбуждал вопрос о возможности замены магистрантских попытаний работой на данную от факультета тему. Вопрос этот меня интересует, потому что я, будучи принужден служить, не имею возможности выехать во Владивосток, или во всяком случае эта возможность сопряжена с большими затруднениями. Замена же экзамена работой меня бы очень устраивала»¹³⁷.

¹³⁵ История Дальневосточного государственного университета в документах и материалах. 1899 – 1939 гг. Владивосток, 1999. С. 281.

¹³⁶ Конрад Н. И. Когда и как я стал востоковедом? С. 237.

¹³⁷ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ, г. Владивосток). Ф. 226. Оп. 1. Д. 626. Л. 19.

Нам пока не удалось найти фактические материалы, по которым можно было бы установить, проводились ли магистрантские экзамены в Дальневосточном университете в то время. Вероятно, Плетнер выяснил, что экзамены во Владивостоке проводятся, но спрашивал о возможности заменить их письменной работой по заданной теме.

Декан факультета отправил Плетнеру следующий ответ: «При обсуждении на Восточном факультете в собрании от 7 декабря мин. года вопрос о замещении второй должности профессора Японской словесности, освободившейся за смертью экстраординарного профессора В. М. Мендринина, Факультетом было постановлено объявить конкурс на занятие означенной профессоры и вместе с тем, на основании отзыва о Вас, сделанного доцентом А. Н. Петровым, обратиться к Вам с предложением выставить свою кандидатуру на занятие преподавательской должности по кафедре Японской словесности в звании, которое может быть установлено факультетом на основании прилагаемых при сем статей действующего положения о Государственном Дальневосточном университете при обсуждении Вашей кандидатуры в зависимости от обладаемых Вами научных трудов или преподавательского стажа или иных данных, могущих быть представленными Вами Факультету»¹³⁸.

Как следует из ответа, данный вопрос получил такое решение в связи со смертью профессора Мендринина. Преемник выбирался открытым набором, и Плетнеру было рекомендовано подать заявку. Во времена основания Восточного института практически все должности занимались преподавателями либо выпускниками Петербургского университета, и Восточный институт был владивостокской ветвью Петербургского университета. Однако в Дальневосточном университете должности профессоров перестали занимать назначенные из Петербурга преподаватели. Проводился открытый набор, который позволял оценивать заслуги и послужной список кандидатов. Это говорит нам о том, что университет утверждал свою автономность. Решение о том, назначить ли соискателя на должность профессора либо доцента, принималось на основании его стажа научной работы и образования. Прямой ответ на вопрос Плетнера, можно ли заменить экзамен научной работой, так и не был дан. Однако на основании материалов японской полиции по делам иностранцев можно предположить позицию Дальневосточного университета. В сообщении полиции о Плетнере от 11 октября 1920 г. приводятся детали разговора японской стороны с заведующим кафедрой японского языка Восточного факультета ДВГУ Спальвиным. «Спросили Спальвина ...о том, что за человек Плетнер. "Он хорошо владеет японским языком и собирается в ближайшее время подавать докторскую диссертацию на японском языке в Восточный институт. Он является представителем экстремистского направления", – сказал он, посмеиваясь»¹³⁹.

Предположение декана факультета востоковедения Спальвина о том, что Плетнер собирается предоставить диссертацию в Восточный институт, говорит нам о том, что в Дальневосточном университете Плетнер рассматривался в качестве кандидата в профессора.

¹³⁸ РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 626. Л. 22.

¹³⁹ Архив иностранных дел МИД Японии. 4.3.1.2-6.

Плетнер принял предложение подать заявку и так описал свою биографию: «Занятия своим японским языком я начал еще в гимназии в шестом классе. В 1911 г. я поступил на факультет восточных языков Петербургского университета и в Практическую Восточную Академию при обществе Востоковедения. Летом 1912 г. я был командирован университетом в Японию. Летом в 1913 г. я был командирован в Японию Русско-Японским обществом и университетом. Русско-Японскому обществу мною была подана работа по изучению журнала Таио... В 1914 г. летом я был в командировке в Японии от университета и Академии, последней мною была представлена работа по истории Японии 11-го века по японским источникам. В 1915 г. я окончил Университет с дипломом первой степени и Академию по первому ряду. Будучи мобилизованным и имея в виду продолжать занятия японским языком, я добился командировки в Японию; к тому же времени я был освобожден по болезни от военной службы. В 1916 г. осенью я выехал в Японию, где пробыл 10 месяцев. В марте 1918 г. я снова приехал в Японию, где нахожусь по настоящее время»¹⁴⁰.

Об исследованиях он пишет следующее: «Работаю я теперь по истории японской литературы, а именно по Хейанскому и Камакураскому периодам. Имею в виду составить историю литературы. Я уже сделал некоторые переводы и собрал нужные материалы по этим периодам»¹⁴¹.

Судя по всему, у него не было печатных работ, и он разузнавал о наличии издательства при Дальневосточном университете, планируя издать свои переводы. Еще он уточнял размер зарплаты и количество пар, хотя отметил, что, возможно, и не будет подавать заявку. 28 марта 1921 г. прошли выборы, на которых Плетнер выдвигался на должность и. д. приват-доцента, и по результатам выборов он получил эту должность.

Это событие было зафиксировано так: «Перед началом баллотировки Е. Г. Спальвиным было заявлено, что он готов был бы приветствовать всякое расширение преподавания по занимаемой им кафедре, но, принимая во внимание ту обстановку, при которой проходит настоящий вопрос, он не находит для себя возможность принимать участие в баллотировке выставленной кандидатуры ни на факультет, ни в совет университета. В виду настоящего отказа и ухода П. Ф. Ливина с заседания еще ранее этого времени в баллотировке участвовали 4 члена факультета, причем результаты баллотировки были: три за, один воздержался»¹⁴².

Судя по всему, у Спальвина были опасения, что ввиду тревожной обстановки во Владивостоке Плетнер не станет вступать в должность, поэтому он и не хотел брать на себя ответственность за то, что выборы были проведены без твердого обещания Плетнера занять должность в случае успеха. Как бы то ни было, Совет университета одобрил 28 марта кандидатуру Плетнера на должность и.д. приват-доцента и сообщил ему об этом.

Однако Плетнер все никак не прибывал на место работы. Сбылись опасения Спальвина. Плетнер в письме от 22 апреля 1921 г. написал следующее: «Я очень просил бы факультет ...немедленно прислать мне программу, согласно с которой

...придется читать лекции, сообщить, какое вознаграждения я буду получать как и.д. доцента по японской словесности, какое число часов в неделю я буду иметь и вообще все подробности, на основании которых я мог бы составить точное представление о моей будущей деятельности. Получив эти сведения, я смогу определить время моего приезда во Владивосток. Как я уже писал факультету, без точного определения моего вознаграждения я из Японии выехать не могу, т. к. у меня семья, какую я содержу своим трудом. Здесь я получаю вполне достаточно, чтобы это делать»¹⁴³.

Кроме того, он поинтересовался о наличии воинской обязанности (сам он был слабого здоровья и освобожден от службы), о жилье, магистрантском экзамене, о возможности замены экзамена научным трудом, но прибывать на место нового назначения не собирался.

8 августа 1921 г. декан восточного факультета Е. Г. Спальвин сообщил и. д. приват-доценту Дальневосточного университета Плетнеру детали его расписания и количество пар.

17 ноября 1921 г. ректор Дальневосточного университета попросил Спальвина разобраться с письмом Плетнера от 5 сентября 1921 г. и его работой «Исследование глагола японского письменного языка», полученной 15 ноября 1921 г. Плетнер писал следующее: «Время, пока я не смогу приехать в Университет, я хотел бы использовать, во-первых, для подготовки к лекциям, а затем к экзаменам для получения научной степени. У меня есть несколько работ в области моей специальности, которые я пришлю на факультет. Не было ли бы возможным зачесть их взамен магистрантского экзамена, чтобы я мог готовиться прямо к магистерской диссертации или, может быть, мог бы представить факультету работу на заданную им тему.

Если и это невозможно, то я бы хотел иметь сведения о тех требованиях, которые предъявляются на магистрантских экзаменах, чтобы немедленно по приезду во Владивосток держать их. До держания этих экзаменов или до предъявления соответственной работы я бы мог считаться «оставленным при Университете», так как если факультет считает возможным предложить место и. д. доцента по кафедре японской словесности, то, очевидно, препятствий считать меня оставленным при университете по кафедре японской словесности не может встретиться. О желании своем работать в контакте с университетом Владивостока я писал много раньше того, как мне предложили и. д. приват-доцента по японской словесности»¹⁴⁴.

В письме Плетнер не только выясняет вопрос предоставления работы на заданную от факультета тему вместо магистрантских экзаменов, но и выражает желание быть оставленным при университете до той поры, пока он будет готов вступить в должность и.д. приват-доцента.

В письме от 6 ноября 1921 г. он также говорит о необходимости задержать вступление на должность в связи с беспокойной обстановкой на Дальнем Востоке, выражает желание быть оставленным в университете, а также желание заменить магистрантские экзамены работой на тему данную факультетом. Еще он пишет о

¹⁴⁰ РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 626. Л. 28.

¹⁴¹ Там же. Л. 28-28 об.

¹⁴² Там же. Л. 40-40 об.

¹⁴³ РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 626. Л. 45.

¹⁴⁴ Там же. Л. 61-61 об.

том, что заканчивает работу над исследованием «Ста стихов ста поэтов» и о том, что отправил работу по классификации японских глаголов «Исследование японских глаголов».

Сохранился протокол собрания Восточного факультета от 7 февраля 1922 г., в котором приводится речь Спальвина: «Е. Г. Спальвин отметил невозможность для О. В. Плетнера быть одновременно, как он просит, и приват-доцентом и оставленным при университете, находящимся в научной командировке, сохраняя в то же время должность и. д. доцента университета, на которую он был своевременно избран»¹⁴⁵.

Решение было принято следующее: «Поставленно: в виду неприступления г. Плетнера своевременно к исполнению обязанностей в настоящем академическом году и невозможности для него приступить к означенным обязанностям в близком будущем, признать г. Плетнера вышедшим с должности и. д. доцента и довести в этом смысле до сведения Совета университета»¹⁴⁶. В итоге Плетнер, назначенный на должность и. д. приват-доцента, был этой должности лишен ввиду неприбытия к месту назначения и невыполнения рабочих обязанностей. Его запрос о сохранении полученной должности с возможностью оставить его при университете на время пребывания в Японии по исследовательским делам был отклонен. Этот факт подтверждают не только русские, но и японские архивные материалы, но широкой огласки он не получил. Активно занимающийся исследованием Дальневосточного японоведения А. А. Хисамутдинов поднимал этот вопрос, но в качестве соискателя на должность у него фигурировал не Олег, а Орест, кроме того, разница в возрасте братьев была указана не 1 год, а 6 лет¹⁴⁷. Такая путаница в отношении братьев встречается в словарях, журналах и исследованиях довольно часто, и о ней будет сказано далее.

Почему же Плетнер стремился получить должность, но так и не занял ее? То, что к самой работе у него не было особой неприязни, становится понятно из его слов: «Кроме того мне желательно было бы знать программу факультета; по японской литературе я мог бы читать лекции без предварительной подготовки, но по языку, чтобы быть действительно полезным слушателям, я должен буду приготовить материал для лекции. Соответственно с этой программой я бы мог сказать, когда я могу начать лекции. До конца настоящего академического года я во всяком случае выехать из Японии не могу»¹⁴⁸.

Японская литература была его изначальной специализацией, поэтому он уже обладал достаточной для преподавания квалификацией, а языкознание требовало специальной подготовки, для чего им и было написано «Исследование глагола японского письменного языка». Из этого можно сделать вывод, что его намерения были серьезными. Однако на фоне политической нестабильности в дальневосточном регионе он беспокоился за безопасность своей семьи, что и служило причиной нерешительности. Он писал следующее: «В настоящее время и там и здесь встре-

чаюсь с одним ответом: подождите. Ни пресса, ни коммерсанты не верят долговечности настоящего правительства во Владивостоке. Это главная причина, вторая – вообще неопределенность положения на Д. В. Думаю, что несколько будет яснее после заключения конференции в Вашингтоне и в Дайрене. Таким образом, мой приезд во Владивосток все откладывается и откладывается»¹⁴⁹. Русским, находящимся в Японии, было не так много известно о положении дел в Советском Союзе. В особенности, нестабильная и неясная обстановка на Дальнем Востоке приводила Плетнера к колебаниям. Та же ситуация была и у Невского с вопросом возвращения в 1929 г. в Советский Союз. Невский долго колебался, и в результате принял решение временно вернуться на родину. Решающим фактором была необходимость в получении советских паспортов его женой и дочерью.

В итоге и Плетнер вернулся в Россию. Прошел год с его увольнения из Дальневосточного университета, он покинул Японию и стал преподавать в Московском институте востоковедения, то есть жизнь у него сложилась несколько иначе, чем у Невского.

Дальнейшая судьба Олега Плетнера

В токийском выпуске газеты Асахи от 22 июня 11 г. эры Тайсё (1922) была опубликована фотография Олега Плетнера и сообщалось о его депортации.

«Вчера вечером был вручен приказ о депортации радикального секретного осведомителя.

21 [июня] в 6 часов вечера в центральном полицейском управлении в присутствии начальника по делам иностранцев Икэда и главы полицейского участка района Нисики-тё Масуда русскому гражданину Олегу Плетнеру (28 лет), проживающему по адресу Канда, Нисики-тё 3–11, Гарюкан, был передан строгий приказ Министерства внутренних дел покинуть страну в течение ближайших 7 дней по обвинению в ведении разведывательной деятельности в Японии в качестве секретного осведомителя радикального правительства.

Будучи студентом Петроградского университета, каждый год он приезжал в Японию на летние каникулы, хорошо владел японским языком, а после окончания Петроградского университета был нанят в Министерство сухопутных войск ...и приехал в Японию помощником при генерале-лейтенанте Сомове, в прошлом году направленном в Японию с целью заказа и инспекции военного арсенала. Затем он вернулся на родину, стал членом правительства Ленина в марте 1918 г. и снова был направлен в Японию помощником при аккредитованном там военном атташе с целью сбора различных материалов и инспекции обстановки по делам военной корреспонденции и таможни. Имея при себе удостоверение личности, выданное Э. Склянским и назначение, и ожидая прибытия в Японию генерал-лейтенанта Шварца, поступил на работу в торговую компанию «Синрин», находившуюся в районе Сайвай-тё, Кодзи-мати и торговую компанию «Стерний» в Йокогаме, и там занимался радикальной пропагандистской деятельностью. Затем связался с влиятельными лидерами своей страны, и с целью налаживания контактов с японскими

¹⁴⁵ РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 626. Л. 65.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Хисамутдинов А. А. Российские толмачи и востоковеды на Дальнем Востоке: материалы к библиографическому словарю. Владивосток, 2007. С. 186; Он же. Дальневосточное востоковедение: исторические очерки. М., 2013. С. 316–317.

¹⁴⁸ РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 626. Л. 28.

¹⁴⁹ РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 626. Л. 62.

студентами стал искать съемную комнату в районе Канда, проводил исследование касаясь префектуральной полиции по делам крестьян-арендаторов и трудовых конфликтов, искал конторы Общенационального союза крестьян-арендаторов. Об этом стало известно центральному полицейскому управлению, он был задержан и было проведено расследование, в результате которого было выяснено, что он в этом году уже 3 раза обменивался секретными документами с министром иностранных дел Московского правительства Литвиновым (представитель на Женевской конференции)».

Плетнер уже давно был на примете у тайной полиции. Согласно документам специальной высшей полиции от 9 сентября 1921 г., он «в 1917 г. получил приказ русского правительства (тогда правительства Российской империи) о работе по наращиванию военного арсенала и прибыл в Японию, однако сразу после его возвращения на родину произошла революция и активизация экстремизма. Несмотря на то, что о его перемещениях нет ясной информации, известно, что он имел связи с радикальным правительством, был членом японского отдела этого правительства, состоял на службе у тогдашнего министра иностранных дел...»¹⁵⁰.

«Он был отправлен в Японию вместо посла Крупенского, обладая компетенцией посланника радикального правительства. Говорят, что по пути в Японию он даже должен был ехать на специальном поезде. Однако в то время ему было сложно попасть в Японию в качестве представителя радикального правительства, поэтому для начала он приехал по специальному удостоверению с целью заказа военной продукции»¹⁵¹.

После депортации Олег стал работать в Московском институте востоковедения. Однако В. В. Рыбин пишет, что в 1922 г. Олег Плетнер стал профессором Петроградского университета, но оснований для этого утверждения не приводит¹⁵². Насколько смог установить автор этой статьи, то, что Плетнер работал в Петербургском университете, упоминается только у Рыбина, в то время как в японских и русских источниках, включая архивы, местом его работы был Московский институт востоковедения. Кроме того, у Рыбина в «Исследовательских заметках», вышедших почти в это же время, говорится, что Плетнер с 1922 по 1929 гг. работал в Московском институте востоковедения¹⁵³.

Рассмотрим дальнейшую судьбу Плетнера, основываясь на его научных трудах.

У него вышло около 40 научных трудов, но здесь мы приведем только те, которые упоминаются в сборнике «Библиографии Японии: Литература, изданная в Советском Союзе на русском языке с 1917 по 1958 гг.»¹⁵⁴.

1. Аграрный вопрос в Японии // Экономическая жизнь Дальнего Востока. – Чита, 1922. – № 2. – С. 109–120.
2. Конспект лекций по истории Японии (читанных в 1922/23 академическом году). – Стеклогр. изд. – М. : Ин-т востоковедения, 1923. – 163 с.
3. Образцы японской поэзии : 30 хокку и словарь к ним. – Стеклогр. изд. – М. : Ин-т востоковедения, 1923. – 9 с.
4. Японская литература. Образцы японской поэзии : (Танка). – Стеклогр. изд. – М., 1923. – 17 с.
5. Япония : Политические очерки. – М. : Изд. Развед. Упр. Штаба РККА, 1924. – VIII+111 с.
6. К переводу танка // Восточные сборники. Вып. 1. – М. : Новая Москва, 1924. – С. 202–205.
7. Такэтори Моногатари : Вступ. ст. // Восточные сборники. Вып. 1. – М. : Новая Москва, 1924. – С. 192–198.
8. Одевание из шкуры огненной мыши (Из Такэтори-Моногатари) / пер. О. Плетнера // Восточные сборники. Вып. 1. – М. : Новая Москва, 1924. – С. 198–201.
9. Япония : Краткий справочник. – М. ; Л. : Госиздат. 1925. – 184 с.
10. Землетрясение в Японии : очерк // Красная нива. – М., 1925. – № 25. – С. 579–580.
11. Развитие капитализма в японском земледелии // На аграрном фронте. – М., 1925. – № 10. – С. 119–134 ; № 11–12. – С. 131–144.
12. Японский театр : очерк // Красная нива. – М., 1925. – № 7.
13. К аграрному вопросу в Корее // На аграрном фронте. – М., 1926. – № 1. – С. 124–138. – [Корея в условиях колониального режима Японии].
14. К аграрному вопросу на Формозе // На аграрном фронте. – М., 1927. – № 5. – С. 75–84.
15. Список иероглифов и сокращенных знаков. – М., 1927. – 3+25 с.
16. Японские разговоры. Ч. 1 / под ред. О. Плетнера ; Труды Мос. Ин-та востоковедения им. Нариманова при ЦИК СССР. – М., 1927. – IV+126 с. – (Учебник по разговорному японскому языку).
17. Японский разговорный язык. Ч. 2 / под ред. О. В. Плетнера. – М. : Изд-во МИВ, 1927. – 61+79 с.
18. Аграрный вопрос в Японии : Экономическое исследование и материалы / Международный аграрный институт. – Л. : Прибой, 1928. – 246 с. ; карт.
19. Крестьянские восстания в Японии в эпоху позднего феодализма // Аграрные проблемы. – М., 1928. – № 2. – С. 64–71.
20. Японский театр : сб. ст. / Всесоюз. о-во культ. связи с заграницей ; под ред. Н. И. Конрада. – Л. ; М. : Academia, 1928. – 59 с. : ил. – [Авт. ст.: Конрад Н. И., Плетнер О., Арник Д.]. [Статьи о театре Кабуки].
21. Новые данные о расслоении японского крестьянства // На аграрном фронте. – М., 1929. – № 1. – С. 79–84.
22. К изучению японского феодализма // Аграрные проблемы. – М., 1929. – № 2. – С. 176–188.

¹⁵⁰ Архив иностранных дел МИД Японии. 4.3.1.2-6.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Рыбин В. В. Школа петербургского японоведения (от Дэмбэя до учеников Н. И. Конрада) // К истории петербургской школы японской филологии. СПб., 2005. С. 35.

¹⁵³ Рыбин В. «Кэнкюното» Санкуто-Пэтэрубуругу (Россия) ни окэру нихонго гакусю то нихон кэнкю но самбьякунэн но аюми // Нихонкэнкю, Киото: Кокусай нихонбунка кэнкюсё. 2006. [С. 275]. (Трехсотлетняя история преподавания японского языка и японоведения в Санкт-Петербурге).

¹⁵⁴ См.: Библиографии Японии: Литература, изданная в Советском Союзе на русском языке с 1917 по 1958. М., 1960. 327 с.

23. Кооперация в Японии // Аграрные проблемы. – М., 1929. – № 6. – С. 168–170.
24. История эры Мэйдзи / Ин-т востоковедения. – Литогр. – М., [б. г.]. – 162 с.
25. Грамматика японского разговорного языка / О. В. Плетнер, Е. Д. Поливанов. – М. : Моск. Ин-т востоковедения, 1930. – XXXV, 189 с. – (Труды Моск. Ин-та востоковедения им. Нариманова).
26. Япония // Сельскохозяйственный кредит за границей. Т. 1 / под ред. А. Н. Асаткина. – М. : Центр с.-х. банк СССР, 1930. – С. 287–308.
27. Путевые заметки из Тоса (Японский дневник Х в.) / пер., вступ. ст. и прим. О. Плетнера // Восток. Сб. 1 : Литература Китая и Японии. – М., 1935. – С. 85–112.
28. [Рецензия] // Новый Восток. – М., 1924. – № 5. – С. 415. – Рец. на кн.: Шаллэ, Ф. Рабочее движение в Японии / Ф. Шаллэ ; пер. с фр. А. Граф. – М. ; Пг. : Госиздат, 1923. – 93 с. – (Соц.-ист. б-ка).
29. [Рецензия] // Новый Восток. – М., 1924. – № 6. – С. 480–481. – Рец. на кн.: Кельин, И. Япония. Культурно-исторический и экономический очерк : с приложением карты Японии / И. Кельин. – М. ; Л. : Госиздат, 1924.
30. [Рецензия] // Новый Восток – М., 1924. – № 5. – С. 414–415. – Рец. на кн.: Покровский, А. М. Япония накануне землетрясения : (Очерки современной Японии) / А. М. Покровский, В. А. Филиппов. – Харьков : Путь просвещения, 1923. – 93 с. : ил.
31. [Рецензия] // Новый Восток. – М., 1926. – № 15. – С. 333–334. – Рец. на кн.: Харнский, К. Япония в прошлом и настоящем / К. Харнский. – Владивосток : Кн. дело, 1926. – 411 с. : ил.
32. [Рецензия] // Аграрные проблемы. – М., 1927. – № 2. – С. 205–207. – Рец. на кн.: Суэхиро Гентаро. Аграрное законодательство / Гентаро Суэхиро. – Токио, 1925.
33. [Рецензия] // Аграрные проблемы. – М., 1927. – № 3–4. – С. 281–282. – Рец. на кн.: Оно Такэо. Сборник по крестьянским восстаниям эпохи Токугава и Словарь по истории крестьянства Японии.
34. [Рецензия] // Аграрные проблемы. – М., 1929. – № 1. – С. 176–177. – Рец. на кн.: Оно Такэо. Социальная история японской деревни / Такэо Оно. – Токио, 1927.

Здесь перечисляются только те труды, которые были изданы, однако нет тех, которые были написаны во время пребывания Плетнера в Японии. Он писал диссертацию по японской литературе, но она не вышла в свет. Первый труд в этом списке датируется 1922 г. – годом высылки Плетнера из Японии, он был издан в Чите. Все остальные труды были изданы в Москве. Судя по японским архивам, Плетнер приехал из Читы в Москву.

После революции между классическим востоковедением, называемым Петербургской научной школой, и московским новым востоковедением с акцентом на социологию и экономику были противостояния. Исходя из содержания работ Плетнера, специфики журналов, в которых он печатался, года выхода в свет, места, издательства, уместно считать, что работал Плетнер в Московском институте востоковедения.

Олег Плетнер и Орест Плетнер

В завершение хотелось бы точно обозначить место братьев в контексте японоведения, исходя из того, что их возраст, область исследования, научные труды часто становились предметом путаницы.

Орест Плетнер родился в 1892 г., а Олег – в 1893 г., в Петербурге, в семье горного инженера. Несмотря на разницу в возрасте, в 1915 г. они одновременно закончили Восточный факультет Петербургского университета. В том же году Орест поступил в аспирантуру вышеназванного факультета и занимался японским языком и литературой, в особенности языкознанием. В 1917 г. сдал магистрантский (доцентский) экзамен и в том же году уехал в Японию, став работником Посольства России в Японии¹⁵⁵. В 1922 г. он стал изучать языкознание под руководством Даниэля Джоунза в университете Лондона. С 1923 г. он занимал должность преподавателя в различных ученых заведениях – Осацком училище иностранных языков (ныне факультет иностранных языков Осацкого университета), университете Тэнри, Киотском университете. В 1941 г. он стал преподавать японский и французский языки в Ханойском университете во Вьетнаме. После второй мировой войны, в 1950 г., вернулся в Японию и стал преподавать в Осацком государственном институте иностранных языков и городском институте иностранных языков Кобэ. Он так и не вернулся в Россию, и в 1970 г. скончался в возрасте 78 лет.

Научные труды Ореста Плетнера были перечислены, когда он уходил в отставку в возрасте 75 лет из Осацкого университета. Они были опубликованы в «Памятном выпуске по случаю 75-летия профессора Плетнера и его ухода в отставку»¹⁵⁶:

1. Русарука: Дзисацуся-но Рэйкон? // Даздоку то дэнцесу. – Токио, 1918. – [Т. 1, вып. 3]. (Русалка: Душа самоубийцы? // Этнография и легенды).
2. Musical Accent in Japanese Morphology // Bulletin of the school of Oriental Studies, London Institution. – 1924. – Vol. III, part III.
3. Дзицуё Эй-Фуцу-Доку-Рого-но Хацуон. – Токио : Добункан, 1926. – (Практическая фонетика английского, французского, немецкого и русского языков).
4. Семья Ивановых : Первая учебная книга (часть первая). – Осака : Мисимакайбундо, 1930.
5. Ки-но Цураюки. Путевые записки из Тоса / пер. с яп., вступит. ст. и прим. // Восток. Сб. 1. – М. : Academia, 1935.
6. Contribution a l'Etude Historique de Vocalisme de l'Ancien Japonais // Etudes de Linguistique Japonaise : Bulletin de la maison Franco-Japonaise. – Tokyo, [S.a.]. – Tome huitieme (Annee 19369), Num. 1.
7. Nippon or Nihon // Monumenta Nipponica. – Tokyo : Sophia University, 1940. – Vol. III, No. 2.
8. Очерки исторической морфологии русского языка // Россия Собиэто кэнкю. Осака гайкокуго дайгаку росиаго кэнкюсицу. – 1964. – [№ 1–4. – 87 с.].

¹⁵⁵ В Осацком университете хранится автобиография, написанная рукой Ореста Плетнера. Автобиография, написанная рукой Олега Плетнера, имеется в РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 626. Л. 28.

¹⁵⁶ Мутто Ёдзи. Пурэтонэру сэнсэй но гэсэки то рякурэки // Россия Собиэто кэнкю. Осака гайкокуго дайгаку росиаго кэнкюсицу. 1968. № 6. [С. 2–7]. (Достижения и краткая биография профессора Плетнера).

Как уже говорилось, Олег Плетнер оставил после себя около 40 трудов. Он умер в 1929 г. в Москве. Сразу можно заметить, что перевод «Путевых записок из Тоса» в России приписывается Олегу¹⁵⁷, а в Японии – Оресту. Из российских исследователей приписывают этот труд Оресту Л. М. Ермакова и В. В. Рыбин, и основания для этого они видят в том, что Олег был достаточно далек от исследования литературы и занимался в основном аграрным вопросом. Хотя, как мы уже увидели, исследовательская деятельность Олега в японоведении начиналась с изучения литературы, и в московский период он писал работы и делал переводы литературных текстов. Поэтому аргументы малоубедительны. Японские исследователи также приписывают перевод «Путевых записок из Тоса» Оресту, не приводя доказательств. Однако в своей недавно вышедшей работе ученик Ореста Муто Ёдзи приводит в доказательство свидетельства самого Ореста Плетнера.

Но и Муто, исключая авторство Олега, объясняет это тем, что тот был далек от литературы, в чем есть некая неточность. Как известно, «Путевые записки из Тоса» были напечатаны в сборнике переводов китайской и японской литературы «Восток» под редакцией Конрада. Конрад воспользовался тем, что у братьев Плетнеров одинаковые инициалы, чтобы напечатать в советском издании работу эмигранта Ореста. Муто видит в этом особую заботу Конрада о Плетнере¹⁵⁸, однако в свете того, что Конрад поспособствовал возвращению в Советский союз Невского¹⁵⁹, причиной приписывания научных трудов Плетнеру могла быть нехватка преподавателей японского языка в Советском Союзе и попытки Конрада пригласить Плетнера на работу в Советский Союз. Конрад, приехав в 1927 г. в Японию, написал Алексею в письме: «Орест [Плетнер] превосходно работает в области фонетики: он прямо прирожденный лингвист. Вообще мне стыдно за себя и свои знания, когда я вижу таких великолепных японоведов, как эти двое [Невского и Плетнера – И. М.]. И ко всему этому прибавляется чувство: как бы полезнее они оба были у нас!»¹⁶⁰.

В то время в Советском Союзе был острый недостаток японоведов, и у Невского, вернувшегося на родину в 1929 г., одновременно было четыре места работы – Ленинградский университет, Ленинградский Восточный институт им. А. С. Енукидзе, Ленинградский Институт востоковедения РАН СССР и Эрмитаж.

Изначально специализацией Ореста, как он сам писал в воспоминаниях, были языковедение и фонетика. Этим ему посоветовал заниматься его близкий друг, лингвист мирового уровня Поливанов, отметив талант Ореста в языковедении¹⁶¹. Автор этой статьи, будучи учеником Ореста Плетнера, помнит, что тот очень гордился этим фактом. Орест хотел оставить отчизне свои труды по фонетике и языковедению.

¹⁵⁷ Библиография Японии: Литература, изданная в Советском Союзе на русском языке с 1917–1958 гг. С. 259; Милибанд С. Д. Библиографический словарь отечественных востоковедов. Кн. II. М., 1995. С. 244; Она же. Востоковеды России. XX – начало XXI века. Кн. II. М., 2008. С. 157.

¹⁵⁸ Муто Ёдзи. Тэнсёку но унмэйсутарин но ёру о икита гэйдзюцутати. Мисудзу Сёбо, 2011. [49 с.]. (Судьба призвания: художники, пережившие сталинскую ночь).

¹⁵⁹ Икута М. Ученый-энциклопедист Н. А. Невский – к 120-летию со дня рождения // Japanese Slavic and East European Studies. 2013. Vol. 34. Pp. 25–27.

¹⁶⁰ Конрад Н. И. Неопубликованные работы. С. 266.

¹⁶¹ Плетнер О. Омоидасу мама ни // Росиа Собизто кэнкю. 1968. № 6. [С. 9]. (Воспоминания).

Как уже говорилось в самом начале, Олег Плетнер работал в сфере литературы. Подтверждение этому можно найти в японских архивах. Например, в сообщении от 23 августа 10 г. эпохи Тайсё (1921 г.) о его деятельности написано следующее: «С головой ушел в изучение японской литературы, уже полностью прочитал Кодзика, в настоящее время бегло просматриваю литературу эпохи Хэйан и работаю над переводами и комментариями к собранию «Сто стихов ста поэтов»¹⁶². Однако эта работа не была издана. Активная деятельность на академическом поле и издание научных трудов произошли только по возвращению на родину, в Советский Союз. Коллега Плетнера в Московском институте востоковедения о поворотном моменте в его исследованиях говорит, что тот составил конспект лекций по современной истории Японии, а также написал 2 тома очерков о политике и экономике для широкого круга читателей. Отзывы студентов и обычных читателей стали для него большим стимулом. Так от изучения классической литературы Плетнер перешел в область актуальных проблем современной Японии, а журналом, в котором он публиковался, стал «Новый восток», издание, стоящее на стороне нового востоковедения. В первом выпуске журнала под заголовком «Задачи Всероссийской Научной Ассоциации Востоковедения» было написано следующее: «В эпоху царизма Восток являлся для России исключительно объектом завоевательной политики и экономической эксплуатации... Всероссийская Ассоциация Востоковедения, наряду со специально научными задачами, может преследовать лишь цели экономического и духовного раскрепощения Востока»¹⁶³.

Так как объем данной работы ограничен, в завершение только процитируем некролог Плетнера, написанный Романом Кимом: «В отличие от других представителей современного русского японоведения, О. В. принадлежал к новому послеоктябрьскому поколению. Он окончил Петербургский университет в 1915 г., но завершил свое востоковедное образование, окончательно оформился и выступил на академическую арену после революции. Таким образом, мы можем считать его первым японоведом советской генерации»¹⁶⁴.

Заключение

В данной работе мы обратились к нескольким неизвестным страницам истории Дальневосточного университета, в особенности тем, которые касаются востоковеда Олега Плетнера, а также коснулись востоковедения и японоведения в Советском Союзе. Став Дальневосточным университетом, Восточный институт освободился от роли дальневосточной ветви старопетербургской школы, укрепил свой статус в качестве научного и учебного заведения в сфере японоведения. И Плетнер, прикладывая все усилия для работы в Дальневосточном университете, расширил область своих научных интересов с классической литературы и филологии, которыми он изначально занимался, до актуальных тем политэкономии и современ-

¹⁶² Архив иностранных дел МИД Японии. 4.3.1. 2–6.

¹⁶³ Павлович М. Задачи Всероссийской Научной Ассоциации Востоковедения // Новый Восток: журнал Всероссийской научной ассоциации востоковедения при НКН. 1922. № 1. С. 3–4.

¹⁶⁴ Ким Р. О. В. Плетнер // Новый Восток: журнал Всероссийской научной ассоциации востоковедения при НКН. 1929. № 25. С. 382.

ного языкознания. Можно сказать, что переговоры Плетнера с Дальневосточным университетом стали для него одним из поворотных моментов, способствовавших смещению акцента с изучения классической литературы в традициях петербургского востоковедения имперской России к актуальному направлению общественных наук новой советской эпохи с центром в Москве.

Список литературы

1. Архив иностранных дел МИД Японии. 4.3.1.2-6.
2. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ, г. Владивосток). Ф. 226. Оп. 1. Д. 626.
3. Азиатский музей – Ленинградское отделение института востоковедения АН СССР. – М. : Наука, 1972. – 596 с.
4. Алексеев, В. М. Наука о Востоке / В. М. Алексеев. – М. : Наука, 1982. – 535 с.
5. Алпатов, В. М. Сергей Григорьевич Елисеев // С. Г. Елисеев и мировое японоведение (Россия, Япония, США, Франция, Швеция, Вьетнам) : материалы междунар. науч. конф. – М., 2000. – С. 12–24.
6. Бабинцев, А. А. Из истории русского японоведения // Японская филология. – М., 1968. – С. 124–137.
7. Бабинцев, А. А. О связях Петербургского университета и Восточного института в начале XX в. // Проблемы Дальнего Востока. – 1979. – № 2. – С. 180–182.
8. Библиографии Японии : Литература, изданная в Советском Союзе на русском языке с 1917 по 1958 гг. – М., 1960. – 327 с.
9. Бужков, А. М. Восточники на фронтах русско-японской войны 1904–1905 гг. // Известия Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. – 1995. – № 2. – С. 18–24.
10. Врядий, С. Ю. Восточный институт – «владивостокская ветвь старопетербургской школы» // Материалы XXIII российско-японского симпозиума историков и экономистов ДВО РАН и района Кансай (Япония). – Владивосток, 2008. – С. 53–56.
11. Горегляд, В. Н. Японские моряки в России в эпоху изоляции Японии // К истории Петербургской школы японской филологии. – СПб., 2005. – С. 58–80.
12. Горегляд, В. *Сакоку дзидай но Росиа ни окэру Нихон суйхэйтати* // *Кокусай Нихон бунка кэнкю сэнта*. – 2001. – [51 с.]. – (Японские моряки в России в период изоляции Японии).
13. Громковская, Л. Л. Николай Александрович Невский / Л. Л. Громковская, Е. И. Кычанов. – М. : Наука, 1978. – 215 с.
14. Громковская, Л. *Росиа ни окэру нихон кэнкю – дзидай то хитобито* / Л. Громковская. – *Сурабу то Нихон : Токио: Кобундо*. – 1997. – [С. 331–350]. – (Японоведение в России – времена и люди / пер. на яп. Тогава Цугио, Хара Тэруюки; под ред. Хара Тэруюки, Тогава Цугио).
15. Дальневосточный государственный университет : история и современность 1899–1999 гг. – Владивосток, 1999. – 703 с.

16. Дыбовский, А. *Кёкуто росиа ни окэру нихон кэнкю то нихонго кёйку но юкуэ (кандзэнбан) – Тоёгакуин (1899–1920) но нихонгаку о тюсин ни* // *Росиа но кёкуто ни окэру нихонгаку но юкуэ*. – *Дорагон инсацу*, 2009. – [С. 25–50]. – (Пути исследований Японии и преподавания японского языка на Дальнем Востоке России (полная версия). Японоведение в Восточном институте (1899–1920 гг.) // Пути развития японоведения на Дальнем Востоке России / под ред. А. Дыбовского).
17. Ермакова, Л. В. О. В. Плетнер и его корреспонденты // Знакомьтесь : Япония. – 2002. – № 34. – С. 56–62.
18. Известия Восточного Института. Т. II, вып. 1. – Владивосток, 1900. – 307 с. разд. паг.
19. Известия Восточного Института. Т. I, вып. 1. – Владивосток, 1900. – 226 с. разд. паг.
20. Икута, М. Ученый-энциклопедист Н. А. Невский – к 120-летию со дня рождения // *Japanese Slavic and East European Studies*. – 2013. – Vol. 34. – С. 13–33.
21. История Дальневосточного государственного университета в документах и материалах. 1899–1939 гг. – Владивосток, 1999. – 626 с.
22. История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. – М., 1997. – 536 с.
23. К истории петербургской школы японской филологии / сост. К. В. Головина, К. Н. Копылова, В. В. Рыбин. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – 166 с.
24. Ким, Р. О. В. Плетнер // Новый Восток: журнал Всероссийской научной ассоциации востоковедения при НКН. – 1929. – № 25. – С. 382.
25. Колотыгин, Н. О Японии и японской торговле или Новейшее историческо-географическое описание японских островов / рассмотренное природным японцем, титулярным советником Николаем Колотыгиным и изданное Иваном Миллером. – СПб. : В типографии Н. Греча, 1817. – [4], 71 с.
26. Кононов, А. Н. Восточный факультет Ленинградского университета // Учен. зап. ЛГУ. Сер. : востоковедческих наук. Вып. 13. – 1960. – № 296. – С. 3–31.
27. Конрад, Н. И. Когда и как я стал востоковедом // Народы Азии и Африки. – 1967. – № 5. – С. 237–241.
28. Конрад, Н. И. Неопубликованные работы. Письма / Н. И. Конрад. – М. : РОССПЭН, 1996. – 543 с.
29. Милибанд, С. Д. Библиографический словарь отечественных востоковедов. Кн. II / С. Д. Милибанд. – М. : Вост. лит., 1995. – 763 с.
30. Милибанд, С. Д. Востоковеды России : XX – начало XXI века : библиографический словарь : в 2-х кн. Кн. 2 : Н-Я / С. Д. Милибанд ; Ин-т Востоковедения РАН, Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН. – М. : Вост. лит., 2008. – 1005 с.
31. Муто Ёдзи. *Пурэтонэру сэнсэй но гэсэки то рякурэки* // *Росиа Собизэто кэнкю*. – *Осака гайкокуго дайгаку росиаго кэнкюсицу*, 1968. – № 6. – [С. 2–7]. – (Достижения и краткая биография профессора Плетнера).

32. Мурто Ёдзи. *Тэнсёку но унмэй: сутарин но ёру о икита гэйдзюцукатати*. – Токио: Мисудзу Сёбо, 2011. – [511 с.]. – (Судьба призвания: художники, пережившие сталинскую ночь).
33. Павлов, Д. Б. Нитиросэнсо-но химицу Росиагава сирё дэ акаруми ни дэта тёхосэн-но наймаку / Д. Б. Павлов, С. А. Деревянко ; пер. на яп. Сакон Такэси. – Токио : Сэйбунся, 1994. – 378 с. – (Тайны русско-японской войны по российским материалам).
34. Павлович, М. Задачи Всероссийской Научной Ассоциации Востоковедения // Новый Восток : журнал Всероссийской научной ассоциации востоковедения при НКН. – 1922. – № 1. – С. 3–4.
35. Петрова, О. П. Кафедра японской филологии // Учен. зап. ЛГУ. Сер. : востоковедческих наук. Вып. 13. – 1960. – № 296. – С. 45–57.
36. Плетнер, О. *Омоидасу мама ни // Росиа Собиэто кэнкю*. – Осака гайкокуго дайгаку росиаго кэнкюсицу, 1968. – № 6. – С. 8–11. – (Воспоминания).
37. Подалко, П. *Хаккэй росиадзин то ниппон* / П. Подалко. – Токио : Сэйбунся, 2010. – [222 с.]. – (Российские белоэмигранты и Япония).
38. Резанов, Н. Нихон тайдзайки 1804–1805 гг. / Н. Резанов ; [пер. на яп. Осима Микио]. – Токио : Иванами, 2000. – [440 с.]. – (Записки о пребывании в Японии).
39. Рыбин, В. «Кэнкюното» Санкуто-Пэтэрубуругу (Росиа) ни окэру нихонго гакусю то нихон кэнкю но самбякунэн но аюми // *Нихон кэнкю*. – Киото : Кокусай нихон бунка кэнкю сэнта, 2006. – № 32. – [С. 261–284]. – («Научная тетрадь»: Трехсотлетний путь изучения японского языка и исследований Японии в Санкт-Петербурге (Россия)).
40. Рыбин, В. В. Школа петербургского японоведения (от Дэмбэя до учеников Н. И. Конрада) // К истории петербургской школы японской филологии. – СПб., 2005. – С. 8–57.
41. Савада Кадзухико. *Куроно Ёсибуми дэн – Токиогайгорого кара пэтэрубуругу дайгаку тоё гакубу-э // Росиа бунка но мори э-хикаку бунка но соготэки кэнкю* / [под ред. Янаги Томико. – 2 изд.]. – Нада сёппан сэнта, 2006. – [С. 485–502]. – (Биография Куроно Ёсибуми – От русского языка в Токийской школе иностранных языков к Восточному факультету Петербургского университета // В дебри русской культуры – комплексные исследования по сравнительной культурологии).
42. Серов, В. М. Становление Восточного института (1899–1909 гг.) // Известия Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. – Владивосток, 1994. – № 1. – С. 14–36.
43. *Сирё га катару Нэфусуки* / [под ред. Икута Митико]. – Оосака гайкокуго дайгаку, 2003. – [С. 124–125]. – (Что говорят архивные материалы о Н. А. Невском).
44. Татаринев, А. «Лексикон» русско-японский / А. Татаринев. – М. : Изд. вост. лит., 1962. – 133 с.
45. Хисамутдинов, А. А. Дальневосточное востоковедение : исторические очерки / А. А. Хисамутдинов. – М. : ИДВ РАН, 2013. – 358 с.
46. Хисамутдинов, А. А. Российские толмачи и востоковеды на Дальнем Востоке : материалы к библиографическому словарю / А. А. Хисамутдинов. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. – 276 с.

47. Хохлов, А. Н. Петербургское японоведение с середины 50-х гг. XIX в. до октября 1917 г. (по архивным материалам и письмам российских японистов) // С. Г. Елисеев и мировое японоведение (Россия, Япония, США, Франция, Швеция, Вьетнам) : материалы междунар. науч. конф. – М., 2000. – С. 197–241.

Эмигрантское востоковедение: материалы к изучению

А. А. Хисамутдинов

Статья обобщает деятельность эмигрантского востоковедения: анализирует достижения первых научно-общественных организаций и учебных заведений в Китае, останавливаясь на деятельности отдельных востоковедов, внесших вклад в изучение стран Дальнего Востока.

Ключевые слова: эмигранты-востоковеды, Маньчжурия, русские в Маньчжурии, русское образование в Китае.

Emigrant Oriental Studies: Materials for Research

Amir A. Khisamutdinov

This article summarizes the activities of Russian orientalists in China: the achievements of the first scientific societies and educational institutions in China are analyzed, describing the activities of certain Orientalists who contributed to the study of the countries of the Far East.

Keywords: Immigrants-Orientalists, Manchuria, Russians in Manchuria, Russian education in China

Наше время примечательно стремлением российского общества к переосмыслению истории – как своей страны, так и ее взаимоотношений с соседними странами. Это понятно: Россия оказалась перед необходимостью выбора пути дальнейшего развития, учета исторического опыта во всем его объеме, не только положительных, но и негативных аспектов. Особенно наглядно уроки прошлого, которому было свойственно множество противоречий, проявляются в реалиях сегодняшней политической жизни, например, в споре о «северных территориях», много проблем возникает и при составлении экономических договоров между компаниями. Для россиян понятие «Дальний Восток» настолько органично связано с Россией, что мы порой не задумываемся над тем, что под этими словами в мире больше подразумевают Китай, Монголию, Корею и Японию. Но так уж было угодно истории, что российские первопроходцы и дипломаты смогли присоединить к российской короне часть суши, которая граничит с азиатскими странами. У русских есть хорошая поговорка: «Со своим уставом в чужой монастырь не ходят». На протяжении веков Россия, чтобы узнать «чужой устав», тщательно изучала своих соседей. Эти труды смогли бы составить библиотеку из многих тысяч томов.

История развития любой научной дисциплины представляет собой процесс непрерывного поиска истины представителями данной области знаний. Чтобы сегодня осмыслить современное состояние той или иной науки, нужно провести скрупулезный анализ каждой ступени всего процесса накопления знаний. Мы будем лишь тогда иметь полную картину состояния современного отечественного востоковедения, когда выясним роль, место и вклад каждой востоковедческой школы, существовавшей на территории Дальнего Востока – как российской, так и эмигрантской. Анализ исторического процесса, происходящего в дальневосточном востоковедении, невозможен без опыта, накопленного российскими эмигрантами-востоковедами. Безусловно, это связано с большими трудностями, так как тема исследований лежит на стыке многих наук, включая филологию, историю, этнографию, археологию, экономику и даже состояние экологической среды в дальневосточных странах.

Отечественная историография по востоковедению весьма богата и насчитывает десятки книг и сотни статей. Естественно, большая часть публикаций относится к советскому периоду, но есть среди них и те, что увидели свет в эмиграции. В связи с этим историографию проблемы можно разделить на несколько периодов, или этапов. На первом этапе были опубликованы работы тех, кто непосредственно преподавал в Восточном институте во Владивостоке или был среди первых его выпускников. В основном эти работы рассказывают о состоянии востоковедения того времени, их ценность заключается и в критическом отношении к уровню преподавания восточных языков в то время. В Гражданскую войну и в первые годы советской власти вышли работы, в которых, с одной стороны, подводились итоги деятельности Восточного института, а с другой – намечались новые перспективы, связанные с преобразованием института в университет.

Большая часть литературы о дальневосточном востоковедении издана в советское время. В эту группу входят работы, написанные как в широком диапазоне, так и в постановке общего подхода в анализе отечественного востоковедения¹⁶⁵. Недостатком некоторых из них является порой чрезмерно критическое отношение к так называемой владивостокской школе востоковедения, которая служит как бы противопоставлением прогрессирующей школе бывшего Санкт-Петербургского направления. В то же время уже в последние годы наблюдается тенденция подчеркивания положительных свойств дальневосточной ориенталистики, а также выдающейся роли отдельных востоковедов, пик творчества которых пришелся на работу на российском Дальнем Востоке. За исключением отдельных работ, они посвящены китаеведению.

Наиболее интересными, освобожденными от политической предвзятости, являются работы, увидевшие свет недавно. В основном это публикации дальневосточников, которые смогли раскрыть многие неизвестные ранее стороны дальневосточной ориенталистики, рассказать о трагической судьбе владивостокских востоковедов.

¹⁶⁵ Архив Общества русских ориенталистов (ОРО) находился вначале в музее ОИМК в Харбине. После того, как он стал частью государственной системы Китая, следы бесценного собрания затерялись, часть этих документов были выявлены в Музее Русской культуры в Сан-Франциско и Гуверовском институте (США).

Особое место в историографии дальневосточного востоковедения занимают работы тех, кто жил в Харбине и мог не только оценить уровень эмигрантского востоковедения, но и был их непосредственным участником¹⁶⁶. Общим недостатком для них является их чрезмерная мемуарность и идеализация прошлого.

Анализ историографии по востоковедению дает возможность оценить многие аспекты отечественного востоковедения и вклад дальневосточных ориенталистов в эту науку. В то же время отсутствуют работы, которые могли бы в совокупности оценить работы дальневосточников от любителей – членов научно-общественных организаций и профессоров Восточного института / ДВГУ до деятельности востоковедов-эмигрантов.

Архивы, необходимые исследователю, можно разделить на несколько групп. Первая из них – опубликованные государственные документы, связанные с образованием и закрытием востоковедческих центров. Это наиболее малочисленные документы, но они дают возможность реально оценить состояние и развитие дальневосточного востоковедения¹⁶⁷. Большую ценность представляют опубликованные периодические издания востоковедческих центров – «Записки» Общества изучения Амурского края (ОИАК), Приамурского отдела Императорского Русского географического общества (ПОИРГО), Приамурского отделения Императорского общества востоковедения (ПОИОВ) и Общества изучения Маньчжурского края (ОИМК), «Известия Восточного института» (Владивосток), «Вестник Азии» и «Вестник Маньчжурии» (Харбин), а также другие издания. Эти документы позволяют не только выявить уровень востоковедческой науки тех лет, но и составить анализ деятельности востоковедческих школ. Имеются уникальные публикации, увидевшие свет в эмиграции¹⁶⁸.

Подавляющая часть документов, на основе которых написаны исследования автора, составляют архивные источники, выявленные автором в более чем 35 архивах, включая иностранные – в США, Китае, Корее, Чехословакии и др.

В последнее время появилось немало отличных книг и статей, в которых в той или иной степени отражалась история востоковедения. Особо нужно отме-

¹⁶⁶ Баранов А. И. Русские краеведы в Маньчжурии // Сборник Харбинского коммерческого училища КВЖД. Сан-Франциско, 1959. № 6. С. 137–147; Мелихов Г. В. Глава III: Высшая школа и научно-исследовательские организации российской эмиграции в Китае // Мелихов Г. В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.). М.: Ин-т Российской истории РАН, 1997. С. 119–153; Таскина Е. Синологи и краеведы Харбина // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 2. С. 124–129 и др.

¹⁶⁷ Куликова А. М. Востоковедение в Российских законодательных актах (конец XVII в. – 1917 г.). СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1994. С. 173–174, 313–319.

¹⁶⁸ Автономов Н. П. Исторический обзор Харбинских Коммерческих училищ Китайской Восточной железной дороги за 15 лет. (1906–1921 гг.). Харбин: Изд. Коммерческих училищ, 1921. 215 с.; Он же. Общество русских ориенталистов: (ист. очерк). Харбин: Изд. ОРО, 1923. 36 с.; Он же. Юридический факультет в Харбине (ист. очерк). 1920–1937 гг. // Право и культура: сб. в ознаменование восемнадцатилетнего существования Юрид. фак. в г. Харбине. Харбин, 1938. С. 3–84. (Изв. Юрид. фак. в г. Харбине; т. XII); Он же. Что вспомнилось... // Харбинские коммерческие училища КВЖД. Сан-Франциско, 1973. № 11. С. 52–56; Gins G. Professor and Government Official: Russia, China and California: Interview / cond. by B. Raymond. [USA, s. p.]: The Bancroft Library, 1966. 364 p.; Он же. Impressions of the Russian imperial government: oral history transcript / and related material, 1964–1971: Interview / cond. by R. A. Pierce. [USA, s. p.]: The Bancroft Library, 1971. 95 p. и др.

титель справочник о репрессированных востоковедах¹⁶⁹. Инициаторы этого издания создали сайт, который регулярно обновляется¹⁷⁰. В Интернете опубликован и «Предварительный поисковый список востоковедов, покинувших Россию в XIX–XX вв.»¹⁷¹. Вышла в свет превосходная библиография канадского профессора О. М. Бакич, в которой содержится много сведений о трудах российских востоковедов в Маньчжурии¹⁷².

В прошлом веке первые мостки знакомства между Россией и Дальним Востоком прокладывали русские миссионеры, толмачи-переводчики, некоторые из которых получили образование в Восточном институте во Владивостоке, основанном в 1899 г. Благодаря институту этот город считался общепризнанной столицей практического востоковедения на окраине Российской империи. Десятилетия, прошедшие с тех пор, лишь подтверждают, что выпускники бывшего Восточного института, жившие в эмиграции, вписали свои имена золотыми буквами в изучение близлежащих стран, где они работали. Помимо преподавателей и выпускников Восточного института, проблемами востоковедения занимались деятели научно-общественных организаций, дипломаты, православные миссионеры, члены эмигрантских культурных организаций и др.

Больших успехов добилось Общество русских ориенталистов (ОРО), учрежденное 21 июня 1908 г. и объединившее всех русских исследователей в Харбине. Известны имена пяти инициаторов его создания: коммерческий агент КВЖД в г. Цицикаре А. П. Болобан, редактор газеты «Юань-дун-бао» А. В. Спицын, его помощник по редакции И. А. Добролюбовский, чиновник Министерства торговли и промышленности А. Н. Петров и городской голова Харбина П. С. Тищенко – все выпускники Восточного института. Основными задачами новой организации провозглашались следующие: «1) Изучение Восточной и Средней Азии в общественно-политическом, географическом, лингвистическом и прочих отношениях; 2) Содействие сближению России с народами Восточной и Средней Азии на почве взаимных интересов с ними; 3) Освещение в печати и обществе вопросов научного и практического характера, связанных со служением организации первым двум целям; 4) Духовная и материальная взаимопомощь и поддержка членов организации»¹⁷³. Своей основной задачей востоковеды считали популяризацию знаний о Востоке среди населения. Доклады, которые они читали на заседаниях Общества,

¹⁶⁹ Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / изд. подготовили Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 496 с. (Социальная история отечественной науки о Востоке).

¹⁷⁰ Люди и судьбы: Библиографический словарь репрессированных востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991 гг.). URL: <http://memory.pvost.org/pages/index2.html> (дата обращения 14.01.2014).

¹⁷¹ Предварительный поисковый список востоковедов, покинувших Россию в XIX–XX вв. URL: http://www.bfrz.ru/data/rus_nayk_zar_slovar_sorokina/rus_nayk_zar_slovar_sorokina_vostokovedu.pdf (дата обращения 14.01.2014).

¹⁷² См.: Bakich O. Harbin Russian imprints: bibliography as history, 1898–1961: materials for a definitive bibliography. New York; Paris: Norman Ross Publishing Inc., 2002. V-XX; 584 p.

¹⁷³ Великая Маньчжурская империя: к десятилетнему юбилею, 1932–1942 гг. / изд. М. Н. Гордеев. Харбин: Изд. Гос. организации Кио-ва-кай и Гл. Бюро по делам рос. эмигрантов в Маньчжур. империи, 1942. С. 336.

затем публиковались в журнале «Вестник Азии», первый номер которого вышел в свет в июле 1909 г. Членами ОРО стали переводчики, дипломаты, коммерсанты и профессора Восточного института и Санкт-Петербургского университета.

Строительство КВЖД ускорило экономическое развитие Маньчжурии, которая до 1898 г. оставалась крайне отсталой. Уже в проекте строительства предусматривался анализ условий работы новой железнодорожной магистрали. Изучение этих вопросов шло прежде всего через Экономическое бюро КВЖД, основанное осенью 1920 г. Вклад в экономические исследования вносили также Тарифно-показательный музей, метеорологические станции и земельный отдел КВЖД.

Харбинский журнал «Вестник Маньчжурии» являлся еженедельным органом Экономического бюро КВЖД и вначале выходил под названием «Экономический вестник Маньчжурии» (№ 1 – 28 января 1923 г.). «Мы приступаем к изданию, – писала редакция, – в исключительно тяжелое время. Край переживает огромный финансовый и торгово-промышленный кризис. Торговля и промышленность в застое. Пока еще не видно просвета впереди, и трудно надеяться на улучшение положения в более или менее близкое время»¹⁷⁴. В то же время деятели КВЖД считали издание нового экономического журнала очень важным делом. Требовалось выяснить условия выхода из кризиса, помочь теоретикам и практикам разобраться в экономике Дальнего Востока. Как орган КВЖД журнал большую часть своих страниц посвящал русскому и китайскому транспорту и разрабатывал вопросы, связанные с ним. Учитывая большое значение издания, КВЖД решило с 1 января 1925 г. назвать его «Вестник Маньчжурии» и выпускать ежемесячно в большем объеме. Ключевыми темами были вопросы торгово-промышленного характера и сельского хозяйства. «Имея перед собой узкоспециальную задачу, – отмечал «Вестник Маньчжурии», – помогать торговопромышленникам в их повседневной работе, наш журнал, естественно, должен отвести большое место и обратить особое внимание на чисто информационную, коммерческо-финансовую часть в виде хозяйственных и коммерческих обзоров, специальной хроники, товарных и валютных бюллетеней и т.п.»¹⁷⁵.

В журнале существовали следующие разделы: общий, «На Китайско-Восточной железной дороге», «По Маньчжурскому краю», «По Китайской республике», «По Советскому Союзу» и библиография.

Подлинным краеведческим центром Маньчжурии стало Общество изучения Маньчжурского края (ОИМК). Оно просуществовало всего шесть лет, но сделало многое, сумев объединить исследователей-энтузиастов. Среди основателей ОИМК помимо русских исследователей Э. Э. Анерта, В. В. Гагельстрема, П. Н. Меньшикова, А. В. Спицына, Б. В. Скворцова, П. В. Шкуркина и других было немало китайцев. Задумывая создать полноценное научно-просветительское общество с музеем и библиотекой, они взяли за основу владивостокское Общество изучения Амурского края, позаимствовав отчасти и название. В циркулярном письме властям говорилось: «Всем известно, какое огромное культурное и просветительское значение имеют выставки и музеи не только в отношении повышения общего уров-

¹⁷⁴ Наши задачи // Экономический вестн. Маньчжурии. Харбин, 1923. 28 янв., № 1. С. 1.

¹⁷⁵ Пять лет «Вестника Маньчжурии» // Вестн. Маньчжурии. Харбин, 1928. Янв., № 1. С. 1.

ня культуры, но и развития рациональных методов работы, делового практического настроения, которое является неременным залогом успеха в хозяйственной и интеллектуальной жизни. Все это побудило группу лиц взять на себя инициативу создания в Харбине Общества изучения Маньчжурского края, главной целью которого является использование и объединение всех культурных сил края». В первом общем собрании ОИМК 29 октября 1922 г. приняли участие 105 человек¹⁷⁶.

Так как ОИМК собрало под своим крылом не только энтузиастов изучения Маньчжурии, но и многие общественные организации Харбина, это отразилось на фондах его библиотеки. «Книжный состав библиотеки ОИМК, – сообщалось в «Известиях ОИМК», – значительно пополнился присоединением библиотек Общества ориенталистов и Маньчжурского сельскохозяйственного общества. В связи с основанием в Харбине Центральной библиотеки КВЖД, имеющей большие материальные возможности и специальное здание, наша библиотека, во избежание параллелизма в работе и ради сохранения небольших своих средств, была реорганизована. Весь книжный фонд библиотеки был пересмотрен, в ней оставлены следующие издания: а) книги и брошюры о Маньчжурии и соседних областях, б) справочные, классические и фундаментальные научные сочинения по тем отраслям знания, в направлении которых по преимуществу развивается деятельность ОИМК, в) словари энциклопедические и языков, г) обменные издания ученых учреждений и обществ, краеведческих организаций и д) научные периодические издания»¹⁷⁷.

До 1924 г. в Маньчжурии никто не только не занимался составлением библиографических справочников, но даже не собирал коллекцию местных печатных изданий¹⁷⁸. Газеты выписывало управление гражданской частью КВЖД, но с ее ликвидацией это собрание было уничтожено. Библиотеки Железнодорожного и Коммерческого собраний Харбина хранили только текущую периодику. В 1924 г. ОИМК решило ликвидировать этот пробел, основав при своем музее отдел местной печати, который возглавил Михаил Семенович Тюнин. В июле 1924 г., приступив к работе, он обратился от имени ОИМК к редакциям всех харбинских газет и владельцам типографий с просьбой прислать их издания для будущей коллекции. «Помимо книг, газет, журналов, – писал Тюнин, – в отделе собираются и хранятся и другие предметы тиснения, выпущенные в пределах Маньчжурии как из-под печатного станка, так и с литографического камня. Собираются, по возможности, все опубликованные распоряжения властей, обязательные постановления, объявления учреждений, собираются географические карты и отдельные чертежи, рисунки, портреты, коллекционируются афиши спектаклей, концертов, программ их, афиши и объявления кинематографов, всевозможные торговые объявления и, наконец, более мелкие тиснения в виде пригласительных писем, билетов, меню обедов, летучек и т.д. Собираются печатные произведения на всех языках, но поступают в отдел издания более на русском языке»¹⁷⁹.

¹⁷⁶ Исполнительное бюро. Циркулярно // Изв. ОИМК. Харбин, 1922. № 1, нояб. [Б. с.].

¹⁷⁷ Рачковский А. А. Шесть лет // Изв. ОИМК. 1927. № 7, дек. С. 5.

¹⁷⁸ Сатовский-Ржевский Д. Г. Эмигрантская печать в Маньчжу-Ди-Го // Великая Маньчжурская империя. С. 351.

¹⁷⁹ Тюнин М. С. Отдел местной печати. (Обзор деятельности) // Изв. ОИМК. 1928. № 7, дек. С. 71–72.

К 1927 г. библиотека ОИМК насчитывала 7 тысяч томов, а его отдел местной печати собрал около 12 тысяч книг, журналов, брошюр и прочей малотиражной литературы, и Тюнин смог приступить к составлению «Библиографии Маньчжурии» – первого местного библиографического справочника. Он тщательно анализировал содержание изданий, их владельцев и продолжительность выпуска, отмечая недолговечность многих изданий: к 1927 г. «почти третья часть всех харбинских изданий просуществовала менее года, а именно – 89 из общего числа 243. Если же предположить, а это именно вероятно, что большинство изданий, помещенных в рубрике «время существования неизвестно», выходили менее года, – то число краткосрочных изданий еще значительно увеличится». Изданием, выходящим в Харбине дольше других, является «Торговый бюллетень Харбинской биржи», просуществовавший непрерывно 17 лет и продолжавший выпуск своих бюллетеней. Из газет самой долговечной оказался «Харбинский вестник», издававшийся КВЖД на протяжении 15 лет, а из журналов – «Вестник Азии» (14 лет). На втором месте по продолжительности издания стояли журналы «Сельское хозяйство в Северной Маньчжурии» и «Известия Харбинского общественного управления» выходявшие, хотя и с перерывами, в течение 10 лет.

В феврале 1929 г. китайские власти закрыли ОИМК по формальной причине его «преобразования» в Общество изучения культурного развития Особого района Восточных провинций (ОРВП), членами которого могли быть только китайцы. Музей ОИМК перешел в ведение Департамента народного образования ОРВП, при котором в январе 1931 г. создали НИИ ОРВП. Несмотря на эти, а также последующие преобразования, в музее в основном работали русские исследователи: Б. П. Яковлев, А. С. Лукашкин, М. Ф. Фирсов, Н. А. Байков.

Нет нужды говорить о том, что эмигрантская молодежь довольно бегло говорила на китайском или японском языках. Если взрослые не обращали большого внимания на китайскую культуру и больше занимались поисками хлеба насущного, многие дети быстро привыкали не только к языку, но и вникали в местные традиции и реалии. Харбинские педагоги и исследователи обращали большое внимание на воспитание подрастающего поколения, всячески привлекая молодых людей в свои научные общества и объединения, издавая материалы этнографо-востоковедческого характера.

В Маньчжурии активно работали молодежные научно-общественные организации. Наиболее крупным объединением был Клуб естествознания и географии Христианского союза молодых людей, основанный бывшими членами ОИМК. 7 апреля 1929 г. деятели клуба создали «Национальную организацию исследователей-пржевальцев», которую возглавил В. В. Поносов. Отмечая десятилетие организации, были подведены первые итоги: «Работа велась исключительно с молодежью. Было сделано около 200 экскурсий, собирались коллекции. В юбилейные дни была устроена отчетная выставка в помещении 1-го Русского реального училища. Центральное место на выставке занимал скелет мамонта (правда, неполный), добытый пржевальцами в местности Хуаншань, к северу от Харбина. Это первая находка скелета мамонта в Маньчжурии. Рядом были расположены археологические находки, относящиеся главным образом к эпохе народа Мохэ (1500 лет тому назад) и империи Цинь (700–800 лет назад). Привлекал также внимание этнографический

уголок с шаманскими принадлежностями и божками, а также и зоологические сборы пржевальцев. Фоном для всего этого были многочисленные китайские лубки, которыми были затянуты стены помещения»¹⁸⁰.

Организация исследователей-пржевальцев была закрыта в 1946 г. К этому времени им удалось издать только один выпуск «Сборника научных работ пржевальцев». Окончательно российские краеведы прекратили свои занятия по изучению Китая и Маньчжурии с закрытием Клуба естествоиспытателей и географии в 1955 г. Последней краеведческой организацией стало Харбинское общество естествоиспытателей и этнографов, основанное в 1946 г., которое просуществовало 9 лет. Обществом руководили Б. В. Скворцов и В. Н. Алин; интересами последнего были зоология, энтомология и этнография.

Учебный отдел КВЖД в период с 1906 по 1917 гг. ежегодно организовывал летние учительские конференции, а в 1909 г. было основано Общество Маньчжурских народных университетов, которое организовало вечерние курсы для взрослых: одногодичные по начальному обучению и двухгодичные – по расширенной программе. С 1910 г. педагоги Харбина были объединены в Маньчжурское педагогическое общество. Согласно уставу, своими задачами оно ставило «следить за развитием педагогической науки в России и за границей, способствовать уяснению вопросов, выдвигаемых учебно-воспитательной практикой в крае, устраивать курсы, съезды, выставки, научные экскурсии...». Проблемы и идеи, возникавшие при этом, выносились на обсуждение общественности при помощи ежемесячного журнала «Просветительское дело в Азиатской России», выходившего в 1913–1919 гг. (с 1922 г. – «Вестник Маньчжурского педагогического общества»). В дальнейшем вопросы школьного образования поднимали педагогический журнал «Вопросы школьной жизни», выпускавшийся в 1925–1926 гг. Союзом учителей КВЖД, и «Бюллетень Союза учителей», который в 1932 г. издавало Русское учительское общество в Маньчжурии. Особенно много для анализа русского образования в Маньчжурии сделал Н. П. Автономов. И он, и другие харбинские педагоги издали немало учебников. В частности, большой популярностью пользовались учебные пособия бывшего дипломата А. С. Троицкого. Переход контроля как над советскими, так и над русскими школами к китайским властям в 1926 г. чаще всего был формальным и не мешал руководству школ работать по собственным программам.

Вопрос о создании высших учебных заведений в Харбине поднимался уже в начале Первой мировой войны. В 1916 г. был образован Комитет по высшему образованию, работа которого прервалась в 1917 г. и возобновилась летом 1918 г. Комитет проводил сбор пожертвований для открытия в Харбине университета с юридическим, экономическим и техническим факультетами и медицинской школой. Энтузиастам удалось собрать только половину нужной суммы, но их усилия все же привели к созданию в 1920 г. двух учебных заведений, которые можно было приравнять к высшим: Высших экономико-юридических курсов (в дальнейшем Юридический факультет) и Русско-Китайского техникума (в дальнейшем Харбинский политехнический институт).

Первый набор Высших экономико-юридических курсов, основанных 1 марта 1920 г. с Н. В. Устряловым на посту декана, составил 98 человек, среди которых было много вольнослушателей. Интенсивно занимаясь вечерами в здании Харбинского коммерческого училища, они прошли программу первого курса за четыре месяца. С сентября 1920 г. второй академический год начался всего с 15 студентами, так как вольнослушатели уже не допускались. После того как в 1922 г. курсы получили аккредитацию Дальневосточного государственного университета во Владивостоке, утвержденную министром образования Приамурского правительства, они стали называться Юридическим факультетом.

В стенах Юридического факультета трудилось немало профессоров и преподавателей, уехавших из Владивостока. Так, в январе 1920 г. в Харбине появился бывший деятель колчаковского правительства Георгий Константинович Гинс. Одновременно с чтением лекций он готовил к печати по следам недавних событий свою знаменитую книгу «Сибирь, союзники и Колчак», публикуя отрывки из нее в газете «Вестник Маньчжурии». За время пребывания в Харбине Гинс опубликовал много востоковедческих трудов, причем не только о Китае, но и о Японии. Приват-доцентом Юридического факультета был И. Г. Баранов. Он читал лекции и принимал экзамены по китайскому языку, литературе, этнографии и истории культуры Китая. В это время он подготовил большое количество статей по фольклору, этнографии и истории Китая. С 1926 г. он читал курс краеведения и в Харбинском педагогическом институте. В число преподавателей Юридического факультета входили и другие известные востоковеды. В основном их труды посвящались юридическим вопросам, но они не оставляли в стороне и проблемы Китая. Свидетельство тому – многочисленные публикации на китайскую тему в «Известиях Юридического факультета».

1925–1929 гг. были временем финансовой стабильности и роста Юридического факультета. Его поддерживали субсидии от Комитета по высшему образованию, муниципалитета и, в значительной степени, от администрации КВЖД. Учебная программа соответствовала юридическим факультетам в России с добавлением некоторых специальных дисциплин, необходимых для работы на КВЖД: китайское государственное и гражданское право, железнодорожные тарифы и т.д. В тот период, как отмечал историк Юридического факультета Н. П. Автономов, было «организовано экономическое отделение с тремя подотделами: восточно-экономическим, коммерческим и железнодорожным; организованы Подготовительные курсы для китайских молодых людей, которые по окончании классов могли переходить на Факультет и слушать лекции русских профессоров на русском языке. Значительно разрослась профессорская и преподавательская корпорация – только на Русском факультете, без личного преподавательского состава Подготовительных классов, число академических работников доходило до 54. Значительно увеличивается число студентов. Ко времени окончания этого периода студентов, вместе со слушателями Подготовительных классов, было свыше тысячи»¹⁸¹. Некоторые курсы лекций читались на китайском языке.

¹⁸⁰ Аргус. По стопам Пржевальского // Рубеж. Харбин, 1939. 27 мая, № 22. С. 19.

¹⁸¹ Автономов Н. П. Юридический факультет в Харбине. С. 23.

После установления в 1932 г. в Маньчжурии марионеточного правительства целый ряд факторов стал негативно влиять на работу Юридического факультета: политические проблемы, продажа КВЖД, стремление японских властей ликвидировать все русские образовательные учреждения, отъезд из Харбина многих русских. 1 июля 1934 г. Юридический факультет покинула группа профессоров, принявших советское гражданство, среди которых был и Устрялов. В марте 1936 г. Юридический факультет был вынужден объединиться с Педагогическим институтом, чтобы сократить административные расходы. Задачей Педагогического института, основанного 31 сентября 1925 г., было обеспечение учителями харбинских школ. На двух факультетах – филолого-историческом и физико-математическом – обучение продолжалось четыре года, помимо педагогических дисциплин и избранной специальности лекции читались по истории, искусству, литературе, науке и коммерции. Как и на Юридическом факультете, здесь преподавались регионоведческие дисциплины: география, история, политическое устройство, культура Японии и Китая. Будущие учителя изучали также латынь, английский язык, основы китайского и японского языков. Заключительный год обучения посвящался практической работе в детском саду и в гимназии, открытой при Институте. Как и другие харбинские вузы, Педагогический институт постоянно испытывал нехватку денег, преподавателей, книг и учебных пособий. Финансовое положение особенно ухудшилось с японской оккупацией, продажей КВЖД и отъездом многих русских семей. За 11 лет существования Педагогический институт выпустил 48 человек: 35 с филолого-исторического факультета и 11 с физико-математического.

Объединение двух вузов не принесло существенной пользы, в новом виде они смогли продержаться чуть больше года, пока 1 июля 1937 г. не закрылись окончательно. Тем временем в апреле 1937 г. японские власти спешно создали Высший коммерческий институт при Бюро по делам российских эмигрантов, к которому и перешла вся собственность Юридического факультета и Педагогического института, а также некоторые профессора и часть студентов. В частности, в этом вузе преподавал Г. К. Гинс. Но этот институт оказался недолговечным и через год закрылся.

Вторым по значению вузом Харбина был Харбинский политехнический институт, открытый 18 апреля 1920 г. как Русско-китайский технический колледж, через два года переименованный в Русско-китайский политехнический институт и получивший свое окончательное название в ноябре 1928 г. Первый набор его составил 110 студентов, к 1925 г. их число увеличилось до 445, а в 1926 г. – до 650 человек. Техническое образование в Харбине находило всестороннюю поддержку: и со стороны администрации КВЖД, и от муниципалитета, от Харбинской фондовой биржи, а также жителей. Наибольшую финансовую помощь оказывала КВЖД, она же выделила институту здание бывшего Российского консульства и ряд других строений в центре Харбина, а также поощряла своих служащих к преподаванию в новом институте.

Как и профессора Юридического факультета, их коллеги из Политехнического института, помимо преподавания, занимались исследованиями, публикуя их результаты сначала в «Известиях и трудах Русско-китайского политехнического

института», а затем в «Известиях и трудах Харбинского политехнического института». С 1923 по 1934 гг. вышло шесть томов «Известий». Кроме того, в свет выходили сборники лекций профессоров по отдельным дисциплинам, отчасти компенсировавшие недостаток учебников.

В 1932 г. ряд преподавателей Политехнического института перешли на работу в только что открытый Северо-Маньчжурский политехнический институт ХСМЛ, но японские власти вскоре закрыли оба вуза. Харбинский политехнический как самостоятельный вуз перестал работать в марте 1935 г. В том же году закрылся и Северо-Маньчжурский политехнический, все студенты и преподаватели которого были переведены в Институт Св. Владимира, открытый в сентябре 1934 г. под руководством главы Харбинской епархии архиепископа Мелетия на основе Высших богословских курсов.

В то время, когда другие харбинские вузы испытывали трудности, новый институт получил поддержку от японских властей. Выступая на церемонии открытия, архиепископ Мелетий сказал, что институт должен стать центром русской науки в эмиграции и будет помогать беженцам даже на чужбине сохранять их национальные особенности. Время создания Института и наличие в нем таких факультетов, как богословский, восточно-экономический и политехнический позволяет предположить, что Институт Св. Владимира создавался не столько для развития богословского образования, сколько для того, чтобы в какой-то мере временно компенсировать работу по тем направлениям, по которым велось преподавание на закрытых в этот период вузах.

В 1934 г. во главе Института Св. Владимира стоял профессор юриспруденции Мстислав Петрович Головачев. Являясь одним из идеологов сибирского областничества, он издавал в Харбине журнал «Сибирские вопросы», был редактором газеты «Гун-Бао», одним из основателей Института ориентальных и коммерческих наук, где читал лекции по международному праву. При Институте долгое время действовал кружок востоковедения, которым руководил А. А. Костин¹⁸².

В 1938–1939 гг. японские власти вывели политехнический и восточно-экономические факультеты из состава Института Св. Владимира и на их основе открыли Северо-Маньчжурский университет, который состоял из политехнического и коммерческого факультетов и находился полностью в ведении японской администрации. Известно, что в 1938–1945 гг. Баранов преподавал в нем китайский язык и экономическую географию Маньчжурии. Одновременно он занимался переводческой деятельностью и был заведующим Русским отделом в Харбинском железнодорожном институте. Университет прекратил существование в 1945 г. с окончанием войны СССР и Японии. Харбинский политехнический институт советские власти вновь открыли лишь в ноябре 1945 г. с окончанием японской оккупации Маньчжурии, и он существовал вплоть до 1957 г., пока не был передан КНР. В период 1925–1938 гг. он выпустил свыше 1 тыс. инженеров, в 1938–1957 гг. из него вышло еще 500–600 специалистов. Многие выпускники Харбинского политехнического института стали известными людьми, а русские эмигранты, вернувшиеся в Россию, оказали влияние на советское китаеведение.

¹⁸² Акантопанакс. Молодые русские ориенталисты: Семь лет работы кружка востоковедения при восточном факультете Института Св. Владимира в Харбине // Рубеж. 1935. 1 дек., № 49. С. 15–16: фот.

Отдельного разговора заслуживает деятельность Института ориентальных и коммерческих наук, открытого в Харбине в 1925 г. А. П. Хиониным совместно с группой единомышленников из Общества русских ориенталистов. Управление институтом осуществлялось тремя органами: правлением, дирекцией и академическим советом, а его директором (деканом) единогласно избрали Хионина. Институт делился на два факультета: ориентальный (восточно-экономический) и коммерческий. Обучение велось по программам и учебникам Восточного института во Владивостоке. В основном упор делался на практическое изучение китайского, японского и английского языков. Общими для факультетов были такие дисциплины, как английская корреспонденция, языковедение, география и история Китая, Японии, Кореи, Монголии и Тибета, коммерческо-экономическая география стран Дальнего Востока, экономика Маньчжурии, сибириеведение, история европейской культуры, проблемы Тихого океана, государственное устройство Дальнего Востока, история торговли, коммерческая корреспонденция, коммерческие и банковские вычисления, высшая математика, страховое дело, товароведение, история и теория кооперации, статистика, политическая экономия, государственное право, общее международное право, финансовое право, железнодорожное право, уголовное право, основные положения китайского и гражданского права¹⁸³. «Действительными» студентами были лица, имевшие законченное среднее образование, вольнослушателем можно было стать и без него. На второй год существования института занятия посещали 70 студентов, а через пять лет их стало 200. Всего же за десять лет через институт прошло около 750 человек¹⁸⁴. ОРО бесплатно предоставил в распоряжение студентов свою библиотеку.

Хотя профессора Института ориентальных и коммерческих наук не могли пожаловаться на то, что их питомцы не могут найти работы, они задумали провести реорганизацию. Основной причиной этого стала оккупация Маньчжурии японцами, которые сразу же захотели взять учебный процесс в свои руки. Профессора во главе с Хиониным решили уйти под крыло православной церкви, и 23 сентября 1934 г. Институт ориентальных и коммерческих наук вошел в права восточно-экономического факультета в институт Св. Владимира. А. П. Хионин при этом стал деканом факультета.

1945 г. поставил точку на размеренной жизни российских эмигрантов. Часть востоковедов была арестована за сотрудничество с японскими властями и эмигрантскими организациями, и их дальнейшая судьба остается неизвестной. Многие же примкнули к советской армии, пришедшей в Маньчжурию, которой требовались профессиональные переводчики. Среди последних был и И. Г. Баранов, заведовавший кафедрой китайского языка в Харбинском политехническом институте. По отзывам современников, «в своей жизни и деятельности он был не только трудолюбивым, аккуратным, простым и отзывчивым, но и чрезвычайно скромным, религиозно настроенным человеком, церковным деятелем. Это последнее качество он сохранил и в СССР, куда выехал в 1958 г., не желая разрушать семью»¹⁸⁵.

¹⁸³ Г. К. Институт ориентальных и коммерческих наук // Политехник: Юбилейный сб. 1969–1979 гг. Сидней: Изд. Объединения инженеров, окончивших Харбинский политехнический ин-т, 1979. № 10. С. А-6.

¹⁸⁴ Там же. С. А-7.

¹⁸⁵ Автономов Н. П. И. Г. Баранов: (Некролог) // Рус. жизнь. Сан-Франциско, 1972. 3 марта.

В заключение надо отметить, что деятельность российского дальневосточного востоковедения в рассматриваемый период, в отличие от столичных школ, всегда находилась в тени. В то же время многие аспекты научно-общественного востоковедения, деятельность и труды профессоров и сотрудников учебных заведений, работы эмигрантов-востоковедов безусловно являются частью золотого фонда отечественного востоковедения. Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1) научное изучение стран Дальнего Востока было начато с позиций научно-общественного востоковедения, характерными чертами которого были проведение экспедиций, лекционная и музейная работа, публикация трудов членов обществ;

2) востоковеды-эмигранты смогли подготовить фундамент для создания в Китае высшей школы для российской эмиграции;

3) научные исследования востоковедов-эмигрантов органично вошли в общую систему российского и мирового востоковедения. Их труды являются достойным вкладом в теоретические дисциплины, такие как сравнительная лингвистика, языкознание, составление словарей;

4) успешно действовала Харбинская школа востоковедения, деятельность которой требует нового переосмысления и дополнительного анализа. Оценивая уроки российского эмигрантского востоковедения на Дальнем Востоке, надо подчеркнуть, что его представители показали специалистам примеры подлинного служения науке, став и выдающимися деятелями мирового востоковедения.

Разумеется, достижений могло быть значительно больше, так как подавляющее число эмигрантов считало свое пребывание в странах Дальнего Востока временным и предполагало скоро вернуться на родину. К тому же борьба за существование ограничивала многие культурные инициативы российской эмиграции.

Без сомнения, Гражданская война нанесла большой ущерб развитию отечественного востоковедения. Это произошло не только из-за того, что часть востоковедов навсегда уехала из России. Вскоре был ужесточен и режим выезда из Советской России, в том числе и в страны Дальнего Востока. Ситуацию усугубило и то, что во Владивостоке, считавшимся военным форпостом, не могли находиться бывшие участники Белого движения. Их либо арестовали, либо выслали из Дальневосточного края.

Востоковеды-эмигранты смогли подготовить фундамент для создания в Китае высшей школы для российской эмиграции. Научные исследования востоковедов-эмигрантов органично вошли в общую систему российского и мирового востоковедения. Их труды являются достойным вкладом в теоретические дисциплины, такие как сравнительная лингвистика, языкознание и составление словарей.

Список литературы

1. Автономов, Н. П. И. Г. Баранов : (Некролог) // Рус. жизнь. – Сан-Франциско, 1972. – 3 марта.
2. Автономов, Н. П. Исторический обзор Харбинских Коммерческих училищ Китайской Восточной железной дороги за 15 лет. (1906–1921 гг.) / Н. П. Автономов. – Харбин : Изд. Коммерческих училищ, 1921. – 215 с.
3. Автономов, Н. П. Общество русских ориенталистов : (ист. очерк) / Н. П. Автономов. – Харбин : Изд. ОРО, 1923. – 36 с.

4. Автономов, Н. П. Что вспомнилось... // Харбинские коммерческие училища КВЖД. – Сан-Франциско, 1973. – № 11. – С. 52–56.
5. Автономов, Н. П. Юридический факультет в Харбине : (ист. очерк). 1920–1937 гг. // Право и культура : сб. в ознаменование восемнадцатилетнего существования Юрид. фак. в г. Харбине. – Харбин, 1938. – С. 3–84. – (Изв. Юрид. фак. в г. Харбине ; т. XII).
6. Акантопанакс. Молодые русские ориенталисты : Семь лет работы кружка востоковедения при восточном факультете Института Св. Владимира в Харбине // Рубеж. – 1935. – 1 дек., № 49. – С. 15–16 : фот.
7. Аргус. По стопам Пржевальского // Рубеж. – Харбин, 1939. – 27 мая, № 22. – С. 19.
8. Баранов, А. И. Русские краеведы в Маньчжурии // Сборник Харбинского коммерческого училища КВЖД. – Сан-Франциско, 1959. – № 6. – С. 137–147.
9. Великая Маньчжурская империя : к десятилетнему юбилею, 1932–1942 гг. / изд. М. Н. Гордеев. – Харбин : Изд. Гос. организации Кио-ва-кай и Гл. Бюро по делам рос. эмигрантов в Маньчжур. империи, 1942. – 418 с. : ил., карта, рекл.
10. Г. К. Институт ориентальных и коммерческих наук // Политехник : Юбилейный сб. 1969–1979 гг. – Сидней : Изд. Объединения инженеров, окончивших Харбинский политехнический ин-т, 1979. – № 10. – С. А-6–А-7.
11. Исполнительное бюро. Циркулярно // Изв. ОИМК. – Харбин, 1922. – № 1, нояб. – [Б. с.].
12. Куликова, А. М. Востоковедение в Российских законодательных актах (конец XVII в. – 1917 г.) / А. М. Куликова. – СПб. : Центр «Петербургское востоковедение», 1994. – 448 с.
13. Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов-жертв политического террора в советский период (1917–1991 гг.) / изд. подготовили Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2003. – 496 с. – (Социальная история отечественной науки о Востоке).
14. Люди и судьбы: Библиографический словарь репрессированных востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991 гг.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://memory.pvost.org/pages/index2.html>.
15. Мелихов, Г. В. Глава III : Высшая школа и научно-исследовательские организации российской эмиграции в Китае // Г. В. Мелихов. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.) / Ин-т Российской истории РАН. – М., 1997. – С. 119–153.
16. Наши задачи // Экономический вестн. Маньчжурии. – Харбин, 1923. – 28 янв., № 1. – С. 1.
17. Предварительный поисковый список востоковедов, покинувших Россию в XIX–XX вв. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bfrz.ru/data/rus_nayk_zar_slovar_sorokina/rus_nayk_zar_slovar_sorokina_vostokovedu.pdf.

18. Пять лет «Вестника Маньчжурии» // Вестн. Маньчжурии. – Харбин, 1928. – № 1, янв. – С. 1.
19. Рачковский, А. А. Шесть лет // Изв. ОИМК. – 1927. – Дек., № 7. – С. 5.
20. Сатовский-Ржевский, Д. Г. Эмигрантская печать в Маньчжу-Ди-Го // Великая Маньчжурская империя : к десятилетнему юбилею, 1932–1942 гг. / изд. М. Н. Гордеев. – Харбин : Изд. Гос. организации Кио-ва-кай и Гл. Бюро по делам рос. эмигрантов в Маньчжурс. империи, 1942. – С. 345–356.
21. Таскина, Е. Синологи и краеведы Харбина // Проблемы Дальнего Востока. – 1997. – № 2. – С. 124–129.
22. Тюнин, М. С. Отдел местной печати : (Обзор деятельности) // Изв. ОИМК. – 1928. – № 7, дек. – С. 71–72.
23. Bakich, O. Harbin Russian imprints: bibliography as history, 1898–1961 : materials for a definitive bibliography / O. Bakich. – New York ; Paris : Norman Ross Publishing Inc., 2002. – V–XX ; 584 p.
24. Gins, G. Professor and Government Official: Russia, China and California : Interview / G. Gins ; cond. by B. Raymond. 1966. – [USA, s. p.] : The Bancroft Library, 1966. – 364 p.
25. Guins, G. Impressions of the Russian imperial government : oral history transcript / and related material, 1964–1971 : Interview / G. Guins ; cond. by R. A. Pierce. – [USA, s. p.] : The Bancroft Library, 1971. – 95 p.

Профессор Е. Г. Спальвин и журнал «Восточная студия»

А. С. Дыбовский, З. Ф. Моргун

На протяжении четверти века Е. Г. Спальвин был центральной фигурой российского японоведения. В 1924–1925 гг. вплоть до отъезда Е. Г. Спальвина в Японию в апреле 1925 г. на восточном факультете Государственного дальневосточного университета издавался журнал «Восточная студия». В статье рассматриваются обстоятельства выхода в свет указанного журнала, анализируется его содержание, а также раскрывается выдающаяся роль Е. Г. Спальвина в его создании.

Ключевые слова: Дальневосточная Россия; востоковедение; Спальвин Е. Г.; журнал «Восточная студия».

Prof. E. G. Spalvin and «East Studies» Magazine

A. S. Dybovsky, Z. F. Morgun

Over a quarter-century in the early 1900s, E. G. Spalvin was a central figure of Russian Japanology. In 1924–1925, until the departure of E. G. Spalvin to Japan in April 1925 «East Studies» magazine was published in the Oriental Faculty of the Far Eastern State University. This article deals with the circumstances of the publication of the magazine.

Authors analyse the content of the magazine, and also reveal the outstanding role of E. G. Spalvin in its creation.

Keywords: Far Eastern Russia; Oriental Studies; Spalvin E. G., prof.; «East Studies» magazine

Введение

«Восточная студия» – журнал, издававшийся восточным факультетом Государственного Дальневосточного университета (далее – ГДУ¹⁸⁶) в 1924–1925 гг. В библиотеках и музеях Владивостока нами было обнаружено 22 номера этого издания. Журнал выпускался под общей редакцией проф. Е. Г. Спальвина, который также был составителем всех указанных номеров, кроме № 3 и № 10, составленных и отредактированных соответственно А. В. Гребенщиковым и Н. В. Кюннером.

Вышеуказанному востоковедному журналу посвящена статья известной исследовательницы японо-русских отношений М. Икута (2009)¹⁸⁷, которая в своей публикации дает краткую характеристику издания. М. Икута рассматривает вопросы преемственности между Восточным институтом и восточным факультетом ГДУ, отмечает исключительную роль Е. Г. Спальвина в создании журнала и называет его «несущей опорой» (大黒柱) издания. М. Икута указывает имена авторов, редакторов и технических работников редколлегии журнала и классифицирует публикации первых шести номеров «Восточной студии» по четырем разделам: 1) редакционные; 2) востоковедение; 3) японоведение; 4) китаеведение. Кратко остановившись на общих вопросах издания журнала, М. Икута уделяет особое внимание анализу ответов представителей советской общественности на анкету редколлегии журнала о задачах востоковедения в советскую эпоху. В своей статье М. Икута справедливо указывает на преобладание в журнале японоведческой проблематики, резонно связывая этот факт с профессиональными интересами Е. Г. Спальвина. Из-за ограниченности формата своей статьи японская исследовательница практически не касается содержательной стороны публикаций. Поэтому мы постараемся по мере сил заполнить этот пробел, остановившись сначала на социально-политической обстановке в Приморье и его столице в первые годы советской власти как важнейшем факторе функционирования ГДУ и его восточного факультета, а также на академической и общественной деятельности Е. Г. Спальвина в последние годы его пребывания во Владивостоке.

Ситуация в Приморье в первые годы советской власти

Миновали годы Гражданской войны и иностранной интервенции, когда Владивосток приобрел черты иностранного города, неоднократно ввергавшегося в состояние хаоса из-за смены правительств и политических режимов, и когда через

¹⁸⁶ Со второй половины 1920-х гг. в документах эпизодически – ДВГУ (Дальневосточный государственный университет); после восстановления университета 1 октября 1930 г. это название стало официальным.

¹⁸⁷ Икута Митико. Неизвестный журнал восточного факультета ГДУ (生田美智子「知られざる国立極東大学東洋学部の雑誌—『東洋スタジオ』」// Пути развития японоведения на Дальнем Востоке России: сб. ст. и библиография / сост. А. С. Дыбовский. Осака, 2009. С. 105–113.

этот приморский город шел интенсивный поток беженцев, направлявшихся через Харбин и Шанхай в Европу, Америку или Австралию. Положение Владивостока как перевалочного порта на Тихом океане, конечного пункта Транссибирской магистрали, центра дислокации войск интервентов разных стран предопределило своеобразие бытового и политического уклада города в 1918–1922 гг. Он пережил в этот период феноменальный рост. За четыре года население города увеличилось в пять раз, и это во многом объясняет тенденцию повышения культуры и творческой энергии его жителей. На берега бухты Золотой Рог как бы переместился новый город с населением в 300 тыс. человек. Немалую часть приезжих составляли артисты, литераторы, музыканты, профессора, журналисты, художники¹⁸⁸.

25 октября 1922 г. в город вступила Народно-революционная армия, и войска японских интервентов покинули город. Вернулась в Японию и основная часть японской колонии. Из почти 6 тыс. японских подданных, проживавших здесь ранее, в городе оставалось около восьмисот, не пожелавших бросить свой бизнес или работу. Обстановка в городе кардинально изменилась. Многие из уцелевших иностранных фирм или ликвидировались, или переходили на работу в новых политических и экономических условиях. Крупные японские торговые и производственные фирмы постепенно сворачивали свою деятельность.

И в первые годы советской власти Владивосток по-прежнему оставался оживленным перекрестком культур и цивилизаций, с неискоренными еще приметами старой эпохи и отголосками Гражданской войны: «В Амурском заливе и бухте Золотой Рог было много китайских и корейских шаланд, на улицах можно было увидеть китайок с изуродованными маленькими ножками. Работали нелегально опекурильни, ночлежки, процветала контрабанда... По краю гуляли банды хунхузов и не успевшие перебраться в Маньчжурию остатки местных белогвардейцев»¹⁸⁹.

После установления советской власти в Приморье консульство во Владивостоке оставалось единственным японским консульством в России. Японское правительство не стало его закрывать, поскольку оно занималось делами японцев, проживавших на Дальнем Востоке, включая Владивосток. Кроме того, консульство осуществляло анализ политической ситуации в России и вело наблюдение за антияпонским движением в среде проживавших в Сибири корейцев. 16 февраля 1923 г. консулу Р. Ватанабэ было объявлено о полном прекращении почтового сообщения с Японией; 13 апреля консульство Японии было лишено права пользования шифром.

Вскоре после смерти В. И. Ленина 27 января 1924 г. обстановка в городе стала еще более напряженной. Не хватало продуктов питания и бытовых товаров. Была введена карточная система распределения продуктов. Началась охота за теми, кто в годы революции и Гражданской войны был не на стороне большевиков, в частно-

¹⁸⁸ Кандыба В. И. История становления и развития художественной жизни Дальнего Востока. 1858–1938 гг. Владивосток, 1985. С. 85.

¹⁸⁹ Цит. по: Шарова Н. Л. Воспоминания // Дальневосточный государственный университет. История и современность. Ч. 1. 1899–1939 гг. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. С. 61.

сти – за максималистами¹⁹⁰. Ночью по городу разъезжали автомобили спецорганов. ГПУ арестовывало всех подозреваемых, городская тюрьма была переполнена.

К марту 1924 г. давление на японцев во Владивостоке со стороны советских властей еще более ужесточилось, теперь не гарантировалась даже их безопасность. Все почтовые отправления из Японии отсылались обратно. Закрылись японские магазины. Работали лишь маленькие грязные лавки, которые держали китайцы в районе Миллионки. Но уже малочисленная к тому времени японская колония продолжала существовать. Японский буддийский храм по-прежнему опекал своих сограждан. В японской начальной школе обучалось около 20-ти японских детей. Сохранились и некоторые японские заведения, например, фотоателье, гостиница, нелегальные публичные дома¹⁹¹. Продолжали функционировать Владивостокское отделение торгового дома «Судзуки-сэтэн», банк «Тёсэн-гинко», представительство регулярных паромных линий «Сёсэн-гуми».

Ситуация несколько смягчилась после того, как 20 января 1925 г. была подписана Конвенция об основных принципах взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических республик и Японией (Пекинская конвенция).

Е. Г. Спальвин и ГДУ в первой половине 1920-х гг.

С момента своего создания и до середины 1920-х гг. ГДУ постоянно находился в критическом, если не в бедственном положении. Из-за нехватки финансовых и материальных средств, аудиторий и лабораторий, а также поспешного отъезда за границу ряда преподавателей и, особенно, из-за непоследовательной политики советской власти в области вузовского образования ГДУ и его коллектив постоянно лихорадило. Только в 1923 г. дважды осуществлялась реорганизация университета: финансовые, кадровые и прочие проблемы вузовского образования советская власть пыталась решить за счет объединения вузов. В начале года в состав ГДУ вошли Политехнический институт и Педагогический институт им. К. Д. Ушинского, а в июле был решен вопрос о слиянии ГДУ и Читинского университета, в результате чего в сентябре 1923 г. в ГДУ появились новые факультеты, а также студенты и преподаватели из Читы¹⁹². В связи со структурной перестройкой университета в 1923/24 г. учебные планы по преподаваемым дисциплинам отсутствовали вовсе, в следующем 1924/25 г. неоднократно корректировались, и только в 1925/26 г. было положено начало их стабилизации¹⁹³.

В 1919–1920 гг. Е. Г. Спальвин был одним из активных членов комиссии Восточного института по созданию во Владивостоке университета. Хорошо понимая

¹⁹⁰ Оформившееся в октябре 1906 г. Або (Финляндия) радикальное движение русских социалистов, занимавшее промежуточное положение между анархистами и эсерами. В 1920 г. часть вошла в ВКП(б), другая часть объединилась с левыми эсерами. См., например: Национальная историческая энциклопедия. URL: <http://interpretive.ru/dictionary/462/word/maksimalisty> (дата обращения 05.01.2014).

¹⁹¹ Тойдзуми Ёнэко. Сирень и война. Владивосток, 2001. С. 34.

¹⁹² Дальневосточный государственный университет. История и современность. Ч. 1. 1899–1939 гг. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. С. 64.

¹⁹³ См.: Моргун З. Ф. Японоведение в ДВГУ в 20–30-е годы // Известия Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та, 2000. № 5. С. 109.

важность востоковедения для успешного развития российского Дальнего Востока, он настаивал на предоставлении восточному факультету (в который должен был трансформироваться Восточный институт) особого статуса в составе нового университета, выступал за сохранение всех служебных прав его сотрудников, за закрепление за восточным факультетом всех учебно-вспомогательных учреждений – библиотеки востоковедной литературы, музеев, фонетического кабинета, студенческого общежития, типографии и т. д. Но в тяжелейших условиях Гражданской войны все вышло иначе: университет был создан за счет ресурсов Восточного института. Избранный деканом восточного факультета Е. Г. Спальвин стал демонстративно саботировать работу вышестоящих органов учрежденного университета, и ректору ГДУ Г. В. Подставину пришлось потратить немало усилий для того, чтобы переломить создавшуюся ситуацию и наладить отношения между факультетами, а также между Е. Г. Спальвиным и руководством университета.

В октябре 1922 г. в связи с отъездом за границу первого ректора ГДУ Г. В. Подставина Е. Г. Спальвин взял на себя бремя ректорства в наиболее трудное для ГДУ время. После восстановления советской власти в Приморье Е. Г. Спальвин был назначен новой администрацией временно исполняющим обязанности ректора ГДУ и со свойственной ему энергией принялся за восстановление работы университета. Однако уже во второй половине января 1923 г. Евгений Генрихович был вынужден передать дела назначенному ректором ГДУ профессору В. И. Огородникову (бывшему ректору Читинского университета), а 17 марта 1923 г. Е. Г. Спальвин был смещен и с должности декана восточного факультета, на которую Правление университета назначило более покладистого и лояльного проф. А. В. Гребенщикова.

Во Владивостоке Е. Г. Спальвин жил и работал в окружении значительного числа интеллигентных и образованных японцев, интересы которых во многом совпадали с его собственными интересами¹⁹⁴. Осенью 1922 г. уехал в Японию редактор и издатель газеты «Урадзио Ниппо» Идзуми Рёносукэ, с которым Е. Г. Спальвин был дружен на протяжении 20-ти лет владивостокской жизни. С 1920 г., когда стал издаваться русскоязычный вариант газеты, Е. Г. Спальвин нередко переводил на русский язык газетные передовицы, многие из которых были написаны Р. Идзуми.

В годы Гражданской войны и иностранной интервенции во Владивостоке работали корреспонденты нескольких иностранных информационных агентств. Среди них был и будущий создатель японской фирмы «Наука» Отакэ Хирокити. Он приехал во Владивосток с целью совершенствования в русском языке, поступил в Восточный институт и сделался ассистентом проф. Е. Г. Спальвина по кафедре японской словесности. Х. Отакэ являлся также сотрудником газеты «Урадзио Ниппо». После отъезда Х. Отакэ в Москву в качестве лектора восточного факультета ГДУ его сменил Хироока Мицудзи. М. Хироока прибыл во Владивосток в 1919 г. и, выполняя обязанности спецкора, возглавил представительство информационного агентства «Тохо цусинся»¹⁹⁵.

¹⁹⁴ Подробнее см.: Моргун З. Ф. Несколько штрихов к портрету Е. Г. Спальвина на фоне владивостокского пейзажа // Первый профессиональный японовед России. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. С. 120–127.

¹⁹⁵ Хияма К. 『ウラジオ日報』 創立者と泉良之助 *Урадзио ниппо: со:рицуся Идзуми Рё:носукэ*. Токио, 1981. С. 94. (Основатель газеты «Урадзио ниппо» Р. Идзуми).

В 1920 г. Е. Г. Спальвин овдовел. Он жил с тремя детьми в здании Восточного института. 29 сентября 1922 г. за 11 дней до своего 50-летия Евгений Генрихович женился на Елизавете Александровне Маэда (японское имя Маэда Каору; уроженка Верхнеудинска Забайкальской области, православная, 1880 г. рожд.).

Е. Г. Спальвин пользовался большим авторитетом в городе и крае. Кроме преподавательской деятельности на восточном факультете ГДУ, он вел большую общественную работу. В середине 1923 г. Е. Г. Спальвин был приглашен к сотрудничеству редакцией газеты «Красное знамя», весной 1923 г. был избран председателем оргбюро Владивостокского подотдела Дальневосточного отдела Всероссийской научной ассоциации востоковедения, под эгидой которой он издавал информационный бюллетень ВНАВ «Новый Дальний Восток». В апреле 1924 г. представители общественности и госучреждений единогласно избрали Евгения Генриховича председателем губернского отдела Общества содействия жертвам интервенции, по линии которого Е. Г. Спальвин вел большую лекционную работу¹⁹⁶.

После подписания «Конвенции» культурные связи между Советским Союзом и Японией начали стремительно развиваться, и во второй половине апреля 1925 г. Е. Г. Спальвин был направлен в Японию в качестве сотрудника полпредства и представителя ВОКСа¹⁹⁷.

Востоковедение в ГДУ и журнал восточного факультета

В первые годы после преобразования Восточного института в восточный факультет ГДУ, санкционированного Приморской областной земской управой 17 апреля 1920 г., содержание обучения студентов на факультете принципиально не изменилось. Были учреждены четыре отделения – китайское, японское, монгольское и краевое с подотделами¹⁹⁸; студентам предлагались три основные специальности – историко-филологическая, общественно-правовая и общественно-экономическая с более дробным делением по секциям¹⁹⁹; с 3-его курса осуществлялась дифференцированная подготовка студентов, готовящих себя к практической либо научно-исследовательской деятельности (для последних в виде эксперимента вводился 5-й курс)²⁰⁰.

Удалось даже создать новые кафедры (тибетской словесности; истории языка и культуры Индии; политики, законодательства и экономического строя народов Восточной Азии)²⁰¹, а также на некоторое время сохранить журнал «Известия Восточного Института», который стал издаваться под названием «Известия Восточного факультета»²⁰². С приходом советской власти типография была переключена на

¹⁹⁶ О жизни Е. Г. Спальвина подробнее см.: Ермакова Э. В., Дыбовский А. С. Е. Г. Спальвин: страницы биографии // Первый профессиональный японовед России. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. С. 1–44.

¹⁹⁷ Всероссийское общество культурных связей с границей.

¹⁹⁸ Ермакова Э. В., Георгиевская Е. А. Восточный факультет в 20–30 гг. // Известия Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. 1994. № 1. С. 53.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ Там же.

²⁰² Этот факультетский журнал выходил как продолжение «Известий Восточного Института». Последними были четыре выпуска LXVI т.

издание «Трудов ГДУ», где для восточного факультета была учреждена специальная серия (VI-ая), но все же в первую очередь издавались работы технического и агрономического факультетов, непосредственно связанных с решением практических задач развития народного хозяйства края. Поэтому учреждение факультетского журнала стало для восточного факультета актуальной задачей.

И при советской власти благодаря «старой» профессуре восточному факультету удалось сохранить традиции Владивостокской научно-практической школы востоковедения. Студенты по-прежнему изучали восточные языки во всем многообразии их книжных и разговорных стилей, а также географию, историю, экономику, право, основы общественно-политического строя и культуры стран изучаемого языка.

В Восточном институте Е. Г. Спальвин долгое время с помощью японских лекторов один вел все курсы по кафедре японской словесности. В ГДУ ситуация изменилась. Е. Г. Спальвину удалось создать коллектив талантливых японоведов из своих лучших учеников. В начале 20-х гг. практические занятия по японскому языку вели Н. П. Мацокин, Т. С. Юркевич, П. С. Ануфриев.

Н. П. Мацокин в 1920-е гг. был сложившимся ученым-востоковедом широкого профиля, опубликовавшим ряд работ по этнографии народов Восточной Азии, экономике и политике, истории культуры Японии и Китая²⁰³. Т. С. Юркевич в 1923 г. опубликовал «Пособие к изучению разговорного японского языка для начинающих» (Владивосток: Губернская гостипография), а в 1925 г. – книгу страноведческого характера «Современная Япония» (Владивосток: «Книжное дело»). «Пособие для изучения японского книжного языка. Ч. 1» П. С. Ануфриева было опубликовано во Владивостоке в 1928 г. В соответствии с приказом Дальревкома от 12 февраля 1923 г. научной сотрудницей кафедры японской словесности стала Елизавета Александровна Спальвина²⁰⁴.

Евгений Генрихович, кроме обзорных лекционных курсов «Государственное устройство Японии и японоведение», «Введение в изучение японского языка», вел занятия по каллиграфии и свободному разговору; проф. Н. В. Кюннер обеспечивал лекционный курс «Географический обзор Восточной Азии», проф. А. В. Гребенщиков – «Политический и экономический обзор Маньчжурии»; в чтении курса лекций «Этнография Дальнего Востока» принимал участие и знаменитый краевед и путешественник В. К. Арсеньев²⁰⁵. Студентам востфака стали преподаваться и новые политизированные курсы, такие как «Капитализм и пролетарская революция», «Политический строй СССР», «Исторический материализм»²⁰⁶.

С 1923 г. кафедру экономики и политики стран Тихоокеанского бассейна возглавил выдающийся японовед – К. А. Харнский; библиографией Японии занимался талантливый краевед, библиограф и японист З. Н. Матвеев. В 1924 г. на кафедру

²⁰³ См., например: Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991 гг). URL: <http://memory.pvost.org/pages/matsokin.html> (дата обращения 05.01.2014).

²⁰⁴ Новый Дальний Восток. 1923. № 1. С. 52.

²⁰⁵ См.: Моргун З. Ф. Японоведение в ДВГУ в 20–30-е годы // Известия Вост. ин-та Дальневост. ун-та. 2000. № 5. С. 108.

²⁰⁶ Там же.

японской словесности был зачислен Н. П. Овидиев, ставший в 1932 г. ее последним заведующим и опубликовавший в 1926 г. первую в отечественной японистике работу по стилистической дифференциации японского языка.

Итак, можно сказать, что востоковедение в ГДУ в 1920-е годы имело большой потенциал. Поэтому создание собственного печатного органа для факультета было актуальной задачей.

«Восточная студия»: общая характеристика

О концепции журнала «Восточная студия» можно судить по заметкам редактора и, особенно, по «Извлечению из Временного положения об издании "Восточной студии"», опубликованному в третьем номере журнала. Из редакционной статьи о задачах журнала «Восточная студия», которым открывается первый выпуск, следует, что журнал был предназначен прежде всего для того, чтобы «обслуживать востоковедные нужды восточного факультета ГДУ», отражая «в себе научно-учебную жизнь факультета и постепенный ход развития достижений востоковедения»; кредо журнала состояло в том, чтобы стать «неотступным спутником прежде всего молодого поколения грядущих востоковедов ...на пути их к достижению идеалов практического востоковедения»²⁰⁷. В соответствии с пафосом революционной эпохи редколлегия журнала «Восточная студия» ставила «первичной своей задачей крепить связь между наукой и жизнью» и воспитывать «молодых красных востоковедов, готовых на беззаветную работу внутри и вне страны ...по проведению в жизнь ...идеалов ...рабоче-крестьянской республики»²⁰⁸.

Выписка из протокола № 43 заседания Правления государственного Дальневосточного университета, опубликованная в третьем номере «Восточной студии», свидетельствует, что 23 августа 1924 г. Правление ГДУ признало возможным издавать востоковедный бюллетень «Восточная студия» на средства, отчисляемые из бюджетов кабинетов востфака с введением в журнале разделов, соответствующих названиям кабинетов. Профильные кабинеты были созданы при основных кафедрах востфака в ходе начатого в 1923 г. реформирования учебных планов и учебного процесса в связи с «новой постановкой дела научно-практического изучения языков стран Дальнего Востока, их физической и политической географии, этнографии, экономики, истории, политики и права»²⁰⁹. В августе 1924 г. профильные кабинеты существовали на 4 из 18 кафедр востфака, в частности: китаеведения, японоведения, истории и культуры Восточной Азии, экономики и политики Восточной Азии и СССР. В условиях дефицита информации о странах Дальнего Востока кафедральные кабинеты, снабженные необходимой литературой, наглядными пособиями, картами, а также предметами быта восточных народов и музейными экспонатами, были призваны координировать аудиторную и самостоятельную работу студентов, связывать ее с практической деятельностью специалистов из Народного комиссариата иностранных дел, Внешторга и прочих организаций и тем самым повышать эффективность учебной работы и учебную мотивацию студен-

тов. Кабинеты становились местом проведения консультаций, а также самостоятельной творческой работы студентов по заданиям преподавателей, тематике студенческих научных кружков, а также по запросам частных лиц и организаций на переводческие услуги, составление справок и докладов экономического, правового, исторического, географического или библиографического характера²¹⁰. Кабинеты стали необходимой площадкой для осуществления входившего в моду «бригадно-лабораторного метода»²¹¹ учебы, претендовавшего в середине 1920-х гг. на роль «прогрессивного» заменителя лекционного метода. Таким образом, кафедральные профильные кабинеты решали 1) учебно-научные, 2) показательно-музейные и 3) производственные задачи²¹² и создание на их бюджеты специализированного печатного органа было необходимым звеном создаваемой обучающей системы.

2 сентября 1924 г. состоялось заседание редколлегии «Восточной студии», на котором было принято «Временное положение об издании "Восточной студии"», представленное проф. Е. Г. Спальвиным, в соответствии с которым журнал предназначался для помещения в нем материалов, имеющих «как научное, так и ...учебное значение, с выделением последних в особую учебную серию»²¹³; его издание было решено начать 15-го сентября. После добавления к вышеуказанным четырем кабинетам востфака необходимых для издания журнала кабинетов декана и редакции были сформированы шесть основных отделов журнала, призванных отражать важнейшие результаты деятельности соответствующих кабинетов (КАБДЕК, КАБРЕД, КАБКИТВЕД, КАБЯПВЕД, КАБИСТКУЛЬТ, КАБЭКПОЛ); кроме того, учреждались отделы востоковедной хроники и ориентальной библиографии²¹⁴. Со временем появились и другие отделы журнала: «Хроника Дальнего Востока», «Имена и деятели Дальнего Востока», «Литературный отдел» и проч. (подробнее – ниже). Заведующие вышеуказанными шестью кабинетами должны были выполнять функции редакторов соответствующих выпусков или разделов журнала, а на заведующего кабинетом редактора ложились функции общего редактора (ОБРЕД), обязанности которого на первое полугодие возлагались на Е. Г. Спальвина; ему же были поручены переговоры с ГУБЛИТом «и заполнение анкет на предмет осуществления издания»²¹⁵. Заведующим кабинетом декана стал А. В. Гребенщиков, работой остальных кабинетов руководили заведующие соответствующих кафедр – А. В. Рудаков, Е. Г. Спальвин, Н. В. Кюннер, К. А. Харнский²¹⁶. В соответствии с установленным бюджетом за год планировалось издать 42 шестнадцатистраничных выпуска журнала: КАБДЕК – 6, КАБРЕД – 12, КАБКИТВЕД – 6, КАБЯПВЕД – 6, КАБИСТКУЛЬТ – 6, КАБЭКПОЛ – 6; еще 6 выпусков планировалось издать в учебной серии²¹⁷. С сентября 1924 г. по

²¹⁰ Гребенщиков А. В. Указ. соч. С. 18.

²¹¹ См., например: Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899–1999 гг. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. С. 73–75.

²¹² Гребенщиков А. В. Указ. соч. С. 17.

²¹³ Восточная студия. 1924. № 3. С. 55.

²¹⁴ Там же. С. 55.

²¹⁵ Там же. С. 54.

²¹⁶ К. А. Харнский был временно исполняющим обязанности заведующего кафедрой. На этом посту его вскоре сменил проф. В. А. Овчинников.

²¹⁷ Восточная студия. 1924. № 3. С. 60.

²⁰⁷ Восточная студия. 1924. № 1-2. С. 2.

²⁰⁸ Там же. С. 4.

²⁰⁹ Гребенщиков А. В. Задачи и цели кабинетов востфака // Восточная студия. 1924. № 1-2. С. 17.

март 1925 г. фактически было издано 22 выпуска, из которых 1 был составлен кабинетом декана, 1 – кабинетом истории и культуры стран Восточной Азии, 2 – кабинетом японоведения, 18 – кабинетом редакции; кроме того, в единственном выпуске учебной серии вышло учебное пособие Е. Г. Спальвина по изучению японской графики «Катакана: 1-я ступень», содержащее набор заданий по чтению японских слов, записанных азбукой *катакана*, а также октограммный анализ знаков указанной азбуки (Владивосток, 1925. 13 с.).

Из-за материальных затруднений макет журнала готовился на пишущей машинке (формат бумаги А-4 без интервала между строк); при этом фрагменты текстов на восточных языках большей частью вписывалась от руки (для набора знаков *катаканы* и *хираганы* использовалась японская пишущая машинка), а фотографии и иллюстрации (преимущественно заимствованные из японских журналов) перерисовывались «отделом рисунков во главе с художником А. А. Лейфертом», которому помогали «т. т. Заседателей и Алексеев»²¹⁸. Сформированный таким образом макет номера затем размножался на ротаторе тиражом в 150 экземпляров. Редакция планировала вскоре перейти к типографскому изданию журнала, что требовало дополнительных финансовых средств, поэтому для формирования бюджета издания, кроме отчислений из бюджетов четырех кабинетов востфака, предполагалось привлечь пожертвования частных лиц, а также доходы от реализации тиража журнала, 100 экземпляров каждого выпуска которого предполагалось реализовывать по фиксированной цене в свободной продаже или по подписке.

Чтобы повысить авторитет издания и продемонстрировать практическую необходимость востоковедения на Дальнем Востоке советской России, редколлегия журнала обратилась к общественности Дальневосточного края (в первую очередь к советским, партийным и военным руководителям различного ранга) с официальным письмом, предлагавшим написать «несколько сжатых строк» о том, какое востоковедение необходимо советской республике²¹⁹. Большая часть полученных ответов (21 из 28), сформулированных различными должностными лицами в духе официальной марксистско-ленинской идеологии и пропаганды, была опубликована в первом номере журнала, придав ему необходимую для официального признания политическую ориентацию.

В «Особом приложении» к объединенному № 13–16 «Восточной студии», датированном мартом 1925 г., редакция с оптимизмом сообщала о перспективах перехода от ротаторного к наборному изданию журнала, а также о том, что «в ближайших номерах "Восточной студии" круг местных и иногородних (ленинградских и московских) ученых сотрудников значительно расширится», в дополнение к существующим отделам журнала появится «Музыкальный отдел», посвященный «воспроизведению образцов музыкального творчества» народов Дальнего Востока, адаптированных для исполнения на отечественных музыкальных инструментах и «снабженных в необходимых случаях текстом на туземном и русском языках»²²⁰.

Кроме того, в указанном приложении анонсировался целый ряд готовящихся к изданию учебных пособий: «Образцы японских газетных текстов» Е. Г. Спальвина и П. С. Ануфриева; «Образцы японских текстов по рабочему вопросу» японского преподавателя М. Хироока; «Образцы японских литературных произведений» проф. Е. Г. Спальвина; «Курс английской деловой корреспонденции» проф. П. Ф. Ливина; объявлялась предварительная подписка на №№ 23–42, издание которых планировалось осуществить в апреле–сентябре 1925 г.²²¹ В учебной серии журнала планировалось также издание программ отдельных предметов, читаемых на востфаке ГДУ²²².

Таким образом, несмотря на многочисленные организационные трудности, редколлегия выполнила общий количественный план издания номеров и выпусков журнала, запланированных на первые шесть месяцев работы и имела перспективную программу совершенствования и развития журнала в 1925 г. Однако после отъезда Е. Г. Спальвина в Японию в апреле 1925 г. издание как научной, так и учебной серий «Восточной студии» прекратилось.

«Восточная студия»: анализ содержания

Стремление редакции строго следовать установленным «Временным положением» параметрам издания по количеству номеров и выпусков, их текстовому наполнению (один выпуск изначально равнялся по количеству текста одному печатному листу), а также обязательствами перед подписчиками, привело к некоторой путанице в обозначении номеров и выпусков, о котором и сам Е. Г. Спальвин пишет в одном из редакционных комментариев²²³. Строго говоря, было опубликовано всего 10 отдельных выпусков (отдельных и объединенных номеров) журнала общим объемом 368 страниц, каждый из которых был построен по общей схеме от оглавления и основных публикаций в виде тематических статей до периферийных познавательных материалов типа описания реалий дальневосточных стран, «Хроники Дальнего Востока», новостей мира востоковедения и комментариев к иллюстрациям (См. Приложение. С. 126–127).

Поскольку «Восточная студия» в настоящее время представляет собой библиографическую редкость, ниже мы кратко остановимся на каждом из этих 10 отдельных выпусках издания, концентрируя свое внимание на редакционной политике и стратегии составителей журнала, его содержании и оформлении, а также на публикациях Е. Г. Спальвина, который, по-видимому, был основным инициатором издания, генератором редакционной политики журнала, редактором большинства публикаций, а также и самым плодовитым автором «Восточной студии». Кроме работы о японской слоговой азбуке, в учебной серии Е. Г. Спальвин за полгода существования журнала опубликовал 12 статей, тематических обзоров газет на восточных языках и заметок общим объемом около пяти условных издательских (печатных) листов, его инициалами подписаны 50 комментариев к рисункам, им был опубликован ряд переводов японской поэзии и прозы, не говоря уже о том,

²¹⁸ Восточная студия. 1925. № 13-16. Особое приложение. С. 2.

²¹⁹ Восточная студия. 1924. № 1-2. С. 5.

²²⁰ Там же. С. 3.

²²¹ Восточная студия. 1925. № 13-16. Особое приложение. С. 1-5.

²²² Там же. С. 5.

²²³ Восточная студия. 1925. № 13-16. С. 259.

что он был составителем или, по крайней мере, соавтором писем, анкет, комментариев, рекламных текстов, особых приложений, а также уставных документов, написанных от имени редакции журнала. О чем же рассказывал своим читателям журнал «Восточная студия»?

Объединенный № 1-2 за сентябрь-октябрь 1924 г. начинается редакционной заметкой о задачах «Восточной студии», в которой излагается концепция журнала, указывается его целевая аудитория. По замыслу редколлегии журнал предназначался для молодых востоковедов, в первую очередь – для студентов востфака ГДУ. Он должен был строиться таким образом, чтобы вводить своих читателей в проблематику востоковедных исследований, а также в практику преподавания восточных языков в России и за ее пределами. В рассматриваемом объединенном номере журнала присутствовали «Востоковедные заметки» и другие разделы, ставшие традиционными (подробнее – ниже), однако его изюминкой стали ответы губернских административных, советских, партийных, военных и прочих деятелей на вопрос анкеты редколлегии о задачах советского востоковедения. Эта анкета заставила многих влиятельных людей задуматься о необходимости развития востоковедения на советском Дальнем Востоке и выполнила целый ряд пиар-функций: во-первых, она легализовала издаваемый журнал в глазах губернской власти; во-вторых, сделала ему необходимую рекламу и вписала его в контекст актуальной политической литературы; в-третьих, она открыла широкую общественную дискуссию о задачах и целях востоковедения в новую эпоху. И сам Е. Г. Спальвин, ища ответ на поставленный в анкете вопрос, в 1923 г. опубликовал статью «Грядущее востоковедение»²²⁴, написанную на основе доклада, сделанного 4 февраля 1923 г. на публичном мероприятии Владивостокского подотдела ВНАВ. Дискуссия была завершена публикацией письма Е. Д. Поливанова в № 13-16 (см. выше).

№ 3, подготовленный к печати кабинетом декана востфака, был почти полностью составлен из документов, регламентирующих работу высшей школы в СССР, информации об организационной структуре восточного факультета ГДУ и его подразделений, финансовых отчетов, извлечений из протокола № 1 и «Временного положения» об издании рассматриваемого журнала. Из традиционных разделов журнала здесь представлены только «Наши рисунки», которые сопровождаются тремя краткими комментариями Е. Г. Спальвина.

№ 4-5²²⁵, составленный кабинетом японоведения, представляет собой модельный вариант издания, выполненный точно в соответствии с первоначальным замыслом редколлегии (отражать научную и практическую деятельность кабинетов востфака). Здесь помещены четыре научные статьи по проблемам японоведения, даются списки из десяти тем для рефератов по японскому языку и письменности, а также из двенадцати тем страноведческого характера для кружка японоведения. Разъясняется, что в чтении и обсуждении рефератов и докладов должен принять участие каждый студент 1-го, 2-го и 3-го курсов. Специальная

статья Е. Г. Спальвина посвящена описанию наглядных пособий кабинета японоведения. По-видимому, Е. Г. Спальвин ожидал, что подобные выпуски «Восточной студии» будут составлены и другими кабинетами востфака в соответствии с «Временным положением», однако эта работа, кроме кабинета японоведения, была проделана только кабинетом истории и культуры восточноазиатских стран (см. описание № 10), и подавляющая часть выпусков журнала была составлена кабинетом редакции²²⁶.

№ 6 посвящен проблемам Китая, но он составлялся не кабинетом китаеведения, как это предполагалось по первоначальному плану, а кабинетом редакции. Этот номер открывается вторым бюллетенем востоковедных поступлений библиотеки ГДУ за 1924 г., затем следует продолжение публикации ответов губернских деятелей на анкету редакции о задачах востоковедения. В заметке Е. Г. Спальвина «Руки прочь от Китая» дается обзор политики империалистических держав в Китае и движения солидарности студентов и преподавателей востфака с антиимпериалистической борьбой китайского народа. Далее приводится стихотворение В. Маяковского «Прочь руки от Китая», созвучное по своему пафосу со статьей Е. Г. Спальвина. В статье Н. В. Кюнера «Что читать о Китае» проводится обзор китаеведческой литературы, изданной на русском языке. В новой рубрике «Наши востоковеды» публикуются биографические данные шести выпускников Восточного института.

№ 7-9, сданный в печать 22 января 1925 г., начинается статьей А. В. Гребенщикова «К истории нашего востоковедения», написанной в связи с 25-летием владивостокской научно-практической школы российского востоковедения. В своей статье А. В. Гребенщиков проводит обзор развития востоковедения и практического изучения восточных языков в России с конца 16-го до начала 20-го века. В качестве основной задачи советского востоковедения А. В. Гребенщиков провозглашает «освобождение угнетенных народов Востока»²²⁷. В центре внимания рассматриваемого объединенного номера Монголия. Реалиям Монголии посвящена большая часть иллюстраций, в статье И. А. Клюкина «Этическая поэзия монгол-бурят» анализируется содержание монгольских пословиц и поговорок; двусторонним политическим и экономическим советско-монгольским отношениям; влиянию Октябрьской революции на социально-политическую ситуацию в Монголии посвящена статья Е. Г. Спальвина «К советско-монгольским отношениям». Кроме традиционных разделов журнала и двух материалов, перепечатанных из «Правды» и «Известий ЦИК», в разделе «Наши востоковеды» публикуются биографические сведения восьми выпускников Восточного института.

№ 10 был составлен кабинетом истории культур Восточной Азии и сдан в печать 5 февраля 1925 г. Этот номер журнала посвящен исследовательской деятельности японского археолога и этнографа Тории Рюдзо. Специальному заседанию отдела «Человек» Исследовательского института ГДУ в честь тридцатилетней деятель-

²²⁶ После публикации в № 3 материалы КАБДЕКа также только однажды появились в № 6 (С. 149–152).

²²⁷ Восточная студия. 1925. № 7–9. С. 158.

²²⁴ Новый Дальний Восток. 1923. № 1. С. 17–22.

²²⁵ На титульном листе впервые появляется оглавление на английском языке.

ности японского ученого посвящена редакционная заметка; в библиографической статье Е. Г. Спальвина представлена книга Р. Тории «Северо-Восточная Азия с антропологической и этнографической точек зрения. Сибирь, Северная Маньчжурия, Сахалин» (Токио: Ока сёин, 1924); научной деятельности Р. Тории посвящена специальная статья Н. В. Кюнера. Кроме традиционной рубрики «Наши рисунки», в рассматриваемом номере журнала опубликованы тезисы доклада Н. В. Кюнера «Востоковедение и трудящиеся СССР», в котором обосновывается необходимость и практическая полезность изучения Востока с целью «отыскания путей и способов к пониманию помыслов и настроений... трудящихся масс» стран Восточной и Центральной Азии и оказания «поддержки в их стремлении к освобождению от эксплуатации...»²²⁸.

Объединенный № 11-12, сданный в печать 20 февраля 1925 г., посвящен подписанию советско-японского соглашения в Пекине в ночь с 20-го на 21-е января 1925 г. Кроме перепечатанного из «Известий ЦИК» комментария к соглашению комиссара по иностранным делам СССР Г. В. Чичерина, в рассматриваемом объединенном номере журнала помещены две статьи Е. Г. Спальвина: «По поводу советско-японского соглашения» и «Советское посольство в Токио». В первой дается критический разбор статьи о результатах японско-советских переговоров из японского журнала «Сюкан-Асахи», во второй описываются здание российского посольства в Токио и земельный участок, на котором оно расположено; при этом делается экскурс в историю российско-японских отношений и двусторонних договоров с краткой характеристикой причастных лиц с российской стороны. Кроме того, в рассматриваемом объединенном номере журнала опубликованы библиографические заметки Е. Г. Спальвина о новых книгах японских авторов, а также 3-й бюллетень востоковедных поступлений библиотеки ГДУ.

В объединенном № 13-16, сданном в печать 15 марта 1925 г., заметкой Е. Д. Поливанова о советском востоковедении завершается дискуссия, начатая редколлегией в 1924 г. По мнению Е. Д. Поливанова, советское востоковедение должно стать рупором ленинизма и революции, способным «передать Востоку сигнал Октября», а методологическим стержнем его «должен служить марксистский метод»²²⁹. В рассматриваемом отдельном выпуске журнала помещены краткие тезисы доклада А. В. Гребенщикова «Китай как мы его знаем» и две заметки Е. Г. Спальвина о японских экслибрисах и филателии, объединенных под общим заголовком «Культурные мелочи современной Японии». Здесь же дается список ориентальных журналов, издаваемых на русском языке, и представляется новый раздел журнала, знакомящий читателя с образцами восточной литературы в переводах. В данном отдельном выпуске журнала представлен также выполненный Е. Г. Спальвиным перевод «Песни о курсе» японского поэта М. Фукуда, которая использовалась в ходе мероприятия, посвященного 25-летию востоковедного образования во Владивостоке наряду с

пьесой Б. К. Пашкова и Ци Шиси «Да здравствует пролетарская революция», написанной на китайском и русском языках.

Информационным поводом для создания объединенного номера журнала «Восточная студия» № 17-20 (сдан в печать 20 марта 1925 г.) стала смерть Сунь Ятсена. Большую часть рассматриваемого объединенного номера занимает статья Е. Г. Спальвина «Антиимпериалистическое движение в Китае». Статья написана по материалам китайских газет и посвящена созданию и распространению в Китае Антиимпериалистической лиги. За статьей Е. Г. Спальвина следуют перепечатки материалов по указанной теме из центральных газет и телеграмма ЦК РКП с соболезнованиями китайскому народу, подписанная И. В. Сталиным.

№ 21-22 (сдан в печать 3 апреля 1925 г.), ставший последним отдельным выпуском журнала «Восточная студия», был посвящен советско-японским отношениям в связи с подписанием в Пекине 20 января 1925 г. Конвенции об основных принципах взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией. Он начинается со статьи проф. В. А. Овчинникова «К анализу советско-японских соглашений». В. А. Овчинников, рассматривая содержание документа, названного «Конвенцией», находит в тексте последнего все атрибуты мирных трактатов и отмечает, что в контексте международных отношений середины 1920-х гг. он фактически являлся документом, официально признающим СССР и сразу же занял надлежательное «место в ряду тех договоров, благодаря которым мир на Дальнем Востоке сохранялся на протяжении столетий»²³⁰. В статье Е. Г. Спальвина «Из японских отзывов о советско-японском соглашении» даются пространные выдержки из речей японских политиков на массовом мероприятии в Токио 27 января 1925 г. по случаю подписания вышеупомянутой «Конвенции». В рассматриваемом объединенном номере журнала была продолжена публикация образцов японской литературы в переводе Е. Г. Спальвина. В частности, были опубликованы «Черные волосы» (*Куроками*) С. Тикамацу (近松秋江 (ちかまつ しゅうこう) (1876–1944)), «Лошадь в юбке» японского сказочника Ивая Садзанами и «Первомайский рабочий гимн» (*Мэ:дэ: но ута*).

В статье «Десять лет востоковедения на Дальнем Востоке России (1922–1932)» А. В. Маракуев из всех публикаций «Восточной студии» выделяет только две – статью И. А. Клюкина «Этическая поэзия монгол-бурят» и объединенные общим предисловием публикации Е. Г. Спальвина и Н. В. Кюнера о японском антропологе Р. Тории²³¹. По научному значению для своего времени мы бы добавили к этому списку статьи Т. С. Юркевича «Борьба за обладание Сахалином», В. А. Овчинникова «К анализу советско-японских соглашений» и, конечно, статьи Е. Г. Спальвина по октограммной теории японского письма из объединенного № 4–5, которые вполне могли бы стать основой для написания диссертации на соискание ученой степени.

²³⁰ Восточная студия. 1925. № 21-22. С. 321–332.

²³¹ См.: Маракуев А. В. Десять лет востоковедения на Дальнем Востоке России (1922–1932) // Вестник Дальневост. отд-ния Академии наук СССР. Владивосток: Дальгиз, 1932. № 1-2. С. 31–42.

²²⁸ Восточная студия. 1925. № 7–9. С. 219.

²²⁹ Восточная студия. 1925. № 13–16. С. 262.

В заключение дадим краткую характеристику основных разделов журнала «Восточная студия».

Востоковедные заметки. Раздел представляет собой подборку новостей по теме «Востоковедение в СССР и за рубежом»: востоковедное образование, издание научной литературы и учебников, преподавание восточных языков, практика студентов, заполнение вакантных должностей и т.д. (присутствует в №№ 1-2, 6, 7-9, 13-16). Предназначен для расширения кругозора и профессиональной ориентации будущих востоковедов. № 1-2 начинается заметкой «Юбилеяры востоковедения», посвященной 25-летию со дня открытия Восточного института (21 октября 1899 г.), в которой объявляется о создании Юбилейной комиссии под председательством Е. Г. Спальвина и высказываются слова поздравления в адрес сотрудников, проработавших в Восточном институте и ГДУ 25 лет (А. В. Рудаков, П. П. Шмидт, Н. П. Таберно, И. М. Пакинтис)²³².

Наши востоковеды. В № 3 редакция журнала «Восточная студия» «по соглашению с Юбилейной Комиссией по проведению празднования 25-летия существования на Дальнем Востоке Высшего Востоковедного Установления» обратилась к выпускникам Восточного института и восточного факультета ГДУ с просьбой дать сведения о себе, а также «об известных им товарищах» в соответствии с вопросами анкеты из 13 пунктов²³³. В результате этой акции были опубликованы три списка (№№ 6; 7-9; 13-16), содержащие анкетные данные о 16-ти выпускниках (также указаны фамилии 10-ти умерших).

Востоковедные поступления библиотеки ГДУ. Всего было опубликовано пять бюллетеней (№№ 1-2; 6; 11-12; 13-16; 17-22), анализ которых позволяет сделать вывод о том, что в 1924 – 1925 гг. в библиотеку ГДУ поступили десятки книг по востоковедению на европейских языках. Например, в 3-ем и 4-ом бюллетенях представлены более 20 книг по Китаеведению на английском, немецком и итальянском языках; в 5-ом бюллетене – 11 книг на немецком языке по японоведению. Для удобства читателей и подписчиков журнала в списках литературы указывались и библиотечные сигнатуры (шифры) книг.

Имена и деятели Дальнего Востока. Раздел имеется в 4-х отдельных выпусках (№ 6; 11-12; 17-20; 21-22). Он был «задуман ...как алфавитный справочник к встречающимся в Хронике Дальнего Востока именам собственным, личным и географическим, нуждающимся в тех или иных пояснительных примечаниях»²³⁴ и был призван дать читателям необходимую энциклопедическую информацию о реалиях и персонах стран Дальнего Востока в условиях отсутствия справочной литературы у большинства читателей. Из 70 словарных статей 39 были посвящены Китаю, 27 – Японии, 4 – Монголии.

Хроника Дальнего Востока. Этот раздел присутствует в пяти отдельных выпусках журнала (№ 1-2; 6; 7-9; 11-12; 21-22). Он готовился преподавателем П. С. Ануфриевым под редакцией Н. В. Кюнера по материалам иностранной прессы, которую в 1920-е гг. в большом количестве получал восточный факультет

ГДУ²³⁵. По-видимому, появление этого раздела было связано с попыткой возродить в журнале «Восточная студия» традиции «Восточного института», издававшего в 1904–1905 гг. «Современную летопись Дальнего Востока»²³⁶. «Хроника Дальнего Востока» без ссылок на источники давала краткую информацию по экономике, политике, культуре дальневосточных стран, а также по азиатской политике мировых держав и, несомненно, была полезна для читателей. Проблемой было то, что информация запаздывала, – например, в № 1-2 за сентябрь-октябрь 1924 г. давались новости за июль и август, а в № 21-22, сданном в печать 3 апреля 1925 г., содержалась сводка новостей за январь того же года.

Иллюстрации и раздел «Наши рисунки». Во всех номерах журнала присутствуют рисунки, как правило, заполняющие свободные от текста нижние части страниц. На рисунках изображены уникальные реалии, актуальные события или исторические персонажи, политики, религиозные деятели стран Дальнего Востока. В разделе «Наши рисунки» даются необходимые пояснения к визуальной информации. Несмотря на технические трудности, связанные с копированием фотографий, в № 1-22 «Восточной студии» содержится около 50-ти иллюстраций к реалиям восточноазиатских стран, а также 10 иллюстративных обложек отдельных и объединенных номеров²³⁷. Рисунки и комментарии к ним, по мнению редакции, должны были составить «легкий, но ценный багаж» восточника, придать ему «желательный внешний лоск», выработать «умение узнавать с первого же взгляда туземных героев и деятелей, богов, святых и философов, населенные пункты и прославленные ландшафты...»²³⁸. По содержанию рисунки группируются следующим образом: Япония и японско-советские отношения – 39; Китай – 12; Монголия – 6; СССР – 2 (на 2-х обложках серийных изданий «Восточной студии», наряду с другими расхожими символами советской эпохи, перекрещивающиеся серп и молот изображены на фоне звезды в № 1-6 и книги в № 7-22); Корея – 1; прочее – 2. Комментарии к рисункам, за редким исключением, написаны Е. Г. Спальвиным. Они демонстрируют высокую эрудицию первого профессионального российского японоведа, его глубокое проникновение в культуру Японии и других дальневосточных стран.

Как видим, журнал «Восточная студия» был сосредоточен в первую очередь на проблемах политики восточноазиатских стран и отношениях России с ними. Он также знакомил своего читателя с вопросами экономики, культуры и общественной жизни восточноазиатских соседей России, вводил его в проблематику российского и зарубежного востоковедения и востоковедного образования. Таким

²³⁵ Например, в 1925 г. восточный факультет получал следующие японские газеты: Japan Times, Japan Advertiser, Osaka Mainichi; 『ウラジオ日報』, 『時事新報』, 『官報』, 『大阪朝日新聞』, 『報知新聞』; журналы: 『文芸倶楽部』, 『現代』, 『エコノミスト』. Для сравнения скажем, что в начале 1970 гг. кафедра японской филологии ДВГУ получала только журнал «Советский Союз сегодня» (『今日のソ連邦』), а кафедра японской филологии МГУ в конце 1970 гг. только газету японских коммунистов «Красное Знамя» (『赤旗』).

²³⁶ Подробнее см.: Ермакова А. В., Дыбовский А. С. Указ. соч. С. 23.

²³⁷ Если добавить к этому две обложки с рисунками на серийных выпусках журнала и одну обложку с рисунком на выпуске учебной серии, упоминавшейся выше, получится всего 63 рисунка.

²³⁸ Восточная студия. 1924. № 1-2. С. 37.

²³² Восточная студия. 1924. № 1-2. С. 24.

²³³ Восточная студия. 1924. № 3. Приложение. С. I-II.

²³⁴ Восточная студия. 1924. № 6. С. 139.

образом, издание журнала «Восточная студия» имело большое значение для новых поколений советских востоковедов. Журнал, несомненно, способствовал повышению интереса молодых людей к избранному предмету, росту учебной мотивации студентов, многие из которых к тому же непосредственно участвовали в подготовке макета журнала и его тиражировании²³⁹.

Заключение

Итак, мы рассмотрели обстоятельства издания журнала «Восточная студия», проанализировали его содержание и установили, что выдающуюся роль в создании журнала сыграл Е. Г. Спальвин, который был не только организатором и вдохновителем работы редколлегии, но и самым плодовитым автором. В начале 1920-х гг. для восточного факультета ГДУ учреждение собственного востоковедного журнала было актуальной задачей. Однако издание запланированных 42-х выпусков в год в условиях отсутствия издательской базы было трудновыполнимо. Это вскоре стало очевидным, и в конце концов привело к путанице в счете номеров и выпусков, которые приходилось объединять. Как мы показали, за полгода фактически было выпущено всего 10 отдельных и объединенных номеров журнала.

Журнал не удалось сделать в полном смысле научным, потому что ограниченный состав авторов, занятых интенсивной учебно-педагогической работой, вероятно, был не в состоянии обеспечить нужного количества качественных научных публикаций. Не удалось сделать «Восточную студию» и массовым научно-популярным журналом ввиду отсутствия во Владивостоке массового читателя востоковедной литературы.

«Восточная студия» была не единственным востоковедным журналом на Дальнем Востоке. Существовали и другие журналы, с которыми приходилось конкурировать. Дальневосточный отдел Всероссийской научной ассоциации востоковедения с 1923 г. выпускал свой информационный бюллетень «Новый Дальний Восток». В Харбине в середине 1920 гг. издавались «Вестник Азии» и «Вестник Маньчжурии». Статьи К. А. Харнского по экономике и политике стран Дальнего Востока регулярно печатала краевая газета «Красное знамя».

Берясь за издание «Восточной студии», Е. Г. Спальвин, по-видимому, сознательно или бессознательно пытался повторить успех «Известий Восточного института», которых за 20 лет существования Восточного института было издано более 60 томов с многочисленными отдельными выпусками и приложениями. За сравнительно короткий срок горстка исследователей-энтузиастов, прошедших академическую школу Петербургского университета, с помощью имперской бюрократии создала новое научно-практическое направление российского востоковедения, собрала богатый фактический материал по странам Дальнего Востока, опубликовала целый ряд работ мирового уровня и получила известность в России и за ее пределами.

²³⁹ Например, в фальцовке и брошюровке первого и второго серийных изданий принимали участие 34 чел. (см. титульный лист 2-й серии. №№ 7-22. Дек. 1924–март 1925).

Несмотря на отчаянные усилия Е. Г. Спальвина и его товарищей, «Восточной студии» не удалось подняться до уровня «Известий Восточного института». Тем не менее издание журнала «Восточная студия» показало, что восточный факультет ГДУ в середине 1920-х гг. обладал значительным научным потенциалом. И в новых политических условиях востоковедение на Дальнем Востоке России продолжало существовать и развиваться.

Список литературы

1. Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991 гг.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://memory.pvost.org/pages/matsokin.html>.
2. Дальневосточный государственный университет. История и современность. Ч. 1 : 1899–1939 гг. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. – 159 с.
3. Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899–1999 гг. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. – 703 с.
4. Ермакова, Э. В. Е. Г. Спальвин : страницы биографии / Э. В. Ермакова, А. С. Дыбовский // Первый профессиональный японовед России. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. – С. 1–44.
5. Ермакова, Э. В. Восточный факультет в 20–30-е гг. / Э. В. Ермакова, Е. А. Георгиевская // Известия Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. – 1994. – № 1. – С. 52–63.
6. Икута, Митико. 「知られざる国立極東大学東洋学部の雑誌 — 『東洋スタジオ』 — // Пути развития японоведения на Дальнем Востоке России : сб. ст. и библиография / сост. А. С. Дыбовский. – Осака, 2009. – С. 105–113. – (Неизвестный журнал восточного факультета ГДУ).
7. Кандыба, В. И. История становления и развития художественной жизни Дальнего Востока. 1858–1938 гг. / В. И. Кандыба. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1985. – 176 с.
8. Маракуев, А. В. Десять лет востоковедения на Дальнем Востоке России (1922–1932 гг.) // Вестник Дальневост. отд-ния Академии наук СССР. – Владивосток : Дальгиз, 1932. – № 1-2. – С. 31–42.
9. Моргун, З. Ф. Несколько штрихов к портрету Е. Г. Спальвина на фоне владивостокского пейзажа // Первый профессиональный японовед России. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. – С. 120 – 127.
10. Моргун, З. Ф. Японоведение в ДВГУ в 20–30-е годы // Известия Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. – 2000. – № 5. – С. 104–116.
11. Национальная историческая энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://interpretive.ru/dictionary/462/word/maksimalisty>.
12. Новый Дальний Восток. – 1923. – № 1.
13. Тоидзуми Ёнэко. Сирень и война / Ёнэко Тоидзуми. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – 137 с.
14. Хияма, К. 『ウラジオ日報』 創立者と泉良之助 *Урадзю ниппо: со:рицуся Идзуми Рё:носукэ*. – Токио, 1981. – (Основатель газеты «Урадзю ниппо» Идзуми Рёносукэ).

**Десять отдельных выпусков журнала
«Восточная студия» №№ 1–22**

Объединенный № 1–2 (КАБРЕД; вып. 1–2, стр. 1–40)

Содержание: 1) От редакции: Задачи «Восточной студии»; 2) Наша анкета: взгляд на востоковедение представителей общественности; 3) Проф. А. В. Гребенщиков. Задачи и цели кабинетов востфака; 4) Что требует центр от наших молодых востоковедов; 5) Востоковедные заметки; 6) Восток и кино; 7) Хроника Дальнего Востока; 8) Наши рисунки.

Отдельный № 3 (КАБДЕК: вып. 1, стр. 41–65)

Содержание: Часть официальная: 1) Положение о научных работниках вуза; 2) Положение о порядке оставления при вузах, где нет научно-исследовательских институтов для подготовки к научной работе; 3) Проверка академической успешности студентов; 4) Списки заведующих кафедрами Восточного факультета; 5) Состав предметных комиссий к 1 авг. 1924 г.; 6) Список студентов востфака на 15 июля 1924 г.; 7) Пополнение восточных отделов библиотеки ГДУ в 1923–1924 гг.; 8) Стоимость оборудования кабинета японоведения к 1-му сент. 1924 г.; 9) Постановление правления ГДУ об издании «Восточной студии»; 10) Извлечение из протокола № 1 редколлегии «Восточной студии»; 11) Извлечение из временного положения об издании «Восточной студии»; Неофициальная часть: 12) Улучшение положения высшего образования; 13) Государственные испытательные комиссии; 14) Студенты на ректорском совещании вузов Москвы; 15) Наши рисунки.

Объединенный № 4–5 (КАБЯПВЕД: вып. 1–2, стр. 66–104)

Содержание: 1) Е. Г. Спальвин. К характеристике японцев; 2) Т. С. Юркевич. Борьба за обладание Сахалином; 3) Е. Г. Спальвин. Октаграммная система изучения катаканы; 4) Е. Г. Спальвин. Графический алфавит *катаканы*; 5) Темы для рефератов по японскому языку и письменности; 6) Темы для кружка японоведения; 7) Наглядные учебные пособия кабинета японоведения; 8) Наши рисунки.

Отдельный № 6 (КАБРЕД: вып. 3, стр. 105–152)

Содержание: 1) Наша анкета – продолжение: Т. Доценко. Почему нам нужно изучать восток; Т. Фельдман. Дальневосточная проблема и востоковедение; 2) Востоковедные заметки; 3) Наши востоковеды (анкета); 4) Е. Г. Спальвин. Руки прочь от Китая; 5) В. Маяковский. Прочь руки от Китая; 6) Н. В. Кюнер. Что читать о Китае; 7) Хроника Дальнего Востока; 8) Имена и деятели Востока; 9) Наши рисунки.

Объединенный № 7–9 (КАБРЕД: вып. 4–6, стр. 153–201)

Содержание: 1) А. В. Гребенщиков. К истории нашего востоковедения; 2) И. А. Клюкин. Этническая поэзия монгол-бурят; 3) П. К. Козлов. О работах тибетской экспедиции; 4) Е. Г. Спальвин. К советско-монгольским отношениям; 5) Хроника Дальнего Востока; 6) Обращение просвещенцев СССР

к просвещенцам Китая; 7) Наши востоковеды (анкета); 8) Востоковедные заметки; 9) Имена и деятели Востока; 10) Хроника Дальнего Востока; 11) Наши рисунки.

Отдельный № 10 (КАБИСТКУЛЬТ: вып. 1, стр. 202–223)

Содержание: 1) Е. Г. Спальвин, Н. В. Кюнер. Этнография, археология и антропология Восточной Азии в научных трудах и исследованиях Р. Торри; И. Е. Г. Спальвин. Новая книга проф. Р. Торри; И. Н. В. Кюнер. О научной и исследовательской деятельности Р. Торри; 2) Н. В. Кюнер. Востоковедение и трудящиеся СССР (тезисы доклада); 4) Наши рисунки.

Объединенный № 11–12 (КАБРЕД: вып. 7–8, стр. 224–257)

Содержание: 1) Тов. Чичерин. О договоре с Японией; 2) Проф. Спальвин. По поводу советско-японского соглашения; 3) Проф. Спальвин. Советское посольство в Токио; 5) Хроника Дальнего Востока; 6) Из книжных новинок Японии; 7) Востоковедные поступления в библиотеку ГДУ; 8) Наши рисунки; 9) Имена и деятели Востока.

Объединенный № 13–16 (КАБРЕД: вып. 9–12, стр. 258–285)

Содержание: 1) От редакции. Об упорядочении отдельных выпусков; 2) Наша анкета (продолжение): Е. Д. Поливанов. Какое место займет востоковедение в социалистическом строительстве Союза СССР; 3) Комсомол в Китае («Правда» № 289 от 19.12.24) 4) А. В. Гребенщиков. Китай, как мы его знаем; 5) Ориентальные журналы; 6) Е. Г. Спальвин. Культурные мелочи современной Японии; 7) Г. Иосифов. Археологические находки в Амурской губернии; 8) М. Фукуда в переводе Е. Спальвина. Песнь о курсе; 9) В. К. Пашков и Ци Шиси. Да здравствует пролетарская революция; 10) Наши востоковеды (анкета); 11) Востоковедные заметки; 12) Наши рисунки; 13) Настоящим и будущим подписчикам «Восточной студии» (Особое приложение).

Объединенный № 17–20 (КАБРЕД: вып. 13–15, стр. 286–317)

Содержание: 1) Е. Г. Спальвин. Антиимпериалистическое движение в Китае; 2) Смерть Сунь Ятсена (подборка сообщений советских газет); 4) Имена и деятели Востока; 5) Востоковедные поступления в библиотеку ГДУ; 6) Наши рисунки.

Объединенный № 21–22 (КАБРЕД: вып. 16–18, стр. 318–368)

Содержание: 1) В. А. Овчинников. К анализу советско-японского соглашения; 2) Е. Г. Спальвин. Из японских отзывов о Японско-советском соглашении; 3) Образцы японской литературы в переводах Е. Г. Спальвина. Черные волосы (*Куроками*); Первомайский рабочий гимн (*Мэ:дэ: но ута*); Садзанами. Лошадь в юбке; 4) Хроника Дальнего Востока; 5) Имена и деятели Востока; 6) Наши рисунки.

Е. Г. Спальвин – секретарь советского посольства в Токио

Фудзимото Вакио

Перевод с японского М. Щепетунинной

В апреле 1925 г. по распоряжению советского правительства Е. Г. Спальвин становится секретарем посольства СССР в Токио. До этого момента на протяжении четверти века он был профессором японской словесности в Восточном институте и ГДУ во Владивостоке и не имел отношения к дипломатии. Однако роль, которую он сыграл в культурном обмене между Японией и СССР, была огромной. Анализируя деятельность Е. Г. Спальвина в Токио на протяжении 6-ти лет, мы попытались по-новому взглянуть на тот вклад, который он внес в историю развития японо-советских отношений.

Ключевые слова: ВОКС; Акита Удзюку; японо-советские отношения; Японо-русское литературно-художественное общество; гастроли в СССР театра Кабуки.

Dr. E. G. Spalvin as a Secretary of Soviet Embassy in Tokyo

W. Fujimoto

In April 1925, by the order of the Soviet Government, E. G. Spalvin became a secretary of the Soviet Embassy in Tokyo. Until then, he was a professor of Japanese language at Oriental Institute and Far Eastern State University in Vladivostok and had no relation to diplomacy. However, the role he played in the cultural exchange between Japan and the Soviet Union was huge. Analyzing the activity of E. G. Spalvin in Tokyo for six years, we have tried to take a fresh look at the contribution that he made to the history of Japanese-Soviet relations.

Keywords: VOKS, Akita Ujaku, Japan-USSR relations, Japan-USSR Literature and Arts Association, Kabuki Theater's Russian tour

Введение

20 января 1925 г. в Пекине полномочный представитель СССР в Китае Л. М. Карахан, с одной стороны, и японский посланник в Китае Ёсидзава Кэнкити – с другой, подписали Конвенцию об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией. Были установлены дипломатические отношения между Японией и Советским Союзом, прерванные после революции в России. Согласно заключенной конвенции в Токио и в Москве соответственно были открыты посольства двух стран. Со стороны СССР в качестве первого полномочного представителя СССР в Японии в Токио был направлен В. Л. Копп, до этого курировавший дипломатические отношения СССР с Германией. Со стороны Японии полномочным дипломатическим представителем в Москву был отправлен посланник Сато Наотакэ, на которого временно были возложены обязанности посла Японии в СССР.

В апреле 1925 г. профессор японской словесности ГДУ Е. Г. Спальвин как знаток японского языка был назначен секретарем только что открывшегося посоль-

ства СССР в Токио. В чем же была причина назначения Е. Г. Спальвина, который до этого занимался преимущественно академическими делами и не имел никакого отношения к советской дипломатии, драгоманом посольства СССР? В своей книге «Япония: взгляд со стороны» (*Ёкомэ дэ мита нихон*), вышедшей в 1931 г. в Токио, Е. Г. Спальвин пишет, что он приехал в Японию не по собственной воле, а «по приказу советского правительства». Однако, несмотря на это, в течение более чем шестилетней деятельности в Токио в качестве переводчика посольства и, одновременно, представителя в Японии Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС), Е. Г. Спальвин сыграл огромную роль в развитии советско-японского культурного обмена.

В данной работе мы ставим перед собой цель по-новому взглянуть на деятельность Е. Г. Спальвина в Японии до его отъезда в Китай в ноябре 1931 г., а также показать причины этого отъезда (о деятельности Е. Г. Спальвина в Японии до революции см.: В. Фудзимото. Е. Г. Спальвин в Японии: пребывание в городе Киото накануне и после русско-японской войны. «Первый профессиональный японовед России: Опыт латвийско-российско-японского исследования жизни и деятельности Е. Г. Спальвина», Владивосток, 2007. С. 36–51).

1. Из Владивостока в Токио

8 апреля 1925 г. полномочный представитель СССР в Японии В. Л. Копп выехал из Москвы и через Харбин, на пароме, связывающем Пусан и Симоносэки, 23-го числа того же месяца прибыл в Симоносэки, откуда на поезде направился дальше в Токио. Встречавший этот поезд 24 апреля на станции Нумадзу журналист газеты «Токио-Нитинити» берет интервью у также встречавшего полномочного представителя «высококласного секретарь-переводчика посла» Е. Г. Спальвина. Скорее всего именно это интервью, размещенное в газете «Токио-Нитинити», и стало первой газетной публикацией, освещавшей деятельность Е. Г. Спальвина в Японии в качестве секретаря полномочного представителя СССР. Текст статьи следующий:

«Доктор [Спальвин]: Посол выехал из Москвы 8-го числа, а я 15-го из Владивостока, и встретились мы в Харбине. В 1899 году (22-й год Мэйдзи) я приезжал на стажировку в Японию, на полтора года, и преподавателем моим был г-н Хасэгава Футабатей. Я тогда немного работал преподавателем русского языка в Токийской школе иностранных языков, моя дочь ходила в японский детский сад, и сейчас еще немного понимает по-японски. ...Моя специальность – японская литература, раньше я изучал и *Манъёсю*: (Собрание мириад листьев), и *Кокинсю*: (Собрание старых и новых песен Японии), однако в последнее время в основном занимаюсь исследованием японской литературы нового времени. Так я закончил работу над переводами Курата Хякудзо «Священнослужитель и его ученик (*Сюккэ то соно дэси*)» и Хоригути Дайгаку «Пятнадцатисантиметровая флейта (*Горин но фуэ*)», и в ближайшее время они должны быть опубликованы в Москве. Кроме того, я переводил пьесу, в основу которой легла история капитана Амакасу, которая вышла весной прошлого года в журнале «Наш взгляд (*Гакан*)», народную песню эпохи Эдо «Черные волосы (*Куроками*)», Мусякодзи «Для женщины (*Онна но хито но тамэ ни*)» и другие. Переводы были опубликованы. Я также переводил «Смерть

девственницы (*Сёдзё но си*)», но это специфически японское произведение, и, на мой взгляд, без дополнительных пояснений оно малопонятно иностранному читателю. Из того, что известно в Японии, я переводил Нобори Сёму, доктора Торрии Рюдзо, в частности делал выборочные переводы из «Северо-Восточной Азии (*То:хоку адзиа*)» – того, что писал доктор Торрии Рюдзо о Приморском крае. Песни я полюбил уже давно, лет 20 назад, со времени ЭКСПО в Осака, после того как услышал, как пела гейша. Я уже старый – мне 52 года. Первая моя жена умерла, а теперешняя жена японка», – по-доброму и энергично смеялся пожилой человек приятной полноты»²⁴⁰.

Давайте посмотрим, как изменилась ситуация вокруг Е. Г. Спальвина после того, как во Владивостоке победил новый политический режим. 25 октября 1922 г. японские войска были выведены из Владивостока, и в городе была установлена советская власть. 16 января 1923 г. решением Дальневосточного революционного комитета профессор Читинского университета Огородников (Полномочный представитель Дальревкома по вопросам высшего образования) был назначен ректором Государственного дальневосточного университета, и Е. Г. Спальвин уходит с должности ректора ГДУ, которую занимал с октября предыдущего года.

Почти в то же время во Владивостоке был основан Владивостокский подотдел Дальневосточного Отдела Всероссийской Научной Ассоциации Востоковедения, и председателем оргбюро был избран Е. Г. Спальвин, а секретарем – Роман Ким, студент ГДУ²⁴¹. 4 февраля 1923 г. в ГДУ состоялась первая открытая лекция Владивостокского подотдела Дальневосточного Отдела ВНАВ. Программа заседания выглядела следующим образом:

1. Сообщение председателя Оргбюро проф. Е. Г. Спальвина: Задачи ВНАВ и современное положение востоковедения.
2. Слово товарища председателя Оргбюро тов. С. С. Подольского: Советская Россия и востоковедение.
3. Доклад профессора Дальневосточного Университета Н. В. Кюнера: Современный кризис Китайской республики.

В своем сообщении Е. Г. Спальвин напомнил, что ВНАВ был учрежден согласно решению Всероссийского центрального исполнительного комитета от 13 декабря 1921 г., и официально начал работу с 14 января 1922 г. О целях и задачах ВНАВ было сказано следующее: «В частности, открываемый местный подотдел ВНАВ призывается к обслуживанию прежде всего так называемого Дальнего Востока, понимая под этим термином наш родной Русский Дальний Восток или местный край и зарубежный Дальний Восток, относя к нему преимущественно Китай и Японию, с их составными частями, прежде всего Корей и Маньчжурий»²⁴².

Позднее, принимая во внимание установление дипломатических отношений между Советским Союзом и Японией, советское правительство в целях изучения

политических, экономических и социальных проблем Японии учредило Комитет по изучению Японии. Председателем Комитета стал генеральный секретарь Дальневосточного отдела Народного комиссариата иностранных дел С. И. Духовский, заместителем председателя – профессор Института востоковедения Олег Плетнер (в то время находился в Москве, так как ему было предписано японскими властями покинуть территорию Японии за «экстремизм»; он являлся младшим братом Ореста Плетнера – фонетиста, профессора, преподававшего в Осацкой школе иностранных языков), а секретарем – Роман Ким (проживающий в то время в Москве как переводчик при корреспонденте информационного агентства «*То:хо: цу:син*» Отакэ Хирокичи). Членами Комитета также стали Н. И. Конрад из Института востоковедения, Е. Г. Спальвин и Н. В. Кюннер из ГДУ²⁴³. Сам Олег Плетнер сообщал о себе следующее: «В 1922 году я был выслан из Японии за пропаганду коммунизма и, вернувшись в Россию, был прикомандирован к Разведупру РККА, где нахожусь и теперь (заявление О. В. Плетнера, 08.09.1922 г.)»²⁴⁴.

Осенью 1924 г. в ГДУ начинает издаваться журнал «Восточная студия» (*Oriental Study*). Е. Г. Спальвин фактически стал его главным редактором. Журнал набирался на печатной машинке, и над его оглавлением располагался слоган: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». В этом слогане выражалась политическая позиция редколлегии. В журнале работали преимущественно востоковеды старой школы, а предназначался журнал для студентов ГДУ и приморской молодежи. Цели журнала редакция определила следующим образом: «Восточная студия» обслуживает прежде всего востоковедные нужды Восточного факультета ГДУ, дает с этой целью информацию о факультете и его учреждениях, собирает постороннюю информацию, интересующую факультет и членов его, понимая под последними всю товарищескую среду учащихся и учащихся»²⁴⁵.

Хочется обратить внимание на то, что в номере 11–12 (объединенный выпуск за январь–февраль 1925 г.) была перепечатана статья из газеты «Известия» от 22-го января 1925 года за подписью наркома НКВД СССР Г. В. Чичерина «О Конвенции с Японией», и далее за ней (с. 238–240) помещалась статья «Полномочное представительство СССР на территории Японии» профессора Е. Г. Спальвина. В самом начале своей заметки Е. Г. Спальвин пишет: «Рисунок на обложке этого выпуска изображает царское посольство в Токио, вход в которое в ближайшем будущем, в силу подписанного 20-го января сего года в Пекине советско-японского соглашения, будет открыт первому полпреду СССР в Японии»²⁴⁶. Дальше заметка продолжается сведениями из истории бывшего царского посольства. Это говорит о том, что уже на данном этапе Е. Г. Спальвин интересовался полномочным представительством СССР в Японии. Более того, спустя какое-то время, в журнале по-

²⁴³ *Гайдзи кэйсацу хо:*. [Б. г.]. № 25. С. 52–54; Diplomatic Archives of the Ministry of Foreign Affairs // Japan Center for Asian Historical Records (JACAR). Ref. code: A04010401000. URL: <http://www.jacar.go.jp/DAS/meta/MetaOutServlet> (дата обращения 17.07.2014). (Вестник полицейского управления по внешним делам).

²⁴⁴ Плетнер Олег Викторович // Хронос: биографический указатель. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_p/pletnerov.php (дата обращения 17.07.2014).

²⁴⁵ Восточная студия. 1924. № 1–2. С. 1–2.

²⁴⁶ Восточная студия. 1925. № 11–12. С. 238.

²⁴⁰ *Токио-Нитинити*. 1925. 25 апр.

²⁴¹ Новый Дальний Восток. 1923. 4 февр., № 1. С. 5; Diplomatic Archives of the Ministry of Foreign Affairs // Japan Center for Asian Historical Records (JACAR). Ref. code: B03040713600. URL: <http://www.jacar.go.jp/DAS/meta/MetaOutServlet> (дата обращения 17.07.2014).

²⁴² Новый Дальний Восток. 1923. 4 февр., № 1. С. 3.

явится его статья, подробно освещающая реакцию Японии на заключение этой советско-японской конвенции.

Таким образом, мы можем предположить, что причиной того, что Е. Г. Спальвин был выбран переводчиком при первом полпреде СССР в Японии, послужили его отношения с Олегом Плетнером, входившим и в Дальневосточное отделение ВНАВ, и в правительственный Комитет по изучению Японии. На посту декана восточного факультета ГДУ Спальвин прикладывал усилия для того, чтобы находившийся в то время в Японии Олег Плетнер приехал преподавать на Восточном факультете ГДУ. В РГИА ДВ (Ф. 226, ОП. 1, Д. 626, Л. 64 и далее) сохранилась их переписка за 1921–1922 годы. Более того, до вывода японских войск в октябре 1922 г., во Владивостоке существовала единственная в Союзе община японских иммигрантов, и профессор восточного факультета ГДУ Е. Г. Спальвин пользовался доверием со стороны японцев. Подобного ему человека найти в Советском Союзе, как нам кажется, было бы весьма сложно. И, вероятнее всего, Е. Г. Спальвин был назначен не просто «переводчиком».

Когда на заседании 8 августа 1925 г. Народный комиссариат постановил учредить Всесоюзное общество культурных связей с границей, секретарь полпреда Е. Г. Спальвин был назначен одновременно представителем ВОКС в Японии. И эту деятельность он продолжал до 1931 г., когда, получив новое назначение, он покинул Японию и уехал в Харбин. Я думаю, что от Е. Г. Спальвина советское правительство ожидало, что тот, преодолевая давление японских властей, опасавшихся распространения коммунизма в Японии, благодаря личным связям с японцами, будет способствовать расширению разносторонних отношений между Советским Союзом и Японией.

2. Полномочный представитель Всесоюзного общества культурных связей с границей (ВОКС) в Токио

Известно, что Е. Г. Спальвин выполнял функции представителя ВОКС в Японии еще до утверждения устава Организации 8 августа 1925 г. Например, в секретном сообщении Генерал-суперинтенданта Японии, адресованном Министрам внутренних и внешних дел, а также прочим лицам, сохранилась следующая запись: «Относительно деятельности на нашей территории Всесоюзного общества культурных связей с границей, которое находится в Москве, председатель общества г-жа О. Д. Каменева, сообщаю: переводчик советского посольства в Японии Е. Г. Спальвин, который, как докладывалось ранее, является членом этого общества, во время своей лекции в Токийской школе иностранных языков 27 июля (1925) раздавал полученные им из СССР листовки на английском языке о мероприятиях, проводимых Обществом, а также с тех пор он занимается распространением еженедельного бюллетеня все того же Общества, который ему присылают регулярно. Об этом я уже тоже сообщала ранее. Еженедельник этот охватывает широкий спектр тем – наука, литература и искусство, общественная жизнь и т.д. Редакции журналов и газет, получающие этот бюллетень, не перепечатывают у себя эти статьи, откладывают в сторону»²⁴⁷.

²⁴⁷ Донесение Генерал-суперинтенданта от 19 апреля 1926 г. Diplomatic Archives of the Ministry of Foreign Affairs // Japan Center for Asian Historical Records (JACAR). Ref. code: B04012389300. URL: <http://www.jacar.go.jp/DAS/meta/MetaOutServlet> (дата обращения 17.07.2014).

Из организаций, получавших этот еженедельный бюллетень, можно назвать *Нитиро Гэйдзюцу кё:кай* (Японо-русское литературно-художественное общество) (Акита Удзяку, Нобори Сёму и другие), университеты Васэда, Кэйо, (Токийский) Императорский университет, редакции ежедневных газет, например, «Токио-Нитинити», такие журналы, как «*Кайдзо:*» (Реорганизация), «*Тю:о: ко:рон*» (Центральное обозрение), телеграфные агентства «*Нитиро цу:син*» (Японо-русское телеграфное агентство), Японо-русское общество дружбы (*Нитиро конва-кай*), Японо-русское общество (*Нитиро кё:кай*), Общество востоковедения (*То:ё: кё:кай*) (Председатель виконт Гото)²⁴⁸.

В одном из сообщений «Вестника полицейского отделения по внешним делам» (*Гайдзи кейсацу хо:*) говорится: «есть немало обстоятельств, вынуждающих признать, что Е. Г. Спальвин, будучи не только секретарем-переводчиком при посольстве, но и членом рабоче-крестьянской союзной организации культурных связей с границей ВОКС, входящий в круги наших писателей, вовлечен в пропагандистскую деятельность. Например, в ходе открытой лекции о России, которая была организована Японо-русским литературно-художественным обществом и проходила в Доме Молодежи Христианского Общества в Токио (*Токё: кирисутокё: кай сэйэн кайкан*) 8 октября 1925 г., Е. Г. Спальвин, заявив, что собирается рассказать о системе образования в России, «по сути занимался воспеванием коммунизма, в результате чего было приказано прервать лекцию» («Вестник полицейского отделения по внешним делам»)²⁴⁹.

Японо-русское литературно-художественное общество было создано в марте 1925 г., вскоре после установления японо-советских дипломатических отношений. Согласно манифесту первого выпуска бюллетеня Общества «Вестник японо-русского литературно-художественного общества», целью общества является изучение нового русского искусства, порожденного революцией; при этом подчеркивается: «мы не удовлетворимся лишь только проведением конференций, открытых лекций и выпуском печатной продукции, мы надеемся на надлежащее литературно-художественное сближение»²⁵⁰. Главная задача заключается в культурном сотрудничестве между Японией и Россией. Среди учредителей, помимо Акита Удзяку и Нобори Сёму, есть такие имена, как Сигэмори Тадаси, Осанай Каору, Мураяма Томоёси, Ёнкава Масао и другие. Это Японо-русское литературно-художественное общество решило провести в июле открытую лекцию недавно прибывшего в Японию профессора Е. Г. Спальвина²⁵¹. Кроме того, по приглашению ВОКС Акита Удзяку находился в Советском Союзе в период с октября 1927 г. по май 1928 г.

²⁴⁸ Diplomatic Archives of the Ministry of Foreign Affairs // Japan Center for Asian Historical Records (JACAR). Ref. code: B03041029800. URL: <http://www.jacar.go.jp/DAS/meta/MetaOutServlet> (дата обращения 17.07.2014).

²⁴⁹ *Гайдзи кейсацу хо:*. 1925. № 51. (Вестник полицейского управления по внешним делам).

²⁵⁰ Diplomatic Archives of the Ministry of Foreign Affairs // Japan Center for Asian Historical Records (JACAR). Ref. code: B03041028500. URL: <http://www.jacar.go.jp/DAS/meta/MetaOutServlet> (дата обращения 17.07.2014).

²⁵¹ Там же.

Из дневника писателя Акита Удзюку, который был центральной фигурой Японо-русского литературно-художественного общества, мы узнаем, что впервые он встречался со Е. Г. Спальвиным 5 июля 1925 г. В его дневнике сделана следующая запись от того же числа: «Ходил на приветственный банкет в честь посла Коппа с 2-х часов по полудню в гостинице Империял (*Тэйкоку хотэру*). Встретился с послом и проф. Е. Г. Спальвиным. Были доктор Мияке с супругой, виконт Гото и другие. ...За развлекательной программой следовала речь делегата. Я выступил с речью о «Влиянии русской литературы на японскую литературу». Вместе исполнили «Интернационал». Зазвучала песня о красном флаге»²⁵². После этого, как это следует из дневников, Акита иногда встречается с Е. Г. Спальвиным.

О том, в чем именно была суть этого «воспевающего коммунизм» выступления, мы можем узнать из сообщения «Случаи порицания и протеста при работе с иностранными гражданами» распространявшегося в строгой секретности Отделением по внешним делам Отдела безопасности Полицейского управления. В этом сообщении, наряду с «Объяснительной запиской Управления», была помещена статья «Инцидент в Японо-русском литературно-художественном обществе – публичное выступление профессора Спальвина остановлено». Согласно этой статье, Спальвин в начале своего выступления сказал, что «...для сегодняшней России, основная идеология – это коммунизм», и эти слова были восприняты наблюдающим начальником полиции как «явная попытка пропаганды коммунизма», что и заставило его отдать приказ о прекращении лекции. В этой связи советский полпред обратился к Министерству иностранных дел с заявлением, что выступление не затрагивало никаким образом внутреннюю политику Японии и носило характер исключительно объективной констатации фактов. Несмотря на то, что лектор после небольшого введения, при переходе к основной теме просто указал на тот факт, что основной идеологией советской России является коммунизм, был отдан приказ остановить лекцию. Более того, как только был отдан приказ, лектора пытались стащить с кафедры силой, и полпред потребовал призвать к ответу полицейского, применившего насилие по отношению к дипломату. «Объяснительная записка Управления» гласит следующее: «Прекращение публичного выступления было осуществлено в полном соответствии со статьей 10 закона «Об общественном спокойствии и полиции» (*Тиан кэйсацу хо:*) и никоим образом не является нарушением законодательства. Во время прекращения лекции полицейский вел себя вежливо и не прибегал к насилию» – таков был наш ответ на протест советского посольства»²⁵³.

В условиях усиленного надзора над коммунистами согласно закону общественной безопасности, принятому в связи с установлением японо-советских дипломатических отношений для расширения культурного обмена с японской интеллигенцией, Е. Г. Спальвину очень помогла должность представителя ВОКС в Японии. Свидетельство этому мы находим в статье газеты «Ёмиури» от 22 ноября 1925 г., в

которой говорилось: «Связанные с Японо-русским литературно-художественным обществом Акита Удзюку, Хоригути Дайгаку, Китахара Хакусю, Курата Хякудзо, Мусякодзи Санэацу и другие поэты и литераторы, в течение многих лет уже создавшие свой кружок, собрались в 5 вечера 22-го числа в ресторанчике «Микавая» в Ёцүямицукэ поговорить, полакомившись *набэ* из говядины, куда был приглашен и находящийся в настоящий момент на службе в русском посольстве переводчик высшего класса Е. Г. Спальвин. Ставший главным почетным гостем этого собрания г-н Спальвин, бывший профессор владивостокского Восточного института, очень хорошо знает японскую литературу, которую полюбил с того времени, когда учил японский язык под руководством покойного проф. Хасэгава (Футабатэй Симэй). Как исследователь японской литературы Е. Г. Спальвин представил русскому читателю значительное число произведений художественной литературы Японии, и, можно сказать, немало потрудился во славу японской литературы. Вышеупомянутое мероприятие и проводилось для того, чтобы воздать должное его заслугам». Как далее следует из рассматриваемой газетной публикации, на описываемой встрече Е. Г. Спальвин сказал: «В России я также много переводил японскую литературу: из древней – *Манъё:сю:*, *Кокинсю:*, из современной – стихи Хоригути Дайгаку, опубликованные в журнале «*Кайдзо:*», Мусякодзи «Для женщины (*Онна но хито но тамэни*)», Курата Хякудзо «Священнослужитель и его ученик (*Сюккэ то соно дэси*)», «Больной юноша и ухаживающая за ним женщина (*Ямэру сэйэн то дзисуру онна*)», а также кое-что из произведений Акита Удзюку, Янагида Хакурэн и многое другое. Поскольку *танка* – это очень маленькое произведение, его очень трудно перевести; в еще большей степени это относится к *хайку*. Например, названия гор Фудзи или Ёсино ничего не говорят иностранцу, и, если он не знает о красоте их пейзажей, ему очень трудно передать чувства, которые виды этих гор вызывают. Впрочем, в последнее время я крайне занят, и у меня совсем не остается времени на чтение». «...Добавим, что в настоящее время Е. Г. Спальвин вместе с супругой проживает в посольстве СССР», – пишет корреспондент газеты в заключение своей публикации.

3. Спальвин и Японо-советский культурный обмен

С 21 по 23 августа 1926 г. в посольстве была проведена выставка о Советском Союзе. Как это следует из сообщения «Об организованной посольством рабоче-крестьянской России ознакомительной выставке (*Ро:но:рококу тайсикан сю:сай кокудзэ: се:кай тэндзикай*)» в «Вестнике полицейского управления по внешним делам», «...работа по организации выставки входила в круг обязанностей служащего в посольстве переводчика Спальвина, и проходила под его руководством»²⁵⁴. Первоначально планировалось провести выставку в 1925 г., но ее отложили. Местом выставки стала Большая зала на первом этаже главного здания посольства, соединенная с соседней комнатой (которая во времена Российской Империи служила столовой). При входе в залу, впереди по центру поместили бюст Ленина, по обе стороны от него

²⁵² Акита Удзюку *никки*. Т. 1. Мирайся, 1965. [С. 338]. (Дневники Акита Удзюку).

²⁵³ Diplomatic Archives of the Ministry of Foreign Affairs // Japan Center for Asian Historical Records (JACAR). Ref. code: A04010498000. URL: <http://www.jacar.go.jp/DAS/meta/OutServlet> (дата обращения 17.07.2014).

²⁵⁴ *Гайдзи кэйсацу хо:*. [Б. г.]. №51. [С. 93–95]. (Вестник полицейского управления по внешним делам).

его фотографии и книги, фотографии вождей рабоче-крестьянского правительства. Эту комнату назвали «Ленинской». Здесь же были развешены постеры и представлена печатная продукция по таким отраслям, как политика, экономика, дипломатия, юриспруденция, философия, идеология и т. д. Целью выставки было провозглашено «объективно и всесторонне представить жизнь социалистического государства и в доступной форме ознакомить посетителей с культурными достижениями Советского Союза». Выставка проходила при поддержке таких японских организаций, как Японо-советское литературно-художественное общество, Японо-советское общество взаимопомощи, Туристическое Бюро. Более того, в соседней зале, бывшей столовой, были размещены экспонаты различных организаций и издательских компаний, которые так или иначе имели дело с публикациями, связанными с Советским Союзом. Среди них – Японо-советское общество, Японо-русское литературно-художественное общество, институт исследования социальных проблем «Охара», Туристическое бюро, газеты «Осака-Майничи» и «Токио-Асахи», издательства «До:дзинся», «Сюдзю:ся», «Кинсэйся», «Кайдзо:ся», «Иванами сётэн», «О:кура сётэн», «Дзюхо:каку», «Кибо:каку» и другие, что указывает на наличие высокого интереса к Советской России в Японии. Вход в посольство был строго по приглашениям. Около 1000 приглашений были разосланы находящимся в Токио дипломатам, всем министрам, руководству Главного управления полиции, деятелям искусства, в газеты и телеграфные агентства, писателям, артистам, ученым, мыслителям, а также другим лицам, имеющим какое-либо отношение к России.

Однако, согласно данным наблюдения Главного управления полиции, в течение 3-х дней на выставку в общей сложности пришло 1036 человек, и из них 261 человек выглядели как рабочие, 108 – как студенты, 603 – как служащие компаний и государственных учреждений; среди прочих было 35 женщин, 13 иностранцев и 16 военнослужащих²⁵⁵. Из чего следуют, что среди посетителей было много таких, кто «выглядел как рабочие» или «как служащие компаний и учреждений», то есть из числа практически не входивших в круг приглашенных. Отделение по внешним делам отдела безопасности полицейского управления в докладной «О выставке в русском посольстве» (сент., 15-й год *Taiсё*: (1925)) указывает, что на входе был поставлен человек (японец, проверявший приглашительные), однако он, проявляя снисхождение к посетителям, которые «выглядели как рабочие», позволял тем проходить без приглашительного или пропускал группы до 10 человек по одному билету как по групповому. Е. Г. Спальвин провожал посетителей в зал и давал комментарии. В любом случае, эта выставка была первой попыткой показать японцам современное положение дел в Советском Союзе, и в этом смысле она была удачной²⁵⁶.

Переходим к 1927-му году. ВОКС совместно с газетами «Токио-Асахи» и «Осака-Асахи» и при поддержке советского посольства, Японо-русского общества,

²⁵⁵ Diplomatic Archives of the Ministry of Foreign Affairs // Japan Center for Asian Historical Records (JACAR). Ref. code: B12083645800. URL: <http://www.jacar.go.jp/DAS/meta/MetaOutServlet> (дата обращения 17.07.2014).

²⁵⁶ Diplomatic Archives of the Ministry of Foreign Affairs // Japan Center for Asian Historical Records (JACAR). Ref. code: B12083267300. URL: <http://www.jacar.go.jp/DAS/meta/MetaOutServlet> (дата обращения 17.07.2017).

Японо-русского литературно-художественного общества организует Выставку произведений искусств из новой России. Работы советских художников-современников были выставлены с 18 по 31 мая в зале газеты «Токио-Асахи», а с 16 по 29 июля выставочный зал предоставила «Осака-Асахи». Вероятно, инициатором выставки было Японо-русское литературно-художественное общество, но поскольку у ВОКС не было денежных средств на финансирование транспортировки предметов искусств и прочего, в результате разных перипетий, соорганизаторами совместно с ВОКС стали газеты «Токио-Асахи» и «Осака-Асахи». Японское правительство оказывало Спальвину поддержку при подготовке выставки. На это указывают имена почетных председателей выставки – премьер-министр Танака Гиити, председатель Японо-русского общества Гото Симпэй, Народный комиссар по иностранным делам СССР Чичерин, народный комиссар по просвещению Луначарский. Для выставки из Советского Союза были посланы картины маслом, акварели, карандашные наброски, постеры – всего 403 наименования²⁵⁷.

Однако, похоже, что изыскать средства, затраченные на открытие выставки, оказалось делом нелегким. По завершению выставки в Токио Е. Г. Спальвин обращается к заведующему Японо-русского общества, которое оказывало поддержку выставки, г-ну Сэкинэ Сайити с просьбой поспособствовать продаже картин во время выставки в Осака. В период проведения выставки Япония находилась в ситуации экономического кризиса, и ожидавшихся продаж картин в Токио не было. В своем письме г-ну Сэкинэ от 3 июля 1927 г. Спальвин пишет: «Уважаемый Господин Сэкинэ! Как Вам известно, происходящая при содействии Вашего общества и под высоким покровительством председателя Вашего общества г. виконта Гото Советская картинная выставка, закончивши свое пребывание в Токио, переезжает в настоящее время в Осака ...За пребывание в Токио выставка получила довольно большую известность не только в тесных художественных кругах, но также и среди широкой публики... К несчастью, однако, открытие выставки совпало как раз с финансовой тревогой, испытывавшейся всей Японией и имевшей своим последствием объявление мораториума. Все это отразилось, вместе с общей депрессией, на продаже экспонатов, что оставляет какое-то не совсем приятное впечатление... выставка в Осака может иметь тот успех, который ей так желателен и которого она не имела в Токио. Я имею в виду возможность некоторого сбыта картин. Для реального обеспечения моего предложения я просил бы Вас направить в Осака г. Пунину, стоящему во главе выставки, лиц, могущих быть посредниками по продаже картин и знающих тех, кому такие картины могли бы казаться интересными. Г. Пунин может таким посредникам предоставить известный процент, а также он может им указать, на какую он в состоянии идти скидку с номинальных цен при продаже... Профессор Спальвин»²⁵⁸.

²⁵⁷ Diplomatic Archives of the Ministry of Foreign Affairs // Japan Center for Asian Historical Records (JACAR). Ref. code: B04012281300. URL: <http://www.jacar.go.jp/DAS/meta/MetaOutServlet> (дата обращения 17.07.2014).

²⁵⁸ Diplomatic Archives of the Ministry of Foreign Affairs // Japan Center for Asian Historical Records (JACAR). Ref. code: B0401228100. URL: <http://www.jacar.go.jp/DAS/meta/MetaOutServlet> (дата обращения 17.07.2014).

Кроме того, общеизвестным событием в рамках советско-японского культурного обмена стали гастроли в Москве труппы Итикава Садандзи в 1928 г. 13-го июля труппа отправляется из Японии, 16-го июля прибывает в порт Владивосток и далее следует в Москву. На протяжении всего пути советские люди горячо приветствовали японских артистов во всех регионах СССР, по которым последние проезжали. Газета «Красное знамя» от 17 июля сообщает о приезде театра Кабуки статьей под заголовком «Приезд японских артистов. Владивостокская общественность тепло встретила прибывшую в СССР знаменитую труппу Кабуки» и с фотографиями всей труппы и Итикава Садандзи. Консул Японии во Владивостоке Ватанабэ Риэ в отчете министру иностранных дел Танака Гиити от 17 июля пишет следующее: «В данном отчете докладываю о поездке театра Кабуки в Россию. Уполномоченные власти, начиная с центральных, разместили во всех местных газетах приветственные объявления о приезде труппы, местная редакция... 15-го числа сего месяца выпустила на отдельном листе статью с повторным приветствием, в которой рассказывается об истории труппы и даются сведения о великих артистах. Местные власти более чем тщательно подготовились к приезду. Когда судно «Каги-мару» уже вот-вот должно было войти в порт, его встретил отправленный русской стороной небольшой пароход с группой приветствующих лиц (председатель Владивостокского отделения Союза художников СССР, представители властей и другие заинтересованные лица), встречали с оркестром, и, как только судно пришвартовалось, на борт поднялись представитель народного комиссариата иностранных дел во Владивостоке, ...председатель городского совета и прочие ответственные лица, а также многочисленные деятели искусства, и, вместе с собравшимися на пристани, горячо приветствовали приезжих. (Я также был в числе встречающих, вместе с представителями общества иммигрантов). В 11 часов утра, после высадки на берег, гостей тут же рассадили в многочисленные машины, и русская сторона организовала экскурсию по городу, а затем, после небольшого отдыха, в 2 часа пополудни в городском театре «Золотой Рог» состоялся торжественный прием, организованный Владивостокским отделением Союза художников СССР. Гости были без малого 130 человек, со стороны русских главные – это представитель народного комиссариата иностранных дел с супругой и председатель Владивостокского отделения Союза художников СССР, о которых упоминалось ранее, а также глава местного отдела профсоюза, представители рабоче-крестьянских организаций, известные актеры и другие лица. Почетными гостями был коллектив труппы во главе с супругами Садандзи. Кроме того, были приглашены я с супругой, служащие консульства, заместитель главы общества японских иммигрантов, капитан судна «Кига-мару». Прием был открыт горячим приветствием представителя Наркоминдела во Владивостоке Гейцмана, в котором последний выступил от лица Московского правительства, а также всех местных властей: «Мы выражаем искреннее почтение и радушно приветствуем прибывших издалека гостей – посланников крепнущей дружбы в сфере культуры между Японией и Советским Союзом», – сказал он. Под бурные аплодисменты ответную речь произнес Садандзи. Прием продолжился обменом приветствиями от высокопоставленных лиц, в которых все торжественно говорили о культурных и дружественных связях между Японией и СССР, и я тоже,

в свою очередь, поблагодарил русскую сторону за радушие и выразил надежду, что визит труппы в Россию послужит укреплению дружеских отношений между Японией и СССР. Радушный прием, оказанный труппе кабуки во время гастролей в России – это была захватывающая дух искренне горячая встреча, и я должен признать, что есть надежда на развитие дружественных отношений с русскими через искусство»²⁵⁹.

Труппа прибывает в Москву 26 июля, в течение месяца дает представления в Москве и Ленинграде, затем, побывав с гастролью в Италии, возвращается на родину. В России представления *кабуки* имели огромный успех. Однако, следует отметить, что Е. Г. Спальвин, который естественным образом должен был активно участвовать в организации гастролей, много о них не говорит. Создается впечатление, что относительно организации гастролей между Москвой и Токио были большие противоречия, на которые указывает содержание письма посла Трояновского Сталину от 6 декабря 1928 г.:

«Дорогой товарищ Сталин, ... Следующим моим вопросом являлся вопрос о (поездке) театра Кабуки в Москву. По этому вопросу я говорил еще перед моим отъездом в Токио в декабре прош(лого) года, говорил в НКВД с Караханом, и в Совнарком с т. Рыковым, говорил с Луначарским, с Каменево и друг(ими) лицами. Все как будто отнеслись к этой идее весьма сочувственно. Когда я приехал в Японию, вопрос этот был поднят приехавшим из Москвы театральным режиссером Осанаи, тоже имевшем в Москве ряд бесед и согласий по этому поводу. Длительные переговоры подошли к концу в марте мес(яце), и 27 марта я послал о состоявшейся договоренности телеграмму в Москву в НКВД. Я настаивал тогда, чтобы дали быстрый положительными или отрицательными ответ, так как тянуть с этим делом было нельзя. ...И когда в конце концов перед угрозой прямого иска на огромную сумму денег и страшного скандала в очень серьезное время я взял на себя ответственность и, подписав соглашение, я на следующий день получал ответ, что от него надо отказаться, что поездка невозможна... все же я по сие время считаю, что истинными виновниками этого дела были волокитчики, затянувшие решение этого простого вопроса на два месяца. В конце концов Кабуки имел огромный успех, и весь пессимизм НКВД оказался неосновательными и имевшим лишь те неприятные последствия, что билеты на гастроли продавались по баснословно дешевой цене и мы из-за этого пессимизма потеряли много денег и понесли убыток, тогда как можно было дело организовать так, чтобы оно прошло или безубыточно, или же с минимальным убытком»²⁶⁰.

В октябре 1930 г. состоялся торжественный вечер, посвященный 35-летию востоковедческой деятельности проф. Е. Г. Спальвина, на котором присутствовали многочисленные деятели культуры. Акита Удзюку описывает это событие в своем дневнике следующим образом:

²⁵⁹ Diplomatic Archives of the Ministry of Foreign Affairs // Japan Center for Asian Historical Records (JACAR). Ref. code: B04012348200. URL: <http://www.jacar.go.jp/DAS/meta/OutServlet> (дата обращения 17.07.2014).

²⁶⁰ Москва –Токио: Политика и дипломатия Кремля. 1921 – 1931 гг. Кн. 2 : сб. документов. М., 2007. С. 260–261.

«Запись от 27 октября. В 5 часов вечера в ресторане «Рейнбо» в здании «Осака биру», праздновали 35-летие изучения японского языка профессором Спальвиным. Присутствовало 111 человек. В зале для церемоний выступили с поздравлениями председатель Курати (Японо-русское общество), посол (Трояновский); Е. Г. Спальвин сказал ответную благодарственную речь, обед проходил в зале этажом ниже. С поздравлениями выступили Ясуги, Тодорович, преподаватель из города Цуруга, Нобору, Ёнкава, В. Д. Бубнова, служащие посольства, Аникиев и другие. Мне тоже предоставили слово, третьим, и я, сказав о заслугах Спальвина как япониста, выразил предположение, что «японская литература» также постепенно будет меняться. Мероприятие прошло на редкость торжественно»²⁶¹.

И примерно в это же время Е. Г. Спальвин принимает решение уехать из Японии. Дело в том, что его самостоятельная деятельность стала идти вразрез с указаниями Москвы.

4. Спальвин и ВОКС

В ноябре 1931 г. Е. Г. Спальвин отправляется в Харбин в соответствии с новым назначением в управление Китайско-Восточной железной дороги. Это назначение планировалось еще год назад, но все откладывалось. Возникает вопрос, зачем потребовалось переводить в китайский Харбин, в управление Китайско-Восточной железной дороги японоведа Спальвина, у которого сложились хорошие связи в кругах японской интеллигенции? Ключ к разрешению этой загадки хранится в материалах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

В то время председателем ВОКС была Ольга Каменева (первая жена Льва Каменева и младшая сестра Л. Д. Троцкого). Ниже приводится секретное донесение О. Д. Каменевой полпреду СССР в Японии Трояновскому от 1 февраля 1928 г., то есть примерно за 5 месяцев до гастролей театра Кабуки в Москве.

«Уважаемый Александр Антонович,

Перед Вашим отъездом мы подробно обсуждали с Вами вопросы, связанные с нашей работой в Японии. С тех пор положение не только не улучшилось, но и ухудшилось... Наши отношения с проф. Спальвиным зашли в какой-то тупик. В течение последних четырех месяцев мы не получили от него ни одного делового письма, ...и мы совершенно оторваны от Японии. На наши письма мы не получаем никакого ответа... Его молчание является достаточным доказательством его небрежности. До сих пор мы не получили сведений о том, как в действительности прошла выставка детских рисунков, не получили никакого ответа на наш запрос по вопросу об организации выставки японской детской книги в Москве. Гг. Сэкинэ и Маэда, сопровождавшие виконта Гото в СССР, нам сообщили, что передали проф. Спальвину 30 экземпляров Устава Японско-советского Общества с просьбой переслать нам, а мы не получили ни одного экземпляра, как не получили журнала этого Общества, который передается ему в 20 экз. ежемесячно... Как видите, положение поистине безысходно, если не принять серьезных мер. По моему мнению, палли-

ативы здесь уже не помогут: необходимо немедленно наметить другого уполномоченного, и я настоятельно прошу Вас принять самые срочные меры. Не считаете ли Вы подходящим кандидатом тов. Астахова, которого здесь некоторые рекомендуют? Сознавая, как трудно на таком большом расстоянии разобраться во всех деталях, по крайней мере, некоторых вопросов, затронутых здесь, и потому не считала бы целесообразным открыть формальное расследование по всему делу, что, несомненно, только осложнило бы положение. Предоставляя Вам выбор тех или иных мер, считала долгом сообщить Вам обо всем этом в целях Вашей информации.

В ожидании Вашего скорого ответа,

С коммунистическим приветом,

О. Д. Каменева

Председатель общества»²⁶².

В ГАРФе сохранился ответ из Токио посла Трояновского на это донесение председателя Всесоюзного общества культурных связей с заграницей О. Д. Каменевой. В своем ответе от 14 сентября 1928 г. посол встает на защиту Спальвина.

«Уважаемая Ольга Давыдовна,

От вас весьма вероятно уйдет в этом году Спальвин. Помимо этого я слышал, что Вы не очень довольны его деятельностью в качестве представителя ВОКСа. Возможно, он имеет крупные недостатки. Но все же надо признать, что его знание японского языка и японской жизни столь значительно, что при всех его недостатках заменить его чрезвычайно трудно. Проф. Конрад из Ленинграда сюда, к сожалению, приехать не может. Но в общем, обстановка сложилась такая, что Спальвин должен будет уйти. Приходится думать о его заместителе. Нормально таким заместителем должен был бы быть кто-нибудь из наших японистов, потому что большинство интересных ВОКСу лиц говорит только на японском языке и целый ряд моментов, сведений, справок, необходимых для работы ВОКСа тоже может быть получен на японском языке. Наконец, нужны специальные сведения в области японской культуры, науки, искусства и проч. ...Вы, например, продолжаете быть отрицательного мнения о работе Спальвина, я же считаю, что без Спальвина в японских условиях будет плохо. Но при сложившейся ситуации, даже если Спальвин останется, он, вероятно, от работы ВОКСа отойдет. Так что вопрос о его заместителе будет стоять и в том случае, если Полпредство сохранит Спальвина за собою. Вашего ответа я жду с первой же почтой. С товарищеским приветом, А. Трояновский»²⁶³.

Таким образом, несмотря на поддержку полпреда А. А. Трояновского, недоверие к Е. Г. Спальвину со стороны ВОКС остается. Возможно, на самом деле недоверие это ограничивалось личной неприязнью О. Д. Каменевой и Е. Г. Спальвина.

Ф. Н. Петров, новый представитель ВОКС, 14 декабря 1929 г. отправляет Е. Г. Спальвину письмо следующего содержания.

²⁶² ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 5283. Оп.1а. Д. 114. Л. 19.

²⁶³ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 1а. Д. 114. Л.77.

²⁶¹ Акита Удзюку никки. [Г. 2. Мирайся, 1965. С. 221]. (Дневники Акита Удзюку).

«Проф. Спальвину
Уполн. ВОКС в Японии,
Токио. Копия Трояновскому

Уважаемый Евгений Генрихович,

К сожалению, мы до сих пор не получили ответа на наше письмо от 10.X... Вы в последних письмах указываете нам ошибочность данных, печатаемых в «Бюллетене», о дружественных нам обществах. Вы, конечно, знаете, что мы этих цифр не сочиняем, а почерпнули из Ваших писем и сообщений Акита, Цуруми и др. По видимому, эти данные давно устарели, и Вы нас очень обяжете, если пополните и осветите нашу информацию. В частности, просим Вас возможно подробнее характеризовать Нициро Киокай, Нициро Гейдзюцу Киокай, Тойо Киокай и Нициро Софукай, если оно еще проявляет какие-нибудь признаки жизни. Мы просили бы Вас остановиться также на таких организациях, как Нициро Цусин и др.: их задачи, удельный вес, их печатные органы. Три года назад Вы послали нам довольно подробное письмо этих организаций с характеристикой руководящих лиц. С тех пор многое изменилось. Безусловно, необходимо нам иметь Вашу оценку этих обществ и лиц к настоящему моменту. Из Ваших писем мы можем определено заключить, что Нициро Киокай и Нициро Гейдзюцу Киокай существуют только на бумаге и совершенно инертны. Нас это не удивляет в отношении Нициро Киокай, так как состав его не питает в нас никаких иллюзий. Гораздо больше нас как общественная организация интересует Нициро Гейдзюцу Киокай, состоящее в своем большинстве из интеллигентных людей отнюдь не состоятельного класса. Многие из них знают русский язык, искренне интересуются нашей культурой, среди них есть и определенно сочувствующие Советскому Союзу. Почему эти люди совершенно инертны? ...Мы уже не раз касались вопроса о журнале «Японо-Советское Искусство», и Вы знаете, что мы придаем большое значение этому органу, как возможному организационному центру наших друзей. Вы всегда относились очень пессимистически и к Обществу, и к его органу и надеялись, что переход журнала в частные руки оздоровит его. Мы совершенно не разделяли Ваших надежд в этом отношении и предсказывали, что частное издательство, хотя и такое радикальное, как Хакусуйся, использует журнальчик только для своей рекламы, а Общество, потеряв свой журнал, только развалится... Позвольте мне еще раз сказать Вам, что мы придаем крупнейшее значение именно таким Обществам, как Нициро Гейдзюцу, которые при дружеском внимании к ним и умелом контроле могут стать центрами нашего культурного воздействия на широкие круги японской интеллигенции. Для достижения этой цели мы ждем от Вас практических указаний, как поднять и усилить Гейдзюцу.

С товарищеским приветом,
Ф. Н. Петров
Председатель ВОКС»²⁶⁴.

²⁶⁴ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 50. Ч. 1. Л. 42.

Однако Спальвин не прекращал отношений с Японо-русским литературно-художественным обществом, и это следует также из записи в дневнике Акита Удзяку – запись от 21 октября 1929 г.: «Вечером был у Спальвиных дома. Взял яблок и пошел к Спальвиным в Асао. Пришли Сигэмори и Канэда. Поговорили, поужинали. Спальвины устроили прекрасный ужин. Посоветовался с проф. Е. Г. Спальвиным относительно Японо-русского литературно-художественного общества»²⁶⁵.

В апреле 1929 г. был принят план первой пятилетки. Насколько мы можем судить из письма нового председателя ВОКС Петрова, который пришел на место Каменевой в сентябре 1929 г., ВОКС поменяло курс. О Японо-русском литературно-художественном обществе в секретном докладе полиции от 6 февраля 1930 г. говорится следующее: «Содержание вестника Японо-русского литературно-художественного общества «Вестник японо-русского литературно-художественного общества» (*Нитиро гэйдзюцу*) оскудело, советское посольство, в общей сложности купившее 200 экземпляров, извещает, что более не может оказывать свою поддержку. В результате всего этого с апреля прошлого года общество меняет название журнала на «Советское искусство» и корректирует общую направленность в «левую» сторону. И тем не менее продавался он из рук вон плохо. Это обстоятельство, еще и при отсутствии поддержки со стороны советского посольства, сделало очень трудным держать журнал на плаву, и с августа того же года он не издается»²⁶⁶.

Как видим, Е. Г. Спальвин поддерживал отношения с многими японскими культурными деятелями, с писателями, но в ВОКСе, по всей видимости, его просто загнали в угол. Перевод Е. Г. Спальвина в Харбин, по нашему мнению, был выбором самого Е. Г. Спальвина и тех, кто его поддерживал. Летом 1930-го полпред в Японии Трояновский получает для Спальвина приглашение в управление Китайско-Восточной железной дороги. В Харбине, в отличие от Японии, Е. Г. Спальвина должны были ждать его многочисленные друзья и ученики. Следует, конечно, подумать и о том, была ли у Е. Г. Спальвина возможность вернуться в ДГУ, но этот вопрос мы поднимем в специальной работе.

В октябре 1931 г. была опубликована книга Е. Г. Спальвина «Япония: взгляд со стороны» (*Ёкомэ дэ мита нихон; Синтё:ся*, 1931 г.), в которой он обобщил опыт своей работы в Японии и исследований в области японского языка. Отъезд Спальвина был отложен, но, наконец, 9 ноября 1931 г. он оставляет Токио. «Вместе с женой Елизаветой Александровной (Маэда Каору), под взгляды многочисленных провожающих, как японцев, так и иностранцев, на поезде, отходящем со станции Токио в 9.25 пополудни, Е. Г. Спальвин направился к месту назначения. По пути он планирует посетить прощальный банкет в свою честь, организованный по инициативе отделения Советского общества дружбы в здании газеты «Осака-Асахи», и через Далянь прибыть к

²⁶⁵ Акита Удзяку никки. Т. 2. С. 167. (Дневники Акита Удзяку).

²⁶⁶ Diplomatic Archives of the Ministry of Foreign Affairs // Japan Center for Asian Historical Records (JACAR). Ref. code: B040123893000. URL: <http://www.jacar.go.jp/DAS/meta/MetaOutServlet> (дата обращения 17.07.2014).

месту службы», – писал «Вестник полицейского управления внешних дел»²⁶⁷. А газета «Токио-Асахи» от 13-го ноября в разделе «Книжный обзор (докусё)» поместила статью Акита Удзяку «Читая книгу «Япония: взгляд со стороны (Ёкомэ дэ мита нихон)».

В Харбине Спальвин жил на Гиринской улице, дом 26, кв. 6²⁶⁸. Здесь он провел не более 2-х лет. 10 ноября 1933 г. Спальвин умирает в центральной больнице Китайско-Восточной железной дороги. Исход операции по расправлению «заворота кишки» оказался не таким, как ожидалось. В некрологе газеты «Токио-Асахи» говорилось: «Профессор был иностранцем, всем сердцем понимавшим японцев, и всего себя он посвятил тому, чтобы передать это понимание другим. Его можно поставить в один ряд с Коидзуми Якумо»²⁶⁹.

«Вечером 5 декабря 1933-го в советском посольстве были поминки по профессору Спальвину. Доброе тихое печальное собрание. После выступления полпреда слово было предоставлено доктору Танакадатэ, Ясуги Садатоси, Ооно Сюнъити, Мори Кодзо, а потом траурные речи на японском языке произнесли ученики Спальвина Андреев и Воробьев. По завершении официальной части был накрыт фуршет», – вспоминает Акита Судзяку²⁷⁰.

Список литературы

1. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 5283. Оп. 1а. Д. 114.
2. ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 50. Ч. 1.
3. *Акита Удзяку никки*. Т. 1. Мирайся, 1965. – (Дневники Акита Удзяку).
4. *Акита Удзяку никки*. Т. 2. – [Мирайся, 1965]. – (Дневники Акита Удзяку).
5. Восточная студия. – 1924. – № 1-2. – С. 1–2.
6. Восточная студия. – 1925. – № 11-12. – С. 238.
7. *Гайдзи кэйсацу хо:*. – 1925. – № 51. – С. 93–95. – (Вестник полицейского управления по внешним делам).
8. *Гайдзи кэйсацу хо:*. – 1931. – Декабрь. – (Вестник полицейского управления по внешним делам).
9. *Гайдзи кэйсацу хо:*. – [Б. г.]. – № 25. – С. 52–54. Diplomatic Archives of the Ministry of Foreign Affairs [Электронный ресурс] // Japan Center for Asian Historical Records (JACAR). Ref. code: A04010401000. – (Вестник полицейского управления по внешним делам).
10. Донесение Генерал-суперинтенданта от 19 апреля 1926 г. Diplomatic Archives of the Ministry of Foreign Affairs [Электронный ресурс] // Japan Center for Asian Historical Records (JACAR). Ref. code: B04012389300. – Режим доступа: <http://www.jacar.go.jp/DAS/meta/MetaOutServlet>.

²⁶⁷ *Гайдзи кэйсацу хо:*. 1931. [Дек.]. (Вестник полицейского управления по внешним делам).

²⁶⁸ Посадсков А. Неизвестный Е. Г. Спальвин: Советский период в судьбе ученого и загадка исчезновения его библиотеки // Печатный двор. 2007. № 7. С. 80.

²⁶⁹ *Токио-Асахи*. 1933. [11 нояб.].

²⁷⁰ *Акита Удзяку никки*. [Т. 2. С. 370]. (Дневники Акита Удзяку).

11. Москва –Токио : Политика и дипломатия Кремля. 1921–1931 гг. Кн. 2 : сб. документов. – М., 2007. – 460 с.
12. Новый Дальний Восток. – 1923. – 4 февр., № 1. – С. 5. Diplomatic Archives of the Ministry of Foreign Affairs [Электронный ресурс] // Japan Center for Asian Historical Records (JACAR). Ref. code: B03040713600. – Режим доступа: <http://www.jacar.go.jp/DAS/meta/MetaOutServlet>.
13. Плетнер Олег Викторович [Электронный ресурс] // Хронос : биографический указатель. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/biograf/bio_p/pletnerov.php.
14. Посадсков, А. Неизвестный Е. Г. Спальвин : Советский период в судьбе ученого и загадка исчезновения его библиотеки // Печатный двор. – 2007. – № 7. – С. 80.
15. *Токио-Асахи*. – 1933. – [11 нояб.].
16. *Токио-Ничиничи*. – 1925. – [25 апр.].
17. Diplomatic Archives of the Ministry of Foreign Affairs [Электронный ресурс] // Japan Center for Asian Historical Records (JACAR). Ref. code: B03041029800. – Режим доступа: <http://www.jacar.go.jp/DAS/meta/MetaOutServlet>.
18. Diplomatic Archives of the Ministry of Foreign Affairs [Электронный ресурс] // Japan Center for Asian Historical Records (JACAR). Ref. code: B03041028500. – Режим доступа: <http://www.jacar.go.jp/DAS/meta/MetaOutServlet>.
19. Diplomatic Archives of the Ministry of Foreign Affairs [Электронный ресурс] // Japan Center for Asian Historical Records (JACAR). Ref. code: A04010498000. – Режим доступа: <http://www.jacar.go.jp/DAS/meta/MetaOutServlet>.
20. Diplomatic Archives of the Ministry of Foreign Affairs [Электронный ресурс] // Japan Center for Asian Historical Records (JACAR). Ref. code: B12083645800. – Режим доступа: <http://www.jacar.go.jp/DAS/meta/MetaOutServlet>.
21. Diplomatic Archives of the Ministry of Foreign Affairs [Электронный ресурс] // Japan Center for Asian Historical Records (JACAR). Ref. code: B12083267300. – Режим доступа: <http://www.jacar.go.jp/DAS/meta/MetaOutServlet>.
22. Diplomatic Archives of the Ministry of Foreign Affairs [Электронный ресурс] // Japan Center for Asian Historical Records (JACAR). Ref. code: B04012281300. – Режим доступа: <http://www.jacar.go.jp/DAS/meta/MetaOutServlet>.
23. Diplomatic Archives of the Ministry of Foreign Affairs [Электронный ресурс] // Japan Center for Asian Historical Records (JACAR). Ref. code: B0401228100. – Режим доступа: <http://www.jacar.go.jp/DAS/meta/MetaOutServlet>.
24. Diplomatic Archives of the Ministry of Foreign Affairs [Электронный ресурс] // Japan Center for Asian Historical Records (JACAR). Ref. code: B04012348200. – Режим доступа: <http://www.jacar.go.jp/DAS/meta/MetaOutServlet>.
25. Diplomatic Archives of the Ministry of Foreign Affairs [Электронный ресурс] // Japan Center for Asian Historical Records (JACAR). Ref. code: B040123893000. – Режим доступа: <http://www.jacar.go.jp/DAS/meta/MetaOutServlet>.

Дмитрий Матвеевич Позднеев – директор Восточного института

О. П. Еланцева

В статье на основе сохранившихся уникальных архивных документов – писем и телеграмм второго директора Восточного института Дмитрия Матвеевича Позднеева (1904–1906) – раскрывается сложнейший период истории первого высшего учебного заведения на Дальнем Востоке, выявляется роль Д. М. Позднеева в реализации ответственной государственной задачи.

Ключевые слова: государственная политика Российской империи, высшее образование, Министерство народного просвещения, Восточный институт, история Дальнего Востока, Позднеев Д. М.

Dmitry Matveevich Pozdnejev – Director of the Oriental Institute

O. P. Elantseva

On the basis of remaining unique archive documents – telegrams and letters by Dmitry Matveevich Pozdnejev, the second Director of the Oriental Institute (the period of 1904–1906) – this article reveals a most complex period in the history of the first higher educational institution in the far East. It shows the role of D. M. Pozdnejev in the fulfillment of the state mission.

Keywords: Russian Empire state policy, higher education, Ministry of national education, the Eastern Institute, history of the Far East, Pozdnejev D. M.

В нынешнем году исполняется 115 лет со дня основания Восточного института во Владивостоке. Различные страницы его истории нашли отражение в ряде работ. Некоторые из публикаций раскрывают деятельность директоров института – (1899–1903) Алексея Матвеевича Позднеева и (1906–1917) Аполлинария Васильевича Рудакова.

Однако в имеющейся литературе, например, в изданиях начала XX в.²⁷¹, директорство Дмитрия Матвеевича Позднеева занимает весьма скромное место. В интересной статье Ю. Д. Михайловой «"Познать Японию чрезвычайно сложно" – Дмитрий Позднеев о Японии и русско-японских отношениях»²⁷² этому вопросу отведено лишь несколько строк: «Летом 1904 г., – замечает автор, – Дм. Позднеев сменил брата на посту директора Восточного Института... 31 октября 1905 г. Позднеев отбыл в командировку в Японию, но вскоре подал прошение об отставке»²⁷³.

²⁷¹ См.: Ученая и литературная деятельность Д. М. Позднеева // Материалы по истории факультета восточных языков. Т. III. Пг., 1914. С. 4. Отд. отт.

²⁷² Михайлова Ю. Д. «Познать Японию чрезвычайно сложно» – Дмитрий Позднеев о Японии и русско-японских отношениях // Известия Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. 2010. № 16. С. 26–41.

²⁷³ Там же. С. 28.

Цель данной статьи – попытаться, с одной стороны, восполнить имеющийся пробел в освещении темы «Д. М. Позднеев – директор Восточного института», а с другой стороны, внести уточнения в некоторые уже опубликованные сюжеты. Так, в материале «Из истории отечественного востоковедения. Неизвестные страницы биографии профессора Д. М. Позднеева»²⁷⁴ во вступительной статье В. Н. Усова утверждается, что «за год работы директором Института он [Д. М. Позднеев] многое сделал для улучшения учебного процесса и подготовки специалистов»²⁷⁵. Насколько такое утверждение соответствует историческим фактам – речь пойдет ниже.

В книге «Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899–1999»²⁷⁶ приведен интересующий нас отрезок истории Восточного института, когда им руководил Д. М. Позднеев. Но и здесь не обошлось без казусов: «22 февраля 1905 г. японская эскадра, – пишут авторы, – произвела первую бомбардировку крепости Владивосток. После этого студенты если и являлись в институт в течение следующей недели, то большей частью для того, чтобы обменяться впечатлениями и вновь удалиться»²⁷⁷. Однако известно, что в это время институт отсутствовал во Владивостоке: месяцем ранее его эвакуировали в Забайкалье.

На других страницах этого же издания читаем: «... 23 октября 1905 г. [Восточный] институт вернулся во Владивосток. С ним уже не было Д. М. Позднеева, взявшего четырехмесячный отпуск и уехавшего в Японию»²⁷⁸. На самом деле, и это подтверждают многочисленные документы, Дмитрий Матвеевич вернулся во Владивосток, телеграммой уведомил Министерство народного просвещения о прибытии Института из эвакуации; в первых числах ноября 1905 г.²⁷⁹ он уехал в Японию.

В биографической информации «Позднеев Дмитрий Матвеевич (1865–1937)», помещенной в книге «Профессора Дальневосточного государственного университета»²⁸⁰, дается совсем сумбурное: «... по завершении следствия по делу о волнениях студентов Восточного института в Верхнеудинске и до возвращения института во Владивосток Д. М. Позднеев «взял 4-месячный отпуск и уехал в Японию, там неожиданно серьезно заболел. Болезнь помешала вовремя вернуться во Владивосток, в связи с чем Д. М. Позднеев обратился к министру народного просвещения с прошением об отставке»²⁸¹.

В основу предлагаемой статьи положены практически не использованные ранее в научном обороте (за исключением отдельных штрихов) сохранившиеся уни-

²⁷⁴ Из истории отечественного востоковедения. Неизвестные страницы биографии профессора Д. М. Позднеева // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2005. № 10. С. 102–117.

²⁷⁵ Там же. С. 103.

²⁷⁶ Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899–1999. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. 704 с.

²⁷⁷ Там же. С. 38.

²⁷⁸ Там же. С. 41.

²⁷⁹ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ, г. Владивосток). Ф. 226. Оп. 1. Д. 599. Л. 23 и др.

²⁸⁰ Профессора Дальневосточного государственного университета. История и современность. 1899–2008 / С. М. Дударенок, Э. В. Ермакова, Е. А. Поправко, И. К. Капран [и др.]. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. 584 с.

²⁸¹ Там же. С. 400.

кальные документы личного происхождения – телеграммы и письма Д. М. Позднеева брату – А. М. Позднееву, жене Любови Яковлевне, другим родственникам, документы переписки с Восточным институтом и Министерством народного просвещения (МНП). По нашему мнению, такие документы позволят показать директорство Д. М. Позднеева глазами нашего героя.

Пожалуй, впервые Дмитрий Матвеевич Позднеев как вероятный претендент на должность руководителя Восточного института упоминался в середине 1903 г. в деловых бумагах А. М. Позднеева, направленных в МНП. Его фамилия шла в ряду с П. С. Поповым и А. В. Рудаковым²⁸², при этом приоритет все же отдавался А. В. Рудакову. Во второй половине 1903 г. ситуация изменилась. МНП «в видах пользы службы» признало необходимым назначить А. М. Позднеева членом Совета министра народного просвещения, сверх штата; в ноябре вышел именнейшей высочайший указ²⁸³, Алексей Матвеевич, оставив службу во Владивостоке, выехал в Санкт-Петербург.

В конце 1903 г. Д. М. Позднеев получил конфиденциальную информацию от товарища [помощника] министра народного просвещения: «Милостивый государь Дмитрий Матвеевич! В Восточном институте во Владивостоке вакантная должность директора института. Озабочиваясь замещением таковой, ... министр изволил остановить свой выбор на Вас... согласны ли Вы быть назначенным на [эту] должность[?]»²⁸⁴.

Д. М. Позднеев не отказался. Как видно из телеграммы, датированной маем 1904 г., он не только приносил «почтительнейшую благодарность», но и ходатайствовал о разрешении «раньше вступления в должность директора Восточного института приехать в Петербург для получения инструкций Министерства народного просвещения»²⁸⁵.

Полугодовой диалог Министерства с Д. М. Позднеевым логически завершился 5 июня 1904 г., с выходом именнейшей высочайшей указа Правительствующему Сенату: «Чиновнику особых поручений Министерства финансов VI класса, надворному советнику Позднееву – Всемилоостивейше повелеваем быть директором Восточного института»²⁸⁶. Итак, от идеи назначить на директорский пост Д. М. Позднеева до ее воплощения прошел, без малого, год. Срок немалый.

В контексте наших рассуждений несомненный интерес представляют тексты телеграмм, которыми в связи с данным событием обменялись Восточный институт и Д. М. Позднеев. 10 июня 1904 г. из Владивостока в Пекин за подписью и.д. директора Евгения Генриховича Спальвина ушла телеграмма следующего содержания: «Восточный институт, приветствуя Вас [с] назначением [в] должности

²⁸² Более подробно см.: Еланцева О. П. «Совершенно новое учреждение и неизведанное дело»: к истории становления Восточного института во Владивостоке // Гуманитарный вектор. 2011. № 2 (30). С. 140–141.

²⁸³ Российский государственный исторический архив (РГИА, г. Санкт-Петербург). Ф. 565. Оп. 8. Д. 30338. Л. 3.

²⁸⁴ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ, г. Санкт-Петербург). Ф. 590. Д. 114. Л. 266.

²⁸⁵ Там же. Л. 385.

²⁸⁶ Журнал Министерства народного просвещения. 1904. Июль, ч. CCCLIV. С. 3.

своего начальника, шлет искреннее выражение пожелания совместной плодотворной деятельности [в] области дальнейшего развития благих начал институтской жизни, положенных энергией незабвенного Вашего брата»²⁸⁷. Таким образом, в телеграмме четко фиксировалось признание достижений молодого вуза, выражалась заинтересованность в коллективной работе, забота не о ломке, а о развитии и совершенствовании тех начал, которые уже были выработаны Институтом под руководством А. М. Позднеева.

На следующий день из Пекина поступил ответ Е. Г. Спальвину: «Мне доселе неизвестно [о] Высочайшем указе, – писал Дмитрий Матвеевич, – хотя вопрос назначения решен. Приношу Вам, Восточному институту искреннюю благодарность [за] телеграмму, пожелания. Счастлив работать [с] персоналом, уже положившим много сил, энергии для создания [института], добившимся столь блестящих результатов. Благодарю за доброе упоминание брата, имя которого навсегда сохранит почетное место [в] истории института»²⁸⁸.

Обратим внимание, что новый директор «счастлив работать» с теми, кто стоял у истоков Восточного института. Он признает, что эти люди не только положили много сил и энергии для создания института, но и получили «блестящие результаты».

В июле 1904 г. Е. Г. Спальвин, докладывая по телеграфу о служебных делах института, делает приписку, отражающую отношение профессуры вуза к Д. М. Позднееву в то время: «Пользуясь случаем, прошу Вас, милостивый государь, принять уверения [в] совершенном почтении и таковой же преданности»²⁸⁹.

Наибольший интерес вызывает телеграмма, которую Дмитрий Матвеевич отправил своему старшему брату Алексею Матвеевичу: «Отовсюду получаю поздравления, не зная, какой датой состоялось назначение. Прошу телеграфировать. Сердечно благодарю за любовь, заботы. Прошу по-прежнему быть вторым отцом, не оставлять указаниями опыта, братской любви. Хотел бы быть твоим достойным преемником, но сомневаюсь [в] своих силах...»²⁹⁰.

Текст телеграммы познавателен не только с точки зрения того, что Д. М. Позднеев, получив должность директора Восточного института, как и прежде, очень рассчитывал на помощь и содействие А. М. Позднеева, работавшего уже в высшем управленческом аппарате МНП. Чрезвычайно важны, на наш взгляд, обоснованные сомнения Дмитрия Матвеевича, сможет ли он быть достойным преемником своего брата на ответственном посту. Могло не хватить сил и опыта.

Внимательное прочтение справок, входящих и исходящих телеграмм Восточного института, Приамурского генерал-губернатора, Министерства народного просвещения позволяет утверждать, что Дмитрий Матвеевич Позднеев официально возглавлял институт без нескольких дней 27 месяцев (с 5 июня 1904 г. по 1 сентября 1906 г.).

По нашим подсчетам, на активную директорскую службу Д. М. Позднеева пришла только треть этого срока, другую треть заняли его отпуска. Поясним данное обстоятельство. Д. М. Позднеев появился во Владивосток ровно через полгода

²⁸⁷ РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 627. Л. 3.

²⁸⁸ Там же. Л. 4, 5.

²⁸⁹ Там же. Л. 75.

²⁹⁰ ОР РНБ. Ф. 590. Д. 116. Л. 8.

после своего официального назначения на директорский пост – 5 декабря 1904 г. За это время он побывал в Санкт-Петербурге, в Министерстве народного просвещения, а затем, с началом занятий в Институте, поспешил «в частный отпуск за границу»²⁹¹, а при проезде к месту службы Д. М. Позднеев совершил путешествие через Монголию, на Калган, Саир-усу и Ургу²⁹².

Уже в мае следующего года Дмитрий Матвеевич выхлопотал (по причине серьезной болезни жены) двухмесячный заграничный отпуск, а в начале ноября 1905 г. отбыл из Владивостока в четырехмесячный отпуск в Японию; по его окончании, вплоть до мая 1906 г., «был задержан болезнью» в той же стране, а с мая по 1 сентября этого же года Министерство народного просвещения продлило пребывание Д. М. Позднеева в Японии, предоставив ему очередную зарубежную командировку.

Если же к данному перечислению добавить нахождение Д. М. Позднеева вне стен института (в том числе в столице России) с 15 июля по 27 августа 1905 г., то срок его руководства вузом на месте уменьшится еще почти на полтора месяца.

В целом, краткий период директорства Д. М. Позднеева стал для учебного заведения «чрезвычайно тяжелым и характеризовался беспримерным стечением целого ряда неблагоприятных условий и обстоятельств, заставивший институт истинно бедствовать»²⁹³.

Служба Дмитрия Матвеевича Позднеева на новом месте начиналась под радужными впечатлениями от неповторимого ландшафта военно-морской крепости, богатой природы и не менее прекрасной погоды: «Во Владивостоке тепло как в Пекине, редко возьмет мороз за уши, вообще же днем щеголять можно хоть куда»; «Владивосток почти без снега, но масса солнца, как в Пекине, только окрестности здесь гораздо лучше, а потому глаз сравнительно отдыхает от привычных стен и узкого горизонта». Все это подтверждало надежды Д. М. Позднеева «пробыть во Владивостоке долго», а посему купить здесь усадьбу²⁹⁴.

В письмах из Приморья Дмитрий Матвеевич сообщал жене: «Обживаюсь в своем углу помаленьку. Перетаскиваем кое-что от Булгаковых²⁹⁵, но нужно будет и многое покупать», «... В смысле домашней жизни устроился я довольно сносно. У меня вестовой от Института и девочка лет 16 за горничную, боев совсем нет. Стол беру у Морского собрания. Взял было повара, но он мне в неделю вогнал то же, что теперь стоит месяц. Плачу за обед и ужин себе и прислуге 53 рубля в месяц, хлопот никаких, в кухне запаха нет, и китайца с его поварскими замашками также нет. Горничная стирает, но крахмальное гладить во всем Владивостоке некому, и что буду делать, когда поношу свое бумажное белье, взятое мною как запас на дорогу, я не знаю»²⁹⁶. Как видим, обычные хлопоты и заботы, связанные с обустройством человека на новом месте.

Однако нельзя не заметить, что в первый месяц жизни во Владивостоке нового руководителя Восточного института особенно волновала формальная, внешняя сторона деятельности – знакомство и налаживание контактов с нужными людьми. «Делаю визиты, чтобы сразу не нажить себе недругов, – пишет Д. М. Позднеев жене. – Уже сделал 50, а еще около 20 осталось, и всякий день приносит какое-либо новое посещение или соображение, что нужно быть там или там»²⁹⁷.

На фоне опыта работы в пекинском отделении Русско-Китайского банка стиль жизни и характер работы в Восточном институте кажутся Д. М. Позднееву простыми: «Все мелко и легко» по сравнению с теми проделками и затруднениями, «которые всех выводили и выводят из себя» в Пекине; они «малы и смешны сравнительно с теми преступлениями, с которыми нам приходилось иметь дело, ... они только меня потешают»²⁹⁸. Обратим внимание на квинтэссенцию рассуждений Д. М. Позднеева, а именно – он не понимает, не видит, не желает видеть сложностей и трудностей управления Восточным институтом.

Вместе с тем, по оценке Дмитрия Матвеевича, в институте «и тени порядка не имеется. Ни каталогов, ни описи имущества, ни правил для студентов, ничего и никакой определенности. Деньги молодые директора²⁹⁹ в свое управление все по-растратили и теперь приходится сразу приниматься за скопидомство и экономничанье. Все это, однако, не очень меня волнует, как-то уже обстрелялся я, и считаю промахи в жизни совершенно нормальными»³⁰⁰.

И даже через 3,5 месяца непосредственной работы на месте в качестве директора, когда уже многое можно было отладить, Дмитрий Матвеевич жалуется Алексею Матвеевичу: «С первого же дня, когда я начал знакомиться с делами [Института], я нашел их в невозможном беспорядке. ... В канцелярии нельзя было добиться никакого толку. Описей не было. Архив был разбросан и перепутан. Банковские счета и денежные дела находились совершенно в хаотическом состоянии, и мне стоило очень большого труда уяснить себе весь ход дела. Я решил, однако, распутаться со всем... взяв дела в свои руки сразу, приводить все в порядок»³⁰¹.

Из писем узнаем и избранную Дмитрием Матвеевичем форму организационной работы – заседания «для разрешения целой кучи дел, которые в ожидании приезда нового директора лежали целыми годами или, по крайней мере, месяцами»³⁰².

Нарисованная Дмитрием Матвеевичем картина расходится с декабрьской (1904) информацией, отправленной им в Министерство народного просвещения: «... вступил [в] управление институтом, *нашел все [в] полном порядке* (здесь и далее выделено нами – О. Е.)»³⁰³.

²⁹⁷ ОР РНБ. Ф. 590. Д. 114. Л. 413.

²⁹⁸ Там же.

²⁹⁹ Имеются в виду Е. Г. Спальвин, А. В. Рудаков и другие профессора Восточного института, которые более года исполняли должность директора вуза.

³⁰⁰ Там же. Л. 416–417.

³⁰¹ Там же. Л. 448.

³⁰² Там же. Л. 413.

³⁰³ РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 627. Л. 8.

²⁹¹ РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 599. Л. 19.

²⁹² См.: Ученая и литературная деятельность Д. М. Позднеева. С. 4.

²⁹³ Отчет о состоянии и деятельности Восточного института за 1905 год // Известия Восточного института. Т. XV. Приложение. Владивосток, 1907. С. 127.

²⁹⁴ ОР РНБ. Ф. 590. Д. 114. Л. 400.

²⁹⁵ Булгаковы являлись родственниками Позднеевых.

²⁹⁶ ОР РНБ. Ф. 590. Д. 114. Лл. 413, 419, 420.

И все же у директора Восточного института дел много, так много, что у него не остается «ни одной секунды свободной», хотя приемные часы «строго урегулированы» и заканчивались в два часа дня. «Конечно, – замечал Д. М. Позднеев, – это сначала, потом будет правильнее, когда все приведет к своему знаменателю»³⁰⁴.

Цитируемые отрывки интересны расставленными в них акцентами. Во-первых, в отличие от июньских и декабрьских (1904) депеш Д. М. Позднеев убеждает своих адресатов в том, что он получил институт в плохом состоянии. В письме Алексею Матвеевичу (22 марта 1905 г.) он называет возглавляемый вуз не нашим, не моим, а «твоим детищем», перекладывая тем самым на брата всю вину за явные и мнимые недостатки в деятельности Восточного института.

Во-вторых, в суждениях Д. М. Позднеева практически отсутствует главное в работе вуза – учебный процесс. Пожалуй, исключение составили некоторые, весьма показательные оговорки, например, в декабре 1904 г.: «Посмотрим, как пойдет самое дело учения и лекций, а пока все идет гладко», то есть надо понимать, что у Дмитрия Матвеевича нет претензий к ходу и сути учебного процесса, все отлажено, все работает.

Другое замечание сделано в январе 1905 г.: «Нужно разрабатывать курс, а у меня нет ни минуты свободной, что я буду читать – положительно не знаю. Одна надежда, что кривой и вывезет»³⁰⁵. Итак, подготовленного институтского курса у Дмитрия Матвеевича нет, с чем выходить за кафедру – неизвестно, а это уже неотъемлемая часть приближающейся профессиональной катастрофы.

В-третьих, бросается в глаза стремление Д. М. Позднеева все привести «к своему знаменателю», к своей точке зрения, к своим взглядам. Такой подход с каждым разом будет проявляться все отчетливее. Так, в январе 1905 г. Дмитрий Матвеевич, не советуясь с Конференцией Восточного института, не учитывая комплекса обстоятельств, «под секретом»³⁰⁶ инициировал срочную эвакуацию вуза из Владивостока в Забайкалье, в Верхнеудинск.

Годом раньше, с началом русско-японской войны, вероятность эвакуации института рассматривалась и на уровне Министерства народного просвещения, и на уровне штаба Приамурского военного округа, Приамурского генерал-губернатора. В обсуждениях, проходивших летом 1904 г. в Хабаровске с участием исполняющего должность директора института Е. Г. Спальвина, переезд вуза был признан нецелесообразным. Более того, предполагалось, что «в случае надобности воспитанники института, наравне с прочими жителями Владивостока, будут назначены в ряды защитников крепости с зачислением их на казенное довольствие»³⁰⁷.

Дмитрий Матвеевич Позднеев решил по-другому, по-своему. Зная о предстоящей обязательной встрече-представлении Приамурскому генерал-губернатору, директор заготовил специальный доклад, главной идеей которого являлась эвакуация Восточного института. Вполне возможно, что в таком подходе сказывалось не только стремление чем-то выделиться, отличиться, но и опыт, психологические послед-

ствия пережитого им «Пекинского сиденья»³⁰⁸. «Сегодня приехал сюда [во Владивосток] генерал-губернатор Андреев, – сообщил Д. М. Позднеев в очередном письме Любови Яковлевне. – Мы представились ему на улице у губернаторского дома.

В воздухе уже носится веяние о необходимости нашего выселения, что очень благоприятно для успеха нашего доклада, то есть моего, который состоится на днях». Чуть ниже подчеркнуто: «Говорят, что генерал разумный и не самодур. Это было бы очень хорошо, так как с самодурами вести дело уж очень трудно»³⁰⁹.

Доклад Д. М. Позднеева состоялся. Резолюция генерала М. С. Андреева гласила: «Считаю необходимым, не теряя времени, перевести Восточный институт в Верхнеудинск»³¹⁰. Тут же даны конкретные указания окружному инспектору народных училищ Приамурского края В. П. Маргаритову; директору Восточного института следовало 8 января 1905 г. «доложить план и соображения по переезду, дабы назначить поезд».

Вот как Дмитрий Матвеевич рассказывает брату Алексею Матвеевичу о прошедшей аудиенции: «По приезде во Владивосток мне не пришлось проехать в Хабаровск, так как генерал Андреев в скором времени приехал к нам.

Мой доклад о переводе Института произвел на него очень большое впечатление, и сразу, кажется, и расположил его ко мне. Он жал мне руку и приказал особо хранить доклад, как документ особой важности.

После этого почти все мои представления проходили без всяких изменений, хотя Андреев вообще склонен к крутым и серьезным мерам. И в смысле решительности и быстроты действий он мне много напоминает [С. Ю.] Витте. С ним можно было бы служить хорошо. Нет ни дряблости, ни полумер. Это же всегда лучше канители и возни»³¹¹. Кстати, к моменту написания данного письма (22 марта 1905 г.) генерал М. С. Андреев имел уже далеко не лестное представление о директоре Д. М. Позднееве.

Более колоритно и подробно встречу с начальником Приамурского края Дмитрий Матвеевич рисует в письме жене³¹², начиная его словами «Дорогая моя Коточка. Опять могу похвастаться успехом и опять я попал в первые ученики. Вчера утверждён мой доклад о перемещении Института в Верхнеудинск.

Генерал Андреев, до тех пор меня ни разу не видевший, так прочувствовался, что вскочил, пожал мне руку, сказал, что мой доклад патриотический, что он открыл ему совершенно новые горизонты, и что он меня очень, очень за него благодарит. Тут же он сел и написал на докладе такую резолюцию: «Считаю необходимым, не теряя времени, перевести Восточный институт в Верхнеудинск».

Из приведенного сюжета хорошо видна карьерная направленность Дмитрия Матвеевича Позднеева. Безусловно, он был приучен быть первым, прежде все-

³⁰⁸ См.: Позднеев Д. 56 дней Пекинского сиденья, в связи с ближайшими к нему событиями пекинской жизни (Рассказ очевидца). Владивосток: Паровая типо-литография Т-ва Сущинский и Ко, 1903. 217 с.

³⁰⁹ ОР РНБ. Ф. 590. Д. 114. Лл. 420, 421.

³¹⁰ РИГА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 122. Л. 14.

³¹¹ ОР РНБ. Ф. 590. Д. 114. Л. 453.

³¹² Там же. Лл. 423, 424.

³⁰⁴ ОР РНБ. Ф. 590. Д. 114. Лл. 416, 417.

³⁰⁵ Там же. Лл. 413, 419, 420.

³⁰⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Д. 279. Л. 9–10.

³⁰⁷ Владивосток. 1904. 30 июля.

го учась в Петербургском университете; на него неотразимо действовало обаяние власти, знаки внимания и.д. Приамурского генерал-губернатора.

Черты характера, принципиальные жизненные установки директора Восточного института Д. М. Позднеева хорошо читаются в дальнейших строках цитируемого письма: «Вопрос таким образом решен, и теперь у меня идет укладка на всех парах и по всему Институту.

Но здесь ведь не Пекин. Мой доклад вызвал уже сильнейшую оппозицию, все владивостокцы возмущены, что я лишаю их Института и студентов. Студенты недовольны, почему [едем] не в Иркутск или Москву. Военные недовольны, почему я лишил их защитников крепости. Словом, борьба кипит на всех парах, а мне то и в сласть... и нет никакой необходимости обращать внимание на дураков».

Итак, несмотря на недовольство военного и гражданского населения крепости и, особо подчеркнем, студентов и преподавателей руководимого вуза, Д. М. Позднеев испытывает «сласть» и считает всех несогласных с ним – дураками.

Но еще большей опрометчивостью в суждениях, самонадеянностью и амбициозностью веет от заключительной части письма, в которой Дмитрий Матвеевич осуждает мнение своего брата, более четырех лет прослужившего во Владивостоке и прекрасно знавшего ситуацию и предвидевшего негативные последствия эвакуации института. «Ты хорошо понимаешь, – обращается Д. М. Позднеев к жене, – что я не могу быть особенно спокоен, ... хлопот у меня теперь не мало. Я, однако, здоров, бодр и счастлив, что сделал по своему убеждению хорошее дело, разбив ранее существовавшую глупейшую теорию Алексея Матвеевича, что нужно непременно оставаться во Владивостоке. Второй раз уже судьба заставляет меня разбивать его теории». Такой вывод – в контексте отмеченной выше просьбы к А. М. Позднееву «быть вторым отцом, не оставлять указаниями опыта» – нельзя не расценить как расхождение между словом и делом.

Позволим себе дать несколько штрихов реализации *хорошего* и, как подчеркивал Дмитрий Матвеевич, своего *главного дела* – переезд института. В соответствии с требованием генерал-губернатора Дмитрий Матвеевич подготовил документ, который не только содержал до десятка мероприятий, связанных с эвакуацией вуза, но предполагал выражение позиции начальника края по каждому из них.

Пометы, сделанные на полях документа рукой М. С. Андреева, позволяют понять, с чем он был согласен, а с чем нет. Так, Андреев поддержал директора в вопросе о прекращении лекций в институте с тем, чтобы студенты успели подготовиться к отъезду; согласился и в вопросе складирования оставляемого имущества профессоров, преподавателей, служащих и студентов в здании Восточного института.

В специальном пункте докладной записки Д. М. Позднеев, по сути дела, инициировал закрытие интерната Восточного института. Ссылаясь на отсутствие приспособленного помещения для интерната в Верхнеудинске, он подчеркивал, что «продолжить эту организацию будет невозможно» и «испрашивал разрешения временно, до возвращения во Владивосток, закрыть интернат и выдавать студентам причитающиеся им казенные стипендии на руки, предоставив им самим заботу в Верхнеудинске о приискании для себя помещения и стола». На полях против этого пункта –

помета «Разрешаю». Весьма показательно, что данной инициативе и решению по ней не предшествовали даже малейшие усилия по поиску подходящих помещений для интерната на новом месте. Попутно, для сравнения, заметим: первое, что сделал Д. М. Позднеев, узнав о санкции на переезд Восточного института – немедленно телеграфировал в Верхнеудинск, чтобы там ему «отыскали квартиру».

А вот напротив другого предложения Д. М. Позднеева М. С. Андреев написал «Отклоняю». Генерал считал невозможным позволить «недостаточным [бедным] студентам подавать заявления на имя директора Восточного института о необходимых для них пособиях по случаю переезда³¹³. И в этом пункте также усматривается неумение или нежелание директора вуза отстоять интересы своих студентов. Он не привел ни одного аргумента в пользу выдачи пособий. Между тем директору, как никому другому должно было быть известным, что основная часть студентов Восточного института жила очень бедно, перебиваясь дополнительными заработками, получаемыми от уроков, переписки бумаг, пения в церковном хоре и т.д.

Не менее значимо, каким образом директор доложил коллегам вопрос об эвакуации института. Информацию об этом дают протоколы двух заседаний Конференции Восточного института – от 7 и от 22 января 1905 г. И в том и в другом случае на заседании председательствовал Д. М. Позднеев; присутствовали инспектор Г. В. Подставин, профессора А. В. Рудаков и П. П. Шмидт, и.д. профессоров Н. В. Кюннер, Е. Г. Спальвин и Н. П. Таберо, преподаватели Н. Н. Дмитриев и Н. И. Кохановский, лекторы Я. И. Бойль, П. С. Такеля и секретарь конференции Г. Ц. Цыбиков.

7 января вторым вопросом повестки дня шло интересующее нас заявление Д. М. Позднеева³¹⁴. Его суть была сформулирована кратко: *согласно предложению Приамурского генерал-губернатора, Восточный институт имеет быть в самом непродолжительном времени переведен в г. Верхнеудинск*; директору института предложено 8 января представить «план и соображения по переезду, дабы назначить поезд». Обратим внимание на временной фактор. После встречи с генерал-губернатором прошло два дня, до подачи требуемого плана остались буквально часы. Судя по содержанию протокола, Конференция Восточного института никаких предложений не вносила да и могла ли, не обдумав, внести в ходе заседания. Ее решение было таким: «Принять к сведению и способствовать всеми мерами наилучшей организации переезда».

Можно предположить, что дело не ограничилось принятием информации к сведению, а разгорелось острое обсуждение. Об этом говорят, с одной стороны, указания профессуры на практику внесения произвольных изменений в протоколы Конференции, а с другой стороны, протокол от 22 января 1905 г., когда слушалось подробное, восьмистраничное заявление директора о сделанном им докладе Приамурскому генерал-губернатору о необходимости перевода Восточного института из Владивостока в какой-либо другой пункт³¹⁵. По логике принятия управленческих решений директору Д. М. Позднееву следовало, если и ставить вопрос об эвакуации

³¹³ РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1 Д. 122. Лл. 21, 22.

³¹⁴ Известия Восточного института. Т. XV. Приложение. Владивосток, 1907. С. 81.

³¹⁵ Там же. С. 89–97.

института, то прежде посоветоваться с коллегами, которые работали в городе и вузе не первый год, обсудить все аргументы за и против переезда, и лишь затем включать их в доклад начальнику края. Иными словами, предложение, инициатива о переводе учебного заведения исходила не от генерал-губернатора М. С. Андреева, как это пытался показать Д. М. Позднеев, а от директора Восточного института.

Подобным же образом Дмитрий Матвеевич преподнес в Институте новость о ликвидации интерната, используя для этого лишь уже не заседание, а форму объявлений по регламентации переезда. Так, в объявлении № 4 от 21 января 1905 г. указывалось: «За отсутствием в Верхнеудинске помещения, приспособленного для устройства студенческого интерната, существующий ныне для казенных стипендиатов интернат при Восточном институте, согласно предложению... Приамурского генерал-губернатора, будет закрыт, и причитающиеся студентам стипендиальные суммы будут, по прибытии в Верхнеудинск, в определенных Правлением [Восточного института] размерах, выдаваться на руки, с тем, чтобы стипендиаты сами озаботились в Верхнеудинске приисканием себе помещения и стола»³¹⁶.

Студенты должны были «сами озаботиться доставкой багажа» в товарный поезд, предназначенный для эвакуации института, «так как институт, – гласило объявление, – на своих подводах, кроме вещей интернов, иного имущества перевезти не может».

Такой управленческий прием – заручиться решением вышестоящего начальства по сложным вопросам, а затем «ссылаться на авторитет», директор Д. М. Позднеев использовал часто, в том числе решая кадровые и организационные вопросы. Это позволяло ему не брать на себя ответственность за непопулярные меры или, по русской поговорке, «чужими руками жар загребать».

Путь от Владивостока до Верхнеудинска предстоял долгий, он пролегал через территорию соседнего государства, где шла война. Нужно было решить проблему пропитания людей. Вот что объявлял директор Д. М. Позднеев по этому поводу: «Бесплатное продовольствие в пути может быть предоставляемо только на продовольственных пунктах, в прочих же местах остановок поезда студенты и слушатели института должны будут довольствоваться на собственные средства и своими заботами». Таким образом, директор нашел самый необременительный для себя вариант и в данном вопросе. Попутно отметим, что студенты нелегко перенесли почти двенадцатидневный переезд института и по причине суровой погоды, и из-за нехватки продовольствия, и из-за неопределенного будущего.

Сохранившаяся переписка Дмитрия Матвеевича со своими родственниками позволяет установить трагедию, которая постигла Восточный институт в эвакуации и сказывалась еще в течение нескольких лет позднее. Она не пощадила ни студентов, ни профессорско-преподавательский состав, ни самого директора.

Неслучайно весной 1905 г. в Верхнеудинске Д. М. Позднеев задается вопросом: «Хорошо ли я сделал, променяв 20000 р. и беспечальное пекинское место на ... положение директора, но что сделано, то сделано»³¹⁷.

К этой же мысли он возвращается и позже в письме к С. Ю. Витте, сожалея, что не прислушался к мнению министра финансов, «поменял содержание в 20000 р. на 7000 р., сравнительно спокойную жизнь в Пекине на бурную работу в Восточном институте»³¹⁸. Таким образом, лишь со временем Дмитрий Матвеевич начинает познавать и понимать многотрудность директорской должности.

В течение 1904–1905 гг. разладились внутри институтские связи. Во Владивостоке Д. М. Позднеев, выстраивая отношения со студентами, по его собственному выражению, не искал «ничего особенного», да и со студентами были «пока лады», хотя случалось всякое. Из письма жене в начале января 1905 г. узнаем в целом о благополучии в институте, «только двое подрались, четверо пьяны, семеро больны, да один в участке. Это уже в порядке вещей и за серьезное не считается.

Плывя за Владивостоком, погрязшем в пьянстве и разгуле, студенты, конечно, не уступают никому и за последние дни на праздниках они разошлись особенно. Трех даже в тюрьму засадили, двоих за то, что с пьяных глаз закричали, чтобы им играли японский гимн, а третьего, так как не встал, когда играли наш гимн.

Напрасно было бы, однако, искать какие-либо политические подкладки: первые двое не помнили, что кричали, а второй физически не мог подняться и можно было быть столь же пьяным морякам-офицерам, чтобы составить об этом протокол. На этой же почве, однако, обостряются отношения с моряками и наш концерт по этой причине отложен»³¹⁹.

В Верхнеудинске доведенные до отчаяния студенты предъявили руководителю института резолюцию³²⁰. Последовавшую незамедлительную директорскую реакцию профессора и преподавателя П. П. Шмидт, Е. Г. Спальвин, Н. И. Кохановский, Я. И. Бойль, Н. Н. Дмитриев и другие разделили на две составные части: одна из них была направлена на то, чтобы выжить из института известную часть студентов, а вторая – «побудить различными услугами или давлением к преданности себе других, чтобы потом, опираясь на безгласную часть студенчества и на особый контингент слушателей, стоящих вне академической жизни, командируемых в институт начальством для слушания лекций офицеров, благополучно царить в умиротворенном институте»³²¹. Активное проведение директором института по отношению к студентам принципа «разделяй и властвуй» не имело успеха. Даже наоборот. Вся эта деятельность в сентябре 1905 г. была совершенно неожиданно пресечена разразившимся самосудом бывших студентов над Д. М. Позднеевым.

Весной 1905 г. Дмитрий Матвеевич пишет своей сестре Софье Матвеевне Булгаковой и ее мужу Петру буквально следующее³²²: «Обстоятельства и жизнь моя все время не давали мне никакой физической возможности сосредоточиться, самому себе дать отчет о происходящем и изложить обстоятельно то, над чем я давно уже думаю.

³¹⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Д. 279. Л. 71–72.

³¹⁹ ОР РНБ. Ф. 590. Д. 114. Л. 419–420.

³²⁰ Подробнее см.: Еланцева О. П. Восточный институт в Верхнеудинске: страницы краткого пребывания // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. «История». 2013. № 7. С. 29–35.

³²¹ РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 599. Л. 28.

³²² ОР РНБ. Ф. 590. Д. 114. Лл. 433, 434 и др.

³¹⁶ РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 122. Л. 80.

³¹⁷ ОР РНБ. Ф. 590. Д. 114. Л. 437.

Теперь время не более подходящее: из газет вы уже знаете, что вокруг меня грохочет буря, что *Институт закрыт, студенты волнуются и задались целью сломить мне голову или, по крайней мере, привести меня в свою веру. Студенты все [59 чел.] исключены* и наряжено следствие. Но я иду по твердой и прямой дороге, и чем сильнее грохочет эта буря, тем я становлюсь спокойнее и стараюсь по возможности парировать наносимые удары; посмотрим, чья возьмет: *или я буду управлять тем Институтом, каким я хочу его видеть, или не буду управлять им вовсе*».

И далее – мысль о том, что в сложившейся ситуации Д. М. Позднееву «приходится нести на себе ответственность за борьбу со студентами брата. Остатки прежней шайки собрали теперь свои силы на новой почве и хотят сломить меня... Описывать все перипетии этой моей первой общественной и парламентской борьбы я не буду, скажу только одно: *до сих пор делают все так, как я хочу и веду дело*».

Директор надеялся со студентами справиться, хотя не исключал, что «быть может, борьба и будет долгая». Печальный для руководителя финал зафиксирован в его телеграмме (сентябрь 1905 г.), адресованной начальнику канцелярии министра финансов А. И. Путилову. Дмитрий Матвеевич признался: «Происшедшие тяжелые недоразумения [со] студентами делают для меня пребывание [в] институте чрезвычайно затруднительным». Весьма показательно, что события в Восточном институте оцениваются директором как *недоразумение*, пусть и тяжелое, но не как катастрофа, как трагедия, боль. И в этой же телеграмме – не беспокойство о незаконно исключенных из института полгода назад 59 студентах, а забота о себе: «Совершенно частным образом прошу Вас по старой дружбе сообщить, не могу ли опять быть полезным Министерству финансов»³²³.

На наш взгляд, важно еще одно замечание директора Восточного института в его февральском письме Булгаковым: «Гораздо труднее и долгие будет борьба с профессорами, а она также неминуема для правильной постановки дела». Иными словами, Дмитрий Матвеевич отказался от ранее заявленного им признания успехов вуза, расценил существовавшую до него постановку дел в Восточном институте как неправильную, что неизбежно вело к нарушению спокойных, деловых отношений между ним и профессорами.

В значительной степени это могло определяться завышенной амбициозностью нового руководителя, не имеющего пока, по его собственным словам, «ни имени, ни веса в Министерстве»³²⁴, а по оценкам коллег – «ни научного авторитета, ни достаточной учебной деятельности»³²⁵. К слову, директор Восточного института не скрывал избранных им методов принятия управленческих решений. В письме к брату он подчеркивает, что не может «вести дело с Конференцией также самовластно, как вел его ты [Алексей Матвеевич], сравнительно с которым все профессора были молокососами и все твоими ставленниками. Поэтому я поставил дело несколько свободнее и эти три месяца позволял разговаривать всем... Теперь, по ходу дел, да и в серьезных обстоятельствах, я начинаю натягивать вожжи и думаю, что скоро приведу всех ко Христу»³²⁶.

Отдельные сюжеты управленческой деятельности директор раскрывает в письме к жене. 26 февраля 1905 г. он пишет: «Я обсудил вопрос сам, выработал ответ, а потом собрал свой парламент – конференцию, и после трех дней невозможной болтовни, ссор и ругани между собою ее членов, провел то, что мне было нужно. Поставил дело так, что надеюсь *сразу очистить Институт от всякого мусора во всех отношениях*»³²⁷. Опускаем многократно встречающуюся поименную нелюбезную характеристику почти каждого из своих коллег по службе в институте и страстное желание директора избавиться от них во что бы то ни стало.

В сообщении А. М. Позднееву Дмитрий Матвеевич рассуждает: «Что сказать тебе о наших беспорядках? Резолюцию ты, конечно, читал в Министерстве, а перипетии тебе должно быть известны из телеграмм. Скажу только, что немало труда мне стоило довести Конференцию до такого решения, как мы взяли. *Все наши либералы завопили о жалости и снисхождении к студентам, и конца не было бы, если бы я не сказал, что не считаю для себя возможным служить с Конференцией*, которая позволяет безнаказанно плевать себе в физиономию»³²⁸. Демонстративное заявление директора о сложении с себя полномочий возымело действие. Но столь жесткая позиция закономерно довела честолюбивого Д. М. Позднеева до краха директорской карьеры. Уже в марте 1905 г. в случае отъезда по делам ему не на кого было оставить институт: «Подставин уедет, Спальвин тоже, Рудаков также, на Шмидта – боюсь, на Таберию ни за что не оставлю. Кюннеру нужно лечиться»³²⁹.

Через год Д. М. Позднеев признается: «... *мне хотелось отдать свои силы Восточному институту, который я люблю как свое лучшее детище*», однако «должен оставить место директора Института, так как... с возведением автономии, я, не имея шансов быть выбранным в директора, должен быть отчислен из Института»³³⁰.

Ситуация в Восточном институте при Д. М. Позднееве разительно изменилась. В январе 1905 г. Д. М. Позднеев увез в Верхнеудинск до ста человек студентов, преподавателей и служащих; в октябре этого же года привез из Забайкалья крохи от Восточного института. Разные обстоятельства привели к этому. Некоторые из них хорошо видны из приведенного выше материала. В условиях русско-японской войны, российской революции Восточному институту нужен был сильный, мудрый директор. У вновь назначенного руководителя не хватало опыта и знаний, его личные интересы и амбиции явно превалировали над интересами дела. Достаточно обратиться к облегченному получению при активном содействии А. М. Позднеева заграничных командировок, прогонов и др. Это красноречивый показатель, особенно в контексте тех трудностей и препятствий, которые преодолевали Е. Г. Спальвин, А. В. Рудаков, П. П. Шмидт и другие профессора Восточного института, добиваясь предоставления законных им заграничных командировок.

Но, пожалуй, определяющее место среди обстоятельств заняла, по меткому выражению самого Дмитрия Матвеевича, его «бурная работа в Восточном инсти-

³²³ ОР РНБ. Ф. 590. Д. 114. Л. 480.

³²⁴ Там же. Л. 457

³²⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Д. 279. Л. 9.

³²⁶ ОР РНБ. Ф. 590. Д. 114. Л. 457.

³²⁷ ОР РНБ. Ф. 590. Д. 114. Л. 430.

³²⁸ Там же. Л. 457.

³²⁹ ОР РНБ. Ф. 590. Д. 114. Л. 456.

³³⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Д. 249. Л. 71–72.

туте»³³¹. Добавим: работа носила стремительный характер и часто бывала непродуманной по своим действиям, не согласованной с коллегами по Конференции Восточного института, являлась формой «бесплодной борьбы со смутами и неурядицами».

По прошествии полутора лет, в одном из писем из Токио Дмитрий Матвеевич Позднеев признавался: «Воспоминание о происшедшем в Верхнеудинске... давит тяжелым кошмаром. Слава Богу, что я выбрался из Владивостока и отделался так легко. Если бы я остался там, то конечно, по своему характеру давно был бы застрелен или взорван бомбой»³³².

По мнению Д. М. Позднеева, высказанному им в январе 1905 г., сила и значение Восточного института заключалась в подготовке молодых ориенталистов. Выполнение этой основной задачи было серьезно нарушено в период его директорства.

Список литературы

1. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ, г. Санкт-Петербург). ОР РНБ. Ф. 590. Д. 114.
2. ОР РНБ. Ф. 590. Д. 116.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА, г. Санкт-Петербург). Ф. 733. Оп. 153. Д. 249
4. РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Д. 279.
5. РГИА. Ф. 565. Оп. 8. Д. 30338.
6. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ, г. Владивосток) Ф. 226. Оп. 1. Д. 122.
7. РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 599.
8. РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 627.
9. Владивосток. – 1904. – 30 июля.
10. Из истории отечественного востоковедения. Неизвестные страницы биографии профессора Д. М. Позднеева // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2005. – № 10. – С. 102–117.
11. Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899–1999. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. – 704 с.
12. Еланцева, О. П. «Совершенно новое учреждение и неизведанное дело» : к истории становления Восточного института во Владивостоке // Гуманитарный вектор. – 2011. – № 2 (30). – С. 140–141.
13. Еланцева, О. П. Восточный институт в Верхнеудинске: страницы краткого пребывания // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. «История». – 2013. – № 7. – С. 29–35.
14. Журнал Министерства народного просвещения. – 1904. – Июль, ч. CCCLIV. – С. 3.
15. Михайлова, Ю. Д. «Познать Японию чрезвычайно сложно» – Дмитрий Позднеев о Японии и русско-японских отношениях // Известия Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. – 2010. – № 16. – С. 26–41.

³³¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Д. 279. Л. 71-об.

³³² ОР РНБ. Ф. 590. Д. 114. Л. 456.

16. Отчет о состоянии и деятельности Восточного института за 1905 год // Известия Восточного института. Т. XV. Приложение. – Владивосток, 1907. – С. 127–154.
17. Позднеев, Д. 56 дней Пекинского сиденья, в связи с ближайшими к нему событиями пекинской жизни (Рассказ очевидца) / Д. Позднеев. – Владивосток : Паровая типо-литография Т-ва Сущинский и К^о, 1903. – 217 с.
18. Профессора Дальневосточного государственного университета. История и современность. 1899–2008 / С. М. Дударенок, Э. В. Ермакова, Е. А. Поправко, И. К. Капран [и др.]. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. – 584 с.
19. Ученая и литературная деятельность Д. М. Позднеева // Материалы по истории факультета восточных языков. Т. III. – Пг., 1914. – 26 с. – Отд. отт.

Б. Пилсудский и его вклад в российское японоведение: о женском вопросе

Йокота-Мураками Такаюки

Польский революционер, этнограф и востоковед Бронислав Пилсудский несколько лет провел в ссылке на Дальнем Востоке, где он занимался этнографическим изучением малых народностей Дальнего Востока, в основном айнов. Он тесно сотрудничал с российскими востоковедами, в том числе и во Владивостоке, и можно с уверенностью утверждать, что он был членом научного сообщества Дальнего Востока России.

В данной статье предпринята попытка проанализировать две статьи Б. Пилсудского по женскому вопросу в Японии, опубликованные в польских журналах. Статьи свидетельствуют о том, что Б. Пилсудский придерживался прогрессивной феминистской политики (о чем говорит его активная поддержка программы социалистической группы *Heimin-sha*), но в то же время его взгляды на сексуальность были либерально-рационалистические, что выразилось в негативной оценке японских женщин.

Ключевые слова: Пилсудский Бронислав, Futabatei Shimei, Матвеев Николай Петрович, гейши, японские женщины, Русско-японская война, гендер, женщины, востоковедение, японоведение.

B. Pilsudski and his Contribution to Russian Japanology: On Women's Question

Yokota-Murakami Takayuki

The Polish revolutionary, ethnographer, and Japanologist, B. Pilsudski spent several years in exile in Sakhalin and in the Far East, where he was engaged in the ethnographical study of Far Eastern Asian minorities (esp. Ainu). He was in close collaboration with the Russian Orientalists in Vladivostok and it can be safely be said that he was a member of scholarly community of the Far Eastern Russia.

This paper attempts to analyze closely the two articles by Pilsudski, published in Polish journals, addressing the issues of women's problem. The articles witness Pilsudski's progressive feminist politics (attested to in his ardent support of the program of the socialist group, Heiminsha), but at the same time his liberal-rationalist, Enlightenment view on sexuality, revealed in his negative evaluation of Japanese *musume*.

Keywords: Bronislaw Pilsudski, Futabatei Shimei, Matveev Nikolai, musume, Geisha, Russo-Japanese war, gender, japanology

Бронислав Пилсудский (1866–1918) – один из выдающихся японоведов дальневосточной России. Хотя по национальности он – поляк, он, несомненно, был членом сообщества российских востоковедов на Дальнем Востоке ввиду того, что длительное время жил на Сахалине и в таких городах, как Владивосток, Хабаровск и Благовещенск, являлся членом ОИАК и тесно работал с русскими востоковедами в дальневосточной части России.

Важнейшие его труды в сфере востоковедения были посвящены исследованию быта, культуры и языка айнов. Несмотря на его очень близкие и дружественные отношения с японскими учеными, журналистами, литераторами и общественными деятелями, изучению японской культуры он особого внимания не уделял, и, возможно, недостаточно хорошо владел японским языком. Однако среди его работ имеются несколько крайне интересных очерков о японской культуре и японском обществе. Среди них – статьи о японских женщинах в польских газетах (*Prawda: Tygodnik Polityszenny, Społeczny I Literacki* (1908) и *Nowe Słowo: Dwutygodnik społeczno-literacki poświęcony interesom kobiet* (1907)*), переведенные с польского на английский язык и опубликованные в сборнике «Reconsidering the Life and Works of the Polish Ethnologist Bronisław Piłsudki». В настоящей работе на основе этих статей мы постараемся разъяснить взгляды Б. Пилсудского на женские, семейные и половые вопросы в Японии.

До того, как мы начнем конкретно анализировать эти статьи, приведем краткий очерк его жизни, который показывает, что Б. Пилсудский действительно был «дальневосточным русским востоковедом», чтобы иметь четкий контекст к вышеуказанным статьям.

Бронислав Пилсудский родился в городке Зулово под Вильнюсом в 1866 г. Отец был деятелем патриотического движения, мать – из знатного литовского рода. Младший брат, Юзеф, станет известным политиком, лидером независимой Польши.

В 1877 г. вся семья переехала в столицу Вильнюс. Бронислав с 1877 г. учился в гимназии. Уже в Вильнюсе Бронислав занялся революционной деятельностью: они вместе с братом Юзефом в 1882 г. основали патриотический кружок самообра-

* Цитаты из статей Б. Пилсудского приводятся по книге: *Reconsidering the Life and Works of the Polish Ethnologist Bronisław Piłsudki* [Переосмысление жизни и работ польского этнографа Бронислава Пилсудского] / ed. by Sawada Kazuhiko. Urawa: Faculty of Liberal Arts, Graduate School of Cultural Science, Saitama University, 2013. 131 p. Книга отредактирована К. Савада. Перевод с польского на английский был выполнен польским исследователем А. Ма[ж]евичем. Мы считаем этот перевод не совсем точным, но оригинальные статьи Б. Пилсудского опубликованы в малопопулярных газетах, нам не были доступны тексты на польском языке, в связи с чем ссылки даны на этот английский перевод.

зования («Спойню»), распространяли получаемые из Варшавы книги на польском языке, включающие издания социалистического характера.

В 1886 г. Бронислав уехал в Санкт-Петербург и поступил на юридический факультет Петербургского университета. Здесь Бронислав более серьезно занялся революционными делами, участвовал в подготовке народовольцами покушения на императора Александра III в 1887 г., в котором участвовал и брат В. Ленина, Александр Ульянов, впоследствии казненный. Бронислав был осужден на смертную казнь, но потом был помилован Императором и сослан на пятнадцатилетнюю каторгу на Сахалин.

Пилсудского отправили на пароходе из Одессы 8 июля 1887 г. Он прибыл в пос. Александровский на Сахалине 3 августа; оттуда его отправили в тюрьму в Рыковское (ныне Кировское), в центральную часть острова. В тюрьме он занимался типичной каторжной работой, но, видимо, ему удалось найти какое-то время и какие-то способы изучать местные культуры и языки. В октябре 1893 г. он написал первое сочинение на нивхском языке.

В 1894 г. Пилсудский уже не занимался обыкновенными каторжными делами, а работал в качестве научного работника на рыковской метеорологической станции. В 1896 г. его исключили из списка каторжных. Он приобрел статус «ссылного» и определенную степень свободы. В конце июня того же года он занялся изучением культуры айнов.

В мае 1897 г. Общество изучения Амурского края подало ходатайство, чтобы переселить Пилсудского во Владивосток³³³. В апреле 1898 г. Пилсудский получил разрешение принять должность библиотекаря ОИАК, но разрешение жить во Владивостоке ему было дано только в ноябре этого же года. В декабре ОИАК отправляет его на Сахалин для научных исследований айнского народа. После исследовательской экспедиции на Сахалине Пилсудский поселился во Владивостоке (на Корейской улице) и стал действительным членом ОИАК. В марте 1899 г. он участвовал в исполкоме Общества. Впоследствии Пилсудский продолжал серьезно и активно заниматься этнологическими исследованиями коренных народностей на Дальнем Востоке.

В декабре 1905 г. Пилсудский приехал в Японию с Н. П. Матвеевым, а в 1906 г. ему в конце концов удалось встретиться с известным писателем и переводчиком русской литературы Фтабатэем Симэем. Когда японский писатель приезжал во Владивосток в 1902 г., их встреча не состоялась, так как Пилсудский находился тогда в Хабаровске.

Выдающийся писатель, переводчик, мыслитель Фтабатэй Симэй и польский революционер-этнограф Пилсудский стали очень тесными друзьями на много лет. Фтабатэй, хотя широко известный как литератор, питал большое желание и стремление к политической и военно-разведывательной деятельности и, вероятно, был намерен воспользоваться знакомством с Пилсудским и польскими революционерами, которых Пилсудский познакомил с Фтабатэем, против Российской Империи,

³³³ См.: *The Collected Works of Bronislaw Pilsudski. Vol. 3: Materials for the Study of the Ainu Language and Folklore* / ed. by Alfred Majewicz. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2004. XI, 913 p. Биографические данные Бронислава Пилсудского после приговора к каторге до его возврата в Польшу приведены из хронологической таблицы в данном издании.

которая казалась японскому писателю наиболее страшной угрозой для Японии. Пилсудский тоже, видимо, надеялся на помощь Фтабатэя и его политическую программу против России в пользу деятельности за независимость Польши.

Двух интеллигентов очевидно связывали дружба, совпадающие взгляды на политику, литературные и культурные предпочтения. Пилсудский планировал создать польско-японское общество и, имея идею основать библиотеку, попросил Фтабатэя перевести с японского его романы и другие значимые произведения современной японской литературы на русский язык и на польский. Фтабатэй успел перевести несколько повестей на русский язык.

Пилсудского познакомил с Фтабатэем Симэем японский общественный деятель, журналист Г. Йокояма. Он известен как автор книги о представителях малоимущих классов «Низшее общество в Японии» (1899). В политико-идеологическом плане Фтабатэй придерживался империалистических, милитаристических взглядов, но в молодости он с энтузиазмом относился к социализму. Это, скорее всего, и сблизало его с Йокоямой и через него с Пилсудским. Йокояма был знаком с известным японским социалистом-марксистом С. Катаяма, который стал первым депутатом социалистической партии Японии, когда она была создана, вместе с другим известным общественным деятелем – Т. Сакай. По всей вероятности, Пилсудский познакомился с общественными деятелями (и мужчинами, и женщинами), которые состояли в «Обществе Хэймин» («Простого народа»), основанного Сакаем и издававшим газету «Хэймин».

Из двух статей (представляющих впечатления Пилсудского о японских женщинах и касающихся женских деятелей общества Хэймин), помещенных в сборнике «Reconsidering the Life and Works of the Polish Ethnologist Bronisław Piłsudski», мы сначала будем обсуждать ту, которая хронологически была написана раньше, но опубликована второй.

Статья эта, названная «Kobiety Wschodu. Japonka» («Женщины Востока. Японка»), опубликована в журнале «Nowe Słowo: Dwutygodnik społeczno-literacki poświęcony interesom kobiet» («Новое слово: Социально-литературный еженедельный журнал, посвященный к интересам женщин»), и разделена на две части. Первая из них – очерк истории женского вопроса и общественного статуса женщины в Японии в последние годы и взгляд Пилсудского на них. Эта первая часть имеет тесную связь с первой статьей, которая опубликована в книге «Reconsidering the Life and Works of the Polish Ethnologist Bronisław Piłsudski», поэтому мы ниже вернемся к ней и будем обсуждать ее вместе с другой (т.е. первой) статьей.

Во второй части второй статьи Пилсудский рассказывает об одном ходатайстве, поданном женскими членами Общества Хэймин с просьбой отменить пункт в уставе о безопасности (*хоан дзёрэй*), обнародованном в 1867 г., который запрещал женщинам участвовать на политических собраниях.

Пилсудский пишет, что он читал об этом в одной из японских англоязычных газет в начале 1906 г. Очевидно, либо он неверно указал дату этого исторического события (*см. ниже*), либо переводчик. Даже с правильной датой события нам не удалось установить источник сведений Пилсудского. Мы проверили статьи в таких представительных газетах на английском языке, издаваемых в Японии в тот

период, как «The Japan Times, The Japan Chronicle» и др. в январе 1905 г., но не смогли найти статьи, подтверждающие события, о которых пишет Пилсудский.

Но о самих событиях, которые излагает Пилсудский, можно прочесть в японских газетах. Газета «Хэймин симбун» от 15 января 1905 г. сообщает, что «высокообразованные, прогрессивные женщины, пытаясь изменить настоящий закон о безопасности и деятельности полиции и приобрести права состоять в политической организации и участвовать в политических собраниях, начали движение с целью подать ходатайство в парламент».

А 29 января того же года газета сообщает, что «госпожи Утако Имай, Харуко Кавамура и Фумико Мацуока, получив соглашения (с подписями) 500 человек, подали ходатайство в палату представителей».

Пилсудский рассказывает именно о встрече с госпожой У. Имай, которая подала ходатайство и с которой ему захотелось познакомиться после того, как он прочел об этом ходатайстве в газете. В статье Пилсудский изображает ее личность и политические программы ее группы с полным сочувствием.

Мнения Пилсудского поражают своей прогрессивностью в женском вопросе, что не очень удивительно ввиду того, что он был социалистом. В статье речь идет и о Людмиле Волкенштейн, народнице, которую убили во время демонстрации во Владивостоке в январе 1906 г., и о которой с интересом расспрашивала госпожа Имай, так как Пилсудский лично знал Волкенштейн³³⁴.

Стоит заметить, что Николай Петрович Матвеев открыл свой журнал «Природа и люди на Дальнем Востоке» горячей надгробной речью о Волкенштейн, размещенной на первой странице первого номера журнала. Это прекрасно иллюстрирует тот факт, что Пилсудский принадлежал к дальневосточной интеллектуальной общине. Многие члены этой группы были востоковедами, что, конечно, должно было укреплять чувство солидарности с ними Пилсудского.

Далее в статье Пилсудский повествует о встречах с другими феминистками того времени: с женщиной-врачом, директором женской медицинской гимназии и с преподавательницей женского университета *Ниппон дзёси дайгаку*. В связи с этими встречами Пилсудский проявляет большую степень прогрессивности по поводу женского вопроса. Он подчеркивает необходимость женского высшего образования, настаивая на равенстве между полами в этом отношении, не одобряет японскую (конфуцианскую) концепцию, которая связывает японских женщин «оковами» и предполагает подчинение их власти мужчин.

Интересно, что при рассмотрении женского вопроса в Японии Пилсудский ссылается на свое общее знание о восточных культурах, в особенности о китайской.

³³⁴ Мы установили, что Пилсудский прочел новость о ходатайстве Общества Хэйминя в январе 1905 г. (а не в 1906 г., как написано в статье). Волкенштейн убили в январе 1906 г. Следовательно, он читал о госпоже Имай в 1905 г., потом год искал возможность познакомиться с ней, в конце концов смог взять у нее интервью в начале 1906 г. и спустя год, в 1907 г., опубликовал историю в польском журнале. Ко всему прочему, переводчик добавляет информацию о том, что Волкенштейн сотрудничала с доктором Николаем Кириловым, работавшем на Сахалине, который был знаком и с Пилсудским. Фтабатэй во время его пребывания во Владивостоке в 1902 г. близко общался с Кириловым. Мы наблюдаем тесную интеллектуальную сетку, которую составляла дальневосточная интеллигенция, в том числе японская.

Его эрудиция в востоковедении задает концептуальные рамки и способствует лучшему и более легкому постижению общественных проблем Японии, касающихся женщин. Так, например, критикуя слабое развитие женского высшего образования в Японии, он цитирует китайско-японскую пословицу, основанную, по Пилсудскому, на мнении Конфуция: «Глупая женщина причиняет меньше вреда в семье, чем умная». Какая именно это пословица, нам доподлинно неизвестно, но существует поговорка «*Онна сакасюитэ сангай ни изэ наси*» («Лукавая женщина теряет семью на три поколения»)³³⁵.

Видимо, Пилсудский также довольно хорошо знал конфуцианские книги периода Эдо, посвященные женскому вопросу. В этом же ключе он упрекает самого влиятельного конфуцианского мыслителя, Экикэн Кайбара, автора «*Онна дайгаку*» («Учения для женщин»), который считал болтливость женщин законной причиной для развода. Пилсудский показывает свою революционную концепцию, приписывая черты японских женщин (например, так называемая их «молчаливость») не их натуре, а их воспитанию, которое соответствует общественным идеям и социальному быту³³⁶.

Далее Пилсудский обвиняет в консерватизме японских мужчин, которые оценивают только внешнюю красоту женщин и поэтому обожают европейских женщин³³⁷. Их идеал, рассуждает Пилсудский, состоит в красоте, при которой «рыба прячется на дне воды; дикая птица падает на землю; луна покрывается облаком; цветок краснеет от чувства стыда»³³⁸. Точный источник этих фраз неизвестен, но в литературных текстах на китайском языке часто используется двустишие 沈魚落雁 讖花羞月 («тонет рыба и падает гусь»; «кается цветок и стыдится луна») при описании красивых женщин. Пилсудский, вероятно, ссылается на него.

По всей видимости, Пилсудский не умел говорить по-японски свободно. При интервью с госпожой Имай оба говорили в основном по-английски, но когда Пилсудскому было сложно понимать, разговор переводили на французский язык, которым, кажется, Пилсудский владел лучше, чем английским. А беседы с Фтабатэем и Йокояма, которые проводились очень часто в 1906 г. в квартире Йокояма, вероятно, велись на русском языке. Тем не менее, щедро употребляемые идиоматические выражения в статьях Пилсудского из разных (литературных, классических, журналистских, общеупотребительных) текстов свидетельствуют о его глубоком знании японской культуры.

³³⁵ [Pilsudski, B. *Kobiety Wschodu. Japonka* // *Nowe Słowo: Dwutygodnik społeczno-literacki poświęcony interesom kobiet*. 1907. С. 50]. Цит. по: *Reconsidering the Life and Works of the Polish Ethnologist Bronisław Piłsudki*.

Прилагательное *сакасий* сложно перевести на русский язык. О таком качестве говорится, когда человек старается быть умным или притворяется таковым, но у него не получается, и в конечном счете он выглядит хуже, чем глупый.

³³⁶ [Pilsudski, B. *Kobiety Wschodu. Japonka*. С. 49]. Цит. по: *Reconsidering the Life and Works of the Polish Ethnologist Bronisław Piłsudki*.

³³⁷ Следует иметь в виду, что в конце периода Эдо и в начале периода Мэйдзи, когда контакт с европейцами только начался, японцы к их внешности относились довольно негативно (см.: Yokota-Murakami Takayuki. *Kimpatsu shinwa no kenkyu*. Tokyo: Kadokawa shoten, 2012. Гл. I).

³³⁸ [Pilsudski, B. *Kobiety Wschodu. Japonka*. С. 50]. Цит. по: *Reconsidering the Life and Works of the Polish Ethnologist Bronisław Piłsudki*.

При этом интересно отметить критику Пилсудским японского императорства как основу феодализма и общественной отсталости в Японии, осложняющей и ухудшающей решение женского вопроса. Он пишет: «По преданию, японский император, т. е. Микадо, сказал в 1871 г., что “японские женщины – тупые”»³³⁹.

А когда Пилсудский рассуждает, что большинство японцев (со старыми предрассудками) «в стране Микадо» считают, что женское предназначение состоит в покорности мужчинам, хозяевам и владельцам», Пилсудский, очевидно, полагает, что императорская система и идеология большей частью способствует всем этим предрассудкам и препятствует освобождению женщин в Японии. Возможно, такой критический взгляд объясняет и его неприятие российского царизма.

Теперь обратим наше внимание на первую часть данной статьи и на другую, т.е. первую в сборнике, статью. Они связаны общей темой: образ японских женщин в контексте распространенной и санкционированной государством системы проституции. Она стала так широко известна в мире, что образованным европейцам была в основном знакома. Л. Толстой устами Позднышева пишет в послесловии к «Крейцеровой сонате»: «Так рассуждают обыкновенно... Нам нужен не идеал, а правило, руководство, которое было бы по нашим силам, по среднему уровню нравственных сил нашего общества: церковный честный брак или хоть даже не совсем честный брак, при котором один из брачующихся, как у нас, мужчина, уже сходилась со многими женщинами, или хотя бы брак с возможностью развода, или хотя бы гражданский, или (идя по тому же пути) хотя бы японский на срок,— почему же не дойти до домов терпимости?»³⁴⁰.

Известность японской проституции большей частью определялась популярностью оперы Дж. Пуччини «Мадам Баттерфляй» и романа П. Лоти «Мадам Хризантема», который служил источником оперы. Очевидно, Пилсудскому были хорошо знакомы эти произведения. Во второй статье Пилсудский действительно цитирует Лоти, который показывает «брак по контракту» в Нагасаки и имидж жен по контракту как «кукол». Знакомство Пилсудского с произведениями Лоти проявляется и употреблением слова *мусумэ*. Это слово, после публикации романа Лоти, стало широко употребляться в Европе и в Америке в значении «японская профессиональная девушка»³⁴¹.

Пилсудский ссылается не на оперу Пуччини непосредственно, а на английскую оперетту «Гэйша», которая подражала итальянской опере. Однако «Гэйша» имела даже больший успех в Европе. Ее ставили и в России.

Русская премьера «Гэйши» состоялась в декабре 1897 г. в Москве³⁴². В этом году Пилсудский уже был в ссылке на Сахалине, поэтому он не мог видеть московские представления, но наверняка он впоследствии действительно смотрел опе-

³³⁹ [Pilsudski, B. *Kobiety Wschodu. Japonka*. С. 70]. Цит. по: *Reconsidering the Life and Works of the Polish Ethnologist Bronisław Piłsudki* / ed. by Sawada Kazuhiko. Urawa: Faculty of Liberal Arts, Graduate School of Cultural Science, Saitama University, 2013. 131 p.

Пилсудский, конечно, ассоциирует слова императора с конфуцианским учением о том, что женщинам лучше быть глупыми (см. выше).

³⁴⁰ Толстой, Л. Собр. соч.: в 22 т. Т. XII: Повести и рассказы. М.: Худ. лит., 1982. С. 207.

³⁴¹ Переводчик с польского на английский (или японский редактор) вовсе этого не понимал, добавляя пояснения к слову «*musume*: “a daughter; a girl”».

³⁴² По информации из неопубликованной диссертации Линды Галванэ «Образы японцев в русской литературе: Ориентализм и сексуальность».

ретту³⁴³. В целом Пилсудский демонстрирует большую степень обширных знаний, касающихся традиций и особенностей японского демимонда.

Первая статья, помещенная в книге «Reconsidering the Life and Works of the Polish Ethnologist Bronisław Piłsudski», рассказывает о японских медсестрах, ухаживающих за «русскими» военнопленными в лагерях в Японии во время и после Русско-японской войны³⁴⁴. На первый взгляд кажется, что она ничего общего не имеет с первой частью второй статьи, которую мы только что обсуждали, о системе проституции в Японии.

Но есть связь, которая становится ясной при чтении некоторых книг на русском языке, посвященных этой теме, т.е. теме взаимоотношений между русскими военнопленными и медсестрами. Было много репортажей, опубликованных русскими писателями и журналистами после Русско-японской войны на тему романтических отношений между «русскими» пленными и ухаживающими за ними японками.

Например, Ф. П. Купчинский издал очерк о его пребывании в лагере в городе Мацуяма «В японской неволе: очерки из жизни русских пленных в Японии в городе Мацуяма на острове Сикоку», в 1906 г. А подпоручик Ф. Ф. Рейнгард издал книгу «Мало прожито, много пережито» в 1907 г.

Обе книги включают эпизоды любовных связей между русскими пленными и японками. А среди японок были медсестры, полупрофессиональные гейши (*мусумэ*). Разумеется, медсестры не занимались проституцией, но были и другие женщины, которые предлагали разные домашние и личные услуги: уборку, стирку, готовку еды и т.д. для пленных. Разница между такими женщинами и медсестрами была довольно неопределенной. Такие женщины иногда предлагали и сексуальные услуги, тогда как некоторые из медсестер влюблялись в русских пленных³⁴⁵.

³⁴³ Нам неизвестно, где и когда именно. Судя по тексту в статье, Пилсудский лично смотрел оперетту, а не просто слышал о ней: «Кому среди нас не удалось посмотреть оперетту «Гэйша», которая помещает легкую мелодическую музыку, но и показывает не совсем образцовую моральность?» [Piłsudski, B. *Kobiety Wschodu*. Japonka. С. 44]. Цит. по: *Reconsidering the Life and Works of the Polish Ethnologist Bronisław Piłsudski*.

Скорее всего, у него была возможность посмотреть оперетту в Сизтле, который он посетил после того, как он уехал из Японии в июле 1906 г., или в каком-нибудь городе (например, в Чикаго) в США, пока он там пребывал. Конечно, не исключено, что он смотрел оперетту в Кракове, куда он вернулся после путешествия по Америке. «Гейша» была очень популярной и широко поставлена в европейских городах в начале XX в.: в Лондоне, в Вене, в Париже, и т.д. а в Российской Империи – в Санкт-Петербурге, в Москве, в Иркутске, Харькове, Баку, в Риге, и т.д. (по информации Линды Галванэ). А Чехов упоминает о «Гейше», которую поставили в Ялте, в своей повести «Дама с собачкой».

³⁴⁴ Слово «русские» заключено в кавычки, так как подразумеваются подданные Российской империи разных национальностей. Пилсудский приводит один интересный эпизод. Немало медсестер начали посещать уроки русского языка, чтобы лучше понимать нужды русских больных. Государство впоследствии запрещало такие уроки, но одна медсестра, с которой Пилсудский познакомился и беседовал, продолжала учиться, даже тогда, когда польские, латышские, армянские и татарские солдаты просили ее прекратить изучать язык, «который они так ненавидели» [Piłsudski, B. *Kobiety Wschodu*. Japonka. С. 38]. Цит. по: *Reconsidering the Life and Works of the Polish Ethnologist Bronisław Piłsudski*.

Этот эпизод, конечно, должен был касаться и Пилсудского, поляка, которому приходилось общаться не только с его русскими коллегами, но и с японцами-славистами, когда цель общения состояла в утверждении независимости Польши и свержении Российской империи.

³⁴⁵ Здесь нужно иметь в виду, что японцы до модернизации и европеизации (или до начала XX-го в., особенно в провинциях) особо не различали понятия любовь и секс.

Пилсудский, вероятно, читал и хорошо знал такие книги и такие истории. Мацуями была одной из крупнейших баз, на которых размещались русские пленные. И около таких больших баз всегда находились *мусумэ*, которые были готовы предлагать практические (повседневные), физические и даже моральные услуги. Разумеется, здесь повторяется история Чио-чио-сан. Медсестры и обычные японки выполняли как будто одинаковые функции, но готовы были влюбляться в русских пленных и состоять с ними в эмоциональных отношениях.

Купчинский позже написал роман, «О-Ику-сан» (Купчинский Ф. П. О-Ику-Сан (Из японской жизни): повесть. М.: Орион, 1911), в котором описывается любовный треугольник, герои которого – русский офицер (пленный) и две японские медсестры. История эта – фикция, но она вполне могла бы быть реальной.

Естественно, не только Пилсудскому, но и большинству русской читательской публики был известен образ японских *мусумэ*. Знакомство было тем более распространено, что после Русско-японской войны образ *мусумэ* широко входил в литературные и журналистские произведения русской интеллигенции. Например, сын Николая Петровича Матвеева Венедикт Март помещает в своем сборнике стихотворений (*хокку*) некую Историю японской *мусумэ* (sic! – Й.-М. Т.), которую он называет переводом с еврейского языка³⁴⁶. Так как Пилсудский был близким другом Николая Петровича, вполне вероятно, что ему был знаком сборник *хокку* сына-поэта востоковеда³⁴⁷.

Все это доказывает, что Пилсудский соблюдал традиции русского востоковедения или, по крайней мере, учитывал российские исследования о Японии. Но у Пилсудского было свое, прогрессивное, революционно-феминистическое восприятие японского женского вопроса. Он правильно понимал, оценивал и поддерживал политику, стремящуюся к освобождению женщин, отвергая старую, конфуцианскую идеологию. Но в то же время он не до конца осознавал сущность *мусумэ*, односторонне и слишком категорически отрицал их с точки зрения просветительства.

Список литературы

1. Ёкота-Мураками [Йокота-Мураками], Такаюки. Фтабатэй Симэй во Владивостоке // Россия и Япония: гуманитарные исследования : материалы научных российско-японских конференций, Владивосток, 27–28 мая 2002 г. – 30 июня 2003 г. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. – С. 63–70.
2. Ёкота-Мураками [Йокота-Мураками], Такаюки. Фтабатэй Симэй во Владивостоке : Революция, пацифизм и женщина // Дальний Восток России и Япония : сб. науч. ст. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. – С. 108–115.
3. Купчинский, Ф. П. В японской неволе : Очерки из жизни русских пленных в Японии в г. Мацуяма на острове Сикоку / Ф. П. Купчинский. – СПб. : Артемьев, 1906. – 260 с.

³⁴⁶ Скорее всего, это придуманный предлог, и история эта – его собственное сочинение.

³⁴⁷ С какими членами семьи Матвеевых знаком был Пилсудский, доподлинно не известно. Как было сказано выше, судя по близким отношениям его с Николаем Петровичем, очень вероятно, что Пилсудский лично знал многих из Матвеевых, в том числе будущего япониста, связанного с ДВГУ – Зотика Матвеева, хотя при пребывании Пилсудского во Владивостоке он был еще молодым студентом.

4. Матвеевские чтения : К 80-летию со дня рождения библиографа-краеведа Т. З. Матвеевой : доклады и сообщения / Приморская государственная публичная библиотека им. А. М. Горького. – Владивосток, 2001. – 72 с.
5. Март, В. Лепестки сакуры : танки и хокку / Венедикт Март. – Владивосток : Свободная Россия, 1919. – 24 с.
6. Рейнгард, Ф. Ф. Мало прожито – много пережито. Впечатление молодого офицера о войне и плене / Ф. Ф. Рейнгард. – СПб. : Т-во печ. и изд. Дела «Труд», 1907. – 104 с.
7. Толстой, Л. Собр. соч. : в 22 т. Т. XII : Повести и рассказы / Л. Толстой. – М. : Худ. лит., 1982. – 478 с.
8. Йокояма Гэнносукэ. *Бонджин хибонджин* / Гэнносукэ Йокояма. – Токио : Синтёся, 1911.
9. Йокота-Мураками, Такаюки. *Фтабатэй Симэй* / Такаюки Йокота-Мураками. – Киото : Минерува себо, 2014.
10. Йокота-Мураками, Такаюки. *Югай кико тюсяку* // Нихон то кекуто Росиа ни окэру ибунка рикай но хикаку кэнкю. – Osaka, 2002. – Отчет по гранту.
11. B. Piłsudski in the Russian Far East : From the State Historical Archive of Vladivostok / ed. by Sawada Kazuhiko. – Sapporo : Slavic Research Center, Hokkaido University, 2002.
12. Bronisław Piłsudski in Japan / ed. by Sawada Kazuhiko. – Urawa : Faculty of Liberal Arts, Graduate School of Cultural Science, Saitama University, 2008.
13. Loti, P. Madame Chrysanthème / Pierre Loti. – Paris : Flammarion, 1990. – 334 p.
14. Reconsidering the Life and Works of the Polish Ethnologist Bronisław Piłsudski / ed. by Sawada Kazuhiko. – Urawa : Faculty of Liberal Arts, Graduate School of Cultural Science, Saitama University, 2013. – 131 p.
15. The Collected Works of Bronislaw Piłsudski. Vol. 3 : Materials for the Study of the Ainu Language and Folklore / ed. by Alfred Majewicz. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, [2004]. – XI, 913 p. : 178 fig. ; 45 color plates.
16. Yokota-Murakami, Takayuki. *Kimpatsu shinwa no kenkyu* / Yokota-Murakami, Takayuki. – Tokyo : Kadokawa shoten, 2012.

О трудах и направлениях научно-исследовательской деятельности Николая Петровича Мацокина (1886–1937 гг.)

А. С. Дыбовский

Ужасно скучно без дела или, вернее, без книг.
Н. П. Мацокин

В этой статье на фоне важнейших обстоятельств личной жизни Н. П. Мацокина анализируется содержание его основных научных публикаций, которые показывают широту интересов Н. П. Мацокина, глубину его научных поисков и оригинальность в подходах к решению многих востоковедных проблем. К статье прилагается список разысканных публикаций Н. П. Мацокина.

Ключевые слова: жизненный путь Н. П. Мацокина, содержание публикаций Н. П. Мацокина, дальневосточное востоковедение.

Scientific Works and Directions of Oriental Studies by Nikolai Petrovich Matsokin (1886–1937)

A. S. Dybovsky

In this paper having a look on the most important circumstances of N. P. Matsokin's personal life, the author analyzes the content of his main scientific publications that show the breadth of his interests, the depth of his scientific analysis and the originality in his approach to the Oriental problems. A list of discovered publications of N. P. Matsokin is attached to the article.

Keywords: N. P. Matsokin's life, N. P. Matsokin's publications content, Far Eastern Russia Oriental studies

Введение

Будь силен – вот единственный долг человека.
Будь силен – вот что следовало бы сказать
всякому, появляющемуся на свет.

Н. П. Мацокин
«Дерзновения»

Публикаций о Н. П. Мацокине немного. Его имя упоминается в ряде исследований по истории японистики (Алпатов, 1988; Донской, 1994; Хисамутдинов, 1996)³⁴⁸. Небольшую статью о репрессированных японоведах Иркутского университета – Н. П. Мацокине и Е. С. Нельгине – написал С. И. Кузнецов (1988)³⁴⁹. В этой работе указываются основные этапы жизни и профессиональной деятельности Н. П. Мацокина, приводятся названия его основных научных и учебных публикаций. В рассматриваемой статье цитируется и фрагмент из мемуаров Н. Е. Семпер-Соколовой, бравшей у Николая Петровича уроки японского языка, вероятно, в 1934 г., когда Н. П. Мацокин был освобожден по УДО после своего первого ареста.

Поскольку характеристика, данная Н. Е. Семпер-Соколовой Николаю Петровичу, очень красноречива, мы также приведем ее с незначительными сокращениями: «Моим учителем был дальневосточный профессор Николай Петрович Мацокин, автор нескольких книг и статей по этнографии Азии. Тоже высокий, но плотный

³⁴⁸ Алпатов В. М. Изучение японского языка в России и СССР. М.: Наука, 1988. 189 с.; Хисамутдинов А. А. Репрессированные востоковеды. Конец владивостокской школы японоведения: Протокол допроса Н. П. Овидиева // *Facta Slavica Japonica*. Hokkaido: Hokkaido University. The Slavic Research Centre, 1998. Vol. 16. Pp. 207–231; Донской В. К. Разгром восточного факультета ГДУ // *Вестник Дальневост. отд-ния Рос. акад. наук*. 1996. № 1. С. 95–108.

³⁴⁹ Востоковедение в Иркутском университете в 20-е годы // *Проблемы Дальнего Востока*. 1988. № 1. С. 168–171. URL: http://penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=926 (дата обращения 22.12.2013).

мужчина лет сорока пяти. Бритый, небрежно одетый в какую-то фуфайку; общительный, энергичный. Он жил в захолустном, сплошь деревянном Самарском переулке, за парком ЦДКА. ...На первом этаже одного домика в просторной, почти не обставленной, но полной книг комнате жили вдвоем Мацокин и его жена – француженка Эрнестина Коффруа, красивая брюнетка, получившая образование в Сорбонне. Занимался он со мной вдохновенно..., охотно отвечал на филологические вопросы и рассказывал о Японии, где ему удалось побывать до революции. ...Занятия были интересные, эффективные..., но длились недолго...; их прервал сокрушительный роман: Мацокин влюбился в другую француженку, молодую и веселую Леонтину, блондинку, родом из нормандской деревни. Она была не то прислужгой, не то официанткой в кафе. Тут уж было не до уроков. Он сразу бросил жену, и оскорбленная Эрнестина уехала в Париж»³⁵⁰.

Оригинальную статью о Н. П. Мацокине недавно опубликовал А. Е. Куланов³⁵¹. Это исследование, написанное по материалам уголовных дел, инкриминировавшихся Н. П. Мацокину в 1930-е гг. Статья читается как детективная история, вполне годящаяся в качестве фабулы киносценария для голливудского блокбастера. Н. П. Мацокин в этой статье «не просто профессор, а ...сотрудник иностранного отдела (ИНО) ОГПУ (внешняя разведка), ...допустивший несанкционированные контакты с японцами», личный повар которого оказался держателем общака китайской мафии в Москве и при аресте которого в 1931 г. в его пятикомнатной московской квартире были обнаружены 850 американских долларов и «револьвер системы Браунинг»³⁵². В статье сообщается о том, что с 1923 г. до середины 1927 г. Н. П. Мацокин работал в Харбине под руководством «молодого чекиста» В. Пудина, добывая секретные документы, японские и китайские шифры, в том числе и «меморандум Танаки», использовавшийся для разоблачения японского империализма, но оказавшийся фальшивкой. За успехи в работе по решению Коллегии ОГПУ Н. П. Мацокин был награжден золотыми часами³⁵³. Как видим, научная и педагогическая работа (о которой речь пойдет ниже) – только одна из сторон многогранной деятельности Н. П. Мацокина.

С целью выяснения вклада Н. П. Мацокина в развитие отечественного востоковедения нами был составлен насколько возможно полный список его трудов*. Была произведена систематизация публикаций Н. П. Мацокина, а также анализ содержания его основных работ с учетом социально-исторического контекста их написания**. В составленном нами списке работ Н. П. Мацокина, который не яв-

³⁵⁰ Кузнецов С. И. Репрессированные востоковеды Иркутского университета: Н. П. Мацокин и Е. С. Нельгин. URL: http://sibirsylyka.ucoz.com/publ/personali/repressirovannye_vostokovedy_irkutskogo_universiteta_n_p_macokin_i_e_s_nelgin/7-1-0-59 (дата обращения 14.01.2014).

³⁵¹ Куланов А. Е. Неуживчивый профессор: биография Н. П. Мацокина в материалах уголовных дел // Япония наших дней. 2013. № 1 (15). С. 81–91.

³⁵² Там же. С. 82.

³⁵³ Там же. С. 86.

* Основная часть библиографической работы была выполнена Т. В. Поликарповой.

** Использовались материалы Государственного архива Приморского края (ГАПК) и Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ).

ляется окончательным, насчитывается 93 работы, включая неопубликованные (основные из них перечислены в приложении).

Тематику и виды публикаций Н. П. Мацокина в самом общем виде можно представить следующим образом: 1) научные публикации (этнография, социология, антропология; мифология народов Дальнего Востока; японский язык; экономика и политика Японии (нередко в виде откликов на журнальные статьи, большей частью из японских журналов); 2) переводные работы (преимущественно с французского и японского языков); 3) рецензии; 4) учебные пособия; 5) публицистика (статьи в газетах «Голос Родины», «Дальневосточное обозрение», «Новая жизнь»); 6) художественная литература («Дерзновения», Харбин, 1926). Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы пролить свет на содержание основных публикаций Н. П. Мацокина в социально-историческом контексте их появления.

Жизненный путь Н. П. Мацокина (1886–1937 гг.): основные вехи

Иду огромной долиной. Со всех сторон ее замыкает кольцо гор, убегающих в бесконечную даль. Над головой висит багрово-серое небо. Бегут по нему то ярко-красные, то черно-красные тучи, готовые разразиться таким же кровавым дождем.

*Н. П. Мацокин
«Дерзновения»*

Н. П. Мацокин родился 10 (23) декабря 1886 г. в Киеве в семье надворного советника Петра Григорьевича Мацокина, служившего военврачом и имевшего среди своих наград золотую медаль графа Д. А. Толстого за ученый труд «Метисы Забайкалья»³⁵⁴. В 1905 г. по аттестату зрелости Владикавказской гимназии Н. П. Мацокин поступил в Харьковский университет на естественно-исторический факультет, в сентябре того же года был по его просьбе переведен на естественное отделение физико-математического факультета, где проучился около года, после чего перевелся на первый курс юридического факультета³⁵⁵. В 1907 г. уехал во Францию (Дижон) для изучения французского языка. В 1908–1912 гг. учился в Восточном институте по китайско-японскому разряду.

После окончания Восточного Института служил на КВЖД переводчиком японского языка; в 1917 г. был назначен помощником редактора газеты «Юань-дунь-бао» (орган железной дороги на китайском языке), издававшейся в Харбине. После увольнения за критику финансовой политики КВЖД в газете «Новая жизнь» избирается лектором японского языка в Иркутском университете. В мае 1920 г. избирается на должность и.д. доцента кафедры этнографии и географии Восточной Азии ГДУ. В ноябре 1920 г. увольняется за критику реорганизации высшего образования во Владивостоке, а также «реакционной монархической профессуры» в газетах «Голос Родины» и «Дальневосточное обозрение» («Ненужный университет»; «Реорганизация университета» и проч.)³⁵⁶.

³⁵⁴ Государственный архив Приморского края (ГАПК, г. Владивосток). Ф. 115. Оп. 1. Д. 679. Л. 18.

³⁵⁵ См.: ГАПК. Ф. 115. Оп. 1. Д. 679.

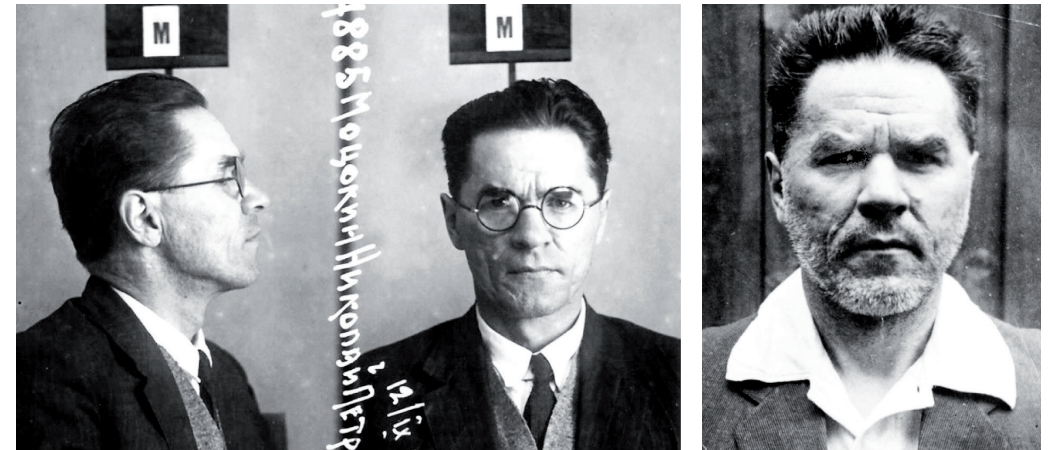
³⁵⁶ Куланов А. Е. Указ. соч.

Настаивая на незаконности решения Совета ГДУ (см. аргументацию в газете «Дальневосточное обозрение» за 1 декабря 1920 г.), фактически читал лекции и вел практические занятия по японскому языку до февраля 1921 г., после чего переехал в Харбин.

В 1922–1923 гг. работает помощником заведующего отделением ДАЛЬТА – РОСТА в Японии. В августе 1923 г. избирается преподавателем 1-го разряда по кафедре народоведения Восточной Азии (усилиями Е. Г. Спальвина фактически был восстановлен на работе почти через три года после увольнения), однако не приступил к выполнению своих обязанностей под надуманным предлогом (отсутствие денег на дорогу). С 1924 г. по октябрь 1927 г. выполняет обязанности переводчика, затем драгомана генконсульства СССР в Харбине. В 1928–1930 гг. работает сверхштатным профессором по кафедре японского языка ГДУ, после чего перебирается в Москву и преподаёт японский язык в ряде московских вузов.

В первый раз был арестован в 1931 г.; 19 января 1932 г. осужден по статье 58-6 УК РСФСР на 10 лет ИТЛ. Освобожден условно-досрочно 19 марта 1934 г. Повторно арестован 26 июля 1937 г.; 8 октября 1937 г. ВК ВС СССР приговорен к высшей мере наказания за «шпионаж». В тот же день расстрелян. Место захоронения – Донское кладбище. 12 мая 1992 г. реабилитирован посмертно прокуратурой России на основании Закона РСФСР от 18 октября 1991 года³⁵⁷.

За студенческие годы Н. П. Мацокин опубликовал одно исследование на материале Малороссии и две большие работы о материнских обществах («материнской филиации») у ряда народов Восточной и Центральной Азии.

В отчетах Восточного Института публикации Н. П. Мацокина характеризовались как «компилятивные», однако они представляются нам во многом оригинальными. Николай Петрович проверял свою идею о месте материнских обществ в истории человечества на этнографическом материале народов Азии по различным этнографическим источникам, а также при помощи собственной методологии: изучение отношений полов на основе анализа мифов, легенд, исторических и юридических документов, литературных памятников, религиозных верований, лексик, иероглифики соответствующих языков.

³⁵⁷ Люди и судьбы: Библиографический словарь репрессированных востоковедов. URL: <http://memory.pvost.org/pages/matsokin.html> (дата обращения 27.07.2013).

Первая этнографическая работа Н. П. Мацокина называлась «Отношения полов до брака в некоторых малороссийских деревнях». Она была опубликована в «Известиях Восточного Института» в конце 1909 г., а материал для этой статьи, по всей вероятности, был собран еще до поступления Н. П. Мацокина в вышеуказанное учебное заведение. О позиции исследователя в предисловии к своему первому научному труду Николай Петрович пишет следующее: «подробности, касающиеся интимных сторон половой жизни деревенской молодежи... постороннему наблюдателю недоступны»; для их обнаружения «нужно сделаться своим, войти в полное доверие..., не иметь вида «пана»...»³⁵⁸.

В своей работе Н. П. Мацокин подвергает критике идею о существовании в «низшем слое» деревенских жителей «беспорядочного полового общения». Он приходит к выводу о том, что «отношения полов не определяются личной «прихотью», а представляют организацию, корни которой лежат за пределами современного общества»³⁵⁹. Он считает, что «...у предков малороссов существовали половые возрастные группы» – мужские и женские (существование последних подтверждается местами сохранившимся институтом “отаманов” и “отаманш”)), и что «собрания этих групп, являющихся отголосками “материнского права”, дошли до нас в виде современных “улиц” и “вечериц”»³⁶⁰.

Так определилось основное направление научных интересов Н. П. Мацокина в этнографии на студенческие годы.

Следующей большой работой Н. П. Мацокина стала «Материнская филиация в восточной и центральной Азии. Вып. 1. Материнская филиация у китайцев, корейцев и японцев». Эта статья была опубликована в «Известиях Восточного Института» в 1910 г. (в ней 40 страниц, 38 цитируемых источников). Идея о существовании системы родства по материнской линии в разных обществах была объективирована на материале китайских, корейских и японских этнографических сведений. Н. П. Мацокин начинает свою работу с разграничения понятий «материнская филиация» и «матриархат»: первое определяется как «родство по матери», второе же, по его определению, обозначает «не только господство матери в семье, но, вообще, господство женщины, ее высокое положение в обществе, построенном на женской материнской филиации»³⁶¹.

Анализируя мифы, легенды, исторические сведения и классические литературные источники, Н. П. Мацокин собирает факты, противоречащие устоям патриархального строя в каждом из рассматриваемых обществ. Например, его основные аргументы в отношении Китая выглядят следующим образом: 1) «история императоров «Срединной империи» начинается упоминанием их матерей, но не отцов»³⁶²; «до мифического императора *Фу-си*... люди знали свою мать, но не ведали, кто был

³⁵⁸ Мацокин Н. П. Отношения полов до брака в некоторых малороссийских деревнях. Владивосток: Тип. К. А. Недовольского, 1909. С. 11.

³⁵⁹ Там же. С. 12.

³⁶⁰ Там же.

³⁶¹ Мацокин Н. П. Материнская филиация в Восточной и Центральной Азии. Вып. 1: Материнская филиация у китайцев, корейцев и японцев. Владивосток, 1910. С. 4. (Изв. Вост. ин-та; 11-й год изд.; 1909–1910 акад. г.; т. XXXIII, вып. 1).

³⁶² Там же.

их отец»³⁶³; 2) центральным женским божеством в китайской мифологии является богиня *Нюй-ва*, которая «создает небо, человека и отчасти землю»³⁶⁴; 3) в древности род обозначался иероглифом *синь* 姓, что является свидетельством того, что роды были материнские, а не патриархальные; большинство из древнейших исторических китайских фамилий имеет ключевой знак «женщина»; 4) у китайцев в древности существовала форма брака, при которой муж переходил в дом жены и «становился полудолжником или полурабом семьи жены»³⁶⁵; пережитками этого явления Н. П. Мацокин считает формы брака, при которых муж временно переходил в дом жены, а жена временно возвращалась в родительский дом. На основании вышеизложенных фактов Н. П. Мацокин приходит к выводу о том, что в истории Китая было время, когда «китайцы жили материнскими родами», «женщина пользовалась большей свободой», и «супружеская неверность не влекла для женщины никаких наказаний»³⁶⁶.

Аналогичные аргументы Н. П. Мацокин находит также в отношении корейцев и японцев, что дает ему возможность констатировать, что «...три главных народа Дальнего Востока» имели в ходе их социальной эволюции «строй, основанный на происхождении по матери»³⁶⁷.

Продолжением рассмотренной работы стала «Материнская филиация в Восточной и Центральной Азии. Вып. 2. Материнская филиация у тибетцев, монголов, мяоцзы, лоло и тай», опубликованная в «Известиях Восточного института» в 1911 г., когда Н. П. Мацокин был студентом третьего курса.

По охвату материала эта работа стоит на уровне диссертационного исследования (147 страниц; в списке литературы содержатся 156 работ отечественных, 194 – иностранных авторов). Работа написана в контексте антропологических идей своего времени.

По этнографическим исследованиям, литературным произведениям, китайским летописям, исторической литературе, запискам путешественников, языковым данным (ср. термины родства) и прочим материалам Н. П. Мацокин анализирует отношения полов в каждом из рассматриваемых обществ, формы брака, отношения собственности, народные обычаи (ср., например, «праздник выбора шапок в ламайских монастырях»), отношение указанных обществ к детям, а также явления полиандрии, полигамии, группового брака, «презрения девственности», «гостеприимной проституции» и прочие антропологические явления. На основании собранных данных он заключает, что «...следы материнской эпохи» были найдены «у всех народов, о которых ...шла речь, матриархат, как заключительная стадия материнского общества, существовал у тибетцев и лоло и, весьма вероятно, у монголов»³⁶⁸.

В работе Н. П. Мацокина можно обнаружить довольно много любопытных наблюдений, а также важных теоретических обобщений. Приведем некоторые из них:

³⁶³ Мацокин Н. П. Материнская филиация в Восточной и Центральной Азии. Вып. 1. С. 8.

³⁶⁴ Там же. С. 7.

³⁶⁵ Там же. С. 9.

³⁶⁶ Там же. С. 11–13.

³⁶⁷ Там же. С. 37.

³⁶⁸ Там же. С. 133.

1) «На тибетцах вполне оправдывается положение современной антропологии, что не существует чистых рас»³⁶⁹;

2) «Гостеприимная проституция ...есть пережиток общества, в котором не существовало индивидуального обладания ни женщиной, ни мужчиной»³⁷⁰;

3) «...как палеонтолог по одной кости восстанавливает животное отдаленных эпох, так и социолог, поскольку он занимается данным явлением с социологической точки зрения, должен уметь восстановить его по сохранившимся разрозненным фактам, но не отрицать, поскольку факты отрывочны и как будто противоречивы»³⁷¹;

4) «нужно снарядить в Тибет этнографическую экспедицию, которая занялась бы изучением тибетской семьи по заранее выработанному плану, и снарядить в ближайшем будущем, ибо жизнь народов Азии идет вперед и уносит с собой в вечность многочисленные явления, которые будут потеряны для науки навсегда, если вовремя не заняться ими»³⁷²;

5) «Исходя из той зависимости, которая существует между религией и обществом, из того, что в ее иерархии, как и в языке, отражается общественная иерархия, нельзя не допустить, что нахождение женщин во главе названных бурятских божеств является отражением такого периода в жизни монголов, когда во главе различных социальных единиц – семьи, рода и племени ...по праву находилась женщина, когда мужчина не мог быть [субъектом]* властвования»³⁷³.

Таким образом, параллельно с изучением японского и китайского языков, а также других программных курсов Восточного института, Н. П. Мацокин в студенческие годы с увлечением занимался изучением этнографии и антропологии, демонстрируя в этой области поистине поразительные успехи.

Н. П. Мацокин как теоретик японского языка

Слово «я» нужно совершенно уничтожить, ибо ему ничто не соответствует.

Говорить «я думаю», «я чувствую», «я хочу», «я стремлюсь», «я люблю» – значит быть во власти старых, допотопных предрассудков, ибо не «я думаю», а думается, не «я чувствую», а чувствуется, не «я стремлюсь», а стремится, «не я люблю», а любит.

*Н. П. Мацокин
«Дерзновения»*

В оценке сочинения Н. П. Мацокина «Морфология японского глагола», опубликованного во Владивостоке в 1929 г., прежде всего обратимся к мнению В. М. Алпатов, который писал, что вышеназванная книга Н. П. Мацокина занимает «осо-

³⁶⁹ Мацокин Н. П. Материнская филиация в Восточной и Центральной Азии. Вып. 1. С. 1.

³⁷⁰ Там же. С. 32.

³⁷¹ Там же. С. 54.

³⁷² Там же. С. 55.

* Слово исправлено. В оригинале явно ошибочно – «объектом». – (А. Д.).

³⁷³ Там же. С. 79.

бое место среди владивостокских публикаций»³⁷⁴, поскольку она была во многих отношениях новаторской: 1) «в противовес традиции Н. П. Мацокин стремится применить к анализу японского глагола современные ему лингвистические концепции»³⁷⁵; 2) «активно оперирует понятием морфемы и стремится подвергнуть японские глагольные формы морфемному анализу»³⁷⁶; 3) «показал, что один и тот же суффикс в японском языке оформляет два разных залога – страдательный и потенциальный»³⁷⁷; 4) в работе Н. П. Мацокина «основательно и убедительно критикуется концепция «основ» (японского глагола – А. Д.), доказывается ее нелогичность и противоречивость»³⁷⁸.

В своей работе Н. П. Мацокин решительно отказался от японской графики, силлабический характер которой во многих случаях препятствовал точному определению морфемных границ в составе глагольной словоформы; строго и непротиворечиво определил исходные термины (простая и производная основы, суффикс, окончание); дал подробное критическое описание истории изучения морфологии японского глагола в основных работах европейских авторов, начиная с Ж. Родригеса и Й. Гофмана и заканчивая последними работами отечественных японоведов (Е. Г. Спальвин, Е. Д. Поливанов); учел мнения японских языковедов; преодолел лексико-этимологический подход к описанию залоговых форм, имевший распространение среди европейских японоведов («впервые предложенная Гофманом»* т. н. «быть-получательная теория страдательно-потенциального залога»³⁷⁹). Наконец, представил вниманию специалистов свой достаточно строгий и непротиворечивый вариант синхронного описания морфологии японского глагола настоящего времени. В качестве слабых сторон работы Н. П. Мацокина можно назвать недостаточную дифференцированность в рассмотрении форм книжного и разговорного японского языка (文語・口語), а также излишнюю категоричность некоторых критических суждений.

Рассматриваемая книга написана во время работы Н. П. Мацокина сверхштатным преподавателем японского языка восточного факультета ГДУ с учебной нагрузкой одна лекция в неделю и месячным окладом 34 рубля 43 копейки³⁸⁰. Эта работа показывает незаурядные филологические способности Н. П. Мацокина, также основательность его как лектора, не удовлетворившегося уже существующими концепциями и наметившего новые подходы к осмыслению морфологии японского глагола, а также побудительного и страдательного залогов.

³⁷⁴ Алпатов В. М. Указ. соч. С. 74. Попутно исправим неточность на той же странице книги В. М. Алпатов. Он пишет, что Н. П. Мацокин «преподавал в Восточном институте и Дальневосточном университете с дореволюционного времени до начала 30-х годов», что неверно: Н. П. Мацокин не работал в Восточном институте; и. д. доцента кафедры этнографии и географии Восточной Азии он был избран в мае 1920-го года, а ГДУ был учрежден Омским правительством 17 апреля 1920 г. (РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 2. Д. 285. Л. 75). – (А. Д.).

³⁷⁵ Там же. С. 75.

³⁷⁶ Там же.

³⁷⁷ Там же.

³⁷⁸ Там же.

* Хоффманн, Йоган Йозеф (J. J. Hoffmann).

³⁷⁹ Мацокин Н. П. Морфология японского глагола. Владивосток, 1929. С. 104.

³⁸⁰ РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 2. Д. 285. Л. 71.

Сомнения нет: каторжник я, каторжник, так
возлюбивший всем сердцем своим запах параши,
тюремный окрик, нагайки свист и тачку свою...

Н. П. Мацокин
«Дерзновения»

К описанному в предыдущем разделе периоду творчества Н. П. Мацокина относится и написание учебного пособия «Вырезки из японских газет и журналов: пособие для студентов японского отделения восточного факультета ДВГУ. Часть 1. Текст» (Владивосток, 1928). Как пишет сам Николай Петрович, вышеназванное учебное пособие «...было составлено спешно, так сказать, в ударном порядке, в течение нескольких дней ввиду того, что японские газеты оказались в распоряжении составителя с большим опозданием, когда уже начался академический год»³⁸¹. «Предлагаемые вырезки (из японских газет и журналов – А. Д.) содержат всего около 3000 газетных строчек, т. е. приблизительно около 3-х газетных страниц сплошного текста»³⁸². Рассматриваемое учебное пособие состоит из 113 пронумерованных текстов (всего 42 страницы). Оно было составлено из материалов японских газет и журналов («Мансю: ниппо:», «Экономист», «Тю:гай дзайкай» и проч.), и в него было «включено довольно много заметок о ...Японии в Китае и Маньчжурии»³⁸³, поскольку Н. П. Мацокин считал, что молодым японистам конца 1920-х гг. необходимо «знание собственных китайских имен, названий провинций, населенных и географических пунктов, сокращенных названий железных дорог в Китае и Маньчжурии»; кроме того, они должны знать и «те современные китайские слова, которые вошли в японский язык...»³⁸⁴.

Из предисловия к «Вырезкам из японских газет и журналов» мы также узнаем, что в это время на восточном факультете ГДУ нередко 50-60 % времени аудиторных занятий тратилось на «писание слов на доске», и для японского отделения актуальной была проблема создания хрестоматий современного японского языка (составленные в имперскую эпоху учебные пособия Е. Г. Спальвина отчасти устарели, отчасти не могли использоваться по идеологическим причинам). В предисловии также содержалось обещание снабдить публикуемое учебное пособие подстрочным и алфавитным словарями, которое, впрочем, осталось невыполненным в связи с последовавшим вскоре расформированием ГДУ, подчинением восточного факультета Институту народного хозяйства в Хабаровске и переезду Николая Петровича в Москву.

Как бы то ни было, рассмотренное учебное пособие показывает высокий уровень компетентности Н. П. Мацокина в области японского и китайского языков, японской периодической печати, а также его исключительную работоспособность.

³⁸¹ Мацокин Н. П. Вырезки из японских газет и журналов: пособие для студентов японского отделения восточного факультета ДВГУ. Ч. 1: Текст. Владивосток: Учеб. изд. Дальневост. гос. ун-та, 1928. С. 3.

³⁸² Там же. С. 4.

³⁸³ Там же.

³⁸⁴ Там же.

Безумец! Он смеет дерзать? Пусть солнцу по-
клонится он. Пусть жизни источник почтит!

Н. П. Мацокин
«Дерзновения»

Одной из наиболее известных работ Н. П. Мацокина является «Японский миф об удалении богини солнца Аматерасу в небесный грот и солнечная магия», опубликованная в «Известиях восточного факультета ГДУ» в 1921 г. В редакционной заметке к указанной статье Е. Г. Спальвин сообщает, что эта рукопись готовилась к печати без участия автора, который, как мы показали ранее, в это время был вынужден отправиться в Харбин.

Н. П. Мацокин в своем подходе к пониманию японской мифологии исходил из того, что «...люди создают богов по своему образу и подобию»³⁸⁵. Поэтому содержание мифа для него «есть повествование о тех магических актах, которые в действительности имели место или все одновременно, или... порознь»³⁸⁶. Следовательно: «...Аматерасу – солнце, Сусаноо – ураган, боги – люди»; «ураган застилает небо и наступает тьма»³⁸⁷; люди при помощи магических действий возвращают солнце на небо. В мифе подробно описываются эти магические действия. По мнению Н. П. Мацокина, «магическое происхождение рассматриваемого мифа заставляет принять, что и имена божеств имеют отношение к тем магическим действиям, о коих в нем идет речь»³⁸⁸. Последнее предположение позволило Н. П. Мацокину уточнить значение имен некоторых божеств, например, *Футодама но микото* («Его священство Большая магическая сила») и вступить в полемику с такими корифеями изучения японского языка и культуры, как Б. Чемберлен и В. Астон, а также с японским исследователем по фамилии Хирата*.

В описании значения лексемы *тама*, а также содержания мифов, изображающих различные магические действия, Н. П. Мацокин проводит японско-меланезийские параллели и, таким образом, его можно считать предшественником Е. Д. Поливанова в деле формулирования гипотезы о малайско-полинезийском субстрате в происхождении японского языка. По мнению Н. П. Мацокина, лексема *тама* изначально обозначала «не индивидуальную душу», а «безличную магическую силу», которую меланезийцы и полинезийцы называют *мана*, а малайцы *крамат*. Отсюда выдвигается гипотеза о генетической взаимосвязи ряда лексем, содержащих морфему (основу) *тама*: *тамахана*, *тамабико*, *тамаи*, *тамасий*, *та-*

³⁸⁵ Мацокин Н. П. Японский миф об удалении богини солнца Аматерасу в небесный грот и солнечная магия // Изв. Вост. фак. Гос. Дальневост. Ун-та. 22-й г. изд.: 1920–21 acad. г. Т. LXVI, вып. 3. Владивосток: Изд. и печ. Гос. Дальневост. Ун-та, 1921. С. 5.

³⁸⁶ Там же. От автора [страница не указана].

³⁸⁷ Там же. С. 5.

³⁸⁸ Там же. С. 12.

* К сожалению, ссылка на первоисточник отсутствует.

мау, тамару и других³⁸⁹. Н. П. Мацокин также проводит некоторые лексические параллели между японским, монгольским и турецким языками.

Таким образом, в рассмотренной работе Н. П. Мацокину удалось внести вклад в изучение вышеназванного японского мифа, а также типологии магических действий. Он проявил богатую эрудицию и незаурядные способности в области сравнительного изучения языков и культур.

Н. П. Мацокин и владивостокская школа научно-практического востоковедения

Неужели же я должен быть (Быть! Брр!) газетчиком, журналистом, писателем, художником, чиновником, ученым и т. д. и т. д. Быть вечно связанным, как цепями, с блаженными, в обществе которых я задыхаюсь, и, в конце концов, превратиться в кретина?

Н. П. Мацокин
«Дерзновения»

Школа научно-практического востоковедения во Владивостоке изначально создавалась для продвижения «русского дела» в Восточной Азии, то есть для изучения восточноазиатских соседей России с целью расширения экономического, политического и культурного влияния Российской Империи в вышеназванном регионе, для решения разнообразных практических задач международно-политического и экономического характера. Работая в генконсульстве СССР в Харбине в 1920-е гг., Н. П. Мацокин с энтузиазмом занимался многими такими вопросами, и иностранная пресса служила для него важнейшим источником оперативной информации для оценки международной политико-экономической ситуации. Прежде всего его интересовали различные аспекты внутренней и внешней политики Японии, конфликты между трудом и капиталом, рабочее движение, аграрные конфликты, место России и Китая во внешней политике японского правительства. Он анализирует различные аспекты экономической и политической ситуации в Японии, оценивает военный и экономический потенциал страны, а также военную доктрину Японии, основываясь на сведениях, почерпнутых из иностранных газет и журналов.

Японская печать, особенно журналы по экономике, политике, социологии, становятся для него предметом постоянного внимания и анализа. Он следит за самой разнообразной научной, научно-популярной и политико-пропагандистской литературой, оценивает отношение к российским событиям в японской прессе. В середине 1920-х гг. его внимание концентрируется на японской политике в Китае. Николай Петрович самым тщательным образом анализирует различные аспекты японской экономики и состояния ее вооруженных сил. Он живо откликается на текущие события в Японии, а также на самые разнообразные публикации японских авторов. Кроме событий в мире экономики и политики, филологии и социологии,

³⁸⁹ Мацокин Н. П. Японский миф об удалении богини солнца Аматерасу в небесный грот и солнечная магия. С. 13, 20.

его интересуют и отношение японцев к проблемам животноводства в Китае, и перспективы решения продовольственной проблемы Японии за счет развития рисоводства в Приморье. Его исключительная компетентность в вопросах японской политики и экономики в это время не вызывает никакого сомнения; поэтому вполне возможно, что информация, поставляемая Н. П. Мацокиным ИНО ОГПУ, оказывала влияние на формирование дальневосточной политики советского государства, в чем сам Николай Петрович не сомневался³⁹⁰.

Н. П. Мацокин как переводчик научной литературы

Мое «я» доставляет мне особенно много огорчений, когда оно так затеряется в толпе, что его приходится отыскивать до изнеможения: иной раз ходишь, ищешь, ищешь, кричишь, кричишь и никак не доищешься и не докричишься.

Н. П. Мацокин
«Дерзновения»

В свои первые годы в Восточном Институте (1908–1909) Н. П. Мацокин выполнил целый ряд переводов по экономике, этнографии и социологии с французского языка («Внешняя торговля Японии», «Пекинские нищие», «Феминизм в Китае»). В 1910-е гг. эти переводы были опубликованы в «Вестнике Азии».

Всего Н. П. Мацокиным было опубликовано около 20-ти переводных работ – это переводы с французского, японского, английского и китайского языков. Более всего публикаций переводов приходится на харбинские периоды деятельности Николая Петровича (1912–1918; 1923–1928). Во второй период он активно занимается анализом публикаций японских популярных и научных журналов («Кайдзо:», «Экономисутто», «Тю:гай дзайкай», «Дзицугё: но сэкай», «Дайямондо», «То:ё: кэй-дзай синпо», «Тю:о: ко:рон» и прочих). Н. П. Мацокин нередко прибегает к реферативному переводу, пересказам иностранных текстов с цитированием. Перевод некоторых статей сопровождается основательным авторским комментарием, например, статья Н. П. Мацокина «Граф Окума и японское самомнение»³⁹¹ написана как комментарий к переводу статьи вышеупомянутого графа Окума «Что необходимо для заокеанского развития Японии»³⁹².

К переводам примыкают тексты, написанные по материалам иностранной прессы, например: «Японские вымыслы и их виновники» (Харбин, 1915). Основываясь на высказываниях политических деятелей, японских ученых и военных обозревателей, публикуемых японскими журналами, Н. П. Мацокин пишет целый ряд обзорных статей, включающих пространные фрагменты переведенных с японского языка текстов, например: «Японцы о японо-американской войне» (1924); «Японцы о японо-американской сухопутной войне» (1925); «Социали-

³⁹⁰ Куланов А. Е. Указ. соч. С. 86.

³⁹¹ Мацокин Н. П. Граф Окума и японское самомнение // Вестник Азии. 1913. № 13. С. 70–72.

³⁹² Гр. Окума. Что необходимо для заокеанского развития Японии? // Вестник Азии. 1913. № 13. С. 73–76.

стическое движение в современной Японии» (1925); «Общественные деятели Японии о русско-японском соглашении» (1926); «Классовая борьба в деревне и аграрные конфликты» (1927)*.

Таким образом, Н. П. Мацокин профессионально занимался переводами на протяжении многих лет и, несомненно, был переводчиком высокого класса. Он также обладал навыками аналитической работы с различными материалами на иностранных языках.

Н. П. Мацокин как рецензент

Теперь, когда я освободился от души так хитро, я лишь удивляюсь, как я не догадался сделать это раньше, – по крайней мере, она принесла бы мне меньше непоправимого зла.

*Н. П. Мацокин
«Дерзновения»*

Больше всего публикаций Н. П. Мацокина связано с оценками прочитанного, а именно: книг, статей, научных сборников, словарей, учебников и прочего. Мимо его внимания не проходят ни новый «Толковый словарь иностранных слов, вошедших в японский язык», ни «Практический словарь пищевых продуктов», ни «Зоологический словарь», ни «Новый китайско-японский ботанический словарь». В 1925–1927 гг. он концентрируется почти исключительно на вопросах японской экономики и политики, публикуя многочисленные рецензии в «Вестнике Маньчжурии». В общей сложности Н. П. Мацокиным было написано более 30-ти рецензий по широкому кругу востоковедных проблем. Они, безусловно, характеризуют его как разностороннего и компетентного эксперта.

Однако среди рецензий Н. П. Мацокина выделяются последние три, относящиеся к 1935 г. Они характеризуются высокой политизированностью и приближаются по своему стилю к распространенному в советской прессе того времени жанру «политического доноса», с «навешиванием ярлыков» и стремлением уличить кого-то в отклонении от принципов классовости, партийности или иных вредительских действиях. Атмосфера поиска врагов, классовая непримиримость, агрессивность и бескомпромиссность по отношению к «уклонистам» от генеральной линии партии не могли не проявиться и в научном дискурсе. Как бывший сотрудник ИНО ОГПУ, Н. П. Мацокин проявляет бдительность на «востоковедном фронте». Одна за другой выходят в свет его рецензии, подвергающие резкой критике востоковедов Москвы и Ленинграда.

Наибольшее возмущение востоковедной общественности вызвала рецензия Н. П. Мацокина на «Учебник японского языка» П. А. Гуцко и Г. С. Горбштейна³⁹³. Приводя множество примеров лингвистических и метаязыковых «ошибок» ав-

торов указанного учебника (которые большей частью нельзя охарактеризовать иначе, чем «придирки»), он указывает на неправомерность использования ими терминов японской грамматики *тайгэн* и *ё:гэн*, поскольку последние «приобрели...националистическую окраску»³⁹⁴ и «чужды грамматическим ассоциациям учащегося»³⁹⁵. С точки зрения Н. П. Мацокина, «этот терминологический хлам неуместен на страницах советского учебника»³⁹⁶; неправомерна и принятая в учебнике запись японских текстов латиницей, так как использование латиницы способствует укреплению позиций британского империализма³⁹⁷. Н. П. Мацокин пытается подкрепить свою критику авторитетом марризма, выдвигая против авторов учебника следующие демагогические обвинения: «они игнорируют одно из коренных положений яфетидологии, что язык и мышление составляют единство»; «вместо того, чтобы понять японский глагол в связи с мышлением, они ищут его объяснение в алфавите». В конце концов, Н. П. Мацокин объявляет публикацию рецензируемого учебника преждевременной и обвиняет его авторов в том, что, следуя традиционным концепциям японских ученых, они (авторы) «проводят в советском учебнике грамматическую систему явно феодального происхождения».

Не случайно эта рецензия Н. П. Мацокина вызвала протест академической общественности, проявившийся в письме за подписью 37 востоковедов³⁹⁸, и была охарактеризована авторами письма, как «рядящаяся в маску научности псевдонаучная попытка, спекулируя приемами якобы классовой бдительности, якобы защиты политической чистоты советского востоковедения, на деле клеветнически дискредитировать советское востоковедение, воспрепятствовать его дальнейшему росту»³⁹⁹. Авторы письма, показав несостоятельность многих критических положений рецензии Н. П. Мацокина, выступили против превращения научной рецензии в орудие политического доноса и, в свою очередь, как это следует из приведенной цитаты, обвинили Н. П. Мацокина в попытке «дискредитировать советское востоковедение, воспрепятствовать его росту», то есть, как тогда говорилось, во вредительстве. Говоря о недостатках конкретных публикаций, Н. П. Мацокин едва ли ставил перед собой задачу дискредитировать все советское востоковедение и тем более препятствовать его росту.

Другой заметной критической работой Н. П. Мацокина стала рецензия на «Словарь наиболее употребительных в современном японском языке иероглифов» А. А. Лейферта⁴⁰⁰. Николай Петрович критикует первый японо-русский иероглифический словарь советской эпохи за недостаточное общее количество знаков (2415), делает около 100 замечаний по тексту словаря (в основном верных), и, в конце концов, признает, что «несмотря на все указанные недостатки, словарь все-таки

³⁹⁴ Мацокин Н. П. [Рецензия] // Литература национальностей СССР. М., 1935. № 11. С. 15.

³⁹⁵ Там же.

³⁹⁶ Там же.

³⁹⁷ Там же. С. 17.

³⁹⁸ По поводу рецензии Н. П. Мацокина // Библиография Востока. 1936. № 8–9. С. 139–148.

³⁹⁹ Там же. С. 148.

⁴⁰⁰ Мацокин Н. П. [Рецензия] // Литература национальностей СССР. М., 1935. № 11. С. 17–19. Рец. на кн.: Лейферт А. А. Словарь наиболее употребительных в современном японском языке иероглифов. М., Л.: Изд. Т-ва иностр. рабочих, 1935. 308 с., 2 л. табл.

* Упомянутые здесь статьи опубликованы в «Вестнике Маньчжурии».

³⁹³ Мацокин Н. П. [Рецензия] // Литература национальностей СССР. М., 1935. № 11. С. 15–17. Рец. на кн.: Гуцко П. А., Горбштейн Г. С. Учебник японского языка. Ч. 1. М.; Л.: Изд. Т-ва иностр. рабочих, 1934. 126 с.

восполняет пробел в нашей японоведческой литературе»⁴⁰¹. А. А. Лейферт был товарищем Николая Петровича по альма-матер (он учился на восточном факультете ГДУ, в который превратился в 1920-е гг. Восточный институт), и по работе в разведке (Разведуправление РККА). А. А. Лейферт был и среди подписантов письма, осуждавшего рецензию Николая Петровича на учебник П. А. Гущо и Г. С. Горбштейна, и разделил судьбу репрессированных в 1937 г. российских востоковедов.

По всей вероятности, рецензия Николая Петровича оказала влияние на Н. И. Фельдман-Конрад, издавшую в 1956 г. «Японско-русский учебный словарь иероглифов», который по количеству словарных статей, указанию китайских чтений иероглифов и по некоторым другим параметрам согласуется с пожеланиями Н. П. Мацокина.

Последней публикацией Н. П. Мацокина стала рецензия на составленную под редакцией Н. И. Конрада антологию китайской и японской средневековой литературы⁴⁰². Объектом критики Н. П. Мацокина на этот раз становятся как принципы отбора литературного материала, так и качество переводов, представленных в книге. Прежде всего, Н. П. Мацокин критикует составителей антологии за включение в сборник синтоистских молитвословий *норито*, которые, по мнению Николая Петровича, изначально, обслуживая «интересы жреческого сословия и племенных вождей», «...были средством угнетения и эксплуатации»⁴⁰³, затем «превратились в политическое орудие сословно-аристократической монархии»⁴⁰⁴, а в 1930-е гг. стали обслуживать «интересы японского государственного строя и тех классов, которые заинтересованы в его сохранении и развитии»⁴⁰⁵ и, следовательно, «относятся не к литературе, а к японской государственной идеологии *синто*»⁴⁰⁶. Николай Петрович обращается к первоисточникам и показывает многочисленные фрагменты переводов Е. М. Колпачки, А. А. Холодовича, О. В. Плетнера, А. Л. Клетного, которые, с его точки зрения, не адекватны текстам оригиналов литературных источников⁴⁰⁷.

Позитивную оценку Н. П. Мацокина, кроме работ по китайской литературе, получает только статья Н. А. Невского о фольклоре народа *айну*, которая, однако же, как замечает Николай Петрович, не согласуется с названием антологии, так как «никакого отношения не имеет ни к японской, ни тем более к китайской феодальной литературе»⁴⁰⁸. Таким образом, и в этой рецензии Н. П. Мацокин «уличает» коллег по цеху в недостаточном профессионализме, а также в отсутствии классового подхода, игнорирование которого было в середине 1930-х гг. весьма небезопасно.

⁴⁰¹ Мацокин Н. П. [Рецензия] // Литература национальностей СССР. М., 1935. № 11. С. 19.

⁴⁰² Мацокин Н. П. Несколько замечаний о японской феодальной литературе и ее переводах: (по поводу книги «Восток», сборник 1. Литература Китая и Японии. Academia, 1935). Рец. на кн.: Восток : сб. 1: Лит. Китая и Японии / ред. и вступ. ст. Н. И. Конрада. М.: Изд. «Academia», 1935. 442 с. // Революционный Восток. М., 1935. № 6. С. 102–107.

⁴⁰³ Мацокин Н. П. Несколько замечаний о японской феодальной литературе и ее переводах. С. 102.

⁴⁰⁴ Там же. С. 103.

⁴⁰⁵ Там же.

⁴⁰⁶ Там же. С. 104.

⁴⁰⁷ Там же. С. 104–109.

⁴⁰⁸ Там же. С. 109.

Вскоре точка в описанной полемике востоковедов была поставлена репрессивной машиной государства, жертвами которой стали и авторы вышеупомянутого учебника, и сам Николай Петрович, и значительная часть его идейных противников, включая Н. А. Невского и Н. И. Конрада. Как видим, лояльность к идеологии советского государства, принцип партийности и политическая бдительность не помогли Николаю Петровичу избежать трагической участи многих отечественных востоковедов.

Заключение

Наконец я умер. Странно только, что смерти моей никто не замечает. Наоборот, всем кажется, что я жив, что я живу, что впереди меня еще ждет жизнь.

...

По преданью седой старины в пепле феникс сгоревший свое находит возрожденье, но из пепла «я» возродится ль мое?

Н. П. Мацокин
«Дерзновения»

Н. П. Мацокин был человеком исключительных способностей и амбиций, широких научных интересов, глубоких и разносторонних знаний, феноменальной работоспособности. Основные научные труды он написал в Восточном институте и ГДУ. Здесь под руководством Е. Г. Спальвина, Н. В. Кюнера, Г. Ц. Цыбикова он сформировался как этнограф и антрополог, здесь он опубликовал свое сочинение по японской мифологии, здесь он написал серьезную работу по морфологии японского глагола.

В харбинские периоды своего творчества (1912–1918; 1923–1928) как активный член Общества русских ориенталистов Н. П. Мацокин много публикуется в журнале «Вестник Азии». В 1920-е гг. его переводы, реферативные обзоры, статьи по экономике и политике Японии, многочисленные рецензии помещаются в «Вестнике Маньчжурии». В 1920-е гг. Н. П. Мацокин, сотрудничая с ИНО ОГПУ в Харбине, занимается не столько научно-исследовательской, сколько информационной работой, используя в качестве источников информации японские газеты и журналы, официальные японские и китайские документы.

В московский период деятельности (1930–1937), особенно после освобождения по УДО (1934) из шарашки НКВД, где он отбывал наказание, Н. П. Мацокин занимает верноподданническую конформистскую позицию по отношению к советской власти. То ли убеждения, то ли чувство самосохранения толкают его в группу охранителей принципов партийности и классовости советской науки. В своих последних идеологически заточенных, порой демагогических рецензиях, Н. П. Мацокин подвергает резкой и не всегда обоснованной критике многих советских востоковедов.

В иной социальной среде, а также при других обстоятельствах Н. П. Мацокин, вероятно, мог стать ученым мирового уровня, например, таким, как П. Сорокин, или Р. Якобсон.

Список литературы

1. Алпатов, В. М. Изучение японского языка в России и СССР / В. М. Алпатов. – М. : Наука, 1988. – 189 с.
2. Востоковедение в Иркутском университете в 20-е годы [Электронный ресурс] // Проблемы Дальнего Востока. – 1988. – № 1. – С. 168–171. – Режим доступа: http://penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=926.
3. Донской, В. К. Разгром восточного факультета ГДУ // Вестник Дальневост. отд-ния Рос. акад. наук. – 1996. – № 1. – С. 95–108.
4. Кузнецов, С. И. Репрессированные востоковеды Иркутского университета : Н. П. Мацокин и Е. С. Нельгин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sibirssylka.ucoz.com/publ/personali/repressirovannye_vostokovedy_irkutskogo_universiteta_n_p_macokin_i_e_s_nelgin/7-1-0-59.
5. Куланов, А. Е. Неуживчивый профессор : биография Н. П. Мацокина в материалах уголовных дел // Япония наших дней. – 2013. – № 1 (15). – С. 81–91.
6. Люди и судьбы: Библиографический словарь репрессированных востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://memory.pvost.org/pages/matsokin.html>.
7. Мацокин, Н. П. Вырезки из японских газет и журналов : пособие для студентов японского отделения восточного факультета ДВГУ. Ч. 1 : Текст / Н. П. Мацокин. – Владивосток : Учеб. изд. Дальневост. гос. ун-та, 1928. – 5 с. ; 42 яп. паг. – На правах рукописи.
8. Мацокин, Н. П. Граф Окума и японское самомнение // Вестник Азии. – 1913. – № 13. – С. 70–72.
9. Мацокин, Н. П. Материнская филиация в Восточной и Центральной Азии. Вып. 1 : Материнская филиация у китайцев, корейцев и японцев / Н. П. Мацокин. – Владивосток, 1910. – IV ; 40 с. – (Изв. Вост. ин-та ; 11-й год изд. ; 1909–1910 акад. г. ; т. XXXIII, вып. 1).
10. Мацокин, Н. П. Морфология японского глагола / Н. П. Мацокин. – Владивосток, 1929. – IX+142 с. – (Тр. Дальневост. гос. ун-та ; сер. VI, вып. 4, № 9).
11. Мацокин, Н. П. Несколько замечаний о японской феодальной литературе и ее переводов : (по поводу книги «Восток», сборник 1. Литература Китая и Японии. Academia, 1935) // Революционный Восток. – М., 1935. – № 6. – С. 102–107. – Рец. на кн.: Восток : сб. 1 : Литература Китая и Японии / ред. и вступ. ст. Н. И. Конрада. – М. : Изд. «Academia», 1935. – 442 с.
12. Мацокин, Н. П. Отношения полов до брака в некоторых малороссийских деревнях / Н. П. Мацокин. – Владивосток : Тип. К. А. Недовольского, 1909. – 12 с.
13. Мацокин, Н. П. [Рецензия] // Литература национальностей СССР. – М., 1935. – № 11. – С. 15–17. – Рец. на кн.: Гушо, П. А. Учебник японского языка. Ч. 1 / П. А. Гушо, Г. С. Горбштейн. – М. ; Л. : Изд. Т-ва иностр. рабочих, 1934. – 126 с.
14. Мацокин, Н. П. [Рецензия] // Литература национальностей СССР. – М., 1935. – № 11. – С. 17–19. – Рец. на кн.: Лейферт, А. А. Словарь наиболее употребительных в современном японском языке иероглифов. – М. ; Л. : Изд. Т-ва иностр. рабочих, 1935. – 308 с., 2 л. табл.

15. Мацокин, Н. П. Японский миф об удалении богини Солнца Аматерасу в небесный грот и солнечная магия // Изв. Вост. фак. Гос. Дальневост. Ун-та. 22-й г. изд. : 1920–21 акад. г. Т. LXVI, вып. 3. – Владивосток : Изд. и печ. Гос. Дальневост. Ун-та, 1921. – С. 11–41.
16. Окума, гр. Что необходимо для заокеанского развития Японии? // Вестник Азии. – 1913. – № 13. – С. 73–76.
17. По поводу рецензии Н. П. Мацокина // Библиография Востока. – 1936. – № 8-9. – С. 139–148.
18. Российский государственный исторический архив дальнего Востока (РГИА ДВ, г. Владивосток). Ф. Р–289. Оп. 2. Д. 285.
19. Хисамутдинов, А. А. Репрессированные востоковеды. Конец владивостокской школы японоведения : Протокол допроса Н. П. Овидиева // Facta Slavica Iaponica. – Hokkaido : Hokkaido University. The Slavic Research Centre, 1998. – Vol. 16. – Pp. 207–231.

Приложение

Список основных работ Н. П. Мацокина (составлен Татьяной Валерьевной Поликарповой)*

1909

1. *Внешняя торговля Японии / пер. с фр. // [Revue Indo-Chinoise. – 1909. – № 6].
2. Отношения полов до брака в некоторых малороссийских деревнях. – Владивосток : Тип. К. А. Недовольского, 1909. – 12 с.
3. *Пекинские нищие / пер. с фр. // [Из сочинения «Superstition, crime et misere en Chine» par J. J. Matingnon].
4. *Феминизм в Китае / пер. с фр. // [Revue Indo-Chinoise. – 1909. – № 5].

1910

5. Материнская филиация в Восточной и Центральной Азии. Вып. 1 : Материнская филиация у китайцев, корейцев и японцев. – Владивосток, 1910. – IV ; 40 с. – (Изв. Вост. ин-та ; 11-й год изд. ; 1909–1910 акад. г. ; т. XXXIII, вып. 1).

1911

6. Материнская филиация в Восточной и Центральной Азии. Вып. 2 : Материнская филиация у тибетцев, монголов, мяоцзы, лоло и тай. – Владивосток, 1911. – I–III ; 147 ; I–II с. – (Изв. Вост. ин-та ; 12-й год изд. ; 1910–1911 акад. г. ; т. XXXVI, вып. 2).

1913

7. Граф Окума и японское самомнение // Вестник Азии. – 1913. – № 13. – С. 70–72.
8. Черты японского характера, как они проявились во время похорон императора Мэйдзи Тэнно // Вестник Азии. – 1913. – № 13. – С. 68–69.

* Работы, помеченные знаком «*», не проверены de visu, приводятся по сведениям из различных источников и архивных документов.

1914

9. Абе Исоо. Бюджет японского рабочего / пер. с яп. // Вестник Азии. – 1914. – № 31/32. – С. 23–35.

10. К этнографии о. Формозы. Предания туземцев о пигмеях. Охота за черепами у племени Цалисен. Отвращение к близнецам. Аборигены и обезьяны / пер. с яп. // Вестник Азии. – 1914. – №№ 31/32. – С. 50–56.

11. О социологии и востоковедении // Вестник Азии. – 1914. – № 30. – С. 36–39.

12. Суемацу Кенцио. Сущность бусидо / пер. с яп. // Вестник Азии. – 1914. – № 30. – С. 19–23.

13. Dr. Matignon. Пекинские нищие / пер. с фр. // Вестник Азии. – 1914. – № 28/29. – С. 5–26.

1915

14. * Японская печать и внутреннее положение в России. – Харбин, 1915. – [15 с.].

1916

15. Ино: символы власти у племени Цалисен на о. Формозе / пер. с яп. // Вестник Азии. – 1916. – № 38/39. – С. 77–81.

16. [Рецензия] // Вестник Азии. – 1916. – Кн. 4, № 40. – С. 52–54. – Рец. на кн.: Шмидт, П. Опыт мандаринской грамматики с текстом для упражнения: Пособие к изучению разг. кит. пекинского наречия. 2-е изд. Владивосток, 1915.

17. Кордье, Ж. Народные поверья в Юнь-нань'и / пер. с фр. // Вестник Азии. – 1916. – № 40. – С. 77–81.

18. Мелкие статьи и библиографические заметки по японоведению. – Владивосток, 1916. – 22 с.

19. Из истории семьи на Дальнем Востоке (Амбильанак корейцев, китайцев и японцев) // Мацокин, Н. П. Мелкие статьи и библиографические заметки по японоведению. – Владивосток, 1916. – С. 2–15.

20. *Сиокухин дзитен* [рецензия] // Мацокин, Н. П. Мелкие статьи и библиографические заметки по японоведению. – Владивосток, 1916. – С. 15–16. – Рец. на кн.: Наоши Савамура. Практический словарь пищевых продуктов. – Токио, 44-й год Мэйдзи (1911).

21. *До:буцу дзитен* [рецензия] // Мацокин, Н. П. Мелкие статьи и библиографические заметки по японоведению. – Владивосток, 1916. – С. 17–18. – Рец. на кн.: Зоологический словарь / сост. Дзюнтаро: Наканиси; под ред. д-ра естеств. наук Исае Иидзима. – Токио: Изд. Сейбидо, 4-й год Тайсио (1915).

22. *Нихон гайрайго дзитен* [рецензия] // Мацокин, Н. П. Мелкие статьи и библиографические заметки по японоведению. – Владивосток, 1916. – С. 18–21. – Рец. на кн.: Толковый словарь иностранных слов, вошедших в японский язык / сост. Манен Уеда, Дзюндзиро: Такакусу, Курайоси Сиратори, Сио:дзабуро: Канадзава. – Токио: Изд. Сансейдо, 4-й год Тайсио (1915).

23. *Сиокубуцу КанВа дзитен* [рецензия] // Мацокин, Н. П. Мелкие статьи и библиографические заметки по японоведению. – Владивосток, 1916. – С. 16–17. – Рец. на кн.: Новый китайско-японский ботанический словарь / предисл. д-ра естеств. наук Киичи Мияке; под ред. канд. естеств. наук Масандо Таваро; сост. Кунидзо: Яги. – Токио: Изд. Санкайдо, 5-й год Тайсио (1916).

1917

24. * Генро (Старцы государства японского) // Китай и Япония. – Хабаровск, 1917. – № 258/263. – С. 58–60.

25. * Демократизм в Японии // Китай и Япония. – Хабаровск, 1917. – № 258/263. – С. 63–65.

26. * Мифические «императоры» Китая и тотемизм // Сборник статей профессоров и студентов, приуроченный к XVIII годовщине основания Восточного Института. – Владивосток, 1917. – С. 46–48.

27. * Японская печать и внутреннее положение в России. – Владивосток: Свободная Россия, 1917. – 22 с.; Изд. 3-е. – Харбин: О-во Рус. ориенталистов, 1917.

28. Японские вымыслы и их виновники. – Харбин, 1917. – 9 с.

29. * Biali, a zolci [Белые и желтые] // Listy Polskie z Dalekiego Wschody. – Charbin, 1917. – № 7. – (пол.).

1918

30. * Американско-японское соглашение о Китае // Дальний Восток. – Харбин: Изд. О-ва переводчиков Дальн. Востока, 1918. – Вып. 1. – С. 89–92.

31. * Защита монархии в Японии // Дальний Восток. – Харбин: Изд. О-ва переводчиков Дальн. Востока, 1918. – Вып. 1. – С. 93–95.

32. * Как Япония обрабатывает общественное мнение // Дальний Восток. – Харбин: Изд. О-ва переводчиков Дальн. Востока, 1918. – Вып. 1. – С. 35–42.

33. * Япония и Маньчжурия // Дальний Восток. – 1918. – Вып. 1. – С. 83–86.

1920

34. * Библиографическая заметка о книге С. Иосида «Шаньдунские быки и продукты животноводства в Шаньдуне», с двумя таблицами. Шанхай, 1920.

35. * Чемберлен, М. Х. Культ Микадо и культ Японии. Заслуги проф. имп. Токийского ун-та Б. Х. Чемберлена / пер. с англ. – Владивосток, 1917. – (Отд. оттиск из «Изв. Вост. Ин-та», 1917; Т. 1, вып. 2, № 22);

* Чемберлен, М. Х. Культ Микадо и культ Японии. Заслуги проф. имп. Токийского ун-та Б. Х. Чемберлена / пер. с англ. – Владивосток: Изд-во Т-ва «Свободная Россия», 1920. – 26 с.

* Чемберлен, М. Х. Изобретение новой религии: Культ Микадо и культ Японии. Заслуги проф. имп. Токийского ун-та Б. Х. Чемберлена / пер. с англ. Н. Мацокина // Изв. Вост. Ин-та. – 1920. – Т. 31.

1921

36. * Социология и востоковедение в связи с историей семьи на Дальнем Востоке. – Владивосток: Изд. Т-ва «Свободная Россия», 1921. – 72; VI с. – (Б-ка «Свободная Россия»; № 9).

37. Японский миф об удалении богини Солнца Аматерасу в небесный грот и солнечная магия // Изв. Вост. фак. Гос. Дальневост. Ун-та. 22-й г. изд.: 1920–21 acad. г. Т. LXVI, вып. 3. – Владивосток: Изд. и печ. Гос. Дальневост. Ун-та, 1921. – С. 11–41.

1925

38. Обзор японской экономической печати // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 3/4. – С. 122–126.

39. Японцы о японо-американской сухопутной войне // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 8. – С. 55–58.
40. Библиография. Японская пресса. О всеобщем избирательном праве // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 10. – С. 157–159.
41. Библиография. Обзор японской экономической печати // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 10. – С. 159–160.
42. Библиография. Иностраннный капитал в Японии (из журнала «Экономист») // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 10. – С. 160–161.
43. Библиография. Размер добычи главнейших ископаемых в Японии (Цюгай Сйогйо) // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 10. – С. 161.
44. Библиография. Будущее железного рынка (журнал «Кейдзай Таймс») // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 10. – С. 161–162.
45. Как живут изгоняемые из Осака обитатели дешевых пансионеров (журнал «Экономист») // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 10. – С. 162–163.
46. Японцы о японо-американской войне // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 5/7. – С. 74–79.
47. Социалистическое движение в современной Японии // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 1/2. – С. 40–45.
48. Библиография. С. Уесуги. Неизбежность японо-американского столкновения и готовность нации (Яп. название: *Ницибей сйотоцу но хисси то кокумин но какуго*). Издание «Дайнихон ю:бенкай», Токио, 1924 г. // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 3/4. – С. 129.
49. Библиография. Обзор японской экономической печати // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 3/4. – С. 122–126.
50. Библиография. Японская печать о шанхайских событиях // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 5/7. – С. 178–185.
51. Библиография. И. Фурасава. Действительный характер раскола в Генеральной Федерации Труда (Яп. название: *Ро:до:со:до:мэй бунрецу но синсо:*), журнал «Синсимей» (Новая Миссия), июнь 1925 г. К. Мацуока, М. Коно, К. Ямамото и К. Ямакава. Действительный характер трений в Генеральной Федерации Труда и критические замечания (Яп. название: *Ро:до:со:до:мэй бунран но синсо: то хихан*), журнал «Кайдзо» (Переустройство), июнь 1925 г. // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 5/7. – С. 185–186.
- 1926**
52. Общественные деятели Японии о русско-японском соглашении // Вестник Маньчжурии. – 1926 – № 1/2. – С. 24–29.
53. Библиография. С. Судо, майор пехоты. Япония в опасности и новая государственная оборона (Яп. заглавие: *Кокунанрай то синкокуба*). Издание Кйоику кенкюкай. Токио, 1924 г. // Вестник Маньчжурии. – 1926. – № 1/2. – С. 99–102.
54. Из японской экономической печати. Женский труд в Японии // Вестник Маньчжурии. – 1926. – № 1/2. – С. 102–103.
55. Из японской экономической печати. Разведение риса в Приморской области японцами // Вестник Маньчжурии. – 1926. – № 1/2. – С. 103.

56. Из японской экономической печати. Неторговый баланс Японии в 1924 г. // Вестник Маньчжурии. – 1926. – № 1/2. – С. 103–104.
57. Библиография. Из японской периодической печати // Вестник Маньчжурии. – 1926. – № 3/4. – С. 67–69.
58. Из японской экономической печати. Ввоз продовольствия в Японию // Вестник Маньчжурии. – 1926. – № 7. – С. 165–166.
- 1927**
59. Библиография. Классовая борьба в деревне и аграрные конфликты. Журнал «Экономист», 15 марта 1927 г., Токио // Вестник Маньчжурии. – 1927. – № 3. – С. 108–109.
60. Библиография. Очерки аграрного вопроса (Яп. заглавие: *Но:сон мондай кэнкю:*), 1-й номер журнала «Сякай кагаку (Общественная наука)» за 1927 г. Изд. Кайдзося. Цена 1 ен. 30 сен. Токио, 1927 г. // Вестник Маньчжурии. – 1927. – № 3. – С. 109–110.
61. Библиография. Оно Такео. Словарь по аграрной истории Японии (Яп. заглавие: «*Нихон но:минси гош*»). Издание Кайдзося. Цена 3 ена 50 сен. Токио, 1926 г. // Вестник Маньчжурии. – 1927. – № 3. – С. 110.
- 1928**
62. Вырезки из японских газет и журналов : пособие для студентов яп. отд-ния Вост. фак. Дальневост. гос. ун-та. Ч. I : Текст. – Владивосток : Учеб. изд. Дальневост. гос. ун-та, 1928. – 5 с. ; 42 яп. пагинации. – На правах рукописи.
- 1929**
63. Очерки морфологии настоящего времени японского глагола. – Владивосток, 1929. – IX+142 с. – (Тр. Дальневост. гос. ун-та ; сер. VI, вып. 4, № 9).
64. Приморский рис – ключ к разрешению продовольственной проблемы в Японии [рецензия] // Зап. Владивосток. отд. Рус. Геогр. О-ва. – 1929. – Т. 2. – С. 113–117. – Рец. на кн.: Такео, К. Очерк дальневосточных концессий. – 1925.
- 1935**
65. [Рецензия] // Литература национальностей СССР. – М., 1935. – № 11. – С. 15–17. – Рец. на кн.: Гуццо, П. А. Учебник японского языка. Ч. 1 / П. А. Гуццо, Г. С. Горбштейн. – М. ; Л. : Изд. Т-ва иностр. рабочих, 1934. – 126 с.
66. [Рецензия] // Литература национальностей СССР. – М., 1935. – № 11. – С. 17–19. – Рец. на кн.: Лейферт, А. А. Словарь наиболее употребительных в современном японском языке иероглифов. – М. ; Л. : Изд. Т-ва иностр. рабочих, 1935. – 308 с., 2 л. табл.
67. Несколько замечаний о японской феодальной литературе и ее переводах : (по поводу книги «Восток», сборник 1. Литература Китая и Японии. Academia, 1935) // Революционный Восток. – М., 1935. – № 6. – С. 102–107. – Рец. на кн.: Восток : сб. 1 : Лит. Китая и Японии / ред. и вступ. ст. Н. И. Конрада. – М. : Изд. «Academia», 1935. – 442 с.

Василий Крылов: спасти и уничтожить

А. Е. Куланов

В статье на основании ранее неизвестных архивных материалов, а также с применением анализа информации, собранной в открытых публикациях по истории советского японоведения, восстанавливается биография, карьерный и творческий путь одного из лучших отечественных японоведов-дальневосточников, специалиста по Вооруженным силам Японии, разведчика Василия Крылова, раскрываются причины его возвращения в СССР в 1934 г., ареста, гибели и сложный путь реабилитации.

Ключевые слова: Крылов В. Н., востоковедение, японовед репрессии, разведка.

Vasiliy Krylov: Saved and Ruined

А. Е. Куланов

In this article the biography, career and creative development of one of the best Soviet Japanologists and specialists of the Far East, Vasiliy Krylov, who was also a specialist of Japanese Armed Forces and a secret agent, are restored on the basis of previously unknown archival materials and with the help of analysis of information gathered through general publications on the history of Japanese studies. In the article the reasons for V. Krylov's return to the USSR in 1934, his arrest, death and posthumous difficult path of rehabilitation are disclosed.

Keywords: Krylov V. N., oriental studies, japanologist, repression, secret service

В библиографическом словаре «Русские военные востоковеды»⁴⁰⁹ список опубликованных работ этого человека в два раз длиннее, чем биографическая справка на него – обычная история, если речь заходит о японоведах в погонах, принявших на себя невыносимые удары судьбы в начале XX века. Сегодня настало время хоть немного узнать о Василии Крылове – уникальном специалисте и офицере-востоковеднике, вместе с десятками своих коллег ставшем жертвой сталинских репрессий. К сожалению, и в его случае главным источником информации пока остается его следственное дело, и по накалу драматизма никакая пьеса не сможет сравниться с тем, что хранится в этой пожелтевшей папке с надписью «Хранить вечно»⁴¹⁰.

Василий Николаевич Крылов родился 20 февраля (по некоторым данным – 22 февраля) 1877 г. в маленьком городке Боброве Воронежской губернии в семье мещан. 60 лет спустя неумолимая рука следователя фиксирует в «анкете арестованного» недопустимо высокий для большевиков социальный статус Крыловых: «отец имел дом из четырех комнат, корову и лошадь». О детстве и юности Василия Кры-

лова не известно ничего, кроме того, что он окончил 3 класса местной прогимназии. 12 июня 1897 г. Крылов добровольно пошел служить в царскую армию, поступив в Елизаветградское кавалерийское училище. Военный историк Константин Табачнев обнаружил данные о поручике В. Н. Крылове в наградных листах 17-го драгунского Черниговского полка и в Списках генералам, штаб и обер-офицерам и классным чинам Заамурского Округа Отдельного Корпуса Пограничной Стражи за 1914 г.

Из этих документов следует, что корнет Василий Крылов окончил училище по 2-му разряду и с 21 августа 1908 г. был определен на службу в 51-й драгунский Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны Черниговский полк, однако до 25 июня 1904 г. числился в запасе этого полка. Во время допроса в НКВД Василий Николаевич назвал именно эту дату в качестве начала своей военной службы, заявив, что в 1904 г. он был мобилизован и отправлен на русско-японскую войну. В составе своего полка Крылов участвовал в боевых действиях и 25 августа 1905 г. стал поручиком. В том же году он был награжден орденами Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом и Св. Анны – тоже 3-й ст. с мечами и бантом. В полку, вернувшись на постоянные квартиры в городе Орле, служил поручиком до 1908 г., но расставаться с Дальним Востоком Василию Крылову было еще рано.

8 февраля 1908 г. он отказался от демобилизации и отправился на службу в Штаб Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи, предназначенного для охраны русских владений в Манчжурии, куда прибыл через 6 дней и был включен в списки части. В ряде имеющихся до сих пор публикаций утверждается, что Крылов был самоучкой. Это не так, но истоки легенды уже понятны. Имевший ранее гимназическое и, вероятно, военное образование и изучавший японский язык по пособиям, поручик 8-го отряда Заамурского корпуса пограничной стражи Василий Крылов сдал экзамены на начальное знание японского языка и в октябре 1909 г. поступил сразу на второй курс⁴¹¹ Восточного института во Владивостоке по японско-китайскому разряду в качестве «сверхштатного слушателя»⁴¹².

Совершенно очевидно, что в то время Крылов видел себя практиком, а не ученым, а потому отказался от прослушивания полного институтского курса, выбрав лишь английский и японский языки, и в результате в 1912 г. не получил свидетельства об окончании института. Почему это произошло? Нет сомнений в том, что образование требовалось для некоей секретной службы, на которой находился наш герой: в следственном деле дважды упоминается «военно-специальная школа», которую Крылов окончил в 1913 году⁴¹³.

На деле речь идет об Офицерской подготовительной школе восточных языков (ОПШВЯ), формально числившейся при Штабе Приамурского военного округа, но в реальности функционировавшей при Восточном институте во Владивостоке. Ее курсанты оканчивали восьмимесячный курс в стенах института, после чего на два года откомандировывались в страны изучения, а уже затем сдавали выпускной

⁴¹¹ Буяков А. М. Офицеры в Восточном институте: 1899–1919 гг. Приложение: Биографический словарь офицеров, обучавшихся в Восточном институте. Рукопись.

⁴¹² Русские военные востоковеды до 1917 года. С. 133.

⁴¹³ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-32333. Л. 5.

⁴⁰⁹ Русские военные востоковеды до 1917 года: библиографический словарь. М.: Вост. лит., 2005. С. 133.

⁴¹⁰ ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-32333.

экзамен с присвоением квалификации «офицер-переводчик восточных языков» и получали соответствующие дипломы и нагрудные знаки. Так как в Восточном институте Крылов, еще в 1910 г. ставший штабс-ротмистром, диплома не получил, свидетельство об окончании ОПШВЯ служило ему в качестве документа о профессиональном образовании⁴¹⁴.

Известно, что уже с 1909 г. Крылов начал публиковаться: в это время его фамилия появляется в списке авторов Китайско-русского словаря военных терминов, изданного в Харбине, годом позже Штаб округа публикует его работы «Русский солдат. Что о нем пишут» и «Кто побеждает на войне?». Октябрьскую революцию Крылов встретил в чине ротмистра (примерно соответствует современным воинским званиям капитан и майор), будучи членом Общества русских ориенталистов и со значительным списком весьма специфических публикаций в профессиональном багаже: «Краткий алфавитный японско-русский словарь, пригодный для нижних чинов», изданный в 1914 г. в Харбине и Хабаровске, стал явным следствием участия в войне с Японией и понимания автором возникших тогда проблем.

Тогда же, главным образом в издательстве Штаба округа, выходят работы, носящие не только прикладной, но и военно-академический характер: «Вопросы японской конницы. Справочник современной организации конницы в Японии с приложением общих сведений о японских сухопутных силах» (Харбин, 1914); «Карта Кореи с японскими собственными именами» (Харбин, 1914); «Словарь японских географических названий Кореи, ныне генерал-губернаторства Циосен. С картой, под ред. генерал-майора Генерального Штаба Володченко» (*запомним эту фамилию! – А. К.*) (Харбин, 1914); «Краткие сведения о японских сухопутных войсках. С приложением географических и статистических данных о Японии. Под ред. ГШ генерал-майора Володченко» (1914); «Краткие сведения о вооруженных силах Японии. С приложением статистических данных общего характера. Под ред. ГШ генерал-майора Володченко» (1915); «Солдатские песни» (1915); «Вопросы японской армии в алфавитном порядке. Справочник современного устройства японских вооруженных сил» (1916)⁴¹⁵.

Понятно, что автором столь специфических трудов простой переводчик стать не мог. Помимо соответствующего опыта и образования, для их написания нужны были возможности, которые могла дать, например, служба в российской военной разведке, где Крылов имел бы шанс заниматься анализом японских вооруженных сил, получая уникальные материалы о них, недоступные обычным исследователям.

Был ли Василий Крылов русским военным разведчиком? Похоже, что именно так. Формально же, с 1913 г. он, как кавалерист, числился в 3-м конном Заамурском полку, но был откомандирован для прохождения службы в Штаб Заамурского округа, а в 1914 г. назначен военным цензором на станции Приграничная КВЖД, при этом неоднократно отправляясь в командировки в Японию и Корею⁴¹⁶. В том же году, по данным К. Табачнева, Василий Крылов был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени.

⁴¹⁴ Буяков А. М. Указ. соч.

⁴¹⁵ Русские военные востоковеды до 1917 года. С. 133.

⁴¹⁶ Буяков А. М. Указ. соч.

Политическое прошлое Василия Крылова в анкете арестованного определено просто и емко: «харбинец». Подробностей не слишком много: в период революции примкнул к партии социалистов-революционеров – тех самых эсеров, что делали революцию вместе с большевиками, а потом, в 1918 г., оказались их злейшими врагами.

У Василия Крылова с эсерами дорожки тоже разошлись. В 1920–1921 гг. он жил в Чите, где служил в частях Белой армии атамана Семенова, дослужившись до подполковника. В какой должности? На допросе в НКВД много лет спустя он сумел об этом не сказать, но мы знаем: сначала помощником начальника, а затем – с 20 ноября 1919 г. – временно исполняющим должность начальника контрразведывательного отделения Штаба округа⁴¹⁷. Исходя из наших стереотипов о Гражданской войне и колчаковской контрразведке, трудно представить себе службу, менее совместимую с наукой.

Тем не менее, в указанный период у нашего героя выходят новые книги: «Библия японского солдата и матроса. К познанию японской армии» (1919); «Очерки японской армии» (1919); «Русско-японские практические разговоры. Вып. 1. Приветствия – айсацу. Разговоры, подстрочный словарь к ним и сведения из грамматики японского разговорного языка» (1920); «Русско-японские разговоры. С кратким русско-японским словарем» (1921). Поистине фантастическая плодовитость для автора, существующего в условиях Гражданской войны с двумя маленькими детьми на руках и, как сказано в его следственном деле, все это время ведшего «активную борьбу с Советской властью в районах Восточной Сибири»!

Еще менее ясным выглядит следующий период жизни Василия Николаевича – с 1921 по 1925 гг. Мы не знаем, где он находился в это время и чем занимался. Есть неподтвержденная пока информация о том, что в 1921 г. он заведовал библиотекой во Владивостоке (возможно, библиотекой Восточного института?), затем служил редактором двух журналов: «Армия и народ» и «Солнышко. Журнал для детей» (!). В 1923 г. Крылов переехал в Харбин, где, вероятно, со следующего – 1924 г., работал переводчиком в Советском консульстве. Казалось бы, необычное место службы для бывшего разведчика и подполковника из белогвардейской контрразведки.

Но это, если не брать во внимание тот факт, что генеральным консулом РСФСР в Харбине был в то время Д. Д. Киселев (Моцный) – сколь безграмотный, столь же и энергичный резидент Разведывательного управления (будущего ГРУ) вооруженных сил «молодой советской республики», в прошлом левый эсер, переполненный идеями о борьбе с мировой буржуазией, тесно сотрудничающий с резидентурой Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ, но не сумевший окончить в школе курс даже русского языка, не говоря уж об иностранных.

Для него в сложившейся ситуации грамотные драгоманы были на вес золота и, похоже, как раз в это время карьера Василия Крылова как разведчика возобновилась. Путь же ученого, исследователя он не прерывал никогда.

В 1926 г. в Харбине вышла его следующая книга – «Японская литература о Китае, Манчжурии и Японии. Вып. 1. Журнальная литература». К этому же времени

⁴¹⁷ Буяков А. М. Указ. соч.

относится его случайная встреча на улице со старым знакомым по Владивостоку – японоведом Н. П. Мацокиным, которому Крылов предложил работу в консульстве, после чего Мацокин оказался на службе в резидентуре ИНО ОГПУ.

Относительно спокойная жизнь Василия Крылова в Харбине продолжалась до 1934 г. Он продолжал развиваться как ученый-востоковед, исследователь и Японии, и Китая, официально стал членом Общества исследователей Манчжурского края. В 1926–1933 гг. вышли его новые работы, в основном в виде журнальных статей в различных изданиях: «Литература на японском языке о Манчжурии и сопредельных странах» (1928); «Издательская деятельность Харбинского торгового музея»; «Новые книги по китайской проблеме. Книга биографий деятелей современного Китая»; «Содержание японских журналов за текущий 1930 г., посвященных изучению стран Дальнего Востока»; «Обзор текущей периодики в Китае на японском языке»; «Книги и брошюры о Китае», Манчжурии и Внутренней Монголии»; «Административное деление Китая»; «Библиографический указатель японской журнальной литературы за 1932–1933 годы»; «Новая японская книга о Манчжурии (С. Фуцзимагари. Создание «Маньчжоуго» и его естественные богатства)» и другие⁴¹⁸. Но однажды счастливая харбинская жизнь закончилась...

В каждом следственном деле из тех, что мне доводилось видеть в различных архивах, есть своя интрига, свой драматизм, свои загадки. В деле Василия Николаевича Крылова всего этого через край. В его аресте 1 сентября 1937 г. не усматривается поначалу никаких «восточных мотивов», хотя востоковедов всех уровней из самых разных организаций «брали» с самого начала года.

С началом Японско-китайской войны 7 июля 1937 г. волна арестов начала набирать мощь цунами, но общих для всех японоведов обвинений пока не выдвигалось, за исключением пропагандистских нападок в советской прессе. Большинство, конечно, были схвачены как «японские шпионы», но присутствовали и другие, более привычные для того времени обвинения, – в троцкизме и контрреволюционной агитации.

Постановление на арест Василия Николаевича Крылова было подготовлено 29 августа. В документе говорилось, что В. Н. Крылов «достаточно изобличается в том, что, будучи контрреволюционно настроен, высказывал троцкистские настроения по адресу вождя партии. Прибыл на территорию СССР как агент японских разведывательных органов со шпионскими заданиями»⁴¹⁹. Никаких доказательств и оснований для ареста, конечно, приведено не было – «достаточно изобличается», и все на этом. При этом о разведывательной, в пользу Японии, версии следователями было забыто сразу же и вплоть до вынесения предложений о передаче дела на рассмотрения Особого совещания (ОСО) – знаменитой «тройки».

Здесь надо заметить, что, помимо всего прочего, следственное дело Василия Крылова впервые позволяет нам более четко определить основных палачей московских японоведов страшного 1937 г. В делах, открытых позднее, после выхода приказа НКВД СССР № 00593 «О харбинцах», хорошо видно, что времени пра-

вильно оформлять документы у чрезвычайно загруженных «работой» чекистов не было – подписи стоят на положенных местах, а вот их расшифровки присутствуют не всегда. В конце августа 1937 г. чекисты только начинали «работать по восточникам», и были аккуратнее.

Теперь мы знаем, что постановления на арест Крылова, Ощепкова и многих других московских японоведов завизированы военным прокурором Московского военного округа Юлием Берманом (его самого расстреляют годом позже). Дела по большинству японоведов непосредственно вела тройка следователей и оперуполномоченных Московского областного управления НКВД в составе: Вольфсон, Наседкин, Воденко – это они лично избивали, пытали и уничтожали цвет столичного востоковедения.

Постановление об аресте подписано – это отчетливо видно – дрожащей рукой: шестидесятилетнего – старика по меркам тех лет – Крылова брали, видимо, ночью, в его квартире в доме № 10 по 2-й Домбровской улице в г. Пушкино Московской области, куда Василий Николаевич вынужден был переехать из Москвы, будучи не в силах платить за квартиру в столице.

Позже в этот же длинный деревянный барак (по старой памяти?) ворвутся чекисты в поисках друга и соседа Василия Крылова – Владимира Плешакова. Сопутствующий аресту обыск ничего не дал: изъяли паспорт и два фото: «Крылова и китайца». Нечувствительные к настоящим разведывательным мелочам следователи личность «китайца» устанавливать не стали, и в деле это фото отсутствует. В доме осталась жена Крылова Зинаида Викторовна и сын Кирилл 18 лет. Старшая дочь – тоже Зинаида, была геологом и находилась в экспедиции.

Первый допрос состоялся 7 сентября в Бутырской тюрьме. Допрашивал помощник оперуполномоченного 3-го отдела НКВД по Московской области Воденко, и линия следствия очень скоро приняла довольно необычный для схваченных востоковедов характер. Поначалу Крылов сообщил уже известные нам биографические сведения. При этом он либо не раскрыл, либо Воденко не внес в протокол допроса информацию о своей связи с разведкой. Затем речь пошла о последнем периоде жизни арестованного: «В Москву я приехал из Харбина 18 июля 1934 года... После двух месяцев поступил работать в издательство «Советская энциклопедия» в качестве редактора японистских трудов... По сокращении работы в этом учреждении в конце 1935 года я уволился по собственному желанию. В 1936 году работал в Тихоокеанском кабинете⁴²⁰ японистом». После этого следователь потребовал сообщить о «знакомых по Харбину». И Крылов сообщил, назвав первым практически неизвестного сегодня япониста Баяна Петровича Матиасевича, работавшего с ним в Тихоокеанском кабинете⁴²¹.

⁴²⁰ Отдел по изучению стран АТР в Коммунистической академии – высшем учебном и научно-исследовательском учреждении, существовавшем в Москве в 1918–1936 гг.

⁴²¹ Матиасевич Баян Петрович. Родился в 1891 г. в г. Кяхта; русский; образование среднее; б/п; институт Мирового хозяйства: младший научный сотрудник. Проживал: Москва, ул. Малые Кочки, д. 34, кор. 1, кв. 5. Арестован 8 сентября 1937 г. Приговорен: Комиссией НКВД СССР и прокурора СССР 10 октября 1937 г., обвинен в участии в антисоветской террористической организации. Расстрелян 17 октября 1937 г. Место захоронения – Московская обл., Бутово. Реабилитирован 2 июля 1957 г. См.: Списки жертв. Жертвы политического террора в СССР // Международный мемориал. URL: <http://lists.memo.ru/d22/f100.htm> (дата обращения 09.01.2014).

⁴¹⁸ Русские военные востоковеды до 1917 года. С. 133.

⁴¹⁹ Здесь и далее цитируется по указанному делу ГА РФ [Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-32333] с исправлением орфографических и синтаксических ошибок.

Следующие два листа дела посвящены развернутой характеристике Матиасевича как «непримиримого врага Советской власти». Никаких фактов вражеской деятельности коллеги Крылов, конечно, привести не мог, и в почти бессвязной груде слов следователь жирным красным карандашом подчеркивал то, что хоть как-то могло помочь НКВД создать очередной липовый заговор: «Числа 20-го августа Матиасевич заехал ко мне на квартиру, высказал мне свои террористические настроения по отношению к руководителям партии и Советского правительства, которые, по его мнению, ведут страну к гибели».

Удовлетворенный следователь Воденко требует назвать остальных, и обесиленный Крылов продолжает: «Кроме Матиасевича в Харбине я находился в близких отношениях с братьями Нечаевыми – Федором⁴²² и Василием⁴²³, Молошным Петром Прохоровичем⁴²⁴ и Плешаковым Владимиром Дмитриевичем (*подчеркнуто простым карандашом – А. К.*)... Федор Нечаев несколько месяцев тому назад заявил о том, что очень огорчен тем, что уволен из Разведывательного управления РККА (*подчеркнуто красным карандашом и дважды отчеркнуто сбоку простым – А. К.*)... Плешаков Владимир Дмитриевич в Харбине работал переводчиком японского языка на КВЖД. В период 1921 года во Владивостоке находился на службе у Японской военной миссии. В СССР... прибыл в 1935 году, работает в НКВД переводчиком. Проживает рядом со мной в Пушкино. Заходит ко мне на квартиру. По своим политическим взглядам настроен враждебно к СССР».

Все следующие протоколы допросов Крылова, которые велись несколько дней, а, возможно, и суток, представляют собой нагромождение явно на ходу придумываемых «враждебных» высказываний несчастного старика, вроде вот этого: «Вос-

⁴²² Нечаев Федор Ильич. Родился в 1889 г. в г. Троицко-Савск; русский; образование среднее; б/п; без определенных занятий после возвращения из Харбина в 1936 г. Проживал: Москва, Большой Овчинниковский пер., д. 12, кв. 31. Арестован 11 сентября 1937 г. Приговорен: Комиссией НКВД СССР и прокурора СССР 18 октября 1937 г., обвинен в членстве в шпионско-террористической группе и связи с агентами японской разведки. Расстрелян 21 октября 1937 г. Место захоронения – Московская обл., Бутово. Реабилитирован 2 июля 1957 г. См.: Списки жертв. Жертвы политического террора в СССР // Международный мемориал. URL: <http://lists.memo.ru/d24/f269.htm> (дата обращения 09.01.2014).

⁴²³ Нечаев Василий Ильич. Родился в 1894 г., Забайкальская обл., г. Троицко-Савск; русский; образование среднее; б/п; издательство «Иностранные рабочие СССР»: консультант. Проживал: Москва, 1-я Мещанская ул., Капельский пер., д. 13, кв. 4. Арестован 8 сентября 1937 г. Приговорен: Комиссией НКВД СССР и прокурора СССР 18 октября 1937 г., обвинен в том, что проживая в Харбине, был связан с агентами Японской разведки. Расстрелян 21 октября 1937 г. Место захоронения – Московская обл., Бутово. Реабилитирован в мае 1957 г. См.: Списки жертв. Жертвы политического террора в СССР // Международный мемориал. URL: <http://lists.memo.ru/d24/f266.htm> (дата обращения 09.01.2014).

⁴²⁴ Молошный Петр Прохорович: 1906 года рождения. Место рождения: г. Харбин; украинец; образование: высшее; б/п; Главное управление государственной съемки и картографии НКВД СССР: транскриптор-консультант; место проживания: г. Москва, ул. Усачева, д. 19 а, кор. 1, кв. 27. Арестован 3 августа 1937 г. Осужден 10 октября 1937 г. Комиссией НКВД и прокуратурой СССР. Обвинен в шпионаже в пользу японской разведки и участии в антисоветской шпионско-террористической организации. Расстрелян 17 октября 1937 г. Место расстрела: Москва. Реабилитирован 6 октября 1956 г. определением Военной Коллегии Верховного суда СССР. См.: Списки жертв. Жертвы политического террора в СССР // Международный мемориал. URL: <http://lists.memo.ru/d23/f216.htm> (дата обращения 09.01.2014).

певая хвалебные гимны Троцкому, я со злобой и ненавистью ругал С...». Именно так – не Сталина, а «С...» – рука помощника оперуполномоченного Воденко не поднялась написать фамилию «вождя народов» целиком – как бы чего не вышло... Зато не дрогнуло горячее сердце чекиста примешать к заговору семьи уже обреченных востоковедов, и арестованный «признавался»: «Кроме того, к этой контрреволюционной террористической организации принадлежали все наши жены, как то: Крылова Зинаида Викторовна (моя жена), возраст ее около 50 лет (*похоже, что Крылов находился в таком состоянии, что даже не мог вспомнить годы супруги, с которой прожил четверть века – А. К.*), уроженка Варшавы, русская, иждивенка..., Нечаева Анна Дмитриевна (возраст около 48 лет)⁴²⁵..., Нечаева Серафима Дмитриевна⁴²⁶..., Плешакова Мария Ильинична (лет 48)⁴²⁷...». Какой вред могли нанести эти женщины в годах советскому государству? По версии следствия это выглядело так: «Практически контрреволюционные и террористические высказывания женщин-членов террористической организации проводились на улицах, в очередях и других людских скоплениях. Наиболее активную роль в этом направлении играла Плешакова Мария Ильинична... Плешаков Владимир Дмитриевич проживал со мной в Пушкино по соседству и часто заходил ко мне на квартиру.

Одно время он работал где-то на заводе в Горьковской области и, возвратившись оттуда, очень возмущался порядками в стране, благодаря чему ему пришлось там работать не по специальности переводчика, а где-то в канцелярии. В июне месяце Плешаков, подойдя к окну моего дома, пригласил меня пойти к нему в сад погулять. У меня в то время находился мой знакомый преподаватель японского языка Ануфриев⁴²⁸, мы все вместе отправились к Плешакову. Во время разговора Плешаков в присутствии своей жены Марии Ильиничны, меня и моей жены, а также Ануфриева,

⁴²⁵ Нечаева Анна Дмитриевна. Родилась в 1894 г. в г. Хабаровске; русская; образование незаконченное среднее; б/п; домашняя воспитательница детей. Проживала: Москва, ул. Пятницкая, Б. Овчинников пер., д. 12, кв. 31. Арестована 10 сентября 1937 г. Приговорена: Комиссией НКВД СССР и прокурора СССР 18 октября 1937 г., обвинена в участии в сборищах шпионской террористической группы и в троцкистских, антисоветских разговорах. Расстреляна 21 октября 1937 г. Место захоронения – Московская обл., Бутово. Реабилитирована 2 июля 1957 г. См.: Списки жертв. Жертвы политического террора в СССР // Международный мемориал. URL: <http://lists.memo.ru/d24/f270.htm> (дата обращения 09.01.2014).

⁴²⁶ Нечаева Серафима Дмитриевна. Родилась в 1899 г. в г. Троицко-Савск; русская; образование низшее; б/п; Домохозяйка. Проживала: Москва, Капельский пер., д. 13, кв. 4. Арестована 10 сентября 1937 г. Приговорена: Комиссией НКВД СССР и прокурора СССР 18 октября 1937 г., обвинена в участии в сборищах антисоветской шпионской диверсионной организации. Расстреляна 21 октября 1937 г. Место захоронения – Московская обл., Бутово. Реабилитирована в мае 1957 г. См.: Списки жертв. Жертвы политического террора в СССР // Международный мемориал. URL: <http://lists.memo.ru/d24/f270.htm> (дата обращения 09.01.2014).

⁴²⁷ Сведения не обнаружены.

⁴²⁸ Ануфриев Петр Семенович. Родился в 1889 г., с. Посыет Приморской обл.; русский; образование высшее; б/п; зав. кафедрой японского языка Института востоковедения им. Нариманова. Проживал: Москва, Большой Власьевский пер., д. 7, кв.13. Арестован 4 июня 1938 г. Приговорен: ВКВС СССР 13 февраля 1939 г., обвинен в шпионаже. Расстрелян 25 февраля 1939 г. Место захоронения – Москва, Донское кладбище. Реабилитирован 27 ноября 1991 г. ГВП СССР. См.: Списки жертв. Жертвы политического террора в СССР // Международный мемориал. URL: www.memo.ru/memory/donskoe/d39.htm (дата обращения 09.01.2014).

ругал Советскую власть. Говорил, что в СССР творится беззаконие. Всюду аресты. Около 80 процентов харбинцев арестованы без разбору, «ни за что»⁴²⁹.

Жена его – Плешакова Мария Ильинична – подтвердила слова своего мужа и добавила: «Да, в СССР такая жизнь, что, пожалуй, не нужно было бы ехать сюда. Нет никакой возможности прожить и дать образование детям». Я и моя жена подтвердили их слова тем, что, действительно, жизнь в СССР очень тяжела, и вот мы находимся без работы, голодаем и не имеем жилплощади. После этого Плешакова стала часто бывать у нас в доме и говорила моей жене с плачем и злобой, что каждый день кого-нибудь да арестуют из ее знакомых, и вот опять арестовали какого-то профессора, у которого даже книги забрали при обыске, и теперь его жена обречена на мучения...».

Оторвемся от чтения протокола и зададимся вопросом: а зачем эти люди покинули более-менее сытый Харбин и вернулись в страшную, голодную, терроризируемую НКВД Советскую Россию? Для чего? Настолько не знали, что происходит на родине? И когда это произошло? Ответы не так просты, как может показаться на первый взгляд.

С одной стороны, по своим политическим убеждениям все наши герои были не просто «харбинцами», как это записано в анкете у В. Н. Крылова, но и «сменовеховцами устряловского толка», как был определен характер политического настроения друга В. Д. Плешакова, японоведа и разведчика Василия Ощепкова, снимавшего, кстати говоря, на лето дачу по соседству. Они были готовы работать где угодно и кем угодно, лишь бы служить родине. Служить стране, которая, как они верили, нуждается в их преданности, профессионализме, грамотности – нуждается остро, как никогда. И все они были этой родиной преданы с редкостным садизмом – с уничтожением семей, жен, детей...

С другой стороны, подавляющее большинство харбинцев, прибывших в Советский Союз в тридцатых годах, приняли это решение лишь в самый последний момент – после продажи 23 марта 1935 г. КВЖД – основного места их службы, японцам. Множество русских лишилось работы, а такие, как В. Н. Крылов и его семья, имевшие советские паспорта, были фактически обречены на возвращение. Многие не хотели жить и работать «под японцами», и, по свидетельству задержавшихся, такие настроения крепки и ширились со временем – вспомним статью Марианны Колосовой.

Но, как мы помним, Крыловы приехали из Харбина в Москву 18 июля 1934 г. – за семь месяцев до продажи дороги. Да и работал Василий Николаевич не в правлении КВЖД, а в Генеральном консульстве СССР – переход дороги в другие руки уж на нем то должен был сказаться менее всего. Что же произошло? Что или кто заставил 57-летнего отца семейства бросить все и переехать в Москву, где он всего через год стал безработным и вел нищенское существование в бараке отдаленного пригорода столицы? Ответ на этот вопрос ждет нас впереди, а пока еще одна загадка: жены. Их то за что? Ведь не за разговоры же о тяжелой доле на самом деле? И почему только в делах Крылова и Плешакова жены выступают едва ли не основ-

⁴²⁹ Владимир Дмитриевич Плешаков ошибался: основные аресты (46317 человек) и расстрелы (30992 человека) харбинцев были еще впереди – после вступления в силу приказа НКВД № 00593.

ными участниками мифического контрреволюционного заговора. Четкого ответа на этот вопрос у меня нет, но есть версия.

Василий Крылов был арестован 1 сентября 1937 г., а за две недели до этого – 15 августа – был подписан совершенно секретный Оперативный приказ НКВД СССР № 00486, начинавшийся фразой «С получением настоящего приказа приступите к репрессированию жен изменников родины, членов право-троцкистских шпионско-диверсионных организаций, осужденных военной коллегией и военными трибуналами по первой и второй категории, начиная с 1-го августа 1936 г.».

Одно из самых страшных свидетельств сталинской эпохи подразумевало начало репрессий родственников (жен и детей от 3-х лет) тех, кто уже был арестован ранее. Похоже, следственная группа по делу Крылова решила постараться и, ревностно претворяя в жизнь новые требования партии большевиков, состряпала заговор, в который сразу «вовлечены» были и мужья, и жены – как говорят в народе, чтобы «два раза не ездить». Все арестованные жены были домохозяйками, никакого реального вреда причинить не могли, сколько бы ни жаловались на свою несчастную жизнь, но уж очень хотелось чекистам уничтожить побольше тех, кто знал другую – счастливую жизнь...

Есть, конечно, в деле В. Н. Крылова и другие странности. Как объяснить, что он оклеветал своих лучших друзей: братьев Нечаевых, Плешакова и других? Почему фактически утащил их на тот свет? Уж если на то пошло, мог ведь устроить неприятности врагам, а не друзьям.

Но... «Кроме указанных лиц, я вел контрреволюционные и террористические разговоры в семье своего знакомого – Мацокина, профессора японского языка. Сочувствия с его стороны на мои высказывания я не встречал. С Мацокиным я за последнее время поссорился и до своего ареста месяца три с ним не встречался». Крылов и не мог с ним встречаться – с июля 1937 г. Мацокин находился в тюрьме и был расстрелян 10 октября того же года как «японский шпион». А может, Василий Николаевич знал, что Мацокин арестован? Может быть, это о нем говорила Зинаида Викторовна Крылова, упоминая арест «знакомого профессора», и Крылов таким образом пытался помочь Мацокину? Кто знает... Но недруга выгораживал.

Нет сомнений, что дело Крылова велось с применением пыток – достаточно взглянуть на подписи старого япониста в протоколах допросов – хуже них я видел только каракули избитого доцента Трофима Юркевича. Что происходило в камере для допросов Бутырской тюрьмы, несложно себе представить, перечитав, например, солженицынский «Архипелаг ГУЛАГ». Указание Политбюро ЦК ВКП(б) о применении к «врагам народа» методов физического воздействия было получено чекистами совсем недавно – в июле, и они выполняли его с тем же жаром, с той же беззаветной самоотдачей, с какой арестовывали жен обреченных.

Но все люди разные, и не на всех можно было надавить даже так. 16 сентября чекисты устроили Крылову и его друзьям страшное испытание: была проведена очная ставка Василия Николаевича с арестованным и обвиненным им в терроризме Федором Ильичем Нечаевым. Ни одного обвинения Крылова Нечаев на очной ставке не признал и ни в чем не сознался. А Крылов снова подтвердил все.

10 октября 1937 г., в день расстрела Мацокина и смерти в камере Бутырской тюрьмы Ощепкова, было подписано Обвинительное заключение ОСО: «Крылов Василий Николаевич, проживая в Харбине с 1904 по 1934 год, был связан исключительно с белоэмиграцией и лицами, близко стоявшими к японской разведке. В период Гражданской войны принимал активное участие в вооруженной борьбе против Соввласти, являясь офицером в чине полковника в армии генерала Семенова.

Являясь непримиримым врагом Соввласти, еще проживая в Харбине, вел террористическую, антисоветскую пропаганду, направленную к необходимости свержения Соввласти и убийства руководителей ВКП(б) и Советского правительства. При отъезде в 1934 году из Харбина в СССР имел встречу с бывшим белым генералом, работающим начальником полицейского отряда при главном полицейском управлении г. Харбина Володченко⁴³⁰ (*помните редактора крыловских трудов о японской армии? Крылов признал факт встречи с ним, но так и не подписал признания о сотрудничестве – А. К.*), от которого получил задание – по приезду в СССР сгруппировать вокруг себя врагов Соввласти и создать на территории СССР террористическую организацию... Виновным себя признал полностью»...

Здесь, казалось бы, и поставить точку в деле Василия Крылова, но перед выпиской из акта о расстреле обвиняемого 17 октября 1937 г. на Бутовском полигоне, оказались подшиты еще два – совершенно неожиданных для меня – документа.

Первый – протокол допроса 16 февраля 1935 (!) года аспиранта Института Востоковедения и сотрудника издательства «Советская энциклопедия» Фомичева Виктора Евдокимовича, «из крестьян». Протокол, скорее напоминающий донос: «... Наибольший интерес представляет из себя Крылов Василий Николаевич. За время совместной работы с ним мне удалось узнать о нем следующее: ...он прекрасно владеет японским языком, особенно хорошо он усвоил военные термины и географические названия.

Ведет себя весьма скрытно и о своем прошлом не распространяется... В разговоре с японоведом Поповым Александром Николаевичем последний заявил мне, что он довольно хорошо знает Крылова, причем указал, что в прошлом он был жандармским офицером и у него есть свои печатные труды. Живет Крылов в районе 2-й Мещанской».

Бывший жандарм, прекрасно знающий язык, показался чекистам подозрительным, и через два дня они допрашивали уже японоведа Попова⁴³¹: «Лично я его знал около 1915 года, но знакомство было шапочно, в городе Владивостоке. Он в то время был кадровым офицером в чине приблизительно штабс-ротмистра и служил, насколько можно заключить из его книг, в Заамурском округе пограничной охраны, в Харбине.

⁴³⁰ Володченко Николай Герасимович. Родился в 1862 г., г. С.-Петербург; русский; командир Юго-Восточного фронта Генштаба. Проживал: г. Харбин. Арестован 24 сентября 1945 г. Приговорен: УКР СМЕРШ ПримВО 31 декабря 1945 г., обвинен по ст. 58-16 УК РСФСР. Дело прекращено в связи со смертью обвиняемого. Реабилитирован 22 ноября 1999 г. по заключению Прокуратуры Омской области по Закону РФ от 18.10.1991 г. См.: Списки жертв. Жертвы политического террора в СССР // Международный мемориал. URL: www.memo.ru/memory/donskoe/d7.htm (дата обращения 09.01.2014).

⁴³¹ Более точно этого человека идентифицировать пока не удалось.

...Книгами Крылова я очень мало интересовался, т.к. они касались наименее интересной для меня отрасли японоведения, а именно – военного дела... Крылов в части японского языка был, кажется, учеником профессора Спальвина и слушателем Восточного института во Владивостоке... видно, что он является знатоком японской армии (*эта фраза подчеркнута толстым синим карандашом – А. К.*) и с этой стороны, мне кажется, может быть полезен для соответствующих наших организаций (*два раза отчеркнуто на полях – А. К.*)».

На этом, кажется, дело Крылова точно уж можно было закрыть – оно кончилось расстрелом, но... – дальше оказалось еще интереснее. 22 июня 1956 г. «в связи с пересмотром дела Нечаева» архивно-следственное дело нашего героя было запрошено из архива КГБ СССР офицером Главной военной прокуратуры, который вынес в порядке надзора следующее определение: «Данных, послуживших основанием для ареста Крылова, нет. Никаких компрометирующих материалов ни на кого в этом деле нет».

Ожидаемо. Но вот и неожиданное: появляется ответ на один из заданных нами вопросов: почему Крылов вернулся с КВЖД на год раньше остальных: «...наоборот, в деле имеется сообщение ГУГБ НКВД СССР от мая 1935 г., в котором указано: «Крылов... выполнял в Манчжурии... работу по заданиям Разведупра с 1926 г. по 1934 г. Был отправлен в СССР вследствие имевшихся сведений о наблюдении за ним... Работал неплохо». Работал неплохо...».

В книге историка спецслужб М. Алексева «Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты» (1922–1929) встречается такой пассаж: «...не менее результативным был агент по кличке «Степаничук». Сотрудничал с разведкой с 1921 г. Беспартийный. Русский. Бывший ротмистр, бывший адъютант Разведывательного отделения Заамурского военного округа. Хорошо знал Китай и Японию. Был чрезвычайно полезен, так как имел хорошее военное образование и опыт старого разведчика. Давал сведения по контрразведке, переводил секретные документы. Имел связи среди белогвардейцев, японцев местной колонии и других городов Маньчжурии и Кореи. Был известен в местных кругах как журналист, переводчик, военный. Через него было добыто много документальных материалов, получивших высокую оценку руководства разведорганов»⁴³². «Бывший ротмистр», журналист и «старый разведчик» – это, конечно, Василий Крылов – по уникальной биографии восстановить подлинное имя агента «Степаничука» совсем не сложно.

Таким образом, с разведкой Крылов не порывал никогда, не изменял профессии, которая, как известно, в том, чтобы «родину защищать». Он снял погоны ротмистра пограничной охраны Российской империи и полковника белой армии атамана Семенова, чтобы стать агентом советской военной разведки. Василий Крылов – «Степаничук» «работал неплохо», но попал в Харбине под наблюдение японских контрразведчиков и был выведен из-под удара самым действенным способом: отправлен в Советский Союз вместе с семьей. Так получилось, что руководство Разведупра Красной Армии спасло Крылова, чтобы через три года его расстреляли чекисты.

Дата указанной переписки спецслужб – май 1935 г. – свидетельствует о том, что сообщения аспиранта Фомичева и преподавателя Попова не остались неза-

⁴³² Русские военные востоковеды до 1917 года. С. 129.

меченными. Сотрудники советской контрразведки выяснили, кто такой Крылов на самом деле, успокоились, но дело на него завели. Дело, ставшее в 1937 г. приговором. Дело, в котором до сих пор в запечатанном и прошитом особым образом конверте хранится, видимо, та самая переписка, которой не суждено стать открытой.

Сотрудники же военной прокуратуры, занимавшиеся в 1956 г. пересмотром изученных нами документов, отправили запросы во все советские архивы и выяснили, что «никаких компрометирующих материалов в отношении В. Н. Крылова не имеется. Более того, установлено, что бывший сотрудник УНКВ МО Вольфсон, принимавший участие в допросах и руководивший следствием по делу Крылова, осужден за преступную деятельность в органах НКВД, в том числе и за фальсификации уголовных дел. Будучи допрошен 10 июля 1956 г., Вольфсон показал, что бывший его подчиненный сотрудник УНКВД Мочнов, также принимавший участие в допросах Крылова, применял к арестованному физические меры воздействия».

К сухим строкам прокурорского расследования сегодня можно добавить фрагменты воспоминаний случайно уцелевшего «подопечного» Вольфсона – Аркадия Дмитриевича Евсюгина из его книги «Судьба, клейменная Гулагом»: «После обыска увели меня на второй этаж областного Управления НКВД к следователю Вольфсону. Он предложил сесть на табуретку... Вольфсон сообщил мне, что я арестован как враг парода, изменник Родины, троцкист-бухаринец, строго сказал: «Запомни это. Мы с тобой будем поступать как с врагом народа. Тебе, вероятно, известны слова писателя А. М. Горького: «Если враг не сдастся, его уничтожают». Этими словами Горького они внушали мне, что арестант у них – беззащитная личность, вне закона. После своего выступления Вольфсон предложил мне писать чистосердечное признание, убеждая меня, что чем раньше напишу, тем лучше для меня...»

Когда я пришел в себя и почувствовал, что могу говорить, сказал Вольфсону:

Я же не виноват, мне нечего и не о чем писать.

Вольфсон, как бешеный, вскочил, начал кричать, посыпалась брань и ругань, угрозы. Команда: «Встать!» Подошел ко мне, начал громко кричать в ухо. Появились сильная боль и шум в голове. Долго гарцевал он вокруг меня, ругался и кричал. Я стоял и молчал. Затем переходит к следующему отработанному приему, двумя пальцами сверху вниз сильно ударяет между ключицей и шейей, боль невероятная, искры из глаз посыпались, и изо рта пошла кровь. «Стоять!»

По-ихнему называется «конвейер». Это один из приемов допроса. На конвейере могут держать сутками без сна, пищи и воды, только до тех пор, пока арестованный не потеряет сознания и согласится подписать все протоколы, что предложит следователь.

На конвейере я простоял без сна, пищи и воды трое суток. Вода стояла на столе, вызывала жажду. От бессонницы, физической и моральной усталости падал на пол. Величайшее удовольствие испытывал, когда лежал на полу. Долго лежать не давали, пинали в бок, обливали водой, приводили в сознание, командовали «Встать!» Одного дежурного сменял другой, такой же жестокий и безжалостный. Один раз дежурила женщина, кажется, Судакова. Назойливо твердила одно: «Пиши, пиши, легче будет. Признаешься, мучить перестанут». Я ей отвечаю: «Мне нечего писать.

Я не виноват». Она с иронией говорит: «Да, не виноват! Довольно ниточки на х... наматывать, мы вас знаем».

За эти трое суток наслышался всякого. Из кабинета в ночное время слышались матерщина, ругань, крик: «Фашисты, гады! Убивайте! Придет время, будет управа над вами!» С мужским криком чередовался женский крик, истерика, слезы. Следователь Вольфсон приходил в кабинет, где я стоял, спрашивал другого: «Писать еще не соглашается? Нет?» Уходил и приказывал держать на «конвейере» по всей строгости или перевести в комнату, где допрашивали шпионов.

Вольфсон пришел злой, как зверь, подошел ко мне, под нос тычет бумажку: «На, смотри! Это ордер на арест твоей жены, а детей определим в детский приемник НКВД. Думай о жене и детях!»⁴³³.

Напомню: Василию Крылову, когда он встретился с Вольфсоном и его подручными, было 60 лет. Сохранились фотографии Крылова и его жены, сделанные незадолго до их отъезда из Харбина в Москву. Есть и тюремные фото. Поверить, что на них изображены одни и те же люди, можно только зная, что между двумя съемками не три года, а полтора месяца существования в девяти кругах ада.

«Определение Верховного Суда СССР № 4н-02480. Секретно.

...на основании вышеизложенного прекратить дело в отношении Крылова Василия Николаевича за отсутствием состава преступления».

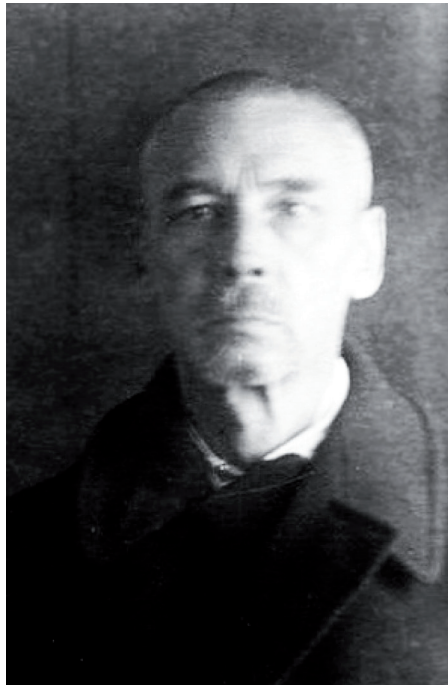
Ну вот, кажется, это страшное дело наконец-то можно закрыть и поставить точку в нашем расследовании. Но нет. Прокуроры продолжали работу: «Секретно. В Военную коллегия Верховного Суда СССР. Сообщаем, что определение ВК ВС СССР о реабилитации Крылова Василия Николаевича нами не объявлялось, т.к. по сведениям Центрального адресного бюро его родственники в г. Москве и Московской области проживающими не значатся. 15 мая 1957 г.». Что это значит?

Расстрелянный японовец и разведчик реабилитирован, но сообщить об этом некому. Его жена – Зинаида Викторовна – пережила мужа ненадолго и была расстреляна на том же Бутовском полигоне 21 октября 1937 г. Сведений о детях в 1956 г. найти не удалось. Конец? Снова нет.

Я переворачиваю еще один лист и вижу рукописное заявление, написанное относительно недавно, по иронии судьбы – в праздник сотрудников госбезопасности – 20 декабря 1990 г.: дочь Василия Николаевича Крылова Зинаида Васильевна обращается к начальнику УКГБ по г. Москве и Московской области с просьбой сообщить ей судьбу отца... В ответ ей направляют справку о его судьбе и те самые фотографии.

Только теперь я могу со спокойной совестью перелистнуть последнюю страницу и расписаться в просмотре дела: «использовал для научного исследования». Перелистнуть и... отправиться в архив Международного правозащитного общества «Мемориал», которое не только помогает нам восстановить многие судьбы репрессированных родственников и коллег, но и хранит бесчисленные воспоминания родственников репрессированных.

⁴³³ Евсюгин А. Д. Судьба, клейменная ГУЛАГом // Сахаровский центр. URL: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=6066> (дата обращения 09.01.2014).

*Василий Николаевич Крылов и его супруга,
Зинаида Викторовна Крылова, до ареста и после*

Интервью с дочерью нашего героя Зинаидой Васильевной Крыловой для проекта «Рельсы судьбы» записала 28 июня 2007 г. волонтер «Мемориала» Ольга Оболенская. Возраст Зинаиды Васильевны давал себя знать, и она нередко путалась в датах, но все же перед нами уникальное свидетельство очевидца тех событий:

«Моя мама Зинаида Васильевна Крылова (Родзевич) родилась в 1890 г. в Варшаве. Учительница. Папа – Крылов Василий Николаевич, 1890 г. рождения, окончил Восточный институт во Владивостоке по японскому отделению. Я родилась 16 августа 1913 г. во Владивостоке. Февральская революция 1917 г. застала нас в Харбине. В 1915 г. в Харбине родился брат – Кирилл.

Папа работал переводчиком-японистом в Штабе Заамурского округа пограничной стражи. С 1920 г. папа заведовал во Владивостоке библиотекой, и в 1923 г. уехал переводчиком в советское консульство в Харбин. В 1925 г. мы переехали в Пекин, где папа работал переводчиком в полпредстве, а мама там же, машинисткой.

Еще через полгода его командировали в Правление КВЖД, а мы после этого жили в Харбине до 1934 г. В 1931 г. папа работал в генконсульстве СССР в качестве драгомана при консуле Мельникове⁴³⁴.

В июле 1934 г. мы вернулись в Москву. В Москве папа работал в Государственном словарном энциклопедическом издательстве в качестве научного работника. Писал книгу «Быт, нравы и обычаи Китая», составлял словарь географических названий Манчжурии и Монголии.

Он был арестован 1 сентября 1937 г. 17 октября он был расстрелян. Но мы об этом узнали только 16 апреля 1957 г., когда он и мама были реабилитированы постановлением Военной коллегии Верховного Суда СССР.

Маму арестовали 11 сентября, а расстреляли 21 октября по обвинению в шпионаже в пользу Японии, как и папу.

У мамы было 3 сестры, мама – старшая. Средняя – Евгения – умерла в Харбине. Младшая – Елизавета – вышла замуж за поляка и уехала в Варшаву. Бабушка переехала к ним в Варшаву из Харбина. А дед погиб в плену у немцев в мировую войну.

⁴³⁴ Китаист-политолог; дипломат. Родился в г. Селенгинск Забайкальской обл. Активный участник гражданской войны на Дальнем Востоке. В 1924–1928 гг. – зав. отделом Дальнего Востока НКВД СССР. Генконсул СССР в Харбине (1928–1931); временный поверенный в делах СССР в Японии (1931). Служил в военной разведке: в 1933–1934 гг. – заместитель начальника Разведуправления Генштаба РККА и уполномоченный НКВД на Дальнем Востоке. Под псевдонимом публиковал статьи и брошюры о политической ситуации в Китае. Член редколлегии журнала «Новый Восток». Участник дискуссии о «способе производства» в Китае. С 1935 г. – руководитель службы связи с зарубежными центрами ИККИ и всей агентурой Коминтерна. Арестован 4 мая 1937 г. 25 ноября 1937 г. ВК ВС СССР в помещении Лефортовской тюрьмы приговорен к ВМН («шпионаж»). Расстрелян 28 июля 1938 г. А. Ваксберг отмечает, что отсрочка расстрела Мельникова была вызвана необходимостью (по просьбе секретаря ИККИ Д. Мануильского) постепенной передачи всей агентурной сети другому лицу, и почти 8 месяцев Мельников из внутренней тюрьмы НКВД руководил заграничной агентурой. Место захоронения – полигон НКВД «Коммунарка». Реабилитирован ВК ВС СССР 10 марта 1956 г. См.: Библиографический словарь востоковедов – жертв политических репрессий в советский период. URL: http://vostokoved.academic.ru/407/%D0%9C%D0%95%D0%9B%D0%AC%D0%9D%D0%98%D0%9A%D0%9E%D0%92,%D0%91%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%81_%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения 09.01.2014).

В Харбине мы жили рядом с кинотеатром «Желсо», в 1932 г. пострадали от наводнения. В 1929 г. после конфликта с китайцами все служащие ушли из Правления КВЖД в знак солидарности с советскими. Папа стал работать в советском журнале «Вестник Манчжурии». Рядом жили два брата – Федор и Василий Нечаевы, Рассохины. Мы у них по очереди собирались.

Мы ничего не знали о том, что здесь происходит, а папа очень хотел вернуться. Хотел на родину, в Бобров съездить. Когда японцы заняли Харбин, папа боялся, что они его заграбастают.

Я работала геологом, по 8–9 месяцев в экспедициях. Когда папу с мамой арестовали, я тоже была в экспедиции, в командировке, и не знала ничего. Арестовали их очень поздно. Я приехала с поля, мама дома еще была: «папа арестован». Вид у нее был ужасный. Через три дня я снова уехала, а когда вернулась, мамы уже не было...

Вернулась домой, а там чемоданы открытые стоят. Всю ночь я просидела. Задремала и увидела сон: как будто мы с мамой в густом сосновом лесу. Темно. И вдруг сосны все начинают падать. А мама говорит: «теперь все на меня скажут, что это я сделала».

Мой брат пытался их найти, но ему сказали, что они арестованы и высланы без права переписки. Мы не представляли, что все это Сталин сделал. Мы все за него были...

В документах папа реабилитирован дважды: 16.04 и 2.07.1957 г.

Папа рвался в Москву, хотел узнать, что с родными. А я все время вспоминала Харбин – это самое счастливое время было. Я не скрывала, что мои родители арестованы, но отношение ко мне никак не изменилось. Мне собирались только орден Ленина дать, но не дали...».

Вот теперь все. По крайней мере, пока.

Список литературы

1. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-32333.
2. Библиографический словарь востоковедов – жертв политических репрессий в советский период [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vostokoved.academic.ru>.
3. Буяков, А. М. Офицеры в Восточном институте : 1899–1919 гг. Приложение : Биографический словарь офицеров, обучавшихся в Восточном институте / А. М. Буяков. – [Б. м.], [б. г.]. – Рукопись.
4. Евсюгин, А. Д. Судьба, клейменная ГУЛАГом [Электронный ресурс] // Сахаровский центр. – Режим доступа: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=6066>.
5. Русские военные востоковеды до 1917 года : библиографический словарь. – М. : Вост. лит., 2005. – 296 с.
6. Списки жертв. Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс] // Международный мемориал. – Режим доступа: <http://lists.memo.ru/d22/f100.htm>.

К. А. Харнский как публицист и политический обозреватель

А. С. Дыбовский

Статья посвящена журналистской деятельности выдающегося российского востоковеда Константина Андреевича Харнского (1884–1938 гг.). Предметом анализа стали публикации К. А. Харнского на страницах газеты «Красное знамя» преимущественно в 1920-е гг. Автор рассматривает особенности языка и стиля текстов К. А. Харнского, прослеживает связь его публицистики с традициями российской журналистики в описании Японии, а также показывает место журналистской деятельности К. А. Харнского в становлении его как ученого и политического аналитика.

Ключевые слова: Харнский К. А., жизненный путь К. А. Харнского; публицистика К. А. Харнского; язык и стиль К. А. Харнского; риторические приемы К. А. Харнского.

K. Kharnsky as a Social Critique and Political Observer

A. S. Dybovsky

This article is devoted to the journalistic activity of an outstanding Russian orientalist Konstantin A. Kharnsky (1884–1938). The author analysis the articles of K. Kharnsky published on the pages of newspaper «Krasnoye Znamya» («Red Banner») in the 1920s. He gives a brief description of K. Kharnsky's texts' style, and shows the role of journalistic activities of K. Kharnsky in his formation as a scholar and a political analyst. The description of Japan in K. Kharnsky's articles is disclosed in connection with the traditions of Russian journalism starting with I. A. Goncharov's *The Frigate «Pallada»* (1855–1858).

Keywords: Kharnsky K. A., K. Kharnsky's life, K. Kharnsky's social critique articles, K. Kharnsky texts' style

Введение

Нельзя сказать, что жизнь и творчество К. А. Харнского представляют собой белое пятно в развитии отечественного востоковедения. Он широко известен как историк стран Дальнего Востока и преподаватель ГДУ (ДВГУ). Высокую оценку среди специалистов получили его книги «Япония в прошлом и настоящем» (1926) и «Китай с древнейших времен до наших дней» (1927). Положительно была оценена Н. И. Конрадом и пропавшая после ареста Константина Андреевича 800-страничная «История Кореи». Однако нам представляется, что деятельность К. А. Харнского в качестве публициста, политического обозревателя и аналитика периодической печати зарубежных стран изучена недостаточно, особенно в плане понимания места и роли Константина Андреевича в развитии отечественного востоковедения.

С нашей точки зрения, К. А. Харнский состоялся как ученый и педагог в первую очередь благодаря своей журналистской деятельности. Именно многолетняя упорная и кропотливая аналитическая работа с прессой на восточных и западных

языках сделала К. А. Харнского крупным специалистом в области политики и экономики стран Дальнего Востока, знатоком их новейшей истории, а также аналитиком мировой политики в первые четыре десятилетия XX века.

В этой статье мы ставим перед собой цель рассмотреть деятельность К. А. Харнского как публициста и показать, какое влияние эта деятельность оказала на него как педагога и ученого. Материалом для нашего анализа послужили преимущественно публикации К. А. Харнского в газете «Красное знамя», в которой в 20-е годы XX столетия публиковалось до нескольких десятков его статей в год.

Рассматриваемой нами проблеме посвящены две публикации В. М. Серова. В первой Вадим Михайлович анализирует, как в статьях К. А. Харнского в периодической печати раскрываются проблемы, связанные с политической и экономической обстановкой в Китае и Японии на протяжении примерно двух с половиной десятилетий после русской революции.

В вышеупомянутой статье В. М. Серов сообщает читателям, что первые известные нам журналистские работы К. А. Харнского были написаны для журнала «Китай и Япония», издававшегося штабом Приамурского военного округа, в Информационный отдел которого К. А. Харнский был направлен весной 1917 г. после перенесенной в 1916 г. контузии. Отмечается, что эти публикации были посвящены экономике и политике Японии и Китая, что написано они были доходчивым и точным языком и пользовались популярностью у читателей⁴³⁵.

Далее указывается, что в 1919–1920 гг. статьи К. А. Харнского, посвященные внутренней и внешней политике Японии, иностранной интервенции на советском Дальнем Востоке, а также политико-экономической ситуации в Китае, появляются в газетах «Дальневосточное обозрение» и «Красное знамя»⁴³⁶.

В. М. Серов отмечает, что до 1925 г. К. А. Харнский практически «один занимался в «Красном знамени» проблемами стран Дальнего Востока»⁴³⁷; в 1925–1927 гг. он внимательно следил за развитием событий китайской революции и в деталях комментировал на страницах газеты «значение того или иного события в театре военных действий, свободно ориентируясь во всей этой карусели партий, генералов, политических деятелей, идей, направлений, разоблачая закулисную игру иностранных империалистов в период китайской революции»⁴³⁸.

Проанализировав большое количество публикаций К. А. Харнского, В. М. Серов приходит к выводу о том, что в статьях Харнского «дается глубокий анализ положения в Японии и Китае»⁴³⁹, а их автор является обладателем редкого сочетания качеств «талантливого публициста, откликающегося на все более или менее крупные события в международной жизни, и вдумчивого историка-востоковеда, тщательно взвешивающего свои научные выводы»⁴⁴⁰.

⁴³⁵ Серов В. М. Китай и Япония в публицистике К. А. Харнского // Историография и источниковедение стран Дальнего Востока. Сер.: востоковедение. Вып. 2: межвуз. темат. сб. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1979. С. 6.

⁴³⁶ Там же. С. 8.

⁴³⁷ Там же. С. 20.

⁴³⁸ Там же.

⁴³⁹ Там же. С. 27.

⁴⁴⁰ Там же. С. 28.

В другой своей публикации В. М. Серов дает список разысканных газетных и журнальных статей К. А. Харнского, отмечая, что эти статьи, появившиеся в периодических изданиях Дальнего Востока (преимущественно в газете «Красное знамя») в 1917–1930 гг., «можно условно классифицировать следующим образом: Япония. Экономика, внутренняя политика, японский колониализм, рабочее движение – 75 статей; Китай. Революция 1925–1927 гг.; разные проблемы – 24; Межимпериалистические противоречия – 38; Национальная буржуазия Востока в национально освободительном движении – 5; Буржуазная и пролетарская культура – 10 статей»⁴⁴¹.

В соответствии с идеологическими установками советской эпохи и в контексте борьбы советских востоковедов за восстановление доброго имени К. А. Харнского и легализации его научного наследия для В. М. Серова важно было показать, что статьи К. А. Харнского о Китае и Японии, опубликованные им в периодической печати Дальнего Востока в 1917–1930 гг., написаны с марксистско-ленинских позиций. Для достижения этой цели В. М. Серов приводит большое количество цитат из работ Константина Андреевича, анализирует их с позиций советской исторической науки и показывает их созвучность с идеями советских критиков американской историографии и других работников идеологического фронта. Такой подход позволяет увидеть в К. А. Харнском ортодоксального марксиста, но он недостаточно широк для понимания роли и значения газетных и журнальных публикаций К. А. Харнского в его становлении как ученого, педагога и политического аналитика. Поэтому мы попытаемся взглянуть на работы К. А. Харнского в более широком контексте истории отечественного востоковедения, прибегая к методам сравнительной текстологии и функциональной стилистики.

Жизненный путь К. А. Харнского

Как известно⁴⁴², К. А. Харнский (1884–1938 гг.) родился 31 мая 1884 г. в литовском местечке Кальвария (Сувалкская губ.) в семье профессионального военного. В 10 лет потеряв отца, К. А. Харнский решает связать свою судьбу с военной карьерой и поступает в 3-ий Московский кадетский корпус, где на него большое влияние оказали лекции известного историка Н. А. Рожкова, интересовавшегося марксизмом и на рубеже XIX–XX вв. с сочувствием относившегося к РСДРП и левому революционному движению. Военное образование К. А. Харнский продолжает в Михайловском артиллерийском училище.

После окончания училища Константин Андреевич служит в крепости Ковно, где начинает знакомиться с марксистской литературой и вести агитацию среди солдат⁴⁴³. В 1907 г. за участие в подпольной марксистской организации его переводят в Забайкалье, в стрелковый полк, под надзор военного начальства⁴⁴⁴. С 1908

⁴⁴¹ Серов В. М. Список разысканных статей К. А. Харнского // Историография и источниковедение стран Дальнего Востока. Сер.: востоковедение. Вып. 2: межвуз. темат. сб. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1979. С. 112.

⁴⁴² Здесь мы основываемся на данных Государственного архива Приморского края (Ф. 1628. Оп. 1.), при необходимости дополняя эти сведения информацией из других источников.

⁴⁴³ Серов В. М. Китай и Япония в публицистике К. А. Харнского. С. 6.

⁴⁴⁴ Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). URL: <http://memory.pvost.org/pages/harnskij.html> (дата обращения 06.01.2014).

по 1912 г., оставаясь на военной службе в чине штабс-капитана, К. А. Харнский учится на японском отделении Восточного института, что позволяет ему овладеть китайским, японским и английским языками, в дополнение к немецкому и французскому, которые он знал с детства. В 1912 г. К. А. Харнский командирован в Японию для изучения страны и совершенствования в японском языке, откуда его отзывают в 1914 г. в связи с началом Первой мировой войны. С октября 1914 г. К. А. Харнский в действующей армии⁴⁴⁵ в качестве командира дивизиона тяжелой артиллерии⁴⁴⁶. За отличия в боях награжден орденами Св. Станислава 3-й и 2-й степеней с мечами и бантом, Св. Анны 3-й и 2-й степеней с мечами и бантом⁴⁴⁷. В 1917 г. после тяжелой контузии К. А. Харнский проходит реабилитацию в Хабаровске и получает назначение в Информационный отдел штаба Приамурского военного округа, где начинает сотрудничать с издаваемым штабом журналом «Китай и Япония»⁴⁴⁸. В 1917 г. К. А. Харнский руководит армейской газетой, с энтузиазмом встречает октябрьский переворот⁴⁴⁹, в 1918 г. избирается депутатом Хабаровского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. С сентября 1918 по август 1920 г. проживает во Владивостоке⁴⁵⁰. Работает сотрудником газеты «Дальняя окраина»⁴⁵¹, переводчиком Дальзохраны Омского правительства и штаба оккупационных войск США, затем – помощником начальника разведывательного отделения штаба войск Временного правительства Приморской областной земской управы (последний чин – капитан)⁴⁵². В 1920 г. К. А. Харнский вступает в ВКП(б), ведет подпольную работу в Приморье, издает в Шанхае на английском языке газету о новой России⁴⁵³. С августа 1920 г. работает корреспондентом отделения ДальТА ДВР в Пекине, с марта 1921 г. – заведующим информационным отделом МИД ДВР⁴⁵⁴ в Чите, где занимается изданием газеты «Дальневосточный путь» и журнала «Вестник ДВР». В марте-мае 1922 г. работает секретарем миссии ДВР в Китае. В 1922 г. становится заведующим Дальневосточного бюро печати при ЦК РКП(б)⁴⁵⁵. Одним из результатов его политико-просветительской деятельности стала книга «Япония», изданная в Чите в 1923 году⁴⁵⁶.

⁴⁴⁵ Китай с древнейших времен до наших дней // Livejournal. URL: <http://libri-rf.livejournal.com/43202.html> (дата обращения 07.01.2014).

⁴⁴⁶ Серов В. М. Китай и Япония в публицистике К. А. Харнского. С. 6.

⁴⁴⁷ Китай с древнейших времен до наших дней.

⁴⁴⁸ Серов В. М. Китай и Япония в публицистике К. А. Харнского. С. 6.

⁴⁴⁹ Документы совещания отделов Японии и Китая Института народов Азии и Африки академии наук СССР от 8 июня 1964 г., посвященные 80-летию со дня рождения К. А. Харнского // ГАПК (Государственный архив Приморского края). Ф. 1628. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

⁴⁵⁰ Бондаренко Е. Ю. К. А. Харнский: грани судьбы // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 1. С. 117.

⁴⁵¹ Там же.

⁴⁵² Донской В. К. Разгром восточного факультета ДВГУ // Вестник Дальневост. отд-ния Рос. Акад. наук. 1996. № 1. С. 100.

⁴⁵³ См.: Государственный архив Приморского края (ГАПК, г. Владивосток). Ф. 1628. Оп. 1. Д. 2.

⁴⁵⁴ Китай с древнейших времен до наших дней.

⁴⁵⁵ Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991).

⁴⁵⁶ Подпалова Г. И. Константин Андреевич Харнский (1884–1943) // Народы Азии и Африки. 1986. № 3. С. 83.

В 1923 г. К. А. Харнский вступает в должность заведующего кафедрой экономики и политики стран Тихоокеанского бассейна на восточном факультете ДВГУ. В последующие годы К. А. Харнский активно сотрудничает с газетой «Красное знамя», пишет монографии по истории Японии, Китая и Кореи. Весной 1930 г. становится научным сотрудником Дальневосточного филиала АН СССР, продолжая оставаться профессором восточного факультета ДВГУ по совместительству⁴⁵⁷.

В августе 1937 г. К. А. Харнский был арестован по обвинению в том, что «среди преподавателей ДВГУ вел троцкистскую агитацию»⁴⁵⁸. После ареста Н. П. Овидиева, К. П. Феклина, М. Н. Вострикова и других сотрудников кафедры японской филологии в январе 1938 г. (по-видимому, в результате применения следствием незаконных методов дознания⁴⁵⁹) К. А. Харнский признался в принадлежности к «контрреволюционной, шпионской вредительской организации»⁴⁶⁰ и по сфабрикованному «Делу № 1404 о единой контрреволюционной шпионско-вредительской организации, существовавшей в Дальневосточном Государственном Университете, входившей в состав право-троцкистского заговора на Дальнем Востоке»⁴⁶¹ 25 апреля 1938 г. решением выездной сессии военной коллегии Верховного суда Союза ССР был приговорен к расстрелу. В тот же день приговор был приведен в исполнение. 2 апреля 1957 г. К. А. Харнский, как и другие обвиняемые по вышеназванному делу, был полностью реабилитирован посмертно⁴⁶².

Некоторые особенности текстов К. А. Харнского

Большая часть статей, опубликованных К. А. Харнским в периодической печати, глубоко публицистична. В соответствии со словарным определением публицистика (от лат. *publicus* – общественный) – это «род произведений, посвященных актуальным вопросам и явлениям текущей жизни общества и содержащих фактические данные о различных ее сторонах, оценки с точки зрения социального идеала автора, а также представления о путях и способах достижения выдвинутых целей. Содействуя формированию общественного мнения, взглядов, интересов и стремлений людей, влияя на деятельность социальных институтов, публицистика играет важную политическую и идеологическую роль в жизни общества, служит острым оружием идейной борьбы, средством общественного воспитания, агитации и пропаганды, способом организации и передачи социальной информации»⁴⁶³.

⁴⁵⁷ Донской В. К. Указ. соч. С. 100.

⁴⁵⁸ Там же.

⁴⁵⁹ Там же.

⁴⁶⁰ Ермакова Э. В. Трагедия преподавателей-японистов Дальневосточного университета в 30-е гг. XX века // Пути развития японоведения на Дальнем Востоке России: сб. ст. и библиография / сост. А. С. Дыбовский. Осака, 2009. С. 121.

⁴⁶¹ Подробнее см., например: Донской В. К. Указ. соч.; Хисамутдинов А. Репрессированные востоковеды. Конец владивостокской школы японоведения: Протокол допроса Н. П. Овидиева // *Facta Slavica Japonica. Hokkaido: Hokkaido University. The Slavic Research Centre*, 1998. Vol. 16. Pp. 207–231; Ермакова Э. В. Указ. соч.

⁴⁶² Ермакова Э. В., Георгиевская Е. А. Восточный факультет в 20-30 годы // Известия Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. Владивосток, 1994. № 1. С. 62.

⁴⁶³ Публицистика // Большая советская энциклопедия. URL: <http://slovari.yandex.ru> (дата обращения: 04.01.2014).

Статьи К. А. Харнского «Алексей Николаевич Луцкий» из сборника «Неравнодушные строки» (1921), «В ночь с 4 на 5 апреля»⁴⁶⁴ характеризуют их автора как убежденного сторонника левого движения, полностью принявшего октябрьский переворот. По-видимому, Константин Андреевич усматривал в возникновении «Красной России» проявление исторической закономерности, знаменующей прорыв человечества в новую эру своей истории. «Каждому, изучавшему зачатки политграммы, известно, что всякое государство, кроме советского, есть орудие капиталистического господства»⁴⁶⁵, – пишет он в 1925 г. И в его публикациях в периодической печати всегда присутствует активная авторская позиция – партийная и классовая. В своих статьях К. А. Харнский демонстрирует знание работ К. Маркса и В. Ленина, К. Радека и Н. Бухарина. Он нередко использует в качестве своего оружия насмешку, иронию и сарказм, пытаясь вызвать у читателя сопереживание. К. А. Харнский сочувствует «японскому труженику»⁴⁶⁶ и радуется успехам народно-революционной армии Китая⁴⁶⁷, осуждает колониальную политику Японии в Корее и на Формозе⁴⁶⁸, клеймит сговор империалистических держав в Китае⁴⁶⁹, уличает английского журналиста Джильберта в лицемерии, так как последний не может не «повильсонить», то есть пишет о событиях в Китае, используя изящные речевые эвфемизмы: «интервенция» для него – «необходимые меры с целью защитить жизнь и собственность иностранцев», «расстрел» – «метод необходимой самообороны», «грабеж» – «печальные последствия государственной задолженности» и т.д.⁴⁷⁰

Произведения К. А. Харнского как бы располагаются между двумя полюсами: на одном полюсе – статьи, приближающиеся по своему характеру к политической сатире или фельетону («Мистер Джильберт, журналист», «Христианские мученики»⁴⁷¹, «Новый крупный скандал в Японии»⁴⁷²), – это документы большевистской пропаганды с элементами аналитики, по стилю сходные с политическим плакатом Окна РОСТА (в основном, более ранние произведения), на другом полюсе находятся произведения с преобладанием аналитики (чаще более поздние произведения); в них К. А. Харнской обычно выступает как историк, политический обозреватель, популяризатор знаний о дальневосточной и мировой политике.

Для К. А. Харнского как марксиста ключом к пониманию внутренней и внешней политики того или иного государства служат материальный базис общества и экономические интересы представителей того или иного класса. Поэтому Константин Андреевич постоянно следит за экономикой соответствующих стран, внимательно анализируя информацию о развитии их сельского хозяйства и промышленности, о зарплатах, ценах, уровне безработицы, экспорте и импорте, демографии, миграции населения и прочее, не упуская из виду вопросов политики и права.

Многие работы К. А. Харнского представляют собой газетные публикации, являющиеся откликом на какое-то актуальное (политическое, военное, экономическое) событие, но имеются и пространные многоаспектные исследования типа «Тайных обществ в Китае» (1927), которые близки по своей форме к научной статье и в которых можно заметить только элементы публицистичности.

В текстах К. А. Харнского имеет место классовая непримиримость, но в них полностью отсутствуют националистические предрассудки, проявлявшиеся в выражениях типа «желтая угроза», «желтая интервенщина», «ненавистная японщина» и прочих, широко представленных в публицистике соответствующей эпохи⁴⁷³. Как человеку военному, К. А. Харнскому особенно удавались наблюдения над театром военных действий в Китае. В публикациях об этом, как правило, проявляется блестящее знание К. А. Харнским географии и дается безукоризненный военно-стратегический анализ ситуации.

В статье о К. А. Харнском, опубликованной в журнале «Народы Азии и Африки» в 1986 г., Г. И. Подпалова пишет о том, что ознакомление с газетными публикациями К. А. Харнского дает нам наглядное представление о том, «как развивалось и крепло его марксистское мышление...»⁴⁷⁴, а его книги «Япония в прошлом и настоящем» и «Китай с древнейших времен до наших дней» называет «одними из первых марксистских работ»⁴⁷⁵ в отечественном востоковедении⁴⁷⁶. Действительно, для К. А. Харнского, по-видимому, были очень важны еще в юности воспринятые от Н. А. Рожкова идеи материалистического понимания истории, а также кантианские идеи универсальности мира. Он был человеком своего времени, и в его творчестве можно заметить большевистское видение революционного преобразования мира и построения коммунистического общества. Например, рассуждая о проблеме уничтожения лесов на планете в статье «Полукультура и природа», К. А. Харнский пишет: «Истинная культура возможна будет только в коммунистическом обществе. – Не раньше. До сих пор мы имели примеры только полукультуры»⁴⁷⁷. И далее, в заключение статьи: «Лесосохранение, лесонасаждение, создание правильного лесного хозяйства должно стать одной из наших главных задач. До сих пор Россия была в этом отношении хуже всех. Но мы, граждане социалистического союза, не имеем права быть в хвосте. Мы обязаны хоть немного приблизиться к состоянию культуры»⁴⁷⁸.

В статье «О танцующих и катехизисе»⁴⁷⁹ К. А. Харнский выступает против мещанства (по К. А. Харнскому, «это то, что делает человека торгашом, который рассматривает каждый свой поступок под углом зрения купли-продажи...»⁴⁸⁰) и влияния буржуазной культуры и идеологии, которому Дальний Восток, по его мнению,

⁴⁶⁴ См.: ГАПК. Ф. 1628. Оп. 1. Д. 2.

⁴⁶⁵ Харнский К. А. Экономическая жизнь Японии // Красное знамя. 1925. 15 сент.

⁴⁶⁶ Харнский К. А. По стопам реакции // Дальневосточное обозрение. 1920. 9 марта.

⁴⁶⁷ Харнский К. А. Вокруг Ханькоу // Красное знамя. 1926. 7 сент.

⁴⁶⁸ Харнский К. А. Колониальный рекорд // Красное знамя. 1926. 6 февр.

⁴⁶⁹ Харнский К. А. Союз жандармов // Красное знамя. 1923. 18 апр.

⁴⁷⁰ Харнский К. А. Мистер Джильберт, журналист // Красное знамя. 1926. 19 июня.

⁴⁷¹ Харнский К. А. Христианские мученики // Красное знамя. 1924. 20 мая.

⁴⁷² Харнский К. А. Новый крупный скандал в Японии // Красное знамя. 1924. 25 сент.

⁴⁷³ См., например: Розов Н. Встреча красного вождя // Красное знамя. 1922. 18 окт.

⁴⁷⁴ Подпалова Г. И. Указ. соч. С. 84.

⁴⁷⁵ Там же. С. 86.

⁴⁷⁶ Аналогичную оценку «Истории Китая с древнейших времен до наших дней» дает В. Н. Никифоров (ГАПК. Ф. 1628. О. 1. Д. 2. Л. 24).

⁴⁷⁷ Харнский К. А. Полукультура и природа (К вопросу о лесе) // Красное знамя. 1924. 16 мая.

⁴⁷⁸ Харнский К. А. Там же.

⁴⁷⁹ Харнский К. А. О танцующих и катехизисе // Красное знамя. 1928. 28 февр.

⁴⁸⁰ Там же.

был подвержен в большей степени, чем центральные районы страны в результате близости Харбина и последствий иностранной интервенции в годы гражданской войны.

Будучи убежденным сторонником марксистской теории и непосредственным участником революционных событий в России, К. А. Харнский страстно верил в мировую революцию. Логику всемирной истории начала XX века К. А. Харнский видел в противоборстве между классом пролетариев и силами мирового империализма, стремящегося сохранить и упрочить свое господство, он ощущал себя человеком, живущим в эпоху мировой пролетарской революции.

Поэтому и в политической жизни Японии в 1920-е гг. он обнаруживал наличие тех же тенденций социальной динамики, что и в России. «Мир изменяется стремительно. Стремительно изменяется и наша соседка Япония. И кто знает, – может и пары годов не пройдет до того времени, когда Япония из дальневосточного жандарма превратится в дальневосточного красноармейца?»⁴⁸¹ – пишет он в мае 1924 г., анализируя объективные и субъективные предпосылки революции в Японии.

В начавшихся вскоре революционных событиях в Китае он усматривал признаки мировой революции: «...китайская революция протекает в тот период, когда о мировой революции рабочего класса следует говорить уже не как о надвигающейся, а как о происходящей в действительности, как о развертывающейся на наших глазах. ...восстания на Яве и Суматре, борьба в далекой Никарагуа, события в Марокко, Судане и Сирии и, наконец, несомненный и решительный наш переход от восстановления нашего народного хозяйства к расширению и развитию его – другие стороны той же революции, революции против империализма»⁴⁸².

Размышляя о проблемах, связанных с Японией и Китаем, в газетных публикациях К. А. Харнского, В. М. Серов указывает, что в своей «деятельности ученого, журналиста и педагога К. А. Харнский последовательно проводил в жизнь принцип научного анализа фактов истории, экономики, политики изучаемых им стран, критического отношения к источникам и научным исследованиям...»⁴⁸³, а заканчивает вышеуказанную статью фразой о том, что «многие из публицистических статей К. А. Харнского *могут служить образцом пропаганды* (здесь и далее выделено мною – А. Д.) знаний о Востоке среди широкого круга читателей»⁴⁸⁴. Тем самым, незаметно для себя, В. М. Серов обнаруживает яркую особенность многих газетных текстов К. А. Харнского: в них высокая идеологизированность пропагандистского большевистского дискурса сочетается с беспристрастным анализом фактов; стремление быть понятным читателю в описании чужеродных явлений ищет компромисса с терминологической точностью. В итоге «проблема ДУЦЗЮНата (военные клики в Китае в 1916–1928 гг. – А. Д.)» становится проблемой «китайской семеновщины»⁴⁸⁵, в японской политике обнаруживаются «японские "керен-

ские"» и «японские "кадеты"»; «эсдеки» и «эсдековские партии»⁴⁸⁶, «коммунисты» и «комсомольцы»⁴⁸⁷, а в географическом очерке Японии К. А. Харнского Осака превращается в «японский Манчестер»⁴⁸⁸. Такая замена реалий восточной культуры сходными российскими (или европейскими) – не что иное, как характерный для К. А. Харнского публицистический прием (подробнее см. в разделе 4).

В текстах К. А. Харнского можно заметить еще один традиционный подход к описанию восточных обществ, часто встречающийся в дневниках и заметках путешественников о причудах заморской жизни. Это – порождение текста с акцентом на восточной экзотике. В этом отношении характерно введение книги «Япония в прошлом и настоящем». Вот как оно начинается:

«Владивосток – рубеж русской земли. Дальше, – там, за окутанным голубым туманом островом Аскольдом, – открытое море, самое голубое из наших морей. А в 36 часах от него – *совсем иной мир, – странный, непонятный, абсолютно чуждый по внешности, точно враждебный, но все же местами прекрасный, как фантазия художника*»⁴⁸⁹. И далее:

«Как мало окружающее похоже на то, что мы привыкли называть словом природа. *Кругом – декорация. Кругом ненастоящее что-то.* Как-то чересчур уж ярки цвета, слишком блестящи листья, слишком велики полевые цветы, все как-то излишне подчеркнуто, преувеличено. ... *Из-за сосен видны дома – не дома, а что-то театральное, – тоже какое-то ненастоящее.* У них странно загнуты крыши и нет ни дверей, ни окон, ни крылечек, и вы не знаете, дом ли это, беседка ли, или амбар. За домами зеленые горы и рисовые болота-поля...» «Вам все ново, все чуждо и все вызывает недоумение. А за вами бегут ребятишки и показывают на вас пальцами: вы в роли заморского чуда... *Вы выходец с другой планеты*»⁴⁹⁰.

Нетрудно заметить связь этих поэтичных строк с иллюстрацией «Чудища-иностранцы» из книги Е. Г. Спальвина «Япония: взгляд со стороны»⁴⁹¹, выполненной А. Лейфертом, а также с первыми впечатлениями от японских реалий, увиденных И. А. Гончаровым на рейде в Нагасаки с борта фрегата «Паллада» во время кругосветного путешествия последнего под командованием адмирала Е. В. Путятинна: «...Наконец вошли и на второй рейд на указанное место. *Что это такое? декорации или действительность? какая местность!* Близкие и дальние холмы, один другого зеленее, покрытые кедровником и множеством других деревьев – нельзя разглядеть каких, толпятся амфитеатром один над другим...»⁴⁹². И на следующей странице: «*Декорация бухты, рейда со множеством лодок, странного города, с кучей сереньких домов, пролив с холмами, эта зелень, яркая на близких, бледная на дальних холмах, все так гармонично, живописно, так непохоже на действитель-*

⁴⁸⁶ Харнский К. А. Борьба партий в Японии и китайская политика // Красное знамя. 1927. 17 февр.

⁴⁸⁷ Харнский К. А. Японские крестоносцы // Красное знамя. 1930. 4 марта.

⁴⁸⁸ Харнский К. А. Япония в прошлом и настоящем. Владивосток, 1926. С. 25.

⁴⁸⁹ Харнский К. А. Там же. С. 3. (Здесь и далее выделено мной – А. Д.)

⁴⁹⁰ Там же. С. 4.

⁴⁹¹ См., например: Дыбовский А. С. Образ автора в книге Е. Г. Спальвина «Япония: взгляд со стороны (Токио, 1931) // Первый профессиональный японовед России. Владивосток, 2007. С. 74–99.

⁴⁹² Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в двух томах. Т. 2 // Гончаров И. А. Собр. соч. в 8 т. Т. 3. М.: Худ. лит., 1978. С. 13.

⁴⁸¹ Харнский К. А. К воззванию Коминтерна // Красное знамя. 1924. 13 мая.

⁴⁸² Харнский К. А. За что борется китайский пролетариат // Красное знамя. 1927. 11 февр.

⁴⁸³ Серов В. М. Китай и Япония в публицистике К. А. Харнского. С. 7.

⁴⁸⁴ Там же. С. 28.

⁴⁸⁵ Харнский К. А. Обзор политической и экономической жизни Китая // Народы Дальнего Востока. 1921. № 2. С. 155–156.

ность, что сомневаешься, *не нарисован ли весь этот вид, не взят ли целиком из волшебного балета?»*⁴⁹³.

Как видим, в вышеприведенных фрагментах текста К. А. Харнского описание японской экзотики имеет черты сходства с восприятием последней в известном произведении И. А. Гончарова. Такое восприятие Японии по принципу «острабления» (В. Шкловский) было характерно для работ многих европейских путешественников. Оно существовало в советском востоковедении благодаря публикациям В. Овчинникова, В. Цветова и других адептов теории уникальности японцев и продолжает эксплуатироваться в современной российской журналистике, ср.: «Вся верхушка Японии чем-то смахивает на Фукусиму. Разброд и шатания поразили партийных вождей, как либерал-..., так и просто демократических. Весьма обманчиво и лукаво звучат эти европейские наименования *в таинственной азиатской стране, больше похожей на другую планету, где и дышат по-своему, как будто вместо кислорода используют, например, азот*»⁴⁹⁴.

Отдавая таким образом дань традиции, К. А. Харнский в своем творчестве стремился использовать такие подходы к описанию реалий стран Дальнего Востока, которые позволили бы ему уйти от мифов и стереотипов и встать на почву фактов и строгого анализа имеющихся экономических, политических, социальных, культурных и других объективных данных по изучаемой проблеме.

Об истоках методологии К. А. Харнского

Как профессиональный востоковед, К. А. Харнский является ярким представителем владивостокской практической школы отечественного востоковедения, которая сформировалась благодаря усилиям коллектива преподавателей Восточного института (далее – ВИ) и методология которой была унаследована восточным факультетом ГДУ, несмотря на неоднократные попытки реорганизации последнего (1922–1923, 1930–1931) в связи с практическими потребностями края и зигзагами в политике строительства высшей школы на советском Дальнем Востоке. Особенности владивостокской практической школы востоковедения, призванной соединить изучение стран Дальнего Востока с осуществлением имперской политики России в Азии, были следствием задач, поставленных перед ВИ с момента его создания и впервые сформулированных в его уставных документах. За 20 лет существования ВИ они конкретизировались, детализировались и уточнялись на заседаниях высшего органа ВИ – Конференции, а также в работах его первого директора А. М. Позднеева и других сотрудников института. Задачи ВИ, говоря вкратце, сводились к следующему: 1) готовить лиц, пригодных к работе в административных и торгово-промышленных учреждениях восточно-азиатской России и прилежащих к ней государств и знающих наряду с восточными языками экономику, право, этнографию, политику, особенности быта и торгово-производственной деятельности сопредельных азиатских государств; 2) с целью продвижения «русского дела» в Восточной Азии внести в традиционное востоковедение, концентрирующее свое

⁴⁹³ Гончаров И. А. Указ. соч. С. 14.

⁴⁹⁴ Об этом сообщает Н. Троицкий в сюжете «"Портрет" японского премьер-министра Ё. Нода» в передаче «48 минут». Радиостанция «Эхо Москвы», 2011, 15 сент.

внимание на изучении исторических и литературных памятников, «живую струю практики» (А. М. Позднеев), сделать ВИ центром получения и распространения объективных сведений о странах Дальнего Востока; 3) концентрировать научные исследования, связанные с практическими задачами расширения влияния и мощи Российской империи, на изучении современного состояния дальневосточных соседей России (Китай, Японии, Кореи, Монголии и т.д.); 4) преподавать живые языки во всем многообразии их речевых стилей и жанров, чтобы обучаемые могли свободно пользоваться ими на практике⁴⁹⁵.

Наряду с исследовательскими экспедициями и ознакомительными поездками в изучаемые страны важным методом исследовательской работы преподавателей и студентов ВИ стало изучение новейшей информации, касающейся восточноазиатских соседей России, по мировой периодической печати на европейских и восточных языках. Пристальное внимание к зарубежной периодике проявилось уже в информационном сборнике «Летопись Дальнего Востока», издававшемся ВИ в 1900–1904 гг.

По указанным причинам ВИ с первых лет своего существования выписывал основные периодические издания на восточных и европейских языках, связанные с политической и экономической ситуацией в Азии, и К. А. Харнский, с 1908 г. связавший свою судьбу с ВИ, находился в среде востоковедов, призванных самым внимательным образом знакомиться со всей доступной им периодической литературой и держать руку на пульсе развития сопредельных с Россией государств, не упуская из виду и политику ведущих мировых держав.

Первоначально подготовка офицеров в ВИ практически не отличалась от подготовки прочих студентов и слушателей, но после русско-японской войны «руководство Военного министерства приняло решение о создании специального ориенталистского отделения при начальнике генерального штаба, а при штабах Приамурского, Иркутского, Омского и Туркестанского военных округов – разведывательных отделений. Они должны были следить за военной прессой и всеми военными новшествами соседей»⁴⁹⁶. В 1910 г. при штабе Приамурского военного округа (фактически при ВИ во Владивостоке) была создана Окружная подготовительная школа переводчиков восточных языков, и фамилия К. А. Харнского фигурирует в списке офицеров, окончивших курс японского отделения этой школы в мае 1914 года⁴⁹⁷.

Одной из основных задач Окружной подготовительной школы переводчиков была подготовка офицеров-ориенталистов для нужд армии⁴⁹⁸, и значительная часть выпускников этой школы «направлялась в разведывательные и контрразведыватель-

⁴⁹⁵ Подробнее см.: Дыбовский А. С. К характеристике обучающей системы Восточного института (1899–1920) и преподавания японского языка в нем // Первый профессиональный японовед России. Владивосток, 2007. С. 131–185.

⁴⁹⁶ Буяков А. М. Подготовка офицеров в Восточном институте // Известия Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. 1994. № 1. С. 67.

⁴⁹⁷ Буяков А. М. Подготовка офицеров-японоведов в Восточном институте в 1899–1914 годах // Пути развития японоведения на Дальнем Востоке России: сб. ст. и библиография / сост. А. С. Дыбовский. Осака, 2009. С. 64.

⁴⁹⁸ Подробнее см.: Буяков А. М. Подготовка офицеров-японоведов в Восточном институте 1899–1914 годах. С. 51–66.

ные органы России»⁴⁹⁹. Не случайно и японские власти относились к командируемым в Японию студентам, преподавателям и слушателям ВИ с подозрением, а в японской прессе существовал стереотип русского шпиона, который ежедневно занимается тем, что штудирует японские газеты, выискивая в них военные секреты⁵⁰⁰.

Таким образом, К. А. Харнский неслучайно называл себя «газетчиком». И дело здесь не только в том, что на протяжении многих лет он активно занимался журналистской деятельностью в качестве публициста и политического обозревателя. Анализ газетных публикаций мировой прессы был для него средством сбора оперативной информации для изучения военно-политической, экономической, правовой, культурной и т.д. ситуации в сопредельных с Россией (ДВР, СССР) дальневосточных странах.

Язык и стиль публицистики К. А. Харнского

Язык публицистики К. А. Харнского – это, как правило, язык яркий, точный и выразительный. Это язык идеологической борьбы. В публицистике К. А. Харнского используются различные формы речевой экспрессии, синтаксические и риторические приемы: он активно применяет в своих текстах эмоционально-оценочную лексику, крылатые слова, метафорические выражения, параллелизм конструкций, антитезу и т.д.

Излюбленными приемами публицистики К. А. Харнского являются историческая параллель, исторический экскурс, сравнение, аналогия. Анализируя проблемы текущей политики, К. А. Харнский мгновенно схватывает тенденцию развития событий, их логику в русле мирового исторического процесса. Широкий кругозор позволяет ему провести красноречивые параллели из истории разных стран и народов, в приведенной ниже цитате – Китая и Англии: «В то время, как в Англии, например, цехи, гильдии и муниципалитеты пользовались борьбой королей с феодалами, чтобы то от тех, то от других получать закрепленные юридически привилегии, права и вольности, в Китае ...цехи и гильдии возникли ...явочным порядком, явочным порядком же и существовали и, поскольку на их существование не покушались, продолжали существовать, не испытывая нужды в легализации»⁵⁰¹.

Как для человека военного, для К. А. Харнского естественны параллели географические, например: 1) «три города близнеца... – Ханькоу, Учан и Ханьян (в сущности они представляют собой три части одного города) являются тем же, чем Москва по отношению к европейской части нашего Союза⁵⁰²»; 2) «Население Хунани примерно такое же, как в Польше, или в Испании вместе с Португалией»⁵⁰³.

Чтобы помочь читателю понять суть происходящего, К. А. Харнский нередко обращается к историческому экскурсу. Например, рассуждая по поводу т.н. «азиатско-

го варварства» и «империалистического объяснения отсталости Китая», Харнский пишет: «Всякому, кто хоть немного знаком с историей, хорошо известно, что 700–800 лет тому назад китайцы стояли по своему культурному развитию несравненно выше тогдашней Европы. Что же – изменились с тех пор свойства белых и желтых, или, может быть, тогда китайцы были белыми, а европейцы желтыми?»⁵⁰⁴.

Поскольку в читательской аудитории К. А. Харнского было немного людей, подготовленных к восприятию реалий дальневосточных стран, для облегчения понимания читателями описываемых событий он широко использует метод аналогии. Так, например, корейскую политику правительства Вакацуки К. А. Харнский называет «худшим переизданием царской политики в Польше»⁵⁰⁵, а дискриминацию корейцев в Японии описывает как «еврейское положение корейцев»⁵⁰⁶. Некоторые понятия чужой культуры он передает при помощи других расхожих понятий современной ему эпохи. Примеры: 1) «...в Японии создается ...партия социал-соглашателей, которая стала уже магнитом для многих японских *Керенских*...»⁵⁰⁷; 2) «Можно ли рассматривать Кенсейкай как японских *"кадетов"*? На это можно ответить и да и нет. Дело в том, что Кэнсенкай далеко позади наших милюковцев в области программаторчества...»⁵⁰⁸. В других контекстах иностранные слова, обозначающие реалии, непосредственно вводятся в текст, например: 1) «Если оказавшейся в относительном большинстве партии Кенсейкай удастся прочно объединить вокруг себя всю оппозицию, т.е. 100 *сейюкайцев*, *какусинцев* и часть беспартийных...»⁵⁰⁹; 2) «А Япония *микадо* и *генро* – это государство...»⁵¹⁰.

К. А. Харнский оживляет свои тексты использованием экспрессивной разговорной лексики: 1) «В его лице империализм *разгуливает без трусиков*, открыто и *саморекламно: любуйтесь*, мол, мною! Вот я какой!»⁵¹¹; 2) «Вечер устраивался с целью привлечения тех, кто нес деньги, т.е. для убежденных *фокстротчиков*, *тацульщиков-завсегдатаев*, любителей галстуков бабочкой и т.д.»⁵¹². Он умело использует метафору, например: 1) «Закон о всеобщем избирательном праве – *сладкая пилюля*, при проведении законопроекта против "опасных мыслей"... «Именно *горькой пилюлей* был этот знаменитый законопроект для японского народа в целом»⁵¹³; 2) «Язык иероглифов ...это *беззвучное эсперанто* одной трети человечества...»⁵¹⁴; 3) «Лицемерно-миссонерские маски сброшены. *Волк* выступает без *"овечьей шкуры"*»⁵¹⁵ (речь идет о китайской политике США – А. Д.). Играет с кры-

⁵⁰⁴ Харнский К. А. Этапы порабощения Китая // Красное знамя. 1927. 4 февр.

⁵⁰⁵ Харнский К. А. Колониальный рекорд.

⁵⁰⁶ Там же.

⁵⁰⁷ Харнский К. А. Финал либеральной потуги // Красное знамя. 1925. 7 мая.

⁵⁰⁸ Харнский К. А. Победа Кенсейкай // Красное знамя. 1924. 14 июня.

⁵⁰⁹ Харнский К. А. Поражение правительственной партии на выборах в Японии // Красное знамя. 1924. 18 мая.

⁵¹⁰ Харнский К. А. К воззванию Коминтерна.

⁵¹¹ Харнский К. А. Мистер Джильберт, журналист.

⁵¹² Харнский К. А. О танцующих и катехизисе.

⁵¹³ Харнский К. А. Программа Вакацуки // Красное знамя. 1926. 5 февр.

⁵¹⁴ Харнский К. А. Иероглифы // Красное знамя. 1928. 14 янв.

⁵¹⁵ Харнский К. А. В оголении // Красное знамя. 1924. 10 сент.

⁴⁹⁹ Буяков А.М. Подготовка офицеров-японцев в Восточном институте 1899–1914 годах. С. 69.

⁵⁰⁰ См., например: Фудзимото В. Спальвин в Японии: пребывание в городе Киото накануне и сразу после русско-японской войны // Первый профессиональный японовец России. Владивосток, 2007. С. 36–51.

⁵⁰¹ Харнский К. А. Тайные общества в Китае // Красное знамя. 1927. 30 янв.

⁵⁰² Харнский К. А. Борьба за центральный Китай // Красное знамя. 1925. 1 июня.

⁵⁰³ Там же.

латыми фразами европейской риторики, например: «Премьер умер. Да здравствует премьер»⁵¹⁶; «Впрочем, «все к лучшему в этом лучшем из миров»⁵¹⁷. Развернутые крылатые фразы нередко встречаются в названиях статей, например: 1) «"Быть или не быть" японского кабинета»⁵¹⁸; 2) «Китайский виноград и японская лисица»⁵¹⁹.

К. А. Харнский активно использует в своих публикациях такой прием экспрессивного синтаксиса, как параллелизм конструкций, например: «*Кабинет Като был определенно креатурой* (созданием) монополистов. *Он был проводником* изношенных и развенчанных принципов либерализма. *Он был тараном*, ударившим по пролетариату»⁵²⁰. В качестве средства повышения речевой выразительности используются интеграция и парцелляция предложений, например: 1) «Жульничество с примесью политики и политика с примесью неизменного жульничества, устраивание личных делишек под флагом партийных принципов и вечные склоки, свалка и взаимное разоблачение – всем этим полна история Южно-Маньчжурской железной дороги до краев»⁵²¹; 2) «Бегство – это было единственное, что им оставалось – бегство туда, где они надеялись найти... покорных судомоек, поваров и других слуг»⁵²².

Даже в строгом научном отчете ДВ филиала АН СССР доклад К. А. Харнского выделяется среди строгих и лаконичных документов прочих работников Академии публицистическими приемами речевой выразительности. Ниже мы приводим небольшой фрагмент из отчета К. А. Харнского, посвященного 5-летию Китайской Академии Наук и относящегося к 1932 г.

«Широкий кругозор, научная постановка вопросов сказываются и в работах других институтов Академии наук Китая. Это работы людей *большой страны и в сущности целого материка* (конечно, в переносном смысле), *где масштабы огромны, где величайшие порты в мире* и самые низкие аллювиальные равнины, *где колоссальные наводнения* и самые страшные песчаные пустыни, почти не знающие влаги, где девственные леса и обширные сухие степи, *где огромное разноразличие и разноплеменность*, у которой в прошлом необычайная пестрота международных связей, чередование застоя и прогресса, замкнутости и далекой морской торговли, простирающейся до берегов Африки»⁵²³.

Приемы речевой экспрессии, характерные для публицистического стиля, широко используются К. А. Харнским и в монографии «Япония в прошлом и настоящем»⁵²⁴. «...при наличии того цинично-наглого плутократического режима, какой существует в Японии... Японскому трудящемуся – все наше сочувствие. Ибо его враги – наши враги», – пишет К. А. Харнский во введении и заканчивает его сле-

дующим пассажем: «...нынешний режим в Японии, если и сменится когда-нибудь подобием нашей керенщины, то ненадолго. Сейчас в Японии диктаторствует коалиция золотых мешков с железным кулаком. Ее может сменить иная диктатура. Режим жестов и жалких слов в наши времена надолго не прививается»⁵²⁵.

Лексика и грамматика становятся средством выражения нравственных оценок и гражданской позиции автора, обычно не акцентируемых в научном стиле речи, например: 1) «...мы считаем себя вправе говорить так неуважительно о всех этих Кенсейкаях, Сеюкаях и проч. беспринципных и беспрограммных скопищах дельцов от политики»⁵²⁶; 2) «Япония ...превращается в одного из сильнейших империалистических хищников»⁵²⁷; 3) «Вмешательство Запада сыграло роль кесарева сечения, и новая Япония оказалась недоноском»⁵²⁸; 4) «Ито был заядлейшим из бюрократов. Партия Итагаки была заядлейшей противницей бюрократии»⁵²⁹. В разделе «Типы японских плутократов»⁵³⁰ фигурируют «дельцы-сановники», «выскочки и спекулянты», «отравители и развратители». Правящий класс Японии в указанной монографии метафорически обозначается как «аристократическая свора», «придворные паразиты»⁵³¹, а построенная на конфуцианских догматах и закрепощавшая человека этическая система эпохи Токугава – как «реакционная мерзость»⁵³².

Не случайно в рецензии Н. И. Конрада на утраченную работу К. Харнского «История Кореи» говорится: «Изложение новейшей истории основано на массе привлеченных материалов и ценно своей документальностью, *хотя и носит местами несколько излишне подчеркнутый публицистический характер*»⁵³³.

Образность речи, выработанная потребностями публицистического стиля, проявляется и в географическом очерке Японии: «Если изображение на карте Италии напоминает сапог, а Европа в целом даму, то очертание Японии, при наличии некоторой фантазии, можно подогнать под изображение поднявшего хвост древнего ящера, ихтиозавра» – пишет К. А. Харнский⁵³⁴. И далее: «Хиросима и Куре находятся близ зуба верхней челюсти»⁵³⁵.

Таким образом, мастерское владение К. А. Харнским выразительными средствами публицистического стиля речи, несомненно, является одним из его достоинств. Оно проявилось и в его монографии о Японии. Публицистичность стиля К. А. Харнского соответствовала пафосу массовой коммуникации революционной эпохи и, подобно приемам научно-популярной речи в наши дни, облегчала читателю восприятие текста книги. Публицистическая яркость и выразительность речи,

⁵²⁵ Харнский К. А. Япония в прошлом и настоящем. Владивосток, 1926. С. 13.

⁵²⁶ Там же. С. 12.

⁵²⁷ Там же. С. 56.

⁵²⁸ Там же. С. 157.

⁵²⁹ Там же. С. 196.

⁵³⁰ Там же. С. 265–287.

⁵³¹ Там же. С. 91.

⁵³² Там же. С. 150.

⁵³³ Цит. по: Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899–1999. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. С. 135.

⁵³⁴ Харнский К. А. Япония в прошлом и настоящем. С. 25.

⁵³⁵ Там же. С. 28.

⁵¹⁶ Харнский К. А. «Быть или не быть японского кабинета» // Красное знамя. 1926. 15 июня.

⁵¹⁷ Харнский К. А. Колониальный рекорд.

⁵¹⁸ Харнский К. А. «Быть или не быть» японского кабинета.

⁵¹⁹ Харнский К. А. Китайский виноград и японская лисица // Красное знамя. 1923. 15 авг.

⁵²⁰ Харнский К. А. Роль Като в политической жизни Японии // Красное знамя. 1926. 2 февр.

⁵²¹ Харнский К. А. Новый крупный скандал в Японии.

⁵²² Харнский К. А. Христианские мученики.

⁵²³ Харнский К. А. Academia Sinica. Научная хроника Дальнего Востока // Вестник Дальневост. фил. Академии наук СССР. Владивосток, 1932. № 3-4. С. 81.

⁵²⁴ Харнский К. А. Япония в прошлом и настоящем. Владивосток, 1926. С. 9.

идейная убежденность и идеологическая бескомпромиссность, вероятно, сослужили Константину Андреевичу добрую службу и в его лекционной работе, в отношении которой сохранились слова благодарности от его бывших студентов⁵³⁶.

Заключение

К. А. Харнский принадлежит к числу выдающихся российских востоковедов первой трети XX столетия. Большую часть своей жизни он неустанно работает с прессой. Благодаря ВИ периодическая печать становится для Константина Андреевича важным средством получения новейшей информации о странах Дальнего Востока, Тихоокеанского бассейна, о ведущих мировых державах и их политике. В годы революции и гражданской войны К. А. Харнский начинает активно заниматься журналистикой. Он становится умным и тонким большевистским пропагандистом, перо которого в пору «приравнять к штыку» (В. Маяковский). К. А. Харнский разоблачает политику империалистических держав на Дальнем Востоке, ведет и просветительскую работу, рассказывая своим слушателям и читателям о ситуации в Японии, Китае и Корее. С годами К. А. Харнский становится профессиональным журналистом, виртуозно владеющим публицистическим стилем и живо откликающимся на актуальные темы международной жизни и советского общества.

Постепенно освобождаясь от революционного романтизма, К. А. Харнский все более развивает в себе качества ученого-аналитика, но и последние его газетные статьи, появившиеся в «Красном знамени» в 1930-ом г. – «Лицо японского реформизма»⁵³⁷, «Гиганты японского капитализма»⁵³⁸, «Японские крестоносцы»⁵³⁹ – являют собой образцы острой и выразительной публицистики.

Привычная для Константина Андреевича публицистическая манера изложения проявилась и в его книгах о Японии, Китае и Корее, написанных во второй половине 1920-х гг. Во всех своих публикациях К. А. Харнский неизменно высокоидеен, выдержан идеологически и верен своим политическим идеалам.

Драма проигранного Россией XX века состоит в том, что в результате сталинского террора люди, подобные К. А. Харнскому – обладавшие высокой нравственностью, широкой образованностью, наблюдательностью и уникальными навыками анализа мировой политики и устремлений основных игроков на «глобальной шахматной доске» (З. Бжезинский), были не только лишены общественной трибуны, но и уничтожены.

Список литературы

1. ГАПК (Государственный архив Приморского края). Ф. 1628. Оп. 1. Д. 2.
2. Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://memory.pvost.org/pages/harnskij.html>.
3. Бондаренко, Е. Ю. К. А. Харнский : грани судьбы // Проблемы Дальнего Востока. – 1994. – № 1. – С. 113–123.

⁵³⁶ ГАПК. Ф. 1628. Оп. 1. Д. 2. Лл. 9, 18.

⁵³⁷ Харнский К. А. Лицо японского реформизма // Красное знамя. 1930. 27 февр.

⁵³⁸ Харнский К. А. Гиганты японского капитализма // Красное знамя. 1930. 3 марта.

⁵³⁹ Харнский К. А. Японские крестоносцы.

4. Буяков, А. М. Подготовка офицеров в Восточном институте // Известия Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. – 1994. – № 1. – С. 64–71.
5. Буяков, А. М. Подготовка офицеров-японоведов в Восточном институте в 1899–1914 годах // Пути развития японоведения на Дальнем Востоке России : сб. ст. и библиография / сост. А. С. Дыбовский. – Осака, 2009. – С. 51–66.
6. Гончаров, И. А. Собр. соч. : в 8 т. Т. 3 / И. А. Гончаров. – М. : Худ. лит., 1978. – 526 с.
7. Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899–1999. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. – 703 с.
8. Донской, В. К. Разгром восточного факультета ДВГУ // Вестник Дальневост. отд-ния Рос. Акад. наук. – 1996. – № 1. – С. 95–108.
9. Дыбовский, А. С. К характеристике обучающей системы Восточного института (1899–1920) и преподавания японского языка в нем // Первый профессиональный японовед России. – Владивосток, 2007. – С. 131–185.
10. Дыбовский, А. С. Образ автора в книге Е. Г. Спальвина «Япония: взгляд со стороны (Токио, 1931) // Первый профессиональный японовед России. – Владивосток, 2007. – С. 74–99.
11. Ермакова, Э. В. Трагедия преподавателей-японистов Дальневосточного университета в 30-е гг. XX века // Пути развития японоведения на Дальнем Востоке России : сб. ст. и библиография / сост. А. С. Дыбовский. – Осака, 2009. – С. 115–126.
12. Ермакова, Э. В. Восточный факультет в 20–30 годы / Э. В. Ермакова, Е. А. Георгиевская // Известия Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. – 1994. – № 1. – С. 52–63.
13. Китай с древнейших времен до наших дней [Электронный ресурс] // Livejournal. – Режим доступа: <http://libri-rf.livejournal.com/43202.html>.
14. Подпалова, Г. И. Константин Андреевич Харнский (1884–1943) // Народы Азии и Африки. – 1986. – № 3. – С. 82–86.
15. Публицистика [Электронный ресурс] // Большая советская энциклопедия. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru>.
16. Розов, Н. Встреча красного вождя // Красное знамя. – 1922. – 18 окт.
17. Серов, В. М. Китай и Япония в публицистике К. А. Харнского // Историография и источниковедение стран Дальнего Востока. Сер.: востоковедение. Вып. 2 : межвуз. темат. сб. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1979. – С. 4–28.
18. Серов, В. М. Список разысканных статей К. А. Харнского // Историография и источниковедение стран Дальнего Востока. Сер.: востоковедение. Вып. 2 : межвуз. темат. сб. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1979. – С. 112–116.
19. Фудзимото, В. Спальвин в Японии : пребывание в городе Киото накануне и сразу после русско-японской войны // Первый профессиональный японовед России. – Владивосток, 2007. – С. 36–51.
20. Харнский, К. А. Academia Sinica. Научная хроника Дальнего Востока // Вестник Дальневост. фил. Академии наук СССР. – Владивосток, 1932. – № 3-4. – С. 80–82.

21. Харнский, К. А. Борьба за центральный Китай // Красное знамя. – 1925. – 1 июня.
22. Харнский, К. А. Борьба партий в Японии и китайская политика // Красное знамя. – 1927. – 17 февр.
23. Харнский, К. А. «Быть или не быть» японского кабинета // Красное знамя. – 1926. – 15 июня.
24. Харнский, К. А. В оголении // Красное знамя. – 1924. – 10 сент.
25. Харнский, К. А. Вокруг Ханькоу // Красное знамя. – 1926. – 7 сент.
26. Харнский, К. А. Гиганты японского капитализма // Красное знамя. – 1930. – 3 марта.
27. Харнский, К. А. За что борется китайский пролетариат // Красное знамя. – 1927. – 11 февр.
28. Харнский, К. А. Иероглифы // Красное знамя. – 1928. – 14 янв.
29. Харнский, К. А. К воззванию Коминтерна // Красное знамя. – 1924. – 13 мая.
30. Харнский, К. А. Китайский виноград и японская лисица // Красное знамя. – 1923. – 15 авг.
31. Харнский, К. А. Колониальный рекорд // Красное знамя. – 1926. – 6 февр.
32. Харнский, К. А. Лицо японского реформизма // Красное знамя. – 1930. – 27 февр.
33. Харнский, К. А. Мистер Джильберт, журналист // Красное знамя. – 1926. – 19 июня.
34. Харнский, К. А. Новый крупный скандал в Японии // Красное знамя. – 1924. – 25 сент.
35. Харнский, К. А. О танцульках и катехизисе // Красное знамя. – 1928. – 28 февр.
36. Харнский, К. А. Обзор политической и экономической жизни Китая // Народы Дальнего Востока. – 1921. – № 2. – С. 155–156.
37. Харнский, К. А. По стопам реакции // Дальневосточное обозрение. – 1920. – 9 марта.
38. Харнский, К. А. Победа Кенсейкай // Красное знамя. – 1924. – 14 июня.
39. Харнский, К. А. Полукультура и природа (К вопросу о лесе) // Красное знамя. – 1924. – 16 мая.
40. Харнский, К. А. Поражение правительственной партии на выборах в Японии // Красное знамя. – 1924. – 18 мая.
41. Харнский, К. А. Программа Вакацуки // Красное знамя. – 1926. – 5 февр.
42. Харнский, К. А. Роль Като в политической жизни Японии // Красное знамя. – 1926. – 2 февр.
43. Харнский, К. А. Союз жандармов // Красное знамя. – 1923. – 18 апр.
44. Харнский, К. А. Тайные общества в Китае // Красное знамя. – 1927. – 30 янв.
45. Харнский, К. А. Финал либеральной потуги // Красное знамя. – 1925. – 7 мая.
46. Харнский, К. А. Христианские мученики // Красное знамя. – 1924. – 20 мая.
47. Харнский, К. А. Экономическая жизнь Японии // Красное знамя. – 1925. – 15 сент.

48. Харнский, К. А. Этапы порабощения Китая // Красное знамя. – 1927. – 4 февр.
49. Харнский, К. А. Япония в прошлом и настоящем / К. А. Харнский. – Владивосток : Кн. дело, 1926. – 411 с.
50. Харнский, К. А. Японские крестоносцы // Красное знамя. – 1930. – 4 март.
51. Хисамутдинов, А. Репрессированные востоковеды. Конец владивостокской школы японоведения : Протокол допроса Н. П. Овидиева // Facta Slavica Japonica. – Hokkaido : Hokkaido University. The Slavic Research Centre, 1998. – Vol. 16. – Pp. 207–231.

Публицистика К. А. Харнского и газетная дискуссия о новом быте

А. С. Дыбовский

Он не боялся оставаться один, отстаивая свои взгляды, его не останавливали ни авторитеты, ни обвинения в отсталости взглядов, в несовременности и даже в контрреволюционном подходе к вопросу⁵⁴⁰.

Е. Р. Громаковская-Харнская

Эта статья посвящена публицистике выдающегося дальневосточного востоковеда Константина Андреевича Харнского и, прежде всего, его статье «Еще о быте», которая была опубликована во владивостокской газете «Красное знамя» 9 марта 1924 года. Статья К. А. Харнского вызвала бурную дискуссию на страницах «Красного знамени», которая оказала большое влияние на содержание более поздних публикаций автора.

Ключевые слова: Харнский К. А., публицистика К. А. Харнского, дискуссия о быте, газета «Красное знамя».

К. А. Kharnsky's Social Critique and the Discussion about a New Style of Everyday Life

A. S. Dybovsky

This paper describes the works of social critique of a distinguished Russian orientalist, K. A. Kharnsky, especially his article «Again about the New Style of Everyday Life», published on the 9th of March, 1924 in Vladivostok's newspaper «Red Banner». K. Kharnsky's article provoked a broad public discussion, which had a great influence upon K. Kharnsky's later journalist activities.

⁵⁴⁰ Расшифровка и машинопись рукописи Е. Р. Громаковской (Харнской) были выполнены Татьяной Валерьевной Поликарповой.

Keywords: Kharnsky K. A., K. Kharnsky's social critique, a discussion about the new style of everyday life, the «Red Banner» newspaper

Введение

Мы уже останавливались на характеристике газетных публикаций К. А. Харнского (Дыбовский, 2011) и пришли к выводу о том, что аналитическая работа над периодической печатью и активная публицистическая деятельность оказали существенное влияние на формирование К. А. Харнского как ученого и педагога⁵⁴¹. Уточненный по рукописи Софьи Васильевны Магалиф список публикаций К. А. Харнского⁵⁴² насчитывает около 360 названий⁵⁴³ (часть его приведена в приложении к нашей статье, см. стр. 242–250), причем это преимущественно газетные публикации. Подавляющее число работ Константина Андреевича относится к разряду критико-аналитических статей о зарубежных странах – политического, социального, экономического, военно-стратегического характера. В 1922–1923 гг. К. А. Харнский заведовал отделом печати при Дальбюро ЦК ВКП(б) в Чите и некоторое время редактировал газету «Дальневосточный путь», являвшуюся органом вышеуказанного Дальбюро. К. А. Харнский был в курсе жизненно важных проблем российского Дальнего Востока и нередко сам писал на общественно значимые для указанного региона темы, например: «Полуживые студенты»⁵⁴⁴; «В наших школах»⁵⁴⁵; «Готовьтесь к агитационной работе [к месяцу Госналога]»⁵⁴⁶; «Нужна хозяйственная перспектива (Николаевск или Де-Кастри)»⁵⁴⁷ и другие.

Как пишет Е. Р. Громаковская-Харнская, в марте 1923 г. «...Наркомат Просвещения направил К. А. во Владивосток во вновь начавший работать уже советский Государственный Дальневосточный Университет, на Восточный факультет преподавателем»⁵⁴⁸. В это время наряду с преподавательской работой начинается его многолетнее сотрудничество с газетой «Красное знамя». Больше всего статей в этой газете Константин Андреевич опубликовал именно в первые годы своего пребывания во Владивостоке: за неполный 1923 г. – 39 публикаций; в 1924 г. – 82.

⁵⁴¹ Дыбовский А. С. К. А. Харнский как политический обозреватель // *Studies in Language and Culture*. Osaka Univ. Pres., 2011. Vol. 38. С. 93–112.

⁵⁴² Среди неразобранных документов, связанных с жизнью и деятельностью К. А. Харнского, в архиве Института истории, археологии и этнографии Дальнего Востока ДВО РАН мы обнаружили тетрадь с перечнем публикаций К. А. Харнского, составленную С. В. Магалиф по материалам библиотеки им. Ленина в 1969 г.

⁵⁴³ Итоговый список работ К. А. Харнского с учетом предыдущих публикаций (Японоведение в Восточном институте и ГДУ: библиография / сост. В. И. Ионченко, Т. В. Поликарпова // Пути развития востоковедения на Дальнем Востоке России / под ред. А. С. Дыбовского. Осака, 2009. С. 127–195), а также указанной рукописи С. В. Магалиф, был составлен в 2012 г. Татьяной Валерьевной Поликарповой.

⁵⁴⁴ Харнский К. А. Полуживые студенты // *Дальневосточный путь*. 1922. 26 июля, № 194.

⁵⁴⁵ Харнский К. А. В наших школах // *Дальневосточный путь*. 1922. 27 окт., № 272.

⁵⁴⁶ Харнский К. А. Готовьтесь к агитационной работе [к месяцу Госналога] // *Дальневосточный путь*. 1922. 28 сент., № 247.

⁵⁴⁷ Харнский К. А. Нужна хозяйственная перспектива (Николаевск или Де-Кастри) // *Дальневосточный путь*. 1922. 16 нояб., № 289.

⁵⁴⁸ Громаковская (Харнская) Е. Р. Дополнения к биографии Константина Андреевича Харнского (к биографии, написанной в 1960 году мной). Черновик. 15 марта 1984 г. [рукопись]. С. 20.

В июле 1923 г. К. А. Харнский женится на Елене Романовне Громаковской (Качановой), для которой, так же как и для Константина Андреевича, это был второй брак и, по всей вероятности, счастливый. В контексте завершившейся гражданской войны и устроившейся личной жизни К. А. Харнский, приобретший к этому времени богатый опыт работы с прессой, а также навыки большевистского пропагандиста, занимает активную общественную позицию. Он, по-видимому, искренне верит в возможности новой социальной системы и считает своим долгом вносить посильный вклад в строительство нового общества. Наряду с острыми публицистическими статьями по вопросам мировой политики и экономики он публикует целый ряд статей по вопросам социальной и культурной политики советской России, организации науки и высшего образования, отечественной истории: «Вопросы культуры. Печальная иллюстрация» – 20.04.1923; «Расовые предрассудки у нас» – 14.09.1923; «Школа и просвещение: на путях самостоятельности (В востфаке ГДУ)» – 9.12.1923; «Вопросы культуры. Искусство и массы» – 16.12.1923; «В восточном факультете ГДУ» – 5.01.1924; «Успехи русской науки» – 19.01.1924; «Романовы» – 12.03.1924; «Из апрельских воспоминаний: приморская керенщина» – 17.04.1924.

Первая статья написана по поводу концерта, устроенного в честь открытия губпартшколы во Владивостоке. Критикуя содержание концерта, построенного «по затасканым... буржуазным шаблонам»⁵⁴⁹, К. А. Харнский ставит вопрос о необходимости создания новой массовой культуры, основывающейся на пролетарской эстетике. Во второй статье Константин Андреевич выступает против замалчивания фактов расовой дискриминации, имеющих место во Владивостоке. Грубое отношение к китайцам или корейцам он квалифицирует как контрреволюционные действия. В третьей он пишет о перспективах самостоятельной исследовательской деятельности «красного студенчества» на примере кружка китаеведения, члены которого, работая в условиях острой нехватки необходимой справочной и учебной литературы, руководствуются девизом: «Ближе к жизни и ее борьбе. Подальше от всяческого гробокопательства»⁵⁵⁰.

Среди указанных публикаций особое место занимает четвертая статья, представляющая собой попытку философского осмысления взаимоотношений личности и искусства в грядущем коммунистическом обществе. Статья опубликована с подзаголовком «В порядке обсуждения». Наряду с совершенно уместными и поучительными экскурсами в историю культуры в этой статье проявился и некоторый футурологический романтизм Константина Андреевича, находившегося в это время на пороге своего сорокалетия. С точки зрения К. А. Харнского, в процессе эволюции человечества искусство стало классовым, утратило естественную связь с обыденной жизнью людей: «Гармония утеряна. Люди перестали понимать друг друга. Наступила эпоха машинного варварства...»⁵⁵¹, – пишет он о капиталистиче-

⁵⁴⁹ Харнский К. А. Вопросы культуры. Печальная иллюстрация // *Красное знамя*. 1923. 20 апреля.

⁵⁵⁰ Харнский К. А. Школа и просвещение: на путях самостоятельности (В востфаке ГДУ) // *Красное знамя*. 1923. 9 дек.

⁵⁵¹ Харнский К. А. Вопросы культуры. Искусство и массы (в порядке обсуждения) // *Красное знамя*. 1923. 16 дек.

ском обществе. По его мнению, только новая социалистическая эпоха создаст «общечеловеческое искусство»; для этого «искусству из его убежищ надо вылезать на улицу, в мастерские, в порт, в канцелярии, в квартиры, в столовки, – словом, туда, где человек живет, а не отдыхает от жизни»⁵⁵². «Только тогда, когда каждый из нас, явившись в картинную галерею, на концерт, в театр, без всяких объяснений, учительств, наставлений и всяческих иного типа подталкиваний сразу почувствует в звуках и красках художника свое собственное глубокое родное и роднящее его со всеми остальными людьми, могущими по своей "природе" и чувствовать так же, как он сам, только тогда искусство станет тем, чем оно было, и чем оно должно быть – средством интимнейшего духовного общения людей между собой»⁵⁵³, – заключает К. А. Харнский.

В ряду перечисленных публикаций стоит и статья К. А. Харнского «Еще о быте. На правах дискуссии», опубликованная в газете «Красное знамя» 9 марта 1924 г. Вслед за появлением этой статьи на страницах «Красного знамени» развернулась оживленная дискуссия, по-видимому, оказавшая существенное влияние на тематику дальнейших публикации Константина Андреевича. Суть этой дискуссии, а также ее последствия мы попытаемся раскрыть в этой статье.

Кроме материалов Государственного архива Приморского края, нами были использованы хранящиеся в архиве Института истории, археологии и этнографии Дальнего Востока ДВО РАН «Дополнения к биографии К. А. Харнского» Е. Р. Громаковской-Харнской (1984 г.), а также тетрадь С. В. Магалиф (1969)⁵⁵⁴, содержащая список газетных публикаций К. А. Харнского, выверенный С. В. Магалиф в конце 1960-х гг. по материалам библиотеки им. Ленина в Москве.

Основные тезисы статьи К. А. Харнского

Статья К. А. Харнского «Еще о быте» была написана как отклик на статьи и заметки «рабкор» газеты «Красное знамя» по проблемам организации нового быта в процессе создания нового человека и общества. В начале статьи К. А. Харнский специально подчеркивает дискуссионность выражаемых им взглядов: «мысли ...могут показаться еретическими»; «...попаду в число потрясателей основ и вообще подозрительных субъектов»⁵⁵⁵, – замечает он. Однако решает воспользоваться таким завоеванием революции, как свобода слова: «Время пришло. На подобные «скользкие» темы можно уже разговаривать»⁵⁵⁶, – с оптимизмом констатирует он. В своей статье К. А. Харнский рассуждает о таких обыденных вещах, как танцы, ногти, золотые украшения и о той роли, которую они должны играть в жизни советского человека.

Его статья начинается с рассуждений о допустимости танцев⁵⁵⁷ в «новом быте». Как пишет в своих воспоминаниях Е. Р. Громаковская-Харнская, в 1920-е гг. в ГДУ

«устраивались студенческие вечера: пели, читали стихи и рассказы, выступал хор, но не танцевали. В стенгазетах факультетов писали, что танцы – буржуазный старорежимный пережиток, ...они вредны, они не соответствуют марксистским взглядам на культуру и т.д.»⁵⁵⁸

К. А. Харнский начинает свою статью с впечатлений от доклада о «новом быте», представленном в виде «живой газеты» (такая форма общения молодежи имела распространение в то время). Доклад, по мнению Константина Андреевича, был крайне скучным, и чем дольше говорил докладчик о строительстве нового, тем сильнее ощущалось «сходство этого "нового" с чем-то старинным, давнишним, полузабытым»⁵⁵⁹; доклад напоминал «о чем-то нудном, сером, мертвенном и прокисшем»⁵⁶⁰. Следующим номером программы мероприятия, в котором принимал участие Константин Андреевич, была музыка: заиграли вальс. Как пишет К. А. Харнский, – «типичный мещанский вальс, который может быть скрашен только одним – здоровым, жизнерадостным, веселым и заражающим топаньем, шарканьем молодых ног, уставших от сиденья»⁵⁶¹. В соседней комнате началась «самочинная танцулька» – не в порядке протеста, «это было отдыхом от живогазетной мертвечины»⁵⁶². И Константину Андреевичу, как и всем присутствующим, стало очень весело (ведь в «живой газете» речь шла о необходимости искоренения танцев). «Я не думаю, что эти плясуны в качестве строителей новой жизни, – пишет К. А. Харнский, – были сортом хуже тех, кто хлопал ...автору безбожно великопостной статьи...»⁵⁶³. В отказе от танцев К. А. Харнский усматривал проявление христианского аскетизма, ничего общего не имеющего с марксизмом. В своей статье он напоминал о том времени, когда отцы церкви относились к танцам как к «одной из прелестей дьявольских и грозили за них карами и на этом свете и в будущем»⁵⁶⁴, и «до анафемствования театра додумались»⁵⁶⁵. «Я не знаю, в какой степени танцы могут повредить нашему общему делу, ...как не знают этого и наши танцгонители»⁵⁶⁶, – резюмирует он свои воспоминания.

Раздел о ногтях начинается с упоминания публикации рабкора А., которому не понравились «когтеподобные ногти» одного из его руководителей. В связи с этим К. А. Харнский замечает, что среди его знакомых есть молодой товарищ, которому «длинный ноготь не мешает ...быть более работоспособным, чем большинство других»⁵⁶⁷, и на уход за ногтями подобные ему люди тратят меньше времени, чем тов. А. на написание «совершенно бесполезной заметки о ногтях»⁵⁶⁸. «Есть предметы куда более заслуживающие внимания рабкоров, чем завовы и замзавовы ног-

⁵⁵² Харнский К. А. Вопросы культуры.

⁵⁵³ Там же.

⁵⁵⁴ Рукописи двух указанных документов хранятся в вышеназванном архиве.

⁵⁵⁵ Харнский К. А. Еще о быте // Красное знамя. 1924. 9 марта.

⁵⁵⁶ Там же.

⁵⁵⁷ Для выражения своего отношения к танцам как элементу буржуазной культуры К. А. Харнский использует аргоизм «танцульки».

⁵⁵⁸ Громаковская (Харнская) Е. Р. Указ. соч. С. 37.

⁵⁵⁹ Харнский К. А. Еще о быте.

⁵⁶⁰ Там же.

⁵⁶¹ Там же.

⁵⁶² Там же.

⁵⁶³ Там же.

⁵⁶⁴ Там же.

⁵⁶⁵ Там же.

⁵⁶⁶ Там же.

⁵⁶⁷ Там же.

⁵⁶⁸ Там же.

ти, ...бумагу не стоит на это тратить. Право же!»⁵⁶⁹ – пишет в заключение раздела К. А. Харнский, ласково журуя строгого рабкора.

Следующий раздел статьи К. А. Харнского посвящен допустимости использования советскими людьми золотых украшений. Константин Андреевич начинает с тезиса о том, что пролетарское государство не может себе позволить ввозить предметы роскоши и тратить драгметаллы на украшения. Роскошь в быту, по его мнению, не допустима, однако, как далее указывает К. А. Харнский, стремление украшаться изначально свойственно человеку, и пристрастие к нарядам и украшениям не просто пережиток определенной эпохи: «...пристрастие к золоту, лентам, нарядам и ...иным украшениям ...основано непосредственно на половом чувстве (речь здесь, по-видимому, идет о том, что мы теперь называем «сексуальностью» – А. Д.), – вполне законном и неистребимом в человеке»; это чувство было у дикаря и постепенно «эволюционировало в сторону большей утонченности»⁵⁷⁰; бороться с ним могут только религиозные аскеты. В заключение раздела К. А. Харнский делает вывод о том, что всякие попытки принудительного аскетизма будут приводить лишь к одному – к бурной реакции против аскетизма, поскольку коммунизм – не религия, а коммунистическая партия – не секта.

В следующем разделе своей статьи К. А. Харнский продолжает рассуждать об аскетизме, который, по его мнению, непосредственно связан с религиозной аскезой. Константин Андреевич начинает свои размышления с того, что «...отрицание эстетики еще не побежденного господствующего класса – неизбежный спутник всех массовых движений» (в качестве примера приводятся ранние христиане, пуритане; разночинцы в России, выступавшие против роскоши, за опрощение)⁵⁷¹.

По мнению К. А. Харнского, именно «половое чувство» (говоря современным языком, «половое влечение» – А. Д.) заставляет некоторых «товарищей, которые и «Капитал» Карла Маркса прочитали, и Ленина назубок выучили, и за текущей прессой следили, и на фронтах дрались...», жениться на «светланских вертихвостках»⁵⁷², поскольку «браки заключаются не только для приятных беседований», «не для взаимных поучений и совместной проработки докладов», «а потому, что мужчину тянет к женщине, а женщину к мужчине. ...И, хотя мы этого не хотим, – все равно факт... остается. Тот факт, что мужеподобная женщина привлекает к себе мужчину меньше, чем светланская ветрогонка. А в результате получается очень печальное явление. Коммунист, сблизившийся с финтифлюшкой, оказывается по уши погрязшим в мещанскую трясины ...А «протестующие» против буржуазных условностей коммунистки остаются одинокими и ...несчастливыми в личных переживаниях. И все это на две трети непосредственно объясняется тем сверх-аскетизмом, который у нас некоторые товарищи пытаются возвести в догму»⁵⁷³, – заключает свое размышление К. А. Харнский.

Статья К. А. Харнского заканчивается призывом отбросить утопии. Он призывает строить новый быт на научной основе: «Новый уклад жизни необходим... Мы

можем и должны овладеть стихией нашей жизни... Но строить новый мир можно только из того материала, который дан нам природой»⁵⁷⁴, – пишет он. И продолжает: «Мы много говорили о вреде утопий, ...так не будем же и мы сами утопистами. Мы сколько угодно можем бить себя в грудь и кричать о вреде танцулек. А они все-таки будут. ...Давайте лучше займемся делом. Одно из таких дел – изучение быта. Изучение не ради изучения, а с целью планомерного, сознательного изменения быта»⁵⁷⁵.

Статья К. А. Харнского написана с позиций здравого смысла, ценна экскурсами в историю культуры, показывающими, что новая социальная реальность может создаваться не иначе, как путем постепенной трансформации существующих общественных отношений. Она написана человеком, уверенным в праве каждого принимать участие в общественной дискуссии по актуальным проблемам развития страны и имеющим смелость высказать свое мнение, даже если оно не совпадает с мнением большинства. Месседж публикации – призыв к социальной терпимости, указание на необходимость при строительстве новой жизни учитывать объективные законы развития человечества. К. А. Харнский как историк культуры настаивает на том, что отношения полов – историческая данность; украшения и танцы – общечеловеческие явления, имеющие глубокие исторические корни. Быт, по его мнению, нужно изучать и изменять, основываясь на научных исследованиях.

В то же время, позиция К. А. Харнского – это не спокойная и отстраненная позиция ученого. В его публикации можно усмотреть как сочувствие неумелым теоретическим исканиям рабкоров, так и хлесткость, характерную для публицистического дискурса революционной эпохи: владивостокских модниц он называет «светланскими ветрогонками», «финтифлюшками», танцы – «танцульками», вальс – не иначе, как «мещанский вальс». В этом проявляется его большевистский максимализм и непримиримость по отношению к «пережиткам» «буржуазной культуры».

Критика позиции К. А. Харнского

Давно следовало бы сдать в архив отрывки старого быта...

*рабкор Лапардин.
«Красное знамя» 24 марта 1924 г.*

После публикации статьи К. А. Харнского на страницах краевой газеты развернулась бурная дискуссия: «На Харнского обрушились противники танцев во главе с И. Пашкевичем – преподавателем общественно-политических дисциплин»⁵⁷⁶, – пишет в своих воспоминаниях Е. Р. Громаковская-Харнская.

Массированный удар по позиции К. А. Харнского был произведен в газете «Красное знамя» 16 марта. В то время как на первой полосе газеты располагалась статья К. А. Харнского о зависимости английской прессы от крупного капитала и ее политической ангажированности за подписью «К. Х.»⁵⁷⁷, на второй полосе газеты

⁵⁶⁹ Харнский К. А. Еще о быте.

⁵⁷⁰ Там же.

⁵⁷¹ Там же.

⁵⁷² Улица Светланская – главная улица Владивостока, проходящая вдоль бухты Золотой Рог.

⁵⁷³ Там же.

⁵⁷⁴ Харнский К. А. Еще о быте.

⁵⁷⁵ Там же.

⁵⁷⁶ Громаковская-Харнская Е. Р. Указ. соч. С. 37.

⁵⁷⁷ Харнский К. А. К вопросу о свободной и независимой прессе // Красное знамя. 1924. 16 марта.

была помещена большая статья И. Пашкевича «Пролетарский быт или НЭПбыт. Ответ на статью тов. Харнского» (о ней см. ниже), а на четвертой полосе подборка критических откликов от трех авторов под общим заголовком «О быте». Первой в этой подборке была корреспонденция рабкора Н. Ляха. Он писал: «Если т. Харнский написал свою статью, чтобы других задеть за живое, то это хорошо, а если он полностью убежден во всем, что написал, то этого я никак не разделяю. ...Еще не так давно были в комсомольских клубах танцульки, но усилиями не «начетчиков и дьячков», а самых настоящих комсомольцев танцульки были изжиты, и, несмотря на это, посещаемость клубов не уменьшилась. ...Можно быть, – продолжал он, – в одно и то же время и женственной и хорошей работницей, а потому нам надо одинаково бороться как с золотом, так и с нарочито архаровским маскарадом «под ефрейтора». Если же рассуждать со стороны угождения половому чувству, то выходит, что нужно открыть и дома терпимости?»⁵⁷⁸. Н. Лях закончил свою статью следующими строками: «Все перечисленное является наследием буржуазного строя, и нам со всем этим надо вести решительную борьбу, ...а о «финтифлюшках» беспокоиться нечего: они доживают свой век»⁵⁷⁹.

«Не финтифлюшками и не мещанами мы должны заняться, – вторил рабкору Н. Ляху А. Цапурин, – не изучением того, каков у них теперь быт, ибо он всем более чем известен, а жестокой и беспощадной борьбой с отклонениями и излишествами. Этим мы отобьем желание у подобных Краснощекову⁵⁸⁰ лиц иметь тенденцию к золотым вещам и прочим драгоценностям, и мещанство, как таковое, приблизим к пропасти»⁵⁸¹.

Подборка статей о быте завершилась публикацией «Семья и свободная любовь» С. Расторгуева, который выступил против уничтожения института семьи, несмотря на «буржуазный» характер последней⁵⁸².

27 марта была опубликована статья Я. Цитовича «К вопросу о быте (в порядке дискуссии)»⁵⁸³, в которой, наряду с критикой позиции К. А. Харнского, в качестве универсального средства решения гендерных вопросов говорилось о необходимости обращения к критерию классово-целесообразности: «Тов. Харнский ...оказался объективно одним из представителей весьма отсталой идеологии»... Крайне возмутительно, когда партиец овеществляет, облачает в фетишистскую оболочку дружеские отношения со своей женой в виде ношения колец и т.д. ...Это уж совсем поповские предрассудки... Но что же все-таки хорошо, что дурно, что можно, чего нельзя с точки зрения наших классовых норм? ...единственный критерий – классовая целесообразность... Будущее, несомненно, принадлежит мате-

риальному равенству, но уже на основе развитого хозяйства и нового людского материала... Что же касается писания о ногтях и т.д., то советовал бы всем бросить это, на мой взгляд, весьма несерьезное занятие»⁵⁸⁴ – подытоживал свои рассуждения Я. Цитович, в конце концов солидаризируясь с либеральным предложением К. А. Харнского.

Дискуссию завершило гневное письмо П. Полинской «К спору о быте» от 30 марта 1924 г. П. Полинскую задела за живое фраза К. А. Харнского о недостаточной привлекательности «мужеподобных женщин». Она заняла максималистскую позицию, состоящую в том, что настоящим активисткам строительства новой жизни следует принести женственность в жертву служению делу пролетариата: «У курсантки есть возможность делать причудливые прически и носить не сапоги, а изящные туфельки? – Нет! Так как стоять в карауле куда лучше и удобнее в сапогах... У коммунистки есть возможность украшать себя побрякушками, чтобы возбуждать половое чувство в мужчине, если она работает в армии, в партизанском отряде, в рабочем районе? – Нет, и не может быть ...Плохая та активистка, у которой на первом плане – сохранение женственности, а не выполнение задач пролетарского строительства...», – негодовала она⁵⁸⁵.

Однако основным идейным оппонентом К. А. Харнского стал И. В. Пашкевич, коллега Константина Андреевича по работе в ГДУ и сотрудничеству с газетой «Красное знамя». Еще 12 марта на первой полосе газеты «Красное знамя» статья И. Пашкевича «Буржуазная революция и задачи рабочего класса» мирно соседствовала со статьей К. А. Харнского «Романовы», а уже 16 марта И. Пашкевич в статье «Пролетарский быт или НЭПбыт. Ответ на статью тов. Харнского» подверг резкой критике содержание статьи Константина Андреевича. Если публикации рабкоров идейно беспомощны и по своей косноязычности напоминают стиль романов А. Платонова, то критика И. Пашкевича была гораздо более основательной.

Иван Викентьевич Пашкевич (1886–1928), кроме педагогической и публицистической деятельности, занимал целый ряд видных административных должностей в Приморской губернии. Он был председателем ВоГРГО (Владивостокского отдела Государственного русского географического общества, ныне Общество изучения Амурского края), заведующим агитпропотделом губкома партии, членом правления ГДУ, членом Президиума Владивостокского общества воинствующих материалистов, членом Президиума горсовета, членом Президиума окружной контрольной комиссии, членом Окружного комитета ВКП (б)⁵⁸⁶. В «Красном знамени» под регулярной рубрикой «Пасхальные беседы» он занимался антирелигиозной пропагандой.

И. Пашкевич начал свои рассуждения с утверждения о том, что впасть в крайности для К. А. Харнского – дело обычное: «Тов. Харнский на редкость хороший работник и товарищ, но вся беда в том, что он нередко впадает в крайности. Несколько месяцев тому назад на страницах «Красного знамени» нам пришлось с ним спорить из-за того, что он несколько перегибал палку в сторону идеализма,

⁵⁸⁴ Цитович Я. К вопросу о быте (в порядке дискуссии) // Красное знамя. 1924. 27 марта.

⁵⁸⁵ Полинская П. К спору о быте // Красное знамя. 1924. 30 марта.

⁵⁸⁶ См.: Центральная научная библиотека ДВО РАН. URL: <http://www.cnb.dvo.ru/ii/arsen/zs.doc> (дата обращения 12.12.2013).

⁵⁷⁸ Лях Н. О быте I. По поводу статьи тов. Харнского // Красное знамя. 1924. 16 марта.

⁵⁷⁹ Там же.

⁵⁸⁰ Фамилия женского угодника и растратчика государственных средств Краснощекова фигурировала в ряде публикаций в виде примера морального разложения советских служащих.

⁵⁸¹ Цапурин А. О быте II. Дискуссионный отзыв на статью тов. Харнского // Красное знамя. 1924. 16 марта.

⁵⁸² Расторгуев С. О быте III. Семья и свободная любовь // Красное знамя. 1924. 16 марта.

⁵⁸³ Речь идет о второй (заключительной) части статьи Я. Цитовича. Первая часть оказалась для нас недоступной, ввиду отсутствия в ГАПК (Государственный архив Приморского края, г. Владивосток) соответствующего номера газеты.

говоря, что университетскую кафедру Владивостока (в том состоянии, в каком она сейчас находится) необходимо использовать для преподавания и разработки вопросов пролетарской культуры, этики и эстетики. Сейчас же в вопросе о быте он впадает в другую крайность...»⁵⁸⁷.

Следующим пунктом критики И. Пашкевича был тезис о том, что у К. А. Харнского недостаточно большевистского стремления переделать мир, что он занимает созерцательную позицию (которую и материалистическим подходом назвать нельзя; слово материализм заключается в кавычки) и тем самым делает уступку НЭПу, оправдывая уродливые явления, им порожаемые. И. Пашкевич пишет: «Т. Харнский становится на точку зрения какого-то созерцательного «материализма», задача которого состоит в объяснении мира, но не в его изменении»; «т. Харнский берет быт во всех его НЭПовских извращениях и говорит, что, мол, этот быт создается «объективными условиями», а всякий быт, который стараются протащить агитаторы... – это лишь идея»; «т. Харнский вместо того, чтобы клеймить худые проявления НЭПа, стремится их оправдать...»⁵⁸⁸. Таким образом, позиция К. А. Харнского критикуется как пассивная и позволяющая чуждым элементам протаскивать враждебную коммунистам идеологию: «Пока мы будем сидеть наподобие благочестивого Будды и созерцать свой пуп, НЭПовские пройдохи изыщут средства, чтобы создать условия и для танцулек, и для ногтей завов, замзамов и для золотых украшений, а там разбирай – на почве полового ли влечения это произошло, или на почве нашего ротозейства...»⁵⁸⁹, – иронизирует И. Пашкевич. Далее он оптимистично утверждает, что в советском государстве есть все условия для создания нового быта, и строительство последнего необходимо вести словом и делом параллельно с хозяйственным строительством, не допуская никаких уступок НЭПу: «...«объективные» условия для создания нового быта у нас налицо, ...и никогда у рабочих таких условий раньше не бывало»; «нужно работать как словом, так и делом. ...Строительство нового быта должно идти параллельно с нашим хозяйственным строительством. Обволакивание НЭПа в области быта не менее вредно, чем поражение на нашем промышленном фронте»⁵⁹⁰.

Далее И. Пашкевич останавливается на особой сложности ситуации в Приморской губернии, где советская власть была установлена позднее, чем в западных районах России: «В Приморье мы вступили во второй год революции. Обывательщина здесь, пожалуй, подверглась совершенно ничтожной обработке, а следовательно, является средой, ...мало подходящей для классово-выдержанных борцов, как и сама танцулька является для них мало подходящим занятием»⁵⁹¹. В конце концов, К. А. Харнский обвиняется в недостаточном понимании психологии рабочего класса: «Т. Харнский очевидно не видит классового элемента в рабочей психологии, а, не видя этого, нельзя писать о рабочем быте вообще»⁵⁹².

⁵⁸⁷ Пашкевич И. Пролетарский быт или НЭПбыт. Ответ на статью тов. Харнского // Красное знамя. 1924. 16 марта.

⁵⁸⁸ Там же.

⁵⁸⁹ Там же.

⁵⁹⁰ Там же.

⁵⁹¹ Там же.

⁵⁹² Там же.

В тексте И. Пашкевича присутствуют и справедливые замечания (см. ниже), но прежде всего в глаза бросаются демагогические приемы ведения дискуссии: от заявления о склонности К. А. Харнского впасть в крайности, беспочвенных обвинений Константина Андреевича в идеализме и стремлении оправдать «худые проявления НЭПа», претензий по поводу того, что в тексте К. А. Харнского отсутствуют динамизм и диалектический подход к пониманию социальных функций золота и развития половых признаков у животных (которые в статье Харнского даже и не упоминаются) до употребления отклоняющихся от речевой нормы туманных оборотов типа «обволакивание НЭПа в области быта...». В то же время И. Пашкевич справедливо указывает на то, что К. А. Харнский строит свое рассуждение на отдельных случайных примерах, а также недооценивает тот факт, что для большинства рабочих «выхолненные ногти» (И. Пашкевич), скорее всего, действительно были маркером чуждой социальной группы.

Как видим, статья Константина Андреевича стала объектом яростной идеологической атаки сторонников левых взглядов, рядившихся в одежды «воинствующего марксизма» и придерживавшихся принципов классовой целесообразности, политического максимализма, технократической социальной инженерии. Все участники дискуссии проявили непримиримую позицию по отношению к взглядам К. А. Харнского, который как историк культуры не мог не видеть преемственности в развитии человеческих обществ. Идеи К. А. Харнского о социальной терпимости и эволюционном развитии общества были решительно отвергнуты в угоду крайне левым максималистским взглядам, основывавшимся на мифах коммунистической утопии о создании «нового человека» и построении нового общества всеобщей гармонии.

Через три года после рассмотренных нами событий К. А. Харнский напишет: «...на страницах нашей газеты разгорелся целый бой, – бой, в котором пишущий эти строки оказался в невыгодном одиночестве. Мало того, по разным причинам мне так и не удалось воспользоваться правом на последнее слово»⁵⁹³.

Е. Р. Громаковская-Харнская в своих воспоминаниях рассказала о том, как проблема танцев вскоре решилась естественным путем, несмотря на усилия партийных идеологов и пропагандистов: «...прошло немного времени, и в ДВГУ затанцевали, как и везде»⁵⁹⁴. М. И. Сладковский в своей статье «Первый центр китаеведения на Дальнем Востоке и его выпускники в 20-е годы» описывает танцевальный вечер на восточном факультете ГДУ, посвященный 25-летию создания Восточного института⁵⁹⁵ через полгода после окончания указанной дискуссии, в октябре того же 1924 г.

Заключение

К. А. Харнский, в конечном счете, оказался прав: в обществе «реального социализма» сохранились и танцы, и золотые украшения, и модницы, но в дискуссии он потерпел поражение. Позиция здравого смысла оказалась слабее революционного романтизма и технократических планов социальной инженерии. Последнее слово и идейная победа остались за «воинствующим марксизмом». В 1924 г. это не сделало К. А. Харнского

⁵⁹³ Харнский К. А. О танцульках и катехизисе // Красное знамя. 1928. 28 февр., № 2262 (50).

⁵⁹⁴ Громаковская-Харнская Е. Р. Указ. соч. С. 37.

⁵⁹⁵ Сладковский М. И. Первый центр китаеведения на Дальнем Востоке и его выпускники в 20-е годы // Проблемы Дальнего Востока. 1979. № 4. С. 147.

объектом репрессий. Эпоха большого террора была еще впереди, однако результаты дискуссии о быте имели некоторые последствия. В 1926–1927 учебном году руководителем научно-педагогической экспедиции в Японию был назначен член правления ГДУ, председатель общественной предметной комиссии Восточного факультета доцент И. В. Пашкевич⁵⁹⁶ (продолжавший вести в «Красном знамени» агитационно-пропагандистскую работу), а не К. А. Харнский, написавший к этому времени, кроме десятков газетных статей, две солидные монографии по истории Японии и Китая. Несколько лет спустя директор Дальневосточного университета А. В. Пономарев написал в Докладной записке в Культпроп ЦК ВКП(б): «Кафедры страноведения по вопросам экономики и истории революционного движения в Японии и Китае ...чрезвычайно бедны научными силами, владеющими марксистско-ленинской методологией... Историю революционного движения в Японии читает известный японист тов. Харнский, коммунист, с большим знанием Японии, но тоже способный много путать»⁵⁹⁷.

В дальнейшем К. А. Харнский стал строже относиться к идеологической выдержанности своих публикаций, его позиция по отношению к буржуазной культуре также стала еще более жесткой и бескомпромиссной. Константин Андреевич продолжал активно сотрудничать с «Красным знаменем» до 1930 г., однако на темы, не связанные с международной политикой, экономикой и международными отношениями, он написал за последующие шесть лет всего несколько статей: «Полукультура и природа»⁵⁹⁸; «Восточный Институт и Востфак ГДУ [за 25 лет и более]. Восточный Институт перед революцией»⁵⁹⁹; «Как разворачиваются дети [по поводу одной из книг]»⁶⁰⁰; «О наших поэтах»⁶⁰¹; «О хромающих факультетах»⁶⁰²; «О подготовке людей будущего на нашем университете»⁶⁰³. К теме танцев К. А. Харнский возвращается в 1928 г. в статье «О танцульках и катехизисе»⁶⁰⁴. Статья написана в защиту студентов, организовавших платный танцевальный вечер с участием «нэпманов, харбински мыслящих совбарышень и совкавалеров, лоботрясов и бездельников»⁶⁰⁵ с целью сбора средств для «нужного и важного общественного дела»⁶⁰⁶. К. А. Харнский считает, что «студентов бранить... не за что»⁶⁰⁷, однако, в конце

⁵⁹⁶ Государственный Дальневосточный университет. Сводный отчет об учебной и хозяйственной работе университета за 1924–1927 учебные годы // ГАПК. Ф. 17. Оп. 3. Д. 31. Л. 224.

⁵⁹⁷ № 266. Докладная записка директора Дальневосточного университета А. В. Пономарева в Культпроп ЦК ВКП(б) о состоянии Дальневосточного государственного университета (7 апреля 1932 г.) // История Дальневосточного государственного университета в документах и материалах 1899–1939. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. С. 434.

⁵⁹⁸ Харнский К. А. Полукультура и природа // Красное знамя. 1924. 16 мая.

⁵⁹⁹ Харнский К. А. Восточный Институт и Востфак ГДУ [за 25 лет и более]. Восточный Институт перед революцией // Красное знамя. 1924. 29 нояб.

⁶⁰⁰ Харнский К. А. Как разворачиваются дети [по поводу одной из книг] // Красное знамя. 1925. 7 мая.

⁶⁰¹ Харнский К. А. О наших поэтах // Красное знамя. 1928. 7 июня.

⁶⁰² Харнский К. А. О хромающих факультетах // Красное знамя. 1929. 10 мая.

⁶⁰³ Харнский К. А. О подготовке людей будущего на нашем университете // Красное знамя. 1929. 14 июня.

⁶⁰⁴ Харнский К. А. О танцульках и катехизисе // Красное знамя. 1928. 28 февр.

⁶⁰⁵ Там же.

⁶⁰⁶ Там же.

⁶⁰⁷ Там же.

концов, приходит к выводу о том, что в таких вечерах для молодежи больше вреда, чем пользы, поскольку эти вечера – не что иное, как «средство концентрированного мещанского влияния»⁶⁰⁸.

После описанной нами газетной дискуссии Константин Андреевич писал преимущественно о том, в чем был специалистом: о вопросах мировой экономики и политики, об империализме, о военных конфликтах и вопросах истории, а более всего – об экономической и политической ситуации в Японии, Китае и Корее.

Список литературы

1. Государственный Дальневосточный университет. Сводный отчет об учебной и хозяйственной работе университета за 1924–1927 учебные годы // ГАПК (Государственный архив Приморского края, г. Владивосток). Ф. 17. Оп. 3. Д. 31. Л. 224.
2. Громаковская (Харнская), Е. Р. Дополнения к биографии Константина Андреевича Харнского (к биографии, написанной в 1960 году мной). Черновик. 15 марта 1984 г. [рукопись] / Е. Р. Громаковская (Харнская). – [Волгодонск, 1984]. – 47 с.
3. № 266. Докладная записка директора Дальневосточного университета А. В. Пономарева в Культпроп ЦК ВКП(б) о состоянии Дальневосточного государственного университета (7 апреля 1932 г.) // История Дальневосточного государственного университета в документах и материалах 1899–1939. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. – С. 434.
4. Дыбовский, А. С. К. А. Харнский как политический обозреватель // *Studies in Language and Culture*. – Osaka Univ. Pres., 2011. – Vol. 38. – С. 93–112.
5. Красное знамя. – 1928. – 28 февр.
6. Лях, Н. О быте I. По поводу статьи тов. Харнского // Красное знамя. – 1924. – 16 марта.
7. Пашкевич, И. Пролетарский быт или НЭПбыт. Ответ на статью тов. Харнского // Красное знамя. – 1924. – 16 марта.
8. Полинская, П. К спору о быте // Красное знамя. – 1924. – 30 марта.
9. Расторгуев, С. О быте III. Семья и свободная любовь // Красное знамя. – 1924. – 16 марта.
10. Сладковский, М. И. Первый центр китаеведения на Дальнем Востоке и его выпускники в 20-е годы // *Проблемы Дальнего Востока*. – 1979. – № 4. – С. 143–152.
11. Харнский, К. А. В наших школах // Дальневосточный путь. – 1922. – 27 окт., № 272.
12. Харнский, К. А. Вопросы культуры. Искусство и массы (в порядке обсуждения) // Красное Знамя. – 1923. – 16 дек.
13. Харнский, К. А. Вопросы культуры. Печальная иллюстрация // Красное знамя. – 1923. – 20 апреля.
14. Харнский, К. А. Восточный Институт и Востфак ГДУ [за 25 лет и более]. Восточный Институт перед революцией // Красное знамя. – 1924. – 29 нояб.

⁶⁰⁸ Харнский К. А. О танцульках и катехизисе.

15. Харнский, К. А. Готовьтесь к агитационной работе [к месяцу Госналога] // Дальневосточный путь. – 1922. – 28 сент., № 247.
16. Харнский, К. А. Еще о быте // Красное знамя. – 1924. – 9 марта.
17. Харнский, К. А. К вопросу о свободной и независимой прессе // Красное знамя. – 1924. – 16 марта.
18. Харнский, К. А. Как развращаются дети [по поводу одной из книг] // Красное знамя. – 1925. – 7 мая.
19. Харнский, К. А. О наших поэтах // Красное знамя. – 1928. – 7 июня.
20. Харнский, К. А. О подготовке людей будущего на нашем университете // Красное знамя. – 1929. – 14 июня.
21. Харнский, К. А. О танцульках и катехизисе // Красное знамя. – 1928. – 28 февр., № 2262 (50).
22. Харнский, К. А. О хромающих факультетах // Красное знамя. – 1929. – 10 мая.
23. Харнский, К. А. Полуживые студенты // Дальневосточный путь. – 1922. – 26 июля, № 194.
24. Харнский, К. А. Полукультура и природа // Красное знамя. – 1924. – 16 мая.
25. Харнский, К. А. Школа и просвещение: на путях самостоятельности (В вос- тфаке ГДУ) // Красное знамя. – 1923. – 9 дек.
26. Цапурин, А. О быте II. Дискуссионный отзыв на статью тов. Харнского // Красное знамя. – 1924. – 16 марта.
27. Центральная научная библиотека ДВО РАН [Электронный ресурс]. – Ре- жим доступа: <http://www.cnb.dvo.ru/ii/arsen/zs.doc>.
28. Цитович, Я. К вопросу о быте (в порядке дискуссии) // Красное знамя. – 1924. – 27 марта.
29. Японоведение в Восточном институте и ГДУ : библиография / сост. В. И. Ионченко, Т. В. Поликарпова // Пути развития востоковедения на Дальнем Востоке России / под ред. А. С. Дыбовского. – Осака, 2009. – С. 127–195.

Приложение

**Список работ К. А. Харнского,
опубликованных до конца 1925 г.***

1906

1. Сельское хозяйство в Японии // Вестн. финансов, промышленности и торгов- ли. – 1906. – № 40.

1917

2. Буддизм и христианство / пер. К. Харнского // Китай и Япония. – Хабаровск, 1917. – № 256/257. – С. 45.
3. Внутренняя жизнь // Китай и Япония. – Хабаровск, 1917. – № 256/257. – С. 13–38.

4. Вооруженные силы (с территориальными и цифровыми данными) // Китай и Япония. – Хабаровск, 1917. – № 256/257. – С. 1–12.
 5. Китай под угрозой гражданской войны // Китай и Япония. – Хабаровск, 1917. – № 256/257. – С. 38–40.
 6. Маньчжурия. Внешняя Монголия // Китай и Япония. – Хабаровск, 1917. – № 256/257. – С. 68–71.
 7. Внешние отношения. Общие замечания : Отчего Япония ищет дружбы Аме- рики? / пер. К. Харнского // Китай и Япония. – Хабаровск, 1917. – № 264/269. – С. 26–30.
 8. Внутренняя жизнь: 1. Общие замечания. 2. Междоусобицы в Китае. 3. К борь- бе в Китае Севера с Югом. 4. Китай в Октябре // Китай и Япония. – Хабаровск, 1917. – № 264/269. – С. 80–86.
 9. Новый бюджет // Китай и Япония. – Хабаровск, 1917. – № 264/269. – С. 66–67.
 10. Отношение японцев к России [Отношение Японии к России] (из разных источников) // Китай и Япония. – Хабаровск, 1917. – № 264/269. – С. 34–38.
 11. Очерк событий в Китае в июне, июле и августе // Китай и Япония. – Хаба- ровск, 1917. – № 258/263. – С. 120–137.
 12. Протест южан. Анархия в Китае // Китай и Япония. – Хабаровск, 1917. – № 258/263. – С. 144–147.
 13. Рабочий вопрос // Китай и Япония. – Хабаровск, 1917. – № 264/269. – С. 62–66.
 14. Русские в Маньчжурии // Китай и Япония. – Хабаровск, 1917. – № 264/269. – С. 176–177.
 15. Японское пароходство [судоходство] и кораблестроение // Китай и Япо- ния. – Хабаровск, 1917. – № 264/269. – С. 54–57.
- 1919**
16. Подозрительная маниловщина [о росте славянских объединений и обществ с монархическим уклоном] // Дальневост. обозрение. – 1919. – 18 октября.
 17. Англо-японский союз // Дальневост. обозрение. – 1919. – 11 декабря.
 18. Буря в стакане воды // Дальневост. обозрение. – 1919. – 19 декабря.
 19. Сдвиг в националистической идеологии // Дальневост. обозрение. – 1919. – 25 декабря.
 20. Японская великодержавность // Дальневост. обозрение. – 1919. – 25 декабря.
- 1920**
21. По стопам реакции // Дальневост. обозрение. – 1920. – 9 марта.
 22. Накануне // Дальневост. обозрение. – 1920. – 20 марта.
 23. Внутреннее положение Японии // Дальневост. обозрение. – 1920. – 21 марта.
 24. Перемены в Китае // Дальневост. обозрение. – 1920. – 27 марта.
 25. «Владиво-Ниппо» и классовые предрассудки // Дальневост. обозрение. – 1920. – 25 апреля.
 26. Все в прошлом // Красное знамя. – 1920. – 12 мая, № 72.
 27. Большевизм в Китае // Дальневост. обозрение. – 1920. – 27 мая.
 28. Борьба классов в Японии // Великий океан. – 1920. – № 4/6. – С. 33–44.
- 1921**
29. В черном стане // Красное знамя. – 1921. – 20 февр., № 34.

* Внутри каждого года работы располагаются в хронологическом порядке. Примечания – С. Магалиф.

30. Возрождение Азии // Восход. – Чита, 1921. – № 1. – С. 21.
 31. [Вступ. ст.] // Неравнодушные строчки : в годовщину 4–5 апреля 1920 г. – дня выступления японцев в Приморье : сб. / под ред. Н. Чужака ; вступ. ст. К. Харнско-го. – Чита : Дальцентропечать, 1921. – 69 с.
 32. Майские вехи // Первое Мая. 1921 год : альманах. – Чита : Дальцентропечать, 1921.
 33. Обзор политической и экономической жизни Китая. Дущюнат и реакция // Народы Дальнего Востока. – Иркутск, 1921. – № 2. – С. 156–164.

1922

34. Одно из соображений (японский [военный] писатель о вооружениях Япо-нии) // Дальневосточный путь. – 1922. – 28 июня, № 169.
 35. Американцы и эвакуация // Дальневост. путь. – 1922. – 2 июля, № 173.
 36. Перед новой авантюрой // Дальневост. путь. – 1922. – 4 июля, № 174.
 37. Японская стратегия и политика // Дальневост. путь. – 1922. – 8 июля, № 178.
 38. Международный меньшевизм и его заслуги // Дальневост. путь. – 1922. – 11 июля, № 180.
 39. Еще одна вредная книга // Дальневосточный путь. – 1922. – 13 июля, № 182.
 40. О свободе облаивания // Дальневост. путь. – 1922. – 14 июля, № 183.
 41. Политическая комедия в Японии // Дальневост. путь. – 1922. – 18 июля, № 186.
 42. В поисках знамени // Дальневост. путь. – 1922. – 19 июля, № 187.
 43. Китайские фантазии и мы // Дальневост. путь. – 1922. – 23 июля, № 191.
 44. Полуживые студенты // Дальневост. путь. – 1922. – 26 июля, № 194.
 45. Дезертиры коммунизма // Дальневост. путь. – 1922. – 30 июля, № 198.
 46. Влияние Америки и Японии в Китае // Дальневост. путь. – 1922. – 10 авг., № 207.
 47. Зарубежный Восток и мы // Дальневост. путь. – 1922. – 19 авг., № 215.
 48. На рубеже // Наш путь. – 1922. – Авг., № 1. – С. 5–16.
 49. В порядке постановки вопроса // Дальневост. путь. – 1922. – 3 сент., № 226.
 50. Готовьтесь к агитационной работе [к месяцу Госналога] // Дальневост. путь. – 1922. – 28 сент., № 247.
 51. Чжаново государственномыслие // Дальневост. путь. – 1922. – 29 сент., № 248.
 52. В наших школах // Дальневост. путь. – 1922. – 27 окт., № 272.
 53. Меры против безработицы в Японии // Дальневост. путь. – 1922. – 28 окт., № 273.
 54. Случайное совпадение или таинственная рука? // Дальневост. путь. – 1922. – 14 нояб., № 287.
 55. Нужна хозяйственная перспектива (Николаевск или Де-Кастри) // Дальне-вост. путь. – 1922. – 16 нояб., № 289.
 56. Индустриализация Азии // Дальневост. путь. – 1922. – 21 нояб., № 293.
 57. Отголоски эвакуации // Дальневост. путь. – 1922. – 22 нояб., № 294.

1923

58. Одна из многих // Дальневост. путь. – 1923. – 13 янв., № 10.
 59. Британская империя в Азии // Новый Дальний Восток : бюл. Дальневост. фил. ВНАВ. – 1923. – № 10-11. – С. 143–144.
 60. Единый фронт буржуазии // Новый Дальний Восток : бюл. Дальневост. фил. ВНАВ. – 1923. – № 6-9. – С. 81–82.

61. На рубеже // Наш путь / Дальбюро ЦК РКП(б). – 1923 [1922]. – № 1/4. – С. 5–16.
 62. Япония в прошлом и настоящем // Наш путь / Дальбюро ЦК РКП(б). – 1923. – № 5. – С. 13–14.
 63. На путях к пролетарской революции в Японии и на Дальнем Востоке вооб-ще // Наш путь / Дальбюро ЦК РКП(б). – 1923. – № 10. – С. 14–22.
 64. Япония : 22 беседы. – Чита : Изд. Политуправления Реввоенсовета 5-й ар-мии, 1923. – [Около 300 с., рец. Дубинского].
 65. Коммунистическая партия и Восток // Красное знамя. – 1923. – 14 марта.
 66. К вопросу о свободной и независимой прессе // Красное знамя. – 1923. – 16 марта.
 67. Знамение времени // Красное знамя. – 1923. – 31 марта.
 68. Дикарь в адмиральском мундире // Красное знамя. – 1923. – 6 апр.
 69. Религия в Японии на службе у государства // Красное знамя. – 1923. – 12 апреля.
 70. Союз жандармов // Красное знамя. – 1923. – 18 апреля.
 71. Японский водевиль с переодеванием // Красное знамя. – 1923. – 19 апр.
 72. Вопросы культуры. Печальная иллюстрация // Красное знамя. – 1923. – 20 апр.
 73. Черные маски интеллигенции // Красное знамя. – 1923. – 28 апреля.
 74. Дальний Восток и Америка // Красное знамя. – 1923. – 29 апреля.
 75. Антиимпериализм в Японии // Красное знамя. – 1923. – 3 июня.
 76. Святая простота // Красное знамя. – 1923. – 6 июня.
 77. Смысл английского наступления на Восток // Красное знамя. – 1923. – 8 июня.
 78. О массовых арестах в Японии // Красное знамя. – 1923. – 20 июня.
 79. Перед революционным сдвигом в Японии // Красное знамя. – 1923. – 5 июля.
 80. Япония и коммунизм // Красное знамя. – 1923. – 13 июля.
 81. Депрессия в Японии // Красное знамя. – 1923. – 2 авг.
 82. Фабрикация великих людей и соперничество в Китае // Красное знамя. – 1923. – 7 авг.
 83. Марксова борода и свободная историческая наука // Красное знамя. – 1923. – 9 авг.
 84. Китайский виноград и японская лисица // Красное знамя. – 1923. – 15 авг.
 85. Цена затуманивания мозгов // Красное знамя. – 1923. – 21 авг.
 86. Правление адмирала Като // Красное знамя. – 1923. – 28 авг.
 87. 13 лет // Красное знамя. – 1923. – 29 авг.
 88. Англо-американские притязания на о. Врангеля // Красное знамя. – 1923. – 1 сент.
 89. Кабинетский тупик // Красное знамя. – 1923. – 4 сент.
 90. Смысл греко-итальянского столкновения // Красное знамя. – 1923. – 12 сент.
 91. Новый кабинет в Японии // Красное знамя. – 1923. – 13 сент.
 92. Расовые предрассудки у нас // Красное знамя. – 1923. – 14 сент.
 93. Чего можно ждать от новой власти в Японии // Красное знамя. – 1923. – 16 сент.

94. Всеобщее избирательное право в Японии // Красное знамя. – 1923. – 18 сент.
95. Америка и ее холуи // Красное знамя. – 1923. – 26 сент.
96. Токийские провокаторы // Красное знамя. – 1923. – 27 сент.
97. Игра в миролюбие // Красное знамя. – 1923. – 3 окт.
98. Японо-американские отношения после землетрясения // Красное знамя. – 1923. – 5 окт.
99. Японо-американские отношения // Красное знамя. – 1923. – 7 окт.
100. Как американцы проводят принцип самоопределения наций // Красное знамя. – 1923. – 24 нояб.
101. Школа и просвещение. На путях самодеятельности : (В Востфаке ГДУ) // Красное знамя. – 1923. – 9 дек., № 999 (281).
102. Вопросы культуры. Искусство и массы : (в порядке обсуждения) // Красное знамя. – 1923. – 16 дек., № 1005 (287).
103. Во что обошелся милитаризм // Красное знамя. – 1923. – 19 дек., № 1007 (289).
1924
104. В Восточном факультете ГДУ // Красное знамя. – 1924. – 5 янв., № 1020 (4).
105. Япония к Новому году. I. II // Красное знамя. – 1924. – 9 янв., № 1023 (7).
106. Япония перед Новым годом. III. IV Политические убийства в Японии // Красное знамя. – 1924. – 10 янв., № 1024 (8).
107. Япония перед Новым годом. V // Красное знамя. – 1924. – 11 янв., № 1025 (9).
108. Фашизм и наука // Красное знамя. – 1924. – 13 янв., № 1027 (11).
109. Успехи русской науки // Красное знамя. – 1924. – 19 янв., № 1032 (16).
110. Проституция поднадзорная и безнадзорная // Красное знамя. – 1924. – 20 янв.
111. Перед новой бойней // Красное знамя. – 1924. – 21 янв., № 1041 (25).
112. Политические идеи либеральной буржуазии Японии // Красное знамя. – 1924. – 1 февр., № 1042 (26).
113. Крестьянское движение в Японии // Красное знамя. – 1924. – 3 февр., № 1044 (28).
114. Обезземеление крестьян в Корее // Красное знамя. – 1924. – 7 марта, № 1072 (56).
115. Очерк Кореи // Красное знамя. – 1924. – 7 марта, № 1072 (56).
116. Еще о быте // Красное знамя. – 1924. – 9 марта, № 1074 (58).
117. Романовы // Красное знамя. – 1924. – 12 марта, № 1076 (60).
118. К вопросу о свободной и независимой прессе // Красное знамя. – 1924. – 16 марта, № 1079 (63).
119. Японо-китайское экономическое соперничество и замыслы японского правительства // Красное знамя. – 1924. – 22 марта.
120. Изменение британской политики на Дальнем Востоке // Красное знамя. – 1924. – 25 марта, № 1085 (69).
121. Китай, Россия и японские аппетиты // Красное знамя. – 1924. – 27 марта, № 1086 (70).
122. Обмолвка японского посланника: «Шпионы или не шпионы?» // Красное знамя. – 1924. – 28 марта, № 1087 (71).
123. По ту сторону океана // Красное знамя. – 1924. – 1 апр.
124. Из апрельских воспоминаний // Красное знамя. – 1924. – 17 апр., № 1104 (88).

125. День национального позора Японии // Красное знамя. – 1924. – 26 апр., № 1112 (96).
126. Пробудившийся Китай // Красное знамя. – 1924. – 27 апр., № 1113 (97).
127. Китай и державы // Красное знамя. – 1924. – 7 мая, № 1118 (102).
128. Империализм святош // Красное знамя. – 1924. – 9 мая, № 1120 (104).
129. Сюрприз английским империалистам // Красное знамя. – 1924. – 11 мая, № 1122 (106).
130. К воззванию Коминтерна // Красное знамя. – 1924. – 13 мая, № 1123 (107).
131. Полукультура и природа // Красное знамя. – 1924. – 16 мая.
132. Империализм правительства Макдональда // Красное знамя. – 1924. – 18 мая, № 1128 (112).
133. Поражение правительственной партии на выборах в Японии // Красное знамя. – 1924. – 18 мая, № 1128 (112).
134. К созданию в Японии пролетарской партии // Красное знамя. – 1924. – 24 мая.
135. Экономическая угроза Владивостоку [Японские планы относительно линии Харбин – Чаньчунь] // Красное знамя. – 1924. – 25 мая, № 1134 (118).
136. Опасения империалистов и новые «боксеры» // Красное знамя. – 1924. – I. – 8 июня, № 1145 (129).
137. Опасения империалистов и новые «боксеры». II. // Красное знамя. 11 июня, № 1147 (131).
138. Восстание в Албании // Красное знамя. – 1924. – 13 июня, № 1149 (133).
139. «Победа» Кэнсэйкай // Красное знамя. – 1924. – 14 июня, № 1150 (134).
140. Советско-китайский договор – поворотный пункт в истории Китая // Красное знамя. – 1924. – 20 июня, № 1154 (138).
141. Кабинет Като и его «принципиальность» // Красное знамя. – 1924. – 21 июня, № 1155 (139).
142. Маленький вопрос, становящийся большим // Красное знамя. – 1924. – 1 июля, № 1163 (147). – [Принципиальное значение передачи миссии полпредства].
143. Империалистам будет трудно выпутаться // Красное знамя. – 1924. – 4 июля, № 1156 (150).
144. Макдональдово правительство и колониальные страны // Красное знамя. – 1924. – 8 июля, № 1169 (153).
145. Выходки «Царя Маньчжурии» // Красное знамя. – 1924. – 12 июля, № 1173 (157).
146. Империалистические отношения на Тихом океане // Красное знамя. – 1924. – 14 июля.
147. В стране плутократии // Красное знамя. – 1924. – 15 июля, № 1175 (159).
148. Като, Сидехара, финансовая олигархия и Сахалин // Красное знамя. – 1924. – 19 июля.
149. Обязанности Америки на Дальвостоке : (к вопросу о соперничестве на Тихом океане) // Красное знамя. – 1924. – 27 июля, № 1186 (170).
150. Мировая война // Красное знамя. – 1924. – 1 авг., № 1190 (174).
151. Внешняя политика Като // Красное знамя. – 1924. – 3 авг.
152. Внешняя политика в Китае // Красное знамя. – 1924. – 6 авг., № 1194 (178).
153. В Китае. II // Красное знамя. – 1924. – 10 авг., № 1197 (181).

154. По исхоженным тропам // Красное знамя. – 1924. – 17 авг., 1203 (186).
155. Японский пролетариат перед новым испытанием // Красное знамя. – 1924. – 21 авг., 1206 (190).
156. Пустыни, дебри и высокая политика // Красное знамя. – 1924. – 24 авг., № 1209 (193).
157. Монополии и экономическое положение Японии // Красное знамя. – 1924. – 30 авг., № 1214 (198).
158. Финансовое положение [в] Японии // Красное знамя. – 1924. – 3 сент., № 1217 (201).
159. Идеальный соглашатель и его мнения // Красное знамя. – 1924. – 4 сент., № 1218 (202).
160. У наших соседей // Красное знамя. – 1924. – 5 сент., № 1219 (203). – [Вероятность новой войны в Китае. Зависимость Японии от Америки].
161. В оголении // Красное знамя. – 1924. – 10 сент., № 1222 (206).
162. К событиям в Китае // Красное знамя. – 1924. – 11 сент., № 1223 (207).
163. За неделю // Красное знамя. – 1924. – 14 сент., № 1226 (210).
164. Достройка Семиреченской железной дороги и положение в Западном Китае // Красное знамя. – 16 сент., № 1227 (211).
165. Расплата Японии за прежние грехи // Красное знамя. – 1924. – 21 сент.
166. Новый крупный скандал в Японии // Красное знамя. – 1924. – 26 сент.
167. Японская колония Тайван (Формоза) // Красное знамя. – 1924. – 27 сент., № 1237 (221).
168. О сокращении японской армии // Красное знамя. – 1924. – 28 сент., № 1238 (222).
169. Правление японских либералов [мнения японских авторов] // Красное знамя. – 1924. – 30 сент., № 1239 (223).
170. Япония, Чжан и У // Красное знамя. – 1924. – 15 окт.
171. В японском флоте. В Корее // Красное знамя. – 1924. – 17 окт., № 1254 (238).
172. В Корее // Красное знамя. – 1924. – 19 окт.
173. Влияние войны в Китае на японскую торговлю // Красное знамя. – 1924. – 1 нояб., № 1267 (251).
174. Карьера маршала У Пей-фу // Красное знамя. – 1924. – 2 нояб., № 1268 (252).
175. Причины падения У Пей-фу // Красное знамя. – 1924. – 5 нояб., № 1270 (254).
176. Возвышение «Христианского генерала» // Красное знамя. – 1924. – 9 нояб., № 1273 (257).
177. Предпосылки социалистической революции // Красное знамя. – 1924. – 9 нояб., № 1273 (257).
178. К процессу коммунистов в Эстонии. Кантонцы и Советский Союз // Красное знамя. – 1924. – 23 нояб., № 1285 (269).
179. Китай, как рынок // Красное знамя. – 1924. – 27 нояб., № 1278 (272).
180. Восточный Институт и Востфак ГДУ. Восточный Институт перед революцией // Красное знамя. – 1924. – 29 нояб., № 1290 (274). – [За 25 лет и более].
181. Египет и Судан // Красное знамя. – 1924. – 2 дек., № 1292 (276).
182. Программная речь виконта Като // Красное знамя. – 1924. – 4 дек., № 1294 (278).

183. Один из образцов колониальной практики // Красное знамя. – 1924. – 10 дек., № 1299 (283).
184. Японская торговля за 1924 г. Японские сказки // Красное знамя. – 1924. – 11 дек., № 1300 (284).
185. Положение Чжан Цзо-линя. Японские сказки // Красное знамя. – 1924. – 12 дек., № 1301 (285).
186. Государство и церковь в Китае : Странички из прошлого // Красное знамя. – 1924. – 14 дек., № 1303 (287).
- 1925**
187. В счастливой Америке // Красное знамя. – 1925. – 3 янв., № 1317 (2).
188. События в Китае // Красное знамя. – 1925. – 4 янв., № 1318 (3).
189. Опять «желтая опасность» // Красное знамя. – 1925. – 7 янв., № 1320 (5).
190. Советско-японский договор подписан // Красное знамя. – 1925. – 24 янв.
191. Китай // Красное знамя. – 1925. – 30 янв., № 1339 (24).
192. Япония // Красное знамя. – 1925. – 30 янв.
193. Таинственная рука в Шанхае // Красное знамя. – 1925. – 4 февр., № 1343 (28).
194. Китай [В партии Гоминьдан] // Красное знамя. – 1925. – 12 февр. № 1350 (35).
195. К вопросу об экстерриториальности Китая // Красное знамя. – 1925. – 20 февр., № 1357 (42).
196. «Бывший человек» Южного Китая // Красное знамя. – 1925. – 28 февр., № 1364 (49). – [К поражению Чень Цзюнь-мина Кантонской армией].
197. Карьера автора закона против коммунизма // Красное знамя. – 1925. – 28 февр.
198. Партия Сунь Ятсена и коммунизм // Красное знамя. – 1925. – 20 марта, № 1379 (64).
199. «Кесарево» и «божие» и др. // Красное знамя. – 1925. – 20 марта, № 1379 (64).
200. Китайское революционное движение. IV : Китайские народники и мы // Красное знамя. – 1925. – 4 апр., № 1392 (77).
201. Права трудящихся в Японии // Красное знамя. – 1925. – 19 апр., № 1405 (90).
202. Мирное завоевание Китая // Красное знамя. – 1925. – 24 апр., № 1408 (93).
203. По Востоку // Красное знамя. – 1925. – 30 апр., № 1413 (98).
204. Как разворачиваются дети [по поводу одной из книг] // Красное знамя. – 1925. – 7 мая, № 1417 (102).
205. Цена интервенции // Красное знамя. – 1925. – 7 мая, № 1417 (102).
206. Роль жандарма опасна! // Красное знамя. – 1925. – 20 июня, № 1453 (138).
207. «Преступление» тов. Доссера // Красное знамя. – 1925. – 8 июля, № 1467 (152).
208. Японские трудящиеся в когтях спекуляции // Красное знамя. – 1925. – 9 июля, № 1468 (153).
209. Сахалинские предприятия и японские капиталисты // Красное знамя. – 1925. – 17 июля, № 1475 (160).
210. Новая политическая партия в Японии // Красное знамя. – 1925. – 22 июля, № 1479 (164).
211. Скрытая грызня из-за Китая // Красное знамя. – 1925. – 28 июля, № 1484 (169).
212. Суть гарантийного договора // Красное знамя. – 1925. – 2 авг., № 1489 (178).

213. Революционное движение в Корее // Красное знамя. – 1925. – 16 авг., № 1500 (185).
214. «Выгодное предприятие» // Красное знамя. – 1925. – 18 авг., № 1501 (186).
215. Хитрая механика империалистов // Красное знамя. – 1925. – 19 авг., № 1502 (187).
216. «Громоотвод» на Востоке // Красное знамя. – 1925. – 22 авг., № 1505 (190).
217. Политический кризис в Японии // Красное знамя. – 1925. – 29 авг., № 1511 (196).
218. Осуждение японских коммунистов // Красное знамя. – 1925. – 12 сент., № 1523 (208).
219. Экономическая жизнь Японии // Красное знамя. – 1925. – 15 сент., № 1525 (210).
220. Экономическая жизнь Японии // Красное знамя. – 1925. – 17 сент., № 1527 (212).
221. Хозяева Америки и их лакеи // Красное знамя. – 1925. – 25 сент., № 1534 (219).
222. Императорское правительство Японии на защите торговцев проститутками // Красное знамя. – 1925. – 29 сент., № 1537 (222).
223. Силы гражданской войны в Китае // Красное знамя. – 1925. – 24 окт., № 1558 (243).

Карикатуры А. А. Лейферта в газете «Токио-Асахи» (1931)

А. С. Дыбовский

Статья основывается на публикациях газеты «Токио-Асахи», с которой в марте-апреле 1931 г. около 2-х месяцев сотрудничал художник-карикатурист А. А. Лейферт, изучавший японский язык в ГДУ в 1920-е гг. В статье рассматривается содержание карикатур А. А. Лейферта в культурном контексте японской столицы соответствующей эпохи.

Ключевые слова: А. А. Лейферт, карикатуры, «Токио-Асахи», вестернизация, Токио 1930-х гг.

A. A. Leifert's Cartoons in «Tokyo-Asahi» (1931)

A. S. Dybovsky

Talented Russian Japanologist A. A. Leifert, graduated from the Far Eastern State University in Vladivostok in the mid-1920s, was a distinguished researcher of Japanese Literature. This paper is dedicated to A. A. Leifert's cartoons which were published in «Tokyo-Asahi» in 1931. The content of cartoons is being analyzed in the context of Japan capital's culture of 1930's.

Keywords: A. A. Leifert, cartoons, «Tokyo-Asahi», westernisation, 1930's Tokyo

Введение

Андрей Алексеевич Лейферт (по национальности русский, беспартийный) родился в Санкт-Петербурге в 1898 г. Окончил школу гардемарин. В 1923–1925 гг. А. А. Лейферт обучался на восточном факультете Государственного дальневосточного университета по кафедре японской филологии. В 1925–1926 гг. жил в Японии, работал в японской газете «Йомиури». Учился в Ленинградском восточном институте.

С 1930 г. проживал в Москве на 6-ой Звенигородской улице, работая в качестве японоведа-лингвиста, художника-иллюстратора и переводчика японской художественной литературы⁶⁰⁹.

В 1935 г. А. А. Лейфертом был опубликован первый в СССР Японско-русский иероглифический словарь – «Словарь наиболее употребительных в современном японском языке иероглифов»⁶¹⁰, получивший большую популярность среди специалистов. А. А. Лейферт также являлся сотрудником Разведывательного управления РККА (перед арестом – помощник начальника 2-го отдела), последнее звание – капитан 3-го ранга.

27 июля 1937 г. А. А. Лейферт был арестован и решением Военной коллегии Верховного суда СССР от 9 октября 1937 г. был приговорен к высшей мере наказания за «шпионаж». Расстрелян 9 октября 1937 г. в Москве. Место захоронения – Донское кладбище⁶¹¹. Полностью реабилитирован в 1957 г.

В 1931 г. А. А. Лейферт находился в Японии с целью изучения японского языка и японской литературы. Занимался переводами, театром. К этому периоду его биографии относится его сотрудничество с японской газетой «Токио-Асахи», результаты которого и являются предметом рассмотрения в этой статье. Наше внимание будет сконцентрировано на содержании карикатур А. А. Лейферта.

Карикатуры А. А. Лейферта в японской газете «Токио-Асахи»

Первый анонс о том, что вниманию читателей газеты «Токио-Асахи» будут предложены работы А. А. Лейферта на тему «“Экскурсия по Токио” русского карикатуриста» (ロシア漫画家の「東京見物」), относится к 13 марта 1931 г. Карикатуры А. А. Лейферта появлялись на страницах японской газеты 35 раз в течение примерно полутора месяцев с 13 марта по 30 апреля 1931 г. В этот период почти в каждом вечернем выпуске газеты на первой ее странице содержалось по две карикатуры, сопровождаемые небольшим пояснительным текстом от лица автора. Газета называет А. А. Лейферта молодым, но уже известным в СССР карикатуристом, а его рисунки – «веселыми и светлыми» (朗らかで明るい) и объясняет интерес А. А. Лейферта к Японии его страстной увлеченностью японской живописью жанра *укие-э*⁶¹². Рисунки подписаны инициалами А. Л.

Стереотипные представления о Японии и их развенчание

Анонс работ А. А. Лейферта в японской газете сопровождается первой картинкой, которая знакомит читателей с героем серии карикатур, представляющим собой карикатурное альтер эго художника. Предвкушающий поездку в Японию герой карикатур А. А. Лейферта засыпает над учебником японского языка и видит во сне *гейши* и гору *Фудзи* (Токио-Асахи. 1931. 13 марта, Вечерний выпуск).

⁶⁰⁹ В 1928–1930 гг. А. А. Лейферт опубликовал целый ряд переводов японской литературы и тезисы докладов о японском пролетарском театре. См.: Лейферт А. А. // Библиографический словарь востоковедов – жертв политических репрессий. URL: <http://memory.pvost.org/pages/lejfert.html> (дата обращения: 21.03.2013).

⁶¹⁰ Лейферт А. А. Словарь наиболее употребительных в современном японском языке иероглифов. М.: Издательское товарищество иностранных рабочих в СССР, 1935. 302 с.

⁶¹¹ Лейферт А. А. // Списки граждан, расстрелянных в 1937–38 гг. URL: http://vizs.nlr.ru/search/lists/all/235_23.html (дата обращения: 21.03.2013).

⁶¹² Токио-Асахи. 1931. 13 марта, Вечерний вып.

В карикатурах А. А. Лейферта присутствуют также и *рикши*, и традиционный японский театр *кабуки*, и размахивающие мечами *самураи*, и весеннее паломничество японской публики в места цветения сакуры для совершения ритуала *ханами* (любование цветением вишни), и такой японский национальный наряд, как *кимоно*, и традиционные изображения карпа в «День мальчиков» (5 мая), и *саке*, и традиционный дом, и японская баня...

Однако многие традиционные элементы японской культуры несколько отклоняются от привычного для публики стереотипа: *самураи* бессмысленно размахивают мечами в постановочных схватках на сцене театра, *гейши* самозабвенно танцуют чарльстон, *рикши* выступают в качестве знатоков английского языка, так как их клиентами в большинстве случаев становятся иностранцы; любители созерцания цветения сакуры так напиваются, что герою карикатур А. А. Лейферта хочется надеть противогаз.

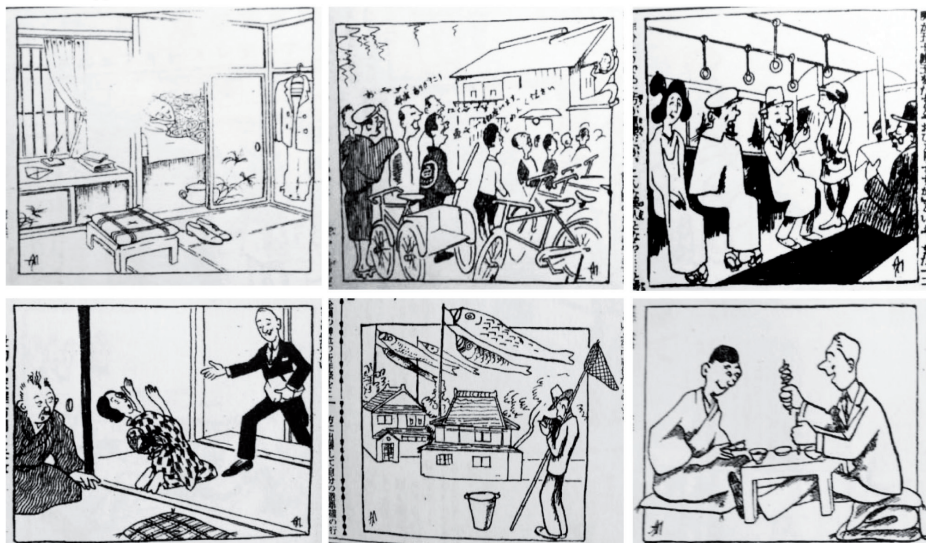
Развенчивая стереотипное представление о том, что японцы с большой любовью и терпением относятся к детям, А. А. Лейферт показывает, что иногда мамы так увлекаются покупками, что не обращают ни малейшего внимания на плачущих детей. Не всегда вежливыми оказываются и японские работники сферы услуг, как, например, встретившийся А. А. Лейферту почтальон (Токио-Асахи. 1931. 14 апреля, Вечерний выпуск).

Как видим, изображение конкретных людей помогает А. А. Лейферту преодолевать стереотипные представления о японцах.

Эти чудаки-иностранцы

Чтобы доставить удовольствие японскому обывателю, А. А. Лейферт нередко изображает своего героя неспособным вести себя адекватно в различных бытовых ситуациях. Например, ему трудно есть палочками и сидеть по-японски – приходится неприлично вытягивать ноги в сторону собеседника. Вместо того, чтобы устроить себе постель на татами, он ложится спать в стенном шкафу *осиирэ*, воспринимая полку в нем как оригинальную японскую кровать. А ранним утром он в ужасе спасается бегством от нашествия поденных рабочих (御用聞き), перебивающихся случайными заработками в богатых домах.

Рутинный вопрос красавицы-билетерши в автобусе «Вы один?» (お一人ですか) воспринимается им как повод для далеко идущей словесной игры. Он вторгается в комнату пригласившей его в гости семьи, не разувшись, тем самым ввергая хозяев дома в состояние культурного шока.

И сам впадает в состояние культурного шока, когда примадонна традиционного японского театра оказывается мужчиной (Токио-Асахи. 1931. 27 марта, Вечерний выпуск). Разносчика экстренного выпуска газеты он пытается преследовать как удирающего вора, массаж головы клиента в парикмахерской воспринимает как тренировку боксера с грушей, а после сообщения о появлении больших «карпов» на майский праздник «День мальчиков» собирается на рыбалку.

Итак, карикатурный герой А. А. Лейферта в японском культурном пространстве не всегда адекватен.

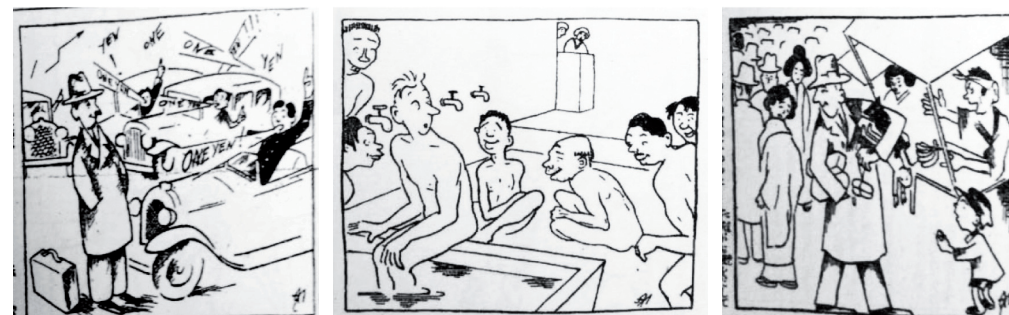
Странности и несуразности токийской жизни

Центральное место в карикатурах А. А. Лейферта занимают сцены обыденной жизни Токио и его обитателей, представляющиеся иностранному гостю неожиданными, странными, занятными, несуразными. Он внимательно рассматривает окружающих его людей и точно схватывает неоднократно отмечавшееся позднее столкновение модерна и традиции, исконных и заимствованных форм культуры в непростых мутациях японского общества на пути его стремительной европеизации.

Герой карикатур А. А. Лейферта то подвергается агрессивному напору жаждущих заполучить клиента таксистов, то с трудом уклоняется от столкновения с велосипедистом, стремительно несущимся по улице с подносом с какими-то закусками в руке. Даже на ночном рынке в районе Гиндзы, где японский мальчик принимает его за странствующего торговца, ему не удастся избежать любопытных взглядов.

Еще большее внимание он привлекает, раздевшись в японской бане, и производит всеобщий фурор, дефилируя по улицам Токио в *кимоно*. И поездка в автобусе, и поиск дома по адресу в Токио оказываются делом крайне непростым.

На каждом шагу его ждут новые испытания, неожиданности и открытия: в районе Юракутё он сталкивается с огромной стаей привольно живущих бродячих собак; выставка современной живописи поражает его драматической диспропорцией в упитанности барышень в выставочном зале и на картинах (Токио-Асахи. 1931. 30 апреля, Вечерний выпуск).

При отсутствии в городе оперного театра посетители кафе вместе с официантами дружно распевают арии из популярных опер. В магазине традиционного японского платья, слушая пояснения живого манекена о том, как следует носить кимоно, он скорбит о том, что эта одежда выходит из моды, и разнообразные кимоно в обилии можно видеть почти исключительно в заведениях, подобных вышеуказанному магазину.

На многих картинках инокультурный персонаж или отсутствует вовсе, или является не участником событий, а сторонним наблюдателем. В таких случаях на передний план выходят карикатурные зарисовки наполненной контрастами и кипящего жизненной энергией Токио, с экзотической рекламной процессией (チンドンヤ) и контрастирующей с последней новой субкультурой «модников» и «модниц» (モボ・モガ), поражающих наблюдателя эклектичностью своих нарядов. По мнению А. А. Лейферта, у девушек европейская обувь, как правило, дополняется традиционной накидкой, а у молодых мужчин – наоборот – шляпа и европейское платье нередко уживаются с традиционной японской деревянной обувью *гета*.

В театре эстрады красавица колотит по голове своего партнера с такой интенсивностью, что он представляется автору карикатур редким мазохистом; полуодетые девицы на сцене театра-варьете развлекают публику не столько своим искусством, сколько внешним видом. В книжном магазине дети собираются для коллективного чтения популярной литературы, не давая возможности карикатурному альтер эго автора подойти к книжной полке.

А. А. Лейферта поражает число японцев, занимающихся бейсболом на улицах Токио в обеденный перерыв, а также количество коробков спичек, раздаваемых на улице в рекламных целях.

Как характерную сцену токийского городского пейзажа А. А. Лейферт изображает двух женщин среднего возраста, церемонно раскланивающихся посреди улицы, не обращая внимания на движение транспорта. Странными ему представляются работники лавки, неспособные сообщить покупателю, что необходимый ему товар отсутствует (для этого приходится вызывать хозяина лавки).

Объектом его карикатуры становятся и уличный шарлатан, пытающийся продать прохожим фотоальбом приемов *дзюдо* под видом оригинального эротического журнала (Токио-Асахи. 1931. 28 апреля, Вечерний выпуск), и японский кинотеатр с комментатором *бэнси* и переговаривающейся или похрапывающей публикой, и лукавый уличный торговец, и подвыпивший посетитель ресторана, и продавец сладостей *амэя*.

Таким образом, предметом внимания художника становятся самые разнообразные сцены жизни японской столицы, самые различные ее обитатели, благодаря чему карикатуры А. А. Лейферта и сегодня позволяют нам живо ощутить колорит японской действительности соответствующей эпохи.

Заключение

Итак, мы кратко рассмотрели содержание карикатур А. А. Лейферта, опубликованных на страницах японской газеты «Токио-Асахи». В нескольких десятках рисунков и текстовых комментариях к ним в легкой ироничной манере А. А. Лейферт передал свои впечатления от пребывания в японской столице в начале 1930-х гг. Рисунки А. А. Лейферта по своему содержанию созвучны с общим пафосом книги Е. Г. Спальвина «Япония: взгляд со стороны», которая вышла в свет в Япо-

нии в том же 1931 году и для которой А. А. Лейферт сделал несколько иллюстраций⁶¹³. По-видимому, А. А. Лейферт не избежал влияния со стороны своего учителя. Карикатуры А. А. Лейферта и книгу Е. Г. Спальвина роднит некоторое европоцентристское высокомерие по отношению к мукам вестернизации Японии, стремящейся преодолеть свою восточноазиатскую идентичность и присоединиться к лидерам европейской цивилизации. Как и Е. Г. Спальвин, А. А. Лейферт с огромным интересом относился не только к японской литературе и искусству, которыми занимался профессионально, но и к социальной динамике развития японского общества, его стремительному движению по пути модернизации. Этот процесс, порождавший массу социальных проблем, внутренних противоречий и парадоксов, А. А. Лейферту удалось запечатлеть в колоритных картинках столичной жизни, живо передающих атмосферу быстро меняющейся японской столицы. В отличие от следующих поколений российских японоведов, среди которых было немало популяризаторов теории уникальности японцев и японской культуры (типичными представителями последних являются, например, В. Овчинников и В. Цветов, рассуждения которых о Японии нередко основываются на книжных знаниях и генерализации случайных фактов), А. А. Лейферт в своих рисунках фиксирует непосредственно созерцаемую им жизненную реальность – характерные картинки из жизни Токио. В этом смысле он является истинным представителем владивостокской школы практического востоковедения, призывавшей исследователей изучать восточные общества в их реальной действительности.

Вполне в соответствии с жанром своих рисунков А. А. Лейферт не столь категоричен, как Е. Г. Спальвин. В отличие от последнего он избегает политических проблем, не создает образов японских политиков, военных, деятелей культуры или искусства. В центре его внимания обыденная жизнь горожан. В рисунках А. А. Лейферта можно заметить и связь с некоторыми принципами японского искусства, например, такими, как поэтизация обыденности, лаконичность и сдержанность в использовании изобразительных средств, простота и ясность композиции, эстетика недосказанности. Да и сам А. А. Лейферт своими рисунками, по-видимому, внес некоторый вклад в развитие жанра японской карикатуры (впрочем, эта тема, несомненно, заслуживает отдельного исследования).

Интересная особенность карикатур А. А. Лейферта состоит в том, что нередко какая-нибудь деталь рисунка выходит за прямоугольную рамку картинка и вторгается в газетный текст, что создает дополнительный комический эффект.

⁶¹³ См.: Дыбовский А. С. Образ автора в книге Е. Г. Спальвина «Япония: взгляд со стороны» // Studies in Language and Culture. Osaka: Osaka Univ. Press, 2007. Vol. 33. Pp. 193–220.

В 1930-е годы на основе сталинской теории обострения классовой борьбы по мере продвижения СССР к социализму в нашей стране была развернута массовая кампания поиска врагов и шпионов, во время которой наряду с троцкистами, сторонниками Л. Д. Каменева, Г. Е. Зиновьева, Н. И. Бухарина и другими «уклонистами» от «генеральной линии партии» советская власть безжалостно уничтожала и людей, связавших свою жизнь и судьбу с Японией и японцами, – таких людей, как Андрей Алексеевич Лейферт, которые в других обстоятельствах могли составить блистательное будущее российского востоковедения.

Список литературы

1. Дыбовский, А. С. Образ автора в книге Е. Г. Спальвина «Япония: взгляд со стороны» // *Studies in Language and Culture*. – Osaka : Osaka Univ. Press, 2007. – Vol. 33. – Pp. 193–220.
2. Лейферт, А. А. [Электронный ресурс] // Библиографический словарь востоковедов – жертв политических репрессий. – Режим доступа: <http://memory.pvost.org/pages/lejfert.html>.
3. Лейферт, А. А. [Электронный ресурс] // Списки граждан, расстрелянных в 1937–38 гг. – Режим доступа: http://visz.nlr.ru/search/lists/all/235_23.html.
4. Лейферт, А. А. Словарь наиболее употребительных в современном японском языке иероглифов / А. А. Лейферт. – М. : Издательское товарищество иностранных рабочих в СССР, 1935. – 302 с.
5. *Токио-Асахи*. – 1931. – 13 марта–30 апр.

«Собрание образцов современного корейского официального стиля» под редакцией Г. В. Подставина: библиография и цели сборника*

Уэда Кодзи

Перевод с японского М. Щепетуниной

В статье дается детальное библиографическое описание учебного пособия выдающегося российского корееведа Г. В. Подставина «Собрание образцов современного корейского официального стиля», опубликованного в 1908 г. во Владивостоке в «Известиях Восточного института». Цели издания книги, а также особенности ее содержания рассматриваются в контексте истории преподавания корейского языка

* Данная статья – результат работы по двум грантам: научно-исследовательский грант, тип В (кагаку кэнкюхи ходзёкин кибан кэнкю (В)), 2008–2010 гг., номер темы: 20320081, и научно-исследовательский грант, тип С (кагаку кэнкюхи ходзёкин кибан кэнкю (С)), 2011–2013 гг., номер темы: 23520671. Цитаты из источников на корейском языке подверглись двойному переводу. При транслитерации с корейского языка в данной работе автор следует правилам транскрипции Ю. Мазура (см.: Мазур Ю. Н. Грамматика корейского языка: (Морфология. Словообразование): теоретический курс. 2-е изд., испр. М.: Муравей, Вост. лит., 2004. 310 с.).

в Японии. Предметом анализа стал экземпляр, хранящийся в Национальной библиотеке Финляндии.

Ключевые слова: Подставин Г. В., Восточный институт, Собрание образцов современного корейского официального стиля, корейский язык, история преподавания корейского языка, чёсэнбун.

A Study on «Sobranie obraztsov sovremennogo koreiskogo ofitsial'nogo stilia (Hyeonhaeng gongmun yujip)» edited by G. V. Podstavin

Ueda Kozi

The Oriental Institute was established in Vladivostok in 1899. G. V. Podstavin laid the foundation for its Korean section and compiled various textbooks for his students. In this paper, I (1) examine bibliographical data from *Sobranie obraztsov sovremennogo koreiskogo ofitsial'nogo stilia (Hyeonhaeng gongmun yujip)* [*A Collection of the Exemplary Style of Contemporary Official Documents of Korea*] on the basis of my fieldwork at the National Library of Finland, (2) examine Podstavin's reasons for editing this textbook, and (3) discuss a notable feature of the book in the context of the history of Korean language education in modern Japan.

Keywords: Podstavin G.V., the Oriental Institute, *Sobranie obraztsov sovremennogo koreiskogo ofitsial'nogo stilia*, the Korean language, the history of Korean language education, *Chosenbun*

Введение*

В 1899 г. во Владивостоке был открыт Восточный институт. Наряду с японским, китайским, монгольским, тибетским и другими здесь велось преподавание и корейского языка. Ответственным за корейский язык стал профессор Григорий Владимирович Подставин, родившийся в 1875 г. в Рыбинске, недалеко от Санкт-Петербурга и изучавший в Санкт-Петербургском университете монгольский язык. В 1900 г. Подставин начинает работу на отделении корейского языка Восточного института. В этом учебном заведении он проработал более двадцати лет. Под влиянием событий Октябрьской революции Г. В. Подставин уезжает из Владивостока, какое-то время проводит в Корее, откуда отправляется в Харбин, где умирает в марте 1924 г. За годы работы в Восточном институте Г. В. Подставин внес большой вклад в создание учебных материалов, заложил основы обучения корейскому языку. Кроме того, с 1918 по 1920 гг. Подставин был четвертым директором

* Во введении факты биографии Г. В. Подставина приведены согласно работам: Пан Пйёнлюл. Пхотхысытхапин : Лёсиа ханкукдохак-ы чханьсича // Ханкукса симин канъчва. 2004. Вып. 34. (Подставин – основатель российского корееведения // Открытый курс лекций по корееведению 2004. Вып. 34); Концевич Л. Р. Лёсиа-есё-ы чёнътхонъчёкин ханкукхак-ы палчёнса, хйёнхванъ-ква мунчём // Ичунънён хакхвечи. 1994. Вып. 11. (История развития классического корееведения в России: настоящее положение и проблемы // *Bilingual Education for the Overseas Koreans*. 1994. Вып. 11).

Восточного института, а с 1920 по 1922 гг. – первым ректором Государственного Дальневосточного университета⁶¹⁴.

Существует много исследований по японоведению в Восточном институте, в то время как вопрос корееведения освещен слабо. Например, высок интерес к японоведу Е. Г. Спальвину, современнику и коллеге Подставина по Восточному институту, который служил дипломатом в Японии и издал на японском языке книгу «Япония. Взгляд со стороны» (*Ёкомэ дэ мита нихон*. Издательство Синтёся, 1931). В то время как о Г. В. Подставине, если говорить о всестороннем исследовании, можно привести работу Пан Пйёнльлюл⁶¹⁵.

Кроме того, о нем пишет Концевич (1976). Говоря об истории изучения деятельности Подставина, в первую очередь следует обратиться к работам Ким Тонъён и Кинъ Росс, Уэда Кодзи, посвященным тексту «Разборъ Японскаго Самоучителя Корейскаго Языка: "Чиосенго Докугаку"»⁶¹⁶.

Помимо этого, Ко Сонъму, Л. Р. Концевич, Канно Хирооми и другие упоминают о Подставине в работах, посвященных изучению корейского языка в России и Советском Союзе⁶¹⁷. Ким Минсу в ходе работы по созданию фотокопии «Grammaire Coréenne» говорит о переводе Г. В. Подставиним этой грамматики⁶¹⁸. Ким Тонъён и Кинъ Росс готовят к печати монографию, посвященную преподавательской и исследовательской деятельности Г. В. Подставина в Восточном институте⁶¹⁹.

Задача данной работы – представить одно из учебных пособий, составленных Подставиним, а именно «Собрание образцов современного корейского официального стиля (現行公文類集)»⁶²⁰, проанализировать цели настоящего издания, а также его содержание. Кроме того, автор постарается показать значение данного пособия с точки зрения истории преподавания корейского языка в Японии.

⁶¹⁴ Биографии Г. Подставина автор планирует посвятить отдельную работу.

⁶¹⁵ Пан Пйёнльлюл. Указ. соч.

⁶¹⁶ См.: Ким Тонъён, Кинъ Росс. 20 секи чхо лёсия тонъпанъхаквён-ый ханкукё хаксыпёб «Чосёнб токхак»-е тэхайб // Ханкукёхак. 2011. Вып. 50. (Учебник корейского языка «Разборъ японскаго самоучителя корейскаго языка» в Восточном институте, Россия, начало 20-го века // Корейское языкознание. 2011. Вып. 50); Уэда Кодзи. Кючёсэнгогаку но кокугай э но эйкё – росиа тоёгакуин G. V. Podstavin кёдзю о мэгуттэ. (Изучение старокорейского языка за границей: деятельность русского профессора Восточного института Г. В. Подставина // 63-й симп. Чёсенгакукай (Общество корееведения), ун-т Фукуока, 7 октября 2012 г.: докл.). На правах рукописи.

⁶¹⁷ Ко Сонъму. Чёёнб лёсия-ы ханкукё мичх ханкук йёнку // Ханкыл. 1980. Вып. 169. (Корейское страноведение и языкознание в царской России. Хангыл. 1980. Вып. 169). Ханкыл. Пакичёнъ. 1996. Вып. 23. Йёнъин. (Копия: Хангыл. 1996. Вып. 23), Концевич Л. Р. Г. В. Подставин // Народы Азии и Африки. 1976. № 1. С. 227–231; Его же. История развития классического корееведения в России: настоящее положение и проблемы; Канно Хирооми. 'Ханкукё кванкйе носбаб мунхён (1854–1969) // Асеа йёнку. 1971. 44. (Материалы о корейском языке на русском языке. Библиография (1854–1969) // Исследования Азиатского региона. 1971. 44).

⁶¹⁸ Ким Минсу. Йёктэ ханкук мунпоп тэкйе // Пакичёнъ. 2008. Вып. 2-6. (История грамматики корейского языка. // Ким Минсу. 2-е изд., испр. Пакичёнъ. 2008. Вып. 2-6); Его же. Grammaire Coréenne хэсёл раг Félix-Clair Ridel // Пакичёнъ. 2008. Вып. 2-19. (Толкование Grammaire Coréenne par Félix-Clair Ridel // Ким Минсу. 2-е изд., испр. Пакичёнъ. 2008. Вып. 2-19).

⁶¹⁹ Ким Тонъён, Кинъ Росс. Указ. соч. [С.] 52.

⁶²⁰ В статье сохранена орфография оригинала. Выбор прописных и строчных букв также осуществлялся в соответствии с оригинальным текстом.

В вопросе работы с источниками автор стоит на позиции принципа «приоритет оригинала». Принцип «приоритет оригинала» – это способ исследования, когда при работе с материалом следует избегать делать окончательные выводы, основываясь на фото- или цифровых копиях, но работать по возможности с оригиналом⁶²¹.

1. Источник

О существовании текста «Собрание образцов современного корейского официального стиля», ставшего объектом данного исследования, известно из следующего источника⁶²²: Подставин, Г. В. Собрание образцов современного корейского официального стиля. Ч. I : Корейский текст. Вып. 1 : Правительственная газета (Дворцовые известия. Распоряжения центральных правительственных учреждений). – Владивосток, 1908. – 4, 64 с. разд. паг. – [포르스타빈, G.V. 現代 韓國 公用文 : 文例集. 第1部 : 官報(王宮消息-中央政府機關)].

Как указывают Канно (1971), Концевич (1976) и Дударенок (2009), Подставин перевел и составил около 20 методических пособий по корейскому языку⁶²³. К сожалению, изнашиваемость учебных пособий, а также тот факт, что многие из них были изданы в журнале «Известия Восточного института», привели к тому, что лишь некоторые из них сохранились до сегодняшнего дня. У автора была возможность поработать с 4 из них (всего 6 экземпляров), как внутри Японии, так и за ее пределами⁶²⁴. Из вышесказанного, объект настоящего исследования – текст «Собрание образцов современного корейского официального стиля», который

⁶²¹ Уэда Кодзи. Мэидзика чёсэнго гакусюсё. Ито Икичи «Докугаку канго таисэи дзэн»-но сёсигакутэки кэнкю. Li Dongzhe, Quan Yu // Riben uyuan wenhua yanjiu di2ji shang. Yanji: Yanbian daxue chubanshe, 2012. С. 204. (Учебники корейского языка эпохи Мэйдзи : Библиографическое исследование серии самоучителей корейского языка Ито Икичи // Исследования по японскому языку и культуре. Сб. 2, т. 1. Яньцзи: Изд-во ун-та Яньбянь, 2012).

⁶²² Канно Хирооми. Указ. соч. С. 22; Концевич Л. Р. Г. В. Подставин. С. 229.

⁶²³ См.: Канно Хирооми. Указ. соч.; Концевич Л. Р. «Г. В. Подставин»; Профессора Дальневосточного государственного университета: История и современность. 1899–2008 / С. М. Дударенок, Э. В. Ермакова, Е. А. Поправко [и др.]. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. С. 395. Среди трудов Подставина есть не только учебные пособия, но также переводы, монографии. Например, «Очерки государственного права Китая» (Тоё бунко), «Лекции по истории монгольской литературы» (Осакский университет, Исихама бунко, библиотечный шифр 99900674237. Кроме того, Канно указывает, что материалы лекций сохранились в «Известиях Восточного института» (позиции 219, 221, 225, 226, 231 в библиографии указ. соч. Канно Хирооми).

⁶²⁴ По мнению автора, велика вероятность, что в различных организациях и институтах на территории бывшего СССР, начиная с ДВГУ, который пришел на смену Восточному институту, ждут своего часа неизвестные пока нам материалы. 7 октября 2012 г. автором был прочитан доклад «Изучение старокорейского языка за границей: деятельность русского профессора Восточного института Г. В. Подставина» на 63-м съезде Общества корееведения (чёсэнгакукай). Этот доклад вызвал интерес, и 4 августа 2013 г. на 5-м Международном симпозиуме научного общества «Ёкхаксё» (Ёкхаксё хакхве чехве кукче хвэйи) прозвучал доклад Ким Сун «Труды Подставина из Национальной библиотеки Франции (Фурансу кокуруцу тосёкан сёдзо: Podstavin но чёсё ницуйте)». Существуют также и материалы, неизвестные еще автору данной статьи, которые хранятся в Национальной библиотеке Франции. Поиск системы этой библиотеке предлагает 12 работ при введении слова «Подставин» (на 27 марта 2014 г.). Из них, за исключением материала, датированного 1975 г. с названием «Grammaire coréenne, par les missionnaires de Corée de la Société des missions étrangères de Paris», названия 11-ти неизвестны. Эту проблему автор планирует осветить в дальнейшем.

хранится в Национальной библиотеке Финляндии (the National Library of Finland/ Kansallis Kirjasto), она же Библиотека Хельсинского университета. Автору статьи удалось поработать с текстом в период с 31 октября по 2 ноября 2012 г. в Славянской библиотеке Национальной библиотеки Финляндии. Как уже ранее указывал Ко Сонъму, «в Славянской библиотеке Хельсинского университета из трудов по языку есть только «Собрание образцов современного корейского официального стиля» и «Разбор Японского Самоучителя Корейского Языка: "Чиосенго Доку-гаку"»⁶²⁵. В ходе поиска материалов, связанных с деятельностью Подставина, автор данной статьи также обнаружил две работы: «Разбор японского самоучителя корейского языка» (1908) (Call Number: H1 109 VIII; внизу на обложке с обратной стороны книги помещен номер хранения – №102 006 9831). Автор: Ящински, оригинал⁶²⁶; «Собрание образцов современного корейского официального стиля» (1908) (Call Number: H2 109 II; в самой нижней части обложки, которая открывается справа налево, помещен номер хранения – №102 006 9901). Автор: Подставин, оригинал. Объектом данного исследования стал второй труд.

2. Библиографическое описание (постраничная группировка материала)

Таблица 1

Постраничное описание методического пособия «Собрание образцов современного корейского официального стиля»

Обложка (1) (лицевая сторона обложки) (открывается слева направо)
Обложка (2) (обратная сторона обложки) (чистый лист)
Внутренний титульный лист
В центре страницы аннотация: Напечатано по определению Конференции/Восточного Института. Снизу и сверху выделено двойной чертой.
От составителя.
Содержание 1-го выпуска
Текст пособия стр. 1-64
Содержание 1-го выпуска
От составителя.
В центре страницы аннотация: Напечатано по определению Конференции/Восточного Института. Снизу и сверху выделено двойной чертой.
Внутренний титульный лист
Обложка (3) (внутренняя сторона обложки) (чистый лист)
Обложка (4) (лицевая сторона обложки) (открывается справа налево)

Пособие сверстано таким образом, чтобы книгу можно было открывать как справа налево, так и слева направо. Обложка (4) повторяет обложку (1), статья «От составителя», а также Содержание 1-го выпуска повторяются дважды. Ниже приводится лист обложки, с сохранением оригинального форматирования, включая интервалы.

⁶²⁵ Ко Сонъму. Указ. соч. С. 415.

⁶²⁶ Видимо, речь идет об издании: Ящинский Г. Ф. Разбор японского самоучителя корейского языка «Чиосенго доку-гаку». Вып. 1 / составлен по лекциям и. д. проф. Г. В. Подставина. Владивосток, 1908. IV, 32, 128 с. – (Прим. ред.).

СОБРАНИЕ ОБРАЗЦОВЪ СОВРЕМЕННОГО КОРЕЙСКАГО ОФФИЦИАЛЬНОГО СТИЛЯ+

Часть Первая.
Корейский текстъ.

Выпускъ I-й.

1. Правительственная газета.

(Дворцовыя известія – Распоряженія центральныхъ правительственныхъ учреждений).

Составлено И. д. профессора Восточнаго Института
Г. В. Подставинымъ.

Владивостокъ.
1908 г.

Типографія
Восточнаго Института.

Размер листа: 315 мм (высота)×233 мм (ширина). Бумага обложек (1)-(2),(3)-(4) бледно-желтого цвета, плотная, жесткая. После каждой из обложек перед оглавлением вставлен лист белой гладкой бумаги (воката) размером 300×224 мм, немного меньше обложки. Текст пособия (страницы 1–64) напечатан на белой гладкой бумаге того же размера, что и обложка.

Обложка (3)-(4) оторвана. На вложенном чистом титульном листе со стороны обложки (4) стоит печать Хельсинского университета (синяя), а на обложке (1) в левом верхнем углу стоит штамп черного цвета с номером хранения 23522.

Брошюра в мягком переплете; основной текст пособия (стр. 1–64, отпечатанный с расчетом на то, чтобы открываться слева направо) скреплен клеевым бесшвейным способом с содержанием, напечатанным типографским шрифтом, и прочим. «Содержание 1-го выпуска» составлено на русском языке.

В таблице 2 приведено действительное оглавление, составленное автором на основе содержания на русском языке и текста пособия на корейском языке. Поскольку в главе первой «Дворцовыя известія» нет названий параграфов на корейском языке, приведены только названия на русском, согласно содержанию оригинала. В содержании оригинала допущены две ошибки.

В начале первой страницы написаны имена составителя и рецензента.

現行公文類集 (Собрание образцов современного корейского официального стиля).

第一編 (Выпуск 1-й) 官報 («Правительственная газета») 甫書堂 (Подставин) 編輯 (составитель); 第一編 (Выпуск 1-й) 官報 («Правительственная газета») 韓吉命 (Хан Килмйон) 校閱 (редактор) .

Здесь мы можем видеть, каким образом иероглифически записывались имена составителя Г. Подставина и рецензента Хан Килмйён. Рецензент Хан Килмйён также был иностранным преподавателем, носителем корейского языка, приглашенным Подставиным в Восточный институт.

Исследователь Коидзуми (1996) пишет об этом следующее: «На заседании Конференции института от 23 августа 1900 г. Подставин рекомендовал как преподавателя Хана Кинмела, корейца по национальности. Он занимался китайской классикой, в 1896 г. поступил в Школу русского языка в Кёнсоне, был не только теоретиком, но и практиком, а также обладал опытом занятий со студентами-европейцами»⁶²⁷.

Кроме того, как следует из нижеприведенной цитаты, после окончания работы в Восточном институте Хан Килмйён сотрудничал с русской армией: «Несмотря на то, что вся попавшая в руки японская военная документация – дневники, корреспонденция и прочее написаны от руки, читать японскую рукопись может только 1 человек из 11, а именно г-н Тихай (уроженец Токио, сын консульского священнослужителя).

Таблица 2

Оглавление пособия

«Собраніе образцовъ современнаго корейскаго офіціального стиля»

Вы-пуск	Раздел	Пара-граф	Название	Страни-цы
Правительственная Газета [官報]	Предисловіе		Правительственное сообщеніе объ изданіи «Правительственной Газеты» [廣告]	1 – 3
	1 Дворцовыя извѣстія [宮廷錄事]	1	Высочайшій манифестъ	4 – 7
		2	Именные Высочайшіе указы	7 – 8
		3	Пожалованіе посмертнаго титула	8
		4	Пожалованіе княжескаго достоинства	8 ⁶²⁸ – 9
		5	Пожалованіе орденовъ	9
		6	Пожалованіе особыхъ наградъ	9 – 11
		7	Всеподданнѣйшіе доклады	11 – 12
		8	Всеподданнѣйшіе доклады	12 – 14
		9	Прошенія на Высочайшее имя	14 – 16
		10	Личныя распоряженія монарха	16
		11	Личныя распоряженія монарха	16 – 17
		12	Личныя распоряженія монарха	17
		13	Высочайшія аудіенціи	17 – 19
		14	Высочайшія аудіенціи	19 – 20
	2 Законы [法律]	1	Уставъ горной промышленности [法律第三號/鑛業法]	20 – 29
	3 Высочайшія повелѣнія [勅令]	1	Положеніе о назначенія [х] гражданскихъ чиновниковъ [勅令第五十三號/文官任用令]	29 ⁶²⁹ – 33
		2	Правила избранія кандидатовъ на должности провинціальныхъ чиновниковъ [勅令第五十二號/地方官銓考規程]	33 – 38
		3	Положеніе о школахъ иностранныхъ языковъ [勅令第四十三號/外國語學校令]	38 – 39

⁶²⁷ Коидзуми Ёсикацу. Урадзисутуку тоёгакуин (кёкуто дайгаку но дзенсин) но кисо о цукутта хитобито // Север. 1996. № 2. С. 28–29 (Основатели Восточного института во Владивостоке – предтечи Дальневосточного университета).

⁶²⁸ В разделе «Содержаніе 1-го выпуска» ошибочно указана с. 9.

⁶²⁹ В разделе «Содержаніе 1-го выпуска» ошибочно указана с. 30.

Правительственная Газета [官報]	4 Правитель-ственные сообщенія [布達]	1	Порядокъ всеподданнѣйшихъ представлений [布達第一百三十四號/奏請規則]	39 ⁶³⁰ – 42
		2	Учрежденіе Дворянскаго Института [布達第一百四十號/修學院官制]	42 – 44
	5 Распоряженія центральныхъ правитель-ственныхъ учреждений [府令及部令]	1	Распоряженія Государственнаго Совѣта [議政府令第三號/内部所管臨時治道工事に關한 ⁶³¹ 件]	44 ⁶³² – 45
		2	Распоряженія Государственнаго Совѣта [議政府令第二號/文官銓考所試驗規則]	45 – 48
		3	Распоряженіе Мин-ва Внут. Дѣль [内部令第十三號/地方官銓考細則]	48 – 54
		4	Распоряженіе Мин-ва Нар. Просв. [學部令第二十二號/外國語學校令施行規則]	54 – 64

С мая прикомандирован кореец Хан Пилмен, бывший преподаватель Восточного института, и теперь стало 2 человека, которые могут читать японский рукописный текст, однако остро ощущалась нехватка людей для прочтения японских текстов»⁶³³.

Методическое пособие, как указано в таблице 1, сделано таким образом, чтобы его можно было открывать как слева направо, так и справа налево, но непосредственно текст самого пособия написан вертикально и читается справа налево. Перед названием первой главы вставлена надпись «Правительственная Газета (Кванпо/官報)».

Обложка, титульный лист, примечание на обороте титульного листа, а также статья «Отъ составителя» и Содержаніе 1-го выпуска набраны типографским шрифтом. Текст самого пособия написан от руки, вертикально, страницы перелистываются слева направо.

Судя по почерку, весь текст пособия написан одной рукой, однако сказать наверняка, был ли это Г. В. Подставин, мы не можем. С другой стороны, в тексте есть иероглифы с характерным и ошибочным написанием⁶³⁴, и трудно предположить,

⁶³⁰ На с. 39 помещено только название четвертой главы «第四章 布達» (Глава 4. Правительственные сообщения). Первый параграф начинается со с. 40. Параграфы пронумерованы.

⁶³¹ В тексте оригинала буква «а» ㅏ в слове «хан» 한 записана знаком «·».

⁶³² На с. 44 помещено только название пятой главы «第五章 府令及部令» (Глава 5. Распоряжения центральных правительственных учреждений). Первый параграф начинается со с. 45.

⁶³³ На тот же факт указывают: Сагава Хироми. Нитиро сэндзидзи но тоёгакуин // Север. 2007. Вып. 24. С. 138. (Восточный институт во время русско-японской войны); Павлов Д. Б., Петров С. А. Нитиросенсо но химицу / [пер. на яп. Сакон Такэси]. Токио: Сэйбунсю, 1994. С. 171. (Тайны Русско-японской войны). Встречаются такие написания имени, как Хан · Кинмел хан-кинмэру, Хан Пилмен ханпирумэн (Хан Кинмел, Хан Пилмен), и оба они, по мнению автора, указывают на Хан Килмйён. В первом варианте наблюдается чередование или возможная ошибка «л» вместо «к», а во втором – «п» вместо «г(к)». Кроме того, вполне возможно, что фонема, записанная в данной статье как «йё» писалась «е(ё)».

⁶³⁴ Например, в иероглифе 謹 («быть осмотрительным») левый элемент ключ 言 («язык») написан так, что 5-я черта, которая пишется вертикально, протянута ниже 7-й, горизонтальной черты (страница 12, 5-я строка). В элементе 日 («день») иероглифа 時 («время») 2-я, вертикальная, черта протянута ниже 4-й, горизонтальной. Подобное написание иероглифов, встречающееся в тексте, сложно назвать просто характерным. Кроме того, имеются такие ошибки в написании, как в таблице 3.

**Выходные данные текстов учебного пособия
«Собрание образцов современного корейского официального стиля»**

что написаны они рукой Хан Килмйон, который, как уже говорилось выше, «занимался китайской классикой».

О структуре пособия можно сказать следующее. Судя по содержанию обложки «Часть Первая / Корейский текст / Выпуск I-й / 1. Правительственная Газета», данное пособие представляло собой работу из нескольких томов, где разбираемый нами текст «Собрание образцов современного корейского официального стиля» был первым томом. Как видно из статьи «От составителя», данное пособие состояло из 3-х частей – непосредственно текста, русского перевода и примечаний. В разделе «От составителя» говорится также о том, что материалом выбрана не только «Правительственная Газета», но также и другие документы правительственных организаций и министерств, документы относительно работы иностранных дипломатических служб в Корее с корейским правительством.

Обратимся к учебникам по японскому языку, которые использовались в то время в Восточном институте. Как это видно на примере учебника Е. Г. Спальвина «Практические разговоры (實用會話)»⁶³⁵, пособие могло состоять из текста учебника, отдельного словаря, отдельного перевода на русский язык и словарного индекса.

Кроме того, есть и другие учебники по корейскому языку, составленные Г. В. Подставиним, которые тоже представляют собой сборники из нескольких томов. Например, это «Корейская хрестоматия. Ч. 1: Пособие к разбору текстов чисто корейского письма. Ч. 2: Пособие к разбору текстов смешанного корейско-китайского письма по образцам новой корейской литературы» (1901); «Вырезки из газет Ч. 1: Корейский текст. Ч. 2: Подстрочный словарь» (1910)⁶³⁶. Следует отметить, что автор статьи с оригиналами этих учебников не работал. Таким образом, имеющийся текст «Собрания образцов современного корейского официального стиля» можно считать одним томом учебника из нескольких томов. Однако других томов, помимо корейского текста первого выпуска «Правительственная Газета», не сохранилось, и, насколько можно судить по работам Канно (1971), Концевич (1976), Дударенок (2009), названия других томов также неизвестны.

3. Материалы, использованные в учебном пособии

Как уже говорилось ранее, рассматриваемый в данной работе текст пособия – это подборка выдержек статей «Правительственной газеты», являвшейся одним из официальных печатных органов Корейской империи. Это пособие для чтения. В нем были использованы следующие разделы «Правительственной газеты»: «Дворцовые известия», «Законы», «Высочайшие повеления», «Правительственные сообщения», «Распоряжения центральных правительственных учреждений». Перечень статей, использованных Г. В. Подставиним, приведен в таблице 3⁶³⁷.

Глава	Параграф	Название		
		Дата статьи (указа)	Дата размещения в газете (номер выпуска)	
		Правительственное сообщение об издании «Правительственной Газеты» 25 мая 1895г. (високосный год)	25 мая 1895г. (високосный год) (73)	
I. Дворцовые известия	1	Высочайший манифест		
		25-е число первого месяца по лунному календарю, 1906 г.	22 февраля 1906 г. (3383)	
		26 марта 1906 г.	29 марта 1906 г. (3413)	
	2	Именные Высочайшие указы		
		29 июня (год не указан)	4 июля 1906 г. (3496)	
		29 июня 1906 г.	4 июля 1906 г. (3496)	
		Дата отсутствует	1 января 1906 г. (специальный выпуск)	
	3	Пожалование посмертного титула		
		14 февраля 1906 г.	16 февраля 1906 г. (3378)	
	4	Пожалование княжеского достоинства		
		20 февраля (год не указан)	20 февраля 1906 г. (специальный выпуск)	
	5	Пожалование орденов		
	11 января 1906 г. ⁶³⁸	22 января 1906 г. (3356)		
6	Пожалование особым наградам			
	5 января 1906 г.	9 января 1906 г. (3345)		
	Дата отсутствует	9 января 1906 г. (3345)		
	14 мая (год не указан)	14 мая 1906 г. (специальный выпуск)		
7	Всеподданнейшие доклады			
	14 декабря 1905 г.	9 января 1906 г. (3345) ⁶³⁹		
8	Всеподданнейшие доклады			
	29 января 1906 г.	2 февраля 1906 г. (3366)		
	26 июля 1906 г.	30 июля 1906 г. (3518)		
	19 марта 1906 г.	23 марта 1906 г. (3408)		
	6 апреля 1906 г.	10 апреля 1906 г. (специальный выпуск)		
	21 февраля 1906 г.	22 февраля 1906 г. (специальный выпуск)		
9	Прошения на Высочайшее имя			
	2 января (год не указан)	3 января 1906 г. (специальный выпуск)		
	21 февраля (год не указан)	26 февраля 1906 г. (специальный выпуск)		
	18 января (год не указан)	19 января 1906 г. (специальный выпуск)		
	13 февраля (год не указан)	15 февраля 1906 г. (3377)		
	12 февраля (год не указан)	15 февраля 1906 г. (3377)		
10	Личные распоряжения монарха			
	23 января (год не указан)	24 января 1906 г. (специальный выпуск) ⁶⁴⁰		
11	Личные распоряжения монарха			
	23 января 1906 г.	24 января 1906 г. (специальный выпуск)		
12	Личные распоряжения монарха			
	6 января (год не указан)	10 января 1906 г. (3346)		

⁶³⁵ Тоё бунко, шифр хранения XVII/12-Е/49.

⁶³⁶ См.: Канно Хирооми. Указ. соч.; Концевич Л. Р. «Г. В. Подставин».

⁶³⁷ Приводится согласно электронному ресурсу Национальной библиотеки Кореи «Правительственная Газета». 1-31 (官報. 1-31) (古608-1). Номера, отсутствующие в электронном ресурсе, а именно № 3366 от 2 февраля 1906 г., специальный выпуск от 26 мая того же года, были найдены в «Ку Ханкук Кванбо», Асеамунхва, 1973. Т. 16 («舊韓國 官報 第十六卷」亞細亞文化社).

⁶³⁸ При переписывании допущена ошибка – в тексте пособия мы видим «一月一日» (1-й месяц, 1-й день), в то время как в оригинале «一月十一日» (1-й месяц, 11-й день).

⁶³⁹ В тексте пособия пропущен знак 日 в названии договора «韓日協商條約» (Японо-корейский договор о протекторате), который обозначает «японо-». В тексте пособия мы видим «韓協商條約».

⁶⁴⁰ Выдержка из текста.

1. Дворцовыя вѣсти	13	Высочайшія аудіенціи	
		Дата отсутствует	4 января 1906 г. (3341)
		Дата отсутствует	31 января 1906 г. (3364)
		26 мая (год не указан)	26 мая 1906 г. (специальный выпуск)
14	Высочайшія аудіенціи		
	18 января 1906 г.	19 января 1906 г. (специальный выпуск)	
	28 ноября (год не указан)	1 декабря 1906 г. (3625)	
2. Законы	1	Уставъ горной промышленности	
		29 июня 1906 г.	12 июля 1906 г. (приложение)
3. Высочайшія повелѣнія	1	Положеніе о назначеніяхъ гражданскихъ чиновниковъ	
		24 сентября 1906 г.	28 сентября 1906 г. (приложение)
		2	Правила избранія кандидатовъ на должности провинціальныхъ чиновниковъ
3	24 сентября 1906 г.	29 сентября 1906 г. (приложение)	
	3	Положеніе о школахъ иностранныхъ языковъ	
4. Правительственныя сообщенія	1	Порядокъ всеподданнѣйшихъ представленій	
		3 августа 1906 г.	8 августа 1906 г. (3526)
2	Учрежденіе Дворянскаго Института		
	23 октября 1906 г.	29 октября 1906 г. (3596)	
5. Распоряженія центральныхъ правительственныхъ учрежденій	1	Распоряженія Государственнаго Совѣта	
		27 ноября 1906 г.	30 ноября 1906 г. (3624)
	2	Распоряженія Государственнаго Совѣта	
		25 октября 1906 г.	27 октября 1906 г. (3595)
	3	Распоряженіе Мин-ва Внут. Дѣлъ	
		19 октября 1906 г.	27 октября 1906 г. (3595)
	4	Распоряженіе Мин-ва Нар. Просв.	
		27 августа 1906 г.	3 сентября 1906 г. (3548)

За исключением помещенного в начале пособия текста «Правительственное сообщеніе объ изданіи “Правительственной Газеты”», вышедшего в Правительственной Газете 25-го мая 1895 г. (Кэжук 504) (високосный год) (указ от того же числа), тексты пособия взяты из статей за 1906 г. (Кванъму 10) в период с 1 января по 1 декабря. Следовательно, имеющееся пособие – это подборка выдержек из статей Правительственной Газеты за 1906 г., выпущенное в виде учебника в 1908 г. Принимая во внимание временные рамки от начала составления до выхода пособия в свет, мы можем сказать, что это был учебник, оперирующий новым актуальным материалом.

4. О целях и задачах учебного пособия (основываясь на содержании текста)

Как мы уже убедились, по содержанию учебник представляет собой сборник разноплановых статей «Правительственной Газеты» Корейской империи. В рассматриваемый период корееведение Петербургского университета ставило во главу угла теоретическую базу, в то время как в Восточном институте большое значение придавали практическим аспектам. Как видим, данный учебник отвечал нуждам студентов в приобретении практических навыков овладения корейским языком.

Обратимся к особенностям стиля и языка пособия. За исключением вводной части «Правительственное сообщеніе объ изданіи “Правительственной Газеты”» и второй половины 2-го параграфа 1-й главы, текст до начала второй главы написан на *ханмуне* (китайское иероглифическое письмо). Далее, начиная с главы 2, следует текст на *чѣсэнбуне* 朝鮮文.

Термин *чѣсэнбун*, который автор использует в данной статье, предложен профессором Яно Кэнъичи (университет Кумамото гакуэн). Проф. Яно Кэнъичи⁶⁴¹ определяет *чѣсэнбун* как один из стилей письменного корейского языка, использовавшийся в период с 1894 по 1945 гг., как особый стиль, который, в отличие от имеющего в основе своей разговорную речь *чѣсэнго* (*сэнго*) 朝鮮語 (鮮語), представляет собой запись китайских слов иероглифами, а окончаний и служебных частиц – фонематическим письмом *хангыль*. Проф. Яно указывает на то, что *чѣсэнбун* «развился в результате необходимости записи новых законодательных актов революции Кабо⁶⁴² ..., до этого момента законы записывались иероглифическим *ханмуном* или письмом *иду* (吏讀). Однако большое число законодательных актов, порожденных революцией, имеют в своей основе законы, написанные на японском языке, и, во избежание их ошибочного толкования оных, при переводе на корейский язык имеет смысл сохранять стиль оригинала на японском языке и придерживаться прямого перевода»⁶⁴³. В последующие годы, для привития навыков *чѣсэнбун*, с сентября 1924 г. по, как минимум, сентябрь 1928 г. в Кёнсоне Обществом по изучению разговорного корейского языка *чѣсенго* (*Чѣсэнго кэнкюкай*) выпускался журнал дистанционного изучения родного корейского разговорного языка *чѣсэнго* под названием «Записи лекций по Чѣсэнбун и Чѣсэнго» (*Чѣсэнбун Чѣсэнго когируку*) (朝鮮文朝鮮語講義録), где важная роль отводилась обучению именно *чѣсэнбуну*. Входящее в название журнала слово *чѣсенбун* указывает на выше оговоренный новый стиль письменного корейского языка.

Мин Пйёнъчхан⁶⁴⁴, анализируя приложение-перевод на корейский язык (*чѣсэн якубун* 朝鮮訳文) к «Правительственной Газете» генерал-губернаторства Корея, отмечает: «характерно, что при переводе японского текста на корейский язык ие-

⁶⁴¹ Яно Кэнъичи. Чѣсэнбун но токутѣ то якувари // Чѣсэнгакухо. 2011. Вып. 218. С. 155–156. (Особенности и значение чѣсэнбун // Известия корейского языковедения. 2011 (Материалы 63-го симпозиума Чѣсэнгакукай (Общество корееведения)).

⁶⁴² 1894–1896 гг.

⁶⁴³ Яно Кэнъичи. Указ. соч. С. 155.

⁶⁴⁴ Мин Пйёнъчхан. Чосѳн чхонътокпу кванпо-ы ‘чосѳн йѳкмун’-е тэхайѳ // Илпон хакпо. 2012. Вып. 93. С. 34, 40–41. (О «корейском переводе» к «Правительственной Газете» Генерал-губернаторства Корея // Известия японоведения. 2012).

роглифически записанные слова остаются как в оригинале, и только оставшаяся часть переводится на *хангыль*, текст носит характер перевода с древнекитайского с приложением оригинала». Согласно Мин Пйёнчхан, этот стиль является результатом следующего поэтапного развития.

1. Период развития под влиянием действительной необходимости изучения японского языка, о чем свидетельствуют учебники по японскому языку для переводчиков «Чхёпхэсинё» (捷解新語) школы иностранных языков *Саёквён* 司譯院 с 17 века.
2. Период создания учебных пособий по *чёсэнго* для обучения населения.
3. Период перехода на стандарты, вводимые правительством генерал-губернаторства Корея.

Однако, как показано в нашей работе, *чёсэнбун* использовался ранее, до возникновения генерал-губернаторства, в «Правительственной Газете» периода Корейской империи.

Из вышесказанного следует, что учебник Подставина ставил своей целью научить студентов читать и понимать стили *ханмун* и *чёсэнбун*, которые применялись в официальных документах и законодательных актах. Можно сказать, что основной упор в учебнике сделан на воспитание восприятия *чёсэнбуна*. Иными словами, *чёсэнбун*, ставший одним из аспектов профессионального государственного экзамена⁶⁴⁵ по корейскому языку для чиновников в Корею, уже в самом начале 1900-х гг. преподавался во Владивостоке.

Заключение

В данной работе автор в центр внимания поставил причины составления и библиографию учебника Г. В. Подставина «Собрание образцов современного корейского официального стиля». Ранее в востоковедческой литературе упоминалось лишь название данного пособия. Исследование проводилось в рамках герменевтического принципа «приоритет оригинала» на основе работы с оригиналом текста, который хранится в Национальной библиотеке Финляндии.

В результате автор представил подробное библиографическое описание учебного пособия и, на основе анализа содержания учебника, пришел к выводу, что главная цель пособия состояла в том, чтобы воспитать у учащихся способность читать и понимать стиль *чёсэнбун*, который использовался в официальных документах Корейской империи.

Стало очевидным, что Г. В. Подставин уже тогда рассматривал *чёсэнбун* как отдельный предмет учебного плана по изучению корейского языка.

В дальнейшем автор планирует продолжить исследование имеющегося текста, а также поиски других частей, составлявших «Собрание образцов современного корейского официального стиля».

⁶⁴⁵ В уставе по рекомендации к повышению уровня владения корейским языком для правительственных чиновников Генерал-губернаторства Корея (1921) в статье 8, в качестве экзаменационного предмета, в разделе «толкование» приводится «перевод на *чёсенго*», а в разделе «перевод» – «перевод на *чёсэнбун* (предложения с вставками на хангыль, корезированный камбун, сложные слова 諺文交り文又ハ朝鮮式ノ漢文、熟語)» («Правительственная Газета» от 6 мая 1921 г.). Становится очевидно, что *чёсэнго* и *чёсэнбун* были разделены. На этот факт указал профессор Яно Кэнъичи.

Список литературы

1. Дударенок, С. М. Профессора Дальневосточного государственного университета : История и современность. 1899–2008 / С. М. Дударенок, Э. В. Ермакова, Е. А. Поправко [и др.]. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. – 584 с.
2. Канно Хирооми. ‘Ханкукё кванкйе носёаб мунхён (1854 – 1969) // Асеа йёнку. – 1971. – Вып. 44. – (Материалы о корейском языке на русском языке. Библиография (1854 – 1969) // Исследования Азиатского региона. – 1971. – Вып. 44.).
3. Ким Минсу. Йёктэ ханкук мунпоп тэкйе // Пакичёнъ. – 2008. – Вып. 2-6. – (История грамматики корейского языка // Ким Минсу. – 2-е изд., испр. Пакичёнъ. – 2008. – Вып. 2-6).
4. Ким Минсу. Grammaire Coréenne хэсёл par Félix-Clair Ridet’ // Пакичёнъ. – 1977. – Вып. 2-19. – (Толкование Grammaire Coréenne par Félix-Clair Ridet // Ким Минсу. – 2-е изд., испр. Пакичёнъ. – 2008. – Вып. 2-19).
5. Ким Тонъён. 20 секи чо лёсиа тонъпанъхаквён-ый ханкукё хаксыпё «Чосёнё токхак»-е тэхайё / Ким Тонъён, Кинъ Росс // Ханкукёхак. – 2011. – Вып. 50. – (Учебник корейского языка «Разборъ японскаго самоучителя корейскаго языка» в Восточном институте, Россия, начало 20-го века // Корейское языкознание. – 2011. – Вып. 50).
6. Ко Сонъму. Чечёнъ лёсиа-ы ханкукё мичх ханкук йёнку // Ханкыл. – 1980. – Вып. 169. – (Корейское страноведение и языкознание в царской России // Ханкыл. – 1980. – Вып. 169). – Ханкыл. Пакичёнъ. – 1996. – Вып. 23. – Йёнъин. – (Копия: Ханкыл. – 1996. – Вып. 23).
7. Коидзуми Ёсикацу. Урадзисутуку тоёгакуин (кёкуто дайгаку но дзенсин) но кисо о цукутта хитобито // Север. – 1996. – № 2. – (Основатели Восточного института во Владивостоке – предтечи Дальневосточного университета).
8. Концевич, Л. Р. Лёсиа-есё-ы чёнътхонъчёкин ханкукхак-ы палчёнса, хйёнхванъ-ква мунчечём // Ичунъёнё хакхвечи. 1994. Вып. 11. (История развития классического корееведения в России: настоящее положение и проблемы // Bilingual Education for the Overseas Koreans. 1994. Вып. 11).
9. Концевич, Л. Р. Г. В. Подставин // Народы Азии и Африки. – 1976. – № 1. – С. 227–231.
10. Концевич, Л. Р. Солиён-ы ханкукёхак / Л. Р. Концевич: (пер. на кор. и прим.) Канно Хирооми // Асеа йёнку. – 1971. – Вып. 42. – (Корейское языкознание в Советском Союзе // Исследования Азиатского региона. – 1971. – Вып. 42).
11. Мазур, Ю. Н. Грамматика корейского языка : (Морфология. Словообразование): теоретический курс / Ю. Н. Мазур. – 2-е изд., испр. – М. : Муравей, Вост. лит., 2004. – 310 с.
12. Мин Пйёнчхан. Чосён чхонътокпу кванпо-ы ‘чосён йёкмун’-е тэхайё // Илпон хакпо. – 2012. – Вып. 93. – (О «корейском переводе» к Правительственной Газете Генерал-губернаторства Корея // Известия японоведения. – 2012. – Вып. 93).

13. Павлов, Д. Б. Нитиросенсо но химицу / Д. Б. Павлов, С. А. Петров ; [пер. на яп. Сакон Такеси]. – Токио : Сейбунся, 1994. – (Тайны Русско-японской войны. – Токио : Изд-во Сейбунся, 1994).
14. Пан Пйёнълюл. Пхотхысытхапин : Лбсиа ханкукдохак-ы чханъсича // Ханкукса симин канъчва. – 2004. – Вып. 34. – (Подставин – основатель российского корееведения // Открытый курс лекций по корееведению. – 2004. – Вып. 34).
15. Подставин, Г. В. Собрание образцов современного корейского официально-го стиля. Ч. I : Корейский текст. Вып.1 : Правительственная газета (Дворцовые известия. Распоряжения центральных правительственных учреждений). – Владивосток, 1908. – 4, 64 с. разд. паг.
16. Сагава Хироми. Нитиро сэносодзи но тоёгакуин // Север. – 2007. – Вып. 24. – (Восточный институт во время русско-японской войны // Север. – 2007. – Вып. 24).
17. Уэда Кодзи. Кючэсэнгогаку но кокугай э но эйкё – росиа тоёгакуин G. V. Podstavín кёдзю о мэгуттэ. – (Изучение старокорейского языка за границей : деятельность русского профессора Восточного института Г. В. Подставина // 63-й симп. Чёсэнгакукай (Общество корееведения), ун-т Фукуока, 7 октября 2012 г. : докл. – На правах рукописи).
18. Уэда Кодзи. Мэйдзика чёсэнго гакусюсё / Ито Икичи «Докугаку канго тайсэй дзэн»-но сёсигакутэки кэнкю. Li Dongzhe, Quan Yu // Riben yuyan wenhua yanjiu di2ji shang. – [Яньцзи] : Yanbian daxue chubanshe, 2012. – (Учебники корейского языка эпохи Мейдзи : Библиографическое исследование серии самоучителей корейского языка Ито Икичи // Исследования по японскому языку и культуре. Сб. 2, т. 1. – [Яньцзи] : Изд-во ун-та Яньбянь, 2012).
19. Яно Кэнъичи, 2011. Чёсэнбун но токутё то якувари // Чёсэнгакухо. – 2011. – Вып. 218. – (Особенности и значение чёсэнбун // Известия корейского языкознания. – 2011. – Вып. 218. – (Материалы 63-го симпозиума Чёсэнгакукай (Общество корееведения)).
20. Ящинский, Г. Ф. Разбор японского самоучителя корейского языка «Циосенго доку-гаку». Вып. 1 / составлен по лекциям и. д. проф. Г. В. Подставина. – Владивосток, 1908. – IV, 32, 128 с.

Автор выражает глубокую благодарность Irina Lukka из Национальной библиотеки Финляндии за оказанную помощь в работе с материалами.

О содержании учебника японского языка

П. А. Гущо и Г. С. Горбштейна, а также о картине мира в нем

А. С. Дыбовский

В этой статье анализируется содержание «Учебника японского языка» П. А. Гущо и Г. С. Горбштейна (М.; Л., 1934) в научном и политическом контексте СССР 1930-х гг. Автор приходит к выводу о том, что написание учебника было одним из мероприятий в ходе подготовки СССР к военному столкновению с Японией.

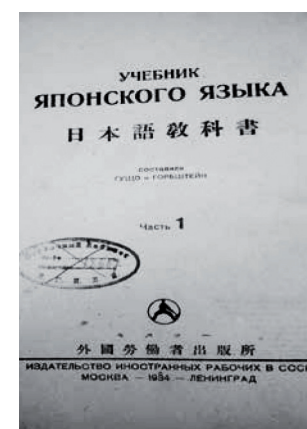
Ключевые слова: рецензии на учебник, содержание учебника, картина мира и образы, назначение учебника, Г. С. Горбштейн, П. А. Гущо.

About the Content of Gushcho and Gorbstein's Japanese Textbook and its World View

A. S. Dybovsky

The author of this paper analyzes the content of *Japanese Language Textbook* by P. Gushcho and G. Gorbstein (M-Leningrad, 1934) in the scientific and political context of the USSR of the 1930s, and comes to a conclusion that its issue was one of the activities in preparation for a military confrontation with Japan.

Keywords: book reviews, the content of the textbook, the world view and images, the purpose of the textbook, G. S. Gorbstein, P. A. Gushcho

В 1934 г. в СССР тиражом 25 тыс. экземпляров вышел «Учебник японского языка» П. А. Гущо и Г. С. Горбштейна⁶⁴⁶ (далее – «Учебник»), который вызвал широкую общественную дискуссию среди советских востоковедов. Первым резко критической рецензией на «Учебник» откликнулся проф. Н. П. Мацокин, основной тезис публикации которого состоял в том, что «учебник увидел свет преждевременно»⁶⁴⁷ и полезность его использования в советской школе сомнительна, в частности, потому, что его грамматический комментарий не согласуется с фундаментальными положениями яфетической теории акад. Н. Я. Марра⁶⁴⁸.

Как бывший сотрудник ИНО ОГПУ*, только что вышедший на свободу после своего первого ареста и заключения, Н. П. Мацокин проявил бдительность на «востоковедном фронте». В своей рецензии он крайне негативно оценил использование авторами «Учебника» терминов японской грамматики *тайгэн* и *ёгэн*, поскольку последние «приобрели ...националистическую окраску»⁶⁴⁹. Совершенно неуместной ему показалась принятая в «Учебнике» запись японских слов латиницей, так как «английская транскрипция *ромадзи*... занимает не последнее место в арсенале «культурных» средств британского импе-

⁶⁴⁶ Гущо П. А., Горбштейн Г. С. Учебник японского языка. Ч. 1. М.; Л.: Изд. Т-ва иностр. рабочих, 1934. 126 с.

⁶⁴⁷ Мацокин Н. П. [Рецензия] // Литература национальностей СССР. М., 1935. № 11. С. 17. Рец. на кн.: Гущо П. А., Горбштейн Г. С. Учебник японского языка. Ч. 1. М.; Л.: Изд. Т-ва иностр. рабочих, 1934. 126 с.

⁶⁴⁸ Там же. С. 16.

* Иностраннный отдел Объединенного государственного политического управления при Совете народных комиссаров СССР.

⁶⁴⁹ Мацокин Н. П. Указ. соч. С. 15.

риализма»⁶⁵⁰. Подкрепляя свою критику авторитетом марризма, Н. П. Мацокин обвинил авторов учебника в том, что «они игнорируют одно из коренных положений яфетидологии, что язык и мышление составляют единство»⁶⁵¹. В конце концов Н. П. Мацокин уличил Гуццо и Горбштейна в том, что, следуя традиционным концепциям японских ученых, они «проводят в советском учебнике грамматическую систему явно феодального происхождения»⁶⁵².

Конечно, в рецензии Н. П. Мацокина было немало и справедливых замечаний (недостаточное внимание авторов к фонетике японского языка, смешение фонетики и графики, фонетики и морфологии (с. 7), синхронического и диахронического аспектов японского языка (с. 96); отсутствие детализации в описании грамматических средств обозначения подлежащего и прямого дополнения, недостаточная обоснованность использования на начальном этапе обучения японских грамматических терминов вроде *годзю:он*, *дакуон*, *хандакуон*, а также таких категорий японской грамматической традиции, как *тайгэн* и *ё:гэн*⁶⁵³; отсутствие графического анализа японской слоговой азбуки в духе Е. Г. Спальвина и прочее). Однако все же суть рецензии Н. П. Мацокина состоит в недопустимом для академического дискурса стиле политического доноса.

Краткую рецензию на «Учебник» дали по поручению кафедры японского языка востфака ДВГУ Н. П. Овидиев и Т. С. Юркевич⁶⁵⁴. Их критика была более предметной и объективной. Похвалы рецензентов «с точки зрения тематики и политической выдержанности»⁶⁵⁵ удостоилась текстовая часть учебника. Грамматический же комментарий был признан неудачным, так как авторы «не справились с многообразием грамматических явлений в текстовой части»⁶⁵⁶ «Учебника». Рецензенты приводят ряд ошибок и неточностей грамматического комментария и приходят к выводу о том, что учебник Гуццо и Горбштейна «может сбить с толку не только начинающего, но и продолжающего изучать японский язык» и что «такую книгу нельзя рекомендовать ни в качестве учебного руководства, ни в качестве учебно-вспомогательного пособия»⁶⁵⁷.

В виде реакции на рецензию Н. П. Мацокина было опубликовано письмо за подписью 37 советских востоковедов⁶⁵⁸. На защиту авторов «Учебника» встала востоковедная общественность обеих столиц в лице Н. И. Конрада, Н. А. Невского, А. А. Лейферта, Романа Кима и многих других известных или получивших из-

вестность впоследствии востоковедов тридцатых годов. Рецензия Н. П. Мацокина была охарактеризована как «рядящаяся в маску научности псевдонаучная попытка... клеветнически дискредитировать советское востоковедение, воспрепятствовать его дальнейшему росту»⁶⁵⁹.

Авторы письма, показав несостоятельность многих критических положений рецензии Н. П. Мацокина, выступили против превращения научной рецензии в орудие политического доноса. Впрочем, вполне в духе времени они, в свою очередь, как это следует из приведенной цитаты, обвинили Н. П. Мацокина в попытке «дискредитировать советское востоковедение, воспрепятствовать его росту», то есть, как тогда говорилось, во вредительстве. Указывая на недостатки учебника Гуццо и Горбштейна, Н. П. Мацокин едва ли ставил перед собой задачу дискредитировать все советское востоковедение и тем более препятствовать его росту, но обвинение не осталось без последствий: как следует из допроса Н. П. Овидиева от 1 февраля 1938 г., в сфабрикованном деле о «контрреволюционной шпионско-вредительской организации», якобы существовавшей в ДВГУ, одним из «заданий» «резидента японской разведки» в Москве Н. П. Мацокина было: «составить ряд критических статей с уничтожающим анализом появившихся за последнее время работ молодых советских японистов»⁶⁶⁰. Точка в описанной полемике востоковедов была поставлена репрессивной машиной государства, жертвами которой стали и авторы «Учебника», и сам Н. П. Мацокин, и его коллеги по ДВГУ – Н. П. Овидиев и Т. С. Юркевич, и значительная часть идейных противников Н. П. Мацокина, включая А. А. Лейферта, Н. А. Невского, Н. И. Конрада и других востоковедов, многие из которых были расстреляны. Как пишет В. М. Алпатов, «П. А. Гуццо, в 30-е годы возглавлявший кафедру в Московском институте востоковедения, после отбытия пятилетнего срока получил разрешение пойти на фронт в штрафном батальоне и погиб. Г. С. Горбштейн умер в заключении»⁶⁶¹.

Цель нашей статьи состоит в том, чтобы дать комплексное описание содержания «Учебника» Гуццо и Горбштейна, а также показать, для кого он предназначался, какую картину мира учебник предлагал обучаемым, носителем каких ценностей и идеологических установок он являлся.

1. Общая характеристика «Учебника» П. А. Гуццо и Г. С. Горбштейна

В последних абзацах своей рецензии Н. П. Овидиев и Т. С. Юркевич задаются вопросом: «...для кого предназначается и с какой целью издан в 25 000 экземпляров этот учебник...». Но оставляют его без ответа. Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно самого беглого знакомства с содержанием учебника. Во второй фразе первого японского текста «Учебника» вводится слово 軍人 «военный», во втором уроке появляются фразы パルチザンが小銃を打ちます «Партизан стреляет из пистолета»; 戦争が始まりました «Началась война», а два последних урока (задания

⁶⁵⁰ Мацокин Н. П. Указ. соч. С. 17.

⁶⁵¹ Там же. С. 16.

⁶⁵² Там же. С. 17.

⁶⁵³ Там же.

⁶⁵⁴ Овидиев Н. П., Юркевич Т. С. [Рецензия] // Вестник Дальневосточного филиала Академии наук СССР. Владивосток: ДАЛЪГИЗ, 1935. № 13. С. 137–140. Рец. на кн.: 1. Конрад Н. И. Краткий очерк грамматики японского разговорного языка. Изд. Ленинградского восточного института. Ленинград, 1934. 65 с. 2. Е. М. Колпакчи и Н. А. Невский. Японский язык. Начальный курс. Изд. Ленинградского восточного института. Ленинград, 1934. 052+232 с. 3. Гуццо П. А., Горбштейн Г. С. Учебник японского языка. Ч. 1. М.; Л.: Изд. Т-ва иностр. рабочих, 1934. 126 с.

⁶⁵⁵ Там же. С. 139.

⁶⁵⁶ Там же.

⁶⁵⁷ Овидиев Н. П., Юркевич Т. С. Указ. соч. С. 140.

⁶⁵⁸ По поводу рецензии Н. П. Мацокина // Библиография Востока. 1936. № 8-9. С. 139–148.

⁶⁵⁹ По поводу рецензии Н. П. Мацокина // Библиография Востока. 1936. № 8–9. С. 148.

⁶⁶⁰ См.: Хисамутдинов А. А. Репрессированные востоковеды. Конец владивостокской школы японоведения: Протокол допроса Н. П. Овидиева // Facta Slavica Japonica. – Hokkaido: Hokkaido University. The Slavic Research Centre, 1998. Vol. 16. Pp. 207–231.

⁶⁶¹ Репрессированные японисты. URL: <http://nippon-history.ru/books/item/f00/s00/z0000009/st025.shtml> (13.07.2014).

12 и 13) посвящены теме «Допрос военнопленных» (捕虜の尋問). Таким образом, на фоне ухудшения политических отношений с Японией в первой половине 1930-х гг. «Учебник», по всей вероятности, предназначался для массовой подготовки военных переводчиков на случай военного столкновения с Японией.

«Учебник» состоит из 14 разделов, среди которых одно вводное задание, 12 стандартных заданий, состоящих из грамматического комментария и японского текста, и четыре приложения с грамматическими таблицами. Поурочный словарь новой лексики содержит 734 словарных статьи, содержащих немало специальной военной лексики, например: 入営 «поступление на военную службу», 歩兵 «пехота», 砲兵 «артиллерия», 占領 «оккупация» и прочие. Словарь иероглифов отсутствует, но новые иероглифы выписаны в верхней строке над японским текстом. Их общее количество составляет 446 знаков – от 20 до 42 в одном задании и 67 иероглифов в объединенном задании № 7-8. По количеству лексики «Учебник» мог бы претендовать на введение обучаемых в элементарное общение на японском языке, причем в специфической (военной) области. В иероглифике принцип постепенности и последовательности введения нового материала «от простого – к сложному» соблюдается не строго, поэтому настоящее пособие трудно признать систематическим введением в иероглифику японского языка. Кратких замечаний о иероглифических знаках, их структуре и принципах их композиции (с. 4, § 12) явно недостаточно.

В «Учебнике» отсутствует какая-либо информация о методической концепции, которой придерживаются его авторы*. Однако по характеру представления языкового и метаязыкового материала можно заключить, как это отмечается и в рецензии Н. П. Мацокина, что «Учебник» составлен для аудиторной работы при помощи грамматико-переводного метода⁶⁶², который абсолютно преобладал в методике изучения иностранных языков европейских стран в конце 19-го – начале 20-го веков.

II. Виды материалов «Учебника»

1. Текстовые материалы

Как отмечалось в рецензии Н. П. Овидиева и Т. С. Юркевича, «учебник имеет довольно удачный подбор японских текстов», написанных «националом» (то есть носителем языка – А. Д.), пожелавшим скрыть свое имя⁶⁶³. Учебник содержит 12 оригинальных японских текстов в 13 заданиях (уроках), одно из которых является объединенным (Задание № 7 – 8). Вплоть до задания № 7 – 8 тексты записаны иероглифами и *катаканой*, а с девятого задания осуществляется переход на обычное японское письмо, основу которого составляют иероглифы и знаки *хираганы*.

Первые три текста не обладают смысловым единством. Они предназначены для введения базовой лексики и грамматики на материале кратких обиходных фраз и диалогов. Первое задание состоит из 22-х текстов, второе из 16-ти, третье из 11-ти. Четвертое задание под названием «Япония» (日本) построено как беседа между

* На последней странице «Учебника» авторы пишут, что это случилось по техническим причинам и обещают дать необходимые сведения во второй части учебника, которая, впрочем, так и не была опубликована.

⁶⁶² Мацокин Н. П. Указ. соч. С. 15.

⁶⁶³ Овидиев Н. П., Юркевич Т. С. Указ. соч. С. 139.

преподавателем и студентами о географии Японии. Тема пятого задания – «Оккупация Маньчжурии» (滿州占領). Текст построен в форме публичной речи активиста японского левого движения, выступающего за пролетарскую солидарность, поддержку СССР, против экспансионистской политики своего правительства. Задание № 6 «Жизнь рабочего» (労働者の生活) написано в виде письма японского рабочего, рассказывающего о себе и своей семье. Изображается трудное детство автора, его участие в рабочем движении, военная служба в японском экспедиционном корпусе на российском Дальнем Востоке и, наконец, возвращение в японскую рабочую среду. Особенно ярко описана забастовка японских рабочих в окрестностях Иокогамы, которая закончилась победой забастовщиков. Объединенное задание № 7 – 8 называется «Заседание» (会議). Речь, по-видимому, идет о собрании партийки японских коммунистов, двое из членов которой, вернувшись с празднования очередной годовщины Октябрьской революции 1917 г., делятся со своими товарищами впечатлениями от поездки. Текст построен в форме вопросов и ответов. Беседа начинается с сопоставления социальной действительности СССР и Японии, а заканчивается сравнением вооруженных сил двух стран. Месседж урока – быстрое совершенствование всех видов вооруженных сил СССР, отсутствие в советской армии социального неравенства, поскольку даже нарком обороны СССР тов. К. Е. Ворошилов является выходцем из рабочих, в то время как в японской армии офицеры, как правило, – выходцы из семей помещиков и капиталистов.

В следующем (девятом) задании «Письмо к другу» (友達へ送る手紙) сотрудник советского посольства в Японии пишет письмо своему товарищу, живущему в Москве, и рассказывает ему о японском Первомае, контрастирующем с празднованием Первомае в Москве, о борьбе демонстрантов с полицией во время «весеннего наступления» трудящихся. Десятое задание «Жизнь молодого человека Советского Китая» (ソビエト支那の青年の生活) представляет нам сценки из жизни революционного Китая в форме дневника китайского юноши. Отец этого молодого человека стал красноармейцем, отряду которого удалось нанести поражение войскам Гоминьдана, после чего крестьяне получили землю.

Текст задания № 11 «Разговор в магазине» (店の話) переносит нас в сферу японского ритуала, связанного с работой сферы обслуживания соответствующей эпохи. Текст построен в форме беседы продавца и покупателя большого магазина с искусной стилизацией речи персонажей в заданных обстоятельствах. Этот текст несколько выпадает из политически маркированного дискурса «Учебника» и на время погружает обучаемых в мир буржуазного неравенства с надлежащим использованием почтительно-вежливых и скромных форм японского языка.

Идеологически нейтральный текст 11-го задания венчается двумя крайне политизированными текстами из заданий № 12 и № 13 на тему «Допрос военнопленного» (捕虜の尋問). В этих двух заданиях представлены примеры стандартной речи японских военных. Из вопроса «...с какой целью японские империалисты совершили нападение на СССР...?» (...日本の帝国主義者は、どういう目的でソヴェート同盟を攻撃し始めたか...), фигурирующего в первом тексте⁶⁶⁴, можно

⁶⁶⁴ Гуццо П. А., Горбштейн Г. С. Указ. соч. С. 110.

заклучить, что «предлагаемые обстоятельства» коммуникативной ситуации – состояние войны между СССР и Японией в результате агрессии последней.

В рассматриваемых заданиях в ходе военной «спецпропаганды» искусно эксплуатируется миф о пролетарской солидарности. Офицеру, ведущему допрос, удастся убедить японского пленного в том, что его братьями по классу являются советские рабочие и крестьяне и что СССР – это единственное отечество мирового пролетариата. После этого (а также еще и после сытного обеда) японский пленный сообщает советскому офицеру все известные ему сведения о своем воинском подразделении, его вооружении, а также о результатах советских авианалетов.

Таким образом, можно сказать, что «Учебник» был предназначен не только для введения обучаемых в естественную коммуникацию на японском языке, но также и для того, чтобы показывать обучаемым конкретные формы политической работы с потенциальным противником, познакомить их с конкретными приемами психологического воздействия на солдат вражеской армии. И так, текстовые материалы, представленные в «Учебнике», хотя и тенденциозны по содержанию, но разнообразны и безупречны по стилистике речи разных представителей японского общества. По использованию иероглифики, грамматических форм и лексики авторы учебника не задерживаются на элементарном уровне и во второй половине «Учебника», начиная примерно с 9-го задания, выходят на уровень естественной неадаптированной японской речи. Впрочем, как было показано выше, целевая установка «Учебника», по-видимому, не исчерпывалась введением обучаемых в речевую коммуникацию на японском языке.

2. Грамматический комментарий

Как «Вводное задание», так и каждое из 12-ти стандартных заданий начинается с грамматического комментария – Bunpō (文法), разбитого на параграфы (от 5-ти до 20-ти параграфов в уроке; всего 131 параграф). Фактически в учебнике представлена упрощенная практическая грамматика японского языка в виде 13 блоков, включая «Вводное задание», которым начинается «Учебник».

«Вводное задание» содержит 12 параграфов, дающих общую характеристику японского языка, который определяется как агглютинативный, но развивающийся в сторону флективного (с. 1, § 1), его фонетике и графике, а также и метаязыку лингвистического описания. Вводится ряд терминов японской лингвистики, в некоторых случаях без перевода и достаточных пояснений, например: gojūon, dakuon, handakuon* и прочие. Некоторые формулировки крайне труднопонятны, ср., например: «В **ya** guō не достаёт двух знаков, чтение которых равно по соответствующему dan'у в **a** guō» (с. 2, § 6).

Грамматический комментарий первого задания наиболее массивен. Он состоит из 20 параграфов (с. 5 – 8) и начинается с заявления о том, что «в японском языке все слова делятся на две части»: а) неизменяемые слова – taigen (в русском языке им соответствуют существительные, местоимения и числительные); б) изменяемые слова – ubgen (в русском языке им соответ-

ствуют глаголы и прилагательные)⁶⁶⁵. Сразу оказывается, что такое тотальное деление на две категории не полностью соответствует действительности японского языка*, и авторам приходится говорить о частях речи, вводить специальные термины для обозначения служебных слов (joshi и teniwoha). По содержанию раздел представляет собой введение в морфологию и синтаксис японского языка. Особое внимание уделяется морфологии глагола, которая (возможно, для простоты запоминания обучаемыми) связывается с японской слоговой азбукой и вышеупомянутой таблицей gojūon (что и представляет собой отмеченный в рецензии Н. П. Мацокина факт смешения фонетики и морфологии)⁶⁶⁶.

В грамматическом комментарии к заданию № 2 продолжается объяснение японского синтаксиса и морфологии глагола. Вводятся прямое дополнение, связка desu и основы спряжения неправильных глаголов kuru и suru. Здесь имеет место отмеченная Н. П. Овидиевым и Т. С. Юркевичем ошибка⁶⁶⁷: форма связки *дэсэ*: в таблице на с. 16 характеризуется как «будущее, вероятное», а в нижеследующем примере *あの人は、先生でしょう* переводится в настоящем времени («Он, вероятно, учитель»). В 12 параграфах грамматического комментария к заданию № 3 раскрывается тема простого распространённого предложения с косвенным дополнением, вводится обозначение времени. В следующем задании (№ 4) предметом рассмотрения становятся различные виды определений, вводятся отыменные послелого. И здесь имеют место ошибки (§11; последняя фраза примечания на с. 37: слово *読書室* «читальня» записано как *shitsu*), встречаются крайне неудачные формулировки, например: «Если перед глаголами *сказуемым определением является прилагательное*, то оно принимает наречную форму...»⁶⁶⁸; «Когда глагол во 2-й основе употребляется в предложении самостоятельно, он *выражает* отглагольное существительное...»⁶⁶⁹ (выделено мной – А. Д.). В пятом-восьмом заданиях продолжают рассматриваться морфология и синтаксис глагола, вводятся различные виды косвенного дополнения, а также степени сравнения прилагательных. Имеются ошибки: например, приводится повелительная форма от глагола *суру* (*shiro** «делай»; с. 48), которой на самом деле не существует в японском языке, кроме связанных случаев типа *静かにしろ*; невозможна и фраза *今日も昨日ほど寒いです**, что уже отмечалось в рецензии Н. П. Овидиева и Т. С. Юркевича⁶⁷⁰. В последних заданиях «Учебника» количество грамматических комментариев сокращается. В заданиях № 9 и № 10 рассматриваются преимущественно различные виды сложных предложений; в задании № 11 предметом внимания авторов «Учебника» становятся функ-

⁶⁶⁵ Гушо П. А., Горбштейн Г. С. Указ. соч. С. 5, § 2.

* Далее авторы испытают трудности в интерпретации наречий, которые при таком делении слов японского языка попадают в категорию taigen. Ср. Гушо П. А., Горбштейн Г. С. Указ соч. С. 37.

⁶⁶⁶ Мацокин Н. П. Указ. соч. С. 16.

⁶⁶⁷ Овидиев Н. П., Юркевич Т. С. Указ. соч. С. 139.

⁶⁶⁸ Гушо П. А., Горбштейн Г. С. Указ. соч. С. 37.

⁶⁶⁹ Там же. С. 38.

⁶⁷⁰ Овидиев Н. П., Юркевич Т. С. Указ. соч. С. 139.

* Графика «Учебника» сохранена.

ции союзной частицы *ga* и связка *de godzaru*. В центре внимания задания № 12 морфология и синтаксис прилагательных, а также придаточные предложения условия; наконец, в последнем задании (№ 13) рассматриваются формы выражения предположения, направленности действия, а также употребление 見る в качестве вспомогательного глагола. С точки зрения японской грамматики возражение вызывает выделение «суффикса предположения» – *ra* (с. 106), что уже отмечалось⁶⁷¹; в плане русского языка вызывает сомнение употребление словосочетания «выражение *вероятия*» (выделено нами – А. Д.).

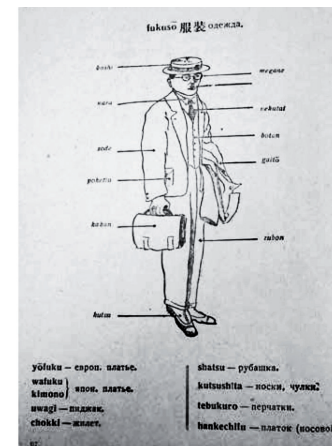
Итак, грамматические комментарии учебника крайне фрагментарны, плохо систематизированы (в них имеет место смешение описания фонетического и графического, фонетического и морфологического аспектов японского языка), содержат немало фактических ошибок и не всегда находятся на уровне лингвистической теории своего времени. Возможно, авторы сознательно шли по пути примитивизации изложения, не заботясь об академической точности своего текста, так как учебник был предназначен для массового лингвистически не подготовленного пользователя.

№ 3	№ 2	№ 1 (五十音)	
音 半 (handa-kun)	音 濁 (dakuon)	わ ら や ま は な た さ か ら	ご
pa	ba da za ga	yo yo yo yo yo yo yo yo yo yo	dan
は pa	は だ ざ か ba da za ka	わ ら や ま は な た さ か ら wa ra ya ma ha na ta sa ka ra	a no dan
び pi	び ぢ じ ぎ bi ji ji gi	わ り み ひ に ち し さい wa ri mi hi ni chi shi sai	i no dan
ぶ pu	ぶ づ ず ぐ bu zu zu gu	わ る む ぶ ふ め つ す く う wa ru mu bu fu me tsu su ku u	u no dan
べ pe	べ ぺ ぜ け be pe ze ke	わ れ れ へ ね て せ け え wa re re he ne te se ke e	e no dan
ぼ po	ぼ ぼ づ ぞ bo bo zo zo	わ ら よ せ ほ の と り こ お wa ra yo se ho no to ri ko o	o no dan

аспектам японской грамматики. Наиболее важными из них являются четыре таблицы, помещенные в приложениях к рассматриваемому изданию: 1) Список глаголов, оканчивающихся на *-uru/-eru*, но принадлежащих 1-му спряжению; 2) Таблица дериватов местоименных корней *ko-*, *so-*, *a-*, *do-*; 3) Таблица синтаксических дериватов вопросительных местоимений; 4) Перечень наиболее употребимых счетных суффиксов*.

4. Иллюстрации

Иллюстраций в тексте «Учебника» всего три. Одна из них относится к обозначению в японском языке времени и представляет собой циферблат часов, другая вводит детальное обозначение частей тела человека, включая обозначение пальцев рук. Наи-

большой интерес представляет собой третья иллюстрация, относящаяся к заданию «Разговор в магазине» (店の話). Иллюстрация называется «Одежда» (服装). На ней представлены названия видов одежды, некоторые аксессуары последней, а также ряд предметов повседневного обихода. Любопытно, что на картинке изображен субъект вполне буржуазного вида, при портфеле, шляпе, очках*, в изысканных европейских штиблетах и с характерными для тогдашней городской моды усиками. Этот персонаж резко контрастирует с героями прочих текстов «Учебника», которые в соответствии с идеологическими установками составителей, как правило, принадлежат к низшим слоям японского общества.

III. Картина мира

Нередко критике со стороны содержания подвергаются учебники истории. Известны протесты китайских и корейских политиков и общественных деятелей против интерпретации исторических событий в японских школьных учебниках. В настоящее время бурная полемика по поводу содержания школьных учебников российской истории идет и в России. Определенная картина мира создается и учебниками по иностранному языку, которые так или иначе представляют в своих текстах и иллюстрациях мир чужой культуры, иных ценностей и личностных отношений. Поскольку лица, изучающие иностранные языки вне среды распространения последних, не всегда владеют всей информацией о соответствующих странах, они легко воспринимают заложенные в учебных текстах стереотипы, основываясь на этих стереотипах, строят свою версию чужой культуры и инокультурной личности. Учебные тексты также могут являться носителями и распространителями идеологических штампов. Тем более это характерно для учебников, создававшихся в эпоху господства «больших идеологий», к которым, несомненно, относятся и 1930-е годы.

Кроме обучения японскому языку, «Учебник» был призван формировать определенный взгляд на мир, ценностные ориентации личности, а также и ее идеологические установки. Нарратив текстов «Учебника» почти всегда (ср. Задание № 11) следует официальной советской идеологии, в соответствии с которой движение мировой истории по пути всемирной пролетарской революции неизбежно; СССР, в котором уничтожена эксплуатация человека человеком, совершил прорыв в будущее и построил государство рабочих и крестьян. Поэтому уже в первом задании «Учебника» наряду с рутинной учебно-аудиторной лексикой раньше слов «мама» и «папа» вводятся слова «рабочий» и «крестьянин». Во втором задании после элементарных обиходных выражений неожиданно появляется военная тематика: «Солдат идет по улице», «Партизан стреляет из пистолета», «Началась война», «Красная армия защитит Советский Союз»⁶⁷². В других текстах описание

⁶⁷¹ Овидиев Н. П., Юркевич Т. С. Указ. соч. С. 139.

* 1-ая и 4-ая названы в соответствии с обозначениями «Учебника», 2-я и 3-я названы нами, так как в тексте «Учебника» их название отсутствует.

* К несуразностям «Учебника» относится и то, что на рассматриваемой иллюстрации в категорию «одежда» попадают и очки, и портфель, и такие элементы одежды, как воротник или пуговица.

⁶⁷² Гуцко П. А., Горбштейн Г. С. Указ. соч. С. 22.

реальных событий сочетается с идеологическими клише, например: «19 сентября 1931 г. Япония оккупировала Маньчжурию. ...Японская армия подошла к советской границе. ...Начала войну для нападения на СССР. Создала плацдарм для подавления Красного Китая»⁶⁷³; «СССР – это единственная в мире страна рабочих и крестьян. Поэтому жизнь рабочих и крестьян в СССР гораздо лучше, чем в Японии»⁶⁷⁴; «Красная армия – это не просто вооруженные силы. Вместе с тем – это школа. ...В казарме постоянно осуществляется политическое образование»⁶⁷⁵. Таким образом, осваивая японский язык, обучаемые должны были стать также носителями и распространителями представленной в учебнике картины мира и идеологии.

IV. Образы Японии и японцев

В «Учебнике» нам представлен редуцированный срез японского общества. Все персонажи, в той или иной степени прописанные в «Учебнике», представляют собой рабочих, крестьян или других лиц (например, солдат) соответствующего происхождения. В центре внимания автора текстов – выходцы из беднейших слоев общества или представители левого движения, с симпатией относящиеся к СССР. Прочие представители японского общества представлены как враги рабочих и крестьян и обозначаются собирательно как «помещики», «капиталисты» или «полицейские».

В «Учебнике» совсем нет японской экзотики, зато содержание текстов наполнено разоблачениями японского империализма, изображениями сцен классовых конфликтов, основанных на противоречиях между трудом и капиталом, например: «Недовольство трудящихся масс возрастает. Повсюду вспыхивают забастовки. Арендаторы ведут борьбу с помещиками. Можно сказать, что японский империализм находится на вулкане»⁶⁷⁶.

Практически все японские персонажи, фигурирующие в тексте учебника, занимают просоветскую позицию или сочувственно относятся к советской власти. Один занимается пропагандистской работой среди японских интервентов, разъясняя солдатам империалистический характер японской интервенции на Дальнем Востоке. Другой выступает с пламенной речью, обличающей экспансию Японии в Китае. Третий сообщает своим товарищам сведения о социальных достижениях советской власти. Наконец, персонаж по фамилии Симада (島田) из последних двух текстов («Допрос военнопленного») поддается агитации советского офицера и идет на сотрудничество со спецорганами Красной армии. Таким образом, Япония и ее обитатели представлены в «Учебнике» крайне тенденциозно, однако же в полном соответствии с идеологией советского государства.

Заключение

Как видим, «Учебник японского языка» Гуццо и Горбштейна далек от совершенства. Его тексты пронизаны воинствующей марксистско-ленинской классовой идеологией. Тематика заданий «Учебника», а также тираж издания не оставляет со-

мнений в планах его использования: он предназначался для массовой подготовки специального персонала, необходимого для военной машины государства. В середине 1930-х гг. подготовка японоведов в СССР не была массовой, поэтому на фоне империалистической экспансии Японии в Китае сам факт публикации «Учебника», имевшего военно-политическое содержание, тиражом 25 тыс. экземпляров, по-видимому, являет собой одно из свидетельств подготовки СССР к войне с Японией. И отсутствие авторского предисловия о целях издания и назначении публикуемого учебника было обусловлено вовсе не «техническими причинами», на которые ссылаются авторы «Учебника»⁶⁷⁷, а международно-политическими. В этом контексте становится понятной реальная опасность для авторов учебника после выхода в свет рецензий востоковедов, указывавших на крайне низкий уровень выполнения авторами важного военно-политического заказа власти. Необходимо сказать, что 1930-е гг. ознаменовались публикацией в СССР целого ряда материалов по японскому языку – учебников, грамматик, словарей, среди которых были и другие материалы военного характера, например, «Русско-японский разговорник» и «Военный русско-японский; японо-русский словарь» А.С.Игара (М., 1934); «Синтаксис японского военного языка» А. А. Холодовича (М.-Л., 1937) и другие издания. Таким образом, «Учебник» стоит в ряду других советских учебных пособий по японскому языку. По всей видимости, он оказал влияние и на последующие издания (см., например, изданные в начале 1970-х гг. учебники японского языка под ред. проф. И. В. Головнина).

Список литературы

1. Гуццо, П. А. Учебник японского языка. Ч. 1 / П. А. Гуццо, Г. С. Горбштейн. – М.; Л.: Изд. Т-ва иностр. рабочих, 1934. – 126 с.
2. Мацокин, Н. П. [Рецензия] // Литература национальностей СССР. – М., 1935. – № 11. – С. 15–17. – Рец. на кн.: Гуццо П. А., Горбштейн Г. С. Учебник японского языка. Ч. 1. М.; Л.: Изд. Т-ва иностр. рабочих, 1934. 126 с.
3. Овидиев, Н. П. [Рецензия] / Н. П. Овидиев, Т. С. Юркевич // Вестник Дальневосточного филиала Академии наук СССР. – Владивосток: ДАЛЬГИЗ, 1935. – № 13. – С. 137–140. – Рец. на кн.: 1. Н. И. Конрад. Краткий очерк грамматики японского разговорного языка. Изд. Ленинградского восточного института. Ленинград, 1934. 65 с. 2. Е. М. Колпакчи и Н. А. Невский. Японский язык. Начальный курс. Изд. Ленинградского восточного института. Ленинград, 1934. 052+232 с. 3. Гуццо П. А., Горбштейн Г. С. Учебник японского языка. Ч. 1. М.; Л.: Изд. Т-ва иностр. рабочих, 1934. 126 с.
4. По поводу рецензии Н. П. Мацокина // Библиография Востока. – 1936. – № 8–9. – С. 139–148.
5. Репрессированные японисты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nippon-history.ru/books/item/f00/s00/z0000009/st025.shtml>
6. Хисамутдинов, А. А. Репрессированные востоковеды. Конец владивостокской школы японоведения: Протокол допроса Н. П. Овидиева // Facta Slavica Japonica. – Hokkaido: Hokkaido University. The Slavic Research Centre, 1998. – Vol. 16. – Pp. 207–231.

⁶⁷⁷ Гуццо П. А., Горбштейн Г. С. Указ. соч. С. 126.

⁶⁷³ Гуццо П. А., Горбштейн Г. С. Указ. соч. С. 49–50.

⁶⁷⁴ Там же. С. 70.

⁶⁷⁵ Там же. С. 73.

⁶⁷⁶ Там же. С. 82.

Образ Японии и японцев в приморской краевой газете «Красное знамя» в 1922–1939 гг.

А. С. Дыбовский

В статье анализируется динамика изменения образа Японии и японцев в приморской краевой газете «Красное знамя» в 1922–1939 гг. Предметом анализа являются информационные сообщения, аналитические статьи, карикатуры, комиксы, басни, стихи, песни и прочие публикации. Автор приходит к выводу о том, что при наличии материалов, дававших читателям более или менее объективное представление о Японии и японцах, в рассматриваемый период образ врага постепенно формировался на идейном, концептуальном и эмоциональном уровнях.

Ключевые слова: образ Японии и японцев, газета «Красное знамя», динамика развития образа.

The Image of Japan and the Japanese in the Primorsky Krai's Local Newspaper «Krasnoe Znamya» in 1922–1939

A. S. Dybovsky

This article is devoted to the dynamics of Japan and the Japanese image change in the Soviet local newspaper «Krasnoe znamya» in 1922–1939. The subjects of analysis are articles, cartoons, comics, fables, poems, songs, and other publications. The author concludes that in spite of the presence of materials, giving to the readers a more or less objective view of Japan and the Japanese, during the period, the image of the enemy was gradually formed on the ideological, conceptual and emotional levels.

Keywords: Image of Japan and the Japanese, newspaper «Krasnoe znamya», dynamics of image change

Цель нашего исследования состояла в том, чтобы проследить динамику развития образа Японии и японцев в приморской краевой газете «Красное знамя» (далее – «КЗ») с момента окончания японской интервенции (25 октября 1922 г.) по сентябрь 1939 г., когда внимание советской печати стало концентрироваться на европейском театре военных действий. Была проведена сплошная выборка статей о Японии, осуществлены анализ текстов на макро- и микроуровнях; анализ образов, заложенных в текстах, а также визуальных образов (фотографий, карикатур, мини-комиксов), присутствующих в газете; была произведена классификация текстов о Японии по их жанровым, а также информационно-стилистическим особенностям. В этой публикации мы остановимся на основных типах информационных материалов о Японии и японцах и их роли в формировании представлений читателей о Стране восходящего солнца и ее жителях, а также на динамике развития образа Японии и японцев в «КЗ», уделив особое внимание поэтико-пропагандистским материалам.

«КЗ» было наиболее представительной газетой Приморского края на протяжении всей советской эпохи. Оно начало издаваться 1 мая 1917 г. в качестве первой большевистской газеты на Дальнем Востоке. Первым редактором был Арнольд Нейбут. В годы гражданской войны и иностранной интервенции «КЗ» неоднократно уходило в подполье и издавалось под названиями «Жизнь труда», «Рабочий мир», «Труженик», «Крестьянин и рабочий», «Металлист», «Голос труда», «Молот», «Рабочий путь». Авторами газетных публикаций «в разное время были известные советские и зарубежные писатели и поэты: Александр Фадеев (Булыга), Демьян Бедный (Ефим Придворов), Михаил Кольцов (Фридлянд), мадьяр Антал Гидаш (Санто Дьюла)»⁶⁷⁸. «КЗ» являлось органом КП(б), затем ВКП(б); с 1938 г. – Приморского крайкома ВКП(б) и Приморского крайисполкома, с 1952 г. – Приморского крайкома КПСС и Приморского краевого Совета депутатов трудящихся. В Государственном архиве Приморского края (далее – ГАПК) за 1917–1922 гг. газета представлена отдельными номерами; подшивки изданий газеты советской эпохи сохранились лучше: большая часть номеров газеты доступна для изучения в ГАПК (Фонд Р-370); подшивки «КЗ» за вторую половину 1930-х гг. имеются в Приморской краевой библиотеке имени М. Горького.

Как большевистское издание, формировавшееся в годы революции и гражданской войны, «КЗ» характеризуют крайняя политизированность содержания и манихейская картина мира – представление о реальности как смертельном противоборстве сил добра и зла. Общий сценарий жизни прописан в контексте марксистской идеологии, в соответствии с которой история человечества – это арена непрерывной классовой борьбы, а начавшаяся во второй половине XIX века эпоха империализма – канун пролетарских революций, являющихся «локомотивами истории» (К. Маркс). В качестве позитивной основы жизни в «КЗ», как и в других советских периодических изданиях, создавался миф о самом справедливом государстве рабочих и крестьян и его передовом строе.

I. Предшествующие исследования

Образ Японии и японцев в отечественной периодической печати рассматривается в работах В. В. Кожевникова (2004)⁶⁷⁹, Э. А. Воробьевой (2007)⁶⁸⁰, Ю. С. Костылева (2007)⁶⁸¹. В. В. Кожевников, проанализировав японоведческие материалы газеты «Дальний Восток» за 1906–1913 гг., пришел к выводу о том, что, несмотря на объективное улучшение российско-японских отношений в указанный период, в публикациях газеты «Дальний Восток» Япония предстала перед читателями в первую очередь в качестве опасного стратегического соперника России в Азии, го-

⁶⁷⁸ Кутенких Н. Газета поперек Владивостока и через 95 лет. URL: <http://vostokmedia.com/n136112.html> (дата обращения 05.01.2014).

⁶⁷⁹ Кожевников В. В. Дальневосточная печать о Японии в период между русско-японской и Первой мировой войнами (1906–1913 гг.): на примере газеты «Дальний Восток» // Дальний Восток России и Япония: сб. науч. ст. Владивосток, 2004. С. 91–107.

⁶⁸⁰ Воробьева Э. А. Образ Японии и японцев в прессе Дальнего Востока и Западной Сибири в годы русско-японской войны: сравнительный анализ // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Т. 6, вып. 1: История. Новосибирск: Ред.-изд. центр НГУ, 2007. С. 159–163.

⁶⁸¹ Костылев Ю. С. Образ японца в советской массовой печати // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2007. Вып. 1 (21). С. 39–46.

того к территориальной экспансии, двусторонние отношения России с которым были чреваты конфликтами.

Э. А. Воробьева (2007), осуществив сравнительный анализ владивостокского «Дальнего Востока» и томской газеты «Сибирская жизнь», издававшихся в годы русско-японской войны, установила, что оба издания изображали Японию как страну, стремящуюся к господству в Азии и несущую опасность для «белой расы» и христианской цивилизации. При этом публикации газеты «Дальний Восток» характеризовались более высоким уровнем военного «психоза», а «Сибирская жизнь» формировала у своих читателей более сочувственное отношение к Японии, ее народу и культуре.

Ю. С. Костылев (2007) проанализировал публикации о Японии трех исторических периодов: 1) эпоха гражданской войны и иностранной интервенции; 2) период локальных конфликтов конца 1930-х гг.; 3) период Квантунской операции (лето 1945 г.). Предметом анализа стали следующие произведения массовой печати: 1) публикации центральных газет и журналов всех видов вооруженных сил; 2) тексты сборников Политуправления армии; 3) приказы по войскам; 4) тексты агитационных плакатов, листовок и проч.; 5) речи руководителей государства и армии. Методологической основой его работы стала теория стереотипа Е. Баратынского (стереотипы общественного сознания формируются на эмоциональной основе и включаются в структуру жизненного опыта личности, хотя формируются независимо от него; стереотипные представления инертны: они сохраняются в последующие эпохи). В работе Ю. С. Костылева использовались методы лексико-статистического, лексико-семантического анализа. Были выявлены следующие особенности образа японцев. Первый период: 1) неразработанность образа японца в связи с обилием врагов; 2) враг – империалист, захватчик, завоеватель; 3) классово разобщен; 4) во главе «правлящая клика», интересы которой своекорыстны. Второй период: 1) более детальная разработка образа; 2) использование лексем «самурай» (этничность + классовость – «шляхта»), «военщина», «провокаторы», «агрессоры», «авантюристы», «налетчики», «бандиты»; 3) снижение образа противника («фашист», «гад», «сволочь», «наглый», «гнусный», «хищник», «зверь», «гадина»); 4) идея неготовности, авантюриности: «зарвавшийся», «безумный», «сумасшедший». Третий период: 1) стремление переложить ответственность за начало военных действий с СССР на Японию («агрессоры», «провокаторы», «поджигатели войны»); 2) моральная неправота противника: «вероломство», «разбой»; 3) связь с немецким фашизмом: «фашизированные империалисты».

Таким образом, в последние годы исследователи неоднократно обращались к интересующей нас проблеме, однако их работы, как правило, ограничивались относительно узкими временными рамками. В работе Ю. С. Костылева наряду с теорией стереотипа общественного сознания были удачно использованы лексико-статистические и лексико-семантические методы анализа.

II. Общая классификация материалов о Японии

Материалы о Японии, присутствующие в «КЗ», прежде всего делятся на три группы: текстовые, визуальные и визуально-текстовые. На газетных страницах они, как правило, комбинируются в разных пропорциях в соответствии с информационно-политическими задачами редакции (читай – ВКП(б)).

Основу газетных материалов «КЗ», как регионального издания первой половины XX века, составляла текстовая информация. Визуальная информация, ввиду трудности ее получения, доставки, тиражирования, а также низкого качества печати, играла вспомогательную роль. Однако в условиях страны с преобладанием малообразованного населения воздействующая роль визуальной информации была исключительно велика, и ей в газете отводилось важное место.

1. Текстовые материалы. В соответствии с изначальным назначением газеты основу текстовых материалов о Японии в «КЗ» составляют информационные материалы: новости японской жизни и международных отношений, информация о событиях и фактологические данные. В основном новости представлены в газете в виде кратких информационных сообщений, суть которых формулируется в заголовках. Нередко такие сообщения даются со ссылками на отечественные и зарубежные информационные агентства или другие источники информации. Идеал информационных сообщений – максимально объективное изложение фактов без оценок и комментариев. Однако факты редко излагаются абсолютно беспристрастно, тем более в средствах массовой информации, провозгласивших своим кредо партийность. Идеологическая и публицистическая направленность информационных текстов нередко проявляется в отдельных словах и выражениях, например: «Борьба с японской военной *кликой*» (29 октября 1922 г.); «Японские *происки* в США» (11 июля 1939 г.); «*Зверства* японцев в Китае» (12 марта 1939 г.) (курсивом выделена лексика с негативной коннотацией в названиях газетных статей, которая закладывает в информационное сообщение отрицательную характеристику предмета сообщения).

Изложение фактов с определенных нравственно-этических позиций, любая попытка оценки тех или иных событий, данных или сведений могут превращать информационные материалы в информационно-пропагандистские и информационно-аналитические. Анализ, интерпретация, комментариев, экспертная оценка тех или иных фактов (ср., например, работы К. Харнского), как правило, ведут к появлению информационно-аналитических материалов, которые, в свою очередь, благодаря выражению той или иной позиции автора, легко могут превращаться в аналитико-пропагандистские. Все информационные сообщения, как правило, располагаются где-то между двумя полюсами подачи информации: максимально объективное изложение фактов versus целенаправленный отбор и композиция фактов для решения определенных пропагандистских задач.

Крайний случай предстает перед нами, когда выражение отношения к тому или иному событию, морально-этическая оценка последнего становятся важнее беспристрастного описания фактов. Тогда мы имеем дело с чисто пропагандистскими материалами. Таковы, например, политический памфлет, фельетон или сатирический очерк. Уникальное место среди других пропагандистских материалов занимают поэтико-пропагандистские материалы (стихотворение, басня, песня, поэма, частушки и проч.). Контрастируя по форме с основным массивом газетных текстов, поэтико-пропагандистские материалы обладают большим потенциалом воздействия на читателя. Их поэтические и художественно-выразительные особенности служат выполнению политико-пропагандистских задач. К ним мы вернемся в последнем разделе нашей статьи.

2. Визуальные и визуально-текстовые материалы. Если текстовые материалы на страницах рассматриваемой нами газеты могут существовать вполне автономно и независимо, то материалы визуального характера чаще играют вспомогательную роль: например, фотографии обычно либо дополняют собой письменный текст, либо фокусируют его содержание, либо служат иллюстрациями к нему.

Результаты захвата в Китае. На снимке: горняки китайской армии.

На первый взгляд фотографии – эффективное средство наиболее объективного представления информации. Однако в зависимости от выбора объекта изображения, ракурса снимка или характера его композиции может достигаться самый различный воздействующий эффект. Например, на страницах газеты «КЗ» на фотографиях, иллюстрирующих войну в Китае, китайцы часто изображаются как отдельные люди – мужчины, женщины, дети, страдающие от тягот войны, японцы же обычно изображаются в виде серой безликой солдатской массы. Фотографии, изображающие японцев, нередко связаны с насилием, они вызывают тревогу; фотографии, изображающие китайцев, как правило, сделаны в позитивном ключе, они часто вызывают симпатию или сочувствие. Итак, фотографии могут обладать самым различным потенциалом воздействия на читателя.

В карикатурах и мини-комиксах (присутствующих в газете) текстовая часть обычно дополняет собой рисунок, давая ключи к его восприятию и интерпретации (как это имеет место в наборе карикатур под заглавием «Как мы били японских самураев», связанных с хасанским инцидентом и опубликованных «КЗ» 1 мая 1939 г.), оказывая непосредственное воздействие на образное мышление человека. Карикатуры и комиксы в любой культуре таят в себе большие возможности воздействия на читательскую аудиторию.

III. Развитие образа Японии и японцев в газете «Красное знамя» в 1922–1939 гг.

Наш анализ образа Японии и японцев в «КЗ» начинается с конца октября 1922 г., когда в Приморье была установлена советская власть (за предыдущие годы в ГАПК сохранились лишь отдельные номера рассматриваемой нами газеты). В первые месяцы советской власти «КЗ», кроме актуальных региональных проблем, концентрируется на выводе японских войск, уходе японской эскадры, последствиях японской интервенции, попытках налаживания межправительственных отношений между двумя странами. Итоги пятилетнего пребывания в России японского

экспедиционного корпуса характеризуются как «крававые» («Крававые итоги пятилетней японской интервенции»; 29 октября 1922 г.), многие статьи первых номеров «КЗ» советской эпохи разоблачают грабительский характер японской интервенции, сотрудничество японцев с Колмыковым, Семеновым, Розановым и другими руководителями белого движения на Дальнем Востоке России в «расхищении русского достояния». На карикатуре «Встала в копеечку» (4 ноября 1922 г.) Япония изображается в виде циничного восточного дельца, интервенция в Сибирь и на Дальний Восток для которого оказалась крайне убыточным мероприятием. Эта авантюра привела к застою в японской экономике, обострила классовые противоречия, вызвала широкое антивоенное движение. На карикатуре от 19 ноября 1922 г. жалкий японский интервент изображен раздавленным Красной армией, получающей все лучшее материальное довольствие, несмотря на недостаток продовольствия в стране.

Каждый год в газете «Красное знамя» разоблачение воинственной, агрессивной и безжалостной сущности японского империализма приурочивалось к событиям 4–5 апреля 1920 г., когда японскими военными была захвачена власть в ряде городов Дальнего Востока, а С. Лазо, В. Сибирцев, А. Луцкий и ряд других видных большевистских руководителей, работавших в Военном Совете, были арестованы и с помощью белогвардейцев уничтожены. К. Харнский, описывая эти события в 1933 г., назвал их «Варфоломеевской ночью». В связи с вышесказанным в газете «Красное знамя» неоднократно публиковались две карикатуры, изображавшие звериную сущность японской военщины и ее безжалостность по отношению к представителям новой власти и мирному населению районов дислокации японского экспедиционного корпуса. На одной («Позорное клеймо японского империализма») было изображено свирепое звероподобное лицо японского солдата с отпечатанным на лбу клеймом его преступлений, на другой – клыкастый японский солдат на фоне когтей дракона милитаризма и японской военной эскадры, безжалостно пронзающий штыком грудь поверженного человека.

Усилению негативного образа Японии и японцев способствовало и наличие в рассматриваемую эпоху территориального соперничества между двумя странами, которое касалось раздела после русско-японской войны острова Сахалин. На карикатуре «Чем бы дети не тешились...» в «КЗ» от 1 сентября 1923 г. японские официальные лица изображены в виде разгулявшихся мартовских котов: на банкете для русских жителей делается заявление о том, что Сахалин навечно отошел к Японии.

дарности, деятельности правительства СССР и специально созданного во Владивостоке Губернского комитета по оказанию помощи «рабочей Японии».

Итак, сентябрьское землетрясение 1923 г. послужило поводом для выражения сочувствия и дружелюбия по отношению к японским трудящимся со стороны советских людей, и сам образ японцев несколько очеловечился; в то же время это событие способствовало распространению у российского обывателя стереотипного представления о Японии как о стране разрушительных землетрясений.

Натянутость отношений между двумя странами проявилась в том, что материальная помощь, доставленная пароходом «Ленин» в Иокогаму, не была принята. Это отразилось в специальной статье «Почему не принята русская помощь. Недоумение владивостокских японцев» и в карикатуре «Радужные островитяне» от 21 сентября 1923 г., способствовавших усилению неприязненного отношения российского обывателя к японскому правящему классу.

В 1923–1924 гг. информация о Японии регулярно публиковалась «КЗ» под рубрикой «У наших соседей». В этом разделе давался обзор японских газет без указания автора⁶⁸². Наиболее объективное представление о Японии читателю давали особенно многочисленные в этот период публикации К. А. Харнского, в которых различные стороны японской действительности описывались с марксистских позиций. Обращает на себя внимание тот факт, что в публикациях о Японии, как правило, преобладала информация негативного характера, ср.: «Покушение на японского императора»; «Сокращение японского бюджета» (29 декабря 1923 г.); «У наших соседей. Япония»: «Состояние японской промышленности»; «Военщина об эвакуации (из Маньчжурии)»; «Самоубийство фанатички» (5 января 1924 г.); «У наших соседей. Япония»; «Пока 6661 убитых корейцев»; «Состав японского кабинета»; «Землетрясение

⁶⁸² Многие статьи из раздела «У наших соседей (Обзор японских газет)» имеют черты стилистического сходства с текстами К. А. Харнского. Можно высказать предположение, что К. А. Харнский был автором по крайней мере части публикаций этого раздела.

в Токио»; «Сильное землетрясение в деревне Гойяма»; «Пожар в Отару» (6 января 1924 г.).

Следующим поворотным пунктом в изображении Японии и японцев на страницах «КЗ» стало подписание 20 января 1925 г. Конвенции об основных принципах взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических республик и Японией (Пекинская конвенция). Начался вывод японских войск с северного Сахалина, активизировался политический диалог между двумя странами, в начале апреля было объявлено об обмене полномочными послами. Во Владивостоке и в Хакода-те полноценно заработала консульская служба, стали развиваться и двусторонние экономические отношения, была подписана рыболовная конвенция.

Советскому представителю т. Кузнецову было передано здание бывшего российского посольства в Токио; 24 апреля в Токио прибыл первый посол СССР в Японии – Виктор Леонидович Копп, которого торжественно встречали представители министерства иностранных дел Японии, депутаты парламента, представители деловых кругов, обществ дружбы и социалистических организаций. В Симоносеки В. Л. Коппу было отведено помещение, где обычно останавливался принц-регент; его речь была благосклонно встречена японскими газетами. В ознаменование дружественных отношений между СССР и Японией в середине июня состоялся перелет трех самолетов по маршруту Токио – Москва. А 6 сентября 1925 г. на самолете Р-1 перелет в Японию с посадкой в японском аэропорту Токородзава совершил М. М. Громов. Итак, после подписания российско-японского соглашения количество позитивной информации о Японии и японцах в «КЗ» заметно увеличилось.

Образ Японии как империалистического агрессора стал возвращаться на страницы «КЗ» по мере расширения участия Японии в военных конфликтах в Китае и особенно после создания в Маньчжурии японского марионеточного государства Манчжоу-Го. В конце 1920-х – начале 1930-х годов «КЗ» регулярно дает сводки о военных конфликтах в Китае, а затем и о начавшихся в 1937 г. полномасштабных боевых действиях между Японией и Китаем. Советская пресса, в том числе и «КЗ», неизменно с сочувствием писала о военных действиях китайцев и осуждала экспансионистскую политику Японии.

В 1937–1939 гг. на страницах «КЗ» разворачивается кампания борьбы с японскими шпионами. Выходит целая серия статей о японской разведке и приемах ее работы в азиатских странах и США. Разоблачается расширение всемирной сети японского шпионажа, действующей особенно интенсивно в юго-западном бассейне Тихого океана, где они под видом рыбаков занимаются изучением побережья, гаваней и военных укреплений.

Из «Правды» перепечатывается большая статья Ал. Хамадана «Система японского шпионажа». В ней сообщается о разветвленной шпионской сети в Китае, США, Англии, СССР; даже в Иране, Афганистане, Турции и Греции. Поясняется, что японские шпионы работают под «личинами» дипломатов и парикмахеров, священников и военных атташе, коммерсантов и фотографов; они широко используют такие средства, как шантаж, подкупы, грабежи, убийства, взрывы и поджоги, организация крушений поездов и прочее. Автор статьи приходит к выводу о том,

что военная разведка, политический и экономический шпионаж готовят почву для осуществления японской экспансии в Азии.

Изображение советской России как окруженного врагами военного лагеря создавало благоприятные условия для усиления авторитаризма сталинского режима. На фоне развернувшейся шпиономании и процесса по делу антисоветского троцкистского центра, о котором «КЗ» сообщило марте–апреле 1937 г., стал судом над шпионами, диверсантами и бандитами. 14–16 июля 1937 г. в «КЗ» была опубликована серия статей «Подрывная работа японской разведки», в которой делались следующие выводы: «Японский империализм принадлежит к категории опаснейших провокаторов новой мировой войны»; «Троцкисты и бухаринцы как верные цепные псы капитализма – уже готовые агенты иностранных разведок»⁶⁸³. Кампания шпиономании заставляла обывателя в каждом японце видеть шпиона и приучала его к мысли о том, что все, кто имеет какие-либо контакты с японским населением, являются японскими наймитами и потенциальными шпионами. Не прошло и года, как жертвами по сфабрикованному «Делу № 1404 о единой контрреволюционной шпионско-вредительской организации, существовавшей в ДВ Государственном Университете, входившей в состав право-троцкистского заговора на Дальнем Востоке», стали почти все ведущие японоведы ГДУ⁶⁸⁴.

IV. Поэтико-пропагандистские материалы о Японии и японцах

Изображение Японии как злого и коварного врага советской России, которому СССР должен давать решительный отпор, достигло наивысшей точки после хасанских событий в июле – августе 1938 г. В «КЗ» появился целый ряд поэтико-пропагандистских материалов о Японии и японцах. 7 ноября 1938 г. были опубликованы «Хасановские частушки». Текст частушек располагается между двумя фотографиями. На одной молодые советские солдаты весело смеются над карикатурой на своего поверженного противника, на другой рядом с карикатурой стоит улыбающийся советский офицер. В тексте частушек были такие строки: *Мы врагам Страны Советов / По зубам сумели дать / Как своих ушей Посыта / Самураям не видать... / С наших сопок самурай / Поскорее удирай... / Самураю нос подбили / И его предупредили / Ты не зарься, самурай / На чужой приморский край... / Покричи внизу банзай / А к нам в сопки не влезай.* Как видим, в соответствии с особенностями жанра частушки в ход идут грубые языковые выражения, характерные

⁶⁸³ Шпиономания была взаимной: 23 мая 1936 г. в «КЗ» была опубликована статья «Японский посол г. Ота у тов. Б. С. Стомонякова», в которой говорилось: «Стомоняков отметил вздорность выдвигаемых против полпредства СССР обвинений в связи с арестом японских сотрудников полпредства», которым «инкриминируются такие действия, как составление по поручениям полпредства докладов об итогах парламентских выборов в Японии, о бюджете 1936–37 года, о движении индекса цен...»

⁶⁸⁴ Поробнее см.: Донской В. К. Разгром восточного факультета ДВГУ // Вестник ДВО РАН. 1996. № 1. С. 95–108; Хисамутдинов А. Репрессированные востоковеды. Конец владивостокской школы японоведения: Протокол допроса Н. П. Овидиева // Facta Slavica Japonica. Hokkaido: The Slavic Research Centre, Hokkaido University, 1998. Vol. 16. Pp. 207–231; Ермакова Э. В. Трагедия преподавателей-японистов Дальневосточного университета в 30-е гг. XX века // Пути развития японоведения на Дальнем Востоке России. Осака, 2009. С. 115–126.

для просторечия (*дать по зубам, зариться на что-то; не видать, как своих ушей*). Превосходство советских солдат показано на противопоставлении фотографий победителей и карикатурных образов потерпевшего поражение противника, который в тексте частушки сравнивается с хитрой и трусливой лисицей.

22 февраля 1939 г. под псевдонимом «Прежний» перепечатывается впервые опубликованная в «КЗ» в 1920 г. басня «Японская лиса в Приморском винограднике». В этом произведении Япония предстает перед читателем также в виде лисицы, покушающейся на богатства «Приморского виноградника» (ср. басню Н. А. Крылова «Лиса и виноград»): *Японская лиса в приморский влезла сад / Богатств народных в нем обильно кисти рделись / Завистливы лисицы, говорят / Глаза у кумушки японской разгорелись...* Приморская земля предстает перед японской лисой как комплекс соблазнов, отступить от которых ее заставляют «красные штывки» и грозный хозяин «коммунистического рассадника».

Иной поэтико-пропагандистский материал представляет собой текст песни «У озера Хасан» (автор текста В. Мелих), появление которой было приурочено к годовщине хасанских событий. Это песня о советских героях, готовых отстоять свою землю от «подлых» и «зарвавшихся самураев» (слово *самурай* употребляется здесь гипонимически, обозначая всех японских военных), не уступив ни пяди родной земли захватчикам. В песне упоминается сопка Заозерная, за которую во время хасанского инцидента велись ожесточенные бои.

Еще одно произведение, посвященное хасанским событиям, – это эпическая поэма Александра Артемова «Туфли ронина» (сам автор называет ее новеллой), опубликованная «КЗ» в конце сентября 1939 г. Она повествует о советском бойце Никите Гурове, выступающем в роли былинного богатыря, сумевшего победить потомственного японского самурая майора Сакуяма, идущего в бой в традиционной японской обуви, которая в его семье передается из поколения в поколение в память о выдающемся предке, который много лет назад отомстил за смерть своего господина и сделал себе *харакири*.

В тексте присутствует много экзотических слов японского происхождения: *росукэ, ронин, адаути, сэппуку, даймё*, использование которых говорит о том, что автор поэмы был, скорее всего, знаком с японским языком. «Новелла» А. Артемова в поэтической форме рисует превосходство простого советского бойца над именитым представителем японского военного сословия. Смелость, сила и отменные воинские навыки Никиты Гурова заставляют японского офицера испытать страх и обратиться в бегство, бросив и драгоценные туфли: *И дрогнул невольно майор Сакуяма / От веянья смерти, глядящей в лицо / Впервые за время атаки упорной / В руке самурая клинок задрожал / – Бежать! – пронеслось в голове и позорно / К земле пригибаясь, майор побежал... / – Японец несмелого, видно, десятка / – Подумал боец, догоняя врага / Бьют звучно священные туфли по пяткам / Мешают потомку богов убежать / И сбросил реликвии с ног Сакуяма / И ходу прибавил. Гуранов наддал...* Не выдержав натиска советских бойцов, японцы терпят поражение, туфли *ронина* в конце концов попадают в музей, а «разбойные дети разбойных отцов» получают хороший урок. Поэтическая «новелла» А. Артемова представляет собой уникальный поэтико-пропагандистский материал, представленный в «КЗ».

Заключение

В то время как Россия воспринималась в Японии в разные эпохи как «учитель, враг и собрат по страданиям» (Вада Харуки, VI симпозиум российских и японских историков. Ленинград, 1983), Япония в российской прессе прошла путь от отсталой экзотической страны Дальнего Востока до уникального азиатского государства, достигшего вершин современного цивилизационного развития, во многом сохранив свою уникальную культуру. В 1922–1939 гг. (особенно в начале и в конце указанного периода) Япония воспринималась в первую очередь как враг и опасный конкурент России на Дальнем Востоке.

Если в середине 1920-х гг. давалось немало материалов, способствовавших созданию объективного образа Японии, то по мере формирования сталинской административно-командной системы «КЗ» становится рупором советской пропаганды, работающим на создание образа врага и формирующим враждебное отношение к Японии и японцам со стороны жителей Приморья. Негативный образ Японии и японцев создается на идейном («враждебный мир капитализма», «лживая демократия»; «империалистическая политика»; «борьба труда и капитала»; «реакционная внутренняя политика»), концептуальном («японские интервенты», «кризис», «застой», «долги», «безработица», «эксплуатация», «крах авантюры», «катастрофа») и эмоциональном («желтая интервенция», «ненавистная японщина», «хищные замыслы», «разбойничьи действия», «гнусная провокация», «варварские налеты», «наглое японское требование») уровнях.

Кампания шпиономании и поиска врагов, развернувшаяся в стране во второй половине 1930-х гг., привела к тому, что все лица, имевшие контакты с японскими гражданами, особенно профессиональные японоведы, преследовались как японские шпионы, и многие из них были репрессированы.

Список литературы

1. Воробьева, Э. А. Образ Японии и японцев в прессе Дальнего Востока и Западной Сибири в годы Русско-японской войны : сравнительный анализ // Вестник НГУ. Сер. : История, филология. Т. 6, вып. 1 : История. – Новосибирск : Ред.-изд. центр НГУ, 2007. – С. 159–163.
2. Донской, В. К. Разгром восточного факультета ДВГУ // Вестник Дальневост. отд-ния Рос. акад. наук. – 1996. – № 1. – С. 95–108.
3. Ермакова, Э. В. Трагедия преподавателей-японистов Дальневосточного университета в 30-е гг. XX века // Пути развития японоведения на Дальнем Востоке России / сост. А. С. Дыбовский. – Осака, 2009. – С. 115–126.
4. Кожевников, В. В. Дальневосточная печать о Японии в период между русско-японской и Первой мировой войнами (1906–1913 гг.) : на примере газеты «Дальний Восток» // Дальний Восток России и Япония : сб. науч. ст. – Владивосток, 2004. – С. 91–107.
5. Костылев, Ю. С. Образ японца в советской массовой печати // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2007. – Вып. 1 (21). – С. 39–46.
6. Кутенких, Н. Газета поперек Владивостока и через 95 лет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vostokmedia.com/n136112.html>.

7. Хисамутдинов, А. Репрессированные востоковеды. Конец владивостокской школы японоведения : Протокол допроса Н. П. Овидиева // Facta Slavica Iaponica. – Hokkaido : The Slavic Research Centre, Hokkaido University, 1998. – Vol. 16. – Pp. 207–231.

Дополнения к биографии Константина Андреевича Харнского (к биографии, написанной в 1960 году мной). Черновик. 15.III.1984 года⁶⁸⁵

Елена Романовна Громаковская (Харнская)

Как жаль, что я тогда была не очень назойлива, не очень любопытна! Как много бы я разузнала подробностей жизни К. А.!

Детство К. А. Харнского

Родился в местечке Кальвария, в Литве, 12 июня 1884 г. (на границе Польши и Белоруссии). Население местечка – русские, поляки, евреи, литовцы. На окраине Кальварии – военный городок Кавалерийского полка (а, может быть, нескольких?). Командир Полка – Андрей Харнский, отец К. А. Харнского.

Семейная фотография Харнских (1912–1915 гг.)

Мать, Елена Ивановна; Харнский Константин Андреевич; Харнская Анна Демьяновна; двоюродный брат Харнский Виктор Юрьевич; двоюродная сестра Денекин Нина

⁶⁸⁵ Материал был подготовлен к печати Т. В. Поликарповой. Текст оригинала был подвергнут незначительной правке, преимущественно в отношении орфографии. – (Прим. ред.).

Дед по отцу – тоже военный, из украинцев. Дед по матери – военный из обрусевших немцев. Бабушка по матери – полька, писала стихи для детей.

В этой военной семье Костя – единственный ребенок (старший брат умер 7 лет).

Мать – Елена Ивановна – прекрасно играла на рояле. Дом отца был центром военного городка, и здесь часто устраивались вечера и концерты: интересные, веселые, остроумные встречи, отвлекающие офицеров (особенно молодых) и их жен от скуки, однообразия, пошлости и пьянства⁶⁸⁶ в таких обычных, отдаленных от культурных центров, замкнутых в себе военных гарнизонах^{687*}.

Мальчик рано пользовался самостоятельностью в выборе своих игр, времяпровождения, вкусов.

Любимым занятием было смотреть на манеже на тренировку лошадей и солдат-кавалеристов, ездить на водопой и купанье в реке лошадей, дружить с конюхами и «пропадать» в казармах, где у него были знакомые и друзья–солдаты, слушать сказки, рассказы, есть борщ и кашу (навсегда любимые).

Он рано научился читать и писать; неграмотные солдаты его ждали, просили прочесть полученные письма или написать письмо – ответ домой – «на деревню». Письма из деревни большей частью были нерадостные. Трудно жилось без помощника, без кормильца, их ждали. Ждали старые родители, семья. А служба в царской армии была трудной и длинной.

Отец К. Х. считался добрым командиром – сдерживая грубость офицеров, заботился о питании и быте солдат. И об этом солдаты говорили своему маленькому другу – Косте.

По письмам из дома, по рассказам солдат он рано узнал о бедах русской деревни в царской России конца 1880–1900 гг., когда назревала 1-я русская революция. Видимо, в это время в сознание ребенка вошло умение сочувствовать людям, демократичность, которая была чертой характера с ранних лет у К. А.

Школа

В 1892 г. Костю отдали в мужскую гимназию в Москве в 1 [класс]. Отец не хотел, чтобы он был также военным. Сам же К. А. в то время мечтал учиться са[ж]ать деревья], ухаживать за лесом. В 1894 г. отец К. А. умер. Мать-вдова, пенсионерка, переехала жить к своим родителям и отдала его в кадетский корпус (на государственное содержание)⁶⁸⁸.

С 3-го класса по 8-ой он учится в Московском кадетском корпусе. Об этом времени он не любил вспоминать, и только однажды как-то сказал мне: «Никогда, никогда не отдавай сына в закрытое учебное заведение». Но очень тепло и с большим уважением отзывался о проф. Рыжкове (авторе многотомного труда «История России»), который был преподавателем, увлек его и заинтересовал изучением истории.

⁶⁸⁶ Карандашом дописано: «и игры в карты».

⁶⁸⁷ На полях: см. Куприн «Поединок».

* Видимо, эти домашние музыкальные вечера развили в нем любовь к музыке, развили его слух и вкус. Голос у него был небольшой, но приятный. Знал он много арий и романсов и с удовольствием исполнял их в нашем домашнем кругу. Любил он лирическую поэзию, которую я часто читала ему во время отдыха и прогулок у моря и в горах. – (Е. Г.-Х).

⁶⁸⁸ На полях: Третий Московский.

Интерес к астрономии был по-прежнему велик. В детстве он зачитывался Фламарионом и др., очень хорошо знал звездное небо и мечтал о полетах чело- века в космос⁶⁸⁹, забравшись на старую ветвистую грушу в саду в дни школьных каникул.

Константин Харнский, ученик 2-го класса. 1893 г.

В 1900 г. К. А. поступил в Михайловское артиллерийское училище (в Ленинграде?), основанное в 1880 г. В нем были офицерские классы, готовящие артиллеристов с высшим образованием.

4 года очень напряженных занятий по физике, химии, математике (кроме чисто специальных военных дисциплин). Эти предметы читали профессора университетов и преподаватели Военной Академии. Они подготовили широко образованных и умелых артиллеристов. Русская артиллерийская школа имела свои особенности, и ее достижения высоко ценились в мировых военных артиллерийских сферах.

Учащиеся – юнкера – в выходные дни получали отпуск, и многие посещали театры, концерты, музеи Ленинграда. У К. А. в городе жил брат матери, и часто отпуск он проводил в семейной обстановке, посещал с ними театры и концерты.

В старших классах училища была небольшая нелегальная группа революционно настроенных юнцов. К. А. вошел в эту группу. Здесь он познакомился с марксистской литературой.

В 1905 г. он окончил училище по классу тяжелой дальнбойной артиллерии. Был направлен в Либаву* (береговая артиллерия), потом – в крепость Ковно, в

⁶⁸⁹ На полях: в миры далекие, неизвестные, манящие.

* Либава – приморский город с береговыми военными укреплениями, с батареями дальнбойных орудий. Здесь только что выпущенный молодой офицер почувствовал легкость, большую свободу и самостоятельность, очень увлекся танцами. Было лето, у моря в приморском парке развлекалась молодежь. Однажды К. А., сокращая путь к военному городку, прошел через кладбище на другую его сторону (это было почти в полночь, при луне). Спрыгнув с забора, он испугал проходившую мимо девушку, она приняла его за мертвеца и с криком бросилась бежать. Он – за ней, что еще больше ее испугало. С криком «Я не мертвец!» он догнал ее и еле успокоил. Познакомились, он проводил ее домой. После часто вместе ходили на танцы, влюбился. Перевод в крепость Ковно разлучил их. – (Е. Г.-Х).

тяжелую крепостную артиллерию. А в 1907 г., по подозрению в революционных симпатиях и участии в революционной подпольной группе в крепости Ковно, переведен в один из Сербских полков, который стоял под г. Читой в Антипихе (у реки Ингода).

Небольшой военный городок в долине реки, окруженный горами и лесами, Забайкалье и его природа после русских равнинных пейзажей Центральной России очень нравились К. А., как позднее – Приморье.

В 1907 г. здесь он женился на Анне Демьяновне Войткевич – медицинской сестре военного госпиталя. Детей у них не было. Жили они вместе до 1923 г. В мае 1923 г. они разошлись.

Орудия, лошади, солдаты-батареи. Из них за 3 года службы надо было сделать хороших артиллеристов, а потому – ежедневные занятия по арифметике, математике, физике, химии и прочих необходимым артиллеристу знаниям и навыкам (учебные стрельбы на полигоне, кавалерийские упражнения и пр.) – так ежедневно до 2-х часов дня занят был офицер Харнский.

А после?

Много читал и занимался: языками и историей. Книги брал в библиотеке, в Чите. В кадетском корпусе много уделялось внимания французскому и немецкому языкам. Он знал их хорошо. Здесь – в полку – стал самостоятельно изучать английский язык. Читал много книг по истории. Часто летом после 2-х часов уходил вверх по реке Ингоде, устраивался поудобнее в лесной тиши и читал, выписывая слова, составляя фразы; брал с собой атлас и изучал географию*.

Видимо, тогда у него созрело решение поступить в Восточный Институт г. Владивостока, и он готовился к этому. В 1909 г. в сентябре он поступил в Восточный Институт на Японское отделение (стал стипендиатом военного ведомства). Преподаватель японского языка Ануфриев, вспоминая годы учебы в Институте, говорил, что К. А. в это время выглядел интересным, молодым и блестящим офицером.

В Институте он очень много и усидчиво изучал язык и историю восточных стран, на что Анна Демьяновна, вспоминая это время и время в заграничной командировке в Японии, жаловалась, что она мало видела Японию, часто была одна и что он «завален был своими иероглифами» и мало уделял ей внимания.

С 1912 по 1914 гг. был в научной командировке в Японии. В Японии поселился в Токио, поближе к библиотекам, потом переехал в курортное местечко на берегу моря – Атами. Он, совершенствуясь в разговорном и письменном японском язы-

* Офицерская служба, занятия по самообразованию, подготовка к поступлению в Восточный Институт – вот что заполняло свободное время К. А. Хорошая знакомая семья Харнского того периода позже, в 1965 г., писала А. Д. Харнской: «В офицерской среде у вас не было ни друзей, ни близких знакомых. Вы оба резко выделялись демократичностью, другими интересами, вкусами, образом жизни. А А. Д. писала мне: «А двоюродная сестра К. А. – Таня – писала ей, что Елена Ивановна (мать К. А.) считала меня и Костю чужаками».

К. А. этого периода (1907–1909 гг., в Чите), по словам той же знакомой, «был очень доброжелателен к людям, мягок и деликатен в обращении и внимателен к А. Демьяновне». Анна Демьяновна занималась хозяйством, уходом за мужем и помогала больным, особенно женщинам-солдаткам как медицинская сестра, у которой была хорошая подготовка и практика, любовь и сострадание к людям. – (Е. Г.-Х).

ках, занимался с учителем и учительницей. Мало ездил по стране, но главное осмотрел. За 2 года пребывания хорошо изучил жизнь и язык страны*.

*К. А. Харнский (слева) с двоюродным братом
Виктором Юрьевичем Харнским, кавалеристом*

* Окончив Восточный Институт, получив 2 специальности (образования), казалось бы, отличный друг от друга, – военное (в основу которого входили точные науки – математика, физика, химия), и широкое историческое, К. А. был разносторонне образованным человеком. Он умел сочетать эти знания, все время их расширял и углублял. В ДВГУ он много времени проводил в фундаментальной библиотеке, много читал, постоянно и тщательно просматривал: новую периодическую научную литературу, журналы, сборники Академии наук. Был постоянным посетителем комнаты новинок этой библиотеки. – (Е. Г.-Х).

В августе 1914 г. грянула 1-я Империалистическая война. К. А., как военного, отозвали из-за границы. В 1915 г. он был направлен на германский фронт.

Вспоминая военные годы с отступлениями и наступлениями, мокрые и разбитые военные дороги, на которых вязли по ступицы колес тяжелые орудия, ночь и холод, длинные ночные переходы под бомбежкой, когда засыпал стоя, он говорил, что солдаты и офицеры считали его храбрым. Он же считал, что это была не храбрость, а просто какое-то сильнейшее сосредоточение на необходимости быть собранным, делать самое необходимое, не замечать опасности; какое-то отупение нервной системы, а не храбрость.

Были такие случаи, когда он уходил с пункта наблюдения и корректировки стрельбы – в последнюю секунду, когда пристрелявшийся неприятель уже бил по нему и высокий наблюдательный пункт рушился.

В 1915 г. по дороге на фронт в железнодорожном эшелоне (орудия, кони, солдаты в теплушках), в офицерском вагоне офицеры вели себя приподнято, весело, считали, что война будет короткой (мы быстро разобьем фрицев), и все казались очень храбрыми. А К. А. смотрел на них и думал: «Нет, я, наверное, не смогу быть таким»⁶⁹⁰.

Но вот, при подходе к передовой линии, эшелон попал под шквальный артиллерийский огонь. Только что веселые, хвастающие[ся] храбростью офицеры растерялись, возникла паника. «Я не помню, как это получилось, я стал командовать экстренной разгрузкой эшелона. Были спасены люди, кони и орудия». Такие хладнокровие и находчивость были свойственны ему в минуты опасности.

Два года на фронте (1915–1916 гг.). Все ужасы войны, все лишения, вся бездарность царского правительства и его командования – все испытал на себе капитан Харнский, командир батареи, и еще больше убедился в необходимости борьбы с царизмом.

Он очень восторженно отзывался о романе А. Лебеденко «Тяжелый дивизион», выпущенном в конце 20-х гг. Этот путь офицера-артиллериста в 1-ю Империалистическую войну, быт, нравы офицерского коллектива и все события были ему хорошо знакомы по своему пройденному в войне пути*.

В конце 1916 г. К. А. был тяжело ранен и контужен в голову. Он попал в госпиталь в Сибирь, а долечивался в г. Хабаровске.

Здесь он встретил февральскую революцию. С первых дней революции он примыкает к группе армейских большевиков. Это было время бурных споров, митингов, партийных страстей. За умы солдат Хабаровского гарнизона боролись разные партии. На солдатских митингах он часто вел секретарские записи собрания, помогал составлять резолюции и воззвания в поддержку Советской власти, осуждающие политику меньшевиков и эсеров, писал в армейские газеты. Он считал, что его журналистская работа началась с этого времени – с 1917 года⁶⁹¹.

⁶⁹⁰ *Дописано позже*: храбрым.

* И здесь, на фронте, среди ужасов, потерь и отступления, среди лишений и военных будней в затянувшейся на несколько лет войне, он находил в себе силы и выкраивал время, чтобы повторить 2–5 английских слов! За голенищами сапог он всегда носил английский словарь и географический атлас. – (Е. Г.-Х).

⁶⁹¹ *На полях*: Но это не так! Он писал в 1916 г., в Хабаровске, работая в Информбюро Штаба Армии.

В 1918 г. Харнский переезжает во Владивосток. Белые войска теснили Красную Армию с Урала, из Сибири. С большими потерями [они] откатывались в Забайкалье и Приморье.

Во Владивостоке в 1918 г. высадились японцы и, вслед за ними, американцы. Так начались годы интервенции. Интервенты и поддерживаемые ими белогвардейцы вплоть до конца октября 1922 г. хозяйничали в Приморье (1918–1922 гг.).

Это были годы тяжелой борьбы за Власть Советов в этом далеком крае, годы лишений и потерь, годы подвига подпольщиков-большевиков, партизан и поддерживающего их населения.

В это время (1918–1920 гг.) К. А. жил то полулегально, то нелегально, меняя квартиры. Часто жили только на медсестринскую зарплату Анны Демьяновны – она помогала ему связываться с товарищами по большевистскому подполью и добывала иностранные газеты, которые давали ему материалы писать обзоры, статьи о политической и экономической жизни Японии, о стоворе и разногласиях в стане американцев и японцев, оккупировавших край. Для того, чтобы иметь доступ к чрезвычайно ценным материалам для подпольной организации, он мобилизовался в колчаковскую армию, некоторое время не пытался сбежать из нее, а, работая в Информационном отделе Штаба Приморского военного округа и рискуя, передавал эти материалы подпольщикам.

Об одном таком случае рассказал в 1919 г. А. Климов – председатель Центрального бюро профсоюзов. К. А. передал ему статью, вскрывающую политические и экономические причины «рисовых» бунтов в Японии (август – октябрь 1918 г.). «На примере этого выступления, охватившего 10 млн участников, он видел неодолимое влияние идей Великой Октябрьской социалистической революции, покоряющих все преграды и расстояния, на рабочее движение Востока».

Об этом же периоде вспоминал ветеран большевистского подполья и гражданской войны на Дальнем Востоке товарищ Серов К. П. Он писал:

«Десятки газет, журналов, бюллетеней, вестников разных политических партий издавались в городе, и все они общим хором свистели, улюлюкали, на все лады хулили народившуюся первую в истории человечества справедливую республику трудящихся. Лишь газета «Красное знамя» стойко и мужественно, легально и в подполье, боролась за Советскую республику».

Много талантливых журналистов подвижнически работали в газете. Среди них выделялся своим талантом, политической заостренностью своих статей, живым и образным языком Харнский Константин Андреевич.

Я встретила с К. А. летом 1919 г., когда он жил в пригороде Владивостока, в железнодорожном поселке «Станция 1-я Речка», в небольшой комнатке мансарды одного из окраинных домиков. Познакомила нас Анна Демьяновна, которой я принесла забытые ею медицинские банки. Она, как обычно, оказывала помощь большим соседям.

Знакомясь со мной, К. А. полушутя-полусерьезно сказал: «А я наслышан о Вас: местные обыватели рассказывали, что Вы «страшная» большевичка». Потом он участливо и мягко расспрашивал о том, что я сейчас делаю, что читаю, как прово-

жу свободное время (весной я окончила гимназию* и летом работала на детской железнодорожной площадке воспитательницей). Потом решил проверить, как я знаю английский язык, принес английскую газету (а их много лежало в маленьком отсеке мансарды), выбрал заметку и предложил перевести.

Некоторых слов я не знала и перевела по смыслу. Это он одобрил и стал объяснять, как часто слова имеют несколько значений в зависимости от того, как и где они употребляются, приводил примеры. Завязался очень интересный для меня лингвистический разговор, живой, непринужденный, часто в шутливых и остроумных тонах.

После этого по его просьбе я с ребятами заходила за ним вечерами, и мы шли купаться в нашу бухту Амурского Залива. Он легко и быстро сошелся с нашей компанией, чувствовал себя в приподнято-шутливом настроении и хорошо отдыхал после утомительной работы с иностранными газетами. Были и прогулки в дачный район в выходные дни.

Но эти встречи вскоре оборвались: К. А. внезапно исчез, не простившись с нами. Это было примерно в августе 1919 г.⁶⁹²

После августа 1919 г. К. А., по-видимому, был в городе, но по каким-то причинам вынужден был сменить квартиру (скорее всего, конспиративным).

В январе 1920 г. в городе вновь сменилась власть. В ней большую роль играла ком[мунистическая] фракция. Во главе Военного Совета стоял С. Лазо. К. А., по-видимому, был близок работе Военного Совета, и, видимо, входил в какую-то информационную его часть.

Приближалась драма японского выступления 4–5 апреля 1920 г.

К. А. вступил в ряды большевиков в 1920 г.

«События, собственно, не были неожиданными. Все понимали, что японское командование рано или поздно отомстит за январские дни – дни нашего недолгого торжества, дни позорного бегства последних колчаковцев и рязановцев». «Толь-

* В городе было 5 средних учебных заведений – 3 женских гимназии, 1 мужская, 1 коммерческое училище. В учебный год (1917–1918 гг.) были организованы союзы учащихся, объединившиеся в «Союз учащихся» города. В этом учебном самоуправлении среди выбранных были: А. Фадеев и его товарищи, я и Марина Свиридова и др. от «коричневой» гимназии. Союз боролся за свободу от занятий «Законом Божиим», навязанным нам программой (по атеистическим убеждениям), хотел изменения в программах, где развивалось бы мышление, а не память, инициатива и творческие способности. Были организованы касса взаимопомощи, общежитие для приезжих учащихся, газета «Вестник учащихся», в редколлегию которой входил А. Фадеев и много писал в ней. Я была связана с редколлекцией как представитель нашей гимназии (сбор материала для газеты, распространение ее). Кроме того, в очень трудный год гражданской войны в Сибири, когда Владивосток был отрезан от центра и не получал учебников, мы организовали «кооператив учащихся» по сбору и обмену старых учебников. Работали всю весну после уроков и все лето (бесплатно). Я работала в отдельном кооперативе для женской «коричневой» гимназии и для мужской, [в] этот год мы обеспечили всех учебниками и помогли провести учебу успешно.

Наша газета в последних номерах проходила с лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», и большинство активистов союзничали с большевиками. Мое знакомство с Фадеевым и Баневуром началось с этого времени. – (Е. Г.-Х).

⁶⁹² *Далее зачеркнуто:* Встретилась я с ним вновь в апреле 1923 г., когда он приехал из Читы во Владивосток, получив назначение в ДВГУ. Разыскал он меня (оказывается, не забыл), очень был рад встрече, рассказывал об этих прожитых 3,5 годах в Китае и Чите (ДВР). В июле 1923 года мы поженились. – (Е. Г.-Х). *На полях:* Он был в городе до мая 1920 г.

ко «международная ситуация в виде доживавших во Владивостоке последние дни американцев мешала японцам осуществить намеченный план». «К 3 апреля все подготовительные работы были закончены, в тактические пункты стянуты 17 тыс. штыков, артиллеристы размещены по своим орудиям». «Нашим войскам был отдан приказ не сопротивляться, чтобы не навлечь на гражданское население новых неслыханных испытаний».

В ночь с 4-го на 5-е японцы выступили без предупреждения в нескольких частях города одновременно. Ни одного выстрела не раздалось с нашей стороны, как ни ждали этого японцы для оправдания их собственных действий. «К утру 1-й акт драмы был закончен и началось худшее: началась охота за большевиками и корейцами, охота, которая по своей жестокости превзошла все, что может представить себе самое пылкое воображение»*.

В эту ночь К. А. был схвачен на улице японским патрулем, брошен в подвал театра «Золотой Рог» вместе с другими схваченными случайно и неслучайно прохожими. Выяснение личности длилось несколько дней, ничего не дало японцам, а знавшие его товарищи не выдали. Отпущенный, он вскоре уехал в Шанхай.

Некоторое время он, Федор Ильяшенко (китаист) и кто-то третий в Шанхае в английской газете писали статьи и обзоры на английском языке о международной жизни, о положении в странах Востока и в Советском Союзе. В противовес многочисленным иностранным и белогвардейским газетам, искажавшим жизнь в нашей стране, деятельность советского правительства и его усилия наладить экономику в стране, перенесшей войну, интервенцию, голод и разруху, созданные ими, – они писали правду о стране Советов, разъясняли причины ее трудностей, говорили о тех реформах, что несут ее трудящимся лучшую жизнь, дорогу к просвещению и пролетарской солидарности. Такие статьи крайне нужны были в то время в потоке лжи и дезинформации о Советской стране**.

Во второй половине 1920 г. и в 1921 г. [работал] в Пекине, в РОСТА⁶⁹³, телеграфном агентстве,*** пресс-переводчиком вместе с Ф. Ильяшенко под руководством Ходорова.

Вот что писал М. Казанин, секретарь Миссии ДВР в Пекине:

«Я бы сказал, что душой русской колонии в то время были два хороших человека, работавших пресс-переводчиками у Ходорова, – Харнский и Ильяшенко. Оба

* Из статьи К. Х. «В ночь с 4 на 5 апреля» (сборник «Неравнодушные строчки»). – (Е. Г.-Х).

** Дело доходило до курьезов: так, в одной харбинской белогвардейской газете, в фельетоне о просвещении в Советском Союзе, или, как он назывался, в Совдепии (1920 г.), рассказано было о заседании в Наркомпросе по реформе просвещения и замене учебников. Это[т] памфлет изображал с насмешливо-издевательской иронией заседание коллегии Наркомпроса. Якобы заседали: кухарка, дворник, рабочий, полуграмотный крестьянин и т.п. Дело дошло до стихотворения «Птичка Божия». Название раскритиковали и заменили на «Птичка Марксова». Далее, обсуждая фразу за фразой, отредактировали: «Птичка Божия не знает ни заботы, ни труда, хлопотливо не свивает долговечного гнезда» шло: «Птичка Марксова все знает – и заботы, и труды, в автомОбиле летает – то туды, а то сюды». И дальше, в том же духе, изображая с комически-злой насмешливостью невежество большевиков. Если это было нелепо-смешно, то статьи о Советской России были полны извращений, заведомой злобной лжи, и с ними надо было бороться и средствами печати. – (Е. Г.-Х).

⁶⁹³ *На полях:* ДАЛЬТа.

*** РОСТА на Дальнем Востоке из политических соображений называли ДАЛЬТа. – (Е. Г.-Х).

бывшие офицеры, кристально честные люди, полностью пересмотревшие свои взгляды и безоговорочно связавшие свою судьбу с революционной Россией».

В 1921 г., 12 декабря, Миссию ДВР сменила Миссия Советского Союза. Одно время – при Погодине – К. А. был секретарем Миссии ДВР. Работал он на дипломатической работе недолго. Очень тяготился приемами, церемониями, визитами, смокингами и прочими дипломатическими атрибутами.

В Чите (1922 г.) попал в свою стихию – в журналистскую работу. Он редактирует газету «Дальневосточный путь», заведует Дальбюро печати при ЦК партии. Много пишет в газеты по международным вопросам в Тихоокеанском бассейне.

«К. А. как специалиста по Японии и знавшего хорошо Китай и Японию, приглашали на заседание комфракции Учредительного Собрания Дальневосточной Республики при разработке выступлений, проектов по вопросам взаимоотношений ДВР с Японией и Китаем, выносимых комфракцией на Пленарные заседания Учредительного Собрания. Консультации К. А. были весьма полезны и высоко ценились комфракцией»*.

К. А. принимал участие в политработе в частях Народно-Революционной Армии (НРА) ДВР, в организации пропаганды среди войск японских интервентов, оккупировавших тогда Приморье.

«В этот сложный и трудный период, когда наша партия вынуждена была для избежания войны с Японией временно воздержаться от советизации Дальнего Востока и учредить на его территории ДВ Республику, тов. Харнский проявил себя не только как крупный ученый, но и как активный политический деятель, поставивший свои научные знания на службу практическим задачам Дальневосточной парторганизации и политорганов Народно-Революционной Армии» (А. М. Климов на собрании в Институте народов Азии и Африки, 8.VI.1964 г.).

Кончилась гражданская война на Дальнем Востоке, принеся столько страданий, потерь и разрухи его населению. Много замечательных борцов и патриотов отдали свою жизнь за освобождение этого последнего оплота контрреволюции, позорно закончившего свой кровавый путь по стране бегством за границу.

Оставшимся предстояло начинать советизацию края, налаживать хозяйство, поднимать культуру и образование. Надо было браться за трудную работу, нужную Советской стране.

Как отголосок тех дней, передо мной лежит присланное мне в 1962 г. 22 октября – в день 40-й годовщины освобождения Приморья – письмо из Москвы от Бюро Дальневосточной секции Военно-научного общества. Товарищи, знавшие К. А., писали:

«Дорогой Константин Андреевич! Мы горячо поздравляем Вас – нашего боевого соратника – с 40-й годовщиной освобождения родного Приморья от интервентов и белогвардейцев и установления на Дальнем Востоке власти Советов. В годы гражданской войны вы активно боролись за торжество идей великого Ленина, и

* Из воспоминаний А. Т. Якимова на собрании в Институте народов Азии и Африки, 8.VI.1964 г. – (Е. Г.-Х).

в конечной победе над врагом есть доля совершенного Вами вместе с народом подвига. Примите от нас в этот торжественный день наши наилучшие пожелания.

Гор. Москва.

Бюро Дальневосточной секции Военно-научного общества».

...И в марте 1923 г. Наркомат Просвещения направил К. А. во Владивосток во вновь начавший работать уже Советский Государственный Дальневосточный Университет на Восточный факультет преподавателем.

1923 г., весна. После сложной и трудной жизни за границей и в Чите К. А. вновь оказался в любимом городе. Приморье – с его богатой, разнообразной природой, великолепным сочетанием гор, моря, живописных долин и хорошим климатом – он очень любил. За 14 лет (1923–1937 гг.) его ни разу не тянуло куда-либо, хотя были предложения работать в Японии (военным атташе), переехать в Москву; даже поездка в санаторий на Ковку не соблазняла.

Он считал, что самые красивые места в стране – это Приморье, горный Алтай и Кавказ.

Когда я вновь (после 3,5 лет) встретила с К. Х. – в апреле 1923 г., он с А[н-ной] Д[емьяновной] жил на квартире у М. В. Сибирцевой* в небольшой комнате, как всегда, очень скромно обставленной, но зато заполненной газетами, книгами, картами и справочниками.

Он готовился к чтению лекций в ГДУ и одновременно следил за текущими событиями в мире и особенно в Тихоокеанской его области.

Как истый газетчик (он любил это слово и употреблял его в отношении себя чаще, чем журналист, публицист), К. А. не мог не откликаться на все происходящее в Японии, Китае, в колонии Англии – Индии**. Он много писал в газете «Красное знамя», а потом продолжал в ней сотрудничать еще много лет (10 лет плюс 2 года в 1918–1920 гг., то есть 12 лет, внештатно). В это время он брал газеты (уже использованные) НКВД (Владивостокское представительство иностранных дел).

Секретарем и переводчицей с английского здесь работала Галина Александровна Кольчугина (в 1925 г. она в Китае стала женой В. Блюхера) и китаист Лев Григорьевич Кауфман. Оба образованные, хорошо знавшие Китай, молодые, остроумные и жизнерадостные товарищи.

Я в это время работала в школе (в здании бывшей Женской Министерской гимназии, или проще – «коричневой» гимназии, которую я закончила в 1919 г.).

Мы жили недалеко друг от друга – на Пушкинской улице, вблизи ДВГУ.

Лето 1923 г. мы провели вместе. После работы К. А. заходил ко мне в школу, мы с ним шли к Гале и Льву Григорьевичу, а дальше, как обычно, – по бывшей Светланской, ныне Ленинской, купаться, смотреть великолепные красочные закаты на Амурском Заливе. Возвращались поздно вечером, надышавшись морским воздухом, накупавшись, а иногда и покатавшись на лодке по заливу, стряхнув усталость дня, оживленные, веселые.

* Революционерка-коммунистка, сыновья которой – Игорь и Всеволод – погибли в борьбе за Советскую власть в Приморье. – (Е. Г.-Х).

** Об одной статье К. Х. (весна–лето) 1923 г. об Индии товарищи шутили: «Костя, ты наступил Британскому Леви на хвост» – очень она была неприятна английскому империализму. – (Е. Г.-Х).

К. А. с большой симпатией относился к Гале, а она – к нему. Тем не менее они всегда дружески пикировались, остроумно подшучивали друг над другом. Это и всегда интересные разговоры, связанные с работой, о Восточных странах делали эти встречи незабываемыми, а мне – неориенталисту – всегда поучительными и интересными.

ЦК профсоюзов летом 1923 г. под каждый выходной день (и на выходной) устраивал морские поездки в заливы и на острова Японского моря. Наша компания во всех участвовала. Очень много мы видели, насладились красотой моря и берегов.

К. А. очень любил такой вид отдыха, и позднее в каникулы (университетские) я ходила с ним по горам хребта Богатая Грива, что проходит вдоль полуострова Муравьева-Амурского, на оконечности которого стоит г. Владивосток.

Было странным, что К. А. всегда был с нами без А. Д. Я вспомнила, что о жизни в Японии А. Д. говорила: «Всегда была одна, он занимался своими иероглифами». По-видимому, внутренняя душевная отчужденность у них началась давно. Детей у А. Д. не могло быть, и всю свою любовь она сосредоточила на нем, да еще на бедных и больных, которые часто эксплуатировали эту ее сердобольность и немало мешали К. А. в работе. Очень она заботилась об его удобствах, о его питании, брала на себя все хлопоты по семейным делам и многим мелочам жизни и быта. Но все это делалось как-то утомительно-суетливо, и, видимо, ему не нравилось.

Она показала мне воспоминания артиста Мгеброва – бывшего юнкера Михайловского Артиллерийского училища, приехавшего с театром Комиссаржевской в Читу. Он писал: «Я встретил своего товарища по училищу – К. Харнского и побывал у него. Он жил в военном гарнизоне со своей молодой и преданной ему женой» и т.д. Преданность у нее была К. А. большая.

Но, прожив вместе 15 лет (с 1907 г.), они расстались. В июле 1923 г. К. А. развелся с А. Д.

Этому способствовала и Галина Александровна Кольчугина. В 1930 г. (или в 1932?) К. А. был на переподготовке высшего комсостава Дальневосточной Краснознаменной Армии в Хабаровске. Часто посещал семью В. Блюхера. У Галины Александровны Кольчугиной-Блюхер был уже сын, а семейная жизнь их стала разлагиваться. И К. А., приехав домой, сказал мне: «Галя помогала мне решиться на женитьбу на тебе, а мне пришлось помогать ей решиться на развод с Блюхером».

В лето 1923 г. и позднее К. А. к занятиям со студентами востфака готовился тщательно, было ему очень трудно, так как такого курса и программ к нему, который он наметил, в старом Восточном институте не было, курс истории был более похож на страноведение). Программы надо было создавать заново. Книги, пособия по курсу истории, экономики и политики Японии, Китая и Кореи, созданные на основе марксистского анализа, марксистской методологии только-только начали появляться. Надо было программный материал объяснять – историю и современное положение в странах Востока – методом марксистского анализа.

И здесь пришлось проявить большую усидчивость, настойчивость, трудолюбие и добросовестность к изучаемому материалу, так ограниченному в библиотеке ДВГУ.

Позднее написанные им лекции после тщательной переработки переросли в его книги: «Япония в прошлом и настоящем», «Китай с древнейших времен и до наших дней», изданных: первая – в 1926 г., вторая – в 1927 г.

Осенью 1923 г. я поступила на вновь открывшийся факультет – педагогический, отделение биологическое (историко-филологический факультет, на котором я проучилась 2 года, закрылся). Я была студенткой. А в мае 1924 г., когда родился сын Всеволод, стала и матерью, и женой, и хозяйкой дома.

*Всеволод Харнский (8 лет), сын Константина Андреевича
1932 г., август, Сад-город (26 верста близ Владивостока)
Сын снят со своим покровителем, моряком-кочегаром
(на обратной стороне фотографии надпись, сделанная рукой К. А. Харнского)*

Очень сложная была у меня роль, с очень трудными делами и заботами жизнь.

На 1-м курсе и у К. А., и у меня занятия были вечерними (с 5 ч. дня до 10-11 ч. вечера). Мы уходили вместе и приходили вместе, но часто после лекций я долго ждала его, так как он задерживался, окруженный студентами. Кому-то отвечал, кого-то выслушивал.

Его лекции, насыщенные множеством цифр, фактов и больших его знаний вопроса, образное изложение возбуждало мысль у студентов, интерес к предмету и желание узнать больше. Эти, так сказать, «внеклассные» лекции продолжались все время его работы в ДВГУ. Нередко он задерживался к обеду, так как разговоры, затронутые в лекциях, продолжались по пути домой (по ул. Суйфунской или как потом – по ул. Суханова и ул. Всеволода Сибирцева). Об этом вспоминал Р. Вяткин в своем выступлении на собрании 1964 г. в Институте народов Азии и Африки.

В работе он был очень нетребователен к обстановке; была бы отдельная комната, очень большой стол и даже не шкафы, а полки (так ему было удобнее). Любил работать ночью, считал, что самое плодотворное время для писания – с 9-ти часов вечера и до 3-х часов ночи. Днем он подбирал материал и обдумывал его.

Писал он без помарок⁶⁹⁴, без переписывания, мелким четким почерком, писал быстро, так же, как просматривал газеты и журналы. Раз в неделю он просматривал все иностранные газеты (на японском и английском языках) и журналы, а их было много. Отмечал цветными карандашами нужное, делал вырезки и из них – выписки в карточки, раскладывал по алфавиту и по темам (карточки, как справочник под рукой, помогали ему в работе).

Так была собрана картотека по Японии, Китаю и Корее. Она насчитывала, как помню, около 20 000 карточек.

Просматривая и прочитывая газеты, он говорил, что журналисту нужно иметь нюх разведчика, чтобы в массе написанного найти часто завуалированный смысл, а по небольшому факту или цифре увидеть большие явления и намечающиеся тенденции. Он им обладал вполне.

У меня есть письмо бывшего студента ДВГУ (1923–1924 гг.) – Я. Холодовича. У него сохранилась зачетная студенческая книжка ДВГУ. В них отмечены предметы 1 и 2 курсов. Так, в этот учебный год (1923–1924 гг.) К. А. читал:

– на 1 курсе:

- 1) История социально-экономического строя и общественных движений в Японии;
- 2) История социально-экономического строя и общественных движений в Китае.

– на 2 курсе:

- 1) Европейско-американская политика в Китае;
- 2) Современный политический строй в Японии;
- 3) Колониальная политика Японии;
- 4) Экономическая история Кореи.

За 14 лет преподавательской работы менялись названия курсов, но в основном все они были связаны с историей и современным положением стран – Японии, Китая, Кореи.

Рождение сына, который рос здоровым, красивым и смелым мальчиком, очень заметно влияло в К. А. энергию, бодрость и значительно способствовало его неутомимости в работе. Он отдавал ему все свободное время: много ему рисовал, читал, как говорил Всеволод, «на разные голоса». После он читал нам всем рассказы Чехова, очень выразительно («на разные голоса»), с мимикой и жестами (театрализованно). И ему это очень удавалось, а мы его награждали нашим смехом до слез. Это был «театр одного артиста», а часто – «театр одного зрителя».

Летом, на даче, он учил Всеволода плавать, делали вместе запруды на реке Седанке – «свой бассейн», в котором мы купались утром и вечером (жили у реки), а днем [ходили] к Заливу (Амурский). Ходили с ним в горы, а зимой «путешествовали» по географической карте. К 7 годам Всеволод хорошо знал географическую карту, моря и океаны особенно хорошо, много читал книг о путешествиях и фантастику.

Страстью Всеволода было море, он мечтал стать моряком и стал им в 1940 г., плывал на ледоколе «Каганович», а в 1942 г. участвовал в переходе каравана судов из Владивостока в Архангельск через Арктику с заходом в Америку за грузом для фронта.

В 1943 г. попал на фронт. Был радистом, артиллеристом. Освобождал Калининскую и Псковскую области. За взятие города Невеля его полк стал называться «Невельским Гвардейским Противотанковым полком»*.

Свои впечатления о нашей семье написал бывший студент ДВГУ, ныне доктор микробиологических** наук А. Е. Проценко. Он писал мне:

«Часто с другими студентами бывал в вашей семье, проводил интересные и приятные вечера. У меня даже сохранилась фотография группы студентов в твоей квартире. К. А. Харнский, насколько я помню, очень милый, приятный человек. Он любил быть в обществе студентов, не в рабочей обстановке. Студенты его любили, с ними он держался как друг, товарищ. В его обществе мы не чувствовали его как профессора, и, вместе с тем, относились к нему с большим уважением, даже студенты тех отделений, где он лекций не читал. Очень много он работал. Любил своего сына и жену. Ваша семья была очень дружной. Чувствовалась нежная любовь к семье.

2.IV.1981. Алеша»

Студенты в нашей семье бывали часто. Константин Андреевич чувствовал себя с ними просто, относился к таким приходам доброжелательно и, не стесняясь, мог уйти к себе в кабинет и продолжать работу в любое время.

В эти годы (1923–1927 гг.) и мы (биологи) занимались по бригадному методу. Бригада состояла из 5–7 человек и ей давали 1 пособие по предмету на всех. Собирались в моей отдельной комнате для занятий. Так готовились и перед зачетами и в течение слушания курса.

Занимались усидчиво 2–3 часа подряд с перерывами, во время которых выходили в столовую, всегда оживленные, шумные, веселые. Часто в такое время выходил и К. А. из своего кабинета, чтобы покурить и с удовольствием побалагурить и пошутить с задорными молодыми моими подругами.

Приходили студенты и к нему. Это были всегда серьезные и деловые востфалковцы или б. [бывшие] студенты, приехавшие из командировок, чтобы поделиться впечатлениями о пребывании за границей, о своих занятиях там.

К. А. был вежливым, мягким и очень доброжелательно относился к людям.

Со студентами у него всегда устанавливались самые простые и дружеские отношения. Зоя Алексеевна Дубнова говорила: «между собой мы называли его "Костя Харнский", а некоторые студенты – "дядя Костя"».

Часто они доверяли и поверяли ему свои трудные жизненные ситуации и любовные тайны. Тайны он умел хранить. Так, только после 3 лет, прошедших после

* На полях: Всеволод Харнский погиб 22.XII.1943 г. в Невельском районе Псковской области по дороге на Белоруссию в бою с танками

** Небольшая неточность – доктор биологических наук. Специализацией А. Е. Проценко была микробиология. – (Прим. ред.)

⁶⁹⁴ На полях: и по-английски.

сложной и неудачной любви одного студента к студентке, когда все давно минуло и студент в новой любви нашел счастье – он рассказал мне об этом случае.

Помню, как студент востфака Михаил Рудман колебался: уйти ему на литфак (в Москву) или остаться восточником. И читал К. А. свои стихи по дороге из университета домой. К. А. задерживался, но всегда внимательно слушал и давал ему советы.

Были случаи, когда он помогал некоторым материально – к нему с такой просьбой могли обратиться. Так, б. [бывший] студент ГДУ, доктор биологических наук Александр Саверкин в 1973 г. писал мне:

«О тебе во всем пережитом имеются только хорошие воспоминания. Хорошо известны твои с Константином Андреевичем прекрасные отношения и помощь, кому это в то время была (в студенческие годы) нужна, немалая. Живы они в памяти у многих».

Здесь он, видимо, имел в виду то, что студентки, не получавшие стипендию или помощь из дома, часто жили у нас в моей комнате для занятий, до лучшего времени (конечно, никому и в голову не приходило брать за комнату деньги).

К. А. тяжело переживал детское сиротство и беспризорность. Те беспризорники, которых он приводил к нам в дом, жили у нас, а потом он их устраивал, судьбу одного из них – Сережи Артюхина – знаю. Он жил у нас дольше всех, ходил в школу, поехал в Шмаковку в сельскохозяйственную школу (что-то вроде ПТУ на базе хозяйства Шмаковского монастыря). [О]кончил его, работал счетоводом в колхозе и позже – председателем колхоза.

Когда вышли работы К. Х. о Японии и Китае (одна – в 1926 г., вторая – в 1927 г.), он вполне мог получить научную степень. Но он никогда не стремился к научным званиям и степеням. Деканат востфака не раз напоминал ему об этом и, в конце концов, в 1936 г. самостоятельно подал заявку в [неразборчиво] о присуждении ему степени без защиты диссертации.

Не пользовался он никогда никакими привилегиями, которые в 30-е годы были введены для партактива (столовые, закрытые распределители, поликлиника, дом отдыха и пр.). А в эти годы (30-е) он особенно много работал для агитационно-пропагандистского отдела Обкома и Горкома. Он много читал лекций по международному положению (с упором на положение на Дальнем Востоке) в воинских частях, морякам военного флота, как комсоставу, так и рядовым, выступал в профсоюзах и т.д. И только когда у сына начался туберкулез и врач потребовала улучшить питание, увезти его из города, – он обратился в обком. Там были удивлены, что до сих пор он не пользовался такой возможностью.

Мы были прикреплены к распределителю, но недолго: как только наступило улучшение, К. А. не пошел на очередную перерегистрацию – и мы не стали получать дополнительного питания, выбыли.

Кажется, в 1929 г. К. А. написал большой очерк «Живущие в миллионлетию». Литературно-философская попытка разобраться в истинно нравственной ценности человека и проблеме его жизни в вечности: в делах, в мыслях, в поступках других. Он этот очерк любил, но никогда не пытался его напечатать. Проф. Спальвин (японист), прочтя, был восхищен им.

К. А. в детстве и [в] юношеские годы (кадетский корпус, юнкерское артиллерийское училище) получил хорошую спортивную закалку, был очень вынослив, за 14 лет нашей совместной жизни болел (недолго и нетяжело) только раз. Осенью он не бросал купания в море, а продолжал его до морозов, вернее, до замерзания залива. Ходил в купальню Ковнацкого (ул. Набережная), плавал лед, а он купался. Но однажды простудился... дома в комнате у открытого окна, когда принимал раздетый воздушные ванны при морозе -20°C . Так закончилась его попытка стать «моржом».

Была у него еще одна способность – укрощать самых страшных пьяных буйнов. Во дворе нашего домоуправления было два таких типа. Один из них – наш сосед – два раза в месяц дико напивался и устраивал дома погром. И только К. А. мог его очень быстро успокоить, усмирить и сделать очень мирным и добрым, притом совершенно без ругани, борьбы с ним, без усилий. Другой, более страшный, бегавший с ножом за женой, в очень короткое время шел с К. А., мирно беседуя, домой и извинялся перед женой. Просто магически он действовал на них.

После 4-х лекций и работы в комнате новинок библиотеки, усталый и голодный, он мог 2–3 часа своего времени уделить незнакомой женщине с ребенком и узлом вещей – помочь ей дойти с вокзала в Рабочую слободку, поднимаясь все время в горы (по Суйфунской, Нагорной и дальше). В наш двор приходили за водой из окрестных домов, и К. А. без всяких просьб забирал у старых женщин ведра и относил их до дома. Это не было как-то неискренне, игрой в демократичность. Это была у него естественная потребность помочь слабым.

Я вспоминаю еще одну его черту – принципиальность. Он не боялся остаться один, отстаивая свои взгляды, его не останавливали ни авторитеты, ни обвинения: в отсталости взглядов, в несвоевременности и даже в контрреволюционном подходе к вопросу. Так было в ДВГУ в конце 20-х годов. Устраивались студенческие вечера, пели, читали стихи и рассказы, выступал хор, но не танцевали. В стенгазетах факультета писали, что танцы – буржуазный, старорежимный пережиток, пролетарскому студенчеству они не нужны. Они вредны, не соответствуют марксистским взглядам на культуру и т.д. Развернулась дискуссия по этому вопросу, перешла она на страницы газеты «Красное знамя». Константин Андреевич был против такого категорического осуждения танцев и их запрета, что он и изложил в большой статье о культуре [Вопросы культуры. Искусство и массы: (в порядке обсуждения) // Красное знамя. – 1923. – 16 дек., № 1005 (287).]

Помню, как на него обрушились противники танцев во главе с Пашкевичем (преподавателем общественно-политических дисциплин). Клевали его, обзывали, но он не сдался. И вот прошло немного времени, и в ДВГУ затанцевали, как и везде. А история с латинизацией китайской письменности? К. А. тоже был один в борьбе за иероглифическую письменность для китайцев. Латинизацию поддерживала очень сильная группа во главе с академиком Алексеевым. И так же жизнь доказала, что эта процедура была и ненужной, и дорогостоящей.

Е. Р. Громаковская-Харнская
1984 г., 15. III
г. Волгодонск

**Стихотворение, которое любил К. А. Харнский.
Автор – Н. Гумилев**

Об Адонисе с лунной красотой,
О Гиацинте тонком, о Нарциссе,
И о Данае, туче золотой,
Еще грустят Аттические выси.

Грустят валы ямбических морей,
И журавлей кочующие стаи,
И пальма, о которой Одиссей
Рассказывал смущенной Навзикае.

Печальный мир не очаруют вновь
Ни кудри душные, ни взор призывный,
Ни лепестки горячих губ, ни кровь,
Стучавшая торжественно и дивно.

Правдива смерть, а жизнь бормочет ложь.
И ты, о нежная, чье имя – пенье,
Чье тело – музыка, и ты идешь
На беспощадное исчезновенье.

Но, мне, увы, неведомы слова –
Землетрясения, громы, водопады,
Чтоб и по смерти ты была жива,
Как юноши и девушки Эллады.

P. S.

Искусство «Икебана» он знал и воочию был с ним знаком. В 1912–1914 гг. мог видеть его во время командировки в Японию.

Однажды, когда я приехала домой на 2 – 3 дня (заболел Всеволод) из экспедиции, – К. А. убрал квартиру и украсил ее композициями типа «икебана».

Одна меня восхитила своей простотой, скромностью средств выражения и четкостью линий: эта была узкая, небольшая прозрачная вазочка с... листьями подорожника и его соцветием (колоском с сиреневыми пыльниками). Кто бы увидел в этом сорняке его прелесть? Для меня это было открытием в нем такого вкуса и чувства красоты.

⁶⁹⁵ Сноска, сделанная Е. Р. Громаковской-Харнской, расставлена нами по тексту рукописи. – (Прим. ред.).

**Дополнительные материалы
из записей Е. Р. Громаковской (Харнской)**

Биография К. Харнского

*Елена Романовна
Громаковская (Харнская)
(вторая жена К. Харнского)*

Его 1-й жене Анне Демьяновне

*К. Х. и я (с 1919 г. по 1937 год)
1919–1923 гг.*

Хронологические даты жизни и работы Харнского Константина Андреевича
1884 г. 30 мая (12 июня) – родился в семье военного в местечке Кальвария (Литва).
1892 г. – поступил в кадетский корпус.
1901 г. – поступил в Михайловское артиллерийское училище.
1905 г. – закончил училище.
1905–1909 гг. – военная служба в тяжелой осадной артиллерии в Либаве, Ковно, Чите.
1909–1912 гг. – учился в Восточном Институте г. Владивостока.
1912–1914 гг. – командировка в Японию.
1915–1916 гг. – на фронте Первой Империалистической войны (капитан, командир батареи).
1916–1918 гг. – в г. Хабаровске после тяжелого ранения. Работал в информотделе штаба военного округа. Встретил Февральскую и Октябрьскую революцию. Примкнул к большевистской группе солдат, участвовал в армейской печати, отстаивая Советскую власть.
1918–1920 гг. – во Владивостоке. Вступил в 1920 г. в партию. Стал членом партии ВКП(б). Участвовал в легальной и подпольной большевистской печати в период гражданской войны и интервенции.
1920–1921 гг. – пресс-атташе Дальневосточной Республики (ДВР). Секретарь миссии ДВР при полпреде Погодине. Участвовал в выпуске газеты «Новая Россия» на английском языке (в г. Шанхае).
1922–1923 гг. – в Чите, в ДВР. Заведующий Дальбюро печати при ЦК партии (РКП). Редактор газеты «Дальневосточный путь». Помогал политуправлению армии, Народному собранию ДВР в вопросах взаимоотношений с Японией.
1926–1937 гг. – во Владивостоке. В Дальневосточном государственном университете (ДВГУ). Заведовал кафедрой «Экономика и политика стран Тихоокеанского бассейна». Одновременно политический обозреватель по Японии и Китаю в газете «Красное знамя».

1931–1932 гг. – сотрудник Дальневосточного филиала Академии наук СССР.

Умер в 1940 году*.

Март 1984 года

По обобщенным данным, главным образом по материалам жены К. А. Харнского – Громаковской Елены Романовны

О журналистской работе К. А. Харнского (1884–1940 гг).

Составила Е. Р. Громаковская-Харнская

1984 г., апрель

К. Харнский родился в 1884 г. в семье военного. В 1905 г. окончил Михайловское артиллерийское училище, где получил основательные знания [по] химии, физике, математике и языкам (французскому, немецкому).

В 1912 г. окончил Японское отделение Института восточных языков в г. Владивостоке, овладев японским и английским языками и изучив историю Дальневосточных стран.

В 1912–1914 гг. находился в научной командировке в Японии для совершенствования в языке и в углубленного изучения истории и современного положения страны.

С начала 1-й Империалистической войны был командиром батареи тяжелой артиллерии на германском фронте. После ранения и контузии в голову (конец 1916 г.) был отправлен на лечение в г. Хабаровск, где позже стал работать в газете Военного округа (видимо, в информационном отделе по Японии). К тому времени относятся его статьи (обзор печати) в сборнике «Япония и Китай» за 1916–1918 гг. о Японии, Корее и др., иногда подписанные «капитан Харнский» (см. «Перечень статей К. Харнского за 1917–1930 гг., кроме «Красного знамени»).

С первых же дней революции он примкнул к военной организации большевиков, так как еще в артиллерийском училище, а по окончании его – в крепости Ковно – участвовал в военно-революционных подпольных кружках, знаком был с марксистской литературой.

В воинских частях Хабаровского гарнизона, охваченного, как и всюду в России, волной революционного подъема, бурлили политические страсти, шла борьба за влияние разных партий на солдатские массы. К. А. Харнский пишет в военных газетах; на собраниях, митингах солдат он помогает писать резолюции и воззвания в защиту советской власти. В это время он был выдвинут в Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов от Хабаровского гарнизона.

С 1919 г. во Владивостоке (по 1920 г.) – в период гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке – он в легальной и нелегальной печати тех лет в своих статьях раскрывает политические и военные замыслы японских и американских интервентов на Дальнем Востоке, противоречия в их лагере и события, происходящие в этих странах**.

* В 1937 г. 30.VIII. незаконно арестован (в период культа личности Сталина) и незаконно осужден как враг народа. Погиб в лагере. В 1957 г. посмертно реабилитирован, восстановлен в партии. – (Е. Г.-Х.).

** О журналистской работе К. Х. см.: 1) работу Е. Бреслав «Большевистская печать 1918–1922 гг.» ([Владивосток]: Кн. дело, 1958); 2) доклад К. Серова на съезде историков 27–29.IX.1966 г. в Хабаровске «Идеологическая борьба средствами печати на [Дальнем Востоке]»; 3) статью в сборнике «За Советскую власть» «Ученый и революционер», 1982. – (Е. Г.-Х.).

Это было очень нужно в тот период, когда много газет других партий, газет прояпонских и проамериканских клеветали на большевиков, на партизанское движение в защиту своих национальных прав и стремление защитить единственную в мире страну Советов. Эти газеты, выпускаемые многими тиражами, дезинформировали население, запугивали его.

Многие журналисты подвижнически работали в этих условиях гонения на большевистскую печать; когда газеты закрывались, сотрудники преследовались. После казненного переворота (чешского, японского, меркуловского) газеты уходили в подполье, и К. Харнскому часто с большим трудом приходилось искать новые связи с газетой.

После Японского переворота 4–5 апреля 1920 г. Константин Андреевич в Китае (Пекин) работает в Агентстве РОСТА (ДАЛЬТА) переводчиком, участвует в выпуске газеты «Новая Россия» в г. Шанхае на английском языке.

После разгрома белых генералов в Сибири, Забайкалье и Приморье их уцелевшие войска хлынули через границы Монголии, Маньчжурии и Приморья в Китай. В Харбине, Шанхае, Пекине и др. много было бежавших сюда белогвардейцев. Они выпускали свои газеты, сотрудничали в иностранных.

Такая газета, как «Новая Россия», крайне нужна была в тех условиях, и в ней работали такие знающие и опытные журналисты-международники, как Ф. Ильшешенко и К. Харнский.

Некоторое время в г. Пекине К. Харнский был первым секретарем Миссии ДВР (1921 г. – полпред Погодин В. Л.).

В 1922 г. в Чите (ДВР) работает в Дальбюро печати ЦК партии, сотрудничает в газете «Дальневосточный путь», в сборнике ЦК РКП «Наш путь».

В это время его часто приглашали на заседания Комфракции, Учредительного Собрания ДВР в качестве консультанта при разработке выступлений и проектов постановлений по вопросам взаимоотношений ДВР с Японией и Китаем.

Помогал он и Политическому управлению Нарревармии ДВР в вопросах политработы в частях НРА и особенно в организации пропаганды среди войск японских интервентов.

С апреля 1923 г. по путевке Наркомпроса его направили во Владивосток на Восточный факультет ДВГУ. С 1923 по 1937 гг. он читал студентам лекции о Японии, Китае, Корее. С его участием были осуществлены 13 выпусков советских востоковедов и написаны работы по Японии и Корее.

Как бы он ни был занят научной и педагогической работой, он постоянно следил за прессой Дальневосточных стран, просматривал систематически газеты на английском и японском языках (из Японии, Кореи, Америки и Англии) и немедленно отзывался на всю эту массу сообщений, телеграмм, заметок статьями, которые помещал в газету «Красное знамя». В этой газете, с которой он был связан еще в период гражданской войны, он проработал (внештатным корреспондентом) с 1925 по 1930 год.

За семь лет он поместил (по неполным данным) около 300 статей. Оценить его труд как журналиста в то уже мирное время можно только в специальной работе.

Загруженный преподавательской и научной работой (книги о Корее, Японии, Китае), он следил за всеми событиями на Дальнем Востоке. Боевой темперамент журналиста-газетчика, как он любил себя называть, не позволял ему оставаться

холодным наблюдателем. Он немедленно отзывался на них статьями, в которых глубокое знание общей истории и истории стран Востока сочеталось с хорошей осведомленностью о современном положении в них и марксистским анализом.

В статьях, которые держали советского читателя в курсе всех главнейших событий на Востоке, он не только описывал и объяснял, но и часто предугадывал их дальнейшее направление.

Так, еще в 1929 г. в статье об Индии о столетнем ограблении ее Англией, приводящем к упадку ремесел, сельского хозяйства, культуры, к обнищанию страны – по отдельным явлениям общественной жизни индийского народа он тогда уже видел надвигающуюся бурю, которая разорвет цепи векового колониального гнета. Он говорил о начале конца Британской империи, о наметившемся отходе от нее доминьонов, о вытеснении американским капиталом Британии из Малой Азии, Канады и др.

Много статей посвящено им революции 1925–1927 гг. в Китае. Сочувствие борьбе китайского народа, радость его успехам всегда жили в его сердце вместе с горячим желанием видеть Китай свободным от империалистической зависимости и внутренней реакции, свободно строящим свое новое государство.

1957 г.

Е. Громаковская (Харнская)

Высказывания о журналистской работе К. А. Харнского

Кандидат исторических наук Г. И. Подпалова:

«У К. Харнского было редкое сочетание талантливого публициста, без промедления откликавшегося на изменения международной обстановки, и вдумчивого исследователя».

Владимир В[ейс], бывший студент Института журналистики в Москве, говорил, что «статьи Харнского изучались в Институте как образец публицистики по международным вопросам на Дальнем Востоке».

В Хабаровске 29 сентября 1966 г. на съезде историков академик А. П. Окладников в своем высказывании о К. Харнском назвал его «блестящим публицистом, крупнейшим в наше время знатоком политической жизни Восточной Азии, выдающимся востоковедом».

В своих статьях он подписывался:

Капитан Харнский (1916 г.)

К. Харнский

К. Х.

К.

Х.

Андреевич.

Перечень статей с 1916 по 1930 гг. в разных газетах и журналах сделала Софья Васильевна Магалиф в Москве, в библиотеке им. Ленина. Один она послала мне, другой – Вам* (с ее слов). Перечень статей из газеты «Красное знамя» за 1923 – 1933 год сделан ею и там же. Тоже послан и Вам.

* Анне Демьяновне – (Прим. ред.).

Стиль изложения К. А. Харнского очень простой и ясный.

Он не любил «заумного» изложения, злоупотребления научными терминами и иностранными словами. Не любил витиеватости, а у историков – «гробоконпания».

Статьи К. А. изучали в Институте журналистики в Москве в 30-х годах как образец изложения международной политики на Дальнем Востоке. Об этом рассказал ему [К. А. Харнскому] бывший студент Востфака ДВГУ Владимир В[ейс], перешедший в Институт журналистики в Москву во время его посещения Владивостока (приезжал к родным в 1925–1927 гг.)».

Из журнала «Народы Азии и Африки» № 2 за 1964 год, в конце книги, стр. 227–228 – «Personalia» – статья профессора Лен[инградского] Университета Ефимова Г. В. «Константин Андреевич Харнский (к 80-летию со дня рождения)».

Восточный Институт во Владивостоке окончил в 1912 г. После двух лет пребывания в командировке в Японию был призван в армию и послан на фронт 1-й Империалистической войны. С 1914 по 1916 г. был командиром батареи дальноточных крепостных орудий. После ранения и контузии послан на лечение в Хабаровск. Февральскую революцию и Октябрьскую он встретил в Хабаровске как капитан Штаба Приамурского военного округа.

С первых же дней он примкнул к военной организации большевиков. Как он считал, его журналистская деятельность началась в этот период с писания резолюций и воззваний к солдатам гарнизона за поддержку Советской власти на собраниях и митингах солдат Хабаровска, участия в армейской печати.

Журналистику по вопросам международного положения в бассейне Тихого океана он продвигал все время, хотя главной его работой с 1923 г. было преподавание в ДВГУ и писание работ о Японии, Китае и Корее (изданных в 1926, 1927 гг. и оставшейся в рукописи «Корея» – 1936 г.).

Но, видимо, журналистская его деятельность началась в 1917 г., так как в сборнике «Китай и Япония» напечатаны его статьи в № 264-269, 256-268-263, 13 статей и 2 перевода статей (из них 5 с подписью – «Капитан Харнский»).

В 1919–1920-х гг., во время гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке, во Владивостоке писал в легальных и нелегальных большевистских газетах.

О журналистской деятельности К. Харнского

Библиотека им. Ленина. Москва, 1969 г. Перечень статей, очерков из газет и журналов 1917–1930 г. К. А. Харнского.

1) В этот период написана работа Е. Бреслав «Большевицкая печать Приморья», 1918–1930 г., Изд. Кн. дело, [195 с.]

2) В докладе К. Серова (Вторая гражданская война и большевистское подполье) на съезде историков 27–29.IX.1966 г. в Хабаровске – «Идеологическая борьба средствами печати в период гражданской войны на Дальнем Востоке». Где он называет его «блестящий журналист», «талантливый публицист», «неутомимый сотрудник Красного знамени».

3) В статье К. Серова и З. Секретаревой «Революционер и ученый» в сборнике «За Советскую власть». Владивосток, 1982*.

В 1920–1921 гг. Харнский работал в Пекине пресс-переводчиком в агентстве ДАЛБТА (РОСТА), участвовал в выпуске газеты «Новая Россия» на английском языке в Шанхае.

В 1922 г. в Чите сотрудничал в газете «Дальневосточный путь» и был одно время ее редактором. В этом же году заведовал Бюро печати Дальбюро ЦК партии. С апреля 1923 г. и по 1930 г. был бессменным внештатным сотрудником газеты «Красное знамя» Владивостока. Им написано много статей о Японии, Китае, Корее и международном положении в странах Тихоокеанского Бассейна.

Его статьи на протяжении 20–30-х гг. на страницах газет освещали события в соседних дальневосточных странах – Японии, Китае, Корее и политику Америки и Англии с позиции марксистского анализа. За 10 лет им было написано около 300 статей.

Е. Громаковская

О журналистской работе К. Харнского

К. А. Харнский окончил в 1912 г. Восточный Институт в г. Владивостоке. После двух лет пребывания в научной командировке в Японии был призван в армию и послан на фронт 1-й Империалистической войны. С 1914 по 1916 г. был командиром батареи дальноточных крепостных орудий (тяжелой дивизии).

После ранения и контузии был послан на лечение в Хабаровск. Февральскую революцию и Октябрьскую он встретил в Хабаровске как капитан Штаба Приамурского военного округа. Как востоковед работал в отделе информации по странам Дальнего Востока.

С первых же дней революции примкнул к военной организации большевиков.

Бюллетень О-ва Востоковедения. – Владивосток, 1929. – № 1–2. – С. 59–60: ссылка на статьи, в том числе и К. Харнского (стр. 59) «Смысл изучения истории Китая» в газете «Тихоокеанская Звезда» от 1/III 1928 г., приведены тезисы К. Харнского и Витфогеля.

Там же, с. 62: Китай с древнейших времен и до наших дней. Владивосток: Изд. «Книжное Дело», 1927. 440 с. – об этом труде – 5 строк.

Там же, с. 65: о книге К. А. Харнского «Япония в прошлом и настоящем». Владивосток: Изд. О-ва «Книжное Дело», 1926. 411 с. – 5 строк о книге.

Там же, с. 67, в скобках: (К. Харнский и К. Радек), как авторы, пробуждающие интерес к истории Востока.

* Небольшая неточность. Речь идет о сборнике: За Советский Дальний Восток. Т. 2: [сб. воспом.: в 2 т.] / [подготов. Ин-том истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР и бюро Дальневост. секции ист.-лит. объединения старых большевиков при Ин-те марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; под общ. ред. А. И. Крушанова; сост. Б. И. Мухачев, М. М. Свиридова]. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1982. 352 с. См.: <http://www.knigakamchatka.ru/kamchatskie-vospominaniya-dnevniki/kamchatskie-vospominaniya-dnevniki/za-sovetskii-dalnii-vostok-sbornik-vospominanii.html> (дата обращения 11.02.2014). – (Прим. ред.).

О съезде востоковедов.

№ 1-2, 1929, с. 85. Избрание К. А. Харнского представителем правления О-ва Востоковедения на Всесоюзном съезде востоковедов в Харькове 2 июня [1929 г. – прим. ред.]*.

«Научные новости Дальнего Востока». Владивосток, 1929. № 7-8. С. 13–17. «Место истории Востока в истории человечества» К. А. Харнский (составлено по тезисам доклада в Обществе Воинствующего материализма, прочитанного Харнским).

«Новый Дальний Восток», бюллетень, 1923 г., Владивосток, № 6-9, с. (полоса) 77. ВНАВ (обмен телеграммами) в Москву – Председателю Всероссийской Научной Ассоциации востоковедов. Подписи: проф. Гребенщиков, секретарь Харнский.

Там же, на с. (полосе) 81-82: Харнский К. «Единый фронт буржуазии».

«Новый Дальний Восток», 1923 г., № 10–11. С. 149–150. Краткое резюме Председателя Дальвоста проф. А. В. Гребенщикова к положениям докладчика К. А. Харнского.

С. 171–172. «В первом заседании Правления 4 марта был заслушан обстоятельный доклад К. А. Харнского «О плане работы Дальвоста» на ближайшие 6 месяцев.

«Дальневосточный путь», г. Чита, 1923 г. 16/I, № 19. IV полоса. «В дальневосточном отделе ВНАВ»: «... в прениях, затянувшихся на три часа, приняли участие П. А. Кобозев, Адамчик, Сизов, Харнский, Гершевич и проф. Петров».

«Рабочий путь», г. Хабаровск, 1926 г. № 2, с. 10–11: «О будущем китайской индустрии» К. Харнский. Впереди от редакции: «После того, как мы прекратили дискуссию по вопросу будущего китайской индустрии, редакцией получена ценная статья профессора Харнского...».

Япония в прошлом и настоящем. Владивосток: Кн. дело, 1926. 411 с. – Рецензии: 1) Печать революции. М., 1927, № 3, с. 174–176 (А. Бонч-Осмоловский); 2) Новый Восток. М., 1926, Кн. 15, с. 333–334 (О. Плетнер); 3) Международная жизнь. М., 1927, № 5, с. 89–90 (А. Фениксов).

Китай с древнейших времен до наших дней. Хабаровск; Владивосток: Кн. дело, 1927. 440 с. – Рецензии: 1) Новый Восток. М., 1928. Кн. 20–21, с. 449–451 (Р. М. Ким); 2) Историк-марксист. М., 1927, № 6, с. 294–295 (Рейхберг); статья В. Н. Никифорова «Первый марксистский очерк Китая» // Докл. АН СССР. – 1965. – № 23.

[Корея. [1936]. – 800 с. – [1931–1936 гг. – написание, отпечатано 800 с.]. Один экземпляр рукописи был послан автором на рецензию в Ленинград, кажется, в Восточный Институт. Один экземпляр в начале 1937 г. (весной) вернулся к автору с положительной рецензией. К ней прилагалось письмо академика Н. Конрада. Он предлагал печатать «Корею» в Ленинграде, приехать в научную командировку, чтобы редактировать печатание.

* Съезд проходил в Харькове 4–5 ноября 1929 г. «...Постановлением этого же съезда ВУНАВ была закрыта как организация буржуазная, идеологически враждебная советской власти и т. п. Политика партии, направленная на вытеснение «старой» и создание новой «пролетарской» науки, проводилась и в союзных центрах. Итак, вместо ВУНАВ должна была быть создана новая ассоциация воинствующих востоковедов-марксистов». См.: Цыганкова Э. Г. Очерк истории востоковедческих учреждений. URL: <http://bo0k.net/index.php?p=achapter&bid=12956&chapter=1> (дата обращения 11.02.2014). – (Прим. ред.)

[Второй] экземпляр был послан в Москву, в Институт международных отношений (Г. Войтинскому). Он в 1937 г. не вернулся, и до сих пор неизвестно, где он находится. О том, что он был в Москве, подтверждали ученые Ванцвейг В. К., Ваганов, Пашков Б.

«История колониального захвата Тихоокеанских стран». Начата в 1930 г., написана наполовину. Осталась в рукописи.

Картотека по вопросам экономики, политики, науки и культуры современной Японии и Китае (с 1923 по 1937 гг.).

Статья (очерк) «Живущие в миллионелетиях» (о людях, сделавших для людей, для человечества что-то ценное, хорошее, подвиг, мужество – и оставивших след в жизни людей). Статья написана в очень приподнято-взволнованном и восторженном стиле. Осталась в рукописи.

Начат роман (фантастика) о человеке, замороженном в начале 20 века и оживленным в конце 22 века (?). Жизнь, наука, техника, общественные отношения этого времени, мироощущения оживленного человека. Рукопись.

1944 г. Апрель

Составила Е. Р. Громаковская-Харнская.
г. [Волгодонск].

В «Библиографии Китая»⁶⁹⁶ Изд. «Восточная литература», 1960, 1302, раздел 2, с. 63 имеются упоминания о книге «Китай с древнейших времен и до наших дней».

В «Биобиблиографическом словаре советских востоковедов»⁶⁹⁷. М., 1975 г., с. 582, имеются упоминания о работах К. Харнского.

В Советской исторической энциклопедии. М., 1974. Т. 15. С. 133.

А также упоминания о нем и его трудах имеются в статьях советских ученых: член-кор. АН СССР Сладковского М., доктора исторических наук Никифорова В. Н. и других.

1984 г.

Е. Р. Громаковская (Харнская)
г. Волгодонск Ростовской области.

Биобиблиографический материал*

1. Восточная студия. Владивосток, 1924, № 6, серия 1, октябрь. С. 36.

2. Наука и научные работники СССР. Ч. 6. Научные работники без Москвы и Ленинграда. Л., 1928. С. 453.

3. ... Кроме того, К. А Харнский в 1933–1936 гг. написал большую работу «Корея». Рукопись имела 800 машинописных страниц. Один экземпляр рукописи был послан в Ленинград в Восточный Институт. В начале 1937 г. рукопись с рецензи-

⁶⁹⁶ Скачков П. Е. Библиография Китая. М.: Вост. лит., 1960. 691 с. – (Прим. ред.).

⁶⁹⁷ См.: Милибанд, С. Д. Биобиблиографический словарь советских востоковедов / С[офия] Д[авидовна] Милибанд; отв. ред. А. И. Бендик. М.: [Наука]. Гл. ред. вост. лит., 1975. 732 с. – (Прим. ред.).

* Библиографический материал представлен выборочно. Почерк не Е. Р. Громаковской-Харнской. – (Прим. ред.).

ями и хорошими оценками была получена. К ней прилагалось письмо за подписью академика Конрада, с предложениями печатать книгу «Корея» в Ленинграде, и приехать в научную командировку.

Второй экземпляр рукописи был послан в Институт Международных отношений в Москве. Он не был возвращен. Но его видели ученые Ванцевич В. Г. и Ваганов.

4. «История колониального захвата Тихоокеанских стран» – осталась в неоконченной рукописи и погибла в 1937 г. (после ареста К. Х. вывезена в НКВД).

[Красное знамя. 1924. 16 марта, № 1079 (63)] – Н. Пашкевич «Пролетарский быт или нэпобыт», С. Расторгуев «О быте»; Красное знамя 23 марта 1924 г. – Я. Цитович – ответы на статью К. Харнского⁶⁹⁸.

[С 20 июля] по 1 октября в «Красном знамени» статей не было.

Примечание: 1923 г.

1923 г. За IV, V, VI, VII, VIII, IX, X, XI – нет здесь ни одной статьи, а их было не менее, чем в 1924 и 1925 гг.*

Елена Романовна Громаковская-Харнская (Качаева)
с сыном Всеволодом (приблизительно 1927–1928 г.)

⁶⁹⁸ Еще о быте // Красное знамя. 1924. 9 марта, № 1074. – (Прим. ред.).

* Дописано Е. Громаковской-Харнской. – (Прим. ред.).

Список работ Константина Андреевича Харнского

Составители: С. В. Магалиф, Т. В. Поликарпова

Список работ Константина Андреевича Харнского составлен на основе всех доступных нам источников, в том числе архивных материалов. Мы предполагаем, что очень малая часть работ не была найдена по объективным обстоятельствам. Работы располагаются в хронологической последовательности. Работы, не сверенные составителями *de visu* или имеющие разночтения в источниках, отмечены знаком «*». Примечания выполнены Т. В. Поликарповой с использованием записей С. В. Магалиф.

Ключевые слова: библиографический указатель работ К. А. Харнского, список трудов по востоковедению, дальневосточная публицистика, Харнский К. А.

Konstantin A. Kharnsky: List of works

S. V. Magalif, T. V. Polikarpova (Compilers)

A list of works by Konstantin A. Kharnsky, compiled on the basis of all available sources, including archive materials. We assume that only a very small part of Kharnsky's publications have escaped inclusion in this list due to objective circumstances. Works are arranged in chronological order. Works we were unable to visually confirm have been marked with «*». Notes by S. Magalif and T. Polikarpova.

Keywords: K. A. Kharnsky's bibliography, Oriental studies list of works, Far Eastern Russia's journalism, Kharnsky K. A.

1906

1. * Сельское хозяйство в Японии // Вестн. финансов, промышленности и торговли. – 1906. – № 40.

1917

2. Буддизм и христианство / пер. К. Харнского // Китай и Япония. – Хабаровск, 1917. – № 256/257. – С. 45.

3. Внутренняя жизнь // Китай и Япония. – Хабаровск, 1917. – № 256/257. – С. 13–38.

4. Вооруженные силы (с территориальными и цифровыми данными) // Китай и Япония. – Хабаровск, 1917. – № 256/257. – С. 1–12.

5. Китай под угрозой гражданской войны // Китай и Япония. – Хабаровск, 1917. – № 256/257. – С. 38–40.

6. Маньчжурия. Внешняя Монголия // Китай и Япония. – Хабаровск, 1917. – № 256/257. – С. 68–71.

7. Внешние отношения. Общие замечания : Отчего Япония ищет дружбы Америки? / пер. К. Харнского // Китай и Япония. – Хабаровск, 1917. – № 264/269. – С. 26–30.

8. Внутренняя жизнь. 1. Общие замечания. 2. Междоусобицы в Китае. 3. К борьбе в Китае Севера с Югом. 4. Китай в Октябре // Китай и Япония. – Хабаровск, 1917. – № 264/269. – С. 80–86.

9. Новый бюджет // Китай и Япония. – Хабаровск, 1917. – № 264/269. – С. 66–67.

10. * Отношение японцев к России [Отношение Японии к России] (из разных источников) // Китай и Япония. – Хабаровск, 1917. – № 264/269. – С. 34–38.

11. Очерк событий в Китае в июне, июле и августе // Китай и Япония. – Хабаровск, 1917. – № 258/263. – С. 120–137.

12. Протест южан. Анархия в Китае // Китай и Япония. – Хабаровск, 1917. – № 258/263. – С. 144–147.

13. Рабочий вопрос // Китай и Япония. – Хабаровск, 1917. – № 264/269. – С. 62–66.

14. Русские в Маньчжурии // Китай и Япония. – Хабаровск, 1917. – № 264/269. – С. 176–177.

15. * Японское пароходство [судоходство] и кораблестроение // Китай и Япония. – Хабаровск, 1917. – № 264/269. – С. 54–57.

1919

16. Подозрительная маниловщина // Дальневост. обозрение. – 1919. – 18 окт. – [О росте славянских объединений и обществ с монархическим уклоном].

17. Англо-японский союз // Дальневост. обозрение. – 1919. – 11 дек.

18. Буря в стакане воды // Дальневост. обозрение. – 1919. – 19 дек.

19. Сдвиг в националистической идеологии // Дальневост. обозрение. – 1919. – 25 дек.

20. Японская великодержавность // Дальневост. обозрение. – 1919. – 25 дек.

1920

21. По стопам реакции // Дальневост. обозрение. – 1920. – 9 марта.

22. Накануне // Дальневост. обозрение. – 1920. – 20 марта.

23. Внутреннее положение Японии // Дальневост. обозрение. – 1920. – 21 марта.

24. Перемены в Китае // Дальневост. обозрение. – 1920. – 27 марта.

25. «Владиво-Ниппо» и классовые предрассудки // Дальневост. обозрение. – 1920. – 25 апр.

26. Все в прошлом // Красное знамя. – 1920. – 12 мая, № 72.

27. Большевизм в Китае // Дальневост. обозрение. – 1920. – 27 мая.

28. Борьба классов в Японии // Великий океан. – 1920. – № 4/6. – С. 33–44.

1921

29. * В черном стане // Красное знамя. – 1921. – 20 февр., № 34.

30. Возрождение Азии // Восход. – Чита, 1921. – № 1. – С. 21.

31. [Вступ. ст.] // Неравнодушные строчки : в годовщину 4–5 апреля 1920 г. – дня выступления японцев в Приморье : сб. / под ред. Н. Чужака ; вступ. ст. К. Харнского. – Чита : Дальцентропечать, 1921. – 69 с.

32. * Майские вехи // Первое Мая. – 1921 год : альманах. – Чита : Дальцентропечать, 1921.

33. Обзор политической и экономической жизни Китая. Дущюнат и реакция // Народы Дальнего Востока. – Иркутск, 1921. – № 2. – С. 156–164.

1922

34. Одно из соображений [японский военный писатель о вооружениях Японии] // Дальневосточный путь. – 1922. – 28 июня, № 169.

35. Американцы и эвакуация // Дальневост. путь. – 1922. – 2 июля, № 173.

36. Перед новой авантюрой // Дальневост. путь. – 1922. – 4 июля, № 174.
37. Японская стратегия и политика // Дальневост. путь. – 1922. – 8 июля, № 178.
38. Международный меньшевизм и его заслуги // Дальневост. путь. – 1922. – 11 июля, № 180.
39. Еще одна вредная книга // Дальневосточный путь. – 1922. – 13 июля, № 182.
40. О свободе облаивания // Дальневост. путь. – 1922. – 14 июля, № 183.
41. Политическая комедия в Японии // Дальневост. путь. – 1922. – 18 июля, № 186.
42. В поисках знамени // Дальневост. путь. – 1922. – 19 июля, № 187.
43. Китайские фантазии и мы // Дальневост. путь. – 1922. – 23 июля, № 191.
44. Полуживые студенты // Дальневост. путь. – 1922. – 26 июля, № 194.
45. Дезертиры коммунизма // Дальневост. путь. – 1922. – 30 июля, № 198.
46. Влияние Америки и Японии в Китае // Дальневост. путь. – 1922. – 10 авг., № 207.
47. Зарубежный Восток и мы // Дальневост. путь. – 1922. – 19 авг., № 215.
48. На рубеже // Наш путь. – 1922. – авг., № 1. – С. 5–16.
49. В порядке постановки вопроса // Дальневост. путь. – 1922. – 3 сент., № 226.
50. Готовьтесь к агитационной работе // Дальневост. путь. – 1922. – 28 сент., № 247. – [К месяцу Госналога].
51. Чжаново государственномыслие // Дальневост. путь. – 1922. – 29 сент., № 248.
52. В наших школах // Дальневост. путь. – 1922. – 27 окт., № 272.
53. Меры против безработицы в Японии // Дальневост. путь. – 1922. – 28 окт., № 273.
54. Случайное совпадение или таинственная рука? // Дальневост. путь. – 1922. – 14 нояб., № 287.
55. Нужна хозяйственная перспектива (Николаевск или Де-Кастри) // Дальневост. путь. – 1922. – 16 нояб., № 289.
56. Индустриализация Азии // Дальневост. путь. – 1922. – 21 нояб., № 293.
57. Отголоски эвакуации // Дальневост. путь. – 1922. – 22 нояб., № 294.
- 1923**
58. Одна из многих // Дальневост. путь. – 1923. – 13 янв., № 10.
59. Британская империя в Азии // Новый Дальний Восток : бюл. Дальневост. фил. ВНАВ. – 1923. – № 10-11. – С. 143–144.
60. Единый фронт буржуазии // Новый Дальний Восток : бюл. Дальневост. фил. ВНАВ. – 1923. – № 6–9. – С. 81–82.
61. * На рубеже // Наш путь / Дальбюро ЦК РКП(б). – 1923 [1922?]. – № 1/4. – С. 5–16.
62. Япония в прошлом и настоящем // Наш путь / Дальбюро ЦК РКП(б). – 1923. – № 5. – С. 13–14.
63. На путях к пролетарской революции в Японии и на Дальнем Востоке вообще // Наш путь / Дальбюро ЦК РКП(б). – 1923. – № 10. – С. 14–22.
64. * Япония : 22 беседы. – Чита : Изд. Политуправления Реввоенсовета 5-й армии, 1923. – [Около 300 с., рец. Дубинского].
65. Коммунистическая партия и Восток // Красное знамя. – 1923. – 14 марта.
66. К вопросу о свободной и независимой прессе // Красное знамя. – 1923. – 16 марта.

67. Знамение времени // Красное знамя. – 1923. – 31 марта.
68. Дикарь в адмиральском мундире // Красное знамя. – 1923. – 6 апр.
69. Религия в Японии на службе у государства // Красное знамя. – 1923. – 12 апр.
70. Союз жандармов // Красное знамя. – 1923. – 18 апр.
71. Японский водевиль с переодеванием // Красное знамя. – 1923. – 19 апр.
72. Вопросы культуры. Печальная иллюстрация // Красное знамя. – 1923. – 20 апр.
73. Черные маски интеллигенции // Красное знамя. – 1923. – 28 апр.
74. Дальний Восток и Америка // Красное знамя. – 1923. – 29 апр.
75. Антиимпериализм в Японии // Красное знамя. – 1923. – 3 июня.
76. Святая простота // Красное знамя. – 1923. – 6 июня.
77. Смысл английского наступления на Восток // Красное знамя. – 1923. – 8 июня.
78. О массовых арестах в Японии // Красное знамя. – 1923. – 20 июня.
79. Перед революционным сдвигом в Японии // Красное знамя. – 1923. – 5 июля.
80. Япония и коммунизм // Красное знамя. – 1923. – 13 июля.
81. Депрессия в Японии // Красное знамя. – 1923. – 2 авг.
82. Фабрикация великих людей и соперничество в Китае // Красное знамя. – 1923. – 7 авг.
83. Марксова борода и свободная историческая наука // Красное знамя. – 1923. – 9 авг.
84. Китайский виноград и японская лисица // Красное знамя. – 1923. – 15 авг.
85. Цена затуманивания мозгов // Красное знамя. – 1923. – 21 авг.
86. Правление адмирала Като // Красное знамя. – 1923. – 28 авг.
87. 13 лет // Красное знамя. – 1923. – 29 авг.
88. Англо-американские притязания на о. Врангеля // Красное знамя. – 1923. – 1 сент.
89. Кабинетский тупик // Красное знамя. – 1923. – 4 сент.
90. Смысл греко-итальянского столкновения // Красное знамя. – 1923. – 12 сент.
91. Новый кабинет в Японии // Красное знамя. – 1923. – 13 сент.
92. Расовые предрассудки у нас // Красное знамя. – 1923. – 14 сент.
93. Чего можно ждать от новой власти в Японии // Красное знамя. – 1923. – 16 сент.
94. Всеобщее избирательное право в Японии // Красное знамя. – 1923. – 18 сент.
95. Америка и ее холуи // Красное знамя. – 1923. – 26 сент.
96. Токийские провокаторы // Красное знамя. – 1923. – 27 сент.
97. Игра в миролюбие // Красное знамя. – 1923. – 3 окт.
98. Японско-американские отношения после землетрясения // Красное знамя. – 1923. – 5 окт.
99. Японско-американские отношения // Красное знамя. – 1923. – 7 окт.
100. Как американцы проводят принцип самоопределения наций // Красное знамя. – 1923. – 24 нояб.
101. Школа и просвещение. На путях самодеятельности : (В Востфаке ГДУ) // Красное знамя. – 1923. – 9 дек., № 999 (281).

102. Вопросы культуры. Искусство и массы : (в порядке обсуждения) // Красное знамя. – 1923. – 16 дек., № 1005 (287).
103. Во что обошелся милитаризм // Красное знамя. – 1923. – 19 дек., № 1007 (289).
- 1924**
104. В Восточном факультете ГДУ // Красное знамя. – 1924. – 5 янв., № 1020 (4).
105. Япония к Новому году. I. II // Красное знамя. – 1924. – 9 янв., № 1023 (7).
106. Япония перед Новым годом. III. IV Политические убийства в Японии // Красное знамя. – 1924. – 10 янв., № 1024 (8).
107. Япония перед Новым годом. V // Красное знамя. – 1924. – 11 янв., № 1025 (9).
108. Фашизм и наука // Красное знамя. – 1924. – 13 янв., № 1027 (11).
109. Успехи русской науки // Красное знамя. – 1924. – 19 янв., № 1032 (16).
110. Проституция поднадзорная и безнадзорная // Красное знамя. – 1924. – 20 янв.
111. Перед новой бойней // Красное знамя. – 1924. – 21 янв., № 1041 (25).
112. Политические идеи либеральной буржуазии Японии // Красное знамя. – 1924. – 1 февр., № 1042 (26).
113. Крестьянское движение в Японии // Красное знамя. – 1924. – 3 февр., № 1044 (28).
114. Обезземеление крестьян в Корее // Красное знамя. – 1924. – 7 марта, № 1072 (56).
115. Очерк Кореи // Красное знамя. – 1924. – 7 марта, № 1072 (56).
116. Еще о быте // Красное знамя. – 1924. – 9 марта, № 1074 (58).
117. Романовы // Красное знамя. – 1924. – 12 марта, № 1076 (60).
118. К вопросу о свободной и независимой прессе // Красное знамя. – 1924. – 16 марта, № 1079 (63).
119. * Японско-китайское экономическое соперничество и замыслы японского правительства // Красное знамя. – 1924. – 22 марта.
120. Изменение британской политики на дальнем Востоке // Красное знамя. – 1924. – 25 марта, № 1085 (69).
121. Китай, Россия и японские аппетиты // Красное знамя. – 1924. – 27 марта, № 1086 (70).
122. Обмолвка японского посланника: «Шпионы или не шпионы?» // Красное знамя. – 1924. – 28 марта, № 1087 (71).
123. * По ту сторону океана // Красное знамя. – 1924. – 1 апр.
124. Из апрельских воспоминаний // Красное знамя. – 1924. – 17 апр., № 1104 (88).
125. День национального позора Японии // Красное знамя. – 1924. – 26 апр., № 1112 (96).
126. Пробудившийся Китай // Красное знамя. – 1924. – 27 апр., № 1113 (97).
127. Китай и державы // Красное знамя. – 1924. – 7 мая, № 1118 (102).
128. Империализм святош // Красное знамя. – 1924. – 9 мая, № 1120 (104).
129. Сюрприз английским империалистам // Красное знамя. – 1924. – 11 мая, № 1122 (106).
130. К воззванию Коминтерна // Красное знамя. – 1924. – 13 мая, № 1123 (107).
131. * Полукультура и природа // Красное знамя. – 1924. – 16 мая.

132. Империализм правительства Макдональда // Красное знамя. – 1924. – 18 мая, № 1128 (112).
133. Поражение правительственной партии на выборах в Японии // Красное знамя. – 1924. – 18 мая, № 1128 (112).
134. * К созданию в Японии пролетарской партии // Красное знамя. – 1924. – 24 мая.
135. Экономическая угроза Владивостоку // Красное знамя. – 1924. – 25 мая, № 1134 (118). – [Японские планы относительно линии Харбин – Чаньчунь].
136. Опасения империалистов и новые «боксеры». I // Красное знамя. – 1924. – 8 июня, № 1145 (129).
137. Опасения империалистов и новые «боксеры». II // Красное знамя. – 11 июня, № 1147 (131).
138. Восстание в Албании // Красное знамя. – 1924. – 13 июня, № 1149 (133).
139. «Победа» Кэнсэйкай // Красное знамя. – 1924. – 14 июня, № 1150 (134).
140. Советско-китайский договор – поворотный пункт в истории Китая // Красное знамя. – 1924. – 20 июня, № 1154 (138).
141. Кабинет Като и его «принципиальность» // Красное знамя. – 1924. – 21 июня, № 1155 (139).
142. Маленький вопрос, становящийся большим // Красное знамя. – 1924. – 1 июля, № 1163 (147). – [Принципиальное значение передачи миссии полпредства].
143. Империалистам будет трудно выпутаться // Красное знамя. – 1924. – 4 июля, № 1156 (150).
144. Макдональдово правительство и колониальные страны // Красное знамя. – 1924. – 8 июля, № 1169 (153).
145. Выходки «Царя Маньчжурии» // Красное знамя. – 1924. – 12 июля, № 1173 (157).
146. Империалистические отношения на Тихом океане // Красное знамя. – 1924. – 14 июля.
147. В стране плутократии // Красное знамя. – 1924. – 15 июля, № 1175 (159).
148. * Като, Сидехара, финансовая олигархия и Сахалин // Красное знамя. – 1924. – 19 июля.
149. Обязанности Америки на Дальвостоке : (к вопросу о соперничестве на Тихом океане) // Красное знамя. – 1924. – 27 июля, № 1186 (170).
150. Мировая война // Красное знамя. – 1924. – 1 авг., № 1190 (174).
151. * Внешняя политика Като // Красное знамя. – 1924. – 3 авг.
152. Внешняя политика в Китае // Красное знамя. – 1924. – 6 авг., № 1194 (178).
153. В Китае. II // Красное знамя. – 1924. – 10 авг., № 1197 (181).
154. По исхоженным тропам // Красное знамя. – 1924. – 17 авг., № 1203 (186).
155. Японский пролетариат перед новым испытанием // Красное знамя. – 1924. – 21 авг., № 1206 (190).
156. Пустыни, дебри и высокая политика // Красное знамя. – 1924. – 24 авг., № 1209 (193).
157. Монополии и экономическое положение Японии // Красное знамя. – 1924. – 30 авг., № 1214 (198).

158. * Финансовое положение [в] Японии // Красное знамя. – 1924. – 3 сент., № 1217 (201).
159. Идеальный соглашатель и его мнения // Красное знамя. – 1924. – 4 сент., № 1218 (202).
160. У наших соседей // Красное знамя. – 1924. – 5 сент., № 1219 (203). – [Вероятность новой войны в Китае. Зависимость Японии от Америки].
161. В оголении // Красное знамя. – 1924. – 10 сент., № 1222 (206).
162. К событиям в Китае // Красное знамя. – 1924. – 11 сент., № 1223 (207).
163. За неделю // Красное знамя. – 1924. – 14 сент., № 1226 (210).
164. Достройка Семиреченской железной дороги и положение в Западном Китае // Красное знамя. – 16 сент., № 1227 (211).
165. * Расплата Японии за прежние грехи // Красное знамя. – 1924. – 21 сент.
166. * Новый крупный скандал в Японии // Красное знамя. – 1924. – 26 сент.
167. Японская колония Тайван (Формоза) // Красное знамя. – 1924. – 27 сент., № 1237 (221).
168. О сокращении японской армии // Красное знамя. – 1924. – 28 сент., № 1238 (222).
169. Правление японских либералов // Красное знамя. – 1924. – 30 сент., № 1239 (223). – [Мнения японских авторов].
170. * Япония, Чжан и У // Красное знамя. – 1924. – 15 окт.
171. В японском флоте. В Корее // Красное знамя. – 1924. – 17 окт., № 1254 (238).
172. * В Корее // Красное знамя. – 1924. – 19 окт.
173. Влияние войны в Китае на японскую торговлю // Красное знамя. – 1924. – 1 нояб., № 1267 (251).
174. Карьера маршала У Пей-фу // Красное знамя. – 1924. – 2 нояб., № 1268 (252).
175. Причины падения У Пей-фу // Красное знамя. – 1924. – 5 нояб., № 1270 (254).
176. Предпосылки социалистической революции // Красное знамя. – 1924. – 9 нояб., № 1273 (257).
177. Возвышение «Христианского генерала» // Красное знамя. – 1924. – 9 нояб., № 1273 (257).
178. К процессу коммунистов в Эстонии. Кантонцы и Советский Союз // Красное знамя. – 1924. – 23 нояб., № 1285 (269).
179. Китай, как рынок // Красное знамя. – 1924. – 27 нояб., № 1278 (272).
180. Восточный Институт и Востфак ГДУ. Восточный Институт перед революцией // Красное знамя. – 1924. – 29 нояб., № 1290 (274). – [За 25 лет и более].
181. Египет и Судан // Красное знамя. – 1924. – 2 дек., № 1292 (276).
182. Программная речь виконта Като // Красное знамя. – 1924. – 4 дек., № 1294 (278).
183. Один из образцов колониальной практики // Красное знамя. – 1924. – 10 дек., № 1299 (283).
184. Японская торговля за 1924 г. Японские сказки // Красное знамя. – 1924. – 11 дек., № 1300 (284).
185. Положение Чжан Цзо-линя. Японские сказки // Красное знамя. – 1924. – 12 дек., № 1301 (285).
186. Государство и церковь в Китае : Странички из прошлого // Красное знамя. – 1924. – 14 дек., № 1303 (287).

1925

187. В счастливой Америке // Красное знамя. – 1925. – 3 янв., № 1317 (2).
188. События в Китае // Красное знамя. – 1925. – 4 янв., № 1318 (3).
189. Опять «желтая опасность» // Красное знамя. – 1925. – 7 янв., № 1320 (5).
190. Советско-японский договор подписан // Красное знамя. – 1925. – 24 янв.
191. Китай // Красное знамя. – 1925. – 30 янв., № 1339 (24).
192. Япония // Красное знамя. – 1925. – 30 янв., № 1339 (24).
193. Таинственная рука в Шанхае // Красное знамя. – 1925. – 4 февр., № 1343 (28).
194. Китай [В партии Гоминьдан] // Красное знамя. – 1925. – 12 февр. № 1350 (35).
195. К вопросу об экстерриториальности Китая // Красное знамя. – 1925. – 20 февр., № 1357 (42).
196. «Бывший человек» Южного Китая [к поражению Чень Цзюнь-мина Кантонской армией] // Красное знамя. – 1925. – 28 февр., № 1364 (49).
197. * Карьера автора закона против коммунизма // Красное знамя. – 1925. – 28 февр.
198. Партия Сунь Ятсена и коммунизм // Красное знамя. – 1925. – 20 марта, № 1379 (64).
199. «Кесарево» и «божие» и др. // Красное знамя. – 1925. – 20 марта, № 1379 (64).
200. Китайское революционное движение. IV : Китайские народники и мы // Красное знамя. – 1925. – 4 апр., № 1392 (77).
201. Права трудящихся в Японии // Красное знамя. – 1925. – 19 апр., № 1405 (90).
202. Мирное завоевание Китая // Красное знамя. – 1925. – 24 апр., № 1408 (93).
203. По Востоку // Красное знамя. – 1925. – 30 апр., № 1413 (98).
204. Как развращаются дети // Красное знамя. – 1925. – 7 мая, № 1417 (102). – [По поводу одной из книг].
205. Цена интервенции // Красное знамя. – 1925. – 7 мая, № 1417 (102).
206. Роль жандарма опасна! // Красное знамя. – 1925. – 20 июня, № 1453 (138).
207. «Преступление» тов. Доссера // Красное знамя. – 1925. – 8 июля, № 1467 (152).
208. Японские трудящиеся в когтях спекуляции // Красное знамя. – 1925. – 9 июля, № 1468 (153).
209. Сахалинские предприятия и японские капиталисты // Красное знамя. – 1925. – 17 июля, № 1475 (160).
210. Новая политическая партия в Японии // Красное знамя. – 1925. – 22 июля, № 1479 (164).
211. Скрытая грызня из-за Китая // Красное знамя. – 1925. – 28 июля, № 1484 (169).
212. Суть гарантийного договора // Красное знамя. – 1925. – 2 авг., № 1489 (178).
213. Революционное движение в Корее // Красное знамя. – 1925. – 16 авг., № 1500 (185).
214. «Выгодное предприятие» // Красное знамя. – 1925. – 18 авг., № 1501 (186).
215. Хитрая механика империалистов // Красное знамя. – 1925. – 19 авг., № 1502 (187).
216. «Громоотвод» на Востоке // Красное знамя. – 1925. – 22 авг., № 1505 (190).
217. Политический кризис в Японии // Красное знамя. – 1925. – 29 авг., № 1511 (196).
218. Осуждение японских коммунистов // Красное знамя. – 1925. – 12 сент., № 1523 (208).

219. Экономическая жизнь Японии // Красное знамя. – 1925. – 15 сент., № 1525 (210).
220. Экономическая жизнь Японии // Красное знамя. – 1925. – 17 сент., № 1527 (212).
221. Хозяева Америки и их лакеи // Красное знамя. – 1925. – 25 сент., № 1534 (219).
222. Императорское правительство Японии на защите торговцев проститутками // Красное знамя. – 1925. – 29 сент., № 1537 (222).
223. Силы гражданской войны в Китае // Красное знамя. – 1925. – 24 окт., № 1558 (243).
1926
224. * О будущем китайской индустрии // Рабочий путь. – 1926. – № 2. – С. 10-11.
225. Роль Като в политической жизни Японии // Красное знамя. – 1926. – 2 февр., № 1640 (27).
226. Программа Вакацуки // Красное знамя. – 1926. – 5 февр., № 1642 (29).
227. Колониальный рекорд // Красное знамя. – 1926. – 6 февр., № 1643 (30).
228. * Борьба партий в Японии и японские политики // Красное знамя. – 1926. – 17 февр.
229. * Финал либеральной потуги // Красное знамя. – 1926. – 7 мая.
230. Христианские мученики в Китае // Красное знамя. – 1926. – 20 мая, № 1727 (114).
231. Новое усиление крестьянского движения в Китае // Красное знамя. – 1926. – 29 мая, № 1735 (122).
232. Борьба за Центральный Китай : (К событиям в Хэнани) // Красное знамя. – 1926. – 1 июня, № 1737 (124).
233. Восходящая звезда в Китае // Красное знамя. – 1926. – 6 июня, № 1742 (129).
234. Судьбы Португалии // Красное знамя. – 1926. – 9 июня, № 1744 (131).
235. «Быть или не быть» японского кабинета // Красное знамя. – 1926. – 15 июня, № 1749 (136).
236. Очередная Тихоокеанская комедия // Красное знамя. – 1926. – 20 июня, № 1755 (142).
237. Бразильский дар Японии // Красное знамя. – 1926. – 2 июля, № 1761 (148).
238. «Культура Востока» и безгрешные доходы // Красное знамя. – 1926. – 10 июля, № 1768 (155).
239. В царстве капиталистического благополучия // Красное знамя. – 1926. – 11 июля, № 1769 (156).
240. Мистер Джильберт – журналист // Красное знамя. – 1926. – 19 июня, № 1752 (139).
241. Национальное движение в Китае и римский папа // Красное знамя. – 1926. – 3 авг., № 1788 (175).
242. На западной границе СССР. Литва // Красное знамя. – 1926. – 6 авг., № 1791 (178).
243. Япония и Филиппины // Красное знамя. – 1926. – 10 авг., № 1793 (180).
244. * Вожди и охранка // Красное знамя. – 1926. – 11 авг.
245. Вокруг Ханькоу // Красное знамя. – 1926. – 7 сент., № 1817 (204).
246. Ханькоу должен стать трибуной революции // Красное знамя. – 1926. – 16 сент., № 1824 (211).

247. Отчего бесится Чемберлен? // Красное знамя. – 1926. – 17 сент., № 1825 (212).
248. Договор с Афганистаном // Красное знамя. – 1926. – 21 сент., № 1828 (215).
249. Пан-азианизм и европейский империализм // Красное знамя. – 1926. – 21 сент., № 1828 (215). – [К посещению Турции японской эскадрой].
250. Размах событий в Китае // Красное знамя. – 1926. – 25 сент., № 1832 (219).
251. Театр военных действия в Китае // Красное знамя. – 1926. – 25 сент., № 1832 (219).
252. Театр военных действия в Китае [окончание] // Красное знамя. – 1926. – 26 сент., № 1833 (220).
253. Борьба за Цзянси // Красное знамя. – 1926. – 1 окт., № 1837 (224).
254. * Безнаказанные истязатели // Красное знамя. – 1926. – 13 окт.
255. На фронтах Китая // Красное знамя. – 1926. – 20 окт., № 1853 (240).
256. Поучительная «география» // Красное знамя. – 1926. – 20 окт., № 1853 (240).
257. Буржуазная склока и пролетарии Японии // Красное знамя. – 1926. – 23 окт., № 1856 (243).
258. Как побеждает Кантон // Красное знамя. – 1926. – 27 окт., № 1858 (245).
259. Япония и кантонцы // Красное знамя. – 1926. – 5 нояб., № 1866 (253).
260. Азиатский мост // Красное знамя. – 1926. – 17 нояб., № 1876 (263).
261. Восставшая Ява // Красное знамя. – 1926. – 24 нояб., № 1882 (269).
262. Китай, Ява, СССР... // Красное знамя. – 1926. – 5 дек., № 1892 (279). – [По страницам зарубежной прессы].
263. Фуцзянская победа Кантона // Красное знамя. – 1926. – 11 дек., № 1897 (284).
264. Почему революция в Англии неизбежна? // Красное знамя. – 1926. – 12 дек., № 1898 (285).
265. Маньчжурское пугало // Красное знамя. – 1926. – 14 дек., № 1899 (298).
266. Фронт китайской революции к декабрю // Красное знамя. – 1926. – 17 дек., № 1893 (280).
267. Крупнейшая победа революционной армии // Красное знамя. – 1926. – 29 дек., № 1911 (298). – [Победа в Хэнани].
268. Ким, Н. Под гнетом японского империализма : очерк современной Кореи / Н. Ким ; ред. и предисл. К. А. Харнского. – Владивосток : Кн. дело, 1926. – 151 с., карт., ил.
269. Япония в прошлом и настоящем. – Владивосток : Кн. дело, 1926. – 411 с., ил.
1927
270. Политическая карта Китая к концу 1926 г. // Красное знамя. – 1 янв., № 1914 (1).
271. Тайные общества в Китае. I // Красное знамя. – 1927. – 30 янв., № 1937 (24).
272. Тайные общества в Китае. II // Красное знамя. – 1927. – 1 февр., № 1938 (25).
273. В ожидании развязки [о Китае] // Красное знамя. – 1927. – 2 февр., 1939 (26).
274. Этапы порабощения Китая // Красное знамя. – 1927. – 4 февр., № 1941 (28). – [К вопросу о характере Китайской революции].
275. За что борется китайский пролетариат // Красное знамя. – 1927. – 11 февр., № 1947 (34).

276. Борьба партий в Китае и японская политика // Красное знамя. – 1927. – 16 февр., № 1952 (39).
277. Империя, «в которой не заходит солнце» // Красное знамя. – 1927. – 25 февр., № 1959 (46).
278. Англия и мы // Красное знамя. – 1927. – 4 марта, № 1965 (52).
279. В районе Шанхая // Красное знамя. – 1927. – 15 марта, № 1973 (60).
280. Что теряет Англия в Китае? // Красное знамя. – 1927. – 25 марта, № 1981 (68).
281. Китай рвет цепи неравноправного договора // Красное знамя. – 1927. – 30 марта, № 1986 (73).
282. На фронтах Китая // Красное знамя. – 1927. – 7 апр., № 1992 (79).
283. Победа левого крыла Гоминьдана // Красное знамя. – 1927. – 8 апр., № 1993 (80).
284. Борьба за крестьянство. Крестьянский вопрос в китайской революции // Красное знамя. – 1927. – 15 апр., № 1999 (86).
285. * Восставший Восток // Красное знамя. – 1927. – 1 мая.
286. * На Венских баррикадах // Красное знамя. – 1927. – [20 июля], № 2078 (205).
287. Япония и Китай // Красное знамя. – 1927. – 1 окт., 2138 (225).
288. Выборы в Японии // Красное знамя. – 1927. – 16 окт., № 2150 (237).
289. Расовый вопрос // Красное знамя. – 1927. – 23 дек., № 2206 (293).
290. К вопросу о Японско-американских отношениях // Красное знамя. – 1927. – 24 дек., № 2207 (294).
291. У нас и в Японии // Красное знамя. – 1927. – 28 дек., № 2209 (296). – [К вопросу о гос. капитализме].
292. Союз строителей на Дальнем Востоке // Рабочий путь. – Хабаровск, 1927. – № 43. – С. 2⁶⁹⁹.
293. Дискуссия о снижении стоимости строительных работ // Рабочий путь. – Хабаровск, 1927. – № 12. – С. 11⁷⁰⁰.
294. Ошибки прошлого – опыт для будущего // Рабочий путь. – Хабаровск, 1927. – № 12. – С. 10⁷⁰¹.
295. На основе учета недостатков – к улучшению договорной кампании // Рабочий путь. – Хабаровск, 1927. – № 44. – С. 67⁷⁰².
296. Китай с древнейших времен до наших дней. – Хабаровск ; Владивосток : Кн. дело, 1927. – XI ; VIII ; 440 с.

1928

297. Из нашей работы // На культурном фронте. – Владивосток, 1928. – № 1. – С. 50–51.
298. Иероглифы // Красное знамя. – 1928. – 14 янв., № 2224 (12).
299. Афганистан и Индия // Красное знамя. – 1928. – 17 янв., № 2226 (14).
300. По страницам новогодней иностранной прессы // Красное знамя. – 1928. – 28 янв., № 2236 (24).

301. Внешняя политика Японии // Красное знамя. – 1928. – 29 янв., № 2237 (25).
302. Роспуск японского парламента // Красное знамя. – 1928. – 2 февр., № 2240 (28).
303. Китай в освещении иностранной прессы // Красное знамя. – 1928. – 11 февр., № 2248 (36).
304. Монгольская сенсация // Красное знамя. – 1928. – 15 февр., № 2251 (39).
305. Лесная Атлантида : (доклад, прочитанный в Обществе востоковедения ГДУ) // Красное знамя. – 19 февр., № 2255 (43).
306. Парламентские выборы в Японии // Красное знамя. – 1928. – 23 февр., № 2258 (46).
307. О танцующих и катехизисе // Красное знамя. – 1928. – 28 февр., № 2262 (50).
308. * Смысл изучения истории Китая // Тихоокеанская Звезда. – 1928. – 1 марта.
309. Иностранцы о нас // Красное знамя. – 1928. – 21 марта, № 2280 (68).
310. К арестам в Японии // Красное знамя. – 1928. – 25 марта, № 2284 (72).
311. Что делается в Китае? // Красное знамя. – 1928. – 1 апр., № 2290 (78).
312. Соединенные Штаты и Филиппины // Красное знамя. – 1928. – 4 апр., № 2292 (80).
313. Китай, как конкурент Японии и Англии // Красное знамя. – 1928. – 7 апр., № 2295 (83).
314. Феодальная отрыжка // Красное знамя. – 1928. – 11 апр., № 2298 (86).
315. Японские черносотенцы за работой // Красное знамя. – 1928. – 18 апр., № 2303 (92).
316. «Весенний сезон» в Китае // Красное знамя. – 1928. – 25 апр., № 2309 (97).
317. На Востоке // Красное знамя. – 1928. – 1 мая, № 2314 (102).
318. Борьба с коммунизмом в Японии // Красное знамя. – 1928. – 11 мая, № 2320 (108).
319. Как они лгут // Красное знамя. – 1928. – 16 мая, № 2324 (112).
320. В глубине Китая : Как велика территория Нанкинского правительства // Красное знамя. – 1928. – 26 мая, № 2333 (121).
321. О наших поэтах // Красное знамя. – 1928. – 1 июня, № 2342 (130).
322. Как обманывают трудящихся : (о классовом мире в Японии) // Красное знамя. – 1928. – 30 июня, № 2362 (150).
323. В стране Девы Марии : к убийству Обрегона // Красное знамя. – 1928. – 2 авг., № 2390 (78).
324. Политическая кадрили // Красное знамя. – 1928. – 11 авг., № 2397 (185).
325. Ликвидируемая миссионерщина // Красное знамя. – 1928. – 12 авг., № 2398 (186).
326. Непопулярность Гоминдана // Красное знамя. – 1928. – 17 авг., № 2402 (90).
327. Наследие прошлого в Индии // Красное знамя. – 1928. – 26 авг., № 2410 (198).
328. Люди волны // Красное знамя. – 1928. – 7 сент., № 2420 (208). – [О великодержавии].
329. Уроки политграмоты в Японии // Красное знамя. – 1928. – 4 окт., № 2442 (230).
330. Господа шанхайцы // Красное знамя. – 1928. – 6 окт., № 2444 (232).
331. Режим вешателей // Красное знамя. – 1928. – 14 окт., № 2451 (239).
332. Затишье в Японии // Красное знамя. – 1928. – 31 окт., № 2465 (253).

⁶⁹⁹ Подпись «Х.». Имеются сомнения в авторстве К. Харнского [С. Магалиф].

⁷⁰⁰ Подпись «Х.». Имеются сомнения в авторстве К. Харнского [С. Магалиф].

⁷⁰¹ Подпись «Х.». Имеются сомнения в авторстве К. Харнского [С. Магалиф].

⁷⁰² Подпись «Х.». Имеются сомнения в авторстве К. Харнского [С. Магалиф].

233. Буря все-таки будет // Красное знамя. – 1928. – 7 нояб., № 2451 (259).
334. Новая рабочая партия Японии и ее покровители // Красное знамя. – 13 нояб., № 2474 (262).
335. Чаньчунь-Сейсинская магистраль // Красное знамя. – 1928. – 17 нояб., № 2478 (266).
336. Политика генерала Танака и ее покровители // Красное знамя. – 1928. – 21 нояб., № 2481 (269).
337. * Мосье Тома путешествует. Корейские погромы // Красное знамя. – 1928. – 18 дек.
338. * Перед парламентской сессией // Красное знамя. – 1928. – 18 дек., № 2487 (275).
339. У строителей // Рабочий путь. – Хабаровск, 1928. – № 12. – С. 10⁷⁰³.
- 1929**
340. О[т] редакции // Бюллетень Дальневосточного филиала Общества востоковедов. – 1929. – № 1-2. – С. 3–8.
341. Японские мечты и действительность // Красное знамя. – 1929. – 12 янв., № 2524 (9).
342. Платформа японской социал-демократии // Красное знамя. – 1929. – 9 янв., № 2521 (6).
343. О хромающих факультетах // Красное знамя. – 1929. – 10 мая, № 2820 (105).
344. К заявлению японского посла // Красное знамя. – 1929. – 9 июня, № 2646 (131).
345. О подготовке людей будущего в нашем университете // Красное знамя. – 1929. – 14 июня, № 2650 (135).
346. О расовой «проблеме» // Красное знамя. – 1929. – 28 июня, № 2661 (146).
347. «Наполеон из Нинбо» // Красное знамя. – 1929. – 24 июля, № 2681 (166).
348. Арена будущей войны // Красное знамя. – 1929. – 28 июля, № 2685 (170).
349. Ларчик просто открывается // Красное знамя. – 1929. – 9 авг., № 2695 (170).
350. Через подставных лиц // Красное знамя. – 1929. – 1 сент., № 2715 (200).
351. События в Палестине // Красное знамя. – 1929. – 13 сент., № 2725 (210).
352. Политическое отделение коммерческой фирмы. Кабинет монополистов враги защитников слабых // Красное знамя. – 1929. – 14 сент., № 2726 (211).
353. Раскол соглашательской организации // Красное знамя. – 1929. – 20 окт., № 2758 (243).
354. Японские сановники недовольны // Красное знамя. – 1929. – 26 окт., № 2763 (248).
355. Союз штыка и золота // Красное знамя. – 1929. – 30 окт., № 2766 (251).
356. В Корее беспокойно // Красное знамя. – 1929. – 29 нояб., № 2790 (275).
- 1930**
357. Под завесой демократии // Красное знамя. – 1930. – 30 янв., № 2851 (25).
358. * Сумерки стабилизации // Красное знамя. – 1930. – № 2853 (28).
359. * Лицо японского реформизма [Др. вариант – «реформатора»] // Красное знамя. – 1930. – 27 февр., № 2874 (49).
360. Японские крестоносцы // Красное знамя. – 1930. – 4 марта.

361. Гиганты японского капитализма // Красное знамя. – 1930. – 2 марта, № 2876 (52).
362. Япония в полосе депрессии // Красное знамя. – 1930. – 1 апр., № 2898 (74).
363. Умирающее средневековье // Красное знамя. – 1930. – 4 апр.
364. Место истории Востока в истории человечества // Научные новости Дальнего Востока : бюл. – 1926–1930. – Вып. 7–8. – С. 13–17.

1931

365. В ночь с 4 на 5 апреля 1920 г. // Неравнодушные строчки : в годовщину 4–5 апреля 1920 г. – дня выступления японцев в Приморье : сб. / под ред. Н. Чужака ; вступ. ст. К. Харнского. – Изд 2-е. – Чита : Изд. Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльно-переселенцев, 1931. – С. 8. – (Дешевая историко-революционная б-ка).

366. Алексей Николаевич Луцкий [востоковед] // Неравнодушные строчки : в годовщину 4–5 апреля 1920 г. – Дня выступления японцев в Приморье : сб. / под ред. Н. Чужака ; вступ. ст. К. Харнского. – Изд 2-е. – Чита : Изд. Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльно-переселенцев, 1931. – С. 75. – (Дешевая историко-революционная б-ка).

1932

367. Academia Sinica // Вестн. Дальневост. отд-ния АН СССР. – 1932. – № 3/4. – С. 80 – 82.

1933

368. Тринадцатая годовщина // Красное знамя. – 1933. – 5 апр., № 80.

Не опубликовано⁷⁰⁴

369. Живущие в миллионлети[ях] : [очерк]. – [Владивосток, 1929].

370. История колониального захвата Тихоокеанских стран. – [Владивосток, 1935 – 1937, неоконч.].

371. Корея (с древнего периода и по 1936 г.). [1936]. – 800 с. – [1931–1936 гг. – написание, отпечатано к 1936 г. – 800 с.]

372. [Без названия] : роман (фантастика) [о человеке, замороженном в начале 20 века и оживленным в конце 22 века (?). Жизнь, наука, техника, общественные отношения этого времени, мироощущения оживленного человека]. Рукопись.

Список работ Николая Петровича Мацокина

Составитель Т. В. Поликарпова

Список работ Николая Петровича Мацокина составлен на основе всех доступных нам источников, в том числе архивных материалов. Мы предполагаем, что очень малая часть работ не была найдена по объективным обстоятельствам. Работы расположены в хронологической последовательности. Работы, не сверенные *de visu*, имеющие разночтения в источниках, отмечены знаком «*».

Ключевые слова: библиографический указатель работ Н. П. Мацокина, список трудов по востоковедению, ориенталистика дальневосточной России, Мацокин Н. П.

⁷⁰³ Подпись «Х.». Имеются сомнения в авторстве К. Харнского [С. Магалиф].

⁷⁰⁴ По сведениям Е. Р. Громаковской-Харнской.

Nikolay P. Matsokin. List of works

Compiler T. V. Polikarpova

A list of works by Nikolay P. Matsokin, compiled on the basis of all available sources, including archive materials. We assume that only a very small part of Matsokin's publications have escaped inclusion in this list due to objective circumstances. Works are arranged in chronological order. Works we were unable to visually confirm have been marked with «*». Notes by T. V. Polikarpova.

Keywords: N. P. Matsokin's list of works, bibliography in Oriental studies, Oriental studies of the Far Eastern Russia, Matsokin N. P.

1909

1. *Внешняя торговля Японии / пер. с фр. [Revue Indo-Chinoise. – 1909. – № 6]. – Рукопись.

2. Отношения полов до брака в некоторых малороссийских деревнях. – Владивосток : Тип. К. А. Недовольского, 1909. – 12 с.

3. *Пекинские нищие / пер. с фр. [из сочинения «Superstition, crime et misere en Chine» par J. J. Matingnon]. – 1909. – Рукопись.

4. *Феминизм в Китае / пер. с фр. [Revue Indo-Chinoise. – 1909. – № 5]. – Рукопись.

1910

5. Материнская филиация в Восточной и Центральной Азии. Вып. 1 : Материнская филиация у китайцев, корейцев и японцев. – Владивосток, 1910. – IV ; 40 с. – (Изв. Вост. ин-та ; 11-й год изд. ; 1909–1910 акад. г. ; т. XXXIII, вып. 1).

1911

6. Материнская филиация в Восточной и Центральной Азии. Вып. 2 : Материнская филиация у тибетцев, монголов, мяоцзы, лоло и тай. – Владивосток, 1911. – I–III ; 147 ; I–II с. – (Изв. Вост. ин-та ; 12-й год изд. ; 1910–1911 акад. г. ; т. XXXVI, вып. 2).

7. *К этнографии острова Формоза [по переводам из журнала антропологического общества «Дзинруй гаккай дзасси»]. – 1911. – Рукопись.

8. Феминизм в Китае // Вестник Азии. – 1911. – № 8. – С. 44–57.

1913

9. Граф Окума и японское самомнение // Вестник Азии. – 1913. – № 13. – С. 70–72.

10. Черты японского характера, как они проявились во время похорон императора Мэйдзи Тэнно // Вестник Азии. – 1913. – № 13. – С. 68–69.

1914

11. Абе Исоо. Бюджет японского рабочего / пер. с яп. // Вестник Азии. – 1914. – № 31/32. – С. 23 – 35.

12. К этнографии о. Формозы. Предания туземцев о пигмеях. Охота за черепами у племени Цалисен. Отвращение к близнецам. Аборигены и обезьяны / пер. с яп. // Вестник Азии. – 1914. – № 31/32. – С. 50–56.

13. О социологии и востоковедении // Вестник Азии. – 1914. – № 30. – С. 36–39.

14. Суемацу Кенцио. Сущность бусидо / пер. с яп. // Вестник Азии. – 1914. – № 30. – С. 19–23.

15. Dr. Matignon. Пекинские нищие / пер. с фр. // Вестник Азии. – 1914. – № 28/29. – С. 5–26.

1915

16. *К этнография Формозы. – Харбин : Тип. КВЖД, 1915. – 7 с.

17. *Японская печать и внутреннее положение в России. – Харбин, 1915. – [15 с.].

1916

18. Ино: символы власти у племени Цалисен на о. Формозе / пер. Н. Мацокина // Вестник Азии. – 1916. – № 38/39. – С. 77–81.

19. Кордые, Ж. Народные поверья в Юнь-нань'и / пер. с фр. // Вестник Азии. – 1916. – № 40. – С. 77–81.

20. Мелкие статьи и библиографические заметки по японоведению. – Владивосток, 1916. – 22 с. – (Изв. Вост. Ин-та ; т. 31, вып. 2 : Критика и библиография, мелкие заметки. Т. 1, вып. 2, № 16/20. Отд. оттиск). – С. 17–37. – Из содержж.:

21. Из истории семьи на Дальнем Востоке (Амбильанах корейцев, китайцев и японцев) // Мацокин, Н. П. Мелкие статьи и библиографические заметки по японоведению. – Владивосток, 1916. – С. 2–15.

22. *Сиокубуцу КанВа дзитен* [рецензия] // Мацокин, Н. П. Мелкие статьи и библиографические заметки по японоведению. – Владивосток, 1916. – С. 16–17. – Рец. на кн.: Новый китайско-японский ботанический словарь / предисл. д-ра естеств. наук Киичи Мияке ; под ред. канд. естеств. наук Масандо Таваро ; сост. Кунидзо: Яги. – Токио : Изд. Санкайдо, 5-й год Тайсио (1916).

23. *Сиокухин дзитен* [рецензия] // Мацокин, Н. П. Мелкие статьи и библиографические заметки по японоведению. – Владивосток, 1916. – С. 15–16. – Рец. на кн.: Наоши Савамура. Практический словарь пищевых продуктов. – Токио, 44-й год Мэйдзи (1911).

24. *До:буцу дзитен* [рецензия] // Мацокин, Н. П. Мелкие статьи и библиографические заметки по японоведению. – Владивосток, 1916. – С. 17–18. – Рец. на кн.: Зоологический словарь / сост. Дзюнтаро: Наканиси ; под ред. д-ра естеств. наук Исае Иидзима. – Токио : Изд. Сейбидо, 4-й год Тайсио (1915).

25. *Нихон гайрайго дзитен* [рецензия] // Мацокин, Н. П. Мелкие статьи и библиографические заметки по японоведению. – Владивосток, 1916. – С. 18–21. – Рец. на кн.: Толковый словарь иностранных слов, вошедших в японский язык / сост. Манен Уеда, Дзюндзиро: Такакусу, Курайоси Сиратори, Сио:дзабуро: Канадзава. – Токио : Изд. Сансейдо, 4-й год Тайсио (1915).

26. Шмидт, П. Опыт мандаринской грамматики с текстом для упражнения : пособие к изучению разг. кит. пекинского наречия. 2-е изд. Владивосток, 1915 [рецензия] // Вестник Азии. – 1916. – Кн. 4, № 40. – С. 52–54.

1917

27. *Библиографические заметки по японоведению // Известия Восточного Института. Т. XXXI, вып. 2. – Владивосток, 1917.

28. *Будущее российско-японских отношений // Харбинский вестник. – 1917. – 27 июня.

29. *Генро (Старцы государства японского) // Китай и Япония. – Хабаровск, 1917. – № 258/263. – С. 58–60.
30. *Генро (Старцы государства японского) // Харбинский вестник. – 1917. – 14 июля.
31. *Демократизм в Японии // Китай и Япония. – Хабаровск, 1917. – № 258/263. – С. 63–65.
32. *Из истории семьи на Дальнем Востоке (Амбиланах корейцев, китайцев и японцев) // Известия Восточного Института. Т. XXXI, вып. 2. – Владивосток, 1917.
33. *Мифические «императоры» Китая и тотемизм // Сборник статей профессоров и студентов, приуроченный к XVIII годовщине основания Восточного Института. – Владивосток, 1917. – С. 46–48.
34. *Происхождение и физиологическое образование отвлеченных и врожденных идей : пер. с фр. статьи Жусседе-Белесма // Вестник Знания. – СПб., 1917.
35. *«Русские проклинаят революцию» // Харбинский вестник. – 1917. – 23 июля.
36. *Чемберлен, М. Х. Культ Микадо и культ Японии. Заслуги проф. имп. Токийского ун-та Б. Х. Чемберлена / пер. с англ. – Владивосток, 1917. – (Отд. оттиск из «Изв. Вост. Ин-та»; т. 1, вып. 2, № 22).
37. *Японская печать и внутреннее положение в России. – Владивосток : Свободная Россия, 1917. – 22 с.
38. Японская печать и внутреннее положение в России. – 3-е доп. изд. – Харбин : О-во Рус. ориенталистов ; типо-лит. Заамур. о-ва, 1917. – 24 с.
39. Японская печать и внутреннее положение в России // Харбинский вестник. – 1917. – 18 мая, № 4102.
40. Японские вымыслы и их виновники. – Харбин : Типо-лит. Заамур. округа, 1917. – 9 с.
41. *Biali, a zolci [Белые и желтые] // Listy Polskie z Dalekiego Wschody. – Charbin, 1917. – № 7. – (пол.).
- 1918**
42. *Американско-японское соглашение о Китае // Дальний Восток. – Харбин : Изд. О-ва переводчиков Дальн. Востока, 1918. – Вып. 1. – С. 89–92.
43. *Берегитесь японской помощи // Дальний Восток. – Харбин : Изд. О-ва переводчиков Дальн. Востока, 1918. – Вып. 1.
44. *Защита монархии в Японии // Дальний Восток. – Харбин : Изд. О-ва переводчиков Дальн. Востока, 1918. – Вып. 1. – С. 93–95.
45. *Как Япония обрабатывает общественное мнение // Дальний Восток. – Харбин : Изд. О-ва переводчиков Дальн. Востока, 1918. – Вып. 1. – С. 35–42.
46. *Япония и Маньчжурия // Дальний Восток. – 1918. – Вып. 1. – С. 83–86.
- 1920**
47. *Библиографическая заметка о книге С. Йосида «Шаньдунские быки и продукты животноводства в Шаньдуне», с двумя таблицами. Шанхай : Изд. Монгольской экспедиции по заготовке мяса, 1920. – 24 с. ; 2 табл. [с яп. зоотехн. терминами с параллельным рус. и яп. текстом].
48. *Ненужный университет // Дальневосточное обозрение. – 1920. – 1 ноября.

49. *Реорганизация университета // Дальневосточное обозрение. – 1920. – 20 ноября.
50. *Чемберлен, М. Х. Культ Микадо и культ Японии. Заслуж. проф. имп. Токийского ун-та Б. Х. Чемберлена = The invention of a new religion. By B. H. Chamberlain, emeritus professor of japanese and philology at the Imp. University of Tokyo, Japan. (Issued for the Rationalist press association, Limited). London, Watts & C°, 1912 / пер. с англ. – Владивосток : Изд-во Т-ва «Свободная Россия», 1920. – 26 с.
51. *Чемберлен, М. Х. Изобретение новой религии : Культ Микадо и культ Японии. Заслуж. проф. имп. Токийского ун-та Б. Х. Чемберлена = The invention of a new religion. By B. H. Chamberlain, emeritus professor of japanese and philology at the Imp. University of Tokyo, Japan. (Issued for the Rationalist press association, Limited). London, Watts & C°, 1912 / пер. с англ. // Изв. Вост. Ин-та. Т. XXXI. – Владивосток, [1920?].
- 1921**
52. *Белые и желтые (к изучению новейшей истории стран Дальнего Востока. – Владивосток : Изд. Т-ва «Свободная Россия», 1921. – (Б-ка «Свободная Россия»; [№ 9 ?]).
53. *Социология и востоковедение в связи с историей семьи на Дальнем Востоке. – Владивосток : Изд. Т-ва «Свободная Россия», 1921. – 72 ; VI с. – (Б-ка «Свободная Россия»; № 9).
54. Японский миф об удалении богини Солнца Аматерасу в небесный грот и солнечная магия // Изв. Вост. фак. Гос. Дальневост. Ун-та. 22-й г. изд. : 1920–21 акад. г. – Владивосток : Изд. и печ. Гос. Дальневост. Ун-та, 1921. – Т. LXVI, вып. 3. – С. 11–41.
- 1925**
55. Библиография. Будущее железного рынка (журнал «Кейдзай Таймс») // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 8/10 [№ 10]. – С. 161–162.
56. Библиография. Восточная Студия. Издание кабинетов Восточного Факультета ГДУ / под общ. ред. Е. Г. Спальвина. Первая серия № 1-6, стр. 152. Цена 2 р. зол. Владивосток. 1924 г. // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 1/4 [№ 1/2]. – С. 97.
57. Библиография. И. Фурасава. Действительный характер раскола в Генеральной Федерации Труда (Яп. название: *Ро:до:со:до:мэй бунрецу но синсо:*), журнал «Синсимей» (Новая Миссия), июнь 1925 г. К. Мацуока, М. Коно, К. Ямамото и К. Ямакава. Действительный характер трений в Генеральной Федерации Труда и критические замечания (Яп. название: *Ро:до:со:до:мэй бунран но синсо: то хихан*), журнал «Кайдзо» (Переустройство), июнь 1925 г. // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 5/7. – С. 185–186.
58. Библиография. Иностраннный капитал в Японии (из журнала «Экономист») // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 8/10 [№ 10]. – С. 160–161.
59. Библиография. Кимура, С. Голодающее крестьянство (японское заглавие: *Уетару но:мин*, стр. 198). Токио, 1924. (14-й год эры *Тайсио:*). Издание *Нусио: но:* // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 1/4 [№ 1/2]. – С. 97–98.
60. Библиография. Обзор японской экономической печати // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 8/10 [№ 10]. – С. 159–160.

61. Библиография. Обзор японской экономической печати. Безработица // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 1/4 [№ 3/4]. – С. 124–125.
62. Библиография. Обзор японской экономической печати. Внешняя торговля // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 1/4 [№ 3/4]. – С. 122–123.
63. Библиография. Обзор японской экономической печати. Положение японской промышленности // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 1/4 [№ 3/4]. – С. 123–124.
64. Библиография. Обзор японской экономической печати. Сколько работают и зарабатывают фабрично-заводские рабочие // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 1/4 [№ 3/4]. – С. 125–126.
65. Библиография. Обзор японской экономической печати. Японцы в Маньчжурии // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 1/4 [№ 3/4]. – С. 124.
66. Библиография. Размер добычи главнейших ископаемых в Японии (*Цюгай Сйогйо*) // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 8/10 [№ 10]. – С. 161.
67. Библиография. С. Уесуги. Неизбежность японо-американского столкновения и готовность нации (Яп. название: *Ницибей сйотоцу но хисси то кокумин но какуго*). Издание «*Дайнихон ю:бенкай*», Токио, 1924 г. // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 1/4 [№ 3/4]. – С. 129.
68. Библиография. Японская печать о шанхайских событиях // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 5/7. – С. 178–185.
69. Библиография. Японская пресса. О всеобщем избирательном праве // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 8/10 [№ 10]. – С. 157–159.
70. Как живут изгоняемые из Осака обитатели дешевых пансионатов (журнал «Экономист») // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 8/10 [№ 10]. – С. 162–163.
71. Социалистическое движение в современной Японии // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 1/4 [№ 1/2]. – С. 40–45.
72. Японцы о японо-американской войне // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 5/7. – С. 74–79.
73. Японцы о японо-американской сухопутной войне // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 8/10 [№ 8]. – С. 55–58.
- 1926**
74. Библиография. С. Судо, майор пехоты. Япония в опасности и новая государственная оборона (Яп. заглавие: *Кокунанрай то синкокуба*). Издание Кёоикю кенкюкай. Токио, 1924 г. // Вестник Маньчжурии. – 1926. – № 1/5 [№ 1/2]. – С. 99–102.
75. Дерзновения: [Проза и стихи]. – Харбин : [Изд. автора], 1926. – [6], 69, [2] с.
76. Из японской экономической печати. Ввоз продовольствия в Японию // Вестник Маньчжурии. – 1926. – № 7. – С. 165–166.
77. Из японской экономической печати. Женский труд в Японии // Вестник Маньчжурии. – 1926. – № 1/5 [№ 1/2]. – С. 102–103.
78. Из японской экономической печати. Неторговый баланс Японии в 1924 г. // Вестник Маньчжурии. – 1926. – № 1/5 [№ 1/2]. – С. 103–104.
79. Из японской экономической печати. Разведение риса в Приморской области японцами // Вестник Маньчжурии. – 1926. – № 1/5 [№ 1/2]. – С. 103.

80. Общественные деятели Японии о русско-японском соглашении // Вестник Маньчжурии. – 1926 – № № 1/5 [№ 1/2]. – С. 24–29.
81. Библиография. Из японской печати. [Японская политика и ее экономические основы (пер. статьи И. Тацикава, «*Тойё Кэйдзай Симпо*»)] // Вестник Маньчжурии. – 1926. – № 1/5 [№ 3/4]. – С. 67–69.
- 1927**
82. Библиография. Классовая борьба в деревне и аграрные конфликты. Журнал «Экономист», 15 марта 1927 г., Токио // Вестник Маньчжурии. – 1927. – № 3. – С. 108–109.
83. Библиография. Оно Такео. Настоящее и будущее аграрного движения (Яп. заглавие: *Но:мин ундо:но гендзэй ойоби сйо:рай*. Изд. *Нихон гакудзюцу фукю:кай*. Цена 1 ен 60 сен. Токио, 1925 г. // Вестник Маньчжурии. – 1927. – № 3. – С. 110.
84. Библиография. Оно Такео. Словарь по аграрной истории Японии (Яп. заглавие: «*Нихон но:минси гои*»). Издание *Кайдзося*. Цена 3 ена 50 сен. Токио, 1926 г. // Вестник Маньчжурии. – 1927. – № 3. – С. 110.
85. Библиография. Очерки аграрного вопроса (Яп. заглавие: *Но : сон мондай кэнкю:*), 1-й номер журнала «*Сякай кагаку* (Общественная наука)» за 1927 г. Изд. *Кайдзося*. Цена 1 ен. 30 сен. Токио, 1927 г. // Вестник Маньчжурии. – 1927. – № 3. – С. 109–110.
- 1928**
86. Вырезки из японских газет и журналов : пособие для студентов яп. отд-ния Вост. фак. Дальневост. гос. ун-та. Ч. I : Текст. – Владивосток : Учеб. изд. Дальневост. гос. ун-та, 1928. – 5 с. ; 42 яп. паг. – На правах рукописи.
- 1929**
87. Очерки морфологии настоящего времени японского глагола. – Владивосток, 1929. – IX+142 с. – (Тр. Дальневост. гос. ун-та ; сер. VI, вып. 4, № 9).
88. Приморский рис – ключ к разрешению продовольственной проблемы в Японии [рецензия] // Зап. Владивосток. отд. Рус. Геогр. О-ва. – 1929. – Т. 2. – С. 113–117. – Рец. на кн.: Такео, К. Очерк дальневосточных концессий. – 1925.
- 1935**
89. Несколько замечаний о японской феодальной литературе и ее переводах : (по поводу книги «Восток», сборник 1. Литература Китая и Японии. Academia, 1935) [рецензия] // Революционный Восток. – М., 1935. – № 6. – С. 102–107. – Рец. на кн.: Восток : сб. 1 : Лит. Китая и Японии / ред. и вступ. ст. Н. И. Конрада. – М. : Изд. «Academia», 1935. – 442 с.
90. [Рецензия] // Литература национальностей СССР. – М., 1935. – № 11. – С. 17–19. – Рец. на кн.: Лейферт, А. А. Словарь наиболее употребительных в современном японском языке иероглифов. – М. ; Л. : Изд. Т-ва иностр. рабочих, 1935. – 308 с., 2 л. табл.
91. [Рецензия] // Литература национальностей СССР. – М., 1935. – № 11. – С. 15–17. – Рец. на кн.: Гуццо, П. А. Учебник японского языка. Ч. 1 / П. А. Гуццо, Г. С. Горбштейн. – М. ; Л. : Изд. Т-ва иностр. рабочих, 1934. – 126 с.

Работы, подготовленные к изданию⁷⁰⁵

92. Авиация в Японии : полный перевод статьи из журнала ХИКО:КАЙ, 1925, № 1 (4 п.л.).
93. Взгляды Рамстеда на сравнение японского и алтайских языков (доклад, прочитанный в Обществе востоковедения).
94. Вопрос об охране здоровья солдат в Японии : полный перевод статьи Йосино из журнала Цюо Корон, 1923, март (на 1 п.л.).
95. Классифицирующая система родства, возрастные классы, общественные дома и брачные обычаи племени пюма на о. Формоза.
96. Окончание настоящего-будущего времени в японском языке и его монголо-турецкие параллели.
97. Происхождение японских числительных, местоимений и некоторых терминов родства.
98. Формы окончания отрицательной основы в связи с происхождением последней.
99. Формы окончания равносильной (неопределенной) формы.
100. Формы окончания утвердительной достоверно-описательной формы, или настоящего-будущего времени (2 п.л.).
101. Японо-русский и русско-японский словарь железнодорожных терминов с приложением словаря товарных наименований (около 4000 терминов).

Информация об авторах статей, составителях библиографических указателей и переводчиках

Виноградова, Дарья Валерьевна – окончила Уральский государственный университет, магистратуру факультета каллиграфии Педагогического университета г. Нара; аспирантка Школы языка и культуры аспирантуры Осацкого государственного университета.

Дыбовский, Александр Сергеевич – окончил ДВГУ, кандидат филологических наук (ИСАА при МГУ); профессор Школы языка и культуры аспирантуры Осацкого государственного университета.

Еланцева, Ольга Павловна – окончила ДВГУ; доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и архивоведения Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

Икута, Митико (生田美智子) – окончила Осацкий государственный университет иностранных языков; доктор лингвокультурологии (言語文化学博士), почетный профессор Осацкого государственного университета; главный редактор журнала «Север».

Йокота-Мураками, Такаюки (ヨコタ村上孝之) – окончил Токийский университет; Ph.D. (Принстонский университет, США); доцент Школы языка и культуры аспирантуры Осацкого государственного университета.

Кожевников, Владимир Васильевич – окончил ДВГУ; кандидат исторических наук; заместитель заведующего Отделом международных отношений и проблем безопасности Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

Куланов, Александр Евгеньевич – окончил военное училище; член правления Межрегиональной ассоциации японоведов России.

Моргун, Зоя Федоровна – окончила ДВГУ; кандидат исторических наук (Институт востоковедения РАН), доцент Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета.

Поликарпова, Татьяна Валерьевна – окончила ДВГУ; главный библиограф Научной библиотеки Дальневосточного федерального университета.

Уэда, Кодзи (植田晃次) – окончил Осацкий университет иностранных языков, аспирантуру Тоямского университета; учился в докторантуре университета «Нагоя»; мастер литературоведения (文学修士); доцент Школы языка и культуры аспирантуры Осацкого государственного университета.

⁷⁰⁵ По архивным источникам.

Фудзимото, Вакио (藤本和貴夫) – окончил Токийский университет; доктор исторических наук (歴史学博士), ректор Осацкого университета экономики и права; Почетный профессор Осацкого государственного университета; Почетный доктор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

Хаматова, Анна Александровна – окончила ДВГУ, кандидат филологических наук, профессор кафедры китаеведения, заместитель директора Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета.

Хисамутдинов, Амир Александрович – окончил ДВГУ, доктор исторических наук (МГИМО), профессор Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

Щепетунина, Марина Вячеславовна – окончила Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, доктор лингвокультурологии (言語文化学博士 Осацкий государственный университет); внештатный лектор Осацкого государственного университета.

Научное издание

ПУТИ РАЗВИТИЯ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ ロシアの極東における東洋学の行方

Сборник статей и библиография
論文集・文献目録

Составитель и ответственный редактор
Дыбовский Александр Сергеевич

Редакторы: *Т. В. Поликарпова, А. Рудяну*
Дизайн и верстка *Е. А. Прудкогляд*

Подписано в печать 20.08.2014
Формат 70x100 / 16. Усл. печ. л. 28,06. Уч.-изд. л. 30,16.
Тираж 100 экз. Заказ

Издательство Дальневосточного университета
690091, г. Владивосток, ул. Фонтанная, 47

Отпечатано в типографии
Дирекции публикационной деятельности ДВФУ
690990, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10